

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PSlav. 236.4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

МАЙ.

1873.

ДѢЛО

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ЗДОРОВЬЕ ПОДРОСТАЮЩИХЪ ПОКОЛВНІЙ. (Ст. первая.) . . . . . А. ИХАЙЛОВА.
- II. ПОГОНЯ ЗА НАЖИВОЙ. Романъ. (Часть вторая. Гл. I—IV) . . . . . Н. В. КАРЗЛНА.
- III. ПОЭТУ. Стихотвореніе . . . . . Я. СТАРОСТИНА.
- IV. СОВРЕМЕННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ПОВОЛЖЬЯ. (Ст. первая.) . . . . . Д. Л. МОРОДОВЦЕВА.
- V. ИЗЪ ГАММЕРЛИНГА. Стихотвореніе.. . . . Я. СТАРОСТИНА.
- VI. НАДЪ ПРОПАСТЬЮ. Романъ. (Окончаніе.) . . . . . Е. ВЕРНЕРА.
- VII. СТАТИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССИИ. (Продолженіе.) . . . . . П. ПУНОВА.
- VIII. * * *. Стихотвореніе . . . . . В. И. СЛАВЯНСКАГО.
- IX. КРЕСТЬЯНСКІЕ ВЫБОРЫ. (Сцены.) (Продолженіе.) . . . . . Н. И. ПУУОВА.
- X. ВЕЗЪ ИСХОДА. Романъ. (Гл. XXXII—XXXIX) . . . . . К. И. СТАНДКОВИЧА.
- XI. ПАРИЖСКОЕ ВРЮХО. («Le ventre de Paris», par Emile Zola. Paris. 1873.) (Гл. I—II) . . . . .
- XII. НАЙДЕНЬШИ. Стихотвореніе. (Изъ Коше.) . . . . . О. Л.
- XIII. ГОРОДСКОЕ УСТРОЙСТВО. . . . . Д. С—О.
- XIV. ВАТРАГЪ. Стихотвореніе . . . . . А. Ш.

Ом. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XV. ТЮРЕМНАЯ РЕФОРМА. (Ст. первая). . . . . П. П.

**XVI. УСЛОВІЯ ПРОГРЕССА ВЪ СФЕРѢ ПОЛОЖИ-
ТЕЛЬНОГО ЗНАНІЯ.** . . . . . Б. П. ОНГЕРСКАГО.

(Histoire des sciences et des savants depuis deux siecles, par A. de-Candolle, Genève, 1873.)

XVII. НОВЫЯ КНИГИ.

Джонъ Брайтъ. Избранныя рѣчи. Съ біографич. очеркомъ и портретомъ автора. Перев. съ англійск. Слб. 1873. — О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Соч. д-ра Жюля Сира. Перев. съ франц. подъ редакц. А. Н. Моригеровскаго. Слб. 1872. — Вопросы питанія: пища, процессы пищеваренія, обработка и сохраненіе съѣстныхъ припасовъ, вредная пища. Соч. С. Летеби. Пер. А. С. Ермолова. Слб. 1873. — Роль воображенія въ развитіи естественныхъ наукъ. Соч. Д. Тиндаля. Перев. Ф. Павленковъ. Вятка. 1873. — Соотношеніе жизненныхъ и физическихъ силъ. Публичная лекція А. Баркера. Перев. Ф. Павленковъ. Вятка. 1873. — Англо-сажсонская сельская община. Соч. И. Сокальскаго. Харьковъ. 1872. — Путевыя впечатлѣнія въ Испаніи, Египтѣ, Аравіи и Индіи. 1869—1872. Соч. К. Скальковскаго. Слб. 1873.

XVIII. КВАРТИРНЫЙ ВОПРОСЪ НА ЗАПАДѢ И У НАСЪ.

(Ст. первая). . . . . П. П.

XIX. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Значеніе послѣднихъ выборовъ во Франціи. — Составъ національнаго собранія по профессіямъ. — Вліяніе численности членовъ собранія на судьбу страны. — Шесть партій національнаго собранія. — Подраздѣленія лѣваго и праваго центровъ. — Центровики, т. е. либералы палаты. — Жюль Фавръ. — Дюфоръ. — Тьеръ, какъ ораторъ. — Несостоятельность бордосскаго договора. — Поведеніе республиканской партіи, въ отношеніи Тьера. — Буря, произведенная президентскимъ посланіемъ 19 ноября. — Вопросъ объ ограниченіи права всеобщей подачи голосовъ. — Министерство изъ лѣваго центра. — Запросъ правой стороны о политикѣ правительства и требованіе новаго кабинета. — Рѣчь Тьера. — Выходъ въ отставку Тьера и его министерства. — Избраніе президентомъ маршала Мак-Магона.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

№ 5. ✓

4261 933
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

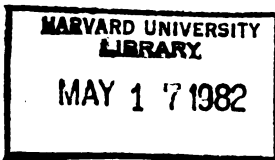
ТИПОГРАФІЯ В. ТИШНОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 89.

1873.

^Δ
P Slav 236.4 $\left(\frac{\text{No. 5}}{1873} \right)$

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 мая, 1873 года.

82* 2

100 1000

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБЪ ИЗДАНИИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„Д Ъ Л О“

въ 1873 году.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ выходить въ 1873 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же направленіи, какъ и въ прежнія шесть лѣтъ.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки . . 14 р. 50 в.
съ пересылкой . . . . . 16 р.
съ дост. въ Петербургѣ . . . 15 р. 50 в.

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Контору Редакціи журнала „ДЪЛО“, по Надеждинской ул. д. № 39; въ Москву, въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева.

Въ случаѣ жалобъ на несвоевременное полученіе книжекъ „Дѣла“, Редакція проситъ покорнѣйше гг. подписчиковъ заявлять таковыя жалобы не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ правилъ отъ Почтоваго вѣдомства, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не приметъ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИГИ.

Зооровье подростующихъ поколѣній. (Ст. первая.)	<i>А. Михайлова.</i>
Погоня за наживой. Романъ. (Часть вторая. Гл. I—IV).	<i>Н. Н. Каразина.</i>
Поэту. Стихотвореніе.	<i>Я. Старостина.</i>
Современное экономическое значеніе Поволжья. (Ст. первая).	<i>Д. Л. Мордовцева.</i>
Изъ Гаммерлинга. Стихотвореніе.	<i>Я. Старостина.</i>
Надъ пропастью. Романъ. (Окончаніе).	<i>Е. Вернера.</i>
Статистическіе очерки Россіи. (Продолженіе).	<i>П. Ніюнова.</i>
* * * Стихотвореніе	<i>В. И. Славянского.</i>
Крестьянскіе выборы. (Спены.) (Продолженіе).	<i>В. И. Наумова.</i>
Безъ исхода. Романъ. (Гл. XXXII—XXXIX). Парижское брюхо. («Le ventre de Paris», par Emile Zola. Paris. 1873. (Гл. I—II)	<i>К. М. Станюковича.</i>
Найденыши. Стихотвореніе. (Изъ Коппе).	<i>О. Л.</i>
Городское устройство.	<i>Д. С—о.</i>
Ватракъ. Стихотвореніе.	<i>А. Ш.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Тюремная реформа. (Ст. первая.)	<i>П. Н.</i>
Условія прогресса въ сферѣ положительнаго знанія	<i>Б. П. Омурскаго.</i>
Новыя книги	
Квартирный вопросъ на Западѣ и у насъ.	<i>Н. Н.</i>
Политическая и общественная хроника.	

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“

(Адресоваться въ Главную контору журнала «ДѢЛО», въ С.-Петербургѣ,
по Надеждинской ул., д. № 37/2.)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“.

Происхожденіе человѣка, Ч. Дарвина. Три выпуска, около 80-ти печатн. листовъ, съ рисунками. Цѣна всѣмъ тремъ выпускамъ 5 р., съ перес. 5 р. 50 к. Каждый выпускъ отдѣльно стоитъ 2 р.

Избранныя Рѣчи, Дж. Вайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Перев. съ англійскаго, подъ редакц. Г. Е. Благосвѣтлова. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Вопросы общественной гигіены, В. Португалова. Около 40-ти печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ пересылкою 3 р. 50 к.

О Питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ, Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французс. подъ редакцію А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Популярная гигіена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Соч. Карла Реклама. Изданіе третье. Съ приложеніемъ *Дѣтской гигіены* д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова: «Внепредѣльность гигіены». Съ рисунками. Цѣна 2 р.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ — не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Съ портретомъ автора и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ двухъ томахъ. Болѣе 60-ти печ. лист. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 50 к.

О подчиненіи женщины, Дж. Ст. Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакцію и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: *Историческіе женскіе типы*. Изданіе второе. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 20 к.

Уровни элементарной физиологии, Томаса Гексли. Изданіе второе. Перев. съ англійскаго; съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Около 100 рисунковъ. Ц. безъ перес. 1 р. Съ пересылкой—1 р. 20 к.

Исторія Крестьянской войны въ Германіи, Д-ра В. Циммермана. Составл. по лѣтописямъ и разсказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три тома, составл. болѣе 70-ти печатн. листовъ. Цѣна тремъ томамъ 2 р.; съ перес. 2 р. 50 к.

Комедія Всемирной исторіи, Юг. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Въ двухъ томахъ. Перев. съ нѣмецкаго. Цѣна обоимъ томамъ 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к. Каждому тому отдѣльно цѣна 2 р.

Записки Военнаго. Беллетристическіе очерки. Разказы и картины изъ военнаго быта Д. Гирса. Ц. 1 р. 60 к. Съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ Земли до Луны — 97 часовъ прямого пути. Жюль Верна. Перев. съ франц. Ц. безъ переплета 50 к.; а въ переплетѣ 1 р. На пересылку—за 1 фунтъ.

Сочиненія Э. М. Толстаго. Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Ц. двумъ томамъ 1 р. 50 к. безъ перес. На пересылку—за 2 фунта.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣч. рода. В. М. Флоринскаго. Ц. 50 коп. безъ перес.; съ перес. 70 к.

Подписчикамъ на журналъ „Дѣло“, равно и книгопродавцамъ, дѣлается уступка 20% съ вышеозначенныхъ цѣнъ.

ЛИПЕЦКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ

Тамбовской губерніи, при грязе-орловской
желѣзной дорогѣ.

СЕЗОНЪ СЪ 20-го МАЯ ПО 1-е СЕНТЯВРЯ.

Ключи щелочно-желѣзистые, сходные, по анализу профессора Трапша, въ отношеніи состава и силы, съ ключами Либенштейна и Пирмонта. Вода липецкихъ источниковъ, употребляемая внутрь и въ видѣ ваннъ, излечиваетъ малокровіе, блѣднокровіе, нервныя страданія, расслабленіе и катарральныя состоянія дыхательныхъ, пищеварительныхъ, мочевыхъ и половыхъ органовъ, болѣзни маточныя, ревматизмъ, болѣзни спинного мозга, дрожанія и параличи разнаго рода, а также ломоту, цингу и золотуху. Въ заведеніи имѣются всѣ искусственныя и натуральныя привозныя минеральныя воды, искусственныя ванны; также лечение холодною водою, молочное, сывороточное и **КУМЫСЪ**, котораго каждое лѣто отпускается болѣе 10,000 бутылокъ.

Рѣдкое мѣстоположеніе, сады, заведеніе минеральныхъ ваннъ, которыя согрѣваются парами, вокзалъ, гостинницы и проч. Воды расположены въ центрѣ города. Директоръ - врачъ водъ Ф. Я. Новицкій.

Свѣденія о цѣнахъ, квартирахъ и проч. можно получать чрезъ контору минеральныхъ водъ въ Липецкѣ.

У КНИГОПРОДАВЦА Н. А. ШИГИНА,

въ С.-Петербурѣ, по Большой Садовой улицѣ, въ домѣ
Пажескаго корпуса, № 5,

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ВЪ ТИХОМЪ ОМУТѢ — БУРЯ.

(Мидльмарчъ.)

Романъ въ восьми книгахъ, *Джоржа Эллиота*. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1873. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.; новымъ подписываемъ на журналъ „Дѣло“ уступается за 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 75 к.

О ЧЕМЪ ПѢЛА ЛАСТОЧКА?

Романъ *Фр. Шиллягена*, и *БѢДНЯКИ*, романъ *Жюль Кларети*. Спб. 1873. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.; новымъ подписываемъ на журналъ „Дѣло“ уступается за 75 к., съ перес. 1 р.

ДОНЪ-ВИХОТЪ ЛАМАНЧСКІЙ.

Соч. *Миуэля Сервантеса Саведры*, въ двухъ частяхъ. Перев. съ испанскаго *В. Карелина*. Изд. второе, съ 27 картинками и портретомъ автора, гравированнымъ на стали. Спб. 1873. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.; въ отличномъ англійскомъ переплетѣ, съ перес. 5 р.

ФОНЪ-ГОГЕНШТЕЙНЫ

(Два поколѣнія.)

Романъ *Фр. Шиллягена*, въ четырехъ частяхъ. Переводъ съ нѣмецкаго *Надежды Дебагорій-Мокріевичъ*. Спб. 1873. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ЗДОРОВЬЕ ПОДРОСТАЮЩИХЪ ПОКОЛѢНІЙ. *)

I.

„Здоровый умъ въ здоровомъ тѣлѣ“. Эта великая истина втѣченіи многихъ вѣковъ повторяется людьми. Никто не спорить о томъ, что она имѣеть глубокое значеніе. А между тѣмъ, люди едва-ли заботятся о чемъ-нибудь менѣе, чѣмъ о своемъ здоровьи, едва-ли они знакомы съ чѣмъ-нибудь болѣе поверхностно, чѣмъ съ тѣми условіями, при которыхъ возможно сохраненіе здоровья. Они удивились-бы, если-бы образованный человѣкъ не зналъ ни одного иностраннаго языка, если-бы онъ не былъ знакомъ съ исторіею, если-бы онъ былъ несвѣдущъ въ географіи, но никто и никогда не удивляется, если образованный человѣкъ не имѣеть никакого понятія о гигіенѣ, если онъ не понимаетъ, что нужно ему дѣлать, чтобы быть здоровымъ. Конечно, нечего удивляться, что масса, темная и невѣжественная масса, отравляетъ себя хлѣбомъ, сдѣланнымъ изъ коры, кислую капустою, сырнымъ лукомъ съ квасомъ, вонючею сивухою, одуряющею мохоркою и тому по-

---

*) *D. J. Jacobi*: Gesammelte Schriften und Reden. 1872.—Deutsche Vierteljahrsschrift fuer oeffentliche Gesundheitspflege I. B. 4 H. 1869.—Ueber die Pflege der koerperlichen und geistigen Gesundheit des Schulkindes, von *d. Bock*. 1871.—Die Schulbankfrage, von *D. Schiildbach*. 1872.—Die sanitaits-polizeiliche Ueberwachung hoeherer und niederer Schulen von *D. F. Falk*. 1871.—Das Schulhaus, von *Zweez*. 1870.—Beziehung der Luft zu Kleidung. *D. Pettenkofer*. 1872.—Untersuchung der Augen von 10060 Schulkindern, von *L. H. Cohn*. 1867.—Die Gesundheitspflege in den Schulen, von *Guillaume*. 1865.—Schul-Diaetetik, von *D. Ciencke*. 1871.—Вліяніе школъ на здоровье, *Вурхова*. 1870.—Труды и протоколы общества врачей въ Казани за 1871 годъ.—*Эрисманъ*: Вліяніе школъ на происхожденіе близорукости. 1870 г. и т. п.

добными прелестями, — эта масса находитъ себѣ оправданіе въ своемъ невѣжествѣ и въ своей нищетѣ. Нечего удивляться, что разгульная и праздная молодежь губить свое здоровье среди изношенныхъ развратницъ, среди оргій, разстраивая желудокъ устрицами, шампанскимъ, омарами, убивая свои силы въ танцахъ на ночныхъ душныхъ балахъ и маскарадахъ, — эта часть общества находитъ себѣ оправданіе въ своей испорченности и въ своемъ недомыслии и едва-ли стоитъ жалѣть о томъ, что ея члены сойдутъ раньше въ могилу, чѣмъ-бы слѣдовало. Нечего удивляться, что несчастная мать сдавливаетъ организмъ ребенка пеленками, что она вредитъ дитяти усиленнымъ качаніемъ, что она окармлиываетъ малютку сладостями, что она дѣлаетъ ребенка хилымъ, кутая его и постоянно держа его въ комнатѣ, — эта бѣдная мать плохо образована, не приучена къ мышленію и мы съ полнымъ сочувствіемъ смотримъ на нее, когда она рыдаетъ надъ трупомъ малютки, убитаго ея неумѣльнымъ уходомъ за нимъ. Но нельзя не удивляться, нельзя не негодовать, когда цѣлыя корпораціи людей, призванныхъ по самому своему положенію въ обществѣ быть охранителями тѣлеснаго и умственнаго развитія цѣлыхъ поколѣній, не только не знаютъ всѣхъ тѣхъ условій, которыя необходимы для сохраненія здоровья человѣка, но даже не хотятъ знать этихъ условій, идутъ сознательно наперекоръ этимъ условіямъ. Въ этихъ случаяхъ не знаешь, чему болѣе удивляться: упрямости тупости людей или ихъ безсердечной жестокости. Именно такимъ образомъ поступали до сихъ поръ западно-европейскіе педагоги. Они шли въ разрѣзъ со всѣми требованіями гигиены; они упорно игнорировали требованія этой науки; они старались дѣлать именно то, что порицала она. Эта тупая вражда къ гигиенѣ стоила жизни многимъ и многимъ милліонамъ людей, страдавшимъ уже и безъ того нераціональнымъ и бессмысленнымъ устройствомъ ихъ домашней жизни. Къ несчастію, эта вражда начинаетъ ослабѣвать только теперь. Только теперь слышатся голоса о необходимости полнѣйшей солидарности обѣихъ наукъ — педагогики и медицины. А сколько-бы было сдѣлано для пользы человѣчества, если-бы это сознаніе пробудилось ранѣе!

Вотъ что говоритъ докторъ Якоби о связи педагогики и гигиены: „Между всѣми науками есть одна общая связь; ихъ разъединеніе есть только слѣдствіе человѣческой ограничен-

ности. Вслѣдствіе этого чѣмъ основательнѣе развивается ка-кая-нибудь отдѣльная наука, чѣмъ болѣе расширяется ея объ-емъ, тѣмъ яснѣе всплываетъ наружу ея внутреннее родство со всѣми другими отраслями знанія. Представители различныхъ от-раслей знанія встрѣчаются въ этомъ случаѣ совершенно нежи-данно на одной и той-же почвѣ, обвиняютъ другъ друга въ за-хватѣ чужихъ владѣній и стараются въ борьбѣ заставить ува-жать свои права. Но споръ о границахъ приводитъ, наконецъ, партіи къ сознанію общаго происхожденія ихъ знаній, отъ одно-сторонности обѣ партіи снова переходятъ къ единству и, въ кон-цѣ концовъ, пожинаютъ золотые плоды побѣды. Такъ, въ по-слѣднія десять лѣтъ,—это было писано въ 1836 году,—мы пе-реживали ожесточенную распрю юристовъ и врачей: свободная воля и вмѣняемость были спорнымъ пунктомъ, на который каж-дая сторона предъявляла свое исключительное право. Хотя миръ, несмотря на вмѣшательство философовъ, кажется отдаленнымъ, но все-же теперь наступило перемиріе, которое тѣперь можетъ быть употреблено для разсмотрѣнія завоеванной добычи. Но едва успѣла медицина отдохнуть отъ этой борьбы, какъ ей угрожаетъ новая, не менѣе опасная война. Въ настоящемъ случаѣ врагами врачей являются педагоги. А такъ какъ дѣло идетъ не болѣе, не менѣе, какъ о будущемъ воспитаніи юношества, то, конечно, каждый долженъ принять если не активное, то, по крайней мѣрѣ, живое участіе въ этой борьбѣ. Прежде всего попробуемъ указать на положеніе обѣихъ партій. Педагогика и медицина,—если не считать ихъ просто эмпирическими науками,—имѣютъ одно общее основаніе. Обѣ исходятъ изъ познанія, согласнаго съ природой развитія человѣка, изъ разсмотрѣнія постепеннаго развитія въ человѣкѣ умственныхъ и физическихъ задатковъ. Возможность извѣй повліять на ходъ человѣческаго развитія обуславливаетъ практическую важность этихъ знаній или ихъ примѣнимость къ жизни. Но способъ примѣненія тѣхъ или другихъ средствъ, обуславливаемыхъ извѣстною цѣлью, находящеюся передъ нашими глазами, является различнымъ у докторовъ и у педагоговъ. Въ этомъ-то различіи и должны мы искать границу между этими обѣими отраслями знанія. Медицина пользуется своими знаніями частью для избѣжанія, частью для устраненія всѣхъ встрѣчаю-щихся препятствій, мѣшающихъ нормальному развитію: цѣль ея

стремленій — тѣлесное и умственное здоровье человѣка. Педагогика же употребляетъ свои познанія на то, чтобы довести до возможно полной зрѣлости умственные и физическіе задатки ребенка: ея задача — гармоническое, пригодное къ жизни развитіе. Тогда какъ послѣдняя старается вызвать при помощи упражненій и примѣровъ развитіе своего воспитанника, — первая старается отклонить отъ него всякое препятствіе. Такимъ образомъ, для обѣихъ выгодно дружеское, разумное взаимодействіе. Таковы должны быть отношенія врачей и воспитателей, но совсѣмъ иное встрѣчается въ дѣйствительности. Врачъ, по большей части не обращая вниманія на умственную жизнь человѣка, почти всегда беретъ въ расчетъ только физическую сторону, да и здѣсь его дѣятельность проявляется только тогда, когда чувствуется необходимость устранить уже появившееся препятствіе, то есть болѣзнь. Воспитатель, съ своей стороны, заботится исключительно объ умственномъ развитіи; тѣло воспитанника предоставляется само себѣ, если оно только не находится въ рукахъ врача по случаю болѣзни. Каковы-же послѣдствія этой односторонности? Наказаніе за пренебреженіе къ органическимъ законамъ развитія, къ сожалѣнію, высказывается очень ярко. Платонъ, считая синонимами ученіе и исцѣленіе и называя обученіе напоминаемъ, ясно указывалъ этимъ на то, что истинное преподаваніе состоитъ просто въ побужденіи ученика къ самодѣятельности. Создать что-нибудь въ человѣкѣ воспитатель не можетъ; вслѣдствіе этого, при одномъ предложеніи умственной пищи пріобрѣтается очень немного, покуда ученикъ не переработаетъ самостоятельно и не превратитъ въ плоть и кровь предложеннаго ему. Но какъ можетъ въ этомъ убѣдиться педагогъ, когда ему приходится въ одно и то-же время имѣть дѣло съ 50-тью, 60-тью учениками? Онъ этого не можетъ сдѣлать, да отъ него и не требуютъ этого. Большинство родителей хлопочетъ только объ экзаменѣ; и кто скорѣе приготовляетъ къ экзамену, тотъ и лучший учитель. Вслѣдствіе этого учитель долженъ хвататься за универсальное средство и прежде всего изъ всѣхъ душевныхъ способностей ученика обращать вниманіе на его память. Такимъ образомъ, вмѣсто настоящей педагогики является искусственная дрессировка и ея произведенія — переполненные зазубренными познаніями ученые, которые, являясь безконечно учеными и безконечно глупыми, ока-

зываются неспособными ни къ какой практической дѣятельности. Еще недавно одинъ купецъ говорилъ мнѣ: „я предназначилъ отдать своего сына въ студенты, такъ какъ у него очень ограниченныя умственныя способности, ну, а тамъ нужны только хорошее прилежаніе да хорошая память“. Отлично характеризовалъ этотъ недостатокъ нашего воспитанія Вегелинъ. „Нѣтъ ничего вреднѣе, говоритъ онъ,—и ничто не задерживаетъ такъ успѣхи человѣка въ практической жизни, какъ представленіе о вещахъ, основанное только на вещахъ; умъ, заваленный массою плохо приведенныхъ въ порядокъ фактовъ, перемѣшавъ ихъ между собою, ставитъ непроходимую стѣну между названіями вещей и самими вещами, между словами и ихъ значеніемъ, между правилами и ихъ хорошимъ примѣненіемъ“. Память слишкомъ часто служитъ покровомъ невѣжества; ея одностороннія усилія производятъ ту мнимую ученость, которая, конечно, удовлетворяетъ требованіямъ экзаменаторовъ въ данную минуту, но которая уже никакъ не выполняетъ задачи школы: давать общее образованіе, пригодное для будущей дѣятельности. Не слѣдуетъ уменьшать и грѣховъ медицины по отношенію ея къ педагогіей. Въ то время, какъ врачи, занятые своими леченіями, очень мало заботились объ умственномъ развитіи юношества, школа совершенно ускользнула изъ круга ихъ дѣятельности и эманципировалась отъ всякаго вліянія врачей. Медицинская школьная полиція—это пустое названіе, которое красуется только ради приличія въ нѣмецкихъ руководствахъ государственной медицины; для жизни-же она потеряла всякое значеніе. „Если человѣчскій родъ, говоритъ Декартъ, — способенъ къ совершенствованію, то, конечно, средство къ этому мы должны искать прежде всего въ медицинѣ“. Но что-же сдѣлали дѣти медицины со времени Декарта, чтобы оправдать его ожиданія? Они, обладая знаніемъ органическихъ законовъ развитія, не подали педагогамъ руки помощи; они не позаботились достигъ того, чтобы выросло сильное, здоровое душею и тѣломъ поколѣніе; нѣтъ, они ограничивались писаніемъ рецептовъ и устраненіемъ зла въ отдѣльныхъ случаяхъ, которое могло бы устраниться только при болѣе широкихъ размѣрахъ ихъ дѣятельности. Полнѣйшее пренебреженіе тѣлеснымъ развитіемъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, поверхностность умственной культуры, все увеличивающаяся слабость и болѣзненность современнаго поколѣнія

вытекаютъ по большей части изъ этого источника, и если зло еще не развилось въ гораздо большей степени, то этимъ мы обязаны скорѣе случаю, чѣмъ нашей собственной дѣятельности. Греки, лучше понимавшіе взаимодѣйствіе тѣла и ума, ожидали выгоду для государственной и частной жизни только отъ гармоническаго развитія обѣихъ этихъ сторонъ. Умственная дѣятельность человѣка зависитъ отъ жизненныхъ процессовъ, происходящихъ въ нервной системѣ, но нервъ черпаетъ изъ крови жизненное вещество и жизненную силу, кровь-же, въ свою очередь, можетъ сохранять свой нормальный составъ только при помощи цѣлесообразныхъ тѣлесныхъ упражненій и пищи. Потому-то гимнастика стояла у древнихъ грековъ очень высоко; она признавалась важною отраслью воспитанія, по словамъ Платона, „не потому, что она доставляла юношамъ большую тѣлесную силу, но потому, что она давала мужество душѣ, такъ какъ гимнастика и музыка воспитуютъ и возвышаютъ душу“. Само государство заботилось объ этомъ, назначало учителей и старалось вездѣ поощреніями и наградами возбудить соревнованіе юношей. Но искусство тѣлесныхъ упражненій мало по малу пришло въ пренебреженіе и исчезло съ паденіемъ греческаго образованія. Искусство гимнастовъ и рыцарскіе турниры среднихъ вѣковъ не вознаграждали за потерю: частью они простирались только на незначительную часть народа, частью-же были направлены больше къ развитію ни на что не годныхъ атлетовъ, чѣмъ на тѣлесное воспитаніе, имѣющее цѣлью сохраненіе здоровья“. Во время возрожденія наукъ ученія древняго міра получили снова вліяніе; но педагогика не могла извлечь изъ этого много пользы, такъ какъ воспитаніе юношества было исключительнымъ правомъ католическихъ монаховъ. Отъ этихъ послѣднихъ перешли въ наслѣдство нашимъ школамъ пренебреженіе гимнастикой и культура ума, основанная на сухомъ изученіи языковъ. Хотя нѣкоторые вліятельные люди въ родѣ Рейля, Фихте и Изелина и высказывались очень энергично на счетъ необходимости реформы, хотя и были сдѣланы нѣкоторыя попытки для основанія заведеній, имѣющихъ въ виду и тѣлесное развитіе, но это благое дѣло не могло процвѣтать, куда оно было предоставлено волѣ родителей, эти попытки потерпѣли фiasco. Между тѣмъ, врачи, общественные дѣятели и школьные учителя все сильнѣе и чаще высказывали жалобы на тѣлесную и умствен-

ную негодность подростовъ поколѣній; хотя это явленіе зависѣло и отъ другихъ причинъ, то все-же со всѣхъ сторонъ замѣчалось стремленіе приписать его отчасти и школѣ, которая получала тѣмъ больше значенія, чѣмъ сильнѣе склонялся духъ времени къ заботамъ о народномъ образованіи. Но иногда достаточно самого незначительнаго толчка для того, чтобы кака-нибудь разъ возникнувшая новая идея получила эпидемическое значеніе; въ такія эпохи достаточно одного слова и завтра-же будетъ исполнено то, чего тщетно желали люди втеченіи долгихъ лѣтъ“.

Такъ случилось и съ идеею о недостаткахъ современнаго воспитанія дѣтей, когда въ одной изъ нѣмецкихъ медицинскихъ газетъ въ 1836 году появилась статья Лоринзера, стремившаяся показать, что существующее устройство прусскихъ школъ затрудняетъ нормальное физическое развитіе юношества и является одною изъ главныхъ причинъ общаго упадка здоровья. Лоринзеръ требовалъ уменьшенія предметовъ обученія, числа учебныхъ часовъ и домашнихъ занятій, а также рекомендовалъ ввести побольше тѣлесныхъ упражненій. До сихъ поръ подобныя совѣты оставались безъ вниманія, но въ данное время общество было такъ настроено, что не могло не заинтересоваться этимъ вопросомъ. Обратили на него вниманіе и власти, приказавъ разослать отдѣльные оттиски статьи Лоринзера педагогамъ и рекомендуя послѣднимъ принять въ соображеніе мнѣнія автора статьи. Повидимому, нужно было ожидать, что педагоги съ благодарностью отнесутся къ совѣтамъ врача. Задача ихъ дѣятельности сводится къ умственному развитію подростовъ поколѣній, но такъ какъ умственное развитіе вполнѣ зависитъ отъ тѣлеснаго, то они не могли пренебрегать доказательствами врача, говорящаго, что при существующемъ порядкѣ образованія убиваются тѣлесныя силы подростоваго поколѣнія, а значить, убиваются и умственные его силы. Пренебрегать этимъ—это значило идти какъ разъ въ обратную сторону отъ своей цѣли. А между тѣмъ, именно такъ и случилось: нѣмецкіе педагоги обидѣлись, что „улучшеніе школъ вызывается лицами, стоящими внѣ педагогическаго міра“ и ради мелкаго и пошлаго самолюбія готовы были лучше погубить тысячи дѣтей, чѣмъ послушаться разумныхъ совѣтовъ.

Со всѣхъ сторонъ посыпались нападенія на Лоринзера и дру-

гихъ врачей, поддерживавшихъ его мнѣніе. Серьезныхъ опроверженій мнѣнія Лоринзера не встрѣтили со стороны педагоговъ; представленныя имъ на судъ публики факты не были опровергнуты другими противоположными фактами. Это обстоятельство ясно указывало на бессиліе педагоговъ въ этомъ спорѣ. Еще яснѣе высказывалось это бессиліе въ томъ, что нѣкоторые изъ педагоговъ стали инсинуировать на врачей въ своихъ полемическихъ статьяхъ. Инсинуація нерѣдко бываетъ тою послѣднею соломинкою, за которую хватается въ полемикѣ неправая партія. Видя, что ея гибель неизбѣжна, что ей трудно доказать свою правоту обыкновеннымъ логическимъ путемъ, она думаетъ, не явится-ли вслѣдствіе ея инструкціи къ ней на память, откуда-нибудь со стороны, какой-нибудь „deus ex machina“. Въ нападеніяхъ педагоговъ слышались фразы, что „все это утопіи и теоріи людей, которые ищутъ зло даже тамъ, гдѣ его нѣтъ“, что „все это слѣдствія материализма (sic!), воображающаго, что тѣло господствуетъ надъ духомъ, а не наоборотъ“, что, наконецъ, „все это распространяетъ въ обществѣ вредныя идеи и недовольство“. Насколько тутъ было недобросовѣстности и тупоумія — это все ясно само собою. Можно-ли было называть утопіями и теоріями простыя доказательства, приобретенныя опытомъ и подтверждавшіяся цифрами? Можно-ли было упрекать въ материализмѣ тѣхъ, кто говорилъ, что, убивъ тѣло ребенка, мы не можемъ сохранить для жизни его духъ? Можно-ли было толковать о вредности идей, которыя стремились сохранить родителямъ здоровыхъ дѣтей и уменьшить случаи заучившихся въ школѣ до смерти учениковъ? Нѣмецкіе педагоги не могли не понимать этого, но они желали отстоять свои мертвящія системы преподаванія, свои никому не нужные сухіе филологическіе уроки, свою монастырски неподвижную, убивающую дисциплину и своихъ заморенныхъ, безответныхъ учениковъ. Вслѣдствіе этого всѣ усилія врачей были напрасны: нѣмецкіе педагоги стояли на своемъ и говорили: „лучше дѣти умираютъ, чѣмъ расти безъ тѣхъ знаній, которыя мы считаемъ необходимыми“. Это была не простая борьба за идеи, нѣтъ, это была борьба за существованіе. Вотъ почему она велась съ такимъ ожесточеніемъ. Нѣмецкимъ педагогамъ удалось надолго отстоять за собою право обучать дѣтей безчисленному

множеству ненужныхъ вещей, въ ущербъ обученію предметамъ первой необходимости.

Но это обстоятельство не могло убить разъ возникшей идеи о вредномъ вліяніи существующаго устройства нѣмецкихъ школъ на здоровье дѣтей. Эта идея разрабатывалась и развивалась все сильнѣе и сильнѣе и, наконецъ, въ настоящее время стала одною изъ безспорныхъ истинъ, передъ которою должны были, наконецъ, преклониться и сами педагоги.

II.

И могла-ли заглухнуть безслѣдно эта идея, когда въ ней ясно слышалось каждому отцу, каждой матери, и мнѣ, и вамъ: „вы отдаете въ школу своихъ любимыхъ дѣтей, чтобы они выросли умными и развитыми, добрыми и честными, здоровыми и сильными; но, берегитесь, школа сдѣлаетъ ихъ блѣдными, хилыми и слабыми тѣломъ, а въ больномъ тѣлѣ развивается большой духъ; ваши дѣти вернутся къ вамъ болѣзненными физически и приниженными морально существами; ихъ характеры сдѣлаются раздражительными и сухими, ихъ умъ будетъ тупымъ, ихъ сердце будетъ черствымъ“. Могли-ли отцы и матери хладнокровно слушать эти слова? Если-бы они могли оставаться при этомъ спокойными, то они не заслуживали-бы святыхъ именъ отцовъ и матерей. Но они могли думать, что ихъ запугиваютъ безъ всякаго основанія? Да, они могли-бы это думать, если-бы эти слова были пустыми фразами, если-бы эти слова не имѣли за собою подерѣпляющихъ ихъ справедливость неотразимыхъ фактовъ, статистическихъ цифръ. Къ счастью, эти факты были изслѣдованы, эти цифры были собраны и сомнѣваться было невозможно: зло было доказано и на каждого честнаго человѣка возлагалась обязанность бороться съ этимъ зломъ, хотя-бы его поддерживали тысячи тысячъ эгоистическихъ, филистерствующихъ педагоговъ.

Прежде всего обратимся къ результатамъ, полученнымъ отъ изслѣдованія глазныхъ болѣзней дѣтей въ школахъ. Первый опытъ дать вѣсь научной истинѣ прежде только принятому на вѣру вліянію школъ на развитіе близорукости, по словамъ Вирхова и Кона, былъ сдѣланъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія —

въ 1812 г.—англичаниномъ Уеромъ. Его примѣру послѣдовали въ разныхъ странахъ континента, а особенно въ Германіи, но изслѣдованія эти, производимыя частью по порученію правительства, частью частными лицами, отличались отсутствіемъ какого-бы то ни было метода и непослѣдовательностью. Таковы были изслѣдованія Шюрмейера въ великомъ герцогствѣ Баденѣ, по которымъ оказалось, что изъ 2,172 учениковъ изъ 15 учебныхъ заведеній 392 ученика, т. е. $\frac{1}{5}$ часть, были близоруки. Изъ 930 учениковъ высшихъ бургерскихъ училищъ оказалось 46 близорукихъ, т. е. $\frac{1}{20}$ часть. Въ 5 и 6 классахъ гимназій и лицеевъ былъ самый невыгодный процентъ близорукихъ, которые составляли $\frac{1}{4}$ и даже $\frac{1}{2}$ часть всего числа учениковъ. Сокальскій изслѣдовалъ глаза учениковъ въ Парижѣ и пришелъ къ тѣмъ результатамъ, что изъ 807 учениковъ гимназій Карла Великаго насчитывалось 89 близорукихъ, т. е. почти одинъ близорукій на 9 учениковъ; среди 170 учениковъ гимназій Людовика Великаго было 25 близорукихъ, т. е. 1 на 7 человекъ, тогда какъ среди 6,300 человекъ учениковъ элементарныхъ школъ 5 и 7 округовъ Парижа не было ни одного близорукаго. Далѣе были сдѣланы изслѣдованія Егеромъ въ Вѣнѣ, Рютомъ въ Лейпцигѣ и т. д. Но важнѣе всѣхъ этихъ изслѣдованій были труды доктора Германа Кона въ Бреславлѣ. Онъ производилъ свои обширные опыты въ 1865 году сначала надъ 7,568 учениками, потомъ надъ 10,060 учениками, и эти опыты могутъ быть признаны рѣшительными по точности наблюдений, хотя самый методъ наблюдений и оставляетъ желать еще многого. „Конъ, говоритъ Вирховъ, положилъ въ основаніе своего большого сочиненія наблюденія, произведенныя имъ надъ учениками 5 сельскихъ училищъ въ Лангенбилау, 20 элементарныхъ школъ, 2 высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, 2 реальныхъ училищъ и 2 гимназій въ Бреславлѣ. Изъ 10,060 учениковъ 6,059 были имъ самимъ изслѣдованы, остальныхъ, по его предписанію, испытывали учителя. Недавно Конъ подвергъ подробному наблюденію 410 бреславльскихъ студентовъ по отношенію къ состоянію ихъ глазъ. Въ то-же самое время обратили должное вниманіе на возрастъ, на время занятій, на устройство и обстановку школъ, опредѣлили отношеніе глазныхъ болѣзней ко всѣмъ этимъ разнообразнымъ условіямъ и, вслѣдствіе такого образа дѣйствія, при-

обрѣли такое прочное основаніе для дальнѣйшихъ научныхъ опытовъ, какого, кажется, нельзя было-бы встрѣтить въ другой отрасли науки. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ опытовъ оказалось, что изъ 10,060 учениковъ 17,1% не имѣли нормальнаго зрѣнія, но послѣднее число распредѣлялось не равномерно, а слѣдующимъ образомъ:

Въ сельскихъ училищахъ	5,2%
„ городскихъ элементарныхъ школахъ . . .	14,7
„ среднихъ учебныхъ заведенійхъ	19,2
„ высшихъ женскихъ учебныхъ заведенійхъ.	21,9
„ реальныхъ школахъ.	24,1
„ гимназіяхъ	31,7

Изъ 410 студентовъ у 68% зрѣніе не было развито нормально. Если-же не считать глазныя болѣзни въ тѣсномъ смыслѣ слова и разсматривать только собственно близорукость, то и тогда приходимъ къ печальному результату, что изъ всего числа дѣтей почти 10% были близорукими и распредѣлялись такимъ образомъ:

Въ сельскихъ школахъ	1,4%	} Вообщѣ въ городскихъ школахъ 11,4%
„ городскихъ элементарныхъ школахъ . . .	6,7	
„ высшихъ женскихъ школахъ.	7,7	
„ среднихъ учебныхъ заведенійхъ	10,3	
„ реальныхъ школахъ	19,7	
„ гимназіяхъ	26,2	
Студентовъ	60,0	

Здѣсь, какъ можно замѣтить, цифры постепенно возвышаются, но это обстоятельство еще замѣтнѣе въ исчисленіи классовъ отдѣльныхъ школъ, хотѣ-бы, напримѣръ, городскихъ элементарныхъ школъ и гимназій:

	VI.	V.	IV.	III.	II.	I.
Элемент. школы			2,9	4,1	9,8	9,8
Гимназіи	12,5	18,2	23,7	31,0	41,3	55,8

Поэтому нельзя опровергать неблагоприятное сужденіе Кона, тѣмъ болѣе, что изъ помѣщенной имъ въ концѣ книги обширной таблицы видно, что съ классами повышается не только число близорукыхъ, но и самая степень близорукости усиливается. Одни женскія и среднія учебныя заведенія составляютъ исключеніе въ послѣднемъ случаѣ. Такимъ образомъ близорукость вообще про-

грессивна и можетъ превратиться въ дѣйствительную слабость зрѣнія. Конечные результаты неутомимыхъ трудовъ Коноа были слѣдующіе: 1) нѣтъ ни одной школы безъ близорукихъ учениковъ; 2) въ сельскихъ школахъ число близорукихъ невелико; 3) въ городскихъ школахъ число близорукихъ въ восемь разъ больше, чѣмъ въ сельскихъ; 4) въ городскихъ элементарныхъ школахъ число близорукихъ въ 4 и 5 разъ больше, чѣмъ въ сельскихъ; 5) въ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ число близорукихъ больше, чѣмъ въ элементарныхъ; 6) въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ близорукихъ болѣе $\frac{1}{10}$ части, въ реальныхъ школахъ почти $\frac{1}{3}$ части, въ гимназіяхъ болѣе $\frac{1}{4}$ части всего числа учениковъ; 7) въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ нѣтъ ни одного класса безъ близорукихъ; 8) въ среднемъ выводѣ во всѣхъ школахъ въ высшихъ классахъ болѣе близорукихъ, чѣмъ въ низшихъ; въ реальныхъ школахъ, напримѣръ, близорукіе составляютъ $\frac{1}{2}$ всего числа учениковъ перваго класса, а въ гимназіяхъ болѣе половины; 9) число близорукихъ мальчиковъ даетъ почти двойной процентъ противъ числа близорукихъ дѣвочекъ; 10) среди городскихъ дѣтей среднимъ числомъ въ 8 разъ болѣе близорукихъ, чѣмъ среди деревенскихъ дѣтей; 11) во всѣхъ школахъ число близорукихъ увеличивается согласно съ возрастомъ; 12) несомнѣнно, что въ реальныхъ школахъ и гимназіяхъ увеличивается въ каждомъ высшемъ классѣ степень близорукости.

Докторъ Коноа справедливо защищается отъ могущаго пасть на него обвиненія, будто онъ приписываетъ исключительно школамъ чрезмѣрное распространеніе близорукости между дѣтьми. По-видимому, и внѣ школы, даже въ родительскомъ доми, вліяютъ многія неблагопріятныя обстоятельства. Чтобъ подтвердить эту мысль фактами, нужно было-бы обратиться въ другіе классы общества, напр., къ кругу подмастерьевъ и провести для наблюдений параллели между извѣстными возрастными послѣднихъ и соотвѣтствующими классами школь. Пока еще нѣтъ такихъ сравнительныхъ обзорѣній. Тѣмъ не менѣе можно съ полной увѣренностью сказать, что молодые люди тѣхъ-же лѣтъ, какъ и ученики 1 класса въ гимназіяхъ, не представляютъ средняго числа отъ 55 до 56% близорукихъ, а равные по лѣтамъ студентамъ не даютъ 60%. И если даже принять, что дурное обращеніе, стѣс-

неніе въ чемъ нибудь, мелкій почеркъ, согбенное положеніе тѣла и прочія неблагопріятныя обстоятельства встрѣчаются и при домашнихъ работахъ и такъ-же дурно вліяютъ на здоровье, то все-таки нужно сдѣлать оговорку, что многія изъ этихъ привычекъ принесены въ домъ изъ школы, и что школа не принимаетъ должныхъ мѣръ для предотвращенія и искорененія дурныхъ привычекъ въ этомъ отношеніи, но что она, напротивъ, нѣкоторымъ образомъ способствуетъ ихъ развитію.

Таковы результаты, полученные докторомъ Кономъ. Въ нихъ, несмотря на всю добросовѣстность Кона, многое упущено изъ виду, многое не совсѣмъ точно, какъ, напримѣръ, замѣчаніе о преобладаніи близорукости среди мальчиковъ, а не среди дѣвочекъ,—это не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ самыя сильныя степени близорукости встрѣчаются чаще у дѣвицъ, чѣмъ у молодыхъ людей. Но, несмотря на всѣ, отчасти невольныя, недостатки труда Кона, этотъ трудъ даетъ намъ очень прискорбныя результаты уже относительно одной близорукости, даже если мы оставимъ въ сторонѣ всѣ другія болѣзни глазъ, вызываемыя школой. Но вы, читатель, быть можетъ, спросите: развѣ близорукость болѣзнь? Развѣ она опасна? Да, это болѣзнь и опасная болѣзнь. „Прогрессивная близорукость, говоритъ Дондерсъ, — есть настоящая болѣзнь глазъ. Я безъ всякаго колебанія утверждаю, что близорукій глазъ—больной глазъ. Высшія степени близорукости даютъ менѣе надеждъ на ихъ неизмѣнное состояніе, чѣмъ низшія; онѣ развиваются далѣе, даже въ старости. Въ юности-же почти каждая степень близорукости можетъ быть прогрессивной. Этотъ возрастъ является критическимъ возрастомъ для близорукаго глаза: если близорукость въ это время не усиливается, то она можетъ остаться и въ будущемъ неизмѣнной, если-же она станетъ усиливаться въ это время, то трудно сказать, до какихъ границъ она дойдетъ въ будущемъ. Вслѣдствіе этого въ этомъ періодѣ должны быть заботливо устранены всѣ вредныя для глазъ вліянія. Объ этомъ нужно очень и очень серьезно подумать. Каждая прогрессивная близорукость заставляеть задуматься о будущемъ, потому что, оставаясь прогрессивной, она можетъ сдѣлать глазъ болѣе слабымъ и, въ концѣ концовъ, совершенно лишить человѣка зрѣнія“. Итакъ, особенно опасна прогрессивная близорукость. А между тѣмъ, въ школахъ-то и развивается преимущественно

прогрессивная близорукость, какъ это доказываетъ докторъ Эрисманъ.

Исслѣдованіе г. Эрисмана является не только однимъ изъ самыхъ добросовѣстныхъ трудовъ, какіе намъ пришлось просматривать по этому вопросу, но и отличается особенностью научнаго приѣма. Этотъ ученый изслѣдовалъ не просто близорукость, но различныя ея степени, имѣя въ виду ту важность, которую представляетъ именно прогрессивная близорукость. Мы не можемъ указать здѣсь на всѣ подробности его труда, на всѣ отличія его отъ предшествовавшихъ ему трудовъ, такъ какъ это завело-бы насъ слишкомъ далеко. Здѣсь, встаетъ, мы можемъ только замѣтить, что было-бы желательнo, чтобы изслѣдованія производились втеченіи цѣлаго курса ученія, а не въ одинъ какой-нибудь моментъ, такъ какъ только подобное изслѣдованіе дастъ право на окончательный выводъ о вліяніи школы на близорукость, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ докторъ Адамюкъ. Но такъ какъ подобныхъ изслѣдованій еще не имѣется, то трудъ доктора Эрисмана и остается однимъ изъ лучшихъ трудовъ по этой части. Эти наблюденія дѣлались въ Петербургѣ и нужно сказать къ чести нашихъ училищъ, что они открыли двери наблюдателю и не поступили съ нимъ такъ, какъ поступили года два тому назадъ берлинскія училища съ Фридрихомъ Фалькомъ, которому одинъ изъ педагоговъ не дозволилъ осмотрѣть училища даже въ отсутствіи учениковъ! Осматривая петербургскія училища, докторъ Эрисманъ пришелъ къ тому заключенію, что вообще съ увеличеніемъ числа учебныхъ лѣтъ уменьшается число слабо-близорукихъ и соотвѣтственно увеличивается число сильно-близорукихъ. Одно изъ важныхъ болѣзненныхъ явленій, встрѣчающихся у близорукихъ,—это функціональное разстройство внутреннихъ прямыхъ мышцъ глаза. При усиленной работѣ внутреннихъ прямыхъ мышцъ, при близорукости, сила ихъ несоотвѣтственно возрастаетъ или даже остается прежнею, причеиъ необходимы чрезмѣрныя мышечныя усилія для полученія той степени сведенія зрительныхъ осей, которая прежде легко могла сохраняться втеченіи цѣлыхъ часовъ; за чрезмѣрнымъ напряженіемъ слѣдуетъ утомленіе, мышцы почти не въ состояніи производить свою работу, которая, между тѣмъ, необходима для обоюглазнаго зрѣнія и отъ которой онѣ иногда нѣсколько устаютъ, а потомъ онѣ снова судорожно

собращаются, вслѣдствіе чего у больного во время чтенія буквы и строки прыгаютъ передъ глазами; онъ видитъ иногда неясно, двойственно и чувствуетъ болѣе или менѣе сильную боль, какъ-бы давленіе на глазные шары, а также боль около переносья. Эти явленія вынуждаютъ близорукаго оставлять его занятія, но по истеченіи нѣкотораго времени мышцы успѣваютъ отдохнуть и собраться съ новыми силами, снова легко происходитъ необходимое для занятій сведеніе зрительныхъ осей, но скоро затѣмъ возникаютъ прежнія явленія, и это состояніе длится до тѣхъ поръ, пока больной, наконецъ, не обратится къ врачебной помощи. Эта недостаточность внутреннихъ прямыхъ мышцъ имѣетъ, конечно, различныя степени; нерѣдко случается, что сведеніе зрительныхъ осей такъ затруднительно для больного, что онъ не можетъ работать обоими глазами вмѣстѣ; когда онъ смотритъ на мелкіе предметы, находящіеся отъ него въ близкомъ разстояніи, то у него исчезаетъ обооглазное зрѣніе, одинъ глазъ совершенно исключается изъ акта зрѣнія и поэтому тотчасъ-же отклоняется кнаружи — *коситъ*. Очень часто это косоглазіе обнаруживается только при фиксированіи глазъ на близьлежащихъ мелкихъ предметахъ, тогда какъ при смотрѣніи на болѣе отдаленные предметы зрительный актъ совершается при совмѣстной помощи обоихъ глазъ. Это состояніе называется *относительнымъ наружнымъ косоглазіемъ*. Нерѣдко изъ этого относительнаго косоглазія развивается абсолютное, т. е. больной начинаетъ косить безусловно даже и при смотрѣніи вдаль и не дѣлаетъ болѣе усилій фиксировать совмѣстно обоими глазами. Это состояніе развивается при существующей недостаточности внутреннихъ прямыхъ мышцъ, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда больные легко отказываются отъ акта обооглазнаго зрѣнія, когда, напримѣръ, зрѣніе въ одномъ глазу существенно затруднено или вслѣдствіе потемнѣнія роговой оболочки, или когда одинъ глазъ значительно болѣе близорукъ, чѣмъ другой, такъ что онъ и при смотрѣніи вдаль мало помогаетъ другому или даже вовсе не помогаетъ. Вышеописанныя болѣзненные состоянія имѣютъ громадное значеніе, потому что они, въ свою очередь, благоприятствуютъ прогрессивному развитію близорукости. Вслѣдствіе важности этого вопроса докторъ Эрисманъ занялся его изслѣдованіемъ и пришелъ къ тому выводу, что уже въ низшихъ классахъ 12%, 20% и 30% близорукыхъ одер-

жими мышечными разстройствами, а въ высшихъ классахъ это число не превышаетъ 40; слѣдовательно, разница въ числѣ случаевъ съ недостаточностью внутреннихъ прямыхъ мышцъ по классамъ хотя очевидна, но не сильна. Однако, изъ его таблицы ясно, что сильнѣйшія степени недостаточности внутреннихъ прямыхъ мышцъ и относительное наружное косоглазіе чаще встрѣчаются въ высшихъ, нежели въ низшихъ классахъ, тогда какъ въ послѣднихъ преобладаютъ слабыя степени недостаточности, а самыя сильныя очень рѣдки, или вовсе не встрѣчаются. Кромѣ того, видно, что и съ увеличеніемъ возраста число лицъ съ нормальнымъ состояніемъ мышцъ становится постоянно рѣже и рѣзко увеличивается число лицъ, страдающихъ сильнѣйшими мышечными разстройствами, соотвѣтственно продолжительности пребыванія въ школѣ.

Итакъ, школа, по мнѣнію г. Эрисмана, положительно губитъ зрѣніе. „Изъ нашихъ таблицъ, говоритъ онъ,—открывается намъ ужасная картина разрушенія глазъ у учащихся, обусловливаемого прогрессивною близорукостью... Это ужасное функциональное разстройство, причиняемое высокими степенями близорукости, паразитично для насъ; оно, равнымъ образомъ, должно обратить на себя вниманіе родителей учащихся и начальства школъ и убѣдить ихъ, что прогрессивная близорукость есть болѣзнь, отъ которой извѣстная часть дѣтей ихъ постепенно лишается важнѣйшаго отправленія—зрѣнія. Нельзя не признать, что дѣти приобретаютъ эту болѣзнь во время своего пребыванія въ школахъ; мы уже знаемъ, что въ низшихъ классахъ очень мало близорукыхъ и что распространенность и напряженность близорукости усиливаются по мѣрѣ возвышенія классовъ, возрастанія индивидовъ и числа учебныхъ годовъ. Эту злополучную болѣзнь дѣйствительно причиняетъ школа; но я долженъ прибавить, что близорукость не есть неизбѣжное зло, которое необходимо сопряжено съ школьнымъ воспитаніемъ; напротивъ, прогрессивная близорукость есть зло, возникающее только отъ нецѣлесообразнаго устройства школъ, и это зло было-бы, конечно, устранено, еслибы на устройство школъ было болѣе обращено вниманіе общества. Конечно, прежде мы не знали условій происхожденія прогрессивной близорукости и школы были устроены плохо, но съ тѣхъ поръ, какъ условія прогрессивной близорукости и лучшее устройство

школъ намъ стали извѣстны изъ даровитыхъ работъ многихъ врачей и педагоговъ, то было-бы грѣшно пренебрегать научными результатами, и теперь—дѣло врачей, учителей и правительства сдѣлать все возможное для устранения зла, угрожающаго учащимся“.

III.

Очень важно также и обвиненіе, падающее на школу за искривленіе позвоночнаго столба. „Кривыя плечи, говоритъ Гильомъ, встрѣчаются въ школахъ гораздо чаще, чѣмъ мы думаемъ. Я замѣчалъ это во всѣхъ классахъ различныхъ школъ и иногда въ значительномъ числѣ. Въ большей части случаевъ искривленіе позвоночнаго столба едва замѣтно, но стояло страдающимъ этимъ недостаткомъ ученикамъ подвергнуться еще другимъ неблагоприятнымъ вліяніямъ и искривленіе начинало развиваться еще сильнѣе. Мы должны обратить вниманіе родителей, учителей и школьныхъ властей на этотъ предметъ, тѣмъ болѣе, что сначала искривленіе проходитъ незамѣченнымъ, такъ какъ ребенокъ, особенно дѣвочка, или не замѣчаетъ или старается изъ самолюбія скрыть этотъ тѣлесный порокъ, покуда онъ не разовьется до того, что бросится въ глаза матери малютки. Обыкновенно въ этихъ случаяхъ просятъ помощи врача, но помощь бываетъ уже невозможна“. На вопросъ нью-іорскаго школьнаго комитета многія изъ старыхъ и опытныхъ учительницъ отвѣтили, что случаи искривленій позвоночнаго столба очень часто бываютъ у ихъ ученицъ. Нѣсколько школьныхъ властей и одинъ изъ постороннихъ наблюдателей школьнаго дѣла въ Америкѣ сдѣлали тѣ-же заявленія. „Вообще, говорится въ отчетѣ этого комитета, между врачами существуетъ мнѣніе, что 30—40 лѣтъ тому назадъ встрѣчались очень рѣдко неправильности строенія позвоночнаго столба. Но съ той поры, какъ школьное дѣло начало сильно развиваться, случаи искривленій стали чаще и привлекли вниманіе врачей. Въ настоящее время мы находимъ цѣлый классъ врачей и механиковъ, живущихъ очень хорошо при помощи средствъ, добываемыхъ отъ излеченія этихъ искривленій. Большая часть этихъ искривленій съ полною точностью можетъ быть приписана

школѣ. Среди необразованныхъ классовъ всѣхъ народовъ эти уродства почти неизвѣстны, тогда какъ они очень часты въ школахъ, гдѣ молодыя дѣвушки проводятъ большую часть времени въ сидѣннѣ, безъ благотѣльнаго движенія, способствующаго укрѣпленію мускуловъ и развитію здоровья. Туловище можетъ оставаться въ прямомъ положеніи только при дѣятельности спинныхъ мускуловъ. Молодыя дѣвушки, неразвитый организмъ которыхъ обладаетъ еще незначительною мускульною силою, такъ утомляются отъ сидѣнья, что горбятся и принимаютъ различныя болѣе или менѣе удобныя для нихъ положенія туловища; какъ только одно изъ этихъ положеній дѣлается привычнымъ для нихъ, такъ начинается наступать начало уродливаго развитія спины и плечъ“. Можно сказать, что отчетъ нью-іорскаго школьнаго комитета страдаетъ ненаучностью сдѣланныхъ наблюденій, что искривленія были и прежде, но что ихъ меньше замѣчали, какъ вообще и всѣ другіе недостатки въ организмѣ человѣка, что, наконецъ, число врачей и механиковъ, живущихъ при помощи излѣченія этихъ тѣлесныхъ недостатковъ, ничего не доказываетъ, кромѣ современнаго искусства людей жить на счетъ слабостей ближняго, искусства, недоходившаго въ старыя времена до такихъ тонкостей; какъ въ нынѣшнія. То-же можно сказать и о ненаучности наблюденій Гильома, нашедшаго, что изъ 731 воспитанника 218, т. е. 30% страдали уклоненіемъ отъ нормальнаго развитія позвоночнаго столба. Это правда, но, къ сожалѣнію, фактъ искривленія позвоночнаго столба въ школахъ несомнѣненъ. По даннымъ, сообщаемымъ докторомъ Ейленбургомъ, изъ 300 искривленій, имѣвшихъ причиною только привычку плохо держать свое туловище при сидѣннѣ.

24	искривленія возникли до	. . . . .	6	лѣтъ .
267	”	”	отъ 6 до	. 14 ”
9	”	”	послѣ	. . 14 ”

Дальнѣйшія изслѣдованія Ейленбурга заставили его принять за главное время искривленій время отъ 6 до 10 лѣтъ. Клопшъ съ своей стороны выводитъ изъ опытовъ врачей специалистовъ, что искривленіе обыкновенно происходитъ между 10 и 14 годами.

Такимъ образомъ, большинство случаевъ относится все-таки къ школьному возрасту, что признаетъ и Вирховъ, сознавая вполнѣ недостаточность наблюденій, сдѣланныхъ до сихъ поръ по этому

предмету. При этомъ, по даннымъ того-же Ейленбурга, страдаютъ болѣе дѣвочки, чѣмъ мальчики, такъ что отношеніе первыхъ ко вторымъ равняется 10 къ 1. То-же подтверждаетъ Гильомъ, говоря, что между 350 мальчиками было 62 случая (т. е. 18%), а между 381 дѣвочкой 156 случаевъ (т. е. 41%) этой болѣзни. По вычисленіямъ Клопша, женщины составляютъ 84—89% всѣхъ лицъ, подверженныхъ искривленію позвоночнаго столба. Адамсъ нашелъ, что изъ 173 больныхъ были 151 женщина и только 22 мужчины. Кнорфъ приводитъ, что на 72 больныхъ искривленіями было 60 женщинъ. Это, конечно, понятно, когда мы вспомнимъ, что мальчики все-таки дѣлаютъ болѣе движенія, чѣмъ дѣвочки. Далѣе Фарнеръ говоритъ: когда почти 90% искривленій начинаются въ школьное время и искривленія эти въ точности соотвѣтствуютъ положенію тѣла во время писанья, то въ виду такихъ фактовъ мы въ правѣ обвинять школу, какъ главную причину ихъ. Дѣйствительно, замѣчательно то, что искривленія бывають именно такого рода, какія обуславливаются положеніемъ тѣла при школьныхъ занятіяхъ, при вышиваньи, т. е. правое плечо поднимается вверхъ, а лѣвый бокъ нѣсколько вдавливается. Найдено, говоритъ Вирховъ, что уклоненія становаго хребта чаще всего встрѣчаются на правомъ боку. Чтобы доказать это цифрами, скажемъ, что Адамсъ изъ 742 случаевъ встрѣтилъ 619, гдѣ выпуклость позвоночнаго столба обращена въ правую сторону. А это направленіе и соотвѣтствуетъ тому положенію тѣла, которое описывается Гильомомъ и которое принимается при писаньи и другихъ занятіяхъ, на примѣръ, рисованіи, женскихъ рукодѣльяхъ и пр. Такое соотвѣтствіе никакъ не можетъ быть приписано случаю. Обыкновенное искривленіе позвоночнаго столба также нельзя приписать особеннымъ болѣзненнымъ условіямъ организма. Паровъ сообщаетъ, что изъ 282 случаевъ этой болѣзни нашлось 218 (т. е. 79%), для которыхъ нельзя было приискать причины въ какомъ-нибудь болѣзненномъ состояніи организма, а которыхъ единственнымъ источникомъ было неправильное положеніе тѣла, обратившееся въ привычку. Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, что искривленіе позвоночнаго столба происходитъ единственно отъ дѣйствія мускуловъ, — мнѣніе, которое было принято нѣкоторыми ортопедами. Неоспоримо то, что при этомъ самые позвонки претерпѣвають извѣстныя измѣненія, ко-

торны дѣлаются постоянной ихъ формой. Эти измѣненія совершаются во время роста, когда, какъ извѣстно, позвонки еще не развились окончательно. Поэтому они легко принимаютъ ненормальную форму и измѣняютъ свое взаимное положеніе. При этомъ подвергаются такимъ-же измѣненіямъ и кости грудной вѣтки и таза, даже кости лица и тѣмъ производятъ чувствительное дѣйствіе на внутреннія части, заключающіяся въ этихъ полостяхъ. Для удостовѣренія въ этомъ, приводимъ опытъ Шильдбаха, который, послѣ стереометрическихъ измѣреній, нашелъ, что количество вдыхаемаго воздуха у страдающихъ искривленіемъ дѣтей отъ 13 до 17 лѣтъ уменьшается на $\frac{1}{3}$, въ иныхъ случаяхъ даже на половину, однимъ словомъ, что дыханію, этому первому условію здоровой жизни, причиняется сильный вредъ. А между тѣмъ дыханіе и безъ того уже страдаетъ въ школѣ. При наклоненномъ положеніи головы, говоритъ Вирховъ, и туловище принимаетъ, натурально, такое-же положеніе, особенно если низокъ столъ. Отъ этого происходитъ каждый разъ сжатіе живота, которое мѣшаетъ дѣятельности грудобрюшной преграды, могущественнѣйшаго дыхательнаго мускула. Неполное-же дыханіе препятствуетъ свободному теченію крови изъ шейныхъ венъ къ груди, куда она должна-бы возвращаться. Къ этому нужно еще прибавить вліяніе напряженнаго вниманія на замедленіе дыханія, и оно замедляется тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе въ немъ чувствуется потребность вслѣдствіе собственнаго говора. Этимъ объясняется то, что послѣ долгаго, равномернаго и именно тихаго умственнаго напряженія является потребность глубже вздохнуть, а слабые или усталые люди чувствуютъ склонность къ зѣвотѣ, которая есть ничто иное, какъ естественный видъ глубочайшаго вдыханія. При этомъ нужно замѣтить, что при наклоненіи шеи на кровеносные ея сосуды, по которымъ кровь возвращается изъ головы къ сердцу, происходитъ давленіе, усиливающееся еще болѣе отъ плотно прилегающей одежды. Всѣ эти обстоятельства благоприятствуютъ такъ называемымъ пассивнымъ или механическимъ приливамъ крови—источнику третьяго рода школьныхъ болѣзней, препятствуя свободному теченію крови по венамъ. Впрочемъ, въ школахъ существуетъ причина, производящая и активныя накопленія крови, т. е. усиленный приливъ крови къ головѣ посредствомъ артерій, или бьющихся жилъ,—это напряжен-

ная дѣятельность мозга. Онъ, какъ извѣстно, находится въ связи съ системой кровообращенія посредствомъ сосудо-двигательныхъ нервовъ, и чрезъ нихъ можетъ произвести не только усиленную дѣятельность сердца, но и расширение артерій, слѣдствіемъ котораго бываетъ приливъ крови къ головѣ. Признаками этого состоянія головного мозга является краснота лица, ушей и глазъ; впрочемъ, случается и совершенно противоположное, а именно блѣдность лица, происходящая отъ продолжительнаго суживанія и сжатія кровеносныхъ сосудовъ. Въ такомъ случаѣ наружная блѣдность, сопровождаемая, впрочемъ, иногда краснымъ цвѣтомъ ушей, вовсе не доказываетъ малокровія мозга: послѣдній можетъ быть переполненъ кровью, между тѣмъ, какъ щеки остаются блѣдными. Между различными болѣзнями, происходящими отъ этихъ частей пассивныхъ, частью активныхъ приливовъ крови, есть три болѣзни, давшія въ новѣйшее время поводъ къ статистическимъ изслѣдованіямъ. Эти болѣзни: зобъ, кроветеченіе изъ носу и головныя боли.

Школьный зобъ, извѣстный, по словамъ Гильома, между учениками подъ именемъ толстой шеи, происходитъ вслѣдствіе задержанія венозной крови, которое является слѣдствіемъ неблагоприятнаго держанія головы утомленнымъ ребенкомъ, неимѣющимъ возможности къ чему-нибудь прислониться. Главнымъ образомъ подвержены этой болѣзни дѣвочки, и Гильомъ встрѣчалъ 8-милліонныхъ дѣвочекъ, у которыхъ послѣ годового пребыванія въ школѣ уже была толстая шея. Вообще онъ нашелъ, что среди 350 мальчиковъ и 381 дѣвочки въ муниципальной коллегіи въ Нейенбургѣ у 169 мальчиковъ и 245 дѣвочекъ былъ уже школьный зобъ, т. е. больные мальчики давали 48%, а больныя дѣвочки 64%. Правда, Фалькъ, напримѣръ, говоритъ, что ему не удалось замѣтить въ Германіи этого явленія и потому приписываетъ его отчасти климатическимъ условіямъ Швейцаріи, хотя Гильомъ и говоритъ, что въ Нейенбургѣ въ школѣ эта болѣзнь почти не встрѣчается нигдѣ. Точно также справедливо и то, что школьный зобъ извѣстенъ только по наблюденіямъ одного Гильома. Но существованія этой болѣзни въ швейцарскихъ школахъ и наклонности женскаго пола къ зобу, являющемуся вслѣдствіе расширенія шейныхъ сосудовъ, не отрицаетъ Вирховъ, да едва-ли это и возможно отрицать. Болѣе

общее значеніе имѣеть кровотеченіе изъ носа. Гильомъ нашелъ, что кровотеченіемъ изъ носа страдали 155 учащихся въ муниципальной коллегіи въ Нейенбургѣ, т. е. 21% всѣхъ учащихся, причѣмъ на долю мальчиковъ приходилось 22%, а на долю дѣвочекъ 20%. У первыхъ съ годами кровотеченія дѣлались рѣже и рѣже; у дѣвочекъ замѣчалось то-же явленіе, но съ меньшею правильностью. Беккеръ нашелъ всего 11,3% дѣтей, подверженныхъ кровотеченію изъ носу; у него нѣтъ болѣе подробныхъ показаній чисель, но онъ говоритъ, что наклонность къ кровотеченію чаще всего встрѣчается въ высшихъ классахъ гимназій, высшаго женскаго училища и одной частной школы, — вообще преимущественно въ тѣхъ школахъ, гдѣ воспитанниковъ держать дольше въ классахъ и гдѣ они рѣже пользуются движеніями на воздухѣ. Наконецъ, головныя боли, которыми, по наблюденію Гильома, страдали изъ 731 учащагося 296 человекъ, т. е. 40%, являются одною изъ самыхъ обыкновенныхъ школьныхъ болѣзней. Дѣвочки, подверженныя ей, составляли 51%, мальчики—28%. Особенно сильно страдали младшіе ученики. Докторъ Беккеръ наблюдалъ въ общественныхъ и частныхъ школахъ въ Дармштадтѣ и Бессунгенѣ надъ 3,564 учениками мужскаго и женскаго пола и пришелъ къ заключенію, что 27,3%, т. е. 974 воспитанника, страдали головными болями. Впрочемъ, страданія дѣтей въ школахъ головными болями — фактъ общезвѣстный; его знаютъ всѣ педагоги, хотя они очень часто стараются отрицать явленія этой болѣзни у дѣтей, приписывая ее просто лѣни. Специальныя таблицы, къ сожалѣнію, не полны, такъ-какъ въ нихъ помѣщены только процентныя цифры, а не дѣйствительныя числа. Повидимому, изъ всѣхъ этихъ данныхъ можно заключить, что въ городскихъ училищахъ наибольшее число страдающихъ находится въ низшихъ классахъ, а въ высшихъ училищахъ (гимназій, высшія женскія школы) — наоборотъ. Въ 1-мъ классѣ гимназій 80,8% учениковъ жаловались на головную боль. При этомъ, замѣчаетъ докторъ Кленке, само собою понятно, какъ вредна можетъ быть насильственная дѣятельность мозга, за которою могутъ слѣдовать тупость и неспособность мыслить, иногда-же и опасныя болѣзни мозга, расстройство нервовъ и пищеваренія. Беккеръ приходитъ къ такому заключенію, что въ первые года посѣщенія школы ученики наименѣе подвер-

жены головнымъ болямъ, но что эти боли усиливаются со временемъ, и этому содѣйствуютъ продолжительность времени, положеннаго для занятій, требуемое умственное напряженіе, также тѣсныя классныя комнаты.

Кстати, говорить Вирховъ, можно коснуться здѣсь и вопроса о вліяніи накопленія крови на духовныя способности учениковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что такое состояніе часто соединено съ разсѣянностью, съ неспособностью къ мышленію и вообще къ умственному труду и что, въ случаѣ продолжительности этого состоянія, мозгъ можетъ подвергнуться опасности.

Были врачи, обвинявшіе школы за появленіе въ дѣтяхъ падачей болѣзни, пляски св. Витта и—позднѣе—пожѣшательства. Особенно рѣзко высказалъ Ф. Гейеръ свой взглядъ на это дѣло, согласный съ сей часъ приведенной мыслью другихъ врачей. Однокожъ, мысль эта не доказана еще достаточно фактами и потому не имѣетъ прочнаго научнаго основанія. Пока его еще нѣтъ, нужно довольствоваться общими указаніями на существованіе опасности, хотя ея дѣйствіе или недѣйствіе въ каждомъ частномъ случаѣ много зависитъ отъ особенныхъ склонностей или недостатковъ индивидуума.

Кромѣ этихъ болѣзней, въ школахъ сильно развиваются чахотка, болѣзни подбрюшины, заразительныя болѣзни и т. д. Лоринзеръ, Кармихаль, Энгель указываютъ на развитіе чахотки въ школахъ. Чахотка, какъ легочная, такъ и гортанная, говоритъ Вирховъ, обнаруживается въ школьные года, т. е. отъ 5 до 10 лѣтъ, и сопровождается смертностью, которая усиливается въ промежутокъ времени отъ 10 до 15 лѣтъ и дѣлаетъ поразительныя успѣхи въ позднѣйшій періодъ отъ 15 до 20 лѣтъ. На 100 умершихъ приходится:

умершихъ отъ	5—10 лѣтъ	4,81	} отъ легочной чахотки.
„	„ 10—15 „	12,96	
„	„ 15—20 „	31,88	

Кромѣ того отъ чахотки умерло по 8,93%, 7,90% и 4,74%, не считая собственно золотушныхъ и другихъ родственныхъ отдѣловъ. Результатъ этотъ дѣйствительно поразителенъ, если принять во вниманіе, что только тифъ и холера даютъ приблизительно большія цифры смертности для этого періода жизни.

Посѣщеніе школъ вліяетъ на разстройство и пищеварительныхъ органовъ. Здѣсь можно указать на часто повторяющееся явленіе потери аппетита послѣ продолжительнаго посѣщенія школы; съ недѣлями, по крайней мѣрѣ, съ мѣсяцами такіа времена потери аппетита возвращаются все чаще и чаще. Слѣдствіемъ этого бывають: неправильность испражнений, худшее качество крови, усталость и истома во всемъ тѣлѣ, худоба, блѣдность и неохота ни къ чему. *Gastz* справедливо напираетъ на эти явленія въ своемъ сочиненіи. Кроме того нужно упомянуть о половыхъ органахъ, которые у обоихъ половъ подвержены столь многимъ вреднымъ вліяніямъ въ послѣднее время посѣщенія сельскихъ школъ и особенно высшихъ училищъ. Этому пункта также коснулся *Гастъ*. Заразительныя болѣзни, главнымъ образомъ, распространяются школами. Послѣднее обстоятельство отчасти можетъ касаться и другихъ болѣзней, какъ, напр., холеры, оспы, коклюша. Остается упомянуть еще о перенесеніи чужеродныхъ растений и животныхъ, какъ, напр., коросты, вшей, чесотки и проч.

Вотъ рядъ тѣхъ болѣзней, которыя развиваются, распространяются, усиливаются въ школахъ. Нечего и говорить о томъ, что этотъ перечень далеко не полонъ, такъ какъ сами врачи только въ послѣднее время занялись болѣе или менѣе серьезно вопросомъ о вліяніи школъ на здоровье. До сихъ поръ они чаще всего ограничивали свою дѣятельность тѣмъ, что являлись на помощь людямъ, когда эти люди уже заболѣвали. Наблюденія по этой части, сдѣланныя врачами, далеко не окончены и скорѣе скрываютъ зло, чѣмъ преувеличиваютъ его, но уже и по этимъ наблюденіямъ оно является на столько сильнымъ, что нельзя не обращать на него вниманія. Нечего говорить, что всѣ эти болѣзни могутъ развиваться и поддерживаться въ дѣтяхъ и дома, даже, скажемъ прямо, въ гораздо большей степени, чѣмъ въ школахъ. Но при какихъ условіяхъ случается это? Только тогда, когда дома на ребенка продолжаютъ вліять тѣ-же вредныя условія, которыя вліяютъ на него и въ школахъ и противъ которыхъ сочли нужнымъ начать войну врачи, или когда дома у ребенка жизненныя условія еще хуже, чѣмъ въ школахъ, что постоянно встрѣчается въ бѣднѣйшихъ и необразованнѣйшихъ классахъ народа. Но это обстоятельство не можетъ служить оправданіемъ школъ: вѣдь на фабрикахъ жизнь дѣтей подвержена еще большей опасности, въ

тюрьмахъ смертность еще сильнѣе, но школа вѣдь не фабрика и тюрьма. Ея призваніе—заботиться объ умственномъ и тѣлесномъ развитіи человѣка и устранять всѣ вредныя для его здоровья условія. Эти условія не являются какими-нибудь роковыми и неизбѣжными спутниками школы. Нѣтъ, подобная мысль была-бы не только очень грустна, но и просто нелѣпа, такъ какъ, признавъ ея справедливость, нужно-бы было оставить въ невѣжествѣ большую часть человѣчества. Вредныя вліянія, оказываемыя школою, поддерживались до сихъ поръ только невѣжествомъ, тупостью или небрежностью старыхъ педагоговъ и потому съ ними можно и должно бороться каждому. Но для того, чтобы бороться съ какою-нибудь злою, нужно знать это зло, его причины и послѣдствія,—вотъ почему мы не боимся указывать на вредныя вліянія, производимыя школою; вѣроятно, по этой-же причинѣ не боялся, напримѣръ, и докторъ Эрисманъ, говоря о близорукости, сказать, что „школа дѣйствительно причиняетъ эту злополучную болѣзнь“,—онъ, конечно, понималъ, что никто не придетъ послѣ его словъ къ тому заключенію, что безъ школы не было-бы и близорукыхъ. И намъ кажется страннымъ, что докторъ Адамюкъ, писавшій отчетъ о трудѣ д. Эрисмана, боится того, что читатели сдѣлаютъ именно такой выводъ изъ изслѣдованія доктора Эрисмана и придутъ къ тому заключенію, что „ученье—тьма, тьма непроницаемая, тьма темной воды, — откуда уже можетъ слѣдовать, страшно выговорить даже какое заключеніе: неученье—свѣтъ!“ Напрасный страхъ, особенно въ докторѣ. Вѣдь, смотря такимъ образомъ на вещи, можно придти и къ тому заключенію, что всѣ люди, изслѣдовавшіе вліяніе фабрикъ на здоровье рабочихъ, стремились уничтожить фабричное производство, а люди, исчислявшіе несчастные случаи, причиняемые нынѣшними желѣзными дорогами, стремились уничтожить желѣзныя дороги. Нѣтъ, докторъ, подобныя изслѣдованія производятся не съ такою цѣлью и это пойметъ даже каждый гимназистъ, такъ-что бояться „перетолкованій“ тутъ нечего.

IV.

Нѣмецкіе врачи, какъ мы уже сказали, одни изъ первыхъ сознали необходимость этой борьбы и указали на множество лиш-

нихъ предметовъ обученія и на нелѣпое распредѣленіе часовъ въ нѣмецкихъ школахъ. Но педагоги отвѣтили имъ, что педагогика не дѣло врачей, и продолжали поступать по старому. Потерпѣвъ фіаско въ стремленіи ограничить число учебныхъ предметовъ и учебныхъ занятій, врачи увидали необходимость переимѣнить планъ своихъ военныхъ дѣйствій. Они стали дѣлать нападенія не на главную силу педагоговъ—не на систему преподаванія, а принялись за партизанскую войну противъ частныхъ устройствъ школъ, противъ всего того, что касалось уже не исключительно однихъ педагоговъ, а и другихъ основателей школъ, противъ всего того, въ чемъ не могли считаться компетентными одни педагоги: размѣры классовъ, устройство столовъ, вентиляція и тому подобныя предметы сдѣлались тѣми пунктами, на которые направили свои выстрѣлы врачи. И въ этомъ случаѣ результаты войны были гораздо счастливѣе: педагогамъ приходилось шагъ за шагомъ уступать врагамъ свою захваченную съ незапамятныхъ временъ территорию и, такимъ образомъ, допускать въ область школы постороннихъ педагогическому міру людей. Ну, а врачамъ только это и было нужно: разъ ставъ твердою ногою на непріятельскую территорию, они уже могли спокойно продолжать свои военные дѣйствія.

Прежде всего они занялись изслѣдованіемъ самыхъ помѣщеній школъ, такъ какъ на здоровье человека жилище оказываетъ очень сильное вліяніе. Сырой или слишкомъ сухой воздухъ, излишній холодъ или излишній жаръ, спертая и удушливая атмосфера въ жилищѣ,—все это имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для людей. Эти факты давно извѣстны, давно признаны, а между тѣмъ до сихъ поръ на всѣ эти условія очень мало обращали вниманія педагоги и тѣ лица, которыя занимались устройствомъ школъ.

Нечего говорить, что дѣти какихъ-нибудь французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ или русскихъ мужиковъ, обучавшіяся въ сельскихъ школахъ, не мало терпѣли отъ того, что ихъ школы помѣщались въ хлѣвахъ, въ переполненныхъ народомъ избахъ, въ сырыхъ и полугнилыхъ конурахъ; проводя здѣсь большую часть дня, дѣти дышали сквернымъ воздухомъ, ихъ платье пропитывалось испареніями, ихъ тѣло или дрогло отъ холода, или изнемогало отъ жара; все это не могло не отзываться на ихъ

организмъ. Но сельская школа съ ея нищенскими средствами не могла, по большей части, исполнять требованій гигиены даже тогда, когда эти требованія были извѣстны ея учредителямъ: послѣднимъ приходилось или устраивать школу кое-какъ, или вовсе отказывать народу въ образованіи и, конечно, не мы станемъ обвинять ихъ за то, что они рѣшали въ пользу устройства школы кое-какъ.

Но совсѣмъ другое дѣло большія городскія учебныя заведенія. Здѣсь есть матеріальныя средства для того, чтобы школа явилась не губительницей здоровья подростящихъ поколѣній, а между тѣмъ невѣжество и небрежность приводили педагоговъ къ тому, что эти люди вовсе не заботились о томъ, хорошо-ли устроены классныя комнаты, чистъ-ли въ нихъ воздухъ, достаточно-ли этого воздуха для всей массы учащихся, которымъ приходится въ городскихъ школахъ проводить гораздо больше времени, чѣмъ учащимся въ сельскихъ школахъ,—иногда дѣти даже живутъ въ городскихъ школахъ и, такимъ образомъ, училище производитъ на нихъ непрерывное вліяніе. Врачи со своей стороны тоже пренебрегали вопросомъ объ устройствѣ школъ и занялись имъ, какъ мы сказали, только въ послѣднее время, вслѣдствіе чего зло сдѣлалось если не вовсе непоправимымъ, то во всякомъ случаѣ трудно поправимымъ. Въ мірѣ явилась цѣлая масса школъ—если не весь составъ школъ—совершенно негодныхъ въ гигиеническомъ отношеніи. Иногда онѣ были до того нелѣпо устроены, что даже не могли быть передѣланы, а должны были быть срыты до основанія.

Мы не станемъ распространяться о томъ, изъ какого матеріала должна быть построена школа, хотя, напр., Петтенкоферъ придаетъ большое значеніе строительному матеріалу, такъ какъ одинъ матеріалъ сохнетъ скорѣе и менѣе принимаетъ сырости, чѣмъ другой; мы не станемъ распространяться о томъ, что новый домъ долженъ быть прежде хорошо высушенъ, а уже потомъ отданъ подъ школу; мы не остановимся на томъ, что школьные дома лучше всего помѣщать въ мѣстахъ, незагроможденныхъ зданіями, не окруженныхъ рынками, казармами и кабаками. Все это факты важныя, но, къ сожалѣнію, разумныя требованія по этой части не всегда могутъ быть съ удобствомъ выполнены. Точно также мы не будемъ говорить о внѣшнемъ видѣ школы: всѣ до сихъ

поръ представленныя модели школъ, какъ замѣчаетъ Фаррен-трашъ, далеко не удовлетворительны. Архитекторы, люди, получающіе нерѣдко то очень поверхностное образованіе, которымъ отличается вообще большая часть художниковъ, еще менѣе, чѣмъ педагоги и врачи, понимаютъ всѣ тѣ условія, которыя нужно соблюсти при постройкѣ школы. Вотъ почему ихъ планы и проекты въ большей части случаевъ превосходны, какъ картинки, и совершенно ничтожны въ практическомъ отношеніи. Замѣтимъ здѣсь только, что при школахъ необходимо пустое пространство для дѣтскихъ игръ и что это пространство должно быть на столько велико, чтобы на каждаго ребенка приходилось, по крайней мѣрѣ, по 3 кв. метра, что составитъ для 400 учениковъ 1200 метровъ или $\frac{1}{6}$ часть гектара. На случай дурной погоды въ сѣверо-американскихъ школахъ стали устраивать подземныя залы для игры, причемъ стараются дѣлать какъ можно больше оконъ и дверей; высота этихъ залъ не должна быть меньше $2\frac{1}{2}$ —3 метровъ и полъ этихъ залъ въ крайнемъ случаѣ находится только на 1 метръ подъ землей. Лѣстницы въ школахъ должны быть устроены такъ, чтобы не было опасности для дѣтей, чтобы они не могли кататься по периламъ, не могли перевѣшиваться черезъ перила и, наконецъ, не рисковали-бы сломать себѣ шею, свалившись изъ второго или третьяго этажа. На это обстоятельство обращаютъ очень мало вниманія и стараются устраивать широкіе парадныя подъѣзды съ лѣстницами по обѣимъ сторонамъ и съ пустымъ пространствомъ въ серединѣ, такъ что ребенокъ, перевѣсившись во второмъ этажѣ черезъ перила, съ удобствомъ можетъ слетѣть внизъ. Подобныя парадныя подъѣзды вы найдете почти въ каждомъ большомъ училищѣ и намъ нерѣдко приходилось видѣть, что училищныя власти ставятъ гувернеровъ или сторожей специально для охраненія этихъ мѣстъ, столь удобныхъ для несчастныхъ полетовъ дѣтей съ высоты. Но гораздо важнѣе этихъ мелкихъ техническихъ условій дневное освѣщеніе классовъ и величина ихъ.

Куда должны быть обращены окнами школьныя комнаты? Думали-ли объ этомъ строители тѣхъ школъ, которыя попадаютъ вамъ на каждомъ шагѣ? Думали-ли объ этомъ педагоги? Конечно, нѣтъ. Иначе было-бы трудно объяснить, какимъ образомъ случилось то, что школы выходятъ окнами и на востокъ, и на

югъ, и на западъ, и на сѣверъ, что иногда въ школахъ идутъ параллельные ряды классовъ, изъ которыхъ одни обращены на югъ, другіе на сѣверъ. А между тѣмъ посмотрите, какое значеніе придаютъ этому обстоятельству всѣ врачи. „Для школьныхъ комнатъ нужно пользоваться утреннимъ солнцемъ, говорить одинъ изъ докторовъ, такъ какъ оно полезнѣе всего для всего подростка. Его лучи, какъ-бы ни было ихъ много, никогда не будутъ излишними и лучше пожертвовать нѣкоторыми удобствами, помѣстивъ школу въ верхнемъ этажѣ, только-бы не лишить ее солнца“. Конъ говоритъ, что мрачность комнаты, обусловленная ея положеніемъ, увеличиваетъ близорукость среди дѣтей и что чѣмъ свѣтлѣе классъ, чѣмъ шире улица, гдѣ находится школа, чѣмъ ниже противоположныя школы строенія, тѣмъ менѣе является въ школахъ близорукихъ. Мы не можемъ не вѣрить Кону, какъ наблюдателю, очень добросовѣстному и осмотрѣвшему не одинъ десятокъ школъ. Но не одинъ Конъ настаиваетъ на этомъ. Гильомъ, Паппенгеймъ, Цецъ, Фалькъ, Шраубе, Эрисманъ, Фарнеръ, Фаррентрапъ и тому подобныя авторитеты всѣми силами стараются доказать необходимость обращать классы окнами на востокъ или на югъ. Кромѣ того окна должны быть по возможности широки и высоки, оконные переплеты должны быть узки. Чѣмъ ближе къ потолку пробиты окна, тѣмъ лучше; нижняя часть оконъ не приноситъ пользы, если находится ниже столовъ. Вообще, на каждаго ученика должно приходиться, по требованію педагогическаго отдѣленія силезскаго общества, 300 кв. рейнскихъ дюймовъ, т. е. около 2000 центиметровъ окна; по требованію же д-ра Кона, минимумъ пространства окна долженъ равняться 200 кв. дюймамъ, т. е. около 1300 кв. центиметрамъ на ученика. Но до сихъ поръ это условіе почти не соблюдалось въ школахъ, даже въ сѣверной Америкѣ; мало того, педагоги, не умѣя заинтересовать воспитанниковъ и боясь, что они будутъ развлекаться посторонними предметами, приказывали замазывать половину оконъ бѣлою краскою, всегда принимающею грязно-бурый оттѣнокъ, и иногда даже зеленою краскою, что дѣлало классъ, обращенный куда-нибудь на сѣверъ, выходящій на узкую улицу, иногда загроможденную высокими пяти-этажными домами, еще болѣе мрачнымъ и темнымъ. Прибавьте къ этому, что у насъ, напримѣръ, иногда ученикамъ приходится начинать занятія зимою до раз-

свѣта, т. е. работать при двойномъ свѣтѣ: при свѣтѣ лампы и при свѣтѣ занимающагося зиняго утра, и вы поймете, какъ мало отвѣчаютъ школы требованію гигиены, признающей богатное вліяніе свѣта. По ислѣдованіямъ д-ра Кона въ новыхъ бреславльскихъ школахъ, находящихся въ широкихъ улицахъ, близорукіе составляютъ 1,8 до 6,6 процентовъ, тогда какъ въ старыхъ школахъ Бреславля, находящихся въ узкихъ улицахъ, близорукіе составляютъ 7,4 до 15,1 проц. Къ такимъ-же результатамъ приходитъ и д-ръ Эрисманъ. Онъ пишетъ: „Въ I-й гимназіи очень много близорукихъ, несмотря на то, что окна ея классныхъ комнатъ выходятъ большею частью на довольно открытое мѣсто; это объясняется тѣмъ, что въ ней на каждаго ученика приходится очень малое число квадратныхъ сантиметровъ окна. Во II гимназіи, окна которой выходятъ или на дворъ, или на узкую улицу, число близорукихъ меньше, потому-что въ ней значительно больше число квадратныхъ сантиметровъ окна, приходящееся на каждаго ученика. Въ III гимназіи, несмотря на большое число квадратныхъ сантиметровъ окна, приходящееся на каждаго ученика, очень много близорукихъ, потому-что почти во всѣхъ ея классныхъ комнатахъ свѣтъ значительно заслоненъ противоположными зданіями. Въ IV гимназіи мало близорукихъ, потому-что на каждаго ученика приходится въ ней довольно большое число квадратныхъ сантиметровъ окна и, кромѣ того, противоположныя зданія лежатъ на довольно значительномъ разстояніи отъ оконъ классныхъ комнатъ. Въ V гимназіи, несмотря на ея открытое положеніе, больше близорукихъ, чѣмъ въ IV гимназіи, потому-что въ ней меньше число квадратныхъ сантиметровъ окна, приходящееся на долю каждаго ученика. Въ VI гимназіи, несмотря на большое число квадратныхъ сантиметровъ окна, приходящееся на долю каждаго ученика, довольно много близорукихъ, потому-что многія изъ классныхъ комнатъ неудовлетворительно освѣщены. Въ VII гимназіи существуетъ сравнительно небольшое число близорукихъ, потому-что окна ея комнатъ выходятъ большею частью на открытое мѣсто и на долю каждаго ученика приходится значительное число квадратныхъ сантиметровъ окна“.

Эти факты очень серьезны и должны останавливать вниманіе педагоговъ, а между тѣмъ освѣщеніе остается до сихъ поръ, какъ мы сказали, недостаточнымъ вездѣ. „Если мы примемъ, говорить

д-ръ Эрисманъ, — что на каждаго ученика должно приходиться 2,000 квадратныхъ центиметровъ окна, какъ это требовало педагогическое отдѣленіе силезскаго общества, то мы придемъ къ заключенію, что въ очень многихъ изслѣдованныхъ нами комнатахъ мало дневного свѣта. Изъ 135 классныхъ комнатъ 70 освѣщены значительно хуже того, какъ требуетъ силезское педагогическое общество. Кромѣ того, въ этихъ комнатахъ существуютъ иногда другіе недостатки, напр., окна обращены на сѣверъ или выходятъ на узкій дворъ, и потому легко себѣ представить, какъ невыгодно для глазъ учениковъ чтеніе и писанье въ такихъ комнатахъ“.

Въ 21 классной комнатѣ число квадратныхъ центиметровъ окна, приходящееся на каждаго ученика, соответствуетъ требованію силезскаго педагогическаго общества, и въ 44 комнатахъ это число больше требуемаго силезскимъ педагогическимъ обществомъ. Но если мы примемъ во вниманіе, что зимой въ Петербургѣ можно только втеченіи 3 — 4 часовъ въ день пользоваться дневнымъ свѣтомъ и что болѣею частью этотъ такъ-называемый день болѣе походитъ на ночь, то для насъ будетъ ясно, что требованіе, поставленное силезскимъ педагогическимъ обществомъ, окажется недостаточнымъ для здѣшняго климата, и потому число квадратныхъ центиметровъ окна, приходящееся на каждаго ученика, должно быть увеличено въ петербургскихъ школахъ по крайней мѣрѣ до 2,500 квадратныхъ центиметровъ. Но оказывается, что въ 97 классныхъ комнатахъ число квадратныхъ центиметровъ окна, приходящееся на каждаго ученика, меньше 2,500 и только въ 34 комнатахъ оно больше; но такъ какъ въ этихъ 34 комнатахъ расположены болѣею частью высшіе классы, гдѣ мало учениковъ, то, слѣдовательно, и здѣсь нельзя заключить, что комнаты дѣйствительно свѣтлы, потому что и въ дурно-освѣщенной комнатѣ, съ окномъ на дворъ, обращеннымъ на сѣверъ, на каждаго ученика приходится большое число квадратныхъ центиметровъ окна, если въ классѣ всего только 4 ученика.

То же встрѣчаемъ мы въ гимназіи, изслѣдованной врачами Кремлевымъ, Васильевымъ и Щербakovымъ въ Казани. Во-первыхъ, классы обращены на сѣверо-востокъ, юго-западъ и сѣверо-

западъ, во-вторыхъ, въ классахъ приходилось стекляннoй поверхности

На одинъ кв. футъ площ. класса.	На одного ученика.
24,6 дюйм.	246,0 дюйм.
23,0 "	223,5 "
21,3 "	164,0 "
18,7 "	189,6 "
15,9 "	249,0 "

Это неравенство распредѣленія свѣта само по себѣ дурно, но, кромѣ того, количество свѣта является неудовлетворительнымъ, такъ какъ при удовлетворительномъ освѣщеніи было-бы нужно, по мнѣнію этихъ врачей, на каждый кв. футъ классной комнаты 30 кв. дюймовъ стекляннoй поверхности оконъ, а на каждого ученика до 400 кв. дюймовъ стекляннoй поверхности оконъ.

Такіе-же не особенно утѣшительные результаты получаются нами, если мы спросимъ, удовлетворяютъ-ли школы необходимому требованію, чтобы освѣщеніе было съ лѣвой стороны или, въ крайнемъ случаѣ, сзади. Вредъ освѣщенія, идущаго исключительно съ правой стороны, главнымъ образомъ заключается въ томъ, что, при занятіяхъ письмомъ, черченіемъ и т. д., рассматриваемый предметъ находится въ тѣни, образуемой правою рукою. Здѣсь, при направленіи глаза на плохо освѣщенную поверхность, зрачекъ расширяется, причѣмъ въ него будетъ входить слишкомъ большое количество свѣта со стороны сильно освѣщенной поверхности и не будетъ правильнаго отношенія между аккомодациею и движеніемъ радужной оболочки. Въ то же время рассматриванье плохо-освѣщеннаго предмета требуетъ приближенія его къ глазу. Еще вреднѣе освѣщеніе спереди. Тогда глазъ подвергается усиленному вліянію свѣта, ослѣпленію, вызывающему постоянное суженіе зрачка, которое часто не соотвѣтствуетъ разстоянію предмета, а слѣдовательно, и силѣ аккомодаци. Кромѣ того быстрый переходъ отъ сильно освѣщенныхъ предметовъ къ предметамъ менѣе освѣщеннымъ крайне вреденъ. Но въ осматриваемомъ казанскими врачами училищѣ въ трехъ классахъ свѣтъ падалъ сзади, въ одномъ съ двухъ сторонъ — слѣва и сзади, въ одномъ — справа, въ одномъ на одни столы — спереди, на другіе — сзади, т. е. во всемъ этомъ видно отсутствіе совнанія со сто-

роны педагоговъ значенія освѣщенія: столы ставятся какъ удобнѣе, а не такъ, какъ слѣдуетъ ихъ ставить. Д-ръ Эрисманъ находитъ, что въ одномъ училищѣ справа освѣщаютъ классъ два окна, въ другомъ 1 освѣщаетъ справа и 3 спереди, въ третьемъ 13 оконъ освѣщаютъ справа, въ четвертомъ 9 освѣщаютъ справа, въ пятомъ 2 освѣщаютъ справа, въ шестомъ 4 справа и 5 спереди, въ седьмомъ 4 справа, одно спереди, одно сзади, въ восьмомъ 7 сзади, въ девятомъ одно спереди. Мы напираемъ на эти, повидимому, незначительные факты именно потому, что большая ихъ часть могла быть устранена двумя словами педагоговъ: „переставьте столы“. Но педагоги не потрудились произнести эти слова, воображая, должно быть, что всѣ эти требованія врачей—пустыя выдумки пражной фантазіи.

Но если педагоги считаютъ эти „мелочи“ неважными, то мы посовѣтуемъ матерямъ, которымъ попадутъ въ руки эти статьи, не считать этихъ „мелочей“ ничтожными и позаботиться о томъ, чтобы ихъ дѣти, по крайней мѣрѣ, дома не занимались-бы, сидя правой стороною или лицомъ къ окну, и не работали-бы въ полутьмѣ. Вѣдь условія, которыя вліяютъ вредно въ школѣ, конечно, будутъ точно такъ-же вліять на ребенка и дома, а мы всѣ, отдавъ свое дитя учиться въ школу, уже перестаемъ заботиться о немъ и вспоминаемъ о своихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ нему только тогда, когда ребенокъ слишкомъ много расшалится, или принесетъ черезчуръ дурныя отиѣтки изъ школы или, наконецъ, захвораетъ и потребуетъ медицинской помощи. По большей части случаевъ, у насъ дѣти приготавливаютъ уроки гдѣ попало и какъ попало, тогда какъ мы должны-бы были употребить всѣ зависящія отъ насъ средства, чтобы для приготовленія дома уроковъ ребенокъ, обучающійся въ школѣ, находилъ у насъ самое удобное, самое лучшее мѣсто.

А. Михайловъ.

(Продолженіе будетъ.)

ПОГОНЯ ЗА НАЖИВОЙ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Негоціанты.

Завтракъ былъ сервированъ роскошно. Стекланный кувшинъ, налитый до краевъ шампанскимъ, стоялъ во льду; сѣвось грани стебла красѣлись ломти нарѣзанныхъ анельсиновъ. Голубоватое пламя спиртовой лампы чуть-чуть облизывало дно другого серебрянаго кувшина съ краснымъ виномъ, — не мѣстнымъ червунинскимъ, а настоящимъ лафитомъ, выписаннымъ изъ Нижняго Новгорода. Такія-же спиртовья камфорки подогрѣвали блюда съ превосходными котлетами изъ мяса горныхъ куропатокъ и фазановъ; надъ разнообразѣйшимъ и самымъ пикантнымъ *hors d'oeuvres* возвышались графинчики съ водками и ликерами всевозможныхъ цвѣтовъ и наименованій.

Въ комнатѣ былъ пріятный зеленоватый полусвѣтъ: солнечные лучи, врываясь въ открытое итальянское окно, должны были пройти сперва сѣвось кисею, намоченную водою, пробраться между вырѣзными листьями экзотическихъ растений, и, вслѣдствіе этихъ преградъ, вмѣсто жары вносили съ собою самую живительную, ароматическую прохладу.

Завтракающихъ было двое: гость Станиславъ Матвѣевичъ Перловичъ, весь на сторожѣ, весь олицетворенное „берегись“, немного постарѣвшій, съ тѣхъ поръ, какъ мы его видѣли послѣд-

ний разъ на похоронахъ Батогова, запустившій себѣ американскую бороду, изъ желта-рыжеватую, съ просѣдью, весь въ бѣлой парусинѣ... даже его англійскія ботинки были сшиты не изъ кожи, а изъ чего-то бѣловатаго, мягкаго, эластическаго, такъ что, когда онъ всталъ и прошелъ зачѣмъ-то черезъ всю комнату, его шаговъ не было слышно, даже тамъ, гдѣ бархатистый тюркменскій коверъ не прикрывалъ квадратныхъ плитокъ кирпичнаго пола.

Станиславъ Матвѣевичъ держалъ себя очень развязно, нѣсколько фамильярно, что называется, по-товарищески... по крайней мѣрѣ, ему очень хотѣлось такъ себя держать.

Хозяинъ, Иванъ Илларионовичъ Лопатинъ, нѣсколько обрюзглый, плотный господинъ, лѣтъ, что называется, „за сорокъ пять“, гладко обрѣтый, въ синихъ очкахъ въ золотой массивной оправѣ, сидѣлъ лѣнливо, говорилъ сквозь зубы, протягивая слова и не выпуская сигары, жестикулировалъ округленно, мягко, относился къ своему гостю съ самою изысканною предупредительностью и вообще имѣлъ видъ человѣка, совершенно довольнаго своимъ положеніемъ, ничего ни желающаго лучшаго.

Маленькій скорпионъ, выползшій, вѣроятно, изъ подъ корзины съ виноградомъ, быстро побѣжалъ по столу, натянулся на банку съ анчоусами, бросился вправо и погибъ, приплюснутый тяжелымъ портсигаромъ Лопатина.

Это было единственное энергическое движеніе Ивана Илларионовича во все время завтрака.

— Только при полной, честной поддержкѣ другъ друга возможно здѣсь развитіе нашихъ торговыхъ интересовъ, докончилъ что-то Перловичъ и немного покраснѣлъ.

Ему показалось, что губа хозяина какъ-то странно улыбнулась. Впрочемъ, это, можетъ быть, былъ случайный отблескъ отъ графина, придавшій физиономіи Лопатина нѣсколько насмѣшливое выраженіе, потому что, когда Перловичъ вторично взглянулъ на своего собесѣдника, то онъ уже смотрѣлъ совершенно покойно, почти сонливо и, замѣтивъ, что Перловичъ потянулся за чашею, предупредительно пододвинулъ ему тарелку.

— Только при полной поддержкѣ... повторилъ Станиславъ Матвѣевичъ.

— Ну, конечно, только при полной поддержке, согласился Иванъ Илларионовичъ.

— Каждое дѣло тогда только можетъ достигнуть серьезныхъ результатовъ, когда его детали разработаны специалистами. Сжаться, сконцентрироваться въ однѣхъ рукахъ все не можетъ.

— Еще-бы, это совершенно понятно.

— Да, а вотъ подите-же: всѣ эти наши Захо, Федоровы, Тюльпаненфельды, Филатовы и компанія не могутъ понять этого...

— Ну, это такая все мелочь, маркитанты какіе-то.

— Одинъ другого подрываютъ, портятъ другъ другу каждое предприятие, интригуютъ, искусственно сбиваютъ и повышаютъ цѣны.

— Э... хм!..

Опять что-то странное скользнуло по лицу Лопатина.

— Ну, результаты очевидны, продолжалъ Перловичъ, почему-то вдругъ понизившій тонъ.— Всеобщій торговый застой, пустота нашихъ рынковъ...

— Да, вотъ, напримѣръ, крупная фирма Хмурова (она рушилась еще до моего приѣзда); я увѣренъ, что главнымъ образомъ тутъ повліяли тѣ причины, которыя вы сейчасъ высказали.

— Между прочимъ онѣ... но...

— Вы позволите?

Лопатинъ снялъ кувшинъ съ виномъ и наполнилъ стаканы своего гостя...

— Да, я вамъ, кстати, хотѣлъ сообщить, такъ сказать, объяснить по поводу той послѣдней неприятности, невольной, впрочемъ, совершенно невольной, это я говорю на счетъ подряда на крупу и перевозку тяжестей караваннымъ путемъ. Вы на меня, вѣроятно, не будете въ претензіи, если узнаете, въ чемъ дѣло.

— Я уже знаю, произнесъ Перловичъ,—и вы видите, я теперь у васъ,—значить, о неудовольствіи моемъ не можетъ быть и рѣчи.

— Я такъ и думалъ. Я ничего рѣшительно не зналъ... Присылаютъ меня спросить цѣны, по какимъ-бы я могъ взяться за то и другое; я сказалъ; вдругъ, бац! узнаю, что вы еще прежде меня назначили большія. Я хотѣлъ отказаться, но нельзя было: губернаторъ настаивалъ... вы понимаете сами...

— Понимаю. Я здѣсь потерялъ около десяти тысячъ, это самое меньшее...

— Мнѣ предлагали другой подрядъ еще, но я ни за что и предоставляю его вполне и нераздѣльно вамъ. Остальные конкуренты вамъ не страшны... вотъ развѣ...

— Я назначилъ цѣны крайнія, какія только возможны, за предѣлами этихъ цѣнъ—убытокъ... Вѣрите вы моей пятилѣтней опытности...

— Удивительно, я былъ даже пораженъ, прочитавши въ интенданствѣ ваше заявленіе. Такая дешевизна!

— А вы его развѣ читали?

Перловичъ вздрогнулъ и задвигалъ креслами.

— Случайно.

— Я вотъ именно по поводу этого и хотѣлъ переговорить съ вами... Мы составляемъ здѣсь главную силу... Подорвать эту силу можемъ только мы сами-же. Отъ насъ-же зависитъ, чтобы эти силы удвоились, удесятерились... даже болѣе того...

— Я понимаю; вы мнѣ предлагаете союзъ.

— Не совѣмъ, а добросовѣстное, братское раздѣленіе по спеціальностямъ; именно то раздѣленіе, о которомъ я вамъ говорилъ какъ-то на прошедшей недѣлѣ въ караванъ-сараѣ и сегодня, при началѣ завтрака.

— Я вполне соглашаюсь съ вами и принимаю ваше предложеніе...

Лопатинъ протянулъ черезъ столъ свою широкую ладонь, Перловичъ протянулъ свою. Надъ остатками блюда съ котлетами совершилось дружественное рукопожатіе.

— Вотъ, напримѣръ, вы затѣваете въ обширныхъ размѣрахъ улучшеніе мѣстнаго шелководства...

Лопатинъ приподнялъ брови и отдѣлилъ нѣсколько свою спину отъ задка кресель.

— Выписываете машины, специалистовъ...

— Вы это почему знаете?

— Случайно.

— Гм...

— Наконецъ, дѣло само такъ велико, что приготовленій къ нему скрыть невозможно...

— Особенно, принимая въ расчетъ вашу пятилѣтнюю опытность.

— Хоть-бы и такъ. Я сейчасъ-же поставилъ себѣ непремѣн-

нимъ долгомъ не мѣшать вамъ въ этомъ ни прямымъ путемъ, ни косвеннымъ... И даже прекратилъ работы на своихъ ходжентскихъ шелкомотальняхъ.

— Но, кажется, онъ и безъ того не пошли-бы у васъ, по другимъ причинамъ?

— Могли-бы пойти; но я прекратилъ, и прекратилъ это съ единственною цѣлью предоставить эту промышленную отрасль безраздѣльно вамъ.

— Это очень любезно и великодушно.

Обѣ руки опять соединились, только нѣсколько ниже, такъ что парусинный рукавъ Перловича запачкался въ красноватомъ соусѣ котлетъ.

— Это только выгодно для меня, потому что я рассчитываю на подобную-же услугу съ вашей стороны.

— Весьма практично. Мнѣ остается только позаботиться, чтобы ваши расчеты сбылись.

— Съ такими средствами, какъ у васъ, и съ вашимъ знаніемъ дѣла... началъ Перловичъ.

— Съ такою предприимчивостью и опытностью, какъ ваша, перебилъ его Лопатинъ, — дѣла cadaго изъ насъ могутъ пойти блестятельно.

— Конечно; и отъ насъ-же зависитъ, чтобы дѣла наши лопнули окончательно (видите, какъ я откровененъ); стоитъ только намъ придерживаться той подрывательной системы, которой держатся всѣ эти Захо и прочіе.

— И такъ...

— И такъ я очень даже радъ, что случилось это недоразумѣніе: я говорю о перехваченномъ вами моемъ подрядѣ.

— Перехваченномъ... гм! это выраженіе не совсѣмъ вѣрно.

— Какъ-бы то ни было, но это подало поводъ къ теперешнему нашему объясненію, результатомъ котораго я болѣе, нежели доволенъ.

— Я тоже.

Собесѣдники помолчали нѣсколько минутъ. Лопатинъ повременамъ изъ-подъ лобья взглядывалъ на своего гостя. Перловичъ наблюдалъ за хозяиномъ, выглядывая изъ-за корзины съ фруктами.

Синій дымъ отъ сигаръ тянулся надъ столомъ и слегка коле-

бался, поднимаясь все выше и выше къ штучному потолку въ туземномъ вкусѣ. Съ улицы доносился стукъ экипажей, топотъ верховыхъ, выкрикиваніе мальчиковъ-таджиковъ, торговцевъ фруктъами и разными сластями. Перловичу показалось, что хозяинъ началъ дремать, по крайней мѣрѣ, онъ замѣтилъ чрезвычайно по-доврительный кивокъ его головы. Онъ поднялся со стула.

— Надѣюсь, мой уважаемый Иванъ Илларионовичъ, что какнибудъ и вы соберетесь ко мнѣ запросто позавтракать. Я всегда дома отъ трехъ часовъ до шести.

— Непремѣнно, неpremѣнно, поднялся тоже Лопатинъ, — буду... вѣроятно же всего, завтра-же буду; мнѣ тоже хотѣлось-бы присмотрѣть себѣ мѣсто для дачи въ вашей сторонѣ. Вы мнѣ дадите кое-какія указанія?

— Съ удовольствіемъ... Итакъ, до завтра.

— Я велю сейчасъ подать вашу лошадь... Эй! Федотъ! Максимъ! кто тамъ?

Прикащикъ въ длинномъ сюртукѣ, стриженный въ скобку, вынырнулъ изъ боковой двери.

— Лошадь господина Перловича... Вы верхомъ?! Какъ это хорошо! Какъ это полезно! А вотъ я такъ нѣтъ; пробовалъ: тяжело, знаете, въ мои лѣта...

— Ничего, привыкните; здѣсь это въ обыкновеніи; да во многихъ случаяхъ и нельзя иначе... Прощайте!

— До свиданья, до свиданья!

Лопатинъ проводилъ своего гостя на крыльцо, посмотрѣлъ, какъ тотъ садился на лошадь, похвалилъ эту лошадь, раскланялся еще разъ, даже послалъ воздушный поцѣлуй отъѣзжающему Перловичу и вернулся въ свой кабинетъ.

— Ишь, подъѣзжалъ какъ, а, должно быть, большой руки мошенникъ, подумалъ онъ, глядя на кресло, гдѣ только что сидѣлъ Станиславъ Матвѣевичъ.

— Хитритъ, собака! думалъ Перловичъ, рывсю переѣзжая городскую площадь и взглянувъ издали на высокія трубы лопатинскаго дома.

II.

Въ приемной у губернатора.

— Если вы, господа, не боитесь сквозного вѣтра, то я распоряджусь сейчасъ, чтобы отворили окна, произнесъ дежурный адъютантъ, сдѣлавъ общій поклонъ и вытирая себѣ лобъ и шею носовымъ платкомъ.

Онъ былъ въ мундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, что въ такую жаркую погоду было очень и очень неудобно. „Господа“, стоявшіе по угламъ и у круглаго стола, занимавшаго середину залы, тоже были въ мундирахъ и тоже страдали отъ жары. Они находились въ нескрываемомъ волненіи: они ждали и это ожиданіе такъ и высказывалось въ ихъ взглядахъ, хотя и перебѣгавшихъ для виду съ одного предмета на другой, но все-таки упорно останавливающихся на одной и той-же точкѣ. Это точка была головка бронзовой дверной ручки, въ видѣ орлиной лапки, державшей полированный шарикъ.

Было мгновеніе, что этотъ шарикъ дрогнулъ и запрыгалъ. Все затихло мгновенно, и словно вросло въ квадраты и треугольники дубоваго паркета; но тревога оказалась напрасно: дверная ручка перестала прыгать и все опять погрузилось въ томительное, тоскливое ожиданіе.

— Я полагаю—отворить; знаете, это очистить воздухъ, вкрадчивымъ полушопотомъ отвѣтилъ массивный штабъ-офицеръ, комендантъ какой-то отдаленной крѣпосцы, вызванный для объясненій изъ своей трущобы.

Три молодыхъ офицера ловко поклонились, что означало ихъ полное согласіе. Старичокъ въ мундирѣ гражданскаго вѣдомства поешился и отошелъ въ сторону, гдѣ, по его расчету, не могъ коснуться до его подвязанной щеки предательскій сквозной вѣтеръ. Прочіе сдѣлали видъ, что не слышали вовсе адъютантскаго предложенія; только угреватый интендантскій чиновникъ значительно произнесъ:

— Будетъ-ли это пріятно его превосходительству?

Адъютантъ распорядился.

Въ приемную губернаторскаго дворца, въ отворенныя окна ворвался цѣлый потокъ ароматическаго воздуха: изъ сада несло смолистымъ запахомъ молодыхъ почекъ, свѣжо-взрытою землею, свѣжестью арника Бо-су, бойко бѣгущаго по дну оврага.

— Ухъ, хорошо! слышался чей-то довольный возгласъ.

— Тс! тс!

Адъютантъ приложилъ ухо къ таинственнымъ дверямъ, пожалъ плечами и отошелъ.

— Долгонько изволятъ бесѣдовать съ этимъ господиномъ, такимъ-же полушопотомъ обратился къ нему массивный комендантъ.

— Да, уже часъ скоро, не глядя на послѣдняго, проворчалъ адъютантъ.

— Кто такіе-съ?

— Новый купецъ, Лопатинъ Иванъ Илларионовичъ, выдвинулся поближе интендантскій чиновникъ.

Легкій стукъ колесъ ресорнаго экипажа ровно и плавно катился по шоссе, повернулъ направо, прогремѣлъ по мостику, зашуршалъ по крупному песку, которымъ была усыпана площадка передъ подъездомъ дворца, и остановился. Слышно было, какъ фыркали лошади, какъ чьи-то шаги вѣбжали на крыльцо.

— Перловичъ! сообщилъ одинъ изъ присутствующихъ, узнавшій коляску, шагомъ отъѣзжающую отъ подъезда.

— Что-бы это значило, какъ вы полагаете? обратился къ своему сосѣду интендантскій чиновникъ.

— Вызывали, можетъ быть.

— Ну, нѣтъ! Я списокъ на сегодняшній день видѣлъ: его нѣтъ.

— Такъ, можетъ, какое дѣло есть.

— Гмъ, дѣло... нѣтъ-съ, не то!

— Я вамъ доложу, осторожно подобрался къ разговаривающимъ старичокъ въ гражданскомъ мундирѣ.— Совсѣмъ тутъ другая причина. Э... хмъ... Станиславъ Матвѣичъ, мое почтеніе, какъ ваше здоровье?

— Здравствуйте, здравствуйте, говорилъ скороговоркою Перловичъ.—Что, его превосходительство можетъ меня принять? обратился онъ къ дежурному адъютанту.

— Подождите, я доложу. Тамъ теперь...

— Кто тамъ, кто?

Станиславъ Матвѣевичъ отлично зналъ: кто, потому-что успѣлъ уже осмотрѣть всѣхъ присутствующихъ и зналъ, кого недостаетъ.

— Разбираетъ! хе-хе, шепталъ старичокъ интендантскому чиновнику, — страшно стало.

— Вы не знаете, по какому дѣлу приглашенъ былъ Лопатинъ? спрашивалъ Перловичъ адъютанта, отведя его нѣсколько въ сторону.

— А, право, не знаю.

— Ну, ну-же... говорите, баронъ... ну!?

— Да ей-Богу-же!

— Давно онъ тамъ?

— Уже съ часъ скоро. Сейчасъ я пойду доложу объ васъ...

— Ахъ, пожалуйста!

Станиславъ Матвѣевичъ отошелъ къ окну и сталъ смотрѣть въ садъ. Онъ былъ во фракѣ, съ складною шляпою въ рукахъ. Онъ былъ нѣсколько взволнованъ, узкія брови его нервно подергивались, пальцы коверкали лайковую перчатку. . . . .

— И вотъ они теперь все другъ подъ друга подкапываются, шепталъ старичокъ, косясь то на спину Перловича, то на дверь, ведущую во внутренніе апартаменты.

— А съ виду-то какіе пріятели... я вчера слышалъ, подъ руку прогуливаются по балкону и разговариваютъ, комплименты такъ и сыпать, такъ и сыпать.

— А сами такъ и нарываютъ пакость какую-нибудь сдѣлать другъ другу.

— Да, вотъ *тотъ* теперь, то-есть готовъ душу прозакладывать, тамъ мины подводить, а этотъ контръ-мины обдумываетъ.

Перловичъ быстро обернулся, прошелся по залу, остановился передъ дверью, переложилъ шляпу изъ-подъ одной мышки подъ другую, сѣлъ на стулъ, но тотчасъ-же опять вскочилъ и началъ прохаживаться.

— Ну, что? бросился онъ къ адъютанту, вернувшемуся въ пріемную.

— Ничего не сказалъ. Я подождалъ, сколько могъ, и ушелъ.

— Э-эхъ!

— Генераль самъ сейчасъ выйдетъ... да вотъ, кажется, идетъ уже. Господа, прошу по мѣстамъ!

Все задвигалось, прокашлялось и затихло. Перловичъ выдвинулся впередъ и закрылъ собою старичка въ гражданскомъ мундирѣ.

— Э-э-э, позвольте...

— У васъ шарфъ разстегнулся, шепнуть адъютантъ одному изъ молодыхъ офицеровъ.

Всѣ руки сразу начали ощупывать свои шарфы.

Въ отворенныхъ дверяхъ показалась сперва широкая спина Лопатина и фалды его фрака съ торчащимъ кончикомъ платка, за этой фигурою блеснулъ шитый воротникъ и красный лампасъ.

— Благодарю васъ, очень благодарю, говорилъ генераль.

— Помилуйте, ваше превосходительство!

— Очень, очень вамъ благодаренъ.

— Вы слишкомъ добры, ваше превосходительство.

— Не ко всѣмъ, нѣтъ, не ко всѣмъ. Да, наконецъ, тутъ личность совершенно не причесть; главное, польза края, успѣхъ нашего дѣла. А я, съ своей стороны, все, что могу, что только въ предѣлахъ моей власти.

— Конечно, ваше превосходительство, всегда найдутся люди, готовые, такъ сказать, подставлять ногу всякому благому начинанію.

— Я васъ понимаю.

— Итакъ, ваше превосходительство...

— Все, что я вамъ уже обѣщалъ. До свиданья.

Генераль протянулъ руку Лопатину, тотъ подержалъ ее нѣсколько мгновеній между своими ладонями, еще немного попятился и, весь сіяющій, прошелъ черезъ приемную.

Онъ хорошо замѣтилъ Перловича, но сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ его вовсе.

Дверь во внутренніе апартаменты снова закрылась, къ недоумѣнію всѣхъ присутствующихъ.

— Могу я теперь взойти? Мнѣ такъ надо! говорилъ Перловичъ адъютанту.

— Пойду, еще разъ спрошу.

— Завтракъ накрываютъ на террасѣ!.. сообщилъ кто-то, заглядывая въ окно, выходящее въ садъ.

— Генераль благодарить и просить записаться, появился въ дверяхъ адъютантъ,—а васъ, Станиславъ Матвѣвичъ, онъ принять сегодня не можетъ.

— Но почему-же?!

— Не знаю, онъ сказалъ только: Перловичу скажите, что я его принять сегодня не могу; больше ничего.

— Прощайте, баронъ.

Перловичъ быстро повернулся, закусилъ губу и вышелъ.

— А подрядецъ за нимъ-то, пожалуй, не состоится, подмигнулъ вслѣдъ отъѣзжающей коляскѣ Перловича интендантскій чиновникъ.

— Вчера прїѣзжалъ, тоже не принялъ. Въ совѣтъ подавалъ—придержали, а тотъ цѣны сбавилъ... немного, а сбавилъ, сообщалъ старичокъ, садясь въ свои дрожки.

— Провалится...

— Вотъ это уже второе дѣло у него перебиваютъ; да какое дѣло!.. Вы куда теперь?

— Къ Лазорину; у него Манюся его имянинница, звалъ на пирогъ.

— Довезите и меня.

Интендантскій чиновникъ забѣжалъ съ другой стороны и полѣзъ въ экипажъ.

— Такая, я вамъ доложу, баталія отерывается между нашими комерсантами—бѣда!

— Ну, тотъ тоже себя за горло взять не позволить. Эй, налѣво въ переулокъ!

Свернувъ налѣво, дрожки съ двумя сѣдоками скрылись за угломъ большого сарае-подобнаго зданія, надъ входною дверью котораго красовалась надпись:

„Вновь открыты московскія бани, съ отдѣльными номерами, съ мужскою и женскою прислугою“.

III.

Розовыя мечты.

Возвращаясь домой отъ губернатора, Лопатинъ находился въ самомъ оживленномъ настроеніи. Присутствіе Перловича въ приемъ

ной его нѣсколько смутило, но онъ скоро оправился и, развалившись въ своей коляскѣ, насвистывалъ какой-то веселенькій мотивчикъ.

„Вотъ и второй подрядъ у него изъ зубовъ, такъ-сказать, выхватываю, думалъ онъ и нѣжно поглаживалъ серебрянный набалдашникъ своей палки, голову бульдога въ треугольной шляпѣ.

„Вѣрите моей пяти-лѣтней опытности... хе-хе! усмѣхнулся онъ, припоминая недавнее посѣщеніе Станислава Матвѣевича, — опытности... нѣтъ, братъ, намъ дѣлится съ тобою нечего, не съ руки, не приходится. Или я все заберу въ свои руки, или ты попробуй утопить меня, коли сможешь. Да-съ! потягайся-ко!

Плавно катилась покойная коляска по новому городскому шоссе. Ряды тополей, окаймляющіе улицы, шелестѣли своею серебристою листвою, пріятный вѣтерокъ такъ ласкалъ и нѣжилъ нѣсколько вспотѣвшую лысину Ивана Илларионовича.

Онъ держалъ шляпу въ рукахъ и прикрывалъ голову тонкимъ, бѣлымъ фуляромъ. Онъ уже успѣлъ освоиться съ нѣкоторыми мѣстными приѣмами и привычками.

— Повернешь вокругъ крѣпости, проѣдешь на Бешь-агачъ, оттуда мимо губернаторскихъ дачъ къ Салару, приказалъ онъ своему кучеру изъ безсрочно-отпускныхъ стрѣлковъ.

Иванъ Илларионовичъ снова погрузился въ размышленіе и воспоминанія:

„Ну, чтобы онъ теперь дѣлалъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ или тамъ въ Нижнемъ, гдѣ онъ заканчивалъ свои послѣднія торговныя операціи... Кто говоритъ, состояніе, которымъ онъ обладалъ, довольно крупныхъ размѣровъ, дѣла его были не маловажныя, но все это терялось какъ-то, ступшеывалось въ массѣ еще болѣе крупныхъ оборотовъ... никому въ глаза не бросалось... ну, положимъ, знали на биржѣ, на рынкахъ тамъ, что-ли, что есть, моль, Лопатинъ купецъ... ну, и только! А тутъ... ха-ха! звѣзда первѣйшихъ размѣровъ; обширнѣйшія палестины для всякихъ торговыхъ оборотовъ. Дѣйствуй только! А что главное: это извѣстность. У губернатора принять.

И вотъ передъ Лопатинимъ, въ клубахъ шоссеиной пыли, стали проходить всѣ мельчайшія подробности аудіенціи.

— Вотъ Хмуровъ, напримѣръ, человекъ уже совершенно пустѣйшій; авантюристъ и больше ничего, а каково пошелъ, каково!

Европейская известность. Отъ иностранныхъ державъ орденскія украшенія получалъ. Портретъ вонъ въ „Всемирной Иллюстраціи“ напечатанъ былъ: сидитъ это въ русскомъ кафтанѣ, тигръ лежитъ у самыхъ ногъ, значитъ, въ полномъ повиновеніи.“

Иванъ Илларионовичъ приложилъ палецъ ко лбу и почесалъ за ухомъ. Онъ соображалъ: какого и ему-бы завести звѣря. Развѣ опять тигра, — страшно!

„Непремѣнно, подумалъ онъ, — какъ увижу Скворцова, спрощу у него, что онъ посоветуетъ.“

„Вотъ прійдутъ его караваны, машины привезутъ. Перекупить онъ у Перловича его остановленную фабрику, увеличить ее, настроить того и сего... Шелководство заведетъ такое, что ухъ!.. Тутъ выводятъ червей, тамъ собираютъ коконы, морятъ ихъ, разматываютъ, моютъ, сушатъ, красятъ... Паровой двигатель такъ и работаетъ, такъ и работаетъ... матеріалу не хватаетъ — собирай, ищи, стаскивай отовсюду, у всѣхъ отнимай, души эту торговую мелочь... все въ однѣ руки...“

У него даже началась легкая одышка. Онъ растегнулъ жилетъ и ослабилъ узелъ бѣлаго галстука.

„Открываются непосредственныя сношенія съ Ліономъ, съ Италіей... туда онъ отправляетъ шелкъ въ сырьѣ... Непрерывныя цѣпи верблюдовъ тянутся отъ Ходжента чуть не до самаго Оренбурга. Отсюда ему шлютъ готовныя ткани. Въ Петербургъ, въ Москвѣ, во всѣхъ городахъ російскихъ обширѣйшіе склады... Цѣны понижаются, иностранныя фирмы трещатъ, не выдерживаютъ конкуренціи, лопаются одна за другой...“

„Иванъ Илларионовичъ Лопатинъ!“ гремитъ во всѣхъ углахъ его имя. Онъ ѣдетъ по Европѣ — приемъ, почетъ, удивленіе. „Legion d'honneur“ „Льва и солнца“ „Nonni soit qui mal y pense“, постой, какіе еще есть ордена?! И все это на шеѣ, отъ одного плеча до другого, звенитъ, блеститъ, колышется...

— Возьми вправо, коляска, вправо, скорѣе! кричитъ молодой сильный голосъ.

Глухой грохотъ, оглушительное, шипящее шуршаніе шоссейнаго камня несется навстрѣчу. Штукъ пятнадцать разномастныхъ лошадей, перепутанныхъ по всѣмъ направленіямъ веревками, тащатъ какую-то чудовищную, дробящую машину — катокъ. Молодой офицеръ — саперъ, верхомъ на высокой бѣлой лошади, чортомъ вер-

тится въ клубахъ шоссейной пыли, заскакиваетъ справа, слѣва, сзади, спереди...

— Нахлестывай, нахлестывай! Чубараго жарь!.. Передняя тройка чего замялась... Ай-ай-ай-ай!.. гайда, гайда! ухъ-ухъ!.. ну, еще, ну, разомъ!

Щелкаютъ нагайки по крупамъ выбивающихся изъ силъ лошадей, свистятъ и гремятъ осипшіе голоса саперныхъ солдатъ.

— Гей, гей! гони, гони!.. Ахъ, чортъ тебя дери!..

Батокъ остановился.

Чуть-чуть стороною объѣхала коляска Лопатина всю эту оживленную массу.

— Здравствуйте! любезно раскланялся Иванъ Илларионовичъ, узнавъ знакомаго ему офицера, — работаете?

— Укачиваю... идетъ отлично!

— Скоро кончится постройка шоссе?

— О, да; раньше назначеннаго срока, гораздо раньше. Этотъ катокъ я самъ устроилъ. Онъ ужасно тяжелъ, за-то дѣйствуетъ отлично... И какъ все это мнѣ дешево стало.

— Будто-бы?

— Да какъ-бы вы думали? Эта вотъ линія шоссе до самого того угла...

Саперъ указалъ концомъ нагайки до какого именно угла.

— Обойдется мнѣ на четыре съ половиною тысячи дешевле ассигнованной суммы. Какова экономія!

— Превосходна! Для начала это очень недурно. Что-же вы думаете дѣлать съ этою экономіею?

— Какъ что? Представить ее по назначенію.

— Чего-съ?

— Или предложить устройство плитного тротуара, хоть по главной линіи...

— Вотъ оригиналь, подумалъ Лопатинъ. — Да вы-бы лучше ее сюда... эту экономію-то...

Иванъ Илларионовичъ сдѣлалъ выразительный жестъ рукою.

— Ну-ну-ну! нечего брови хмурить, вы видите, я шучу... Ко мнѣ заѣзжайте почаще... безъ всякой церемоніи...

Легкій кабриолетъ, запряженный кругленькимъ бѣлымъ иноходцемъ, подъѣхалъ съ другой стороны; въ немъ сидѣла красивая барыня и, привставъ немного, высматривала: гдѣ-бы ей удоб-

нѣе было пробраться. Остановившіяся катокъ со всѣми своими лошадьми и лопатинская коляска совершенно загородили дорогу.

Изъ-подъ полей овальной соломенной шляпки выбивались пряди темныхъ, вьющихся волосъ, слегка напудренныхъ шоссейною пылью, сверкали веселые, оживленные глазки; на ея щекахъ такъ и пылала густой бархатистый румянецъ, который чрезвычайно шелъ къ темноватому цвѣту ея смуглой кожи. Впрочемъ, эта смуглость была слѣдствіемъ загара, потому что, когда вѣтеръ колыхнулъ и откинулъ ея кружевную косынку, то округленное, обнаженное плечико наѣздницы такъ и кинулось въ глаза Ивана Илларионовича своею матовою бѣлизною.

— Господа, вы совершенно заняли весь проѣздъ! Я не могу выбраться, произнесла красавица, придерживая свою лошадку и вглядываясь сквозь пыль, — это это такой сидитъ въ коляскѣ?

— Ай да барынька! мелькнуло въ головѣ Лопатина.

— Марфа Васильевна! я сейчасъ вамъ очищу дорогу, сію минуту! Эй! продвинь вправо! осадь лошадей! вотъ такъ! распорядился саперъ, ринувшись на выручку барыни въ кабриолетѣ, — за мной, Марфа Васильевна!

Наѣздница тронула своего иноходца концемъ бича и поровнялась съ коляскою Ивана Илларионовича.

Лопатинъ поклонился.

— Bonjour! кивнула головкою Марфа Васильевна.

— Катаетесь? вторично раскланялся Иванъ Илларионовичъ.

Опъ познакомился уже съ нею какъ-то недавно, на балѣ въ Минъ-Урюкѣ и даже заплатилъ за ужинъ, за которымъ председательствовала красавица, окруженная своими поклонниками.

— И вы тоже, кажется, улыбнулась она и очень ловко, совершенно, впрочемъ, нечаянно, выставила свою ножку, обутую въ маленькую туземную туфлю, красную съ острымъ, нѣсколько загнутымъ носкомъ.

Вѣтерокъ и тутъ оказалъ помощь невинному кокетству Марфы Васильевны, колыхнувъ ея юбки. Красивая округлость ея ногъ, нѣсколько повыше щиколотки, выказалась въ полнѣйшемъ блескѣ.

— Что-же это вы не верхомъ? Вы такая любительница, сколько я знаю, замѣтилъ Лопатинъ.

— Прокофьевъ! ты, кажется, куришь? Давай огня... живо!

крикнулъ саперъ, замѣтивъ, что Марфа Васильевна вынула портъ-сигарь.

— Ахъ, съ моимъ сѣдломъ случилось несчастіе. Оно такое старое и все развалилось. Я послала чинить, говорятъ: не стоитъ.

— Надо новое выписать.

— Это такъ долго. Я видѣла одно въ магазинѣ у Захо, но онъ проситъ такъ дорого.

— Э!.. хмъ!.. замаялся было Лопатинъ.

— Какая у васъ славная коляска, — лучше, чѣмъ у самого губернатора. — Мерси!.. обратилась она къ саперу, слѣзшему съ лошади и подошедшему къ ея кабриолету съ дымящейся солдатской трубкой.

— Я къ вамъ сегодня чай пріѣду пить вечеромъ... можно? спросилъ тотъ, смахивая платкомъ какого-то мохнатого червяка, взобравшагося на платье Марфы Васильевны.

— Конечно, можно; даже должно... Только смотрите, если вы собираетесь ухаживать за мною, то берегитесь; я знаю вѣдь, кому надо на васъ насплетничать... До свиданья!

Дорога передъ кабриолетомъ была расчищена. Наѣздница щелкнула возжами и промелькнула, скрывшись за поворотомъ. Коляска тоже поѣхала дальше; массивный катокъ снова завизжалъ, загремѣлъ и зашуршалъ, дробя шоссеиный камень.

И вспомнилась Ивану Иларіоновичу другая пара такихъ-же чудныхъ глазокъ, такихъ же стройныхъ ножекъ, мелькавшихъ въ вальсѣ изъ-подъ длиннаго газоваго шлейфа... Вспомнился голосокъ ея, звонкій, нѣжный, такъ и проникающій въ душу; ея ротикъ, складывающійся въ капризную, своенравную гримаску.

— Пошелъ домой! глубоко вздохнулъ онъ.

— Чего-съ? обернулось къ нему обрамленное бакенбардами лицо отставнаго стрѣлка-вучера.

— Домой! крикнулъ онъ громко, откинулся въ глубину экипажа, вынулъ изъ бокового кармана бумажникъ, отыскалъ тамъ какое-то письмо, развернулъ его и сталъ перечитывать.

Письмо это получено было еще наканунѣ. Оно было отъ Катушкина. Иванъ Демьяновичъ извѣщалъ своего патрона о томъ, что г-жа Броне и „ихъ дочка“ благополучно и въ добромъ здоровьѣ прибыли въ Казалу и тамъ сѣли на пароходъ „Араль“,

гдѣ онъ нанялъ имъ отдѣльную каюту. Самъ-же онъ лично остался въ Казалѣ и даже предполагаетъ проѣхать назадъ до Уральскаго укрѣпленія, такъ какъ никакихъ свѣденій о движеніи каравана съ машинами и товаромъ онъ еще не имѣетъ и это повергаетъ его въ немалое сомнѣніе. Если-же что узнаетъ опредѣленнаго, то увѣдомитъ тотчасъ-же. Г-жа Брозе, по его расчету, должна прибыть въ Чиназъ къ двѣнадцатому іюля, даже, можетъ быть, раньше, если ничто не задержитъ плаваніе парохода.

— Это значить, рассчитывалъ Иванъ Иларіоновичъ, — дней черезъ пять надо послать въ Чиназъ экипажъ, или же, что самое лучшее, поѣхать самому и тамъ дожидаться прибытія парохода... Однако, это хорошо, что я успѣшилъ отдѣлкою комнать...

Далѣе сообщалъ Катушкинъ, что Перловичъ, черезъ своихъ агентовъ, скупилъ весь спиртъ, находившійся въ фортовыхъ складахъ, и грузитъ его на баржи... Цѣну на крупу и муку поднялъ на двадцать процентовъ, а пшеницу въ Казалѣ законтрактовалъ еще на корню; и какъ-бы, вслѣдствіе сихъ его дѣйствій, не причинилось-бы какого вреда относительно послѣдняго подряда, ибо агенты его, то есть Перловича, дѣйствуютъ крайне быстро и не безуспѣшно.

— погоди, братъ, я тебѣ крылья-то пообламаю, думалъ Иванъ Иларіоновичъ, — ишь ты гусь каковъ, какъ я погляжу!

Онъ вспомнилъ дружескія рукопожатія надъ остывшимъ блюдомъ съ котлетами.

Затѣмъ Катушкинъ просилъ денегъ выслать въ Казалу и, сколько возможно, не замедлить высылкою. Заканчивалось письмо всякими добрыми пожеланіями, кои шлетъ ему по гробъ вѣрный, вѣчно обязанный слуга его, Иванъ Катушкинъ.

— Лошадей выводи хорошенько, хомуты оботри на сухо и смажь, распорядился Лопатинъ, вылѣзая изъ коляски.

Онъ прошелъ черезъ дворъ, поднялся на терасу, задрапированную полосатымъ тикомъ, вынулъ елочъ изъ кармана и отперъ дверь, украшенную мелкою азіатскою рѣзбою по темному карагачу.

Онъ взомелъ въ помѣщеніе, предназначенное для г-жи Брозе и Адель. Все здѣсь было обдуманно и приспособлено къ своему на-

значенію. Полъ пріемной былъ устланъ ковромъ, вдоль стѣнъ тянулись упругіе низенькіе диваны съ подушками-валиками въ турецкомъ вкусѣ; въ углахъ и передъ диванами стояли столики, на нихъ китайскія вазочки съ цвѣтами, курительницы, пепельницы и разныя бездѣлушки; по стѣнамъ были развѣшены картины довольно пикантнаго свойства; фигурныя, золоченныя рамы такъ красиво обрисовывались на шелковистомъ фонѣ узорнаго адресса *), которымъ были обиты стѣны комнаты. Большой матовый фонарь спускался съ потолка какъ разъ надъ серединою круглаго стола. Прямо была широкая, стеклянная дверь, ведущая на террасу, въ садъ, направо дверь въ спальню Фридерики Казиміровны, на лѣво — въ спальню Адель. Изъ этой послѣдней спальни еще вела куда-то небольшая дверь; она была заперта и даже заставлена большимъ трюмо, такъ что съ перваго раза ее даже невозможно было замѣтить.

Въ комнатахъ было немного душно и пахло розами, горькимъ миндалемъ и мускусомъ. Иванъ Иларіоновичъ открылъ окна, велѣлъ подать себѣ платье и переодѣлся изъ фрака въ лѣтній костюмъ, весьма напоминающій тѣ балахоны, что носятъ американскіе плантаторы. Затѣмъ онъ развалился въ покойномъ, качающемся креслѣ и опять принялся мечтать. Иванъ Иларіоновичъ сегодня находился въ какомъ-то особенномъ, мечтательномъ настроеніи.

На письменномъ столѣ, въ темной бархатной рамѣ стоялъ превосходный акварельный портретъ будущей обитательницы этой комнаты. Лопатинъ не спускалъ глазъ съ этого портрета.

И вдругъ вспомнилась ему сегодняшняя встрѣча на шоссе. Сходства много, очень много: тѣ-же насмѣшливые, задорные глаза, та-же улыбка, даже голосъ...

— Кушанье на столѣ. Господинъ тамъ какой-то дожидается! показался въ дверяхъ кудреватый парень въ поддевкѣ.

— А, что такое?

Лопатинъ точно проснулся, протеръ кулакомъ глаза и даже потянулся.

— Кто тамъ такой?

---

*) Ярко-цвѣтная, полумошковая ткань мѣстнаго производства.

— Не могу знать: впервой вижу; одежда невоенная.

— Ну, сейчас выйду. Попроси въ гостиную... или нѣтъ, постой, зови лучше наверхъ.

Парень скрылся за дверью, а Лопатинъ сталъ поправлять передъ трюмо свой костюмъ, пришедшій немного въ безпорядокъ. Потомъ онъ зашелъ за трюмо, щелкнулъ тамъ чѣмъ-то и болѣе оттуда не показывался.

Онъ теперь находился уже въ своемъ кабинетѣ и оттуда слышенъ былъ только его голосъ, отдававшій какія-то приказанія.

Въ ту-же ночь Марфа Васильевна, вернувшись довольно поздно, почти передъ разсвѣтомъ, къ себѣ домой, нашла среди комнаты ящикъ довольно большихъ размѣровъ, на крышкѣ котораго ясно значилось, что посылка эта предназначалась именно ей, а не кому другому.

Въ ящикѣ оказалось прекрасное новое дамское сѣдло со всѣми принадлежностями.

Марфа Васильевна улыбнулась и подумала:

„Хорошо-бы, если-бы за сѣдломъ послѣдовала лошадь, а тамъ...“ — Набрюшниковъ, вы можете теперь ѣхать домой, обратилась она къ казачьему офицеру, сопровождавшему ее и принимавшему самое дѣятельное участіе въ раскупоркѣ ящика. Теперь онъ стоялъ среди комнаты въ выжидательной позѣ.

— Марфа Васильевна! захлебнулся-было Набрюшниковъ.

— Что вы?

— Здѣсь, на порогѣ вашей двери, я готовъ провести всю ночь...

— Хорошо, только выйдите прежде и позвольте мнѣ запереть дверь на ключъ.

И она хлопнула дверью какъ-разъ передъ носомъ опечаленнаго кавалера.

Марфа Васильевна начала раздѣваться, а Набрюшниковъ сѣлъ на свою лошадь и шагомъ поѣхалъ по узкому переулку.

IV.

Бурченко и его предложеніе.

— Ну, кто тамъ такой — взглянуть развѣ, кого это Господь посылаетъ?

Лопатинъ отдернулъ немного дверную драпировку и посмотрѣлъ въ образовавшуюся щель.

Тамъ стоялъ Бурченко и, заложивъ руки за спину, разсматривалъ арматуры изъ азіатской сабли и оружія, развѣшанныя по стѣнамъ комнаты.

„Личность новая, не видалъ никогда“, подумалъ Иванъ Иларіоновичъ. „По какому-бы это дѣлу?“ — Здравствуйте! Чему обязанъ вашимъ посѣщеніемъ? громко произнесъ онъ, выходя изъ своего кабинета.

Бурченко обернулся.

— Отставной капитанъ Бурченко, позвольте отрекомендоваться, произнесъ онъ; — а пришелъ къ вамъ по дѣлу, и если вы можете удѣлить мнѣ часокъ времени, то, съ позволенія вашего...

— Вы обѣдали?

— Позавтракалъ довольно плотно и очень даже недавно.

— Ну, жаль, пожалъ плечами Иванъ Иларіоновичъ. — Я, видите-ли, очень проголодался и намѣренъ сѣсть сейчасъ обѣдать; если это васъ не стѣснитъ...

— Нѣтъ, отчего-же: вы-себѣ обѣдайте, а я вамъ буду рассказывать. Къ концу обѣда, можетъ быть, до чего-нибудь и договоримся.

— Ну вотъ и прекрасно. Итакъ — милости просимъ.

Лопатинъ вышелъ на террасу, гдѣ былъ накрытъ обѣденный столъ. Бурченко пошелъ за нимъ, прихвативъ съ собою какой-то сверточекъ, лежавшій на стулѣ вмѣстѣ съ его бѣлою, холщовою фуражкой.

Посѣтитель какъ-то сразу понравился Ивану Иларіоновичу, хотя его немного потертый костюмъ и пыльные, высокіе сапоги произвели на него сначала несовсѣмъ выгодное впечатлѣніе.

— Ну-съ... Да вы, можетъ быть, скушаете чего-нибудь?—Эй, подайте еще приборъ.

— Не беспокойтесь, пожалуйста.

Лопатинъ усѣлся въ кресло и подвязалъ салфетку подъ горло. „Любить, должно быть, покушать“, смекнулъ Бурченко, глядя на эти приготовления.

Хозяинъ улыбнулся и кивнулъ головою, какъ-бы приглашая Бурченко приступить къ дѣлу.

— Не безызвѣстна вамъ, хотя вы, сколько я знаю, въ этомъ краѣ еще недавно, началъ гость, когда Лопатинъ покончилъ съ тарелкою зеленыхъ щей съ яйцами, — та нужда, которую мы здѣсь терпимъ отъ недостатка топлива...

— Гм... прокашлялся Лопатинъ.

— Лѣсовъ нѣтъ, то-есть они есть, да далеко въ горахъ, чуть не за облаками; садовъ рубить не приходится, развѣ что уже совсѣмъ пришло въ негодность. Потребность въ топливѣ увеличивается съ каждымъ днемъ, цѣны на дрова вслѣдствіе этого страшно поднимаются, особенно теперь, когда начали строить заводы разные.

— Вѣрно, вѣрно!

— Ну-съ, принялись изыскивать всякіе способы поправить это невыгодное положеніе дѣлъ, уменьшить зло, такъ-сказать, — каменный уголь добывать начали; отыскали что-то; много шумѣли, опыты дѣлали, но... не все это были однѣ только попытки, попытками онѣ и остались. Я уже давно здѣсь и все это происходило на моихъ глазахъ, а потому я знаю, что говорю.

— Ну, а эти копи, что разрабатываетъ Алмазниковъ или вотъ этотъ ходженскій винодѣль, какъ-бишь его?..

— А что въ нихъ толку? Да и кромѣ ихъ были, и все это какъ-то не клеилось: то залежи оказывались до того бѣдны, что не стоило ихъ разрабатывать, то вывоза изъ горъ не было, то другое что-нибудь мѣшало.

— Да отчего-же это?

— А не знаю. Я, по крайней мѣрѣ, предполагаю, оттого, что ни у кого не хватало ни смѣлости, ни предприимчивости проникнуть въ самую глубь этихъ горъ, поразвѣдать тамъ всѣ закоулки, узнать, что такое скрыто подъ этими громадами; позить тамъ подольше, порыскавъ, изучить каждую тропинку; надо было порисковать своею персоною, а не шунать эти горы по краешкамъ, боясь хоть на одинъ шагъ отойти отъ казачьяго или сол-

датскаго конвоя, чтобы не попасться какъ-нибудь подъ арканъ или ножъ одичалаго горца... Вы знаете пословицу: „чѣмъ дальше въ лѣсъ...“

— Вы меня крайне интересовываете. Позвольте?

Лопатинъ налил вина въ стаканъ и подвинулъ его къ гостю.

— Въ концѣ-концовъ вышло, что мы все-таки не добились ничего путнаго.

— Да была-ли возможность добиться какихъ-либо лучшихъ результатовъ?

— Была; я въ этомъ ни одной минуты не сомнѣвался и поступилъ такъ: прежде всего я вышелъ въ отставку, такъ-какъ служба мнѣ, само собою разумѣется, мѣшала; затѣмъ я отправился на розыски. Больше года рыскалъ я по горамъ, возвращался по временамъ въ ближайшіе русскіе посты, запасался тамъ чѣмъ слѣдовало и опять отправлялся на розыски. Раза три чуть не попался-было въ руки коканцевъ; совсѣмъ-было погибъ разъ, да вывернулся уже почти-что чудомъ, — теперь не время, а послѣ какъ-нибудь я вамъ поразскажу довольно интересныя подробности. Дѣло окончилось тѣмъ, что у меня вотъ въ этомъ самомъ свертокѣ заключаются такія свѣденія, которыя могутъ не только обогатить отдѣльную личность, но упрочить благосостояніе цѣлаго края.

Иванъ Иларіоновичъ пристально посмотрѣлъ въ глаза своему гостю, повосилъ на свертокъ и приготовился-было что-то произвести.

— Что,— конечно, не вѣрите? это весьма понятно;— другіе вотъ тоже не вѣрятъ, ну да я и увѣрятъ никого не намѣренъ: само дѣло выскажется за себя со-временемъ. Я вамъ только сообщу, что я открылъ каменноугольные пласты, взломанные и вывороченные почти на поверхность скатовъ вслѣдствіе вулканическихъ причинъ. Разработка ихъ не представляетъ никакихъ затрудненій да и вывозъ удобенъ. Да если-бы только вы видѣли, каковъ уголь... — вы знаете толкъ въ углѣ?

— Очень мало.

— Ну, я вамъ покажу; у меня есть образцы... Что за уголь! Англичане-бы его зубами изъ земли выгрызли... чудо!..

Глаза Бурченко разгорѣлись, онъ всталъ даже со стула, прошепсая по террасѣ и опять сѣлъ.

— Гдѣ-же это? началъ было Лопатинъ.

— Да что уголь! руды: свинцовыя, жѣдныя, серебрянныя... Какія жилы!.. лежатъ онѣ, тянутся, какъ змѣи, во всѣ стороны и ждутъ только смѣлаго удара киркою и ломомъ, чтобъ показаться на свѣтъ божій... Разъ какъ-то, вотъ слушайте, что я вамъ расскажу: страшная гроза свирѣпствовала въ горахъ. Я успѣлъ укрыться, вмѣстѣ съ своею лошадью въ затишье за скалою, то есть въ относительномъ затишьѣ: меня и било градомъ и хлестало дождемъ, по крайней мѣрѣ, я могъ хоть держаться на ногахъ, въ другомъ мѣстѣ меня-бы давно сорвало бурей. Прямо противъ меня, по ту сторону ущелья, горы затагнуло тучами, и я только слышалъ гулъ обвала, такой, что до сихъ поръ еще звенить у меня въ ушахъ при одномъ только воспоминаніи... Подмыло-ли ихъ, или это было послѣдствіе подземныхъ ударовъ, вѣрнѣе послѣднее, но только въ пропасть, глубиною безъ малаго полверсты, рухнули цѣлыя скалы и загромоздили своими обломками „Караколь!..“

— Какъ вы назвали?

— Чего-съ?.. Да, ручей, что тянулся по дну лощины. Дѣло не въ названіи. Двѣ недѣли я не отходилъ отъ слѣдовъ, оставшихся послѣ обвала, я изучалъ напластованія, сдѣлалъ рисунки, опредѣлил мѣстность... Какія широкія пути къ обогащенію я видалъ въ этихъ темно-сѣрыхъ, красноватыхъ, зеленоватыхъ, съ металлическими отблесками жилахъ и, судя по видимымъ образцамъ, не трудно было догадаться, что можно было найти дальше, роаясь по ихъ направленіямъ...

— Вы никому объ этомъ не говорили до сихъ поръ?

— Нѣтъ, говорилъ: только картъ своихъ не показывалъ и мѣстности не опредѣлялъ. Денегъ просилъ... Безъ денегъ какъ приступить.

— Ну, и не дали?

— Не дали. Въ Петербургѣ былъ, говорятъ: „далеко;“ да, можетъ быть, все это еще преувеличено мною, а на дѣлѣ, пожалуй, окажется, что игра не стоитъ свѣчь... Одинъ было обѣщаль... да тамъ оспа свирѣпствовала въ то время и свалила его, а наслѣдниковъ дожидаться было некогда. Въ Нижнемъ посоветовали къ вамъ обратиться, да и самъ я думаю, что здѣсь

скорѣе можно что-нибудь сдѣлать, виднѣе какъ-то. Вотъ я къ вамъ и обращаюсь.

— А вы не обращались-ли къ Перловичу? У него такая предпріимчивая натура; онъ за все хватается!

— Нѣтъ, къ нему не обращался.

— Почему-же?

— У меня есть на то свои причины.

Брови малоросса сдвинулись и на его лицѣ промелькнуло нѣсколько злое выраженіе при имени Станислава Матвѣевича. Это обстоятельство не скрылось отъ Лопатина.

— Ну, и хорошо сдѣлали, произнесъ онъ.—Что-же вамъ именно пужно?

— Во-первыхъ, мнѣ нужно немного пока—тысячи двѣ, небольше... Я поѣду вдвоемъ съ своимъ товарищемъ по ремеслу, которому я отчасти довѣрилъ свое открытіе.

— Кто это?

— Ледоколовъ. Вы его не знаете, онъ изъ Петербурга и я познакомился съ нимъ дорогою.

— Онъ здѣсь теперь?

— Нѣтъ, въ Казалѣ онъ сѣлъ на пароходъ и теперь скоро долженъ пріѣхать, я-же пробрался сухимъ путемъ, на почтовыхъ...

— Гм... замялся было Лопатинъ.

— Ну-съ, такъ вотъ, изволите-ли видѣть, если вы мнѣ дадите сперва эти деньги, на рискъ, рассчитывая ихъ и получить обратно и не получить, то я снова отправлюсь въ горы, подготавливаю все, сдѣлаю еще тѣ розисканія, которыя нахожу необходимыми, и тогда уже устроимъ все по порядку юридическимъ путемъ... Вы лично все увидите, находка моя перестанетъ быть секретомъ; вы, можетъ быть, найдете возможность затратить болѣе значительный капиталъ, навербуемъ рабочихъ, не солдатъ, нѣтъ, а непременно мѣстныхъ туземныхъ рабочихъ, выпишемъ машины нужныя и откроемъ такое производство, что на вѣки вѣковъ хватитъ и намъ, и дѣтямъ нашимъ, и внукамъ, и правнукамъ... Ну-съ, такъ какъ-же?

Бурченко вопросительно взглянулъ на хозяина.

— Вашъ товарищъ ѣдетъ на пароходѣ Аралъ? спросилъ тотъ его и сталъ вытирать салфеткою свои толстыя губы.

— Что такое!?

Малороссъ озадачился, и озадачился довольно сильно. Лопатинъ повторилъ вопросъ.

— А не знаю, можетъ, и „Араль“; я не справлялся, холодно отвѣтилъ онъ, взявъ свой свертокъ и поднялся со стула.

— Сидите; куда вы? Я вотъ васъ хотѣлъ спросить, не видали-ли вы двухъ дамъ, которыя тоже должны ѣхать на этомъ пароходѣ?

Злая усмѣшка вторично пробѣжала по лицу Бурченко.

— Какъ-же, видѣлъ, да вы объ нихъ не безпокойтесь, онѣ окружены самымъ изысканнымъ и утонченнымъ попеченіемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Лопатинъ сталъ комкать салфетку, потомъ швырнулъ ее въ сторону и принялся за другую.

— Тамъ, около нихъ, такъ много услужливыхъ кавалеровъ... Миѣ-бы хотѣлось знать, чѣмъ вы рѣшите на счетъ моего предложенія?..

Лопатинъ взглянулъ на него словно съ просонья и залпомъ выпилъ стаканъ воды.

— Вы извините, произнесъ онъ,—я былъ причиною, что мы нѣсколько уклонились отъ нашего первоначального разговора.

— И очень даже уклонились...

— Я вамъ эти деньги дамъ; я болѣе дамъ, я вамъ могу сейчасъ-же дать пять тысячъ...

— Сейчасъ миѣ не нужно. Миѣ деньги нужны будутъ черезъ десять дней. Приѣдетъ мой товарищъ и мы вмѣстѣ отправимся въ горы и тогда...

— Вы получите деньги, какъ только онѣ вамъ понадобятся. Считайте, что онѣ въ вашемъ карманѣ.

— Спасибо!..

Бурченко протянулъ Лопатину свою руку.

— А то, что въ этомъ сверткѣ?..

— Вы сейчасъ увидите: здѣсь рисунки профилей и разныя замѣтки. Я съ удовольствіемъ готовъ васъ посвятить въ нѣкоторыя подробности.

— Сегодня вечеромъ я совершенно свободенъ и надѣюсь васъ видѣть у себя.

— Хорошо, буду.

Бурченко раскланялся и вышелъ, а Иванъ Иларіоновичъ отправился къ себѣ въ кабинетъ и долго прохаживался по комнатѣ, обдумывая что-то и жестикулируя. Потомъ онъ опять пошелъ въ комнату Адель, остановился передъ ея портретомъ, поскребъ себѣ затылокъ всею пятернею и процѣдилъ сквозь зубы:

— Донъ-жуаны провлятне!

Н. Каразинъ.

(Продолженіе будетъ.)

П О Э Т У.

Поэтъ! Чтобъ стихъ въ сердцахъ людей
Родилъ сочувственные звуки,
Пой не восторги свѣтлыхъ дней,
Пой темной жизни скорбь и муки.

Не часто слышится намъ влилъ
Восторговъ свѣтлыхъ, ликованья,
И платимъ мы за свѣтлый мигъ
Годами жгучаго страданья.

И даже тотъ, кому судьбой
Дано извѣдать наслажденья,
Знакомъ съ тяжелою борьбой
И съ пыткой жгучаго сомнѣнья.

Я. Старостинъ.

СОВРЕМЕННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ПОВОЛЖЬЯ.

Въ числѣ русскихъ окраинъ, въ исторіи колонизаціоннаго движенія русскаго народа, стояло нѣкогда нынѣшнее богатое Поволжье. Такъ какъ восточныя окраины Россіи были болѣе свободны, чѣмъ окраины сѣверныя, западныя и южныя, то обстоятельствомъ этимъ и обуславливалось въ значительной степени то направленіе, которое неизбѣжно долженъ былъ избрать русскій народъ въ естественномъ процессѣ своей племенной колонизаціи.

Поволжье, такимъ образомъ, явилось одною изъ первыхъ колоній русскаго народа, послѣ объединенія его подъ нивелирующей силой московскаго государственнаго центра. Хотя колонизація эта, по своему внутреннему характеру, не представляла изъ себя такого-же тождественнаго историческаго явленія, какъ совершавшееся втеченіи двухъ послѣднихъ столѣтій колонизированіе Сѣверной Америки выходцами изъ Европы, во главѣ которыхъ стояли пионерами европейской цивилизаціи и культуры переселенцы старой Англии, однако, самый процессъ заселенія новыхъ земель и подчиненія ихъ извѣстнымъ культурнымъ требованіямъ во всемъ мірѣ неизбѣжно подчинялся однимъ и тѣмъ-же естественнымъ законамъ, какъ это было и въ древнемъ мірѣ. Вся разница тутъ въ томъ, что прежде въ движеніи народовъ замѣчался поступательный ходъ отъ Востока къ Западу, изъ Средней и Южной Азии къ западнымъ ея окраинамъ, а теперь движеніе это идетъ въ обратномъ направленіи — отъ Запада къ Востоку, что и выражается германскимъ *Drang nach Osten* и передвиженіемъ русскаго элемента сначала на Волгу, потомъ къ Уралу, за Уралъ, въ Сибирь, въ Татарію, Ташкентъ и т. д. до крайнихъ предѣловъ восточно-азіатскаго континента. Движеніе это такое

же естественное, какъ ростъ дерева къ солнцу, какъ стремленіе дыма къ свободному выходу—въ трубу, въ окно и т. д.

Волга, бывшая нѣкогда конечною окраиною русскаго племени, является теперь для этого племени самую могучую жизненную артерію. Среднее и нижнее Поволжье, которое нѣкогда видѣло только пробѣгавшіе изрѣдка и „татѣбнымъ“ (воровскимъ) „обычаемъ“, лодки новгородскихъ „ушеуйниковъ“, этихъ славянскихъ варягъ, а потомъ нестройныя и ничтожныя въ сущности ватаги „понизовой вольницы“, глушившей всякія проявленія и попытки развитія гражданственности въ этомъ краѣ почти до начала нынѣшняго столѣтія, — стало теперь едва-ли не сосредоточіемъ производительной дѣятельности русскаго народа, житницею не только Россіи, но и нуждающихся въ нашемъ хлѣбѣ и сырѣ западныхъ государствъ, регуляторомъ богатѣйшихъ и самыхъ авторитетныхъ европейскихъ хлѣбныхъ рынковъ и т. д. Волга носить на себѣ сотни пароходовъ, баржъ, судовъ всякаго размѣра и названія, кормить пол-Россіи своимъ хлѣбомъ и возможностью достаточнаго заработка, производит на сотни милліоновъ торговые обороты, притянула къ себѣ нѣсколько линій желѣзныхъ дорогъ, вызвала къ новой дѣятельности богатѣйшіе русскіе города, начиная отъ Рыбинска, Ярославля, Нижняго, Казани и Самары и кончая Саратовомъ, Царицынымъ и Астраханью, привлекла на свои жирныя земли сотни тысячъ нѣмецкихъ и малороссійскихъ выходцевъ, двинула значительный контингентъ этихъ колонистовъ какъ славянскаго, такъ и германскаго племени, въ заволжскія степи, нѣкогда достойніе кочующихъ хищниковъ, и эти колонисты вспахали, засѣяли и обогатили дикія степи поузенскихъ, поерусланскихъ и поиргизскихъ плоскихъ возвышенностей и т. д. Поволжская окраина, въ концѣ-концовъ, превратилась, такъ сказать, въ станovou жилу русской экономической жизни и, по закону соціальной борьбы, отвлекла силы отъ сѣверныхъ окраинъ. По мѣрѣ того, какъ растетъ и организуется колонизація Поволжья, нашъ бѣдный и заброшенный Сѣверъ студѣетъ и прозябаетъ...

Выяснить по возможности условія, подъ вліяніемъ которыхъ развивалась экономическая и производительная жизнь Поволжья, указать на тѣ богатые задатки, которые должны послужить

въ дальнѣйшему развитію этого края, наконецъ, подвести итоги нынѣ дѣйствующимъ производительнымъ его силамъ, насколько онѣ проявили себя въ торговлѣ, промышленномъ и экономическомъ отношеніяхъ—все это и должно составить содержаніе предлагаемыхъ очерковъ.

I.

Та часть Поволжья, экономическая и продуктивная жизнь котораго должна составить предметъ нашихъ очерковъ, по своему очертанію представляетъ отдѣльную трапецію, основаніемъ которой слѣдуетъ принять нѣсколько ломаную линію, проведенную отъ Нижняго къ югу вблизи городовъ Арзамаса, Лукоянова, Инсара, Мокшанъ, Пензы, Сердобска, Аткарска, Балашова, черезъ земли нѣмецкихъ колонистовъ камышинскаго уѣзда до нѣмецкой колоніи Сарепты, гдѣ Волга отъ волго-донскаго перешейка принимаетъ направленіе къ юго-востоку. Остальныя стороны поволжской трапеціи должны составлять: съ юга—черта, отдѣляющая узкую поволжскую полосу между Сарептою и Астраханью отъ астраханско-донскихъ и ставропольскихъ степей; съ востока—черта отъ Астрахани вверхъ мимо заволжскихъ соляныхъ озеръ Баскунчата и Елтона, черезъ рѣки Тургунъ, Узени, Иргизъ, Самару и нижнюю Каму вплоть до Сарапула; съ сѣвера—отъ Сарапула мимо Козмодемьянска до Нижняго Новгорода. Поволжская трапеція занимаетъ, такимъ образомъ, части губерній нижегородской, казанской, симбирской, самарской, пензенской, саратовской и астраханской.

Отличительныя черты всей поволжской трапеціи, собственно по отдѣльнымъ ея частямъ, группируются по слѣдующимъ признакамъ: въ одной части преимущественно сѣется рожь, ячмень, гречиха, въ другой—по преимуществу пшеница, просо, подсолнечникъ, табакъ; въ одной части преобладаетъ курная изба („тонка по черному“), въ другой—изба съ трубой; тамъ—окна избо въ дворъ, а слѣпые затылки на улицу, здѣсь—окна на улицу, на базарную площадь; затѣмъ, какъ выдающіеся признаки—на одной сторонѣ преобладаніе лѣса, на другой—степей и безлѣсья, далѣе—преобладаніе въ костюмѣ лыковаго лапта надъ

кожанымъ сапогомъ, и наоборотъ — преобладаніе простыхъ издѣлій ручного крестьянскаго труда надъ издѣліями фабричными и заводскими; существованіе отхожихъ промысловъ, т. е. заработковъ на сторонѣ, въ своихъ губерніяхъ, и отсутствіе этихъ промысловъ въ другихъ мѣстностяхъ; сравнительная скудость крестьянскаго бюджета въ одной мѣстности и менѣе нищенскій бюджетъ въ другой; соль, какъ подспорье въ кормѣ рабочаго скота, и недостатокъ этого подспорья; въ одной мѣстности земля съ избыткомъ вознаграждаетъ земледѣльческій трудъ, въ другой недостаточно обезпечиваетъ крестьянина и вызываетъ необходимость другихъ заработковъ; неравномѣрное распредѣленіе кустарной промышленности и положительное отсутствіе промысловыхъ работъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ поволжской трапеціи. Далѣе мы увидимъ не мало характеристическихкихъ особенностей, отличающихъ одну часть поволжскаго населенія отъ другой; но всѣ эти особенности, съ указаніемъ климатическихкихъ и историческихкихъ причинъ, ихъ обусловливающихъ, будутъ съ надлежащей обстоятельностью объяснены въ своемъ мѣстѣ.

Самое поверхностное знакомство съ производительными силами поволжской трапеціи несомнѣнно убѣждаетъ, что въ этомъ отношеніи Поволжье далеко опередило всѣ центральныя губерніи русскаго царства, а быстрое приращеніе городского населенія и вообще относительно болѣе скорый ростъ населенныхъ мѣстностей этого края свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ превосходствѣ этой окраины надъ старыми центрами, около которыхъ въ прежнее время группировалось русское населеніе, съ его экономической тяжелой борьбой. Причины этого явленія весьма сложны. Укажемъ на главныя изъ нихъ, собственно на тѣ, которыя и въ будущемъ останутся залогомъ дальнѣйшаго развитія Поволжья.

Поволжская трапеція, какъ мы замѣтили выше, составляетъ одну изъ первыхъ колоній, созданныхъ естественными движеніями къ востоку русскаго народа, которому или тѣсно было жить въ центральныхъ губерніяхъ, въ метрополіи, или почему-либо жилось не вполне привольно. Въ самомъ этомъ фактѣ уже лежитъ зерно дальнѣйшаго и сравнительно болѣе быстрого по отношенію къ метрополіи развитія поволжской окраины. Историческія судьбы всѣхъ народовъ древняго и новаго міра несомнѣнно убѣждаютъ насъ, что колоніи, выдѣленные изъ себя извѣстными наро-

домъ, всегда вели дальше развитіе культурныхъ началъ, поднимали выше промышленныя и экономическія силы сравнительно съ тѣмъ подъемомъ, до котораго достигали эти начала и эти силы въ метрополіи. Греція была колонією мало-азійскихъ и египетскихъ метрополій, гдѣ культурная и промышленная жизнь возникла ранѣе, чѣмъ въ Атикѣ; греки принесли изъ Азіи и Африки въ Европу письма, начала архитектуры, поэзію, искусства, а равно зачатки извѣстныхъ государственныхъ и гражданскихъ формъ; они вынесли оттуда и свою религію, и свою цивилизацію. Всѣ зачатки греческой культуры — сколокъ съ такой же культуры мало-азійской и египетской метрополіи. Но только въ Атикѣ, Афинахъ и Спартѣ культура эта достигла того высокаго подъема, далѣе котораго древній греческій міръ идти не могъ, самъ изъ колоніи превратившись въ метрополію. Древняя Финикія, въ свою очередь, выдѣлила изъ себя колонію, которая осѣлась на сѣверномъ берегу Средиземнаго моря и создала могущественное государственное тѣло древняго міра — Карфагенъ, долго и упорно боровшійся съ другимъ величайшимъ государствомъ древности, съ Римомъ, за всемірное владычество. Греція, какъ метрополія, выдѣлила изъ себя множество могущественныхъ и богатѣйшихъ колоній, изъ которыхъ Риму, какъ юнѣйшей греческой колоніи, выпало на долю обладаніе всѣмъ извѣстнымъ въ древности міромъ. Наконецъ, въ новѣйшія времена Англія выдѣлила изъ себя сѣверо-американскую колонію, которая довела развитіе своихъ производительныхъ силъ до высочайшаго уровня, до котораго только достигали человѣческія общества. Каждая колонія, такимъ образомъ, вслѣдствіе весьма сложныхъ причинъ, проходитъ пути развитія своихъ производительныхъ силъ на нѣсколько лишнихъ стадій сравнительно съ метрополією. Въ колонію уходитъ изъ метрополіи обыкновенно контингентъ или наиболѣе нуждающихся личностей, или наиболѣе предприимчивыхъ, энергическихъ. Оторванные отъ метрополіи, колонисты, воспользовавшись историческою и гражданскою опытностью своей родины и чувствуя себя менѣе обезпеченными матеріально и менѣе обезпеченными отъ всякихъ случайностей на окраинѣ, чѣмъ въ центрѣ метрополіи, обыкновенно прилагаютъ къ устройству своего быта всю сумму труда и энергіи, и этотъ усиленный подъемъ духа,

этотъ усиленный трудъ и нравственное наслѣдство, вынесенное изъ метрополіи, являются прямымъ источникомъ благосостоянія колоній.

Поволжье, заселенное выходцами изъ центральныхъ губерній, подчинилось этимъ общимъ историческимъ законамъ развитія и стало однимъ изъ наиболѣе достойныхъ дѣтищъ своего многострадальнаго народа. Русскій колонистъ Поволжья, на родинѣ, такъ-сказать, ковчегавшій не особенно благодарную и нѣсколько истощенную уже землю патриархальною сохою, очутившись на привольныхъ земляхъ волжскаго побережья, сталъ поднимать дѣвственную землю, названную имъ „дѣлиною“, уже не безсильною сохою, а глубоко забирающимъ плугомъ, и вмѣсто ржи и ячменя засѣялъ эту землю пшеницею, просомъ и другими болѣе благодарными хлѣбами. Въ метрополіи, за недостаткомъ большихъ рѣкъ, у него не было судоходства, а если и было, то въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ; Волга-же могла поднимать суда всякаго размѣра и нести на себѣ самые солидные грузы съ продуктами мѣстной производительности.

Другимъ сильнымъ стимуломъ въ развитіи производительныхъ силъ Поволжья послужила счастливая разнородность элементовъ, вошедшихъ въ составъ волжскаго населенія.

Извѣстно, что чѣмъ разнороднѣе элементы, положенные въ основу государственнаго или общественаго тѣла, тѣмъ болѣе ручательствъ представляетъ это обстоятельство по отношенію къ крѣпости и развитію этого тѣла. Только тѣ общества и народности не вырождаются, къ которымъ не прекращенъ приливъ извнѣ свѣжихъ силъ и разнородныхъ жизненныхъ силъ.

Поволжье въ этомъ отношеніи представляетъ рѣдко-счастливыя условія. Русскіе колонисты, переселяясь на Волгу изъ центральныхъ губерній, застали здѣсь осѣдлыхъ аборигеновъ, изъ которыхъ одни принадлежали къ финскимъ племенамъ, другіе — къ тюрко-монгольскимъ. Въ періодъ колонизаціи Поволжья въ этой мѣстности оставались еще потомки древнихъ болгаръ, народа промышленнаго и торговаго. Тутъ-же, по теченію Волги, послѣ паденія царствъ казанскаго и астраханскаго, осталась значительная масса татаръ, которые до сихъ поръ удержали за собою правое и отчасти лѣвое волжское побережье въ губерніяхъ казанской, симбирской, саратовской и астраханской. Они сидятъ

въ Поволжьѣ отдѣльными группами и селеніями, которыя большею частію и удержали татарскія названія, какъ Елюзань, Ерыклей, Канадей, Бикбулатъ, Абдуловка, Бектемировка, Карамалей, Абдрахмановка и т. п. Нѣсколько далѣе отъ Волги, въ самомъ основаніи поволжской трапеціи, сидѣли мордва, чуваша и мещера, — по всей вѣроятности, оттѣсненные отъ Волги болѣе могущественными насельниками волжскаго побережья — татарами. Затѣмъ началась русская колонизація, первыми пионерами которой были большею частію „бѣглецы холопы“. Нерѣдко они убѣгали цѣлыми массами въ среднее Поволжье и одни изъ нихъ, особенно люди семейные, дѣлались „вѣршныя земли“ и заводили поселки; другіе же вели бродячую жизнь. Къ такимъ бродячимъ элементамъ Поволжья принадлежали и „воровскіе казаки“. Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія началось утвержденіе русской государственности въ среднемъ Поволжьѣ: первыя начала государственности выразились въ постройкѣ наблюдательныхъ станцій или остроговъ, положившихъ основаніе первымъ городамъ Поволжья — Симбирску, Сызрани, Самарѣ, Саратову и Царицыну. Тогда же начались разъѣзды по Волгѣ сторожевыхъ лодокъ.

Съ началомъ XVIII вѣка и еще болѣе со второй его половины послѣдовала самая усиленная колонизація какъ праваго, такъ и лѣваго волжскаго побережья, особенно же въ нынѣшнихъ предѣлахъ саратовской, самарской и астраханской губерній. Эта-то усиленная колонизація и была началомъ экономического подъема Поволжья, счастливаго развитія производительныхъ силъ этой окраины, которая скоро стала богатѣйшею изъ всѣхъ окраинъ Россіи. Теперь не малая часть населенія такихъ городовъ Европы, какъ Лондона, Марсели и Константинополя, каждый день потребляетъ значительное количество хлѣба и булокъ изъ крупчатой муки — и этотъ продуктъ даетъ волжская пшеница, добываемая руками тѣхъ насельниковъ Поволжья, которые вышли сюда втеченіи XVIII столѣтія. Когда въ Европѣ, вслѣдствіе разныхъ причинъ, оказывается временной недостатокъ въ табакахъ американскомъ и турецкомъ, Поволжье даетъ Европѣ этотъ табакъ, воздѣлываемый поволжскимъ населеніемъ на тѣхъ именно поляхъ, по которымъ еще недавно рыскали азіятскіе кочевники. Нынѣшнее Поволжье насчитываетъ въ

своихъ городахъ не мало торговыхъ конторъ, фирмы которыхъ связаны общими дѣлами съ Турціею, Италіею, Греціею, Персіею, Франціею и Англіею. Комиссіонеры и агенты торговыхъ домовъ западной Европы безвыѣздно живутъ въ городахъ Поволжья и обогащаютъ европейскіе рынки продуктами богатой волжской производительности.

Первыми колонизаторами Поволжья, съ начала XVIII столѣтія, явились малороссіяне. Они вышли въ Поволжье не какъ производители, а какъ охранители началъ и порядковъ русской государственности. Малороссы сначала осѣли въ южной части волжской трапеціи. Ихъ поселки расселились двумя линіями: отъ Камышина, т. е. отъ Волги, до рѣчки Иловли, впадающей въ Донъ, и отъ Царицына, поперегъ волжско-донского перешейка, до Качалина. Малороссіяне составили какъ-бы двѣ цѣпи, которыя должны были перегораживать кубанскимъ хищникамъ путь въ среднее Поволжье, а оттуда въ центральныя области Россіи. Эти украинскіе граничары впоследствии проиѣняли ружье и саблю на плугъ и стали хорошими производителями въ этой части Поволжья. Затѣмъ малороссіяне потянулись изъ Украйны въ Поволжье цѣлыми слободами, когда Поволжье стало нуждаться въ нихъ, какъ въ возчикахъ казенной елтонской соли. Эти новые колонисты осаживались по всѣмъ направленіямъ идущихъ отъ Елтони солевозныхъ трактовъ — по направленію къ Саратову, Камышину, Борисоглѣбску, Воронежу и Царицыну. Нѣсколько генерацій колонистовъ-малороссіянъ успѣли скоро создать множество безбѣдныхъ, населенныхъ пунктовъ Поволжья, какъ-то: городки и слободы — Покровскую, Николаевскую, Владиміровку и др.; за Волгой — Красный Яръ, Рудню, Ботово, Ильмень, Валанду, Елань, Воронцовку, Самойловку, Песчанку и множество другихъ поселеній на правой сторонѣ Поволжья. Болѣе ста слободъ и хуторовъ создали такимъ образомъ украинскіе колонисты въ нижней половинѣ поволжской трапеціи и довели этотъ край до рѣдкаго у насъ благосостоянія, особенно при сравненіи этого благосостоянія съ скудостью тѣхъ поселеній, которыя отвинуты дальше отъ Волги и ближе къ центральнымъ губерніямъ. Вообще чѣмъ ближе поволжское населеніе осѣдало къ своей метрополіи, тѣмъ оно было бѣднѣе: такъ по мѣрѣ удаленія отъ Волги къ краямъ волжской трапеціи чистая крестьян-

ская изба все болѣе и болѣе смѣняется центральной или метропольною курною избой, а кожаный сапогъ вытѣсняется лаптемъ, кожа — лыкомъ, мука — мякиной и т. д.

Одновременно съ этимъ потянулись въ Поволжье колонисты, какъ русскіе, такъ и не русскіе, изъ-за границы, „изъ-за рубежей“. Къ русскимъ колонистамъ принадлежали большею частью раскольники, бѣжавшіе изъ Россіи во времена гоненій на раскольниковъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій, а съ ними также и бѣглые преступники, помѣщичьи крестьяне и вообще всѣ русскіе подданные, которые почему-либо искали убѣжища за границей. Менѣе чѣмъ черезъ полгода по вошествіи на престолъ, императрица Екатерина II, желая возвратитъ государству бѣжавшихъ въ прежнія царствованія подданныхъ русской державы и, въ то-же время полагая воспользоваться избыткомъ населенія западной Европы, особенно Германіи, для заселенія русскихъ окраинъ, манифестомъ 11-го декабря 1762 года торжественно объявляла: „по вступленіи нашемъ на всероссійскій императорскій престолъ главнымъ правиломъ мы себѣ постановили, чтобъ навсегда имѣть наше матернее попеченіе и трудъ о тишинѣ и благоденствіи всей намъ вѣренной отъ Бога пространной имперіи и объ умноженіи во оной обитателей. А какъ намъ многіе иностранные, равнымъ образомъ и отлучившіеся изъ Россіи наши подданные бѣгутъ челою, чтобъ мы имъ позволили въ имперіи нашей поселиться, то мы всемилостивѣйше симъ объявляемъ, что не только иностранныхъ разныхъ націй, кромѣ жидовъ, благосклонно съ нашею обыкновенною императорскою милостию на поселеніе въ Россію приедемъ и на торжественнѣйшимъ образомъ утверждаемъ, что всѣмъ приходящимъ къ поселенію въ Россію наша монаршая милость и благоволеніе оказываема будетъ, но и самимъ до сего бѣжавшимъ изъ своего отечества подданнымъ возвращаться позволяемъ, съ обнадеживаніемъ, что имъ хотя-бъ по законамъ и слѣдовало учинитъ наказаніе, но однакожь всѣ ихъ до сего преступленія прощаемъ, надѣясь, что они, возчувствовавъ къ нимъ сіи наши оказываемыя матернія щедроты, потщатся, поселясь въ Россіи, пожить спокойно и въ благоденствіи, въ пользу свою и всего общества“. Подъ поселеніе какъ тѣмъ, такъ и другимъ выходцамъ отведены были обширныя пространства земель, самыхъ плодородныхъ во всей восточ-

ной половинѣ Россіи. Такъ, напр., для однихъ раскольниковъ, „при довольной пахатной землѣ“, какъ сказано было въ указѣ, отведено на Волгѣ собственно луговъ и лѣсу больше 70,000 десятинъ, по рѣкамъ Караману, Теляузику, Тишанѣ, Вертубани, Иргизу, Санзалеѣ, Березовкѣ, по Тарлыкямъ и по Ерусланамъ. Для нѣмцевъ предназначенъ былъ почти весь камышинскій уѣздъ, часть саратовскаго, аткарскаго и почти все лѣвое побережье, въ сосѣдствѣ съ землями раскольниковъ. Тогда въ нѣсколько десятковъ лѣтъ возникли сотни раскольниковыхъ и нѣмецкихъ поселеній, которыя и подняли Поволжье на ту степень благосостоянія, до которой не достигала ни одна изъ центральныхъ метропольныхъ областей имперіи.

II.

Переходя къ разсмотрѣнію производительныхъ силъ средняго или центральнаго Поволжья, выразившихся въ экономической, торговой и промышленной жизни этого края, мы не можемъ обойти молчаніемъ той характеристической особенности, которою одна половина Поволжья рѣзко отличается отъ другой. Печать этого различія лежитъ на всей жизни и на всей дѣятельности мѣстнаго населенія, начиная отъ Астрахани и кончая Нижнимъ-Новгородомъ; но самымъ характеристическимъ признакомъ этой двойственности въ экономической жизни праваго и лѣваго волжскаго побережья являются различныя степени развитія *кустарной промышленности* во всемъ этомъ краѣ.

По отношенію къ кустарной промышленности, — этому, можно сказать, эквиваленту земледѣльческой дѣятельности русскаго народа, — вся поволжская трапеція можетъ быть раздѣлена на двѣ половины, почти равныя: въ южной половинѣ, заселенной въ болѣе новня времена, преобладаетъ хлѣбная производительность и хлѣбная торговля; въ этой-же половинѣ, по характеру дѣятельности населенія, должна быть отнесена также большая часть заволжской части трапеціи. Кустарной промышленности здѣсь почти не существуетъ: земля и земледѣльскій трудъ вполне обеспечиваютъ матеріальный достатокъ населенія. Но чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ чаще и чаще попадаются промысловые кусты, ко-

торые значительно, а иногда уже и сплошными массами разрастаются въ губерніяхъ симбирской и нижегородской.

Возьмемъ мѣстности, лежація выше черты, отдѣляющей кустарную половину поволжской трапеціи отъ некустарной. Остановимся на селеніяхъ симбирской губерніи. Здѣсь, кромѣ кустарной промышленности, развиты также промыслы отхожіе, имѣющіе характеръ кустарныхъ. Въ буинскомъ, напр., уѣздѣ цѣлыя селенія „сидятъ“ на извѣстномъ промыслѣ. Эти осѣдлые промыслы, обусловливаемые характеромъ мѣстности и почвы, проявляются въ гнутьѣ ободьевъ, въ дѣланіи корытъ, колодь, лопать, въ драньѣ лыка, сидѣѣ дегтя и смолы. Продукты этихъ промысловъ, доставляемые въ некустарную половину волжской трапеціи, получаютъ тамъ общее техническое названіе „горянскихъ товаровъ“. Тутъ-же, гдѣ земля недостаточно обезпечиваетъ земледѣльческой трудъ, населеніе бросаетъ эту землю и ищетъ отхожаго промысла: выдѣлка овчинъ, шитье крестьянскаго платья, битье шерсти, плотничество, пилка лѣса и судостроеніе. За сотни верстъ идутъ буинскіе и другіе симбирскіе овчинники въ тѣ мѣстности Поволжья, гдѣ населеніе, все отдавшееся земледѣлію и торговлѣ, нуждается въ выдѣлкѣ овчинъ для своихъ тулуповъ и для продажи. Швецы, съ единственными орудіями своего промысла—съ ножницами и наперстками, идутъ на югъ, на правое и лѣвое Поволжье и заходятъ даже въ войско донское, гдѣ обшиваютъ иногда цѣлое селеніе въ недѣлю, двѣ, три. Такими-же бродячими промышленниками являются шерстобиты, которыхъ можно встрѣтить въ самомъ южномъ углу волжской трапеціи, а также по селеніямъ бассейновъ рѣвъ Хопра, Медвѣдицы, Дона, по Иловлѣ и за предѣлами трапеціи, гдѣ они и называются „шаповалами“ (валяльщики и шляпники). Почти тотъ-же характеръ и кустарныхъ, и отхожихъ промысловъ представляютъ уѣзды курмышскій, ардатовскій, алатырскій, сызранскій, сенгилеевскій и симбирскій.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что почти вся кустарная и вообще мѣстная промышленность сѣверозападной части волжской трапеціи обращена преимущественно на лѣсные издѣлія, съ небольшими исключеніями въ пользу того или другого производства, не обусловливаемого обиліемъ лѣсовъ, какъ, напр., валянье сапоговъ, кошемъ, дѣланье рукавицъ, поярковыхъ шляпъ и пр. Вотъ

цѣлый рядъ селеній въ этой мѣстности, въ которыхъ кустарные отхожіе промыслы не только борются съ земледѣліемъ, но и въ нѣкоторой степени побуждаютъ земледѣльческій трудъ, не всегда дающій вѣрный заработокъ: Кузоватово, Темрязань, Кивать, Баевка, Озерки, Крюковка, Валувка, Тухшумъ, Хвостиха, Кобелевка и пр. съ кустарнымъ производствомъ гребней и Чирково-поясныхъ крестьянскихъ ножей. Въ Костычахъ идетъ кустарная выдѣлка трута при помощи селитры, которую тамъ-же и находятъ крестьяне. Большое торговое село Жадовка (курсунскаго уѣзда) замѣчательно обширнымъ кошачьимъ промысломъ; жадовскіе, головцовскіе и обуховскіе „кошатники“, нагрузивъ возы мелкими крестьянскими товарами, отправляются обыкновенно осенью за добываніемъ кошекъ въ губерніи самарскую, саратовскую и даже далеко за предѣлы Поволжья на Донъ, на Вятку, къ Перми, къ Оренбургу, къ Тамбову и далѣе, гдѣ и мѣняютъ у крестьянъ свои товары на кошекъ: кошки убиваются на мѣстѣ торга, а шкурки привозятся въ Жадовку, гдѣ и раскупаются верховыми купцами изъ Тулы, Нижняго и Владимира.

При ближайшемъ разсмотрѣніи условий, подъ которыми развиваются кустарные осѣдлые и отхожіе промыслы, нельзя не видѣть, что развитіе этихъ промысловъ совершается въ обратномъ отношеніи къ поземельному богатству каждой мѣстности. Кустарные и отхожіе промыслы—продуктъ нужды, отъ которой не въ состояніи избавить населеніе земля, или малоплодородная, или занятая лѣсомъ, или не въ мѣру густо-заселенная. Такъ, подвигаясь къ югу, изъ сибирской губерніи въ саратовскую, мы и въ этой послѣдней находимъ зачатки кустарной промышленности, собственно на сѣверныхъ окраинахъ, гдѣ лѣсъ вытѣсняетъ собовъ степь, а рожь пшеницу, и гдѣ одной землей крестьянинъ не въ состояніи прокормить себя. Этотъ переходъ отъ некустарнаго къ кустарному характеру производительности, эта борьба, такъ сказать, между землею и промысломъ, между природою и человѣческимъ трудомъ, замѣчается отчасти въ уѣздахъ бузнецкомъ, сердобскомъ, частью хвалынскомъ и петровскомъ. Тутъ постоянно встрѣчается и курная изба и лапотъ; мочальная сбруя замѣняетъ кожаную, ржаной хлѣбъ окончательно вытѣсняетъ пшеничный. Мужское населеніе часто ищетъ работы на сторонѣ, пускаясь въ далекіе отхожіе промыслы или въ бурлачество. Недостаточна

Обезпеченность жизни чаще встрѣчается въ татарскомъ населеніи этихъ мѣстностей Поволжья. Татары—плохіе земледѣльцы, отчасти вслѣдствіе того, что племя ихъ осѣло въ Поволжьѣ на земляхъ, не особенно благодарныхъ, отчасти-же и вслѣдствіе не совсѣмъ земледѣльческаго характера самаго племени. Достаточный татаринъ охотно дѣлается мелкимъ торговцемъ, ходебщикомъ; болѣе достаточный идетъ въ купцы, въ заводчики; недостаточный въ поденщики, въ батраки. Недостаточные татары легко расстаются съ своимъ хозяйствомъ, которое имѣетъ не особенно привлекательную обстановку. Землю свою, скудно вознаграждающую трудъ, онъ сдаетъ въ аренду сосѣднимъ русскимъ крестьянамъ, не рѣдко за ничтожную плату; рабочаго скота у него почти нѣтъ; при неурожѣ онъ продаетъ или сѣдаетъ послѣднюю лошадь, и весь домашній скотъ его часто составляетъ одна коза. Изба его стоитъ незатороженная, хозяйственныхъ орудій нѣтъ, беречь нечего. Круглый годъ такіе татары толкаются по городамъ и богатымъ русскимъ селеніямъ Поволжья: все ихъ достояніе—топоръ; промыслъ ихъ—колѣа по дворамъ дровъ и набивка погребовъ льдомъ. Лѣтомъ татары цѣлыми массами идутъ за Волгу, въ богатія нѣмецкія колоніи и раскольничьи села, чтобъ искать себѣ работы—косить траву, жать хлѣбъ и т. д. Въ прошломъ году, подстрекаемые разными тревожными слухами, они задумали было поголовное переселеніе за Волгу; но были остановлены начальствомъ...

Но рядомъ съ татарскими селеніями, въ той-же скудной мѣстности, русскій крестьянинъ уже успѣлъ понять спасительное значеніе кустарнаго промысла и извлекаетъ изъ лѣсовъ, его окружающихъ, все, что можно изъ нихъ извлечь, начиная отъ хворостяной корзинки и лаптя и кончая цыновкой, рѣшетами, ободьями и проч. Мало того, что, напр., производство рукавиць, варежь, шапокъ, крестьянскихъ „мошонъ“ превращается въ кустарный промыслъ, характеръ кустарности получаетъ, подъ давленіемъ нужды, такое первобытное занятіе, какъ ловля птицъ и особенно ястребовъ. Въ кузнецкомъ уѣздѣ можно встрѣтить деревни, въ которыхъ почти всѣ соломенные крыши на сараяхъ имѣютъ отверстія для ловли ястребовъ: слышавъ крикъ ястреба, охотникъ просовываетъ въ это отверстіе курицу; хищная птица бросается на добычу, а охотникъ ловитъ ее за ноги. Эта изоб-

рѣтательность нуждающагося населенія приносить своего рода выгоды: ястреба сбываются на базарахъ за хорошую цѣну, потому что, вывезенные за Волгу, они охотно приобрѣтаются башкирами если не на наличныя деньги, то въ обмѣнъ на лошадей, нѣрѣдко лучшихъ въ цѣломъ башкирскомъ косякѣ. Тамъ-же, въ кузнецкомъ уѣздѣ, довольно обширнымъ кустомъ разросся промыслъ гончарный, особенно-же выдѣлываніе глиняной посуды въ селѣ Русскомъ-Камишкырѣ.

Но ближе къ степямъ и ближе къ Волгѣ, особенно къ югу, промышленныя кусты почти исчезаютъ. Что особенно замѣчательно въ характерѣ экономической жизни волжской трапеціи, такъ это то, что почти у самаго конца средняго Поволжья вновь замѣчаются слабыя попытки кустарной производительности: такъ въ Царицынѣ и Дубовкѣ многія семейства исключительно заняты печеніемъ „баранокъ“, которые и сбываются за Волгой въ калмыцкіе улусы; въ томъ-же уѣздѣ жители села Червленоразнаго почти всѣ превратились въ коробейниковъ и, подобно извѣстнымъ вязниковцамъ, съ своими коробками пробираются въ Черноморію, въ Азовскому морю и на Кавказъ. Это знакъ, что тамъ, на волго-донскомъ перешейкѣ, уже является недостатокъ въ землѣ, годной къ хлѣбопашеству и скотоводству.

Такимъ образомъ, только дѣйствительная нужда заставляетъ поволжскаго обитателя отрывать отъ своей земли, отъ своихъ степей и судоходныхъ рѣкъ Волги, Суры, Медвѣдицы и Хопра, и отдаваться тѣмъ промысламъ, которые получили уже историческое значеніе въ метрополійныхъ по отношенію къ Поволжью губерніяхъ.

Приводимыя ниже фактическія данныя могутъ наглядно убѣдить, что только въ той части Поволжья кустарная промышленность является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ недостаточно обеспеченной жизни, гдѣ Поволжье теряетъ характеръ колоніи и приобрѣтаетъ всѣ невыгодныя качества метрополій—излишнюю густоту населенія, скудость заработка, истощеніе почвы.

Знаменитая пристань въ селѣ Прозинѣ, симбирской губерніи, составляетъ торговый центръ, къ которому тяготеютъ всѣ продукты мѣстной производительности, преимущественно районовъ корсунскаго, алатырскаго, ардатовскаго и буинскаго. Каждый годъ эта пристань отправляетъ къ Рыбинску хлѣбныхъ и дру-

гихъ товаровъ, вообще свойственныхъ поволжской производительности, слѣдующія приблизительно партіи:

Ржаной муки съ мѣстныхъ .			
мельницъ	отъ	300	до 400,000 четв.
Ржи	”	2,500	” 3,000 ”
Пшеницы, не охотно, впрочемъ, засѣваемой.	”	25,000	” 30,000 ”
Овса	”	45,000	” 50,000 ”
Льняного сѣмени	”	16,000	” 20,000 пуд.
Солоду.	”	13,000	” 15,000 ”
Свѣчь	”	4,000	” 5,000 ”
Сала	”	40,000	” 50,000 ”
Поташу	”	110	” 120,000 ”
Ячменя, крупы, пшена и гороху ”	”	1,000	” 2,000 ”

Между тѣмъ, не смотря на хорошіи сбытъ этихъ продуктовъ земледѣлія и скотоводства, въ средніи помянутыхъ районовъ корсунскаго, алатырскаго, ардатовскаго и буинскаго промышленные кусты все болѣе и болѣе ширятся, захватывая одно селеніе за другимъ. Такъ, села Выползово, Александровка и Кобелевка начинаютъ предпочитать земледѣлію валянье шляпъ, войлоковъ и войлочныхъ сапоговъ, Семеновское—изготовленіе полозьевъ, колесъ и оконныхъ рамъ, Ждамирово—портняжество, плотничное, бондарное, кожевенное дѣло и бурлачество, Параней—бурлачество, синьку пряди, шитье сапоговъ и тулуповъ, Барашово—гончарное дѣло, другія села тканье кулей, гнутье половьевъ, обручей и т. д. Села Ахматово, Чучкаево, Пичинейка и др. заняты витьемъ веревокъ, Гадаевка—изготовленіемъ коробокъ изъ лубковъ, Сыратино—только дѣланіемъ клещей для хомутовъ и т. д.

Явленіе это показываетъ, что населеніе помянутыхъ производительныхъ районовъ, понявъ неизбежность борьбы съ природой за свое существованіе, начинаетъ уже вести эту борьбу. Изъ статистико-хозяйственныхъ данныхъ объ этихъ мѣстностяхъ оказывается, что тамъ въ большинствѣ хозяйствъ экономическая десятина (3,200 саж.) даетъ средняго урожая, за вычетомъ сѣмянъ, 75 пуд. ржи, 54 пуда овса, 30 пуд. гречи; среднія цѣны, за вычетомъ стоимости провоза хлѣба до мельницъ и пристаней, таковы: пудъ ржи 41 к., овса 26 к., гречи 25 к.

Такимъ образомъ, 1 дес. ржи даетъ 20 р. 50 к., овса 10 р. 40 к. гречи 7 р. 50 к. Затѣмъ обработка пары десятины, то-есть паровой ржаной и яровой, обходится, при наемномъ трудѣ, по 18 р. съ уборкою зерна въ амбаръ. Присоединивъ по 3 р. на каждую десятину разныхъ другихъ хозяйственныхъ расходовъ, а на 3 дес. 9 р., да кроиъ того среднюю арендную плату за землю паровой и яровой десятины 9 р., землевладелецъ получаетъ, при 39 руб. расхода, только 30 р. 90 к. дохода съ десятины ржи и овса, или недовыручки 5 р. 10 к.

Мало того, время значительно истощило земли въ этой части Поволжья, а между тѣмъ искусственное возобновленіе утраченныхъ силъ земли еще не вездѣ принято. Такъ, въ одномъ имѣніи курснскаго уѣзда г. Родионовымъ извлечены слѣдующія любопытныя свѣденія изъ хозяйственныхъ книгъ съ конца прошлаго столѣтія по настоящее время: въ періодъ времени отъ 1790 по 1819 годъ, средній урожай съ одной хозяйственной десятины (3,200 с.) былъ: ржи 114 пуд. 20 фун., овса 169 пуд., гречи 116 пуд., пшеницы 40 пуд.; съ 1819 по 1861 годъ средній урожай до того уменьшился, что ржи получалось только 69 п. (почти вдвое менѣе), а пшеница, которая прежде занимала половину ярового поля, вовсе уже не сѣялась (Сбор. истор. и стат. матер. о симбир. губ.)

Такимъ образомъ, вся эта часть Поволжья переживаетъ уже первичный періодъ своего существованія, какъ колонія,—періодъ земледѣльческій, и вступаетъ во второй фазисъ развитія: фабрика, заводъ, машина, станокъ и другіе факторы болѣе высокой культуры должны вытѣснить соху, а за нею лапотъ и курную избу.

III.

Подвигаясь по Поволжью ниже, къ степямъ, мы еще встрѣчаемъ остатки примитивной колоніальной жизни этого края, хотя и эти остатки съ каждымъ годомъ сглаживаются подъ давленіемъ новыхъ условій жизни, вслѣдствіе физическаго и умственнаго безсилія человѣка въ его экономической борьбѣ съ природой.

Но уже и здѣсь населеніе начинаетъ чувствовать, что жизнь

предъявляетъ какія-то новыя требованія, а какія — русской колонистъ-„хохолъ“ этого не понимаетъ, а сожалѣть только о томъ, что куда-то исчезаютъ степи, которыя, бывало, ни вспахать, ни глазомъ не окинуть; — гдѣ ни бросишь зерно, взойдетъ и выколосится. А до того, до чего додумался сѣверный поволжанинъ, нижегородецъ, ардатовецъ, корсунецъ, южный поволжанинъ — саратовскій и заволжскій еще не додумался, потому что такой нужды не испыталъ и такого историческаго опыта не пережилъ, какой пережить его сѣвернымъ собратомъ.

Вотъ что недавно говорили г. Иллюминарскому крестьяне слободы Баланды, аткарскаго уѣзда, то-есть представители степного Поволжья, еще сохранившіе въ себѣ типическія черты и понятія первобытныхъ насельниковъ этой русской окраины: „Въ семьѣ насъ было четыре тягла, такъ мы, бывало, осенью, какъ ужъ все убрано въ полѣ, напашемъ подъ пшеницу сотенниковъ *) шесть или семь; какъ снѣгъ выпадетъ и земля станетъ мерзлая, тогда ужъ бросаемъ; да весной запашемъ сотенника четыре или пять, и вся эта земля, то-есть, засѣвалась. Бывало, выйдешь на работу, зайдешь въ степь верстъ за двадцать или за тридцать отъ села, да такъ и живешь тамъ: весь замараешься, загорнись, ровно вотъ дикій какой сдѣлаешься, и отъ людей отвыкнешь. Кое-когда на великій праздникъ или въ воскресенье домой съѣдншь голову вымыть, рубашку смѣнить да къ обѣдн сходить, ну, сейчасъ-же и опять фортъ!.. И не скучно вѣдь! Такъ привыкнешь, что вотъ пропадай все — не уѣхалъ-бы!.. А какъ въ уборку наставишь этихъ копенъ, такъ будто армія какая... Знамо, пища довольная, къ работѣ привыкнешь, и горюшка мало. Да чего? Вечеромъ, это, поужинаемъ — спать и не думаемъ: такое веселье пойдеть — пѣсни, пляски, игры... А скотины у насъ было столько, что много было такихъ дворовъ, что, бывало, какъ погонять поить скотину, то передняя скотина ужъ у проруби, а послѣдняя еще только сходить со двора, а до рѣки, знаешь, сажень сто есть, а то и полтораста будетъ. Вотъ какъ! А хлѣба сколько было! У Тарановыхъ вотъ столько стояло едоньевъ, что самъ старикъ не зналъ и счету имъ; бывало, скажетъ какому-нибудь бѣдному: а ну, пересчитай мои влады — вотъ тебѣ одна влады за

*) Сотенникъ — 4 дес. 400 саж.

труды! У иных стояли эти одонья лѣтъ по десяти или по пятнадцати. А напекутъ, бывало, бабы пироговъ изъ кубанки, такъ нѣтъ, не нравится,—пеки изъ гирьки—изъ гирьки лучше. Самое то-есть лучшее зерно отбирали для пироговъ, которое стоитъ теперь рубля полтора за пудъ,—да и то нѣтъ ея—не родится ужь эдакой“. (Памят. книж. сарат. губ., 1872 г., т. II, стр. 264—265).

Это было только десять, одиннадцать лѣтъ назадъ, а между тѣмъ, теперь степное Поволжье уже успѣло пережить этотъ первоначальный періодъ своего колоніальнаго существованія. Этотъ колоніальный, если можно такъ выразиться, кризисъ средняго Поволжья наглядно выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Въ той-же Баландѣ, населеніе которой простиралось до 6,700 душъ обоего пола, подъ посѣвомъ земли находилось	25,000 дес.
Средняго урожая эта земля давала	1,200,000 пуд.
Крестьянскихъ овецъ въ 7 стадахъ, по 1,500 штукъ каждое	10,500 шт.
Коровъ дойныхъ 5 стадъ, въ 200 головъ каждое	1,000 гол.
Яловоекъ 2 стада, въ 700 головъ каждое	1,400 гол.
Телятъ 3 стада, въ 200 штукъ каждое	600 шт.
Воловъ 2 стада, въ 700 головъ	1,400 гол.
Лошадей, кромѣ рабочихъ, 2 стада, по 500 штукъ	1,000 шт.

Такъ было тогда, когда крестьяне могли пахать земли сколько глазомъ окинешь,—и это было только десять лѣтъ назадъ.

Теперь тѣ-же крестьяне могутъ засѣвать только	10,000 дес.
Это количество запашки даетъ имъ средняго урожая	300,000 пуд.
Овецъ у нихъ осталось 3 стада по 800 головъ каждое	2,400 гол.
Коровъ 3 стада, въ 200 головъ	600 гол.
Яловоекъ 1 стадо, въ	500 гол.
Телятъ 1 стадо, въ	150 шт.

Лошади и вола уже не составляютъ отдѣльныхъ стадъ, и въ хозяйствѣ лошадь начинаетъ вытѣснять вола, потому что спод-

ручье для крестьянина при видоизмѣнившихся условіяхъ жизни. (Тамъ-же, 255—266, 269—270.)

„Не увидишь теперь, говоритъ тотъ-же авторъ,—чтобы изъ растворенныхъ воротъ вытянулась длиною вереницею, сажень на сто или полтора, скотина, которую гонять на водоной; не стоять на гумнахъ столько одоньевъ, что трудно ихъ сосчитать; теперь нѣтъ нужды платить деньги за то, чтобы свести имъ счетъ. Гумны большею частью пусты, дворы раскрыты и разгорожены. Не пекутъ теперь пироги изъ самой лучшей кубанки или гирьки, а ѣдятъ что придется, по большей части плохіе остатки отъ вымолоченнаго хлѣба: лучший сортъ хлѣба продаютъ для уплаты податей и недоимокъ, дѣлающихся съ каждымъ годомъ все обременительнѣе и тяжелѣе для крестьянъ. Земля, которая въ прежнее время родила самъ 8—15, стала родить хуже: она чаще не возвращаетъ затраты на ея обработку не только хозяина, употребляющаго наемный трудъ, по хозяина, затрачивающаго только свой личный трудъ,—земля поросла почти вся пырьемъ, длинные, тонкіе корни котораго густою мочкою разрослись въ почвѣ и глушатъ всякую траву и всякій хлѣбъ“ . (Тамъ-же, 268—269.)

И вотъ, это степное, колоніальное населеніе начинаетъ уже искать новыхъ колоній, новыхъ земель. Сотни семействъ съ отпускными билетами тянутся въ донскія и заволжскія степи, дѣвственность которыхъ тоже стирается съ каждымъ годомъ.

Бродячество—это черта всякаго колониста, стимулъ его предпріимчивости; но черта эта не говоритъ въ пользу гражданственности и устойчивости колониста по натурѣ, по привычкѣ: хорошо, что еще есть куда брести, благо привольныя степи еще остались на нашихъ окраинахъ и даютъ пріютъ безпкойнымъ элементамъ. Но когда-бы не было этихъ свободныхъ земель, когда-бы добраться до нихъ было невозможно съ кучею семьи, тогда по неволѣ пришлось-бы не переселяться, а идти или въ отхожій промыселъ, или въ батрачество, или-же подумать, какъ не дать пырью заглушать землю или постараться изъ пырья извлечь выгоду, какъ курсунскій жадовецъ извлекаетъ ее изъ кошки, повидимому, никому не нужной, а могилковскій охотникъ—изъ ястреба, вамишкирецъ—изъ глины и т. д. А вѣдь это все тѣ-же поволжане, когда-то колонизовавшіе дѣвственное приволжье;

только теперь имъ двинуться не куда, негдѣ искать привольныхъ земель.

Вотъ почему южное Поволжье, питающее въ себѣ бродячіе инстинкты колонизатора новыхъ земель, до сихъ поръ не додумалось до спасительной кустарной промышленности, къ которой нашъ народъ рано или поздно принужденъ будетъ обратиться, какъ къ единственной своей надеждѣ въ предстоящей борьбѣ съ нуждой и съ существующей уже давно стачкой капитала и физической силы. Это — все еще признакъ незнакомства съ истинной нуждой, съ которой давно ознакомились жители центральныхъ и малоземельныхъ губерній и съ которой труднѣе мирятся колонисты, привыкшіе къ лучшимъ условіямъ жизни. Этотъ недостатокъ замѣчается въ населеніи всѣхъ степныхъ и богатыхъ мѣстностей, гдѣ сама природа, безъ особеннаго труда со стороны человѣка, и кормить его, и одѣваетъ и согрѣваетъ. Обитателю степного Поволжья, баладинскимъ, руднинскимъ, сланскимъ, рыбушанскимъ, котовскимъ и подобнымъ колонистамъ-малороссіянамъ тогда только представляется возможность жить, когда можно пахать земли, сколько глазомъ не окинешь, и когда воли могутъ свободно пастись на сотняхъ и тысячахъ свободныхъ ковыловыхъ степей. Послѣ этого понятенъ типическій разговоръ о чумахъ, который, проѣзжая на своихъ волахъ по необозримой степи, заснулъ и, зацѣпившись осью за дорожный столбъ, выразилъ свою досаду, какъ теперь выражаютъ ее почти всѣ поволжскіе степняки: „бисова тѣснота!“ Эту „бисову тѣсноту“ испытываетъ киргизъ или калмыкъ, который никогда не заготавливаетъ сѣна для своего стада, потому что круглый годъ находитъ подножный кормъ для скота и, переходя изъ одной степи въ другую, не заботится о травѣ, имъ потоптанной. Такъ итальянскій ладзарони не думаетъ о заготовленіи на зиму шубы, ни припасовъ въ прокъ, потому что его голое тѣло согрѣетъ южное солнце, а голодный желудокъ изрѣдка будетъ наполняться макаронами. Диваръ Тасмани и Вандименіи, не зная иной жизни, кромѣ пещерной, конечно, не скоро додумается до необходимости не только кустарныхъ и иныхъ промысловъ, но даже и простаго паханія земли. Обитатель волжскаго побережья, имѣющій возможность питаться рыбой, еще не додумался до той простой истины, что ракъ — не поганая пища;

а вздорожала рыба,—онъ додумался до истины, что и ракъ не поганая пища; вздорожаютъ раки,—нужда заставить додуматься до новыхъ истинъ, до которыхъ уже додумался сѣверный поволжецъ—ардаговецъ, корсунецъ, кузнечанинъ и т. д.

IV.

Этотъ кризисъ, это переходное состояніе колоніальнаго характера средняго Поволжья выражается и другими признаками, не менѣ знаменательными.

Нѣмецкіе колонисты, владѣющіе по обѣимъ сторонамъ Поволжья такимъ огромнымъ пространствомъ лучшихъ земель, которое могло-бы помѣстить на себѣ два, три или четыре еще недавно самостоятельныхъ германскихъ государствъ, въ концѣ 1871 года и въ началѣ прошлаго получили новое экономическое устройство, на основаніи правилъ 4 іюня 1871 года, съ переименованіемъ въ „поселянъ-собственниковъ“. Дѣйствительное благосостояніе, которымъ пользовались и пользуются нѣмецкіе выходцы, выброшенные въ степь европейскимъ пролетаріатомъ, сказывалось во всемъ, начиная отъ внѣшней обстановки колониста и кончая обширной торговлей, вызванной въ Поволжьѣ колоніальною производительностью и приносившей нѣмцамъ завидныя выгоды. Нѣмцы жили особнякомъ, на особыхъ правахъ, пользуясь всѣми преимуществами колоніальнаго самоуправленія. Вся поволжская область, доставшаяся нѣмцамъ, это было нѣчто вродѣ *status in statu*. Они почти не знали ни русскихъ становыхъ, ни исправниковъ, ни губернаторовъ. У нихъ были свои форштегеры, оберфорштегеры, крейшпрейберы и т. д. Нѣмцы не знали рекрутской повинности. На 270,000 душъ наличнаго населенія въ ихъ школахъ постоянно обучалось до 50,000 дѣтей обоюго пола. На 270,000 душъ у нихъ было только 214 пролетаріевъ, „неимѣвшихъ отдѣльныхъ хозяйствъ“,—это поразительный аргументъ, свидѣтельствующій о рѣдомъ, почти небываломъ общественномъ благосостояніи. При такомъ благосостояніи, колонисты, по отношенію къ разнымъ денежнымъ повинностямъ и сборамъ, могли легко поставить себя въ слѣдующее, небывалое въ русскихъ крестьянскихъ и не крестьянскихъ обществахъ положеніе: при

переходѣ отъ всякаго стараго года къ новому, у нихъ *не бывало* недоимокъ казенныхъ податей; недоимокъ всѣхъ сборовъ на земскія повинности—*не было-же*; недоимокъ общественныхъ сборовъ—*не было*; недоимокъ частныхъ мірскихъ сборовъ—*тоже не было*. При такомъ благосостояніи, когда нужда не заставляла нѣмца ни воровать казенный лѣсъ, какъ въ этому нѣрѣдко прибѣгаетъ, русскій крестьянинъ при безлѣсѣ и при бездровьѣ, ни бродяжничать безъ паспорта, ни нарушать питейный уставъ, ни прибѣгать къ мошенничеству, къ грабежу и проч., на 2,717 наличныхъ нѣмцевъ приходился только *одинъ* преступникъ, тогда какъ въ русскомъ населеніи Поволжья между 149 душами наличнаго населенія, не исключая женщинъ и дѣтей, попадался одинъ преступникъ, или преступленіе совершалось въ средѣ *каждыхъ* 150 душъ. У нѣмцевъ, имѣвшихъ возможность обойтись безъ кабака и покупать вино въ складѣ или въ магазинѣ, одинъ кабакъ приходился на 4,000 мужчинъ или на 10,000 наличнаго населенія; русскіе же заводи́ли кабаки на *каждыя* 415 душъ обоого пола, не исключая и дѣтей. Въ нѣмецкихъ колоніяхъ совершенно нѣтъ нищихъ. Самый видъ колоній свидѣтельствуетъ о полномъ довольствѣ населенія: около третьей части домовъ въ колоніяхъ построено изъ кирпича и камня, тогда какъ *даже* русскіе города, не говоря уже о селахъ и деревняхъ, не могутъ выставить такого огромнаго процента каменныхъ построекъ по отношенію къ деревяннымъ. Нѣмцы не знаютъ русскаго лаптя, ни русской курной избы. Нѣмцы не испытываютъ ни голодныхъ, ни неурожайныхъ годовъ, потому что запасные магазины ихъ постоянно и буквально *переполнены* хлѣбомъ, а сберегательныя кассы, переселенческіе капиталы и другія общественныя и мірскія суммы никогда не позволяютъ нѣмцу впасть въ безвыходное положеніе. Замѣчательно, что нѣмецкія колоніи въ Поволжьѣ обходила даже холера, а огонь, опустошающій русскія соломенные селенія, почти безсиленъ въ нѣмецкой территоріи на Волгѣ, потому что въ колоніяхъ приняты всѣ возможныя мѣры, и предупреждающія, и ослабляющія пожарное зло. Проѣзжая по землямъ колонистовъ, вы видите прекрасно обработанныя поля, хорошіе огороды, сытый рабочій и гулящій скотъ, прочный нѣмецкій плугъ, хорошо окованный желѣзомъ, такую-же желѣзную борону— все это такъ не похоже на жалбую соху и борону болѣе

сѣвернаго поволжскаго жителя, сѣрдобича, кузнечанина, корсунца, ардатовца. Самое „страдное“ время—уборка хлѣбовъ на солно-пекѣ—для поволжскихъ нѣмецкихъ колонистовъ не было „страднымъ“: подъ широкополыми соломенными шляпами ихъ не жгло солнце, а самыя тяжелыя работы они исполняли съ помощью рабочаго скота и другихъ хозяйственныхъ приспособленій. Нѣмецкія мельницы выдѣлываютъ прекрасную крупчатую муку, и эта мука попадаетъ далеко за предѣлы Поволжья, въ Лондонъ и Манчестеръ, гдѣ наши же русскіе путешественники и были угощаемы хлѣбами изъ нашей поволжской крупчатки. Нѣмцы имѣютъ даже свои хорошія и прочныя ткани „сарпинки“, свой сыръ, свое мыло, свой табакъ, горчицу и т. д.

При всемъ томъ, когда, въ прошломъ году, послѣдовало окончательное устройство быта этихъ „поселянъ-собственниковъ“, на основаніи правилъ 4-го іюня 1871 года, когда, вмѣсто своихъ форштегеровъ, они поступили въ вѣденіе общихъ губернскихъ и уѣздныхъ учреждений, получили своихъ мировыхъ посредниковъ, волостныхъ старшинъ и пр., когда имъ выданы были уставныя грамоты на земли, и, такимъ образомъ, земельныя и гражданскія права ихъ были точно опредѣлены,—колонисты призадумались и, не желая разстаться съ своимъ прежнимъ положеніемъ и мѣнять его на *неизвѣстное* другое, всполошились; нѣкоторые изъ нихъ, подобно колонистамъ-малороссіянамъ, задумали искать новыхъ земель, новой почвы для колонизованія. Одни искали ее въ за-волжскихъ степяхъ, другіе, особенно менониты, — въ Америкѣ. Другими словами, для нѣмцевъ, какъ и для малороссіянъ, настала „бисова тишина“.

Но мы должны замѣтить, что такое ошибочное пониманіе своего новаго положенія могло явиться только у весьма немногихъ колонистовъ. Большинство-же ихъ хорошо сознавало, что рано или поздно ихъ привилегированное положеніе должно кончиться и что разставаться съ могилами ихъ отцовъ, съ землей, обработанной ихъ трудомъ, и искать неизвѣстнаго лучшаго — это значитъ, по пословицѣ, ловить журавля въ небѣ и упускать изъ рукъ синицу. Подтверженіемъ этому можетъ служить то умѣнье, которое выказали поволжскіе колонисты-нѣмцы въ земскомъ дѣлѣ. Когда въ Поволжьѣ введены были земскія учрежденія, нѣмцы скоро доказали, что они хорошо понимаютъ и смыслъ земскаго дѣла, и важность

предоставляемаго имъ земскимъ закономъ права, что уже отчасти и было высказано въ печати, относительно самаго онѣмченнаго изъ всѣхъ уѣздовъ средняго Поволжья—камышинскаго. Неизвѣстный авторъ статьи „Нѣмцы въ поволжьѣ“ говоритъ, между прочимъ, что камышинскій уѣздъ, по дѣламъ земства, „захваченъ исключительно въ нѣмецкія руки“, и что „нѣмцы ведутъ земское дѣло умно, такъ что другимъ уѣздамъ не мѣшало-бы во всѣхъ отношеніяхъ поучиться у камышинскаго: уѣздъ этотъ, что называется, попалъ въ умныя руки, хотя русскому населенію отъ этого не легче, а пенять на нѣмцевъ оно не можетъ, развѣ только въ томъ отношеніи имѣть право претендовать, что нѣмецкій умъ оказался живѣе и практичнѣе инертнаго ума русскаго“; что хотя русское населеніе въ этомъ уѣздѣ превосходитъ цифру въ 150,000 душъ, а нѣмецкое едва насчитываетъ 90,000, что не смотря на то, что уѣздный городъ также представляетъ количественное господство русскаго населенія, что, наконецъ, при преобладаніи въ уѣздѣ русскихъ помѣщиковъ, то-есть опять-таки русскаго элемента, — большинство гласныхъ въ этомъ уѣздѣ — нѣмцы. Въ земской управѣ также господствуетъ нѣмецкій элементъ, и предсѣдатель управы — колонистъ, нынѣ поселянинъ-собственникъ. „Въ земскомъ собраніи, не смотря на предсѣдательство русскаго предводителя дворянства, всѣмъ заправляетъ нѣмецкій умъ, нѣмецкая сообразительность, которую русскіе гласные ошибочно называютъ нѣмецкою интригой“. Шестъ лѣтъ русская половина уѣзда бьется изъ-за того, чтобы „сбросить съ себя господство земской нѣмецкой фракціи—и не можетъ“. „Шестъ лѣтъ, говорится далѣе въ той-же статьѣ,—русскій элементъ протестуетъ противъ этой нѣмецкой фракціи, ищетъ защиты у подлежащей административной власти, силится выбиться изъ-подъ нѣмецкаго подначалія—и не умѣетъ, а помочь ему въ этомъ никто не въ силахъ“. Дѣйствительно, административная власть въ состояніи разъяснить только, какъ слѣдуетъ дѣйствовать на основаніи „Полож. о зем. учреж.“, для того, чтобы прійти къ искомому въ земскихъ недоразумѣніяхъ выходу, потому что другого способа, а въ особенности вмѣшательства въ земскіе хозяйственные распорядки, законъ не предоставляетъ администраціи, и русскіе до сихъ поръ, въ данномъ случаѣ, оставались въ проигрышахъ, не смотря на то, что и тотъ и другой элементъ опирались на оди-

наково-законную почву. Правда, русскій элементъ заявлялъ, что выборы земскихъ гласныхъ производятся неправильно, пристрастно, что самые пункты для избирательныхъ съѣздовъ указываются обыкновенно въ такихъ неудобныхъ мѣстахъ для русскаго населенія и избирательные участки распредѣляются такъ территориально-неудобно, что русскіе избиратели не всегда могутъ попасть на съѣзды и оттого проигрываютъ; однако, русскому элементу на это отвѣчаютъ, что отъ русскаго населенія, выражающаго собою большинство земской силы, большинство количественное, зависитъ не допускать пристрастія на выборахъ, что „нужно только единодушіе, а его-то именно и недостаетъ у русскихъ, тогда какъ нѣмцы сплотились въ одну душу, въ одно тѣло“. Протестующимъ русскимъ говорятъ, что законъ о земскихъ учрежденіяхъ самому населенію предоставляетъ заботиться о равномерномъ и удобномъ распредѣленіи избирательныхъ участковъ, о безобидномъ распредѣленіи земскихъ силъ на данномъ территориальномъ объемѣ, и о томъ, чтобы гласные избирались пропорціонально числу предъявленныхъ единицъ ценза. Русскіе-же на это возражаютъ, что у нѣмцевъ всегда окажется больше единицъ ценза, чѣмъ у русскихъ, потому что нѣмцы, будто-бы, неправильно ведутъ цензъ, что, кромѣ земли, они вносятъ въ цензъ такія промышленныя заведенія, которыя только годичными оборотами могутъ достигать размѣра суммы, требуемаго для опредѣленія единицы ценза и т. д.

„Кто знакомъ съ „Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ“ и съ примѣненіемъ его на дѣлѣ, говоритъ далѣе авторъ статьи „Нѣмцы въ Поволжѣ“, — тотъ пойметъ, что русскіе въ этомъ случаѣ могутъ быть правы десять разъ, и все-таки могутъ проигрывать дѣло, десять разъ правое. Вмѣшательство чье-бы то ни было въ избирательную земскую процедуру почти невозможно: это-то и есть хорошая и дурная сторона самоуправленія. По закону, жалобы на неправильности, допускаемыя на земскихъ выборахъ, подлежатъ разсмотрѣнію самихъ земскихъ собраній. Слѣдовательно, какъ только въ земскомъ собраніи оказался господствующій перевѣсъ на сторонѣ нѣмецкаго элемента, всѣ заявленія русскихъ, идущія въ разрѣзъ съ интересами этого элемента, не найдутъ въ собраніи желательнаго отголоска“. (Рус. В. 1872, № 293).

Понятно, что при такомъ, во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительномъ положеніи нѣмецкаго колониста въ Поволжьѣ, исканіе лучшей обстановки представляется, по малой мѣрѣ, несвоевременнымъ. Да и вообще въ южной половинѣ Поволжья и въ заволжской его части всѣ экономическія условія населенія представляютъ такой замѣчательный перевѣсъ по отношенію къ такимъ-же условіямъ сѣверной половины праваго волжскаго бережья, что населеніе послѣдней половины нерѣдко ищетъ заработка и пропитанія въ первой: южная половина, говоря относительно, нужды еще не знала, тогда какъ сѣверная нерѣдко выносить ее на своихъ плечахъ и выносить ее уже давно, вслѣдствіе чего и принуждена была вступить, такъ сказать, въ нѣкоторыя сдѣлки съ природою, менѣе податливою и менѣе щедрою, чѣмъ какою она является нѣсколько южнѣе. Тамъ, чтобы получить отъ природы и почвы соотвѣтственное затраченному труду вознагражденіе, слѣдуетъ къ этому труду присоединить еще привѣсокъ, въ видѣ удобренія земли, въ видѣ разныхъ искусственныхъ приспособленій къ природѣ и т. д. Тамъ населеніе историческимъ опытомъ дошло до необходимости слѣдовать извѣстному классическому proverbу: „дай, чтобы ты далъ“, потому что иначе брошенное въ землю зерно останется невозвращеннымъ, пролитый на землю потъ не накормитъ. Здѣсь-же еще можно бросить зерно въ землю, не принося землѣ другихъ даровъ, кромѣ необходимаго, рутиннаго паханья и боронованья,—и земля возвратитъ зерно съ еврейскимъ процентомъ, особенно въ благопріятный годъ. Здѣсь еще многому не знаютъ даже цѣны: навозъ — это лишній обросокъ нечистоплотной природы, отъ котораго не знаютъ какъ избавиться, вывоза его на рѣку, на ледъ; обгрызенная кость — обросокъ, ни на что не годный; тряпье — обросокъ; битое стекло — это тоже излишній обросокъ, который ни въ какое дѣло нейдетъ. Тамъ-же, сѣвернѣе, это уже не оброски нерашливой и не экономной природы: и навозъ — для удобренія земли и для выдѣлки селитры, а не для засоренія рѣкъ; изъ обглоданной кости гонятъ костяное масло; негодное тряпье даетъ бумагу; битое стекло идетъ на заводъ. За этими обросками сѣверные поволжане пріѣзжаютъ къ южнымъ, которые даже не понимаютъ, для чего тамъ требуется этотъ соръ и навозъ.

V.

Съ нашей, такъ сказать, домашней точки зрѣнія, среднее Поволжье кажется краемъ довольно населеннымъ, хорошо обработаннымъ, кипящимъ богатою производительною дѣятельностію, что безъ сомнѣнія, и вѣрно по отношенію къ суммѣ всѣхъ экономическихъ силъ Поволжья, по отношенію къ массѣ сырья, которое изъ этой окраины расходится во всѣ концы Россіи и Европы. Многіе милліоны пудовъ грузовъ, въ обработанномъ и необработанномъ видѣ тянутся къ русскимъ портамъ и на заграничныя рынки,—все это продуктъ труда поволжскаго населенія, начинающійся отъ сланскаго и баландинскаго „хлѣборода“ и кончая жадовскимъ „кошатникомъ“, отъ елтонскаго солеоломщика до саратовскаго, самарскаго и казанскаго крупчатника и юфтяника. Но когда на Волгу въ первый разъ понадеваетъ уроженецъ западной Европы, все Поволжье кажется ему такимъ пустыннымъ, незаселеннымъ, невоздѣланнымъ, дикимъ. Его поражаетъ страшная „пустота и тишина“. Онъ не вѣритъ, что это — богатое и кипучее Поволжье XIX столѣтія, и именно второй уже половины этого вѣка. „Нигдѣ людей не видно“, говоритъ онъ съ удивленіемъ. Мы думаемъ и вправдѣ думать, что Поволжье далеко оставило за собой то положеніе, въ которомъ нашелъ его Олеарій: это была пустыня, на которую только пыталась стать нога гражданственности. И между тѣмъ, то-же самое впечатлѣніе продолжаетъ производить на европейцевъ среднее Поволжье второй половины XIX столѣтія. Они признають, что край этотъ — „богатѣйшій въ Россіи“; но прибавляють:—разумнаго пользованія этимъ богатствомъ положительно не видно. Конечно, въ этомъ отзывѣ есть значительная доля преувеличенія, вызваннаго рѣшительнымъ незнаніемъ или нежеланіемъ знать всѣхъ нашихъ мѣстныхъ и историческихъ условій; однако, къ сожалѣнію, такой отзывъ европейцевъ мы, вѣроятно, будемъ слышать еще долго. Сто лѣтъ, напр., назадъ Палласъ съ удивленіемъ замѣчалъ о сѣверной половинѣ нагорнаго Поволжья, какимъ образомъ земля можетъ давать тамъ урожай, потому что тамошній „мужикъ не пашетъ, а только ковыряетъ ее своей допотопной сохой“. И оказывается, что, вслѣдствіе весьма сложныхъ причинъ, допотопная соха не можетъ быть

замѣнена въ Поволжьѣ другимъ, болѣе современнымъ земледѣльческимъ орудіемъ. По отзыву Лепехина, путешествовавшего по Поволжью тоже очень давно, „невозможно безъ сожалѣнія смотрѣть на бѣдныя крестьянскія лачуги, на безпріюту ихъ скота, отданнаго на жертву всѣмъ непогодамъ.“ И, однако, до настоящаго времени, также вслѣдствіе весьма уважительныхъ причинъ, крестьянскія хижины въ Поволжьѣ, особенно въ сибирской губерніи, не далеко ушли отъ тѣхъ бѣдныхъ лачугъ, какими были при Лепехинѣ, а скотъ не вездѣ имѣетъ теплыя закуты и крытыя загороди.

Замѣчательны отзывы объ этой части Поволжья двухъ царственныхъ особъ, посѣтившихъ Поволжье въ 1552 году и въ 1767, т. е., въ промежуткѣ двухъ столѣтій. Въ царственной книгѣ Ивана Грознаго, прошедшаго съ войскомъ по верхней половинѣ волжской трапеціи для покоренія Казани, записано: „и таковое многое воинство всюду яко Богомъ уготованну пищу обрѣтаху на поли, убо всякимъ благовоннымъ овощіемъ довлѣхуся, отъ животныхъ-же лоси яко самозванни на заколеніе приходяху, въ рѣкахъ-же множество рыбъ ловаху, отъ воздуха-же множество птицъ прилетяху и во всѣхъ полцѣхъ на землю припадаху, яко сами дающесе въ рудѣ; черемиса-же и мордва вся потребная приношаху, хлѣбъ и медъ и говядину, ова дарованіемъ, инаѣ-же продаваху“. Черезъ двѣсти лѣтъ Екатерина II, возвращаясь съ Поволжья въ Москву черезъ Сибирскъ и Алатырь, въ письмѣ къ Н. И. Панину замѣчаетъ съ свойственной ей практической догадливостью: „Гдѣ черноземъ и лучшія произращенія, какъ-то сибирская провинція и половина алатырской, тамъ люди лѣнны, и верстъ по пятнадцати пусты, не населены, а земли не разработаны. Отъ Алатыря до Арзамаса, и отъ сего мѣста до муромскихъ лѣсовъ, пади земли нѣтъ, хотя-бы не была разработана, и хлѣбъ лучше, нежели въ первыхъ сихъ мѣстахъ. и — en dépit du misérable abbé Ziot — нигдѣ голоду нѣтъ, и истинно вездѣ хлѣба прошлагодняго, немолоченнаго, мало есть-ли скажу вдвое противу того, что съѣсть могутъ въ одинъ годъ“ (Чт. общ. ист. и др., 1863).

Въ первомъ отзывѣ—это богатство дѣвственнаго, еще нетронутаго Поволжья, куда еще не ступала нога русскаго колонизатора. По второму отзыву, русскій колонистъ, осѣвшій въ мѣстности

сти, гдѣ сами звѣри и птицы приходили и прилетали къ людямъ на заколеніе, уже начинаетъ лѣниться, пренебрегая жирнымъ черноземомъ. Прошло еще сто лѣтъ—и уже нѣтъ тамъ ни птицъ, ни звѣрей, которые-бы сами давались въ руки, ни даже жирнаго чернозема, а осталась земля, нуждающаяся въ навозѣ, въ искусственной помощи, и, при всемъ томъ, недостаточно прокармливающая населеніе, вынужденное уже обратиться къ кустарному промыслу, къ кошатничеству, ястребиной ловлѣ и проч.

Чтобы видѣть разницу въ силѣ производительности той части Поволжья, которое Екатерина II упрекнула въ лѣности и укорила богатымъ черноземомъ, и той, которая колонизовалась въ болѣе новое время, и потому менѣе истощена, хотя и менѣе обработана, поставимъ слѣдующую цифровую параллель мѣстностей: самые богатые районы первой части Поволжья—корсунскій, алатырскій, ардатовскій и бунинскій отправляютъ на Волгу излишекъ продуктовъ на сумму до 2,000,000 р.; между тѣмъ одно только торговое село южной половины волжской трапеціи—Елань—одной пшеницы въ привозѣ и отпускѣ имѣетъ на 8,000,000 р. и такихъ селеній въ этой мѣстности можно указать нѣсколько (Баланда, Рудня, или за Волгой—Балаково, Майна и др.).

Цифровыя выраженія производительныхъ силъ средняго Поволжья, а равно указаніе главнѣйшихъ центровъ, около которыхъ сосредоточивается продуктивная и торговая жизнь поволжской трапеціи, мы отлагаемъ до слѣдующаго раза.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ГАММЕРЛИНГА.

О, какъ я часто приходилъ къ тебѣ,
Израненный, измученный, усталый,
Въ мучительной и тягостной борьбѣ
Съ безчисленной ордою мошки малой,
Съ остервенѣньемъ жалившей меня!
Къ твоей груди чело мое склоня,
Согрѣтъ лучомъ сочувственнаго взгляда,
Я отдыхалъ, вольнѣ могъ вздохнуть...
И ты была такъ счастлива, такъ рада,
Когда вольнѣй моя дышала грудь!

Ты забывала для меня себя,
А между тѣмъ и ты сама страдала
Не меньше: вся та сволочь и въ тебя
Безжалостно свое вонзала жало.
Но ни одинъ твой взглядъ, ни слабый звукъ
Не выдавалъ твоихъ душевныхъ мукъ;
Ты и слезу невольную давила,
Чтобъ моего страдальческаго сна,
Горячая, она не возмутила
И мнѣ чела не обожгла-бъ она.

Я въ той борьбѣ и падалъ и стоналъ,
Ты, гордая, несла безмолвно муку,
И въ мигъ, когда мой духъ изнемогалъ,
Съ участиемъ мнѣ протягивала руку.
И замолкалъ болѣзненный мой стонъ
И возставалъ, тобою ободренъ,
Упавшій духъ, глаза мои свѣтились
Попрежнему отвагою,—на лбу
Угрюмыя морщины расходились,—
Я снова шелъ въ неровную борьбу.

Благодарю! Ты не дала мнѣ пасть,
Какъ большинству тѣхъ юношей, которымъ
Такъ, какъ и мнѣ, судьба дала на часть
Борьбу, гдѣ равнымъ было-бы позороѣ
И побѣдить и пасть. Несмѣтенъ строй
Озлобленныхъ враговъ,—но, Боже мой!
Какъ мелко все, мизерно и ничтожно!
Но эта мелочь жалить и язвить;
И не бороться съ нею невозможно,
Но и бороться съ нею—тоже стыдъ.

Я. Старостинъ.

НАДЪ ПРОПАСТЬЮ.

Р О М А Н Ъ .

(ОКОНЧАНИЕ.)

XIV.

Еще тѣло молодого графа не было опущено въ фамильный склепъ его предковъ, какъ въ горахъ стали ходить неясныя слухи, вскорѣ принявшіе болѣе опредѣленную форму. Конечно, эти слухи постарались скрыть отъ графа и графини; въ замкѣ между прислугой они передавались шопотомъ, не переходя за двери комнатъ для нея и кухни; но въ окрестностяхъ замка, и въ особенности въ Е., громко передавалось и обсуждалось предположеніе, что графъ Отфридъ умеръ не естественною смертію, что онъ сдѣлался жертвою преступленія.

Правда, подозрѣніе это было вызвано только однимъ обстоятельствомъ, но это обстоятельство ничѣмъ нельзя было опровергнуть; оно съ несомнѣнною достовѣрностію доказывало, что подлѣ графа былъ кто-то въ моментъ его паденія съ моста. Докторъ, призванный въ Н. для поданія, конечно, уже бесполезной помощи, нашель въ судорожно сжатой рукѣ покойнаго кусокъ темнаго сукна, оторваннаго отъ плаща, несомнѣнно принадлежащаго не самому Отфриду; графъ, вѣроятно, при паденіи ухватился за плащъ человѣка, толкнувшаго его съ моста и оторвалъ отъ него кусокъ, оставшійся въ его судорожно сжатыхъ пальцахъ. Не было никакого сомнѣнія, что нападеніе на графа произведено не съ цѣлью грабежа, такъ какъ нападающій въ этомъ опасномъ

и́стѣ подвергался неминуемой опасности погибнуть вмѣстѣ съ своею жертвой. Причиной нападенія на него могла быть только месть или смертельная вражда. Но сколько было извѣстно, у молодого графа, при всемъ его высокомѣрїи, не было враговъ въ этой и́стности. Много толковали и спорили въ обществѣ при обсужденіи этого таинственнаго происшествія и наконецъ рѣшили, что только отецъ умершаго можетъ разъяснить запутанныя обстоятельства интересующаго всѣхъ дѣла; нашлись смѣльчаки, которые и обратились къ нему за этими разъясненіями, приступивъ къ дѣлу съ величайшею осторожностью.

Къ ихъ чрезвычайному удивленію, графъ Ранекъ принялъ ихъ слова совсѣмъ иначе, какъ они ожидали. Вмѣсто того, чтобы выйти изъ себя при мысли, что единственный сынъ его палъ жертвою преступленія; вмѣсто того, чтобы употребить свое вліяніе въ официальномъ мірѣ для скорѣйшаго и обстоятельнаго производства слѣдствія по горячимъ слѣдамъ, онъ довольно явно показывалъ свое желаніе затупить это дѣло. Онъ показывалъ видъ, что не вѣрить возможности преступленія, онъ рѣшительно высказалъ предположеніе, что всему виной неосторожность Отфрида и, подъ предлогомъ моральнаго и физическаго изнеможенія, рѣзко отклонялъ всякіе распросы о знакомствахъ и сношеніяхъ своего сына. При этомъ графъ выказывалъ такое смущеніе, такъ неохотно отвѣчалъ на вопросы слѣдователя, что этотъ чиновникъ имѣлъ полное право вывести заключеніе, что графъ опасается слѣдствія и желалъ-бы всѣми мѣрами отклонить его. Въ то-же время прелать, дѣйствующій, какъ всегда, хладнокровнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ его братъ, сдѣлалъ попытку употребить все свое вліяніе на администрацію края, чтобы побудить ее по возможности скорѣе окончить слѣдствіе или даже оти́ннить его вовсе, какъ ненужное по очевидности смерти отъ собственной неосторожности. Губернаторъ, къ которому обратился прелать, недоумѣвалъ, что могло побудить его дѣйствовать такимъ образомъ, онъ сомнительно покачивалъ головой, но значеніе прелата было такъ сильно, что губернаторъ непремѣнно подчинился-бы его вліянію, если-бы слѣдствіе не попало въ руки молодого слѣдователя, слишкомъ ревностнаго въ исполненіи своего долга, вполне независимаго и вовсе нерасположеннаго подчиняться сторонней волѣ. Слѣдователь не принадлежалъ къ числу ревностныхъ католиковъ, а потому заподозрилъ въ не-

понятномъ вмѣшательствѣ прелата монастырскую тайну и твердо рѣшился, не смотря ни на какія препятствія, исполнить во всей строгости свою обязанность. Онъ началъ съ самаго тщательнаго осмотра платья покойнаго, которое было на немъ въ моментъ смерти, и при этомъ напалъ на слѣдъ; по крайней мѣрѣ ему показалось, что онъ напалъ на него.

Въ бумажникѣ графа, между прочими незначущими бумагами, найдено было письмо, очевидно, давно туда положенное и забытое. Авторъ этого письма, подписавшійся „Бернгардъ Гюнтеръ“, въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ запрещалъ графу встрѣчаться съ его сестрой и заявлялъ, что приметъ мѣры, чтобы избавиться отъ его непрощенныхъ посѣщеній. Тонъ письма былъ рѣзкій, а заключеніе даже оскорбительно; во всякомъ случаѣ письмо это должно было взбѣсить графа... Слѣдователь пришелъ къ заключенію, что это письмо ясно указывало на существовавшія враждебныя отношенія между молодымъ графомъ и Гюнтеромъ. Наведенныя справки только усиливали подозрѣнія; оказалось, что Гюнтеръ въ день смерти графа былъ какъ разъ вблизи рокового мѣста. Незадолго до происшествія сестра его противъ своего желанія встрѣтилась съ графомъ: дьячокъ видѣлъ ихъ вмѣстѣ въ горной капицѣ, гдѣ они встрѣтились съ отцомъ Бенедиктомъ; дьячокъ ушелъ домой, но черезъ нѣсколько времени, по приказанію капелана, проводилъ молодую дѣвушку въ Н. Они, правда, нашли уже тамъ Гюнтера, который, однакожь, имѣлъ время совершить преступленіе и быстро дойти до Н. (конечно, если онъ былъ виновный). Правда, казалось также нѣсколько страннымъ поведеніе отца Бенедикта, который раньше всѣхъ узналъ о печальномъ событіи: какъ онъ могъ различить на днѣ пропасти въ сумерки тѣло графа, уже покрытое волнами? Точно также поразило всѣхъ, къ кому онъ обращался съ требованіемъ подать помощь несчастному, — его смущеніе и смертельная блѣдность его лица. Но кто-же не зналъ, что тѣсная дружба соединяла его съ Ранекскимъ семействомъ и что онъ своимъ воспитаніемъ обязанъ старому графу, который въ тотъ самый день видѣлся съ своимъ бывшимъ воспитанникомъ и долго разговаривалъ съ нимъ. Слѣдовательно, весьма естественно было предположить, что его взволновала ужасная смерть молодого графа; къ тому-же духовный санъ ставилъ его внѣ всякаго подозрѣнія. Гюнтеръ, по возвращеніи дочери, успѣшилъ уѣхать, хотя его уго-

варивали остаться, такъ какъ собиралась буря, весьма опасная въ горахъ; этотъ послѣдній отъѣздъ былъ признанъ и слѣдователемъ и публикой достаточнымъ поводомъ къ подозрѣнiю. Въ обществѣ тотчасъ-же стала ходить весьма правдоподобная, по общему мнѣнiю, такая исторiя: Гюнтеръ, идя одинъ, — кучеръ, остался съ лошадьми въ долину, — по горной дорожке, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моста встрѣтился съ графомъ; ссора, по всей вѣроятности, не разъ разгоравшаяся между ними послѣ письма Гюнтера, здѣсь снова возобновилась; вскорѣ спорящiе отъ словъ перешли къ дѣйствiямъ, причеиъ сильнѣйшiй остался побѣдителемъ. Эта исторiя была сочтена ключомъ къ разгадкѣ таинственнаго происшествiя... Слѣдователь увлекся этимъ объясненiемъ и, соображаясь съ нимъ, приступилъ къ дѣлу.

Самъ Гюнтеръ, конечно, не могъ и подозрѣвать, что надъ нимъ собираются грозныя тучи. Узнавъ о смерти молодого графа, онъ сообщилъ это извѣстiе Францискѣ Рейхъ, причеиъ высказалъ свое мнѣнiе, что здѣсь непременно кроется какая-нибудь тайна. Если-бы Францискѣ сказали, что вскорѣ ихъ дожъ посѣтитъ горе, и ей придется постоянно находиться въ мучительномъ ожиданiи, чѣмъ окончится таинственное дѣло, въ которое впустили владѣтеля Дѣбры, — она не повѣрила-бы такой чепухѣ.

На дворѣ совсѣмъ стемнѣло, когда Гюнтеръ вошелъ въ освѣщенную комнату, гдѣ фрейленъ Рейхъ ожидала его у чайнаго стола.

— Гдѣ Люцiя? спросилъ онъ.

Франциска пожала плечами и указала на сосѣдную комнату, дверь въ которую была затворена.

— Оставьте ее одну, это лучше всего! Она не можетъ выносить принужденiя, которое внушаетъ ей наше присутствiе.

— Я не предполагалъ въ ребенкѣ такого глубокаго чувства, въ особенности къ такому пустому человѣку, каковъ былъ покойный графъ. Она, вѣроятно, была страстно къ нему привязана, если его смерть повергла ее въ такое отчаянiе.

Франциска покачала головой; она не рѣшалась и теперь от-

крыто заявить свое предположеніе, но прежнее убѣжденіе въ ней еще болѣе утвердилось.

— А я такъ думаю, что всему причиной не смерть, сказала она коротко,—а обстоятельства, ее сопровождавшія!

Бернгардъ, собиравшійся уже сѣсть, остановился и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Какъ вы сказали?

— Я говорю, — (она бросила взглядъ на дверь сосѣдней комнаты и понизила голосъ), — я говорю, что во всемъ существѣ Люціи высказывается несравненно меньше горя, чѣмъ страха, тайнаго, тщательно скрываемаго страха. Я боюсь, что она знаетъ объ этой таинственной исторіи гораздо болѣе всѣхъ насъ вмѣстѣ, не исключая и самого слѣдователя.

— Невозможно, сказалъ рѣшительно Гюнтеръ. — Она была съ нами въ Н., когда случилось несчастье. Конечно, и мнѣ многое кажется въ ней непонятнымъ! До сихъ поръ я ее щадилъ, это было необходимо; но теперь слѣдуетъ серьезно переговорить съ нею и такъ или иначе, а принудить ее отвѣчать.

Франциска презрительно пожала плечами.

— Попробуйте! Вы не добьетесь отъ нея ни одного слова; скажите, откуда взялась у нея вдругъ такая суровость, такая мертвенная оцѣпенѣлость! Она умѣетъ молчать съ такою энергіей, которую едва-ли возможно поколебать; если это долго протянется, съ ней случится большое несчастье. Организмъ ея потрясенъ до основанія.

Бернгардъ не отвѣчалъ, но лицо его еще болѣе омрачилось и онъ задумчиво опустилъ голову на руку. Наступившее молчаніе было прервано слугою, доложившемъ о пріѣздѣ судебного пристава изъ Е. Гюнтеръ поспѣшно всталъ.

— Просите его сюда... Фрейленъ Рейхъ, обратился онъ къ ней, — подите къ Люціи и скажите ей, что я ее увольняю на этотъ вечеръ отъ объясненія. Пошлите ее спать, завтра я буду говорить съ нею. Вы-же, во всякомъ случаѣ, возвращайтесь къ намъ.

Франциска встала и отправилась въ сосѣднюю комнату, дверь въ которую только слегка притворила. Гюнтеръ-же пошелъ на встрѣчу гостю. Онъ былъ знакомъ съ приставомъ, который не разъ бывалъ у него въ Дѣбрѣ. Послѣ обычнаго привѣтствія, онъ предложилъ ему сѣсть. Но приставъ остался стоять.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ онъ,—я пріѣхалъ сюда по дѣламъ службы.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ Гюнтеръ спокойно.—И ко мнѣ? Но развѣ мы не можемъ разсуждать о нихъ сидя?.. Прошу садиться!

Судебный приставъ снова отказался.

— Г. Гюнтеръ, сказалъ онъ,—я прибылъ къ вамъ по очень важному дѣлу. Моя обязанность налагаетъ на меня тяжелый долгъ. Я имѣю предписаніе арестовать васъ.

Гюнтеръ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Меня арестовать? Можетъ-ли это быть? Вѣрно, тутъ есть недоразумѣніе.

— Очень сожалѣю, отвѣчалъ приставъ,— что на меня пало это неприятное порученіе. Но въ данномъ мнѣ предписаніи стоитъ именно ваше имя. Я принужденъ просить васъ покориться необходимости и слѣдовать за мною.

— Въ чемъ-же обвиняютъ меня? спросилъ Бернгардъ спокойно.

— Объ этомъ вы узнаете въ Е.

— Милостивый государь! (Въ голосѣ Гюнтера послышалось сдержанное волненіе).—Я полагаю, что я имѣю право требовать, чтобы мнѣ объяснили, по какому поводу меня лишаютъ свободы. Могу завѣрить васъ честью, что этотъ арестъ кажется мнѣ совершенно непонятнымъ.

Приставъ нѣкоторое время колебался, но, вспокинувъ, что въ этомъ домѣ его всегда принимали предупредительно, онъ рѣшился отступить отъ данной ему инструкціи.

— Васъ арестуютъ по дѣлу объ убійствѣ графа Ранека, сказалъ онъ спокойно, но въ тонѣ его голоса слышалось участіе.

— Не считаютъ-ли меня его убійцей!? вскричалъ Бернгардъ гнѣвно.

Приставъ пристально смотрѣлъ на него.

— Слѣдователь сообщитъ вамъ всѣ нужныя подробности, отвѣчалъ онъ уклончиво.— Теперь-же прошу васъ слѣдовать за мной; моя карета ожидаетъ насъ на дворѣ; мы можемъ уѣхать незамѣтно, безъ всякой огласки.

— Нѣтъ, этого не будетъ! раздался голосъ изъ сосѣдней комнаты.

Дверь съ шумомъ отворилась и на порогъ показалась фрейленъ Рейхъ въ себя отъ гнѣва, съ пылающимъ лицомъ; сзади нея виднѣлось блѣдное лицо Люци.

Франциска быстро перешла комнату, подошла къ Гюнтеру и стала рядомъ съ нимъ.

— Нѣтъ, этого не будетъ! повторила она, дрожа отъ гнѣва. — Не думаете-ли вы, что мы позволимъ вамъ распоряжаться здѣсь и лишать свободы честнаго человѣка только потому, что вашии судамъ заблагоразсудилось бросить на него самое дикое подозрѣніе. Но, Боже мой! г. Гюнтеръ, чего-же вы стоите съ такимъ возмутимымъ равнодушіемъ, будто васъ приглашаютъ на прогулку. Покажите-же этому господину, что хозяинъ здѣсь вы, и потребуйте отъ него, чтобы онъ сію минуту удалился.

— Сударыня, отвѣтилъ приставъ рѣшительнымъ тономъ, — я увѣренъ, что отъ волненія и страха вы въ настоящую минуту не способны исполнѣть взвѣшивать вашихъ словъ. Требованіе суда должно быть исполнено; предупреждаю васъ, со мною двое полицейскихъ, они остались на дворѣ; надѣюсь, что мнѣ не представится надобности звать ихъ сюда.

Франциска гнѣвно пожала плечами.

— Вамъ-же будетъ лучше, если вы къ этому не прибѣгнете, потому что г. Гюнтеръ не задумается выбросить ихъ обоихъ въ окно, а съ вами, г. приставъ, — (она съ презрѣніемъ посмотрѣла на маленькаго слабосильнаго чиновника), — съ вами я и сама управлюсь.

При этой угрозѣ, приставъ отступилъ къ дверямъ и оглянулся. Онъ зналъ энергическій характеръ Франциски и не сомнѣвался, что она въ состояніи исполнить угрозу. Ему нерѣдко приходилось арестовывать, нерѣдко на его глазахъ происходили сцены ужаса и отчаянія, вызываемыя арестомъ близкаго человѣка, но такого дерзкаго возмущенія противъ власти ему еще не случалось встрѣчать. Къ его счастью, самъ Гюнтеръ подоспѣлъ къ нему на помощь.

— Успокойтесь, прошу васъ! сказалъ онъ спокойно, взявъ за руку свою энергическую заступницу. — Я повторяю, произошло какое-нибудь недоразумѣніе, которое должно скоро разъясниться. Я не сомнѣваюсь теперь, что слѣдователь подозрѣваетъ меня въ убійствѣ, но также увѣренъ, что настоящій преступникъ скоро

будеть отысканъ и меня освободять. Надѣюсь, что и вы, г. приставъ, съ своей стороны употребите всѣ усилія для раскрытія тайны...

Говоря это, онъ былъ блѣденъ, что изобличало его волненіе.

— Мы сдѣлаемъ все, что только будетъ въ нашей власти, сказалъ приставъ, — а теперь...

— Вы, вѣроятно, позволите мнѣ проститься съ моею сестрой и ея наставницей? прервалъ его Бернгардъ.

Приставъ, въ знакъ согласія, молча поклонился и отошелъ къ двери, не выпуская, однакожъ, изъ виду своего арестанта. Бернгардъ повернулся.

— Поди ко мнѣ, Люція!

Люція все еще стояла на порогѣ сосѣдней комнаты. Въ ней, въ самомъ дѣлѣ, произошла большая перемена, но ее вызвалъ не арестъ брата; эту перемену въ ней можно было замѣтить уже нѣсколько дней тому назадъ. Ея лицо было блѣдно, губы судорожно сжаты; на лицѣ выражалось страданіе. Ея глаза были неподвижно устремлены въ одну точку, она не шевелилась, точно нашелъ на нее столбнякъ. Призывъ брата, однакожъ, вывелъ ее изъ оцѣпенѣнія: она бросилась къ нему и положила голову на его плечо; ей, видимо, хотѣлось плавать, но слезы, прежде лившіяся у нея легко и обильно, совершенно изсыкли.

Бернгардъ поцѣловалъ ее.

— Не бойся, Люція! Я надѣюсь скоро къ вамъ вернуться, до тѣхъ-же поръ ты останешься подъ покровительствомъ фрейленъ Рейхъ. Прощай!

Люція подняла на него глаза, но въ этомъ взглядѣ выражалась такая безпредѣльная тоска, такое безнадежное отчаяніе, что лицо Бернгарда вдругъ нахмурилось.

— Дитя! сказалъ онъ съ упрекомъ. — Неужели ты считаешь своего брата убійцею?

Молодая дѣвушка вздрогнула при этихъ словахъ и страстно обвила шею брата обѣими руками.

— Нѣтъ, мой Бернгардъ! Не тебя!

Въ этомъ восклицаніи было особое выраженіе, котораго Бернгардъ не понялъ, считая, что оно вызвано страхомъ за его участь; но Франциска, съ инстинктомъ женщины встревоженной, трепещущей за участь человѣка, къ которому она чувствовала симпа-

тію, угадала истинное значеніе этого восклицанія. Она намѣревалась было приступить къ Люціи съ рѣшительнымъ требованіемъ разъяснить смыслъ ея восклицанія, но, взглянувъ на пристава, принудила себя къ молчанію. Гюнтеръ съ наружнымъ спокойствіемъ молча выпустилъ сестру изъ своихъ объятій и обратился къ Францискѣ, но, говоря съ ней, такъ понизилъ голосъ, что только она одна и могла его разслышать.

— Я долженъ и съ вами проститься, надѣюсь, что не на долго! Вы поступили очень небдуманно, развѣ мы имѣемъ силу сопротивляться требованіямъ суда... Но вы намѣревались защитить меня и мнѣ остается только поблагодарить васъ, Франциска.

Въ первый разъ, послѣ извѣстнаго намъ разговора, онъ снова назвалъ ее по имени; Франциска невольно опустила глаза. Энергическая, смѣлая дѣвушка, которая только что готова была сразиться со всѣми судами на свѣтѣ, задрожала, когда рука его коснулась ея руки.

— Прощанье кончено, сказалъ Гюнтеръ.—Тенерь отдаю себя въ ваше распоряженіе, г. приставъ.

Женщины остались однѣ. Франциска подошла къ окну и видѣла, какъ Бернгардъ сѣлъ въ экипажъ. Люція не шевелилась, она, какъ-бы прикованная, оставалась на прежнемъ мѣстѣ. Когда экипажъ выѣхалъ со двора и стукъ его сталъ замирать вдаль, Франциска быстро подошла къ молодой дѣвушкѣ, привлекла ее къ себѣ и пристально посмотрѣла ей въ лицо.

— Прошу васъ, отвѣтите мнѣ, Люція, вполне искренно на мой вопросъ, сказала она.—При приставѣ я не могла васъ спрашивать, потому что мои вопросы могли только усилить подозрѣнія; но теперь мы однѣ, скажите-же, что хотѣли вы выразить вашимъ исполненнымъ отчаянія восклицаніемъ: „не тебя, Бернгардъ!“ Что вы не могли считать его убійцею, это понятно и безъ объясненій, очевидно, вы говорили о комъ-то другомъ.

Сильнымъ движеніемъ освободилась Люція изъ объятій своей наставницы и ни слова не отвѣтила; губы ея еще крѣпче сжались и лицо приняло опять такое выраженіе, которое говорило ясно, что отъ нея ни лаской, ни угрозой нельзя ничего добиться. Напрасно ждала Франциска; Люція упрямо молчала.

— Дитя, я, право, начинаю васъ бояться! сказала она серьезно;—

ваше поведеніе неестественно и безчеловѣчно. Вы слышите, что вашего брата обвиняють въ злодѣйствѣ; его арестуютъ; вы знаете, что его честь и жизнь стоятъ на картѣ, а вы молчите, тогда какъ одно ваше слово можетъ пролить свѣтъ на это темное дѣло и можетъ освободить вашего брата отъ незаслуженнаго подозрѣнія. Ради Бога, Люція, говорите. Вы не имѣете права никого скрывать и щадить послѣ того, что случилось съ вашимъ братомъ.

Люція вздрогнула и со страхомъ посмотрѣла на свою наставницу.

— Жизнь Бернгарда? спросила она тихимъ, задыхающимся голосомъ, — вы думаете, что жизнь его въ опасности?

— Я говорю, что судъ не рѣшился-бы арестовать челоуѣка, въ положеніи Бернгарда, не имѣя въ рукахъ уважительныхъ фактовъ къ подозрѣнію. (Франциска вдругъ перешла на сторону суда, который она еще недавно обвиняла). — А если онъ рѣшился арестовать, то такъ-же точно можетъ произнести самый тяжкій приговоръ. При обвиненіи въ убійствѣ всегда идетъ рѣчь о жизни или смерти обвиняемаго.

Молодая дѣвушка опять вздрогнула при словѣ „убійство“, какъ и въ то время, когда Бернгардъ произнесъ его.

— Бернгардъ не будетъ осужденъ! сказала она едва слышно, но твердо.

Франциска вскочила со стула.

— Нѣтъ! И вы это твердо знаете? Такъ вы можете спасти его? Люція, во имя Бога, скажите мнѣ только одно слово: можете-ли вы это сдѣлать?

— Я... *надѣюсь*, хотѣла она сказать, но слово это замерло на ея губахъ; *надѣяться* навѣрное на это спасеніе она еще не могла.

— Я попробую!

— Слава Богу! сказала Франциска, переводя духъ. — Наконецъ-то ледъ растаялъ! Такъ довѣрьтесь-же мнѣ, дитя мое, что хотите вы сдѣлать?

— Завтра! Сегодня я не могу.

— Но...

— Не могу, сказала Люція рѣшительно и ушла въ свою комнату, положивъ этимъ конецъ разговору.

Франциска пошла было за ней, но вскорѣ должна была убѣдиться, что болѣе ничего не выпытаетъ у молодой дѣвушки, а потому отказалась отъ напрасныхъ попытокъ.

Въ эту ночь обѣ женщины почти не сомкнули глазъ. Люція легла, не раздѣваясь; но наставница ея хорошо видѣла, что она ни на минуту не засыпала. Сама Франциска только подъ утро забылась легко дремотой; проснувшись, она увидѣла, что ея воспитанница куда-то исчезла. Франциска поспѣшила одѣться, прошла по всѣмъ комнатамъ, нигдѣ не встрѣчая Люцію, вышла на крыльцо и увидѣла на дворѣ всю прислугу въ сборѣ: арестъ Гюнтера, оставшійся съ вечера тайною, сталъ теперь всѣмъ извѣстенъ, о немъ сообщилъ почтальонъ, пріѣхавшій изъ Е. Этотъ арестъ вызвалъ волненіе и негодованіе прислуги, любившей и уважавшей Гюнтера. Франциска, отвѣчая на обращенные къ ней вопросы, только черезъ нѣсколько времени могла спросить, не видѣлъ-ли кто Люцію?

— Фрейленъ Люція уже болѣе часу какъ уѣхала! отвѣчала ихъ общая горничная; — она приказала просить васъ не беспокоиться; къ вечеру она будетъ дома.

Франциска была озадачена.

— Уѣхала? Куда?

Горничная пожала плечами.

— Я не знаю; объ этомъ можетъ знать только старшій Іосифъ, который повезъ ее; фрейленъ Люція никому не говорила, куда она ѣдетъ.

— Вотъ такъ исторія! Гюнтеръ поручилъ ее исключительно моему надзору и вотъ она уѣхала тайно отъ меня. Прекрасно! Куда она могла уѣхать? Разумѣется, только въ Е., чтобы сообщить брату, что скрыла отъ меня. Но вѣдь ее къ нему не допустить! Развѣ не могло это безумное дѣтя взять меня съ собою; я-бы проложила себѣ дорогу, хотя-бы двѣнадцать судебныхъ приставовъ и двадцать четыре сторожа загоразивали мнѣ дорогу...

Франциску прервали въ ея, къ счастью, про себя высказываемомъ монологѣ, на нее со всѣхъ сторонъ снова посыпались вопросы, освѣдомленія, просьбы. Надо было сдѣлать распоряженія по хозяйству, слѣдовало показать, что есть кому замѣнить отсутствующаго хозяина и поддержать установленный имъ порядокъ. Испол-

неніе этой трудной задачи съ своей обычной энергіей взяла на себя Франциска.

— Молодецъ фрейленъ Франциска, не уступить никакому мужчине! сказалъ главный управляющій Гюнтера, выходя отъ нея по полученіи распоряженій. Онъ былъ весьма дѣятельный и расторопный человекъ, но только подъ руководствомъ Гюнтера, но совершенно неспособный къ самостоятельной дѣятельности. — Она умѣетъ командовать не хуже самого хозяина. Слава Богу, что есть хоть одинъ человекъ у насъ, который не потерялъ головы. Если-бы ея не было, вся Добра пошла-бы вверхъ дномъ.

XV.

Въ горахъ опять свирѣпствовали бури. Потоки, вышедшіе изъ береговъ, вырванные съ корнемъ деревья сдѣлали дороги непроходимыми и расположенныя въ горахъ, выше Н., деревни были совершенно отрѣзаны отъ долины. Соединеніе было настолько прервано, что даже горцы, привыкшіе къ горнымъ тропинкамъ, боялись, безъ особенной крайности, пускаться въ путь по этой опасной дорогѣ.

Понятно, какъ удивился молодой горецъ, когда прекрасная молодая женщина, по одеждѣ принадлежавшая къ высшему кругу общества, предложила ему быть ея проводникомъ въ ея путешествіи по горнымъ тропинкамъ. Она доѣхала въ экипажѣ до тѣхъ поръ, пока лошади могли вести: старый кучеръ напрасно умолялъ ее не продолжать пути, напрасно предостерегали ее мѣстные жители; она ничего слушать не хотѣла и только твердила, что ей нужно видѣть отца Климента въ Н. по крайне важному дѣлу. За дорогую плату она уговорила одного изъ горцевъ быть ея проводникомъ и продолжала съ нимъ путь свой пѣшкомъ. Трудная была эта дорога! Вездѣ были слѣды свирѣпствовавшей бури, которая, къ счастью, въ ночь стихла. Проводникъ часто оглядывался на свою молчаливую спутницу, чтобы убѣдиться, въ состояни-ли она слѣдовать за нимъ, въ чемъ онъ сильно сомнѣвался. Она была, правда, молода, но уже слишкомъ нѣжна для такого тяжелого пути и для такой непогоды, къ тому-же обувь ея была такъ тонка и легка, что каждый шагъ по острымъ камнямъ дол-

женъ былъ причинять ей боль, а дождевой плащъ, накинутый на ея легкую одежду, мало защищалъ ее отъ рѣзкаго горнаго вѣтра. Но она, повидимому, не замѣчала этихъ трудностей, она шла твердымъ шагомъ, ни на минуту не останавливаясь для отдыха и не жалуясь, будто для нея не существовало ни страха, ни усталости.

Около часу шли они впередъ и достигли, наконецъ, возвышенной площадки. Около дороги стояло рѣзное, деревянное, грубо сдѣланное изображеніе мѣстнаго святого, потерпѣвшее отъ бури. Деревянная кровля была снесена, а самый образъ лежалъ разбитый на землѣ, уцѣлѣлъ только на половину поддерживавшій его пьедесталъ, прислоненный къ мшистой скалѣ. Ниже по склону, шагахъ во сто, лѣпилась маленькая деревушка, полускрытая между соснами и казавшаяся совершенно пустою и вымершею.

Достигнувъ площадки, молодая дѣвушка остановилась и дотронулась до плеча своего проводника.

— Намъ надо отдохнуть! Я не могу идти дальше!

Крестьянинъ обернулся и испугался: теперь только замѣтилъ онъ ея страшное изнеможеніе; грудь ея высоко и тяжело поднималась отъ непривычнаго напряженія силъ, лицо, окаймленное темными локонами, было до крайности блѣдно. Добродушный проводникъ поспѣшно довелъ ее до мшистаго камня и, посадивъ ее на него, задумчиво покачалъ головой.

— Не хорошо вы сдѣлали, фрейленъ; вы не можете идти дальше! Пойдемте лучше назадъ, вы не выдержите этого пути!

Она сдѣлала отрицательный знакъ головою.

— Нѣтъ, это пройдетъ! Я только устала, дайте мнѣ отдохнуть нѣсколько минутъ! Далеко еще до Н.?

— Два добрыхъ часа до горной каплицы, а тамъ еще порядочный конецъ до деревни, потому что черезъ „Глухое ущелье“ теперь не пройти. Самая дурная дорога еще у насъ впереди.

Молодая дѣвушка содрогнулась — или отъ мысли о трудной дорогѣ, или отъ боязни того мѣста, которое онъ называлъ, — и ничего не отвѣтила. Однакожъ, крестьянинъ понялъ, что о возвращеніи не могло быть и рѣчи.

— А я думалъ, что только мы двое въ дорогѣ! вдругъ сказалъ онъ, — а вотъ идетъ его преподобіе, г. капеланъ, вѣрно изъ Экенгофа! Онъ тоже, видно, не боится ни дурной дороги

ни непогоды! Надо думать, что онъ ходилъ въ Эбенгофъ къ больному.

Въ это время отецъ Бенедиктъ подошелъ къ площадке и привѣтствовалъ крестьянина, который, почтительно поклонившись, стоялъ у дороги, совершенно заслоня своей широкой фигурой молодую дѣвушку.

— И ты въ дорогѣ, Амвросій, сказалъ Бенедиктъ мимоходомъ.

— Да, ваше преподобіе, но я не одинъ! Я зарабатываю копейку, провожая фрейленъ...

При этихъ словахъ онъ посторонился, чтобы открыть свою спутницу; онъ хотѣлъ продолжать свои объясненія, но не могъ выговорить ни слова отъ охватившаго его изумленія.

Капеланъ остановился, какъ-будто горный духъ, о которомъ рассказываютъ легенды горцевъ, вдругъ превратилъ его въ статую. Только глаза горѣли, только взглядъ говорилъ, и говорилъ очень много! Дѣвушка тоже вдрогнула; едва замѣтная краска мгновенно появилась и снова исчезла съ ея лица, уступивъ мѣсто прежней блѣдности. Ея силъ, конечно, не хватило-бы на всю дорогу; она желала этой встрѣчи, ее только и искала... но ей стало еще тяжелѣе прежняго.

— Фрейленъ желаетъ идти въ Н. къ отцу Клименту, сказалъ, наконецъ, крестьянинъ, прерывая затруднительное для всѣхъ молчаніе.

— Теперь уже не нужно! прервала его Люція тихо съ видимымъ усиленіемъ. — Я могу тоже... я передамъ отцу Бенедикту о томъ, что привело меня сюда. Подождите меня внизу, въ деревнѣ, черезъ четверть часа я приду къ вамъ.

Крестьянинъ изъявилъ знакомъ согласіе и, почтительно поклонившись священнику, побѣжалъ внизъ съ горы. Онъ былъ очень радъ, что плата за проводы достанется ему такъ легко, потому что теперь уже нѣтъ надобности тащиться по самой трудной дорогѣ; онъ нисколько не удивился, что молодая дѣвушка рѣшилась довѣрить капелану дѣло, для котораго хотѣла видѣться съ отцемъ Климентомъ. Крестьянинъ вошелъ въ деревню и остался тамъ ждать молодую дѣвушку, какъ было условлено.

Бенедиктъ и Люція остались одни. Передъ ними открывался грандіозный ландшафтъ, окруженный горными вершинами, тонув-

шими въ облакахъ. Ослѣпительно блестяль снѣгъ на этихъ вершинахъ, въ лощинахъ и ущельяхъ, образуемыхъ горами; небосклонъ былъ покрытъ грозными тучами, бросавшими печальную тѣнь на всю окрестность. Ниже снѣговой линіи тянулись мрачные; густые сосновые лѣса; вездѣ однообразная, темная зелень; а глубоко внизу, въ долинѣ, бушующій потокъ, сверкающій между соснами, который то исчезалъ, то снова появлялся, клубясь пѣною; его глухой грохотъ, неясно доносившійся вверхъ, одинъ нарушалъ величественное, безмолвное уединеніе.

— Вы шли къ отцу Клименту? спросилъ, наконецъ, Бенедиктъ:

Люція покачала головой.

— Не къ нему, возразила она тихо;—я надѣялась васъ встрѣтить тамъ. Васъ одного я искала.

— Меня! бурно вырвалось у него, но голосъ его тотчасъ замеръ при взглядѣ на ея лицо. Что сдѣлалось съ ея дѣтскимъ личикомъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ его видѣлъ въ послѣдній разъ!

— Меня! повторилъ онъ медленно, — но что могло васъ привести ко мнѣ?

Люція молчала. Теперь, когда настала рѣшительная минута, она почувствовала, что ее покидаетъ мужество, которое до сихъ поръ поддерживало еще ея ослабѣвшія силы; она хотѣла спасти брата, но теперь готова была сознаться, что слишкомъ много взяла на себя; она съ грустію сознавала, что ей легче было вынести арестъ его, грозящую ему опасность, все... но только не спасеніе его *этой* цѣною!

Бенедиктъ видѣлъ, что какая-то тяжелая борьба просходитъ въ ней.

— Вамъ, какъ видно, большого труда стоитъ сказать мнѣ даже слово? произнесъ онъ горько. — Я понимаю, что вамъ не легко встрѣчаться со мной, но, такъ или иначе, надо-же вамъ рѣшиться говорить еще разъ съ ненавистнымъ вамъ человѣкомъ, иначе я не узнаю вашего желанія.

Онъ плотнѣе завернулся въ плащъ.

— Я должна задать вамъ одинъ вопросъ, сказала она, наконецъ, едва слышно, — есть у меня къ вамъ и просьба!

— Говорите.

Голосъ его звучалъ рѣзко, взглядъ его былъ мрачный и суро-

вѣй. Но Люція хорошо знала, что и то и другое измѣнится, стоитъ ей только поднять на него глаза; однакожь, она сознавала и то, что если посмотреть на него, то окончательно потеряется и не въ состояніи будетъ продолжать своей рѣчи, поэтому взглядъ ея остался прикованнымъ къ землѣ.

— Вопросъ мой касается смерти графа Ранека...

Она замолчала; ей показалось, что онъ вздрогнулъ при имени графа, но отвѣта не было.

— Говорять, что онъ... (она опять остановилась, ужасное слово замирало на ея губахъ) — говорятъ, что графъ Отфридъ былъ жертвою не простого несчастнаго случая...

Венедиктъ по-прежнему оставался вѣмъ; Люція, все еще не смѣя на него взглянуть, собрала послѣдній остатокъ своихъ силъ.

— Судъ горячо взялся за это дѣло. Обвиняютъ моего брата... вчера его арестовали.

Теперь онъ въ самомъ дѣлѣ вздрогнулъ и она видѣла, какъ руки его судорожно сжались.

— Гюнтеръ? А!

Въ этомъ восклицаніи слышался и гнѣвъ, и ужасъ, но въ то же время какой-то смутный лучъ надежды затеплился въ мозгу молодой дѣвушки.

— Вы этого не знали?

— Уже три дня, какъ мы отрѣзаны отъ долины, и никакія извѣстія оттуда къ намъ не доходятъ. Я даже не зналъ, что существуетъ какое-нибудь подозрѣніе, а то-бы...

— А то-бы вы явились и спасли Бернгарда... я это знала!

Венедиктъ съ ужасомъ отступилъ и пристально смотрѣлъ на ее.

— Я, Люція! Всемогущій Боже, кто научилъ васъ искать у меня спасенія?

— Я... я предчувствовала, что только здѣсь могу найти спасеніе. Братъ мой арестованъ, честь и жизнь его стоятъ на картѣ. Спасите его!

Теперь только Люція взглянула на Венедикта; этотъ взглядъ выражалъ смертельный страхъ, но мольба ея въ эту минуту отнеслась не къ брату. Ее страшилъ не отказъ, а исполненіе просьбы. Если-бы онъ теперь съ изумленіемъ отступилъ отъ нея, если-бы онъ сказалъ: „Я не могу, это не въ моей власти“ — собственную жизнь, свободу Бернгарда отдала-бы она за одно это слово;

но слово это не было имъ произнесено, онъ только взглянулъ на нее, потомъ быстро отвернулся и продолжалъ молчать.

Люція знала теперь довольно. Она охватила рукой уцѣлѣвшій отъ бури пьедесталь разбитаго грозною образа и почти безъ сознанія прислонилась головою къ влажному дереву.

Прошло нѣсколько секундъ; они стояли такъ близко одинъ къ другому, а между ними зіяла пропасть, глубже той, въ которой погибъ графъ Отфридъ. Надъ ними сѣрое небо съ быстро стремящимися тучами, вокругъ нихъ шумящія вершины сосенъ, а внизу рѣка, съ ея глухимъ плескомъ.

Голосъ Бенедикта привелъ въ себя молодую дѣвушку.

— Я не стану допытываться, кто выдалъ вамъ тайну, которую вы *должны* знать, если рѣшились говорить со мною такимъ образомъ... Вы пришли во время. Не трепещите отъ страха за вашего брата, Люція; грозящая ему опасность кончится, когда я прерву молчаніе! Еслибы я зналъ, что подозрѣніе падеть на невиннаго, я-бы давно прервалъ молчаніе. Теперь имъ нечего больше падить.

Люція оставила пьедесталь и встала.

— Такъ вы знаете... виновнаго?

Послѣдовало минутное молчаніе.

— Да! тяжело сказалъ онъ, наконецъ.

— И вы назовете его?

— Назову!

— Благодарю васъ!

Она повернулась, чтобы идти, но тутъ силы измѣнили ей. Время было слишкомъ тяжело для этого молодого созданія, еще нѣсколько дней назадъ не понимавшаго, что такое страданіе; она пошатнулась и готова была упасть, но въ эту минуту Бенедиктъ подбѣжалъ къ ней и принялъ ее въ свои объятія.

— Люція!

Она содрогнулась отъ прикосновенія его руки, какъ будто ее коснулось остріе ножа; она вся судорожно трепетала, но уклонялась отъ его объятій.

— Люція, ты осуждаешь меня за мое молчаніе? Это была послѣдняя жертва, принесенная мною! Орденъ приказалъ и я повиновался; но теперь я буду говорить; у меня достанетъ мужества выдержать ненависть и месть всего моего монастыря, но я

не могу выносить мысли, что ты можешь отъ меня отвернуться съ презрѣніемъ.

Голосъ его звучалъ теперь мягко и нѣжно; молча, но съ выраженіемъ безконечной преданности, Люція положила свою голову на его плечо и подняла на него глаза... въ нихъ онъ прочелъ теперь, что она не питаетъ къ нему ненависти.

Слова любви уже готовы были сорваться съ его языка, но они замерли на его губахъ, когда онъ посмотрѣлъ на ея смертельно блѣдное лицо. Тѣмъ не менѣе они въ эту минуту забыли все ихъ окружающее, даже мрачное ущелье съ страшно бушующими волнами бурнаго потока, грохотъ котораго, казалось имъ, уходилъ все далѣе и далѣе и, наконецъ, превратился въ тихое журчанье ручья. Отвѣсныя скалы какъ-бы отодвинулись, а вмѣсто нихъ зашумѣлъ облитый солнцемъ лѣсъ въ знакомой долицѣ, заблагоухали бѣлые цвѣты. Очарованіе встрѣчи ихъ въ томъ лѣсу не утратило еще своей власти; невидимая тзань, сотканная тогда, скрѣплена была на вѣки, даже этотъ ужасный часъ не могъ повредить ее.

Медленно выпустилъ Бенедиктъ молодую дѣвушку изъ своихъ объятій и только удержалъ ея руку въ своей рукѣ. Минута забвенія миновалась и грозная дѣйствительность вступила въ свои права.

— Я не могу теперь проводить васъ, мнѣ нужно возвратиться къ отцу Клименту, но сегодня-же я отправлюсь въ Е., а завтра братъ вашъ будетъ свободенъ. Не бойтесь, теперь ничто меня не удержитъ, теперь я знаю, что долженъ дѣлать.

Люція не возразила ничего. Бываютъ минуты, когда недостаетъ силъ даже для страданія, а ея силы совершенно окончательно истощились въ послѣдніе четверть часа, она машинально послѣдовала за нимъ, когда онъ все еще держалъ ее за руку, повелъ ее по направленію къ деревнѣ, откуда вышелъ къ нимъ на встрѣчу проводникъ.

— Амвросій, могу я на тебя положиться, что ты не заблудишься и кратчайшей дорогой проводишь фрейленъ до того мѣста, гдѣ остался ея экипажъ?

— Будьте спокойны, ваше преподобіе; я знаю здѣсь всѣ дороги. Теперь идти будетъ легче, мы поидемъ подъ гору.

Бенедиктъ выпустилъ ея руку.

— Такъ прощайте!

Присутствіе посторонняго лица помѣшало сказать еще что-нибудь на прощанье. Люція пошла за своимъ проводникомъ въ обратный путь. Немного погодя, крестьянинъ обернулся.

— Г. капеланъ очень, кажется, беспокоится о томъ, какъ мы спустимся, сказалъ онъ добродушно, — онъ все еще стоитъ на мѣстѣ и смотритъ намъ въ слѣдъ.

Люція тоже остановилась и посмотрѣла по направленію его руки. На площадкѣ около разбитаго образа все еще стояла высокая фигура Бенедикта, пристально смотрѣвшаго вдаль; темный плащъ спустился съ ея плечъ и складки его развѣвались по прихоти вѣтра. Онъ общалъ ей, что завтра Бернгардъ будетъ свободенъ... но какую цѣною!

XVI.

Бенедиктъ, исполняя обѣщаніе, данное Люціи, въ тотъ-же день поѣхалъ въ Е., а на другой день явился въ тюрьму и просилъ смотрителя о разрѣшеніи переговорить съ арестованнымъ Гюнтеромъ. Бенедиктинская одежда тотчасъ-же открыла ему двери тюрьмы. Смотритель выразилъ только опасеніе, что едва-ли Гюнтеръ захочетъ принять католическаго священника. Противъ ожиданія онъ тотчасъ согласился, когда ему назвали отца Бенедикта. Смотритель разрѣшилъ священнику видѣться съ Гюнтеромъ наединѣ, такъ какъ онъ полагалъ, что Бенедиктъ пріѣхалъ въ тюрьму по порученію прелата.

Свиданіе продолжалось долго и было серьезно, что можно было заключить по лицу Гюнтера; въ немъ довольно явственно выражался ужасъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и глубокое волненіе, когда онъ протянулъ молодому священнику руку и сказалъ:

— Благодарю васъ.

Лицо Бенедикта осталось неподвижно; молча и угрюмо принявъ онъ благодарность и хотѣлъ выйти, но Бернгардъ остановилъ его.

— Вы отправитесь въ монастырь?

— Къ прелату! Онъ убѣжденъ, что я стану молчать, а его долженъ предупредить, что обстоятельства измѣнились и что я долженъ былъ открыть истину. У васъ есть мое письменное по-

казаніе, покажите его слѣдователю въ томъ случаѣ, если прелать найдетъ нужнымъ, чтобы я внезапно исчезъ изъ этой мѣстности.

— Но отчего-же вы не хотите сами передать ваше показаніе судебной власти? спросилъ Гюнтеръ.

Выраженіе ненависти мелькнуло въ лицѣ Бенедикта.

— Потому что знаю, какъ велико въ странѣ вліяніе нашего монастыря! Я убѣжденъ, что власти, получивъ мое показаніе, не замедлили-бы извѣстить о томъ прелата, который принялъ-бы свои мѣры. Мнѣ больше нравится явиться къ нему добровольно, чѣмъ быть выданнымъ ему въ качествѣ больного „душевною болѣзнью“. Въ этомъ дѣлѣ необходима подлибная гласность, нужно изобличить виновныхъ въ присутствіи сотни людей, а къ этому представляется теперь удобный случай. Конечно, своимъ изобличеніемъ я нанесу страшный ударъ католицизму въ здѣшней мѣстности, но теперь уже не время раздумывать о послѣдствіяхъ.

Онъ опять повернулся, чтобы идти, но Гюнтеръ снова удержалъ его.

— Прелать, кажется, родомъ изъ дому графовъ Ранековъ?

— Братъ теперешняго владѣтеля майората.

— Когда вы видѣли графа въ послѣдній разъ?

Молодой священникъ опустилъ глаза.

— Возлѣ тѣла его единственнаго сына.

— Единственнаго? У него было два сына!

Бенедиктъ покачалъ головой.

— У графа Отфрида, сколько я помню, не было брата, сказалъ онъ.

— Вы и не можете помнить объ этомъ, Бруно! сказалъ Гюнтеръ твердо и рѣзко. — Отъ васъ, еще болѣе, чѣмъ отъ постороннихъ, старались скрывать это обстоятельство.

— Откуда узнали вы мое прежнее имя? спросилъ Бруно, смотря съ изумленіемъ на Гюнтера. — Мы съ вами никогда не встрѣчались до поступленія моего въ монастырь.

Гюнтеръ уклонился отъ отвѣта.

— Вы, какъ мнѣ кажется, находитесь въ дружескихъ отношеніяхъ съ графомъ Ранекомъ? спросилъ онъ, въ свою очередь.

— Я ему обязанъ моимъ воспитаніемъ и образованіемъ; онъ призрѣлъ бѣднаго мальчика...

— Бѣднаго мальчика! прервалъ Бернгардъ съ горечью.— Вы не были бѣдны, Бруно, по крайней мѣрѣ вашъ отецъ былъ и остается богатымъ, и вы вовсе не обязаны благодарить графа за то, что вы отъ него получили. Напротивъ, вы имѣете право жаловаться на него за то, что онъ скудною милостынею думалъ вознаграждать своего старшаго сына за похищенные у него права и имя!

Бенедиктъ съ ужасомъ отступилъ назадъ.

— У меня?

— У васъ, Бруно Ранекъ! Вамъ одному принадлежало положеніе, которое занималъ въ свѣтѣ графъ Отфридъ.

Молодой священникъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на своего собесѣдника; лицо его страшно поблѣднѣло. Наконецъ онъ закрылъ свое лицо обѣими руками и въ изнеможеніи упалъ на стулъ.

Бернгардъ подошелъ къ нему и нѣсколько минутъ ожидавъ въ молчаніи, чтобы Бруно пришелъ въ себя послѣ сильнаго потрясенія. Бруно, дѣйствительно, вскорѣ нѣсколько успокоился.

— Вы, должно быть, ошибаетесь, сказалъ онъ мрачно, — не можетъ быть, чтобы графиня Ранекъ была моею матерью. Но если она моя мать, то почему-же она оттолкнула меня?.. Я тутъ рѣшительно ничего не понимаю.

— Она и не была вашей матерью. Но ваша настоящая мать, по законамъ всѣхъ странъ, была единственною законною женою графа, а вы его единственнымъ законнымъ сыномъ; по тѣмъ-же законамъ, теперешняя графиня не законная жена, такъ какъ графъ женился на ней при жизни своей первой жены. Всю эту штуку продѣлалъ вашъ дядя, прелатъ. Въ этой странѣ, въ то время сильно зараженной католическимъ фанатизмомъ, монахи дѣлали, что хотѣли. Прелату въ то время легко удалось расторгнуть бракъ графа съ вашей матерью, на что теперь, конечно, онъ-бы не посмѣлъ рѣшиться.

Лицо Бенедикта приняло грозное выраженіе.

— Но какъ-же все это могло случиться... Какъ удалось имъ совершить такую подлость... Гдѣ теперь мать моя?

— Прошу васъ успокойтесь, Бруно; чрезвѣрно волнуясь, вы не въ состояніи будете ни слышать, ни понять меня.

Увѣщаніе было необходимо, но оно не помогло; напрасно боролся Бенедиктъ съ своимъ ужаснымъ волненіемъ, онъ не могъ его побѣдить. Гюнтеръ подошелъ ближе къ нему.

— Одинъ разъ я уже спрашивалъ васъ о вашемъ происхожденіи. Я и тогда не сомнѣвался, что это были вы; я намѣревался при случаѣ рассказать вамъ всю истину, но мнѣ прежде хотѣлось знать, известно-ли вамъ что нибудь. Вашъ отвѣтъ показалъ мнѣ, что вы ничего не знаете. Я хотѣлъ было уже открыть вамъ эту тайну, но остановился; сознаюсь, тогда я ошибочно судилъ о васъ; я рѣшилъ, что открытіе такой важной тайны могло сдѣлать несчастнымъ молодого монаха, до фанатизма преданнаго самому узкому католицизму и вполне аскету. Теперь я убѣдился въ своей ошибкѣ и, конечно, не имѣю болѣе причинъ къ молчанію. Хотите меня выслушать?

Прежде чѣмъ отвѣтить, Бенедиктъ нѣсколько разъ быстро прошелся по комнатѣ. Волненіе его, по крайней мѣрѣ, по наружности, нѣсколько улеглось.

— Я слушаю васъ, сказалъ онъ.

— Двадцать четыре года тому назадъ, началъ Гюнтеръ, — случай привелъ меня быть свидѣтелемъ дуэли. Я помогаль перенести несчастнаго раненаго, жертву этой дуэли, въ его домъ и былъ свидѣтелемъ раздирающей сердце сцены отчаянія молодой женщины, которая, со смертью убитаго, потеряла единственнаго защитника и покровителя на землѣ. Впоследствии докторъ, присутствовавшій при дуэли, принялъ несчастную подъ свое покровительство и далъ ей пріютъ въ своемъ домѣ. Тамъ я часто видѣлся съ нею и узналъ наконецъ имена и ближайшія подробности, которыя не были тайною въ кружкѣ знакомыхъ доктора.

Бенедиктъ слушалъ молча, не прерывая рассказа ни словомъ, ни движеніемъ; только глаза его горѣли и на лицѣ его выражалось напряженное вниманіе.

— Въ то время, какъ графъ Ранекъ познакомился съ вашей матушкой, онъ не былъ еще наслѣдникомъ майората, продолжалъ Гюнтеръ. — Какъ младшему въ родѣ, ему предоставили полное право самому избрать себѣ родъ дѣятельности и добиваться служебной карьеры. Онъ началъ службу не здѣсь, а въ сосѣдней странѣ, откуда я родомъ. Тамъ онъ познакомился съ восемнадцати-лѣтнею дѣвушкою, сиротою, изъ бюргерскаго, протестантскаго семейства; она жила у своего брата доктора, который своими трудами содержалъ и себя, и сестру. Молодой офицеръ, бла-

годаря привлекательной наружности и свѣтской ловкости, легко одержалъ побѣду надъ неопытной дѣвушкой; вскорѣ онъ, однакожь, убѣдился, что молодая дѣвушка не согласится быть его любовницей и что, для обладанія ею, ему необходимо жениться на ней. Онъ былъ молодъ, страстно влюбленъ; не долго думая, онъ сдѣлалъ предложеніе и получилъ согласіе. Все это совершалось въ тайнѣ. Этотъ бракъ нужно было скрыть отъ его гордыхъ родныхъ, ревностныхъ католиковъ, что сдѣлать было нетрудно, такъ какъ они жили очень далеко и до нихъ не доходили вѣсти отсюда. Католическій священникъ отказался вѣнчать и бракъ былъ совершонъ протестантскимъ пасторомъ; свидѣтелями при бракѣ были только братъ невѣсты и его пріятель. Легко могло случиться, что были опущены нѣкоторыя подробности, требуемыя закономъ при бракѣ между высшимъ дворянствомъ и бюргерствомъ, между католикомъ и протестанткой, между подданными разныхъ государствъ. Графъ Ранекъ больше всего опасался столкновенія съ католическимъ духовенствомъ своей страны и своими родственниками; почему, вѣроятно, такъ тщательно скрывалъ свой бракъ; намѣренія обмануть неопытную женщину у графа въ то время не было, въ этомъ я не сомнѣваюсь, зная его характеръ. Молодые удовольствовались однимъ церковнымъ вѣнчаніемъ; ваша матушка, женщина религіозная, сочла, что всѣ формальности кончены, когда рука священника соединила ее у алтаря съ ея мужемъ; ему этого тоже казалось довольно для законности брака. Цѣлый годъ они прожили счастливо. Вдругъ умираетъ старшій братъ графа, наслѣдникъ майората, второй былъ уже въ монастырѣ, все наслѣдство переходило къ младшему, котораго тотчасъ и вызвали въ Ранекъ. Три мѣсяца, что онъ провелъ тамъ, сдѣлались роковыми для трехъ человѣческихъ существованій. Графъ не осмѣлился признаться отцу въ своей женитьбѣ и довѣрился брату. Прелатъ, по своимъ возрѣніямъ, видѣлъ преступленіе въ этомъ бракѣ Ранека съ дѣвицею бюргерскаго рода, католика съ протестанткой. У прелата желѣзная натура, я это понялъ при нашей первой встрѣчѣ. Въ ту минуту, какъ онъ узналъ о бракѣ своего брата, онъ не задумался произнести смертный приговоръ вашей матушкѣ. Была-ли со стороны вашего отца борьба и какихъ размѣровъ, были-ли пущены имъ въ дѣло мольбы, угрозы, настоянія, — оставимъ вопросы объ этомъ нерѣшенными, довольно

того, что родные побѣдили, графъ согласился на то, чтобы, съ помощью разныхъ крючковъ, бракъ его съ вашей матушкой былъ признанъ недѣйствительнымъ. Посылая вашей матушкѣ это извѣстiе о расторженiи ея брака съ графомъ, ей предложили вознагражденiе, если она добровольно откажется отъ своихъ притязанiй. И то и другое было дѣломъ рукъ прелата; графъ Отфридъ не имѣлъ духа нанести такое оскорбленiе своей женѣ.

Бенедиктъ продолжалъ молчать; глаза его по-прежнему горѣли зловѣщимъ огнемъ; лицо было смертельно блѣдно, онъ дышалъ порывисто и судорожно опирался рукою на стѣнку стула.

— Не хочу передавать вамъ всѣхъ подробностей, что затѣмъ произошло, продолжалъ Гюнтеръ, чувствуя, что рассказъ его равнялся пытке. — Напрасно защищала графиня права свои и сына. Графъ и прелатъ побѣдили, потому что на ихъ сторонѣ была казуистика. Отыскали законъ, по которому одно протестантское вѣнчанiе католика съ протестанткой признавалось недостаточнымъ для законности брака, и другой, что бракъ, заключенный за границей, безъ согласiя родныхъ, считается недѣйствительнымъ, въ случаѣ, если родители требуютъ его расторженiя. Такимъ образомъ, рѣшенiе суда похитило у матери и ребенка ихъ ния. Братъ вашей матушки боролся до послѣдней минуты и, наконецъ, поставилъ на карту свою собственную жизнь. Онъ вызвалъ графа на дуэль; они стрѣлялись; непривычная рука доктора плохо владела пистолетомъ и онъ промахнулся...

— А графъ Ранекъ?

— Графъ убилъ брата своей жены!

Наступило молчанiе; Бернгардъ подошелъ къ молодому священнику и съ беспокойствомъ взялъ его руку.

— Сотрите эту черту въ вашего лба, Бруно! сказалъ онъ строго, — мнѣ кажется, что она предвѣщаетъ несчастiе или преступленiе. Такая именно черта появилась на лбу вашего отца предъ тѣмъ, какъ дядя вашъ палъ отъ его руки. Опытному стрѣлку легко было только ранить противника; но онъ былъ страшно раздраженъ, онъ забылъ обо всемъ, кромѣ того, что предъ дуломъ его пистолета стоялъ человекъ, публично называвшiй его негодяемъ; онъ забылъ и гуманность, и правила истинной чести. Берегитесь этой черты вашего рода; только ее вы и наследовали отъ своего отца; она можетъ и для васъ сдѣлаться роковою.

Бенедиктъ медленно провелъ рукою по лбу.

— Не бойтесь, она обратится теперь противъ этого рода, это такъ вѣрно... такъ вѣрно, какъ то, что мнѣ нужно отомстить ему за мою мать! Ея смерть тоже лежитъ на его совѣсти, не такъ-ли?

— Не долго прожила она послѣ этого двойного удара. Ребенка взялъ отецъ на свое попеченіе. Хотя онъ и лишилъ его всего, на что тотъ по рожденію своему имѣлъ право, тѣмъ не менѣе отцу предоставили право оторвать его отъ отечества и вѣры, въ которую его окрестили по желанію матери, для того, чтобы передать его въ руки фанатика-монаха и, наконецъ, упрятать его въ монастырь. Католицизмъ требовалъ этой жертвы за еретическій бракъ, а рукоположеніе въ священники должно было истребить послѣдній остатокъ „еретической крови“, которая дерзнула смѣшаться съ кровью Ранековъ.

— Они скоро узнаютъ эту кровь! Еще одно... Вы увѣрены, что всѣ эти факты вполнѣ достовѣрны?

— Если-бы нужно было, я готовъ засвидѣтельствовать ихъ влѣтвую передъ судомъ.

— Благодарю васъ, что вы не скрыли отъ меня ничего. Вы сняли съ меня тяжелое бремя. Теперь я понимаю, что инстинктивная ненависть, которую я чувствовалъ къ нимъ обонимъ, имѣла основаніе. Тяготившее меня чувство благодарности къ графу теперь совсѣмъ исчезло. Я выскажу имъ все, что считаю себя обязаннымъ высказать... Сейчасъ-же я отправлюсь къ прелату и начну съ него.

XVII.

Въ монастырѣ готовились къ заупокойной обѣднѣ по молодомъ графѣ Ранекѣ. Имя покойнаго, а еще болѣе его таинственная смерть привлекли въ монастырь въ этотъ день массу народа.

Графиня нѣсколько оправилась отъ постигшаго ее удара, но состояніе ея здоровья все еще не допускало ее присутствовать при такой потрясающей церемоніи; за-то графъ прибылъ очень рано и отправился въ квартиру брата.

Графъ сильно измѣнился за эти послѣдніе дни; онъ какъ-то

сгорбился и совершенно посѣдѣлъ, такъ что прелать, сидѣвшій рядомъ съ нимъ, казался теперь на нѣсколько лѣтъ его моложе.

— Не мучь-же себя и меня этими тревогами, Отфридъ, говорилъ прелать убѣдительно.—Противъ Гюнтера нѣтъ достаточныхъ уликъ и его нельзя подвергнуть серьезной ответственности. Мы можемъ спокойно наблюдать за слѣдствіемъ, если-бы оно пошло худо, мы можемъ употребить въ дѣло все наше вліяніе и не допустить, чтобы оно приняло для Гюнтера опасное направленіе.

— Ты пробовалъ уже пускать въ ходъ свое вліяніе, когда дѣло шло о томъ, чтобы не допустить до слѣдствія, и вспомни, это тебѣ не удалось, отвѣчалъ графъ.

Прелать вахнурился.

— Нашъ новый слѣдователь чрезвычайно безпокойная личность; я позабочусь, чтобы онъ здѣсь долго не оставался. Но я повторяю тебѣ, что противъ Гюнтера могли возникнуть подозрѣнія, кое-что говорило противъ него и его имѣли нѣкоторое основаніе арестовать, но у нихъ нѣтъ противъ него такихъ уликъ, чтобы его могли осудить; для этого нужны болѣе вѣсскіе факты и, по недостатку ихъ, его вынуждены будутъ освободить.

— И этимъ арестомъ и подозрѣніемъ въ убійствѣ наложить вѣчное клеймо на его честь.

— Если ты хочешь взять на себя трудъ представить несомнѣнные доказательства его невинности, ты можешь это сдѣлать! сказалъ рѣзко прелать.

Графъ покачалъ отрицательно головой и повернулся къ окну; глаза его безцѣльно смотрѣли на разстилавшійся ландшафтъ, а мысли были далеко. Прелать молчалъ; угрюмое выраженіе исчезло съ его лица; его нисколько не трогало, что Гюнтера впутали въ это дѣло; напротивъ, Гюнтеръ, этотъ опасный либераль и протестантъ, становился безвреднымъ даже и въ томъ случаѣ, если его не обвинять. Въ обществѣ на него будутъ смотрѣть, какъ на человѣка, подозрѣвавшагося въ убійствѣ, и народъ, легко подчинявшійся его вліянію и вѣрившій каждому его слову, станетъ принимать его слова съ недовѣріемъ, и начатое имъ дѣло рухнетъ само собою. Такая перспектива удовлетворяла ненависть прелата къ еретіку, явившемуся сюда съ проповѣдью какихъ-то новыхъ идей.

— Ты принялъ мѣры, о которыхъ мнѣ писалъ? спросилъ графъ.

Онъ говорилъ тихо, не отводя глазъ отъ окна, чтобы не встрѣтить взгляда брата.

— Принялъ! отвѣчалъ прелатъ спокойно.—Послѣдніе три дня горы были отрѣзаны отъ насъ и только со вчерашняго дня возстановилось сообщеніе; я этимъ тотчасъ-же воспользовался и отправилъ туда посланнаго. Онъ повезъ Бенедикту мое приказаніе немедленно оставить Н. и отправиться въ монастырь, который я ему назначилъ. Посланнй долженъ былъ еще вчера передать Бенедикту приказъ и онъ теперь, вѣроятно, въ дорогѣ къ мѣсту своего новаго назначенія.

— А въ какой монастырь ты его отправилъ?

Въ вопросѣ слышалось опять что-то похожее на прежнюю тревогу.

— Отфридъ, дѣло въ моихъ рукахъ, сказала холодно прелатъ,—предоставь мнѣ довести его до конца. Намъ необходимо на время удалить Бенедикта, чтобы не привлекли его, какъ свидѣтеля, къ слѣдствію... Болѣе не спрашивай меня объ немъ.

Съ глубокимъ вздохомъ графъ снова опустился на стулъ. Прелатъ вѣрно рассчиталъ: графъ безъ сопротивленія отдалъ своего любимца въ полное распоряженіе брата: ударъ слишкомъ сильно поразилъ его.

Дверь тихо отворилась и вошелъ камердинеръ.

— Развѣ пора уже въ церковь? спросилъ прелатъ оборачиваясь.

— Нѣтъ еще, ваше преосвященство, но отецъ Бенедиктъ желаетъ...

— Кто? спросилъ прелатъ вставая.

Графъ Ранекъ тоже сорвался съ мѣста при имени Бенедикта.

— Отецъ Бенедиктъ желаетъ тотчасъ быть допущеннымъ къ...

Онъ не могъ продолжать, потому что Бенедиктъ вошелъ въ комнату и сказалъ почти повелительно:

— Хорошо! Господинъ прелатъ приметъ меня!

Выпроводивъ камердинера за дверь, Бенедиктъ заперъ ее и быстро подошелъ къ прелату. Графъ, вскочившій при появленіи Бенедикта, смотрѣлъ на него съ выраженіемъ ужаса и отчаянія, но молодой человѣкъ или не видѣлъ, или не хотѣлъ этого ви-

дѣтъ; онъ почти отстранилъ руку графа, не спросивъ даже взглядомъ о томъ, чего онъ желалъ.

Прелать строго посмотрѣлъ на молодого священника.

— Вы здѣсь, отецъ Бенедиктъ? Развѣ вы не получили моего приказа?

— Какого приказа?

— Немедленно оставить отца Климента и отправиться въ монастырь, который я вамъ назначилъ; я снова предупреждаю васъ, чтобы вы ни подъ какими предлогами не заѣзжали ни сюда, ни въ Е. Вы еще вчера должны были получить этотъ приказъ?

— Вчера вечеромъ я былъ въ Е., отвѣчалъ холодно Бенедиктъ.

— Что могло привести васъ туда безъ моего разрѣшенія? спросилъ прелать грозно.

— Арестъ Гюнтера.

— Вы знаете...

— Я узналъ то, что отъ меня такъ тщательно скрывали: почему меня хотѣли тайно удалить отсюда, и я пришелъ, чтобы спросить ваше преосвященство: требуете-ли вы и *теперь* моего молчанія...

Онъ не успѣлъ отвѣчать, потому что графъ, до сихъ поръ слушавшій молча этотъ разговоръ, сказалъ торопливо:

— Если братъ требовалъ твоего молчанія, онъ былъ правъ, Бруно. Я тоже требую его отъ тебя!

При звукѣ этого голоса Бенедиктъ обернулся и глаза его приняли зловѣщее выраженіе.

— Вы тоже, графъ? Въ самомъ дѣлѣ?

— Довольно уже одной жертвы! продолжалъ глухо, но твердо Ранекъ.— Я не хочу второй, ты не долженъ еще и себя предавать на гибель!

Нѣсколько минутъ стоялъ молодой священникъ, молча смотря на него и не понимая его словъ; наконецъ, онъ понялъ, въ чемъ дѣло.

— Мнѣ предавать себя гибели? вскричалъ онъ запальчиво.— Такъ вы меня... меня считаете убійцей вашего сына?

— Такъ это не ты! вскричалъ графъ, и на лицѣ его выразилось все блаженство человѣка, избавленнаго отъ смертельныхъ страданій.

— Нѣтъ!

— Слава Богу!.. А ты...

Графъ обратился теперь съ сверкающими глазами къ брату:

— Ты говорилъ мнѣ...

— Я не говорилъ тебѣ ничего! прервалъ его мрачно прелатъ.—Вспомни, что ты первый возбудилъ это сомнѣніе, а не я!

— Но ты умышленно питалъ его во мнѣ твоими двусмысленными словами! Ты зналъ, въ какомъ я былъ отчаяніи; одно твое слово могло меня отъ него избавить, а ты молчалъ.

Казалось, что съ тяжелымъ бременемъ, свалившимся съ его плечъ, исчезло изнеможеніе; онъ снова стоялъ твердо, прямо, прежній страстный огонь горѣлъ въ его глазахъ и голосъ его звучалъ сильно и грозно.

— Г. прелатъ не могъ назвать вамъ виноватаго! сказалъ твердо Бенедиктъ. — Вы потребовали-бы тогда объясненія этого совершенно загадочнаго поступка, и ему пришлось-бы признаться, что случай направилъ ударъ не туда, куда онъ предназначался, а также кто былъ виновникомъ этого удара.

Лицо прелата помертвѣло совершенно такъ-же, какъ и во время исповѣди молодого монаха, однакожь, онъ гордо выпрямился.

— Отецъ Бенедиктъ, вы забываете, что находитесь передъ вашимъ прелатомъ.

— Передъ человѣкомъ, который рѣшилъ мою смерть! Но я на васъ не жалуясь; вами руководила не личная ненависть. Вы жертвовали ослушникомъ, вѣроотступникомъ, угрожавшимъ ордену; я даже увѣренъ, что вамъ тяжело было произнести мой приговоръ. Вы и безъ того жестоко наказаны. Ударъ, направленный въ меня, сразилъ нашего племянника, послѣдняго изъ вашего рода, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ свѣта родъ графовъ Ранеконъ сходитъ съ нимъ въ могилу. Вы преодолѣте и это горе, потому что стоите на такой ступени величія, на которой у всякаго другого кровь давно-бы превратилась въ ледъ, но васъ не трогаетъ ничто, что смущаетъ людей обыкновенныхъ, плебеевъ. Если-бы въ васъ была хотя искра человѣческаго чувства, вы-бы избавили графа отъ муки считать меня убійцей родного брата.

Послѣднія слова произвели на обоихъ братьевъ совершенно противоположное дѣйствіе. У прелата вырвалось восклицаніе по-

давленнаго гнѣва, графъ-же, съ страстною нѣжностью, протянулъ свои руки къ сыну.

— Вруно, ты знаешь...

Венедиктъ мрачно уклонился изъ его объятій и бросилъ на него ледяной взглядъ.

— Кто измѣнилъ моей матери и потомъ предалъ и покинулъ ее и своего сына? Кто застрѣлилъ моего дядю? Да, я знаю, это графъ Ранекъ!..

Если графъ все переносилъ, то не могъ вынести презрѣнiя, выражавшагося въ этихъ словахъ. Приговоръ, произнесенный единственнымъ человѣкомъ, котораго онъ любилъ искренно, окончательно уничтожилъ его; онъ въ изнеможенiи опустился въ кресло.

Одинъ прелатъ сохранялъ свое желѣзное спокойствiе; этого человѣка, дѣйствительно, ничѣмъ нельзя было взволновать. Онъ ясно понималъ, какъ опасно было это открытiе тайны въ настоящую минуту, онъ чувствовалъ, что власть ускользаетъ изъ его рукъ, и сдѣлалъ отчаянную попытку удержать ее.

— Вруно, ты забываешь, что подобный тонъ неприличенъ въ отношенiи отца и дяди! сказалъ онъ повелительно.—Сыну моего брата и моему племяннику я все прощаю. Но теперь вспомни, что ты далъ клятву повиновенiя нашему ордену и чего онъ отъ тебя требуетъ.

Венедиктъ скрестилъ руки, какъ-бы желая заставить себя быть спокойнымъ, и повернулся спиною къ своему отцу.

— Вы правы, ваше преосвященство; за тѣмъ только я и пришелъ сюда. Я спрашиваю васъ: измѣнили-ли вы свое рѣшенiе послѣ того, какъ обстоятельства измѣнились и дѣло приняло не тотъ оборотъ, какъ вы сперва предполагали.

— Запрещенiе мое остается въ полной силѣ! Все, что говорено здѣсь, должно остаться погребеннымъ на вѣки. И въ будущемъ ты не долженъ открывать никому нашей тайны.

— Даже и въ томъ случаѣ, если Гюнтера осудятъ?

— Отвѣтственность падеть на одного меня. Ты обязанъ мнѣ повиноваться!

Венедиктъ выпрямился во весь ростъ, точно сбросилъ съ себя давно тяготившую его цѣпь, и глаза его страшно засверкали.

— Повиноваться, все только повиноваться!—другого слова отъ васъ не услышишь... Но довольно быть рабомъ... теперь я не

могу и не хочу выносить постоянной неволи. Вы съ дѣтства заковали меня въ цѣпи, всю жизнь держали, меня подъ вашимъ запрещеніемъ, воздвигли преграду между мною и остальнымъ чело-вѣчествомъ, и когда я возмущался противъ этого, мнѣ постоянно твердили, что я далъ клятву вѣрности нашему ордену. Я не нарушилъ этой клятвы среди многочисленныхъ искушеній, держалъ ее твердо до настоящей минуты, потому что дѣло шло только о моей гибели; но теперь, когда честь и жизнь другого стоитъ на картѣ, теперь я не намѣренъ болѣе повиноваться. Я не хочу, чтобы моей клятвой играли, чтобы ее употребляли во зло для покрытія преступленія! Вы сами открыли мнѣ глаза, вы разъяснили мнѣ, что у насъ религія должна стоять на второмъ планѣ, а выше всего должно быть служеніе интересамъ папы и честолюбію римскаго духовенства; вы нарушили клятву, а не я. Клятва, данная моимъ отцомъ передъ алтаремъ, не помѣшала вамъ разлучить мою мать съ ея мужемъ. Вы сами научили меня, какъ легко нарушаются клятвы, и я отказываюсь теперь отъ своей!

Въ словахъ Бенедикта было такъ много энергіи, такъ много рѣшимости, что прелать не могъ болѣе сомнѣваться, что теперь все уже было потеряно; однакожь, какъ утопающій хватается за соломинку, онъ прибѣгнулъ къ послѣдней угрозы:

— А, ты отрекаешься! Мы найдемъ средства принудить тебя, вѣроотступникъ!

Бруно потрянулъ своими темными кудрями и въ первый разъ вздохнулъ полною грудью подъ вліаніемъ невѣдомаго ему до этихъ поръ чувства свободы.

— Ничто не принудитъ меня теперь взять назадъ мои слова, отвѣчалъ онъ.—Монастырскія рѣшенія имѣютъ свою силу только надъ монахомъ, который послушно подчиняется повелѣніямъ своихъ начальниковъ. Я произнесъ отреченіе, власть ваша надо мной кончилась; я теперь человекъ свободный.

Онъ повернулся и вышелъ изъ комнаты, не бросивъ взгляда на отца. Нѣсколько минутъ прелать молчалъ, но вдругъ у него родилось предчувствіе.

— Пріоръ... Народъ на монастырскомъ дворѣ... Онъ на все способенъ... если онъ тамъ скажетъ, все пропало!

Прелать выбѣжалъ изъ комнаты, но было уже поздно. Бруно

далеко опередилъ его и шелъ теперь по коридору, выходявшему на монастырскій дворъ.

Въ это время къ двери коридора подходило все монастырское духовенство съ пріоромъ во главѣ, въ сопровожденіи родныхъ и друзей фамиліи Ранеконъ; они шли за прелатомъ. Бруно понялъ опасность, угрожавшую ему здѣсь, въ коридорѣ, гдѣ онъ былъ отрѣзанъ отъ прочаго міра. Онъ долженъ былъ говорить, онъ долженъ былъ публично заявить свою жалобу, прежде чѣмъ прелатъ его настигнетъ, и тогда навѣрное голосъ его замретъ на вѣки, въ какой-нибудь тюрьмѣ отдаленнаго монастыря. Съ плающими глазами, въ страстномъ волненіи, поднимая гордо голову, будто вызывая на бой цѣлый свѣтъ, поспѣшилъ онъ на встрѣчу процессіи, подошелъ къ пріору, положилъ ему руку на плечо и сказалъ твердо, ясно и такъ громко, что его услышали всѣ, участвующіе въ процессіи, даже многіе изъ народа, стоявшаго въ отдаленіи:

— Не оскверняйте памяти графа Ранека, отецъ пріоръ! Вы убили его. Я былъ этому свидѣтелемъ.

Со всѣхъ сторонъ послышался крикъ ужаса; страшное обвиненіе подѣйствовало на всѣхъ подобно громовому удару. Въ ужасѣ разступились монахи, друзья и родные поблѣднѣли и попятились назадъ.

Пріоръ совершенно потерялся. Онъ былъ уничтоженъ обвиненіемъ, постигшимъ его въ то самое время, когда онъ окончательно убѣдился въ своей безопасности. Лицо его помертвѣло, губы и колѣни дрожали; нападеніе было такъ неожиданно, что даже его обычная находчивость и искусство притворяться не могли выручить его; у него не достало духу отпираться.

Въ это время появился прелатъ, но по одному взгляду на пріора, по ужасу, написанному на лицахъ всѣхъ присутствующихъ, онъ понялъ, что пришелъ слишкомъ поздно. Возможно-ли было отрицать это обвиненіе, когда оно было высказано въ присутствіи тысячи свидѣтелей, а главное, когда самъ преступникъ изобличилъ себя своимъ волненіемъ и тревогой. За первымъ оцѣпенѣніемъ вскорѣ, однакожъ, послѣдовало бурное движеніе. Монахи столпились около своего прелата, требуя его помощи и совѣта; пораженные друзья и родные окружили Бруно, желая узнать отъ него подробности. Слѣдователь изъ Е., бывшій тоже въ процес-

сѣи, подошелъ къ прелату весьма почтительно, но видъ его ясно обличалъ его твердое намѣреніе ни на волосъ не отступить отъ обязанностей, возлагаемыхъ на него долгомъ службы.

— Ваше преосвященство!..

Одинъ прелать стоялъ спокойно, подобно скалѣ среди прибоя. Все къ нему стремилось, всѣ къ нему обращались, всѣ взгляды прикованы были къ его лицу; онъ не дрогнулъ, не поблѣднѣлъ, и заговорилъ громкимъ и твердымъ голосомъ. Выразивъ, что ужасное обвиненіе, которое только одинъ отецъ Бенедиктъ можетъ подтвердить, тяжело поразило и его, онъ далъ обѣщаніе произвести строжайшее слѣдствіе и отдалъ приказаніе увести виновнаго. До сихъ поръ пріоръ держалъ себя стойко; взглядъ его былъ прикованъ къ лицу прелата, какъ-будто онъ долженъ и обязанъ былъ защитить и спасти его; но когда и прелать, отвернувшись отъ него, выдалъ его, онъ почувствовалъ себя погнѣшимъ; злоба и ненависть проснулись въ немъ, но обратились теперь уже не на Бруно, а на прелата.

Бруно, все время стоявшій около пріора, замѣтилъ это выраженіе и угадалъ приближавшуюся бѣду; онъ нагнулся къ своему врагу.

— Пощадите прелата! сказалъ онъ вполголоса по-латынѣ. — Онъ *долженъ* былъ выдать виновнаго; пощадите честь его и монастыря!

Но Бруно горько ошибся, считая пріора способнымъ поступить такъ, какъ поступилъ-бы онъ самъ въ подобномъ случаѣ. Сознаніе этого несчастнаго, что онъ погибъ и его выдали свои-же, поблѣдило все, даже привычку повиноваться прелату и видѣть въ немъ существо высшее, чѣмъ другіе люди. Со всею низостью ненависти, находя единственнымъ для себя удовлетвореніемъ увлечь съ собою и другого при своемъ паденіи, онъ выпрямился и злобно воскликнулъ:

— Спросите у прелата, надъ кѣмъ должно было совершиться преступленіе: надъ его-ли племянникомъ или надъ кѣмъ-нибудь другимъ? Онъ зналъ о моемъ преступленіи и далъ мнѣ отпущеніе.

На этотъ разъ не раздалось крика ужаса; тишина, мертвая тишина царствовала во всемъ собраніи; молча отступили всѣ отъ прелата, даже священники бѣжали отъ него, — онъ остался одинъ.

По его лицу было замѣтно, что ударъ поразилъ и его; онъ зналъ, что впечатлѣніе, произведенное словами пріора, не изгладится никогда, если бы даже пріоръ десять разъ отъ нихъ отрекся, а потому только для проформы обратился онъ теперь къ слѣдователю и пояснилъ ему, что „этого безумца надо отправить въ надежное мѣсто, прежде, чѣмъ онъ прибѣгнетъ къ новой жи“.

Мертвое молчаніе царствовало кругомъ, когда прелатъ удалился въ свою квартиру; въ этомъ молчаніи заключался его приговоръ. Гордый прелатъ, ставившій выше всего репутацію и честь своего монастыря, палъ вмѣстѣ съ нимъ.

XVIII.

Вечеромъ того-же дня Гюнтеръ возвратился въ Добру. Послѣ утренняго происшествія и безошаднаго, со всѣми подробностями сдѣланнаго отцомъ Бенедиктомъ показанія, слѣдователь не замедлилъ возвратить Гюнтеру свободу; онъ ѣхалъ теперь домой, гдѣ уже знали объ его освобожденіи.

Рядомъ съ нимъ въ каретѣ сидѣлъ его молодой освободитель; Бруно рѣшительно отказался исполнить просьбу Гюнтера погостить у него нѣсколько дней.

— Я обѣщаль доставить васъ освобожденнаго въ Добру и держу свое слово, больше не требуйте отъ меня! отвѣчалъ онъ.

— Обѣщали? Кому? спросилъ Гюнтеръ съ улыбкой. — Ахъ, я угадываю! Вѣроятно, моей храброй фрейленъ Рейхъ. Безъ сомнѣнія, она сообщила вамъ о моемъ арестѣ и упросила васъ спасти меня, хотя для меня останется тайной, какимъ образомъ угадала она, что только вы могли это сдѣлать.

Бруно опустилъ глаза.

— Вы ошибаетесь! Я даже не знаю этой дамы. Съ извѣстіемъ о вашемъ арестѣ и съ просьбою о вашемъ спасеніи обратилась ко мнѣ ваша сестра.

— Люція! воскликнулъ съ изумленіемъ Бернгардъ. — Неужели этотъ ребенокъ нашелъ въ себѣ столько рѣшимости, чтобы обратиться къ человѣку, котораго...

Онъ вдругъ замолчалъ, потому-что лицо молодого человѣка вспыхнуло огнемъ. Это волненіе поселило въ умѣ Гюнтера какое-

то неясное подозрѣніе; онъ хотѣлъ было продолжать свою рѣчь, но по угрюмому взгляду и сжатымъ губамъ Бруно заключилъ, что отъ него не добьешься признанія.

Между тѣмъ это открытіе произвело на него грустное впечатлѣніе. Его цвѣтущая младенчески-рѣзвая Люція и эта угрюмая вулканическая натура! — можетъ-ли существовать между ними симпатія? Но очевидно, между ними существуютъ какія-нибудь близкія отношенія, если она въ минуту сильнаго горя рѣшилась искать у него помощи и защиты.

Всмотрѣвшись въ эту минуту въ лицо Бруно, нельзя было не замѣтить, что онъ измѣнилъ себѣ, но онъ прямо молчалъ.

Такимъ образомъ, наши путешественники почти всю дорогу проѣхали молча.

— Вы отказались принять мое приглашеніе, а, между тѣмъ, мнѣ, предпочтительно передъ всѣми, принадлежитъ право предложить вамъ первый пріютъ, сказалъ, наконецъ, Гюнтеръ, когда вдали показались строенія мѣстечка Добры. — Вамъ невозможно возвратиться въ монастырь послѣ того, какъ вы публично принесли въ жертву его честь; этого вамъ никогда не простятъ. Неужели вы не скажете мнѣ, куда вы думаете направиться отсюда?

— Я хотѣлъ сначала возвратиться въ Н., а потомъ...

— Въ Н.? быстро прервалъ его Гюнтеръ. — Пожалуйста, не дѣлайте этого. Н. лежитъ въ округѣ монастыря. Или вамъ мало одного опыта? Не хотите-ли вы еще разъ подвергнуть свою жизнь опасности?

Бруно покачалъ головою.

— Не бойтесь, сказалъ онъ, — преслѣдованіе уже утратило свою цѣль. Когда дѣло шло о томъ, чтобы не допустить меня до отреченія, когда необходимо было заставить меня молчать, тогда я былъ въ опасности, тогда можно было въ крайнемъ случаѣ рѣшиться даже совсѣмъ отдѣлаться отъ меня, но теперь, когда отреченіе уже совершилось, а молчаніе публично нарушено, — теперь я въ безопасности.

— Вы не опасаетесь мщенія прелата? Вы нанесли ему смертельный ударъ; слова пріора морально его уничтожили.

— Я почти угадывалъ, что этотъ несчастный кончитъ оговоромъ прелата, сказалъ Бруно угрюмо. — Если-бы отъ меня зави-

сѣдо избѣжать этого, я-бы употребилъ всѣ усилія, чтобы этого не случилось; но я долженъ былъ имъ пожертвовать, чтобы спасти васъ... Признаюсь вамъ, мнѣ тяжело было губить его, какъ, вѣроятно, ему было не легко, когда онъ отдалъ меня на жертву.

— Трудно мнѣ васъ понять, Бруно, сказалъ Бернгардъ. — Вы чувствуете такую нѣжность къ человѣку, который велѣлъ васъ умертвить?

— Онъ жертвовалъ мною своему убѣжденію, какъ жертвовалъ-бы своимъ братомъ и его сыномъ, если-бы они враждебно стали на его дорогѣ. Онъ добивается только одного: могущества и славы католицизма; онъ соблюдаетъ только интересы папы, которымъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ приносить въ жертву все: и жизнь и всякія стремленія. Я понимаю его дѣйствія, хотя, какъ вы знаете, нисколько не раздѣляю его убѣжденій. Я увѣранъ, что теперь онъ не станетъ болѣе меня преслѣдовать. Этотъ человѣкъ не запятнаетъ себя бесполезнымъ преступленіемъ, онъ настолько-же выше низкой мести, какъ всегда былъ выше низкой ненависти.

— Въ васъ, Бруно, снова заговорилъ Ранекъ. Въ васъ есть не малая доля безпощадной суровости вашего рода, съ которой онъ всегда готовъ былъ все низвергнуть, если встрѣчалъ сопротивленіе своей волѣ. Вы гораздо больше похожи на племянника вашего дяди, чѣмъ на сына вашего отца. Не хотите-ли вы также простить прелату его пагубное вмѣшательство въ участь вашей матери?

Чувство ненависти снова блеснуло въ глазахъ молодого чловека.

— Ему—да! Онъ ее никогда не зналъ! Она была для него чужая; она встала ему на дорогѣ; онъ не обязанъ былъ ей клятвою, не произносилъ обѣтовъ; если онъ дѣйствовалъ противъ нея, то опять-таки съ тою-же желѣзною послѣдовательностію, которая составляетъ основу его характера; его я менѣе всѣхъ обвиняю. На мужа, призваннаго быть заступникомъ и покровителемъ жены и который, вмѣсто этого, принесъ ее въ жертву, падаетъ главнѣйшая вина!

— Имѣли вы объясненіе съ вашимъ отцомъ? спросилъ Гюнтеръ пытливо.

— Съ графомъ Ранекомъ, хотите вы сказать, рѣзко поправилъ его Бруно. — О, онъ слишкомъ очевидно показывалъ, что

очень охотно вступилъ-бы со мной въ отношенія отца къ сыну, но я далъ понять ему, что я умѣю чтить память моей матери и что мы съ нимъ никогда не можемъ идти по одной дорогѣ.

— Вы заходите слишкомъ далеко! Графъ Ранекъ все-же имѣетъ...

— Пожалуйста, замолчите объ этомъ! перебилъ его запальчиво Бруно. — При его имени я ощущаю только горечь и злобу, и не намѣренъ вступать съ нимъ ни въ какія отношенія.

Бернгардъ поспѣшилъ переменить разговоръ.

— На первое время вамъ все-таки придется здѣсь остаться, сказалъ онъ. — Какъ начнется процессъ, непременно потребуютъ вашихъ личныхъ показаній.

Бруно горько улыбнулся.

— Моихъ показаній больше не потребуется, такъ-какъ никакого процесса не будетъ.

— Почему? спросилъ съ изумленіемъ Гюнтеръ. — Неужели вы думаете, что теперь, рѣшится его замѣть?

— Нѣтъ! нѣтъ! Такъ далеко не простирается монастырская власть и даже могущество Рима оказалось-бы безсильнымъ. Но вы забываете, что пріоръ находится подъ монастырскою защитою, для выдачи его судебной власти требуется соблюденіе многихъ формальностей. Ему дадутъ столько времени, чтобы онъ успѣлъ отречься отъ обвиненія, взведеннаго имъ на прелата, а потомъ будутъ... оплошны. Повѣрьте, что въ каждомъ монастырѣ для него будутъ гостепріимно открыты ворота и ему помогутъ укрыться отъ ненавистной судебной власти.

— Очень возможно! Не слѣдуетъ-ли предупредить слѣдователя, чтобы...

— Не пытайтесь! Всѣ ваши попытки будутъ безсильны, если орденъ захочетъ его спасти, а орденъ, конечно, не захочетъ, чтобы цѣлая страна была свидѣтельницею подобнаго процесса. Мы выиграли только одно, что смогли очистить васъ отъ подозрѣнія.

— Во всякомъ случаѣ я еще поговорю съ слѣдователемъ и сообщу ему кое-какія указанія! сказалъ Бернгардъ живо. — Впрочемъ, что-бы ни случилось, но онъ признался въ своемъ преступленіи, онъ обвинилъ прелата въ соучастіи. О его преступленіи, конечно, скоро забудутъ, но тотъ фактъ, что высшая монастыр-

ская власть произносить смертные приговоры и монахи, слѣпо повинувась, являются исполнителями ихъ, окончательно подорветъ вліяніе монастыря въ этой мѣстности и едва-ли монастырь въ состояніи будетъ снова приобрѣсти его.

Пріѣздъ въ Ддобру положилъ конецъ дальнѣйшему разговору. Здѣсь Гюнтера давно уже ожидали; слѣдователь, возвращаясь изъ монастыря, заѣзжалъ въ Ддобру и передалъ дамамъ пріятную для нихъ новость. Люція съ восторгомъ кинулась на шею брату. Франциска тоже очень пріѣтливо съ нимъ поздоровалась и тотчасъ-же занялась гостемъ.

— Вы, конечно, отецъ Бенедиктъ, о которомъ разсказывалъ намъ слѣдователь, сказала она съ своею обычною развязностью. — Васъ только одного и могъ сюда привезти г. Гюнтеръ, который очень не долюбиваетъ католическихъ монаховъ. Я тоже раздѣляю его антипатію къ людямъ, носящимъ эту рясу, потому-что... извините ваше преподобіе... подъ нею не можетъ скрываться ничего добраго; вы, конечно, составляете исключеніе; вы, безъ сомнѣнія, отличный человекъ, хотя по вашему лицу и одеждѣ, признаться, этого нельзя-бы заключить. Я очень рада съ вами познакомиться.

Бруно съ удивленіемъ выслушалъ это необыкновенное пріѣтствіе незнакомой дамы. Онъ молча, безъ возраженія, поклонился ей и подошелъ къ Люціи.

— Я обѣщалъ вамъ, Люція, привести вашего брата свободнымъ и, какъ видите, исполнилъ свое обѣщаніе.

Франциска, нѣсколько озадаченная холоднымъ пріемомъ ея пріѣтствія, оглянулась съ выраженіемъ безграничнаго изумленія. Это „Люція“, которымъ дерзали величать ея воспитанницу, и яркая краска, бросившаяся дѣвушка въ лицо, совершенно смутили Франциску.

— Я не зналъ, что обязанъ своимъ спасеніемъ твоему ходатайству, Люція! сказалъ ей Бернгардъ. — Ты отыскала г. Бруно и уговорила его принять участіе въ этомъ дѣлѣ, а я даже и не подозрѣвалъ, что вы знакомы.

Молодая дѣвушка смотрѣла въ землю и не отвѣчала; вмѣсто нея заговорилъ Бруно.

— Я попросилъ-бы васъ, г. Гюнтеръ, дозволить мнѣ еще

одинъ разъ переговорить наединѣ съ вашей сестрой. Вамъ нечего опасаться результатовъ нашего разговора. Люція всегда такъ боялась меня, что она свободнѣе вздохнетъ, узнавъ о моемъ удаленіи не только изъ здѣшнихъ окрестностей, но даже вообще изъ этой страны.

Горько звучали его слова, когда онъ намекнулъ объ отъѣздѣ; Люція вздрогнула, поблѣднѣла, и въ ея лицѣ выразился такой смертельный страхъ, такое отчаяніе, что Бернгардъ не могъ уже болѣе сомнѣваться въ ея чувствахъ къ Бруно; — онъ знакомъ выразилъ свое согласіе.

— Да что-же это такое? спросила вполголоса остолбенѣвшая отъ изумленія Франциска, когда Бруно вмѣстѣ съ Люціей вышли въ сосѣднюю комнату.

— А то, чего вы, при всемъ вашемъ умѣ, не могли разгадать, сказалъ лаконически Гюнтеръ, запирая за молодыми людьми дверь, — но успокойтесь, Франциска, я тоже до сихъ поръ ничего не зналъ и не подозрѣвалъ; Люція вела себя такъ самостоятельно, что я долженъ предоставить ей одной и окончательное рѣшеніе. „Дитя“, которое обонимъ намъ казалось совершенно неопытнымъ, съумѣло насъ, опытныхъ людей, поставить въ-тупикъ; предоставимъ-же ему самому выпутываться. Подождемъ, чѣмъ окончится ихъ совѣщаніе: прощаніемъ-ли или чѣмънибудь другимъ. Я полагаю, что послѣднее вѣрнѣе.

Между тѣмъ, Бруно, увидя, что дверь за ними затворилась, быстро подошелъ къ молодой дѣвушкѣ.

— Вы должны отвѣтить на мой вопросъ, Люція, прежде, чѣмъ мы разстанемся, потому что въ вашемъ вмѣшательствѣ въ только что разыгравшуюся драму для меня остается непонятнымъ одинъ пунктъ: кто послалъ васъ третьяго дня ко мнѣ? Тогда уже вы положительнo знали то, о чемъ всѣ другіе только догадывались, именно, что графъ Ранекъ былъ убитъ; вы знали, что только мое свидѣтельство дастъ свободу вашему брату; а между тѣмъ, эта тайна была извѣстна только мнѣ, прелату и пріору; кромѣ насъ никто не могъ знать ее; кто-же вамъ ее выдалъ?

— Я ничего не знала, отвѣтила нерѣшительно Люція; — я только предчувствовала и, слава Богу, предчувствіе обмануло меня! Я боялась другого, ужаснѣйшаго исхода... Я думала, что вы должны пожертвовать собою, чтобы спасти Бернгарда.

— Пожертвовать собою? сказалъ съ изумленіемъ Бруно. — Такъ, значить, вы считали меня виновникомъ преступленія?

Молодая дѣвушка не отвѣчала и, какъ виноватая, опустила голову.

— Я, должно быть, въ самомъ дѣлѣ, похожъ на убійцу! сказалъ Бруно горько. — Графъ Ранекъ высказалъ такое-же подозрѣніе. Такъ вотъ отчего вы задрожали отъ ужаса, когда рука моя дерзнула васъ коснуться? Вы сочли, что она была обагрена кровью.

— О, у васъ былъ такой ужасный видъ, когда вы вышли изъ церкви! сказала Люція, и при этомъ голосъ ея сильно дрожалъ. — Я долго не могла забыть ни взгляда вашего, ни голоса! Тотчасъ-же послѣ вашего ухода погибъ графъ, и погибъ на вашемъ пути... Если-бы вы могли знать, что выражалось въ вашемъ лицѣ, когда вы оставили меня! Вы, разумѣется, не можете знать, сколько я выстрадала изъ-за того, что не могла разубѣдить себя въ своей ошибкѣ.

На его лбу появилась роковая морщина, которая всегда приводила ее въ ужась. Вся суровость и замкнутость молодого человѣка, казалось, снова возвратились; онъ стоялъ угрюмо, полуотвернувшись отъ нея, будто не желалъ простить ей ея подозрѣнія; но когда Люція подошла къ нему ближе и онъ въ первый разъ услышалъ свое имя, нѣжно произнесенное ею, когда умоляющее „Бруно“ коснулось его слуха и глаза ея устремились на него, грозная черта изгладилась съ его лба и лицо утратило суровое выраженіе гнѣва; и на этотъ разъ оказалось, что нѣжный взглядъ ея голубыхъ глазъ можетъ переломить его упрямую натуру.

— Погибнуть долженъ былъ я, а не графъ, Люція! сказалъ онъ тихо. — Меня спасла случайность: сходство нашего роста и походки и темный плащъ, бывшій въ тотъ день на графѣ, послужили причиной ошибки: убійца принялъ его за меня. Въ этотъ именно часъ и минуту я долженъ былъ проходить ущельемъ; если-бы я пошелъ въ свое обычное время и опередилъ Отфрида только на нѣсколько секундъ, я погибъ-бы вмѣсто него. Если-бы меня не задержали въ церкви, я-бы не разговаривалъ теперь съ вами.

Люція хорошо знала, что именно его удержало. Пылкое, страст-

ное признаніе его въ любви къ ней, послужившее ему спасеніемъ, съ тѣхъ поръ ни на минуту не выходило изъ ея памяти.

— Я подошелъ къ мосту въ ту минуту, когда графъ былъ съ него сброшенъ, продолжалъ онъ торопливо. — Я подошелъ слишкомъ поздно, чтобы воспрепятствовать убійству, но еще довольно рано, чтобы узнать убійцу, который, услышавъ мои шаги, обратился въ бѣгство. Невозможно было преслѣдовать его и привлечь къ отвѣту; я побѣждалъ, чтобы собрать ближайшихъ крестьянъ, и вмѣстѣ съ ними спустился въ ущелье. Къ несчастію, наши усилія не привели ни къ чему; никакой помощи мы не могли подать погибшему. На другой день прелать узналъ отъ меня то, что, конечно, для него не было тайною, такъ какъ я ни минуты не сомнѣвался, что эта смерть была предназначена мнѣ, а не Отфриду. Прелать приказалъ мнѣ молчать подъ тѣмъ предлогомъ, что помочь уже невозможно. Еще разъ, въ послѣдній разъ, заковалъ онъ меня въ цѣпи слѣпного повинovenія и я повиновался до тѣхъ поръ, пока не узналъ отъ васъ, что вашъ братъ арестованъ.

Бруно глубоко вздохнулъ и лицо его снова омрачилось. Люція, затаивъ дыханіе, съ напряженнымъ вниманіемъ слушала его.

— Они хотѣли заставить меня молчать и тогда, когда я узналъ, что судъ подозрѣваетъ невиннаго! сказалъ онъ, стиснувъ зубы. — Слышите, Люція, молчать, когда можетъ погибнуть невинный! И этимъ постыднымъ требованіемъ они порвали послѣднюю нить, которою привычка и воспитаніе связывали меня съ ними. Я покончилъ теперь съ прошлымъ! Они всю жизнь мою будутъ клеймить меня клятвopреступникомъ, нарушителемъ обѣта... долго трепеталъ я ужаснаго значенія этихъ словъ, теперь же я болѣе не трепещу.

Люція быстро подняла голову.

— Вы хотите отречься? Вы намѣрены оставить католицизмъ?

— Я уже отрекся и отъ монашества, и отъ католицизма. Передо мной открывается теперь новое, широкое поле дѣятельности. Я пойду по новой дорогѣ; я постараюсь быть полезнымъ для тѣхъ, кто нуждается въ моей помощи. Но, Люція, мнѣ нуженъ отвѣтъ еще на одинъ вопросъ.

Онъ схватилъ ея руку и страстно привлекъ къ себѣ; Люція болѣе ему не противилась.

— Люція! Покончивъ съ прошлымъ, я разорвалъ цѣпь, которая до сихъ поръ заграждала мнѣ путь къ счастію. Ты почувствовала ко мнѣ страхъ въ ту самую минуту, какъ я въ первый разъ встрѣтился съ тобою; ты избѣгала и удалялась меня, ты считала меня способнымъ на самое ужасное дѣло... Но вчерашняя наша встрѣча въ горахъ убѣдила меня, что не ненависть была причиною твоего удаленія отъ меня; я убѣдился, что я любилъ не безнадежно. Итакъ, если ты любишь, скажи, можешь-ли ты съ полнымъ довѣріемъ идти рука объ руку съ человѣкомъ, которому, по всей вѣроятности, предстоитъ впереди много тяжелыхъ испытаній? Можешь-ли ты раздѣлить судьбу съ человѣкомъ, которому, можетъ быть, придется погибнуть? Ты должна отказаться отъ всего, чѣмъ теперь свѣтла твоя юная жизнь, должна оставить свою родину, брата; смѣнить обеспеченное положеніе на неизвѣстное, сопряженное, быть можетъ, съ страданіями. Мои враги, навѣрное, дадутъ мнѣ почувствовать свою злобу! Подаваясь впередъ на новой дорогѣ, я долженъ буду съ бою брать каждый шагъ. Скажи теперь, Люція, въ состояніи-ли ты будешь вынести такую жизнь, не почувствуешь-ли ты страха передъ нею; ты, можетъ быть, станешь опять бояться и меня?

Онъ говорилъ рѣзко, рѣшительно; тонъ его рѣчи вовсе не походилъ на рѣчь влюбленнаго. Но и передъ нимъ стояла теперь не та робкая дѣвушка, не тотъ ребенокъ, который съ ужасомъ бѣжалъ при встрѣчѣ съ его глазами. Люція много пережила въ послѣдніе дни волненій и страданій; она возмужала, ея характеръ приобрѣлъ твердость и силу; послѣдніе мѣсяцы тревожной жизни дали ей столько опыта, какого не могли дать ей годы спокойной жизни. Съ полнымъ довѣріемъ подняла она на него глаза и улыбнулась сквозь слезы.

— Еще вчера я считала тебя виновнымъ, Бруно! Я была почти увѣрена, что графъ погибъ отъ твоей руки и, несмотря на то, я положила свою голову на твою грудь, я не дрожала, когда ты держалъ меня въ своихъ объятіяхъ. Неужели ты хочешь еще другого доказательства? Мнѣ кажется, въ ту ужасную минуту любовь моя къ тебѣ выдержала самое тяжелое испытаніе!

Онъ крѣпко сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ и губы ихъ слились въ первомъ поцѣлуѣ.

Такимъ образомъ, рушились всѣ преграды, отдѣлявшія аскета,

католическаго монаха, отъ дѣйствительной жизни. Для Бруно отрывался теперь новый міръ, наступала новая жизнь, новая дѣятельность, гдѣ онъ могъ работать на пользу другихъ, гдѣ онъ могъ приложить свои замѣчательныя способности, свой недюжинный талантъ.

XIX.

Черезъ три года, которые прошли быстро и были богаты содержаніемъ и дѣятельностью, какими отличается наше время, когда всѣ волнующіеся элементы стремятся впередъ, чтобы въ борьбѣ внѣшней или внутренней добиться себѣ простору, — черезъ три года многое измѣнилось въ Добрѣ и ея окрестностяхъ. Смерть графа Ранека и участіе, принятое монастыремъ въ это мѣсто происшествіи, произвели рѣшительныя перемѣны въ монастырѣ и въ его вліяніи на окружающую мѣстность. Участіе прелата въ дѣлѣ и слухи о настоящихъ отношеніяхъ отца Бенедикта къ фамиліи Ранековъ были предметомъ толковъ не только въ этой мѣстности, но даже во всей странѣ, столицѣ и при дворѣ; исчезновеніе же пріора, остановившее судебное разбирательство, еще болѣе усилило возбужденіе общества противъ монастыря. Орденъ употребилъ всѣ усилія, чтобы потушить дѣло; прежде всего нужно было выгородить прелата. Пріоръ на допросѣ торжественно отказался отъ своего перваго показанія; слѣдователь, однакожь, нашелъ нужнымъ арестовать его, но въ ночь передъ арестомъ пріоръ внезапно исчезъ изъ монастырской тюрьмы; розыски полиціи не привели ни къ чему; его, по всей вѣроятности, скрыли въ какомъ нибудь монастырѣ за границей. Тогда общественное мнѣніе обратилось противъ прелата. Приходилось и ему удалиться изъ страны. Римъ, конечно, не забылъ его услугъ и ему было дано епископское мѣсто на берегахъ Тибра.

Настоятелемъ монастыря, по общему желанію братіи, былъ избранъ отецъ Евсевій; но скоро оказалось, что вмѣстѣ съ прелатомъ исчезла изъ монастыря и та сила, которая тридцать лѣтъ держала въ рукахъ окрестное населеніе, питавшее какое-то суевѣрное уваженіе къ монастырю, и выводила его безъ особенныхъ потерь изъ всѣхъ превратностей борьбъ съ идеями нынѣшняго

вѣка и часто даже давала ему побѣду. Новый настоятель былъ человѣкъ весьма ограниченный, истинно преданный Риму и папству, но въ немъ не было и тѣни способностей его предшественника и, конечно, онъ не могъ залечить раны, нанесенной репутаціи и чести монастыря; новый прелать съ трудомъ могъ управляться даже съ своими монахами.

Замокъ Ранекъ стоялъ теперь пустой; графское семейство въ эти годы ни разу не заглянуло въ него. Можетъ быть, трагическая судьба сына, или удаленіе брата, или-же скандалъ, произведенный и тѣмъ и другимъ событіемъ, были причиною, что графъ съ той поры избѣгалъ своего родового замка, и въ эти три года ни разу не былъ въ немъ. Смерть Отфрида окончательно ослабила чисто виѣшнія узы, соединявшія супруговъ. Графиня, почти постоянно хворавшая, проживала въ одномъ изъ своихъ помѣстьевъ; графъ жилъ въ столицѣ; по цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ они не видались, и если сѣзжались иногда для приличія, то почти не разговаривали другъ съ другомъ.

Послѣ трехлѣтняго отсутствія графъ посѣтилъ, наконецъ, замокъ Ранекъ. Онъ пріѣхалъ туда неожиданно, въ сопровожденіи одного камердинера, и приказалъ по возможности держать въ тайнѣ свой пріѣздъ, не желая возобновлять знакомства съ своими сосѣдами. Никто не зналъ, какая причина побудила его сюда пріѣхать.

Графъ сидѣлъ въ кабинетѣ и держалъ въ рукахъ распечатанное письмо, только что полученное имъ изъ Рима. Графъ очень постарѣлъ за эти послѣдніе года; волосы его совсѣмъ посѣдѣли, лицо покрылось морщинами; прежній огонь не горѣлъ уже въ его глазахъ и смѣнился горькимъ, болѣзненныхъ выраженіемъ. Онъ быстро пробѣжалъ вступленіе, затѣмъ съ особеннымъ вниманіемъ, останавливаясь, сталъ читать продолженіе письма, которое его, видимо, заинтересовало:

„Я могъ-бы жаловаться на твое долгое молчаніе, писалъ прелать, — если-бы давно не убѣдился, что между нами существуетъ отчужденіе, котораго никакое время не измѣнить. Ты простишь-бы мнѣ все, даже смерть Отфрида, которой я былъ невольной причиною, но ты никогда не простишь мнѣ, что я хотѣлъ погубить твоего Бруно. Но знай, что рѣшимость погубить

этого человѣка стоила мнѣ дороже, чѣмъ необходимость потерять любовь моего брата!

„Что я слышу о монастырѣ, нисколько не удивляетъ меня, хотя мнѣ и больно видѣть разрушеніе того, надъ чѣмъ я трудился тридцать лѣтъ и на что положилъ лучшіе годы моей жизни. Отъ управленія Евсевія нельзя ожидать ничего лучшаго; впрочемъ, и всѣ остальные монахи въ монастырѣ не способные его. Управлять монастыремъ твердо и направлять умы монаховъ куда слѣдуетъ—въ состояніи былъ-бы только одинъ, но онъ теперь въ непріятельскомъ лагерѣ. Ты несправедливо упрекаешь меня въ ненависти къ нему; я никогда не чувствовалъ къ нему ненависти, даже и тогда, какъ рѣшился принести его въ жертву, а въ послѣднее время я даже сталъ удивляться ему. Чего ни дѣлали мы, чтобы противодѣйствовать ему, заградить ему дорогу,—онъ умѣлъ всему противостоять, и теперь онъ достигъ такого значенія, приобрѣлъ такую силу, что повалить его уже невозможно.—скій университетъ, за который мы всегда держались, какъ за якорь спасенія, пригласилъ его занять кафедру. Его встрѣтили тамъ съ оваціями, что несомнѣнно доказало, какъ стали мы безсильны даже тамъ, гдѣ прежде были полными господами. Принимая съ торжествомъ этого человѣка, они тѣмъ самымъ объявляли намъ войну. Я лучше всѣхъ знаю, что они приобрѣли въ немъ, потому что на моихъ глазахъ развивалась эта сила, и я не могу не скорбѣть и теперь, что она для насъ утрачена. Отфридъ былъ слабымъ, изнѣженнымъ отпрыскомъ своей бездарной матери, въ Бруно *наша* кровь, и хотя бы онъ, съ своимъ гордымъ упрямствомъ, и продолжалъ отказываться отъ своего имени, онъ доказываетъ на дѣлѣ, что онъ Ранекъ по рожденію!

„Я слышалъ, ты имѣешь намѣреніе посѣтить нашъ родовоіи замокъ; я угадываю, что влечетъ тебя туда именно въ ту минуту, когда Бруно вступаетъ въ бракъ съ сестрой Гюнтера. Не совѣтую тебѣ дѣлать новую попытку разыграть передъ твоимъ сыномъ роль нѣжнаго отца. Я увѣренъ, что онъ не забылъ еще своей матери и опять также уничижительно упрекнетъ тебя ея памятью, какъ въ то время, когда ты въ первый разъ послѣ того, какъ онъ узналъ о своемъ происхожденіи, открылъ ему свои отцовскія объятія. Мягкосерденіе никогда не было отличительною чертою нашего рода! Ты упрекаешь меня въ послѣднемъ письмѣ, что, въ

сущности, я всему виновю; но ты долженъ вспомнить то, что послѣдствія этого съ особенной тяжестью обрушились на меня. Я оторвалъ мальчика отъ его отечества и вѣрн, чтобы воспитать его на славу католицизма и нашего монастыря, а этотъ мальчикъ низвергнулъ меня, уничтожилъ славу монастыря и теперь сталъ во главѣ нашихъ противниковъ. Я думалъ обуздать монастырскими воспитаніемъ полученный имъ въ наслѣдство упрямый еретическій духъ и забылъ, что стремленіе къ свободѣ гнѣздилося въ самой его крови. Это былъ мой промахъ, за который я теперь расплачиваюсь. О моей жизни въ Римѣ не могу сообщить тебѣ ничего новаго; и здѣсь на каждомъ шагу проявляется протестъ противъ насъ и съ каждымъ днемъ похищаетъ у насъ частицу той почвы, на которой мы стоимъ. Мы противимся ему съ тою сосредоточенною силою, которая цѣлне вѣка противостояла бурямъ, которая пережила реформацію, но—я всегда считалъ малодушіемъ утаивать истину, если-бы она даже была крайне непріятна,—я боюсь, что время наше миновало! Въ частности мы можемъ еще проявлять свою власть, но всемірное владычество нами уже утрачено, и твой Бруно одинъ изъ тѣхъ, которые могутъ похвалиться, что отняли его у насъ!”

Графъ быстро пробѣжалъ послѣднія строки письма; потомъ сложилъ его и отодвинулъ отъ себя. Манера, съ которой онъ это сдѣлалъ, ясно доказывала, что примиреніе братьевъ было наружное и что графъ никогда не въ силахъ былъ превозмочь глубокаго чувства ужаса, который онъ ощущалъ къ прелату со времени смерти своего сына. Онъ всталъ и подошелъ къ окну; въ замкѣ было такъ пустынно; такъ холодно и пусто въ обширныхъ комнатахъ и галереяхъ графскаго дома, что невольно становилось жутко. Еще грустнѣе и болѣзненнѣе сдѣлалось выраженіе его лица, когда онъ перенесъ взглядъ свой на Добру, куда пріѣхалъ теперь единственный на свѣтѣ человекъ, котораго онъ любилъ.

И въ Добрѣ за это время произошла большая и поразительная перемена. Дѣвица Франциска Рейхъ уже болѣе двухъ лѣтъ была женою Гюнтера. Старая юношеская любовь снова просну-

лась у нихъ обоихъ; впрочемъ, въ ней не было и тѣни того романтизма, которымъ была такъ богата любовь Люціи. Одинъ изъ ихъ частыхъ споровъ, начинавшихся всегда съ какой-нибудь мелочи и кончавшихся ссорой, обыкновенно по винѣ горячей Франциска, на этотъ разъ кончился, совершенно неожиданно пожелкой. Бернгардъ въ самомъ разгарѣ борьбы взялъ ея руку и съ своимъ обычнымъ, невозмутимымъ хладнокровіемъ сказалъ:

— Франциска, надо когда-нибудь положить конецъ нашему вѣчному спору; я полагаю, что благоразумнѣе всего будетъ, если мы, говоря высокими слогами, заключимъ брачный союзъ.

— Вы это считаете вѣрнымъ способомъ положить конецъ нашимъ вѣчнымъ спорамъ? послѣдовалъ исполненный негодованія отвѣтъ.

— А вы полагаете, что они еще болѣе усилятся? Конечно, въ этомъ исходѣ я не вижу особенно пріятной для себя перспективы, но изъ двухъ золъ надобно выбирать всегда лучшее. Главный вопросъ теперь заключается въ томъ, хотите-ли вы имѣть меня своимъ мужемъ, Франциска?

Вслушавъ это лаконическое предложеніе, Франциска вспыхнула: ее возмутило, что онъ, среди ссоры, начатой по его винѣ, осмѣлился посвататься за нее; но, подумавъ нѣсколько и поворачавъ въ свое удовольствіе, она согласилась, что такой исходъ можетъ быть названъ вполне благоразумнымъ. Она дала свое согласіе, и Люція, оставившая ихъ среди самого оживленнаго спора, крайне удивилась, когда черезъ десять минутъ Бернгардъ представилъ ей фрейленъ Рейхъ, какъ свою невѣсту.

Черезъ три мѣсяца Франциска приняла команду надъ Дѳоброй, какъ говорилъ въ шутку Бернгардъ; Франциска, ставъ женой Бернгарда, нисколько не измѣнила своего пылкаго характера и между ними по-прежнему возгорались споры, какъ и прежде кончавшіеся скорымъ примиреніемъ. Гюнтеру, однакожъ, не приходилось раскаяваться въ своемъ рѣшеніи.

Гюнтеръ, занятый чтеніемъ газетъ, сидѣлъ спокойно въ своей комнатѣ, когда дверь съ шумомъ растворилась и вошла его жена; на лицѣ ея была написана усталость и озабоченность: она весь день провела въ хлопотахъ, такъ какъ на завтрашній день была назначена свадьба Люціи.

— Уже четыре часа, Бернгардъ, сказала она;—тебѣ пора собираться ѣхать на станцію желѣзной дороги.

Гюнтеръ съ удивленіемъ опустил газету.

— Мнѣ на желѣзную дорогу? Зачѣмъ?

— Но развѣ ты забылъ, что мы ожидаемъ сегодня вечеромъ пастора изъ столицы. Или ты, можетъ быть, хочешь пригласить католическаго монаха для завтрашней торжественной церемоніи? Это произвело-бы переполохъ и мы увидѣли-бы тогда новое изданіе экскоммуникаціи!

— Милый другъ, мнѣ кажется, что ѣхать за нимъ слѣдуетъ Бруно, сказалъ очень спокойно Бернгардъ;—снѣ пригласилъ пастора, съ которымъ находится въ хорошихъ отношеніяхъ, для совершенія его брака, такъ ему и приличіе ѣхать на встрѣчу своего гостя.

Франциска пожала плечами.

— Бруно? Да развѣ онъ въ состояніи теперь что-нибудь видѣть или о чемъ-нибудь думать, кромѣ своей Люціи, и развѣ онъ захочетъ хоть на четверть часа оставить ее, когда онъ только сегодня утромъ пріѣхалъ! Тебѣ придется ѣхать и встрѣтить пастора; Бруно, конечно, этого не сдѣлаетъ и, какъ женихъ, имѣетъ право на извиненіе.

— Да, Бруно теперь очень докучливъ для всѣхъ! замѣтилъ Гюнтеръ сухо, складывая газеты.

— Я не вижу, почему можно находить непріятнымъ человѣка, который боготворитъ свою будущую жену; по-моему, многимъ мужьямъ слѣдовало-бы брать съ него примѣръ! сказала Франциска злоко.

— Я надѣюсь, что ты говоришь это вообще! Или, можетъ быть, это любезное замѣчаніе относится ко мнѣ?

— Понимай, какъ знаешь! но вѣрно то, что я, будучи невѣстой, не могла-бы пожаловаться на такую „докучливость“ съ твоей стороны.

— Но, милая Франциска, извини, но только ты совсѣмъ не...

— Ты совсѣмъ не такова, чтобы тебя можно было боготворить, хотѣлъ ты сказать?

— Какъ странно ты истолковываешь мои слова! Я думалъ только, что я неспособенъ къ такимъ „докучливостямъ“, и ты должна съ этимъ согласиться. Представь только себѣ, что я

упалъ-бы вдругъ передъ тобою на колѣни и розыгралъ-бы романтическую сцену, я думаю, ты захохотала-бы мнѣ въ лицо.

Франциска отвернулась, чтобы скрыть предательскую улыбку, отъ которой не могла удержаться, воображивъ себѣ мужа въ описанной позѣ, хотя ей ни за что не хотѣлось признаться, какъ безконечно комичною казалась ей эта сцена.

— Ты умѣешь только насмѣхаться! возразила она съ досадою. — И даже слѣдователь говоритъ...

— Молчи лучше о слѣдователь! За гостепріимство, которымъ онъ такъ часто пользуется въ Добрѣ, онъ платитъ самую черною неблагодарностью, распространяя вездѣ клевету, особенно про тебя. Онъ открыто заявляетъ, что ты командуешь цѣлою Доброй и мною величательно!

Франциска выпрямилась при первыхъ словахъ, какъ-бы готовясь къ бою, но, совершенно успокоившись, опустила опять голову.

— Такъ въ этомъ заключается его клевета?

— Я думаю, ты возмущена этимъ до глубины души?

Она жалобно вздохнула.

— Желала-бы я, чтобы онъ былъ правъ! Милосердное небо! Я командую человѣкомъ, который съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе становится похожъ на деспота! Когда я вижу, какъ Люція однимъ только взглядомъ заставляеть этого упрямаго, своевольнаго Бруно...

— Я нахожу, что Люціи въ самомъ дѣлѣ пора замужъ! прервалъ ее съ улыбкой Гюнтеръ. — Бруно своей чрезвѣрной страстью нарушаетъ мое домашнее спокойствіе. Ты все дѣлаешь сооставленія, и хотя они, безспорно, клонятся къ моей-же выгодѣ, но все-же они иногда не совсѣмъ пріятны.

Франциска сдѣлала видъ, что не слышала послѣднихъ словъ мужа.

— Я никогда не считала возможнымъ, чтобы Люціи могла такъ развиться, какъ развилась она за эти послѣдніе три года, сказала она серьезно. — Повѣрить трудно, видя, что онъ изъ нея сдѣлалъ, и какую преданность питаетъ она къ этому угрюмому человѣку. Правда, и онъ для нея на все готовъ, а вѣдь ты знаешь, его вездѣ считаютъ замѣчательнымъ человѣкомъ, бойцомъ за народное дѣло, но...

— Но онъ не въ твоемъ вкусѣ! дополнилъ Бернгардъ колесо. — Очень понятно, это происходитъ отъ того, что ты со мной прежде

познакомилась. Такъ и уступи его навсегда Люціи и утѣшай себя неопровержимую истину, что, во всякомъ случаѣ, у тебя мужъ лучше, чѣмъ у нея.

Этого было уже слишкомъ много для Франциски и она запальчиво вскочила.

— Бернгардъ, мнѣ кажется, ты и въ самомъ дѣлѣ способенъ вообразить себя великимъ и лучшимъ человѣкомъ на землѣ! Ну, объ этомъ еще можно поспорить. Однакожъ, скажи, положи руку на сердце, кто изъ насъ былъ правъ въ то время, когда ты такъ настойчиво утверждалъ, что Люція любитъ графа, а я всегда это отрицала?

— Ты была права, милая Франциска, какъ и вообще ты всегда бываешь права. Куда-же ты идешь?

— Отъ тебя подальше! Когда ты начинаешь говорить комплименты, надо всегда быть готовой къ какой-нибудь насмѣшкѣ. Но я повторяю тебѣ, что сегодня Бруно неспособенъ ни на какое дѣло; поэтому одѣнься поскорѣе и поѣзжай въ Е. Я не могу одна поспѣвать вездѣ; можешь и ты помочь мнѣ.

Съ этими словами, сказанными рѣшительнымъ тономъ, Франциска послѣдно вышла изъ комнаты, а Бернгардъ оставилъ газеты и, какъ подобаетъ послушному мужу, поспѣшилъ исполнить приказъ своей супруги.

Черезъ день послѣ этой сцены, рано утромъ, открытый экипажъ остановился на проѣзжей дорогѣ, ведущей въ горную деревню Н. Сѣдоки вышли, чтобы продолжать дорогу пѣшкомъ и незамѣтно достигнуть священническаго дома, гдѣ ихъ, по всей вѣроятности, ждали, потому что отецъ Климентъ встрѣтилъ ихъ у дверей.

Въ эти три года старикъ Климентъ еще болѣе подряхлѣлъ и, видимо доживалъ свои послѣдніе дни. Онъ давно уже передалъ всѣ свои обязанности капелану, и если его совсѣмъ не оставили отъ прихода, то только потому, что этого желали всѣ его прихожане, а также отчасти и въ тѣхъ соображеніяхъ, что въ монастырѣ не отыскивалось охотниковъ на такой бѣдный приходъ.

Гости, которыхъ принималъ теперь старикъ, были Бруно и его молодая жена. Бруно мало пережился, онъ сдѣлался только

серьезнѣе и спокойнѣе; огненная пылкость молодого патера, все существо котораго страстно возставало противъ наложенныхъ на него оковъ, смѣнилась теперь твердой рѣшимостью и силой характера человѣка, закалившагося въ борьбѣ съ жизнью. Темные, роскошные кудри покрывали теперь и то мѣсто головы его, гдѣ была тонзура, а съ нею вмѣстѣ исчезъ и послѣдній слѣдъ монашества.

Для молодой, едва достигшей девятнадцати-лѣтняго возраста женщины три года прошли почти безслѣдно. Темные длинные локоны теперь, какъ и прежде, рассыпались по ея шеѣ и плечамъ, въ голубыхъ глазахъ свѣтилось полное, свѣтлое счастье прежнихъ дней и розовое личико сохранило все свое дѣтское очарованіе, но взглядъ ея былъ серьезенъ, въ выраженіи лица замѣтны были рѣшимость и умъ, что позволяло надѣяться, что она будетъ достойною сподвижницею человѣка, жизнь котораго полна постоянной борьбой, влекущей за собой много опасностей и тревогъ.

Бруно взялъ ее за руку и подвелъ къ священнику.

— Жена моя! сказалъ онъ просто, но въ этихъ словахъ звучала страсть и нѣжность. — Я не могъ уѣхать, ваше преподобіе, не представивъ вамъ моей Люціи. И она не хотѣла пустить меня одного въ горы; она все еще не можетъ забыть опасности, которая мнѣ здѣсь когда-то угрожала и я... я тоже не могъ-бы безъ нея уѣхать!

На лицѣ стараго священника выразилось робкое смущеніе при этомъ представленіи; католическій священникъ все-таки видѣлъ преступленіе въ этой женитьбѣ бывшаго монаха, но, когда Люція робко и вмѣстѣ съ тѣмъ ласково на него взглянула и, съ дѣтскою довѣрчивостью, протянула ему руку, старикъ побѣдилъ въ себѣ всѣ католическія сомнѣнія; онъ взялъ протянутую руку молодой женщины и отъ искренняго сердца пожалъ ее.

— Мы еще вчера выѣхали въ А, продолжалъ Бруно, — чтобы сегодня чѣмъ свѣтъ быть здѣсь и по возможности добраться до васъ нигѣмъ незамѣченные. Въ вашемъ радушіи я не сомнѣвался, но я не желалъ-бы, чтобы мое посѣщеніе, если о немъ узнаютъ, навлекло на васъ неудовольствіе со стороны монастыря.

Старикъ улыбнулся.

— Не бойтесь ничего! Я для нихъ слишкомъ незначителенъ,

чтобы они стали контролировать мои дѣйствія и поступки; это было только тогда, какъ вы жили подъ моей кровлей. Кромѣ того, въ монастырскомъ управленіи нѣтъ уже прежней строгости, теперь многое допускается, что прежде не прошло-бы безнаказанно!

— Я знаю это! Съ прелатомъ исчезъ настоящій руководитель монастыря, могущество котораго приближается къ концу. Прелатъ, конечно, и изъ Рима можетъ оказывать свое вліяніе, я это хорошо знаю по себѣ, но онъ уже не можетъ поднять упавшаго авторитета его бывшаго монастыря... Да, не мало преградъ и препятствій воздвигалъ онъ все это время на моемъ пути... но все-таки ему не удалось сдѣлать меня безвреднымъ для себя.

Онъ повернулся къ окну и сталъ разсматривать деревенскія хижины, которыя онъ часто посѣщалъ въ то время, когда былъ капеланомъ. Старикъ въ это время подошелъ къ Люціи и шепнулъ ей нѣсколько словъ, въ которыхъ, повидимому, выражалась просьба. Молодая женщина изумилась и бросила тревожный взглядъ на мужа и подошла къ нему.

— Бруно, наше присутствіе здѣсь не осталось неизвѣстнымъ, какъ мы думали; у отца Климента со вчерашняго дня въ домѣ гость, который желаетъ говорить съ тобой.

— Говорить со мною? повторилъ Бруно съ изумленіемъ. — Странно, что этотъ господинъ избралъ для свиданія со мною это мѣсто и часъ, отчего онъ не пріѣхалъ въ Дѣбру, гдѣ у меня было много свободнаго времени?

Священникъ въ смущеніи молчалъ; онъ не рѣшался дать необходимое объясненіе; Люція поспѣшила къ нему на помощь. Она схватила Бруно за руку и быстро повлекла его къ двери въ сосѣднюю комнату, которая въ эту минуту отворилась, и графъ Ранекъ показался на порогѣ. Легкій трепетъ пробѣжалъ по его лицу, когда онъ увидѣлъ ихъ обоихъ передъ собою. Графъ, можетъ быть, никогда еще не ощущалъ такъ горько своего одиночества, не чувствовалъ такъ глубоко всей пустоты своей те-перешней жизни, какъ въ эту минуту, когда увидѣлъ сына и его милую жену, стоявшую рядомъ съ нимъ. Бруно, напротивъ, отступилъ назадъ; эта неожиданная встрѣча, казалось, была ему крайне тягостной; когда-же Люція хотѣла удалиться, онъ вспль-чиво удержалъ ее.

— Ты останешься, Люція! У меня нѣтъ отъ тебя тайнъ, тѣмъ болѣе съ графомъ Ранекомъ.

Молодая женщина тиховько положила голову на его плечо.

— Отпусти меня, Бруно! прошептала она съ мольбою. — Я должна уступить тебя твоему отцу, ему слишкомъ было-бы тяжело, если-бы теперь я стала между вами!

Не ожидая отвѣта, она высвободила руку изъ-подъ его руки и черезъ минуту Бруно остался наединѣ съ графомъ Ранекомъ.

— Мы давно не видались, Бруно! сказалъ графъ. — Неужели мой сынъ и теперь не скажетъ ни одного привѣтливаго слова своему отцу?

Бруно молчалъ, онъ бросилъ безпокойный и нетерпѣливый взглядъ на дверь, въ которую вышли Люція съ священникомъ; графъ подстерегъ этотъ взглядъ.

— Жена твоя поняла, какъ тяжело было-бы мнѣ объясняться съ тобой въ ея присутствіи, сказалъ онъ, — ты, конечно, не избавилъ-бы меня отъ этого уничтоженія!

Бруно, видимо, вовсе не желалъ сдѣлать никакой уступки своему отцу. Можетъ быть, Люція лучше-бы сдѣлала, если-бы осталась; мрачная морщина снова появилась на его лбу, и онъ шагу не двинулся на встрѣчу отцу.

— Во всякомъ случаѣ не я причиною этого уничтоженія! возразилъ онъ холодно, — потому что не я искалъ и желалъ этой встрѣчи.

— Я хотѣлъ увидѣть тебя хоть разъ, сказалъ Ранекъ нѣжно, — въ особенности теперь, когда узналъ, что ты женишься.

Нѣжность графа всегда производила на Бруно тягостное впечатлѣніе. Бруно снова вспыхнулъ.

— Да, я женатъ, и нашъ протестанскій бракъ, надѣюсь, никто не разстроитъ.

Губы графа задрожали при этихъ безпощадныхъ словахъ.

— Ты не можешь простить мнѣ того, что я сдѣлалъ тебѣ и твоей матери! сказалъ онъ тихо. — Если-бы я могъ загладить свой проступокъ, я давно-бы это сдѣлалъ, но второй бракъ мой связываетъ мнѣ руки на каждомъ шагу. Признать первый значило-бы лишить всѣхъ правъ Отфрида и графиню. Ты долженъ же это понять.

— Что высоружденная графиня Ранекъ и ея сынъ заслу-

живають другихъ соображеній, чѣмъ моя незнатная мать, которую безнаказанно могли лишить всѣхъ правъ... нѣтъ, графъ, этого я не понимаю и никогда не пойму!

— Бруно!

Всѣ душевныя муки выразились въ этомъ восклицаніи, но Ранекъ подавилъ ихъ въ себѣ и болѣе спокойно прибавилъ:

— Да если-бы я рѣшился поправить зло, изъ этого не вышло-бы никакой пользы для тебя: ты самъ отказался-бы принять принадлежащее тебѣ по праву имя.

— Конечно, отказался-бы принять это имя, отвѣтилъ Бруно рѣзко и сурово.—Я не жалуясь на то, что вы сдѣлали мнѣ, мы поквитались въ ту минуту, какъ я сбросилъ цѣпи, въ которыя меня съ дѣтства заковали. И безъ графскаго титула Ранекъ я приобрѣлъ себѣ имя и положеніе въ свѣтѣ, и очень можетъ быть, что знатное воспитаніе сдѣлало-бы меня такой-же ничтожностью въ нравственномъ отношеніи, какой былъ графъ Отфридъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я свободенъ, мнѣ нечего отъ васъ требовать, но то, что вы сдѣлали моей матери, уже не можетъ быть заглажено. Ваша жестокость свела ее въ могилу и это разлучаетъ насъ на вѣки!

— Она не могла избрать лучшаго мстителя! сказалъ графъ горько.—Я сильно наказанъ и наказаньемъ мнѣ послужила та страстная, необузданная любовь, какую я чувствую къ тебѣ и которой я приношу теперь въ жертву то, чѣмъ не жертвовалъ никому на свѣтѣ: мою гордость. Я лишилъ тебя имени и правъ твоего рожденія,—это правда. И все-таки я никого на свѣтѣ не любилъ такъ сильно, какъ мое ограбленное, покинутое дитя. Каждый разъ, какъ твоему брату оказывалось наружное предпочтеніе, острый ножъ проникалъ въ самую глубь моего сердца; оно обливалось кровью всякій разъ, когда я, вмѣсто любви, которой жаждалъ со всею нѣжностью отца, встрѣчалъ въ тебѣ только мрачные, инстинктивные порывы ненависти. Твое тщательно скрываемое отвращеніе, твое вѣчное сопротивленіе моей нѣжности были для меня самою тяжкою карою. Въ Отфридѣ я воспитывалъ наследника моего имени и состоянія, но я никогда не чувствовалъ къ нему той любви, какую чувствовалъ къ тебѣ. Теперь я лишился Отфрида; съ братомъ я расстался навсегда; холодныя, ненавистныя узы привязываютъ меня къ нелюбимой женѣ, и между

тѣмъ, какъ имя мое сходитъ со мной въ могилу, мой возлюбленный единственный сынъ съ ненавистью и ожесточеніемъ отвертывается отъ меня... да, Бруно, я полагаю, теперь мать твоя вполне отомщена!

Онъ повернулся, чтобы уйти. Въ сердцѣ Бруно происходила жестокая борьба, наконецъ онъ бросился за нимъ.

— Отецъ мой!

Графъ остановился; отъ радостнаго волненія онъ не могъ произнести ни слова и только раскрылъ свои объятія сыну; еще секунда колебанія и Бруно бросился на шею отцу, — примиреніе совершилось.

Бруно первый поднялъ голову и нѣжно освободился отъ объятий отца.

— Намъ надо разстаться, батюшка! сказала онъ твердо. — Ты не можешь принимать меня въ своемъ домѣ. Ты знаешь отношенія мои къ твоей церкви, которыя привели къ тому, что мнѣ необходимо оставить эту страну и удалиться туда, гдѣ я могу свободно вести борьбу съ католицизмомъ и съ другими моими врагами. Удовольствуемся воспоминаніемъ объ этомъ часѣ до болѣе благопріятнаго времени.

Ранекъ безропотно уступилъ.

— До болѣе благопріятнаго времени! А жена твоя?!

— Люція должна тоже обнять отца. Она всегда называла жестокостію мое сопротивление тебѣ. Я иду за нею!

Черезъ полчаса молодая чета пошла въ обратный путь. Графъ остался въ домѣ священника. Отецъ Климентъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи проводить своихъ гостей, на сколько дозволяли ему его слабыя силы. Бруно, дойдя до распятія, откуда онъ предпринялъ нѣкогда роковой путь въ горную каплицу, остановился и протянулъ старику на прощанье руку.

— Прощайте, ваше преподобіе! Я обѣщалъ Люціи, что она осенью увидится съ братомъ и невѣсткой. Тогда мы снова посетимъ васъ.

Старикъ грустно улыбнулся.

— Мы должны проститься на болѣе продолжительное время! Осенью вы найдете меня уже тамъ. — (Онъ указалъ на маленькое кладбище напротивъ деревни.) — Мнѣ немного уже остается бродить по землѣ, гдѣ я теперь только бесполезное, тяжелое бремя;

я радъ, что мнѣ передъ смертью довелось увидѣть полное чело-вѣческое счастье. Вы отреклись отъ нашего монастыря, отъ нашей церкви, и я долженъ-бы осуждать васъ за это, но я думаю, что каждый самъ лучше знаетъ, что ему слѣдуетъ дѣлать. Я всегда отъ всего сердца присоединялся къ моимъ собратьямъ, когда они произносили благословенія, но проклинать вмѣстѣ съ ними я никогда не могъ; еще менѣе могъ-бы это сдѣлать теперь, когда я вижу предъ собой вашу молодую жену; прощайте, желаю вамъ всего лучшаго; Богъ да благословитъ васъ обоимъ!

Онъ еще разъ пожалъ Бруно руку и поцѣловалъ въ лобъ молодую женщину. Глаза Бруно были влажны, когда онъ послалъ послѣдній прощальный поклонъ драхлону, согбенному старику, стоявшему прислонясь къ кресту; онъ чувствовалъ, что въ послѣдній разъ видитъ эти кроткіе, ласковые глаза.

Когда молодые люди оставили за собой дорогу въ Н., утрен-ная прохлада смѣнилась жаромъ солнечнаго дня. Медленно поднимался ихъ экипажъ на ту самую гору, съ которой Люція въ первый разъ увидѣла долину. Какъ и тогда, долина разстилалась у ногъ ея, облитая солнечнымъ свѣтомъ, съ своими мѣстечками и деревьями, холмами и лѣсами, съ вѣчно шумящимъ потокомъ посрединѣ и горною цѣпью вдаль. Окруженный темными соснами, возвышался замокъ Ранекъ, а напротивъ него красовалось бенедиктинское аббатство, заключившее въ своихъ стѣнахъ многія надежды и страстные порывы къ свободѣ; кто разъ попалъ за эти стѣны, для того не было возврата, но одинъ человекъ преодолѣлъ главное препятствіе и вышелъ оттуда на свободу; а если вышелъ одинъ, могъ выйти и каждый, кто обладалъ твердою волею. Такія мысли волновали теперь Бруно. Онъ бросилъ взглядъ на эти стѣны, а потомъ взглянулъ на жаворонковъ, которые съ веселыми пѣснями кружились надъ его головою; онъ тоже, подобно имъ, зналъ теперь, что значитъ свобода. Вчера онъ получилъ руку своей невѣсты и теперь спѣшилъ на встрѣчу новой будущности; около него была молодая жена, впереди жизнь, полная тревогъ и опасностей, но жизнь разумная, трудъ полезный; а надъ нимъ кружились жаворонки, веселая пѣснь которыхъ, казалась, говорила о счастьѣ и радостяхъ.

СТАТИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССІИ.

IV.

Вліяніе мѣстныхъ условій на колебаніе среднихъ коэффициентовъ рождаемости, плодовитости и смертности.—Условия географическія, климатическія и социальныя.—Вліяніе географическаго положенія и составъ почвы на смертность и рождаемость.—Вліяніе климата.—Вліяніе времени года.

Въ предшествующихъ главахъ мы опредѣлили въ общихъ чертахъ средніе для всей европейской Россіи коэффициенты главнѣйшихъ факторовъ движенія народонаселенія — смертности, рождаемости и плодовитости. Очевидно, что эти среднія опредѣленія имѣютъ чисто абстрактный, отвлеченный характеръ; своеобразныя, индивидуальныя особенности единицъ совершенно сгладились и ступшевались въ общемъ итогѣ. Чтобы придать этому итогу болѣе конкретное значеніе, нужно снова разложить его на составныя части. Сравнивая эти отдѣльныя части или эти частныя итоги съ общимъ итогомъ, мы увидимъ, какимъ образомъ послѣдній видоизмѣняется подъ вліяніемъ индивидуальныхъ условій той или другой мѣстности. Изучая колебаніе среднихъ коэффициентовъ подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, мы достигаемъ двухъ, весьма важныхъ результатовъ: во-первыхъ, получаемъ средніе итоги, болѣе соответствующіе реальной дѣйствительности; во-вторыхъ, намъ уясняется относительное значеніе всѣхъ тѣхъ вліяній, отъ которыхъ зависитъ прогрессъ или регрессъ въ движеніи народонаселенія. Послѣднее особенно важно: только зная, какіе именно изъ факторовъ нашей жизни всего болѣе или всего менѣе вліяютъ на нашу смертность, плодовитость и рождаемость, мы откроемъ себѣ возможность разумно регулировать движеніе народонаселе-

нія или, по крайней мѣрѣ, выяснитъ теоретически цѣлесообразнѣйшія средства для такого регулированія. Разумѣется, мы не станемъ пытаться опредѣлить всѣхъ или хотя большую часть этихъ мѣстныхъ факторовъ. Подобная попытка, хотя и могла-бы, при удачѣ, повести къ математически-точному рѣшенію занимающаго насъ вопроса, совершенно немыслима не только для русской статистики, но и для статистики вообще. Статистика имѣетъ дѣло лишь съ явленіями, болѣе или менѣе постоянными или правильно повторяющимися, и при этомъ допускающими числительную мѣру. Но само собою понятно, что есть много такихъ фактовъ въ нашей общественной и частной жизни, которые совершенно не могутъ удовлетворить этимъ требованіямъ; статистика не имѣетъ никакихъ средствъ оцѣнить вліяніе каждаго изъ этихъ фактовъ въ отдѣльности; оно для нея неуловимо; судить о немъ ей приходится лишь по общему результату цѣлой суммы подобныхъ-же, непосредственному изученію статистики недоступныхъ вліяній. Такое сужденіе всегда будетъ только приблизительнымъ и нерѣдко весьма проблематичнымъ. По необходимости, статистика должна ограничиться только *нѣкоторою* группою условій, *нѣкоторою* категоріею отношеній, регулирующихъ нашу общественную и частную жизнь. Предѣлы этой группы, этой категоріи, могутъ болѣе или менѣе раздвигаться, болѣе или менѣе сжиматься, смотря по степени совершенства статистики въ той или другой странѣ, но они никогда не могутъ исчезнуть совершенно. Это обстоятельство никогда не слѣдуетъ терять изъ виду; въ противномъ случаѣ легко впасть въ неосновательныя иллюзіи насчетъ универсальной приложимости статистическаго метода; подобныя иллюзіи имѣютъ обыкновенно своимъ практическимъ послѣдствіемъ то, что статистикѣ предъявляются требованія, очень мало соответствующія ея скромнымъ средствамъ и ея ограниченному кругозору. Выше мы имѣли случай говорить о совершенной неумѣстности этихъ требованій. Но если они неумѣстны вообще, то онѣ въ особенности неумѣстны по отношенію къ русской статистикѣ. Читатель ни на минуту не долженъ этого забывать. Кругъ явленій, группа вліяній, доступныхъ изученію нашей отечественной статистики, до крайности сужены; даже такіе факторы, которые всегда могутъ и въ болѣе цивилизованныхъ государствахъ давно уже подвергнуты точному статистическому анализу,—у насъ или совсѣмъ еще не изслѣдо-

ваны или изслѣдованы только въ слишкомъ общихъ и, такъ сказать, отвлеченныхъ формахъ. Потому и намъ придется, при опредѣленіи вліянія мѣстныхъ условій на средніе, общіе коэффициенты движенія народонаселенія, придерживаться болѣе общаго и отвлеченнаго, а не частнаго и конкретнаго; т. е. намъ придется каждый частный факторъ, вліяющій на нашу среднюю смертность, плодовитость и рождаемость, разсматривать не *въ отдѣльности*, а *въ массѣ болѣе или менѣе однородныхъ факторовъ*. Иными словами, намъ придется въ большинствѣ случаевъ относиться къ фактамъ, вполне допускающимъ самое строгое статистическое взвѣшиваніе и исчисленіе, какъ бы-бы отнесли къ фактамъ, недоступнымъ ни для какихъ непосредственныхъ статистическихъ упражненій.

Прежде всего раздѣлимъ общую совокупность мѣстныхъ условій на двѣ большія группы: на группу такъ называемыхъ естественныхъ условій и группу условій общественныхъ. Данныя нашей статистики дозволяютъ намъ разсмотрѣть вліяніе каждой изъ этихъ группъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ; мы должны заранѣе отказаться отъ мысли опредѣлить сколько нибудь точнымъ образомъ ту долю участія, которую принимаютъ отдѣльные составные факторы обѣихъ группъ въ конечномъ результатѣ ихъ совокупной дѣятельности. Мы будемъ въ состояніи оцѣнить относительное значеніе вліянія *цѣлой* группы, но не ея частныхъ единицъ. При современномъ состояніи нашей официальной статистики, послѣднее совершенно немислимо. Сдѣлавъ эту оговорку, мы можемъ прямо обратиться и къ самымъ изслѣдованіямъ. Начнемъ съ условій естественныхъ,—условія почвы, географическаго положенія, климата и т. п.

Читатель, конечно, знаетъ, что эти услоія, сравнительно съ громаднымъ пространствомъ Россіи, не слишкомъ разнообразны; но, говоря вообще и безотносительно, она представляетъ собою множество контрастовъ, настолько рѣзкихъ, что постоянные жители одной полосы не всегда могутъ акклиматизироваться въ другой. Правда, контрасты эти соединяются между собою послѣдовательнымъ рядомъ едва замѣтныхъ переходныхъ ступеней, тѣмъ не менѣе они сообщаютъ различнымъ мѣстностямъ Россіи довольно своеобразный характеръ, которымъ, повидимому, нельзя игнорировать при изслѣдованіи вопроса о движеніи нашего народонаселенія. Въ самомъ дѣлѣ, если почва, климатъ и т. п. оказываютъ какою-нибудь замѣтное вліяніе на рождаемость, смертность и плодови-

тость, то, разумѣется, сила и степень этого вліянія всего рельефнѣ должны обнаружиться при сравненіи мѣстностей съ наиболѣе разнохарактерными почвенными и климатическими условіями. Россія заключаетъ въ себѣ не мало такихъ мѣстностей, и въ этомъ отношеніи она представляетъ въ высокой степени поучительный матеріалъ, который, при раціональной разработкѣ, можетъ оказать важную услугу для разрѣшенія вопроса объ относительной силѣ вліянія *общественнаго* и *географическаго* факторовъ на развитіе народной жизни. Къ несчастію, матеріалъ этотъ весьма плохо изслѣдованъ нашею статистикою; количество фактовъ, которыми она располагаетъ, крайне скудно и въ добавокъ самая группировка и сопоставленіе ихъ представляютъ почти непреодолимые трудности. Извѣстно, что у насъ всѣ статистическія данныя группируются сообразно съ официальнымъ дѣленіемъ Россіи по уѣздамъ и губерніямъ. Цифры-же, обнаруживаемыя Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, почти всегда располагаются по губерніямъ, безъ означенія уѣздовъ. Между тѣмъ, ни уѣздная, ни губернская единица не совпадаетъ съ естественнымъ дѣленіемъ Россіи по качеству ея климата и почвы. Нѣкоторыя губернія представляютъ, правда, громадныя сплошныя пространства, замѣчательно однообразныя по своимъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ. Иногда это однообразіе распространяется на нѣсколько сосѣднихъ губерній и, такимъ образомъ, изъ нихъ составляется какъ-бы одна область, съ довольно рѣзко очерченнымъ географическимъ характеромъ. Иногда-же, напротивъ, въ составъ одной и той-же губерніи входятъ мѣстности, весьма мало сходныя по своимъ физическимъ условіямъ. Такимъ образомъ, вліяніе физическаго фактора на движеніе народонаселенія, при сравненіи отдѣльныхъ губерній, не можетъ обнаружиться съ достаточною ясностью. Потому мы должны будемъ составить изъ отдѣльныхъ губерній нѣсколько группъ, сообразуясь съ географическимъ положеніемъ занимаемыхъ ими мѣстностей, и производить сравненія уже между этими группами. При этомъ окажется, что нѣкоторыя губерніи по своему климату или по своей почвѣ, или по своему этнографическому положенію могутъ быть съ одинаковымъ правомъ отнесены къ нѣсколькимъ группамъ, что, напр., одинъ изъ ихъ уѣздовъ лежитъ въ степной полосѣ, другіе въ черноземной и т. п. Такія, такъ сказать, промежуточныя губер-

ніи мы, во избѣжаніе всякихъ сомнѣній и недоразумѣній, совсѣмъ устранимъ изъ нашихъ сравненій. При теперешнемъ состояніи нашей статистики, эти губерніи всего менѣе могутъ содѣйствовать разрѣшенію занимающаго насъ вопроса. Конечно, при болѣе тщательной и рациональной разработкѣ губернскаго статистическаго матеріала, анализъ смертности и рождаемости въ уѣздахъ, различныхъ по своимъ физическимъ условіямъ, могъ-бы привести къ интереснымъ и поучительнымъ выводамъ, но теперь мы поступимъ благоразумнѣе, если совсѣмъ оставимъ въ сторонѣ подобныя изслѣдованія, какъ слишкомъ спеціальныя и слишкомъ мало достовѣрныя.

И такъ, раздѣлимъ прежде всего европейскую Россію (за исключеніемъ Закавказья, Финляндіи и польскихъ губерній) на *естественныя области*, съ болѣе или менѣе ясно выраженными геофическими типами.

Г. Семеновъ въ своемъ трудѣ о „Населенности европейской Россіи въ зависимости отъ причинъ, обусловливающихъ распредѣленіе населенія имперіи“ (Статист. Врем. II, вып. 1, 1871 г.) раздѣляетъ Европейскую Россію на 14 естественныхъ областей, причѣмъ имъ устанавливаются и такіе признаки различій, которые не могутъ быть отнесены къ разряду чисто физическихъ признаковъ, въ родѣ, напримѣръ, густоты населенія, системы хозяйства и т. п. Устранивъ эти различія, которыя въ настоящее время не должны насъ занимать, и соединивъ въ одно тѣ мѣстности, которыя у г. Семенова не охарактеризованы достаточно своеобразными естественными особенностями, мы можемъ распредѣлить большую часть губерній Европейской Россіи на 8 областей, весьма различныхъ по своимъ почвеннымъ условіямъ, но не вполне различныхъ по своимъ условіямъ климатическимъ. Для оцѣнки вліянія климата на движеніе народонаселенія мы сопоставили губерніи крайняго сѣвера съ губерніями крайняго юга, губерніи крайняго запада съ губерніями восточными и центральными.

Восемь областей, по которымъ мы группирруемъ губерніи Европейской Россіи, представляютъ въ общихъ чертахъ слѣдующія физическія особенности: 1) область *восточнаго польска* (губ. вятская, пермская, уфимская, оренбургская, части губерній вологодской и костромской); почва нечерноземная, малоплодородная; лѣса составляютъ болѣе 70%; множество луговъ, довольно обильное

орошеніе водой; поверхность большею частью гористая и холмистая; 2) область *финскаго полься* (губ. петербургская, новгородская, эстляндская, олонеккая, часть псковской); почва нечерноземная, покрытая огромными пространствами болотъ; лѣса составляютъ около 50%; поверхность земли мало возвышается надъ уровнемъ моря. Къ этой области по физическимъ условіямъ своей мѣстности примыкаетъ а) такъ называемое Пинское Полѣсье, заключающее въ себѣ минскую губ., б) Сѣверское Вѣлорусское Полѣсье, заключающее въ себѣ большую часть псковской, витебской, смоленской, черниговской и губ. могилевскую. 3) *Западная окраина* (ковенская, виленская, гродненская, курляндская и лифляндская губ.); почва, хотя и не черноземная, но богатая перегноемъ и подходящая къ чернозему, довольно плодородна; лѣсовъ отъ 20% до 38%; орошеніе водою обильное. 4) *Черноземная нестепная область* (губ. волынская, полтавская, курская, тамбовская, подольская, кievская, сибирская, пензенская и большая часть бессарабской области, воронежской, черниговской, орловской и харьковской губ.); характеристическія особенности этой полосы, какъ и двухъ слѣдующихъ, мы полагаемъ на столько извѣстными читателямъ, что было-бы излишнимъ распространяться здѣсь объ этомъ. 5) *Степная черноземная область* (губ. херсонская, екатеринославская, самарская, земля донскаго войска, кромѣ калмыцкаго округа, и часть губ. саратовской). 6) *Степная нечерноземная* (губ. астраханская, ставропольская, часть таврической). 7) *Область центральныхъ губерній средней полосы Россіи* (губ. московская, тверская, рязанская, калужская, тульская, нижегородская, владимірская и ярославская); почва не черноземная, мало плодородная, лѣсныхъ пространствъ около 32%; изобилуетъ водными сообщеніями; поверхность земли—сплошная возвышенность. 8) *Область крайняго сѣвера* (губ. архангельская и часть вологодской); почва, почти совершенно неспособная къ земледѣлію; до предѣловъ мѣстной растительности—сплошные лѣса, далѣе—обширныя тундры, пригодныя только для оленеводства; орошеніе обильное.

Вотъ тѣ восемь естественныхъ полосъ или областей, на которыя можно раздѣлить Россію съ точки зрѣнія физическихъ условій ея почвы. Распредѣливъ по нимъ губерніи европейской Рос-

сіи и подвѣдъ средній итогъ годовой смертности и рождаемости, мы получимъ слѣдующую таблицу:

	На 100 жит. среднимъ чи- словъ приходится:	
	Родившихся.	Умершихъ.
Въ губерніяхъ 1-ой группы *).	5,06	3,97
„ „ 2-ой „	4,69	3,39
„ „ 3-ей „	4,26	2,44
„ „ 4-ой „	5,14	3,49
„ „ 5-ой „	5,17	3,55
„ „ 6-ой „	5,22	2,50
„ „ 7-ой „	5,08	3,97
„ „ 8-ой „	3,86	3,04
Среднее число для всѣхъ губерній евро- пейской Россіи.	4,96	3,54

Изъ этой таблицы мы видимъ, что средній коэффициентъ рожденій, подъ вліяніемъ мѣстныхъ физическихъ условій, уклоняется вверхъ на 0,26, внизъ — немножко больше, чѣмъ на 1,10; коэффициентъ смертности уклоняется вверхъ на 0,43, внизъ — на 1,4. Вообще-же разность между средними итогами рожденій и смертей въ нашихъ 8-ми группахъ не превышаетъ для смертей 1,47, для рожденій — 1,36. Эта разность, и сама по себѣ взятая, не можетъ быть названа значительною, но ея значеніе умалится еще болѣе, если мы обратимъ вниманіе на колебаніе смертей и рожденій въ предѣлахъ каждой группы или въ одной и той-же губерніи въ различные періоды времени. Въ первой, напримѣръ, группѣ, состоящей изъ 6 губерній, разность между коэффициентами смертности доходитъ до 1,53, между коэффициентами рожденій — до 1,05; во второй разность коэффициентовъ смертей равняется

*) Въ первую группу вошли слѣдующія губерніи: вятская, пермская, уфимская, оренбургская, вологодская, костромская; во вторую — петербургская, олонеккая, новгородская, псковская, витебская, смоленская, минская, эстляндская; въ третью — ковенская, гродненская, виленская, лифляндская, курляндская; въ четвертую — волынская, полтавская, курская, тамбовская, подольская, кievская, симбирская, пензенская, воронежская, орловская, харьковская, черниговская, Бессарабія; въ пятую — херсонская, самарская, саратовская, екатеринославская; въ шестую — астраханская, таврическая; въ седьмую — московская, владимирская, нижегородская, тверская, рязанская, калужская, тульская, ярославская; въ восьмую — архангельская.

2,23, а для коэффициентовъ рожденій — 1,83; въ третьей средній итогъ обѣихъ разностей равняется 1,18; въ четвертой — 1,65; въ пятой — 1,17, и т. д. Слѣдовательно, между губерніями одной и той-же группы оказывается болѣе различія въ движеніи народонаселенія, чѣмъ между такъ-называемыми естественными областями, — другими словами, въ мѣстностяхъ, болѣе сходныхъ между собою по своему географическому положенію, замѣчаются болѣе сильныя колебанія въ коэффициентахъ рожденій и смертей, чѣмъ въ мѣстностяхъ менѣе сходныхъ. Колебаніе рождаемости и смертности въ одной и той-же мѣстности, но за различные періоды времени, дастъ точно также разности несравненно значительнѣйшія, чѣмъ тѣ, которыя получились изъ вышеприведенной таблицы. Возьмемъ для примѣра самый короткій періодъ, пятилѣтній (съ 1860 по 1865 г.), и посмотримъ, какъ въ это время измѣнялась рождаемость и смертность нашихъ губерній. Предѣлъ измѣненій будетъ выражаться разностью между наибольшимъ и наименьшимъ коэффициентами. Изъ нашей таблицы, какъ мы видимъ, выходитъ, что наибольшая разность въ колебаніи коэффициентовъ смертности по областямъ равняется 1,47; между тѣмъ въ астраханской губерніи, въ пятилѣтній промежутокъ времени, она равнялась 1,31; въ витебской — 2,35, въ вятской — 1,69; въ нижегородской — 1,36, въ пермской — 1,84; въ симбирской, самарской — 1,9; въ тульской 1,39; въ ярославской — 1,12 и т. п. Коэффициентъ рожденій, правда, не представляетъ такихъ замѣтныхъ колебаній, однако, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ, напр., въ витебской, симбирской и бессарабской области, разность между его крайнимъ пониженіемъ и повышеніемъ простирается отъ 1 до 1,22.

Вліяніе климатическихъ условій обнаруживается, повидимому, съ большей ясностью, въ чемъ легко можно убѣдиться изъ слѣдующаго сопоставленія: въ крайнихъ сѣверныхъ губерніяхъ (архангельской, вологодской, олонцкой) на 100 жителей рождается, среднимъ числомъ, 4,13, умираетъ — 3,5 чел.; въ крайнихъ южныхъ губерніяхъ (астраханской, таврической, екатеринославской, подольской и Бессарабіи) на то-же число жителей родится 4,7, умираетъ — 3,06. Въ губерніяхъ западной окраины родится 4,2, умираетъ — 2,4; въ губерніяхъ восточной окраины (пермской, уфимской, оренбургской и вятской) родится 5,2, умираетъ — 4,3.

Въ губерніяхъ центральной полосы родится 5,03, умираетъ — 3,9. Изъ этого сопоставленія не трудно видѣть, что между югомъ и сѣверомъ Россіи не существуетъ слишкомъ замѣтной разницы въ среднихъ, относительныхъ количествахъ ежегодно умирающихъ и рождающихся, но за то она весьма значительна между востокомъ и западомъ. Такъ, одинъ человѣкъ родится:

На сѣверѣ на 24 жит.	(	Разность равн. 3.
„ югѣ „ 21 „	(	
„ западѣ „ 24 „	(	
„ востокѣ „ 19 „	(	„ „ 5.

Одинъ человѣкъ умираетъ:

На сѣверѣ на 28 жит.	(	Разность равн. 5.
„ югѣ „ 33 „	(	
„ западѣ „ 41 „	(	
„ востокѣ „ 23 „	(	„ „ 18.

Замѣчательно, что наибольшее вліяніе оказываютъ климатическія условія на колебаніе коэффициента смертности; вліяніе это обнаруживается не только на среднемъ годовомъ итогѣ умирающихъ, но и на ихъ возрастномъ распредѣленіи. Въ западной окраинѣ до 1 года изъ 1,000 человѣкъ умираетъ около 264, а отъ 1 года до 15 лѣтъ — около 290, итого всѣхъ умершихъ въ дѣтскомъ возрастѣ на 1,000 умирающихъ вообще приходится 554, т. е. болѣе половины; въ восточной окраинѣ до 1 года умираетъ 433, отъ 1 до 15 л.—212, итого 645, почти $\frac{2}{3}$. Въ архангельской и олонцкой губерніяхъ до 1 года умираетъ 355, отъ 1 до 15 л.—201, итого 556; въ губерніяхъ астраханской, таврической, херсонской, екатеринославской и бессарабской области до 1 года умираетъ около 212, отъ 1 до 15 л.—374, итого въ дѣтскомъ возрастѣ 586. Здѣсь опять мы замѣчаемъ несравненно большую разницу между западомъ и востокомъ, чѣмъ между югомъ и сѣверомъ; — нельзя также не обратить вниманія и на то, что въ западной окраинѣ и на югѣ наибольшій процентъ дѣтской смертности падаетъ на возрастъ отъ 1 до 15 л.; между тѣмъ на востокѣ и на сѣверѣ умираетъ болѣе дѣтей, недостигшихъ одного года. Последнее обстоятельство ни въ какомъ, однако, случаѣ нельзя отнести насчетъ какихъ-нибудь климатическихъ вліяній. Такъ, преобладаніе дѣтской смертности въ возра-

ствѣ отъ 0 до 1 года надъ смертностью отъ 1 до 15 л. замѣчается и въ губерніяхъ средней полосы, и въ поволжскихъ губерніяхъ (напр., въ симбирской, самарской, пензенской и т. д.) и даже въ нѣкоторыхъ южныхъ, напр. въ астраханской. Въ западныхъ и сѣверозападныхъ губерніяхъ вообще, какъ мы сказали, больше дѣтей умираетъ съ 1 до 15 лѣтъ, чѣмъ отъ 0 до 1 г., но въ губерніяхъ эстляндской и лифляндской, наоборотъ, до году умираетъ больше, чѣмъ отъ 1 до 15 л.; въ восточной окраинѣ отношеніе умирающихъ до одного года къ умирающимъ отъ 1 до 15 л. равняется $\frac{433}{212}$, а въ уфимской губерніи, принадлежащей къ той-же окраинѣ, она равна $\frac{298}{348}$. Впрочемъ, позволительно усомниться, принимаютъ-ли климатическія условія дѣйствительно какое-нибудь прямое участіе въ слабой смертности западныхъ и сильной смертности восточныхъ губерній. Дѣло въ томъ, что въ западной части Россіи рядомъ съ мѣстностями, гдѣ коэффициентъ смертности не превышаетъ $\frac{1}{41}$ (т. е. 1 смертн. случай на 41 жит.), встрѣчаются и другія мѣстности, въ которыхъ одинъ смертный случай приходится на 28 и менѣе жителей. Такъ, напр., въ губерніяхъ смоленской и могилевской, примыкающихъ къ минской и витебской, коэффициентъ смертности равняется $\frac{1}{28}$, въ черниговской $\frac{1}{24,6}$, въ волынской $\frac{1}{30}$ и т. п.; точно также сопоставленіе двухъ крайнихъ пунктовъ на сѣверо-западѣ и сѣверо-востокѣ, юго-западѣ и юго-востокѣ говорятъ очень мало въ пользу вліянія на смертность населенія. Въ сѣверо-восточныхъ частяхъ архангельской и вологодской губерній одинъ смертный случай приходится на 29 человѣкъ, а въ Финляндіи на 26, въ тавастгусской-же губерніи на 22 человѣка. Въ келецкой, варшавской и радомской губерніяхъ коэффициентъ смертности равняется $\frac{1}{30}$; въ юго-восточномъ углу, заключающемъ въ себѣ часть астраханской, оренбургской, самарской и саратовской губерній, одинъ смертный случай приходится почти на 29 человѣкъ.

Вообще, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что въ западной полосѣ Россіи смертность менѣе значительна, чѣмъ въ восточной *),

*) По вычисленіямъ издателей „Военно-статистич. Сборника“, коэффициентъ смертности въ западной и восточной полосахъ Россіи можетъ быть опредѣленъ

однако, и на востокѣ встрѣчаются губерніи (напр., самарская, саратовская), въ которыхъ коэффициентъ смертности почти одинаковъ съ коэффициентомъ смертности нѣкоторыхъ мѣстностей на западѣ (напр., губерній смоленской, могилевской, нѣкоторыхъ губерній бывшаго Царства Польскаго и Финляндіи); въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ, въ Финляндіи и въ районѣ такъ-называемыхъ западныхъ губерній мы встрѣчаемъ мѣстности, въ высокой степени сходныя по своимъ климатическимъ условіямъ и въ то-же время съ весьма различными коэффициентами смертности. Такъ, напр., въ трехъ упомянутыхъ выше губерніяхъ Царства Польскаго коэффициентъ смертности равняется $\frac{1}{30}$, а въ сосѣднихъ съ ними, калишской и сѣдлецкой, онъ не превышаетъ $\frac{1}{44}$. Въ тавастгусской губерніи (въ Финляндіи) онъ равняется $\frac{1}{22}$, въ вазаской $\frac{1}{25}$, а въ губерніяхъ с.-мигельской и Выборгской онъ спускается почти до $\frac{1}{39}$.

Выше мы видѣли, что коэффициентъ рожденій выше въ южныхъ и восточныхъ губерніяхъ Россіи сравнительно съ западными и сѣверными губерніями. Въ первыхъ онъ колеблется между $\frac{1}{21}$ и $\frac{1}{19}$, во вторыхъ равняется $\frac{1}{24}$. Отсюда можно было думать, что на югѣ и на востокѣ плодовитость женщины значительнѣе, чѣмъ на западѣ и сѣверѣ. Но вотъ что говорятъ цифры:

На одинъ бракъ приходится рожденных:

На сѣверѣ	5,0	На югѣ	4,6
„ западѣ	5,3	„ востокѣ	4,7

Такимъ образомъ усиленная рождаемость на югѣ и востокѣ (взяты, какъ прежде, 6 восточныхъ губерній и 6 южныхъ) свидѣтельствуютъ не о физическомъ здоровьѣ населенія, а только объ относительной легкости браковъ. И дѣйствительно, коэффици-

---

такимъ образомъ (вычисленія относятся къ пятилѣтію, съ 1859 по 1864 г.):

Въ сѣв.-восточн. губ.	4,06	на 100 жнт.	Въ сѣв.-западн. губ.	3,67	на 100 жнт.
„ юго-восточн.	3,74	„ „ „	„ западныхъ	2,83	„ „ „
			„ юго-западн.	3,06	„ „ „
Среднимъ числомъ	3,3		Среднимъ числомъ	3,18	

(«Военно-Стат. Сборн.», в. II, стр. 70).

есть браковъ въ этихъ губерніяхъ выше средней нормы, вычисленной для всей Россіи. Можемъ-ли-же мы эту разность въ плодovitости браковъ приписать вліянію климатическихъ условій? На этотъ вопросъ лучше всего отвѣтять слѣдующія цифры:

На одинъ бракъ приходилось дѣтей:

	1859—64 г.	1867 г.
Въ курляндской губ.	3,8	4,7
„ лифляндской „	3,9	5,3
„ эстляндской „	3,9	5,2
„ ковенской „	4,0	5,6
„ гродненской „	3,7	5,7
„ виленской „	3,8	5,5
Средній итогъ	3,7	5,3

Такимъ образомъ, коэффициентъ плодovitости въ западныхъ губерніяхъ съ 1859—67 года колебался съ 3,7 до 5,3; въ первой половинѣ 60-хъ годовъ онъ былъ гораздо ниже, чѣмъ въ южныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ за тѣ-же года (см. Воен. Стат. Сб., В. IV, стр. 79), а между тѣмъ климатическія и вообще физическія условія мѣстности были тѣ-же и во второй половинѣ 60-хъ годовъ. По послѣднимъ даннымъ за 1868—70 г., коэффициентъ плодovitости въ тѣхъ-же губерніяхъ равнялся 4,5 (Рус. Кал., Суворина, стр. 422, 423). Точно также и въ восточныхъ губерніяхъ: въ пятилѣтіе съ 1859—64 г. коэффициентъ плодovitости равнялся 5,3, а съ 1868—70 г.—4,8. Въ 7 южныхъ губерніяхъ (астраханской, таврической, херсонской, З. В. Донского, Бессарабіи, подольской и екатеринославской) въ 1867 г. коэффициентъ плодovitости былъ на 0,4 ниже, чѣмъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, а въ 1866—70 г. онъ превъшалъ его на 1,1 *). Въ олонецкой губерніи на 1 бракъ приходилось: съ 1859—64 гг.—6,0; въ 1867 г.—5,1; въ 1868—70 гг.—3,0 рожд. Въ вологодской въ 1859—64 гг.—5,6; въ 1867 г.—5,2; въ 1868—70 гг.—4,6 и т. п. *

*) Въ 1867 г. на 1 бракъ приходилось:

Въ архангельской, вологодской и олонецкой губ.	5,0 рожд.
Въ 7 южныхъ губерніяхъ	4,8 „

Въ 1868—1870 гг. на 1 бракъ приходилось:

Въ 3 сѣверныхъ губерніяхъ	3,9 „
Въ 7 южныхъ	5,0 „

Всѣ эти сопоставленія, число которыхъ мы могли-бы увеличить по желанію, ясно показываютъ, что физическія условія не играютъ почти никакой роли въ движеніи коэффициента плодovitости. При сравненіи однѣхъ и тѣхъ-же мѣстностей, въ различные года получаютъ, какъ мы видимъ, совершенно различные результаты: губерніи, занимавшія въ первой половинѣ 60-хъ годовъ видное мѣсто въ группѣ наиболѣе плодovitыхъ губерній, къ концу 60-хъ годовъ попадаютъ въ группу наименѣе плодovitыхъ, и наоборотъ. Очевидно, что въ предѣлахъ одной и той-же губерніи, одной и той-же мѣстности, помимо постоянныхъ, физическихъ условій, дѣйствуютъ другія, болѣе измѣнчивыя, и они-то именно и вліяютъ на колебаніе коэффициента плодovitости, то поднимая его выше, то опуская ниже средней нормы. Дастъ-ли намъ возможность наша статистика опредѣлить эти условія—объ этомъ рѣчь впереди. Въ настоящее время мы постараемся только опредѣлить, въ какихъ именно губерніяхъ плодovitость браковъ за истекшее десятилѣтіе прогрессировала, въ какихъ—регрессировала. Съ этою цѣлью сравнимъ данныя Воен. Стат. Сборн., относящіяся къ 5-лѣтію 1859—63 гг., съ данными за 1868—70 гг., разработанными по матеріаламъ Центр. Статистич. Комитета г. Корачунскимъ для Русскаго календаря. Изъ 49 губерній европейской Россіи въ одной губерніи (самарской) коэффициентъ плодovitости остался безъ всякой перемѣны (въ первую и во вторую половину 60-хъ годовъ онъ равнялся 5,0); въ 16 губерніяхъ уменьшился, въ 32-хъ увеличился; вообще для всей Россіи возросъ съ 4,6 до 4,8, т. е. на 0,2. Махімумъ увеличенія плодovitости замѣчается въ слѣдующихъ губерніяхъ: въ виленьской (на 1,1), владимірской (на 1,0), гродненской (на 1,1), курской (на 1,3), лифляндской (на 0,6), минской (на 0,9), полтавской (на 0,7), саратовской (1,8), таврической (на 2,5), херсонской (на 1,2), черниговской (0,6). Махімумъ уменьшенія плодovitости представляютъ слѣдующія губерніи: вологодская (на 1,0), вятская (на 0,7), нижегородская (0,6), олонецкая (на 3), тамбовская (на 0,6).

Ниже мы будемъ имѣть случай снова возвратиться къ этимъ цифрамъ. Теперь достаточно будетъ только замѣтить, что какъ въ первой, такъ и во второй группѣ, какъ въ группѣ мѣстностей съ прогрессирующею, такъ и въ группѣ мѣстностей съ регрессирующею плодovitостью, встрѣчаются губерніи, принадлежащія къ

различнымъ естественнымъ областямъ. Слѣдовательно, и тутъ физическія условія не играютъ никакой существенной роли. Насколько вообще незначительно ихъ вліяніе на убыль или прибыль населенія, на такъ называемый коэффициентъ размноженія, это всего лучше можно видѣть изъ слѣдующаго сопоставленія: тахішим прироста замѣчается въ слѣдующихъ губерніяхъ (за четырехлѣтіе, кончающееся 1867 г.): минской (13,5 ‰), херсонской (12,6), таврической (8,5), уфимской (8,4), виленской (8,4), витебской (8,4), гродненской (7,7), ковенской (7,5), московской (7,3), З. В. Донского (6,3), кіевской (6,5), воронежской (4,7) и т. д. За то-же время въ слѣдующихъ губерніяхъ коэффициентъ размноженія показывается *убыль населенія*: въ архангельской, могилевской и петербургской, а съ 1868—70 г. замѣчена убыль населенія въ губерніяхъ олонецкой и встляндской.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что относительно прироста населенія минская губернія стоитъ рядомъ съ херсонской, таврическая съ уфимской; западныя губерніи рядомъ съ московской и т. п. Вообще среднее приращеніе населенія всей Россіи, какъ мы говорили въ предъидущихъ главахъ, опредѣляется за 6 лѣтъ, съ 1864—70 годъ, въ 1 ‰. Приращеніе выше этой средней нормы наблюдается въ 22 губерніяхъ, въ остальныхъ 28 губерніяхъ— оно ниже. Наибольше слабый приростъ населенія (около 0,8 ‰ и менше) замѣчается въ губерніяхъ: бессарабской области, владимірской, вологодской, калужской, востромской, курской, новгородской, оренбургской, пензенской, пермской, псковской, рязанской, саратовской, симбирской, смоленской, тверской и тульской. И въ этой группѣ, какъ и въ предъидущей, мы встрѣчаемъ бокъ-о-бокъ губерніи сѣверныя съ южными и центральными, западныя съ восточными. Очевидно, слѣдовательно, что и коэффициентъ размноженія, подобно коэффициентамъ плодовитости, смертности и рождаемости, зависитъ не столько отъ вліянія географическихъ и климатическихъ условій, сколько отъ вліянія условій социальныхъ.

Вапеусъ въ своемъ классическомъ изслѣдованіи о европейскомъ народонаселеніи, сопоставляя статистическія данныя о смертности, рождаемости и плодовитости различныхъ европейскихъ и внѣ-европейскихъ государствъ, пришелъ къ такому-же результату (Bevölkerungstatistik, erster Theil, pp. 177, 178, 192): вліяніе кли-

матических и географических условий, по его мнѣнію (авторитетъ котораго, конечно, не подлежитъ сомнѣнію), совершенно ступшевывается и затирается другими, болѣе могущественными вліяніями,—вліяніями факторовъ общественныхъ. Исслѣдованія Легуа о движеніи французскаго народонаселенія даютъ обильный матеріалъ для подтвержденія этой мысли. Кетле, еще 40 лѣтъ тому назадъ, говоря о различной плодовитости въ различныхъ мѣстностяхъ, выражается такимъ образомъ: „коэффициентъ плодовитости народонаселенія даже наиболѣе сходныхъ между собою странъ представляетъ въ своихъ колебаніяхъ самыя поразительныя разнообразія, потому что, не говоря уже объ общихъ социальныхъ, вліянія болѣе непосредственныя, частныя, всегда дѣйствуютъ сильнѣе вліянія климата“. Правда, вслѣдъ за этимъ онъ цитировалъ безъ всякой критической опѣнки мнѣнія Шатенѣфа утверждавшаго, будто климатическія условія играютъ весьма важную роль въ движеніи коэффициента плодовитости и кладутъ весьма замѣтную грань между средними нормами этого коэффициента на югѣ и на сѣверѣ Европы. Авторъ „Интенсивности европейской плодовитости“ (*Sur l'Intensité de la fécondité en Europe*) доказывалъ, и на эти доказательства иногда и до сихъ поръ ссылаются, что южный, теплый климатъ болѣе способствуетъ плодовитости, чѣмъ сѣверный, холодный. Вапеусъ, въ цитированномъ выше сочиненіи, превосходно обнаружилъ всю неосновательность и абстрактность этихъ фантастическихъ сужденій о значеніи климата. Наша статистика, какъ мы видимъ, вполне подтверждаетъ въ этомъ случаѣ воззрѣнія Вапеуса и представляетъ разительныя доказательства лживости воззрѣній Шатенѣфа *).

Чтобы покончить съ анализомъ вліянія чисто-физическаго фактора, намъ остается еще рассмотреть вліяніе движенія земли на

*) Помимо всѣхъ тѣхъ данныхъ, которыя были приведены въ текстъ, пусть читатель обратитъ вниманіе на слѣдующес сопоставленіе:

На 1 бракъ приходилось дѣтей (1868—70 г.):

Въ архангельской губ.	4,2	Въ Бессарабіи	4,1
» вологодской »	4,6	» З. в. донского	4,5
» новгородской »)	4,9	» екатеринослав.)	4,5
» петербургской »)		» подольской)	
» вятской »)	5,0	» астраханской)	5,2
» пермской »)		» херсонской)	

движеніе народонаселенія и вліяніе племенныхъ отличій. Данныя нашей статистики не даютъ никакихъ матеріаловъ для опредѣленія вліянія суточного движенія земли—дня и ночи—на смертность и рождаемость; потому насчетъ этого вопроса мы ничего не можемъ сказать. Относительно вліянія временъ года наши свѣденія тоже весьма скудны; только въ прошломъ году Цен. Стат. Комитетъ обнаружилъ по этому поводу кое-какія данныя (Стат. Врем. II, вып. VIII, 1872 г.); но и эти данныя составлены лишь по наблюденіямъ одного года. Превосходныя изслѣдованія г. Губнера („Статистическія изслѣдованія санитарнаго состоянія Петербурга“) хотя и касаются только одной мѣстности имперіи, и притомъ мѣстности, находящейся въ болѣе или менѣе исключительныхъ условіяхъ, могутъ все-таки послужить какъ-бы дополненіемъ къ скуднымъ сообщеніямъ нашего Цен. Статист. Комитета. Мы и воспользуемся обоими этими источниками при нашемъ анализѣ. Но прежде чѣмъ мы обратимся къ нимъ, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ выгодахъ, къ которымъ приводитъ анализъ подобныхъ-же данныхъ въ государствахъ западной Европы.

Вліяніе временъ года на рождаемость въ первый разъ, если не ошибаемся, было тщательно опредѣлено и выяснено Виллерме *). Послѣдующія изысканія по этому вопросу (между прочимъ и изслѣдованія Кетле, который, какъ извѣстно, очень многимъ позаимствовался у своего даровитаго друга, положившаго первыя основанія соціально-медицинской статистикѣ) только подтвердили его выводы. Основываясь на томъ, какъ ему казалось, несомнѣнномъ фактѣ, что максимумъ рожденій на нашемъ полушаріи падаетъ на зимніе мѣсяцы (съ января по мартъ)—minimum на лѣтніе (съ іюня по августъ), и что, наоборотъ, въ южномъ полушаріи (именно въ Чили) мѣсяцамъ европейскаго максимум'а соотвѣтствуютъ мѣсяцы minimum'а рожденій, а мѣсяцамъ minimum'а—мѣсяцы максимум'а, Виллерме заключаетъ, что время зачатій у людей совпадаетъ съ весною, съ тѣмъ временемъ, когда вся природа обновляется и половыя отправления животныхъ получаютъ наибольшую силу напряженія.

*) См. ero: De la distribution par mois des conceptions et des naissances de l'homme, considerée dans ses rapports avec les saisons, avec les climats, avec le retour periodique annuel des epoques de travail et de repos, etc, par L. R. Villermé.

Такииъ образомъ, говоритъ Виллерме, и въ цивилизованномъ состояніи люди находятся въ зависимости отъ періодическихъ вліяній солнцестояній нисколько не меньше, чѣмъ въ дикомъ состояніи, нисколько не меньше, чѣмъ всѣ прочія животныя и растенія. Однако, новѣйшія изслѣдованія Вапеуса значительно исправили и видоизмѣнили этотъ выводъ. Вапеусъ, сопоставляя данныя, относящіяся къ Чили и къ 5 европейскимъ государствамъ (Сардиніи, Бельгій, Голландіи, Саксоніи и Швеціи), пришелъ къ тому заключенію, что физическій факторъ, о которомъ говоритъ Виллерме, не имѣетъ того универсальнаго, такъ сказать, очевиднаго значенія, на которомъ послѣдній настаивалъ. По изслѣдованіямъ нѣмецкаго статистика, оказалось, что 1) втеченіи года имѣютъ мѣсто *два* максимум'а и два минимум'а рожденій; 2) періодъ наступленія обоихъ этихъ максимум'овъ и обоихъ минимум'овъ во всѣхъ государствахъ (т. е. во всѣхъ государствахъ, относительно которыхъ Вапеусъ имѣлъ точныя данныя) болѣе или менѣе совпадаютъ; 3) относительная-же и абсолютная норма наибольшаго повышенія и наибольшаго пониженія коэффициента рожденій въ различныхъ государствахъ различна. (Bevölk.-stat., В. erst. pp. 238, 239). Первый максимумъ падаетъ чаще всего на февраль мѣсяцъ (въ Сардиніи, Бельгій и Голландіи), иногда онъ наступаетъ нѣсколько ранѣе—въ январѣ (Саксонія), иногда нѣсколько позже—въ мартѣ мѣсяцѣ (Швеція). Второй максимумъ наступаетъ вездѣ въ сентябрѣ и только въ Сардиніи въ октябрѣ. Такииъ образомъ, первому максимум'у соотвѣтствуетъ періодъ *осеннихъ* зачатій, второму—*зимнихъ*. По относительной величинѣ того и другого максимум'а мы можемъ судить объ относительномъ преобладаніи тѣхъ или другихъ зачатій. Если наибольшее число рожденій падаетъ на январь или февраль, то это значитъ, что люди въ своихъ воспроизводительныхъ отправленіяхъ наиболѣе сообразуются съ жизнью природы вообще, что актъ зачатія и у нихъ находится въ прямой зависимости отъ весенняго солнцестоянія. Наоборотъ, если наибольшая сумма роженій падаетъ на осеніе и лѣтніе мѣсяцы, то это будетъ значитъ, что брачныя отношенія и послѣдствія, вытекающія изъ этихъ отношеній, находятся въ болѣеиъ зависимости отъ культурныхъ вліяній (установившіеся обычаи, религіозныя воззрѣнія, цѣны на жизненныя продукты, война, миръ и т. д., и т. д.), чѣмъ отъ вліяній чисто-физиче-

скихъ. По даннымъ Вапеуса, слѣдуетъ, что на 12,000 рожденій на январь, февраль и мартъ (т. е. на мѣсяцы, которымъ соотвѣтствуетъ весеннее зачатіе—апрѣль, май, іюнь) приходится: въ Сардиніи 3,217 (болѣе $\frac{1}{4}$); въ Бельгіи 3,372; въ Голландіи 3,377; въ Саксоніи 3,076; въ Швеціи 3,115. На апрѣль и май (соотвѣтствующіе мѣсяцамъ лѣтнаго зачатія—іюлю и августу) приходится: въ Сардиніи 2,067, въ Бельгіи 2,080; въ Голландіи 1,937; въ Саксоніи 1,924; въ Швеціи 1,988. Число рожденій, падающихъ на іюнь, іюль и августъ во всѣхъ этихъ государствахъ ниже 1000 въ мѣсяць. Въ сентябрѣ-же и октябрѣ (мѣсяцы, соотвѣтствующіе зимнему зачатію) оно во всѣхъ государствахъ, за исключеніемъ Бельгіи, почти такъ-же велико (а въ Швеціи даже и больше), какъ и число рожденій, приходящихся на зимніе мѣсяцы. Въ ноябрѣ оно снова падаетъ ниже тысячи; въ декабрѣ оно *ниже* тысячи въ Сардиніи, Бельгіи и Швеціи, но *выше* въ Саксоніи и Голландіи. Относительно Франціи у насъ нѣтъ прямыхъ указаній, въ какіе именно мѣсяцы приходится наибольшее число зачатій, но если мы предположимъ, что это будутъ тѣ именно мѣсяцы, на которые падаетъ максимум браковъ, то окажется, что зимніе и отчасти осенніе мѣсяцы всего болѣе богаты зачатіями. Такъ, по вычисленіямъ Легуа (La France et L'Étranger, etc, t. I, p. 496), максимум браковъ падаетъ на февраль, затѣмъ, по убывающему числу браковъ, мѣсяцы располагаются въ такомъ порядкѣ: январь, ноябрь, іюнь, іюль, октябрь, май, апрѣль, сентябрь, августъ, декабрь и мартъ. Въ Сардиніи, Бельгіи и Нидерландахъ наибольшее число зачатій приходится, говоря относительно, на весенніе мѣсяцы (апрѣль, май, іюнь); затѣмъ идетъ іюль, а уже послѣ него декабрь и январь. Въ Швеціи по числу зачатій мѣсяцы располагаются такъ: декабрь, іюнь, май, январь, апрѣль, іюль, августъ, мартъ, февраль, сентябрь, октябрь и ноябрь. Въ Саксоніи: апрѣль, декабрь, январь, май, мартъ, февраль, іюнь, октябрь, сентябрь, ноябрь, августъ и іюль.

Заручившись этими сравнительными данными, обратимся къ цифрамъ русской статистики.

На 1000 рожденій въ Россіи приходится:

Въ январѣ. . .	102,75	Въ іюль. . .	97,58
„ февраль . .	74,35	„ августъ . .	93,11

„ мартъ . . .	71,91	„ сентябрь .	88,74
„ апрѣль . .	71,33	„ октябрь .	92,73
„ маѣ . . .	73,04	„ ноябрь .	87,95
„ іюнь . . .	82,11	„ декабрь .	60,37

Изъ этой таблицы оказывается, что и у насъ колебаніе коэффициента рожденій представляетъ, какъ и въ государствахъ западной Европы, два maximum'a. Первый и наибольшій падаетъ на январь, второй на лѣтніе и осенніе мѣсяцы: іюль, августъ, сентябрь, октябрь и ноябрь. Minimum'ы рожденій падаютъ: одинъ на весенніе мѣсяцы (на мартъ, апрѣль, май, іюнь), другой на зимніе (февраль и декабрь). Слѣдовательно, наибольшее число зачатій должно быть въ маѣ, ноябрѣ, декабрѣ, январѣ, февралѣ и мартѣ, т. е. весною и зимою *). Среднимъ числомъ изъ 1000 зачатій на май и мартъ приходится 190,70, зачатій, на ноябрь, декабрь, январь и февраль—372,16. Полагая по три мѣсяца на весну, лѣто, осень и зиму, мы получимъ слѣдующее распредѣленіе зачатій по временамъ года:

		Среднее ежемѣсячное число.
<i>Зимою</i> (декабрь, январь, февраль)	274,58 зачатій.	91,52
<i>Весною</i> (мартъ, апрѣль, май) . . .	251,07 „	83,69
<i>Лѣтомъ</i> (іюнь, іюль, августъ) . .	217,59 „	72,56
<i>Осенью</i> (сентябрь, октябрь, ноябрь)	252,73 „	84,24

Изъ этой таблицы читатель легко убѣдится, что у насъ весеннее солнцестояніе не имѣетъ существеннаго вліянія на зачатія, весною среднее ежемѣсячное число зачатій значительно меньше, чѣмъ зимою и даже осенью. Соціальныя вліянія нейтрализуютъ и, такъ сказать, извращаютъ общіе законы жизни природы, жизни животныхъ и растений; воспроизводительныя способности человѣка, подчиняясь даннымъ условіямъ общежитія, обнаруживаютъ наибольшую дѣятельность въ такое именно время года, когда у прочихъ животныхъ и растений она почти бездѣйствуетъ. Этотъ за-

*) На тѣ-же мѣсяцы приходится наибольшее число браковъ, что видно изъ слѣдующей таблицы:

Изъ 1000 браковъ совершается:

Въ ноябрѣ, декабрѣ, январѣ, февралѣ, мартѣ и маѣ 655,83

Въ іюнь, іюль, августѣ, сентябрѣ, октябрѣ и апрѣлѣ 344,17

1000,00

мѣчательный фактъ съ поразительною очевидностью доказываетъ намъ, насколько общественная жизнь способна эманципировать насъ отъ вліяній чисто-физическихъ факторовъ, насколько ничтожна роль послѣднихъ въ регулированіи нашихъ соціальныхъ отношеній. Чѣмъ-же, однако, можемъ мы объяснить преобладаніе зимнихъ и осеннихъ зачатій надъ лѣтними и весенними? Наша статистика представляетъ очень мало данныхъ для прямого отвѣта на этотъ вопросъ *); мы, по необходимости должны ограничиться одними предположеніями. Извѣстно, что громадное большинство нашего населенія живетъ земледѣльемъ; извѣстно также, что полевая работа, требующія сильного мускульнаго напряженія, до крайности утомительныя и убыточныя для организма, совпадаютъ съ весенними и лѣтними мѣсяцами; „пора любви“ застааетъ крестьянина въ полѣ, за тяжелымъ плугомъ, изнуреннаго зимней голодовкой. Всѣ силы организма, еще-неуспѣвшаго поправиться послѣ зимней діеты, уходятъ на мускульную работу; воспроизводительныя функціи, не получая достаточнаго матеріала для своей правильной дѣятельности, ослабѣваютъ и на время какъ-бы атрофируются. Тяжелый физическій трудъ, какъ и постоянное нервное напряженіе, всегда приводитъ къ этому результату. По изслѣдованіямъ одного статистика (довольно, впрочемъ, старымъ), берлинскія поденъницы, изнуряющія себя непосильною работою, почти совершенно безплодны. Осенью и въ началѣ зимы у крестьянъ еще есть хлѣбъ, полевая работа окончена; и съ ослабленіемъ напряженной рабочей силы начинаютъ восстанавливаться силы воспроизводительныя, которыя, какъ извѣстно, находятся въ антагонизмѣ съ первыми. Объясненіе наше находитъ себѣ нѣкоторое (правда, довольно косвенное) подтвержденіе въ слѣдующемъ фактѣ. Если мы раздѣлимъ все населеніе Россіи на двѣ группы: на жителей большихъ городовъ и на жителей селъ и маленькихъ городовъ, то окажется, что въ обѣихъ группахъ движеніе коэффиціента рожденій не одинаково, и, слѣдовательно, не одинаковы и среднія чи-

---

*) Въ Статистич. Времен. (вып. VIII) сообщены свѣденія о распредѣленіи рожденій по мѣсяцамъ, но безъ указанія сословій; вслѣдствіе этого совершенно невозможно опредѣлять, въ какіе мѣсяцы приходится наибольшее и наименьшее число рожденій у крестьянъ, дворянъ, купцовъ и мѣщанъ. Было-бы крайне желательно, если-бы въ послѣднихъ выпускахъ „Временника“ этотъ важный пробѣлъ былъ пополненъ.

сла ежемѣсячныхъ зачатій. Разность наглядно обнаруживается въ ниже приводимой таблицѣ:

На 1000 зачатій приходится ежемѣсячно:

	Въ большихъ городахъ.	Въ уѣздахъ и осталь- ныхъ городахъ.
Весною.	83,18	83,72
Лѣтомъ.	80,96	72,12
Осенью.	83,04	84,28
Зимой.	85,78	93,21

Слѣдовательно, въ большихъ городахъ разность между среднимъ ежемѣсячнымъ числомъ зачатій осенью и зимою равняется 2,52, а въ уѣздахъ и мелкихъ городахъ та-же разность будетъ равняется 10,82, т. е. превышаетъ первую болѣе чѣмъ въ 4 раза. Въ большихъ городахъ изъ 1000 зачатій на лѣтніе мѣсяцы приходится около 493, въ уѣздахъ только 467. Не имѣемъ-ли мы права заключить отсюда, что зимнія и осеннія зачатія преимущественно преобладаютъ въ средѣ сельскаго, крестьянскаго населенія. Въ Петербургѣ, по изслѣдованіямъ г. Губнера, наибольшій процентъ зачатій приходится на лѣтніе мѣсяцы (около 27%), затѣмъ слѣдуютъ осенніе мѣсяцы, потомъ зимніе и наконецъ весенніе *). Вообще-же, на весну и лѣто приходится 50% годовыхъ зачатій, т. е. ровно половина.

Другой фактъ, подтверждающій наше предположеніе, представляетъ намъ статистика движенія еврейскаго населенія. Евреи въ Россіи почти совсѣмъ не занимаются сельскимъ хозяйствомъ; по своей дѣятельности, по внѣшнимъ условіямъ своей жизни они рѣзко отдѣляются отъ господствующей массы населенія. Соображенія, которыя мы привели выше для объясненія перевѣса зимнихъ и осеннихъ зачатій надъ лѣтними и осенними, не могутъ

*) Процентъ мѣсячныхъ зачатій вычисленъ нами по проценту ежемѣсячныхъ рожденій. По даннымъ Губнера, рожденія распределяются въ Петербургѣ по-мѣсячно слѣдующимъ образомъ:

Изъ общаго числа годовыхъ рожденій приходится:

На январь. . . 7,33 %	май. . . . . 8,30 %	сентябрь. . . 7,38 %
» февраль. . . 8,36 %	июнь. . . . . 8,34 %	октябрь. . . . 8,30 %
» мартъ. . . . 9,33 %	июль. . . . . 8,33 %	ноябрь. . . . . 8,33 %
» апрѣль. . . . 8,39 %	августъ. . . . 8,33 %	декабрь. . . . 7,32 %

быть къ нимъ примѣнимы; ихъ занятія не требуютъ отъ нихъ никакого чрезмѣрнаго физическаго труда именно весною и лѣтомъ; ихъ, если можно такъ выразиться, *рабочая сила* круглый годъ находится въ болѣе или менѣе одинаковомъ напряженіи, а потому и ихъ *воспроизводительная сила* не находится ни въ какое данное время года подъ ея исключительнымъ гнетомъ; она можетъ, повидимому, съ болѣею правильностью подчиняться вліянію астрономическихъ факторовъ и достигать наивысшаго напряженія въ періодъ весенняго солнцестоянія и наибольшаго ослабленія въ періодъ зимнихъ мѣсяцевъ. Что же говорятъ цифры?

На 1,000 зачатій, среднимъ числомъ, у евреевъ приходится:

Весною . . .	263,29; въ каждый весенній мѣсяць = 83,76.
Лѣтомъ . . .	247,70; въ каждый лѣтній мѣсяць = 82,56.
Осенью . . .	245,20; въ каждый осенній мѣсяць = 81,73.
Зимю . . .	243,81; въ каждый зимній мѣсяць = 81,27.

Цифры эти настолько краснорѣчивы, что не нуждаются ни въ какихъ комментаріяхъ съ нашей стороны. Конечно, мы не имѣемъ права утверждать, что одному только *отсутствію* причины, объясняющей, по нашему мнѣнію, преобладаніе среди русскаго населенія зимнихъ и осеннихъ зачатій надъ лѣтними и весенними, можетъ быть приписана та зависимость отъ астрономическихъ вліяній воспроизводительныхъ функций еврейскаго племени, которая такъ рельефно обнаруживается изъ только-что приведенной таблицы. По всей вѣроятности, тутъ дѣйствуютъ и какія нибудь *положительныя*, присутствующія, а не только отсутствующія условія, но намъ нѣтъ надобности вдаваться въ разборъ ихъ. Во всякомъ случаѣ, отсутствіе извѣстнаго факта (преобладаніе зимнихъ зачатій надъ весенними), при отсутствіи условія, отъ котораго, какъ мы предположили, этотъ фактъ долженъ зависѣть, можетъ служить, если и не положительнымъ, то отрицательнымъ доказательствомъ въ пользу справедливости нашей гипотезы.

Интересно теперь сопоставить исчисленное нами помѣсячное распредѣленіе зачатій съ помѣсячнымъ распредѣленіемъ браковъ. Повидимому, максимумъ зачатій должны совпадать съ максимумъами браковъ; дѣйствительно, количество осеннихъ и зим-

нихъ браковъ относится къ числу лѣтнихъ и весеннихъ браковъ, почти какъ 3:1 ($\frac{760}{240}$). Однако, не всѣ тѣ мѣсяцы, на которые падаетъ наибольшее число зачатій, представляютъ и максимумъ браковъ. Лучше всего въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующаго сравненія. Возьмемъ, съ одной стороны, мѣсяцы съ наибольшимъ числомъ зачатій, съ другой,—съ наибольшимъ числомъ браковъ и расположимъ ихъ по убывающимъ степенямъ ихъ максимум'овъ. Мѣсяцы съ максимум'ами зачатій расположатся въ такомъ порядкѣ: май (102,7), ноябрь (97,5), декабрь (93,1), февраль (92,7), январь (88,7), мартъ (87,9). Мѣсяцы съ максимум'ами браковъ даютъ такой послѣдовательный рядъ: февраль (225,7), январь (193,9), октябрь (153,7), ноябрь (144,9), май (73,7). Ни мартъ, ни декабрь, какъ видитъ читатель, не фигурируютъ въ этомъ ряду; за то они фигурируютъ въ той группѣ мѣсяцевъ, на которые приходится минимумъ браковъ; въ этой группѣ они занимаютъ первое мѣсто: ни въ одномъ мѣсяцѣ не совершается такъ мало браковъ, какъ въ мартѣ и декабрѣ (9,9 и 7,3); конечно, это легко объясняется тѣмъ, что съ ними совпадаютъ два строже всего соблюдаемые поста, рождественскій и великій.

Однако, изъ приведенныхъ цифръ оказывается, что оба эти поста, вліяя на уменьшеніе браковъ, нисколько не вліяютъ на уменьшеніе зачатій. Въ мартѣ весеннее солнцестояніе, въ декабрѣ извѣстныя условія крестьянской жизни благоприятствуютъ возбужденію производительной силы человѣка. Возбужденіе приводитъ къ своимъ естественнымъ послѣдствіямъ, не смотря ни на какія формальныя преграды,—и въ августѣ и ноябрѣ коэффициентъ рожденій поднимается до своего максимум'а. Отсюда мы должны допустить, что посты не оказываютъ никакого замѣтнаго вліянія на помѣсячныя колебанія коэффициента рожденій, и что колебанія эти обуславливаются другими, болѣе глубокими причинами.

Обратимся теперь къ анализу вліяній времени года на смертность. Но замѣтимъ прежде всего, что въ данныхъ по этому предмету, собранныхъ и изданныхъ въ прошломъ году Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, допущенъ весьма существенный пробѣлъ: не указано вліяніе года на смертность по возра-

стамъ. Извѣстно, что чѣмъ слабѣе человѣческой организмъ, тѣмъ въ большей зависимости находится онъ отъ вліянія *погоды*. Дѣти и старики гораздо труднѣе приспособляются къ переменамъ времени года, чѣмъ люди возмужалые, — потому, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ первые преобладаютъ надъ вторыми, вліяніе холодныхъ и теплыхъ мѣсяцевъ сильнѣе отражается на общей смертности населенія, чѣмъ въ мѣстностяхъ съ преобладаніемъ возмужалыхъ. Собственно говоря, для опредѣленія вопроса о состояніи народнаго здоровья особенно важно изслѣдовать, насколько возмужалое населеніе той или другой мѣстности способно противустоять быстрымъ переменамъ температуры. Но, вслѣдствіе указанного выше пробѣла въ нашихъ статистическихъ данныхъ, подобныя изслѣдованія въ настоящее время совершенно невыполнимы. Точно также отсутствіе точныхъ свѣдѣній о возрастномъ составѣ населенія различныхъ губерній лишаетъ насъ возможности опредѣлить, насколько этотъ составъ обуславливаетъ вліяніе времени года на колебаніе коэффиціента смертности.

Западно-европейскіе статистики, имѣя дѣло съ данными болѣе точными и обстоятельными, чѣмъ тѣ скудные матеріалы, которые находятся въ распоряженіи нашихъ статистиковъ, опредѣлили нѣкоторыя общія правила или законы, регулирующіе, въ извѣстныхъ предѣлахъ, вліяніе времени года на смертность. Особенно важны въ этомъ отношеніи изслѣдованія Мозера надъ смертностью въ Кенгсбергѣ; хотя эти изслѣдованія относятся къ 20 и 30-мъ годамъ нынѣшняго столѣтія, но тѣ выводы, къ которымъ они привели нѣмецкаго статистика, и до сихъ поръ остаются въ полной силѣ. Мозеръ показалъ, между прочимъ, что максимумъ смертностей не совпадаетъ съ максимумомъ пониженія или повышенія температуры, а наступаетъ лишь *черезъ мѣсяцъ*; что повышеніе температуры, свыше средняго нормальнаго уровня, лѣтомъ повышаетъ, а зимою понижаетъ коэффиціентъ смертности; пониженіе-же температуры дѣйствуетъ на него обратнымъ образомъ. Еще гораздо раньше Мозера, сто лѣтъ тому назадъ, знаменитый статистикъ Петръ Варгентина, изучая движеніе смертности въ Швеціи, пришелъ къ заключенію, что ни высокая, ни низкая температуры, взятая сами по себѣ, не оказываютъ на смертность почти никакого вліянія; но за то быстрая переменна ихъ (какова-бы ни была ихъ высота) значительно ее усиливаетъ. Не жаръ и холодъ

вредить здоровью, а внезапный переходъ отъ одного къ другому. Положеніе это, по мнѣнію Вапеуса, вполне подтверждается и данными современной статистики. Наконецъ, наблюденія самого Вапеуса (Bevolk. stat., p. 253, 254) показываютъ, что въ европейскихъ государствахъ maximum смертности приходится обыкновенно на первую половину года, minimum—на вторую. Но изъ этого факта, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ Bevölkerungsstatistik, нельзя еще дѣлать никакихъ заключеній относительно вліянія повышенія и пониженія температуры на смертность. Правда, во всѣхъ тѣхъ государствахъ, о которыхъ онъ говоритъ, первая половина года холоднѣе второй. Однако, если-бы холодная температура и усиленная смертность находились между собою въ причинной связи, тогда мы въ правѣ были-бы ожидать, что maximum смертности всегда выпадалъ-бы на зимніе мѣсяцы, и притомъ на холоднѣйшій изъ нихъ,—на январь, а ея minimum—на лѣтніе мѣсяцы, и притомъ на теплѣйшіе. Оправдывается-ли такое предположеніе фактами? Данныя Вапеуса отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно. Мы приведемъ здѣсь эти данныя и потомъ сопоставимъ съ ними данныя нашей статистики.

Процентное распределение смертности по временамъ года.

НАЗВАНІЕ ГОСУ- ДАРСТВЪ.	Зима. (Дек.—февр.)	Весна. (Мартъ—май).	Лѣто. (Іюнь—авг.).	Осень. (Сент.—нояб.)
Сардинія . . .	27,4	24,7	23,6	24,3
Баварія . . .	27,7	28,7	21,3	22,3
Голландія . . .	27,6	25,5	23,4	23,5
Бельгія	28,7	28,1	22,0	21,2
Саксонія . . .	26,6	26,3	23,1	24,0
Гольштейнъ . .	27,3	28,5	21,8	22,4
Данія	26,5	28,8	23,5	21,2
Норвегія . . .	27,0	28,8	26,9	22,3
Швеція	26,1	28,8	20,2	24,9
Исландія . . .	20,2	19,4	33,3	27,1
Франція *) . .	26,8	25,7	23,1	24,1

Изъ этой таблицы оказывается, что въ большой части (за

*) Данныя относительно Франціи взяты нами у Леруа (De la mortalité en France; La France et L'Etranger, т. I, стр. 489).

исключеніемъ Баваріи) не сѣверныхъ государствъ наибольшимъ смертности выпадаеть на зимніе мѣсяцы, въ сѣверныхъ-же государствахъ, Норвегіи, Даніи и Швеціи, на весенніе, а въ Исландіи на лѣтніе. Мінимумъ-же смертности въ большей части государствъ приходится на лѣто; только въ Бельгіи и Даніи осенніе мѣсяцы отличаются наименьшею смертностью.

Въ Россіи, по даннымъ за 1867 г., коэффициентъ смертности представляя слѣдующія колебанія: изъ 1,000 человекъ умирало въ іюль 101,84; въ августѣ 99,93; въ январѣ 96,36; въ мартѣ 95,12; въ апрѣлѣ 86,19; въ февралѣ 82,99; въ маѣ 79,90; въ іюнѣ 74,50; въ ноябрѣ 72,26; въ декабрѣ 71,17; въ сентябрѣ 68,91.

По временамъ года (считая по три мѣсяца на зиму, весну, осень и лѣто) процентъ распредѣленія смертности представляется комъ видѣ:

Зимою . . .	25,0%
Весною . . .	26,2
Лѣтомъ . . .	27,6
Осенью . . .	21,2

Такимъ образомъ, въ Россіи наибольшій процентъ смертности падаеть на лѣтніе мѣсяцы. Въ этомъ отношеніи наше отечество рѣзко отличается отъ другихъ государствъ Европы и представляетъ большое сходство съ Исландіей. Однако, процентное распредѣленіе смертности въ различныхъ мѣстностяхъ ея представляетъ весьма значительныя уклоненія отъ этой средней нормы. Въ большинствѣ губерній смертность *дважды* поднимается до своего максимум'а, иногда оба максимум'а падаютъ на одно и то же время года, иногда на разныя. Вообще, относительно распредѣленія этихъ максимум'овъ, губерніи Россіи можно распредѣлить на 3 группы.

1 группа: максимумъ падаетъ на іюль и августъ: астраханская, Бессарабія, владимірская, вологодская, вятская, казанская, костромская, нижегородская, новгородская, оренбургская, пермская, тамбовская, уфимская, ярославская.

2 группа: максимумъ падаетъ на январь и августъ (или іюль): воронежская, екатеринославская, орловская, пензенская, рязанская, самарская, симбирская, тульская, эстляндская, херсонская.

З группа: тахімум падаеъ на январь и февраль (мартъ): архангельская, витебская, волынская, виленская, гродненская, кievская, ковeнская, курляндская, лифляндская, могилевская, московская, минская, олонецкая *), подольская, черниговская.

Въ большинствѣ губерній одинъ изъ тахімум'овъ смертности падаеъ на іюль или августъ, другой тахімум на январь, и только въ немногихъ мѣстностяхъ Россіи коэффициентъ смертности въ весенніе мѣсяцы (мартъ) поднимается до уровня январскаго тахімум'а. Что касается до мінімум'а, то онъ далеко не представляетъ такого разнообразія, какъ тахімум: почти во всѣхъ губерніяхъ онъ падаеъ на осенніе мѣсяцы, преимущественно на октябрь и ноябрь, а также на декабрь. Исключеніе изъ этого общаго правила составляютъ западныя губерніи (виленская, гродненская, ковeнская, витебская, минская, могилевская, курляндская, лифляндская и эстляндская) и 7 южныхъ и югозападныхъ губерній (волынская, кievская, подольская, таврическая, харьковская, херсонская и черниговская). Въ этихъ губерніяхъ наименьшая смертность выпадаетъ на долю лѣта.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ можно сдѣлать только слѣдующее заключеніе: въ Россіи, какъ и въ Западной Европѣ, большее количество смертей приходится на первую половину года, меньшее — на вторую **); какъ и въ западной Европѣ, осень отличается наименьшею смертностью; но вообще вліяніе временъ на повышение и пониженіе коэффициента смертности до такой степени неправильно и неопредѣленно, что его невозможно подвести ни подъ какое общее правило. Въ губерніяхъ, совершенно сходныхъ между собою по своему географическому положенію и по своимъ климатическимъ условіямъ, коэффициентъ смертности, при однихъ и тѣхъ-же температурныхъ вліяніяхъ, представляетъ самыя разнообразныя отклоненія отъ своей средней нормы; и наоборотъ, въ губерніяхъ, ни въ чемъ не сходныхъ, онъ нерѣдко обнаруживаетъ въ своихъ колебаніяхъ поразительное однообразіе. Такъ, напримѣръ, въ Бессарабіи и вологодской губерніи, въ Астрахани и въ Пермѣ лѣт-

*) Въ олонецкой губерніи зимній тахімум падаеъ не на январь, а на декабрь, а весенній не на мартъ, а на май.

***) Именно: число смертей съ января по іюль къ числу смертей съ іюля по августъ относится, какъ 515:485.

ніа жары усиливають смертность; въ подольской и таврической губерніяхъ—уменьшаютъ. Въ екатеринославской губерніи январскіе морозы возвышаютъ коэффициентъ смертности, въ астраханской—не оказываютъ на него никакого вліянія и т. д. Только одні западныя (виленская, ковенская, гродненская, курляндская, лифляндская, витебская, могилевская и минская) да восточныя губерніи (пермская, вятская, оренбургская и уфимская) представляютъ нѣкоторое постоянство въ распредѣленіи смертности по временамъ года. Во всѣхъ восточныхъ губерніяхъ смертность возрастаетъ въ іюль и августѣ и ослабѣваетъ осенью; во всѣхъ западныхъ губерніяхъ она усиливается въ январѣ и въ началѣ весны и уменьшается лѣтомъ.

Интересно было-бы заняться изслѣдованіемъ вопроса, какіе именно классы населенія выказываютъ наименьшую или наибольшую способность противустоять годичнымъ колебаніямъ температуры, но, къ несчастію, наша статистика не даетъ для этого никакихъ данныхъ. Все, что мы можемъ—это только указать въ общихъ чертахъ на распредѣленіе смертности по временамъ года среди исключительно городского населенія и населенія сельскаго съ преобладающимъ сельскимъ характеромъ. Леуга, дѣлая подобныя-же сопоставленія городского населенія съ сельскимъ, пришелъ относительно Франціи къ слѣдующему выводу: въ сенскомъ департаментѣ (Парижѣ) коэффициентъ смертности достигаетъ своего maximum'a весной, стоитъ на довольно высокомъ уровнѣ зимою и опускается до minimum'a осенью; въ городахъ средней руки смертность усиливается зимою и ослабѣваетъ лѣтомъ и осенью; среди сельскаго населенія она усиливается зимою и весной, лѣтомъ-же доходитъ до minimum'a *) У насъ аналогичныя сопоставленія могутъ быть выражены въ такой формѣ:

*) Выводъ этотъ нагляднѣе представляется слѣдующею таблицею, составленною нами по даннымъ французскаго статистика (De la mortalité en France, etc., La France et L'Etranger, t. I, pp. 476—492):

Департ. Сены.	Городское нас.	Сельское нас.
Зима . . . . . 27, ₁	26, ₈	26, ₉
Весна . . . . . 28, ₃	25, ₂	26, ₅
Лѣто . . . . . 23, ₃	23, ₃	22, ₇
Осень . . . . . 21, ₂	23, ₈	24, ₈

	Въ Петербургѣ.	Въ важнѣйшихъ городахъ.	Въ уѣздахъ и въ осталь- ныхъ мелк. городахъ.
Зимой . . .	25,7	24,8	24,0
Весною . . .	27,8	26,8	26,2
Лѣтомъ . . .	24,4	27,2	27,6
Осенью . . .	22,1	21,2	22,2

Изъ этой таблицы оказывается, что наше лѣто производитъ такое-же губительное вліяніе на сельское населеніе, на обитателей захолустныхъ городковъ, какое весна—на столичныхъ жителей. Осень — самое благопріятное время года, какъ для городскихъ, такъ и для сельскихъ жителей; но зима легче переносится въ провинціи, чѣмъ въ столицѣ. Причину этого, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ искать въ крайне-измѣнчивой и непостоянной петербургской погодѣ, въ внезапныхъ переходахъ отъ 20—30° мороза къ оттепели, и наоборотъ. Мы уже сказали выше, что на усиленіе смертности не столько вліяетъ низкая или высокая температура, сколько самый переходъ отъ холода къ теплу, отъ тепла къ холоду.

Что-же касается способности нашего городского населенія противустоять вреднымъ вліяніямъ погоды, то изъ таблички нашей видно, что эта способность развита у него не особенно сильно, и нисколько не сильнѣе, чѣмъ у сельскаго населенія. Какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ смертность распредѣляется по временамъ года крайне неравномѣрно; разность между ея minimum'омъ и maximum'омъ достигаетъ почти $\frac{1}{4}$ ея средней нормы; во французскихъ городахъ она ниже $\frac{1}{8}$; точно также наибольшее отклоненіе отъ этой средней нормы у насъ доходитъ почти до 4 (3,8), а во Франціи не превышаетъ 2 (1,7). Равномѣрность-же распредѣленія смертности по мѣсяцамъ прямо пропорціональна способности населенія, безъ вреда для здоровья, приспособляться къ переѣнамъ температуры. Слѣдовательно, наши города весьма мало содѣйствуютъ улучшенію гигиеническихъ условій жизни населенія.

Но если нельзя замѣтить никакой существенной разницы въ распредѣленіи помѣсячной смертности между городскимъ и сельскимъ населеніемъ Россіи, то, съ другой стороны, невозможно отвергать, что такая разница несомнѣнно существуетъ въ распредѣленіи помѣсячной смертности между различными племенами, населяющими имперію. Въ слѣдующей главѣ мы возвратимся еще къ анализу вліянія племенныхъ особенностей на движеніе народо-

населенія. Здѣсь достаточно будетъ замѣтить, что русскіе, нѣмцы, поляки и евреи не въ одинаковой степени умѣютъ приспособляться ко всѣмъ временамъ года. Русскіе безъ особеннаго труда, видимо, переносятъ свою зиму. Махімумъ смертности среди православнаго населенія падаетъ исключительно на іюль и августъ; смертность въ три зимніе мѣсяца къ смертности въ три лѣтніе мѣсяца относится почти, какъ 6:7. Напротивъ, между протестантами и католиками особенно зимою увеличивается смертность, а въ лѣтніе мѣсяцы она достигаетъ своего мінімум'а; въ октябрѣ и ноябрѣ она начинаетъ возрастать, но до махімум'а доходитъ не въ январѣ (какъ-бы этого слѣдовало ожидать), а въ мартѣ. Можетъ быть, тутъ дѣйствуетъ законъ Мозера, по которому крайности въ колебаніяхъ температуры лишь только черезъ мѣсяцъ вызываютъ соотвѣтствующія крайности въ колебаніяхъ коэффициента смертности. А можетъ быть, причину этого явленія мы должны видѣть въ нашей весенней погодѣ, отличающейся вообще непостоянствомъ и довольно быстрыми и неожиданными колебаніями температуры. Выше мы имѣли уже случай убѣдиться, что романскіе и германскіе народы и вѣдъ предѣловъ нашего отечества не легко переносятъ вліяніе „весны“. Валлеусъ приписываетъ это тому обстоятельству, что весна въ нашемъ климатѣ (разумѣется, это не относится къ сѣверной полосѣ Россіи) представляетъ слишкомъ рѣзкій и недостаточно послѣдовательный переходъ отъ зимнихъ холодовъ къ лѣтнему теплу. Подобно нѣмцамъ и полякамъ, и евреи съ большимъ трудомъ приспособляются къ этому времени года. У нихъ тоже весна значительно возвышаетъ коэффициентъ смертности; впрочемъ, своего мінімум'а онъ достигаетъ въ январѣ. Однако, нельзя при этомъ не замѣтить, что какъ махімумъ, такъ и мінімумъ смертности еврейскаго населенія далеко ниже тѣхъ нормъ, которыхъ они достигаютъ у православныхъ, католиковъ и протестантовъ. Потому по мѣсячному распредѣленію смертности у первыхъ гораздо равномернѣе, чѣмъ у послѣднихъ. Это доказываетъ, что евреи обладаютъ большею силою противодѣйствія вреднымъ вліяніямъ погоды, сравнительно съ другими племенами.

Совпаденіе наибольшей смертности среди католиковъ, протестантовъ и евреевъ съ зимними и отчасти весенними мѣсяцами

весьма просто объясняетъ намъ, почему во всѣхъ западныхъ губерніяхъ и нѣкоторыхъ южныхъ коэффициентъ смертности достигаетъ своего maximum'a въ январѣ и мартѣ, а въ губерніяхъ восточныхъ и центральныхъ—въ іюлѣ и августѣ. Племенной составъ населенія опредѣляетъ въ этомъ случаѣ движеніе смертности для цѣлыхъ полосъ имперіи. Но это не единственный случай вліянія племенного состава на смертность, рождаемость и плодovitость различныхъ мѣстностей Россіи. Къ анализу этого вліянія мы теперь и перейдемъ.

Ніоновъ.

(Продолженіе будетъ.)

* * *

—Не помпнай мой край родной,
Дитя! забудь родные звуки—
Въ странѣ холодной и чужой
Къ чему тревожить сердца мук!
Засни, дитя мое, засни,
Гони мечты о счастье дальномъ,
Какъ ядъ, мучительны онѣ
Въ краю изгнанія печальномъ.
Дитя! Тутъ все—убьетъ морозъ
Тутъ жизнь тебѣ—луча не бросить,
И грезы, какъ листы съ березъ,
Дыханье осени уносятъ.
Завѣть снѣгъ твои цвѣты,
Зима убьетъ живыя силы,
И только горе встрѣтишь ты
Отъ колыбели до могилы.

—О, нѣтъ, отецъ! Мой край родной
И пѣсень радостные звуки
Мнѣ не забыть въ странѣ чужой,—
Для мысли нѣтъ нигдѣ разлуки.
Когда кругомъ мятель реветъ,
Когда нашъ уголь снѣгъ заноситъ,—
Передо мной мой край встаетъ,
Родимыхъ пѣсень сердце проситъ.
Въ нихъ ароматъ—вѣсеннихъ розъ,
Въ нихъ—шелестъ нивы колосистой,
И пусть кругомъ трещитъ морозъ,
Пусть злится вьюга ночью мглистой.
Снѣгъ не убьетъ цвѣтовъ родныхъ,
Они—въ груди благоухаютъ,
Въ степяхъ изгнанія чужихъ
Зимю пышно разцвѣтаютъ.
Пусть горе только встрѣчу я!
Когда не станетъ силъ,—родная
Вспорхнетъ, какъ птичка, пѣснь моя
И улыбнусь я, умирая!

В. И. Славянской.

12*

КРЕСТЬЯНСКІЕ ВЫБОРЫ.

(сцены.)

Обратный путь Данилы Иракліевича продолжался нѣсколько дней, благодаря внимательному и радушному приему его въ лежащихъ по дорогѣ деревняхъ. Онъ останавливался только у зажиточныхъ крестьянъ, съ перваго-же слова давая замѣтить каждому изъ нихъ о чести, оказанной имъ своей остановкой. „Ждалъ ли ты экаго-то гостя?“ обыкновенно спрашивалъ онъ, слѣзая съ телѣги, и на увѣренія хозяевъ о радости видѣть его у себя самодовольно улыбался, поглаживая бороду. Едва вѣсть о пріѣздѣ его облетала деревню, къ нему собирались крестьяне, знавшіе отъ Трофима Кириловича о взятомъ имъ подрядѣ,—собирались съ цѣлью вывѣдать, будетъ-ли онъ закупать хлѣбъ, по какимъ цѣнамъ, къ какому сроку нужна будетъ поставка его и будетъ-ли онъ задавать впередъ деньги или нѣтъ. Въ разговорахъ съ ними объ этомъ предметѣ Данила Иракліевичъ какъ-бы вскользь намекалъ имъ, „что онъ нонѣ порѣшилъ съ мировымъ посредникомъ кой-кого потревожить и деньги подѣ хлѣбъ задасть только тѣмъ мужикамъ, которые не выйдутъ изъ его воли!“ Сначала крестьяне недоумѣвали, слушая его, но скоро, впрочемъ, смегнули, кого мировой посредникъ порѣшилъ съ Данилой Иракліевичемъ потревожить, благодаря неосторожно выраженному имъ неудовольствію на глупость народа, поддававшегося вліянію такого человѣка, какъ Егоръ Бычковъ. Нигдѣ такъ быстро не разносятся новости, какъ въ деревняхъ, и всегда почти съ различными варіаціями и предположеніями, на какія весьма податливы крестьяне; такъ и слова Данилы Иракліевича быстро разнеслись по

у...ой волости и, какъ водится въ этихъ случаяхъ, возбудивъ много говора, еще рельефнѣе выставили въ мнѣніи народа личность Бычкова и сильнѣе укрѣпили крестьянъ въ мысли держаться его, въ немъ одномъ видѣть свою опору. О кандидатурѣ Трофима Кириловича они и не догадывались. Данила Иракліевичъ умалчивалъ объ ней. Какъ онъ ни былъ простъ, но все-таки понималъ, что въ виду предстоящей борьбы противъ Бычкова выставить имя кандидата взамѣнъ желаемого народомъ значило заранѣе вооружить общественное мнѣніе противъ себя, посредника и Трофима Кириловича, заставить его предполагать какія-нибудь недобросовѣстныя цѣли, а что народъ вездѣ и во всемъ, что касается его, видитъ однѣ недобросовѣстныя цѣли, то это мнѣніе въ немъ упрочиваетъ постоянный опытъ жизни.

По пріѣздѣ домой Данила Иракліевичъ засталъ у себя неожиданныхъ гостей: Макара Васильевича Вешнякова, Анфиногена Борисовича Пруткова и Амвросія Николаевича Иволгина, тѣхъ самыхъ хлѣботорговцевъ, участіе которыхъ въ подрядѣ Трофимъ Кириловичъ находилъ необходимымъ. Теперь не лишнимъ будетъ выяснитъ цѣль, какой руководился Трофимъ Кириловичъ, приглашая ихъ къ участію въ подрядѣ. Они нисколько не могли вредить скупанію хлѣба поднятіемъ цѣнъ на него, какъ объяснялъ онъ Данилѣ Иракліевичу, и послѣдній справедливо замѣтилъ ему, что народъ не промѣняетъ его на другихъ, не потому, чтобы народъ любилъ его, а по той простой причинѣ, что онъ былъ богаче остальныхъ торгующихъ крестьянъ и, сравнительно съ ними, далеко сговорчивѣе и уступчивѣе въ цѣнахъ. Кулаковъ-крестьянъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: на сытыхъ и голодныхъ, или на нажившихся и наживающихся. Для первыхъ не представляется уже особенной надобности выжимать послѣднюю копейку у мѣстнаго населенія. Достигши своего, нажившись, они если не изъ чувства добра, то изъ тщеславія способны разгнрывать изъ себя благодѣтелей для окружающихъ и нерѣдко дѣйствительно помогаютъ бѣднымъ; бывають случаи, что подобные люди прощаютъ крестьянамъ ихъ мелкіе долги, выкупають особенно несчастныхъ изъ какъ ихъ-нибудь обязательствъ и часто для того, чтобы получить высочайшую благодарность, вносятъ иногда крупныя суммы въ пополненіе недоимки, накопившейся на той волости, къ которой принадлежать они. Подобный кулакъ

гонится болѣе за почетомъ и весьма основательно, что бѣдный людъ всегда крѣпче держится ихъ, нежели кулаковъ другой категоріи, т. е. голодныхъ, которые еще разживаются, и самыхъ худшихъ изъ людей этого разряда; для нихъ нѣтъ ничего святого и всякое человѣческое чувство поработчено одной страстью къ деньгамъ. Къ этому разряду людей и принадлежали приглашенные Трофимомъ Кириловичемъ компаньоны. При другихъ обстоятельствахъ онъ не только не нуждался-бы въ участіи ихъ, но если и была-бы въ этомъ необходимость, то постарался-бы отклонить ее, но цѣль его заключалась въ привлеченіи ихъ къ своимъ интересамъ, всѣ они въ своемъ кругу были люди весьма вліятельные и отъ голоса ихъ зависѣло многое въ порабощаемомъ ими народѣ. Онъ зналъ всѣ опасенія, какія волновали ихъ при извѣстіи о выборѣ въ старшины Бычкова, и понималъ, что, общаваъ имъ кой-какія выгоды отъ участія въ подрядѣ, приобрететъ себѣ не только вѣрныхъ сотрудниковъ къ достиженію своей цѣли на выборахъ, но и такихъ людей, которые могутъ пригодиться ему и на будущее время.

Попасть въ волостные старшины было давно задуманнымъ желаніемъ Трофима Кириловича. Онъ изучилъ среду, въ которой жилъ, въ совершенствѣ постигъ систему веденія дѣлъ мѣстной администраціи, уловилъ характеръ ея отношеній къ народу и народа къ ней и въ этомъ омутъ ему, какъ человѣку предприимчивому и оборотливому, представлялось широкое поле дѣятельности. Онъ зналъ, что какъ ни хитеръ Клементій Ивановичъ, но, благодаря его непониманію народной жизни и даже боязни народа, его легко можно будетъ вводить въ ошибки и заблужденія, отвлекать его вниманіе отъ темныхъ сторонъ своей дѣятельности и, ловко раздражая и ту и другую сторону, являться посредникомъ между ними, склоняясь къ интересамъ той изъ нихъ, которая дастъ болѣе выгодъ. Трофимъ-же Кириловичъ только и жилъ для выгодъ и мысль приобрести прочное состояніе и выбратъса когда-нибудь изъ деревни въ городъ и приписаться въ купцы была его завѣтная мысль.

Приглашая рекомендованныхъ имъ компаньоновъ отъ имени Данилы Иракліевича для свиданія съ нимъ, онъ умолчалъ о главной своей цѣли, — содѣйствіи ихъ къ своему выбору въ старшины, предоставляя выразить ее Данилѣ Иракліевичу и тѣмъ

отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ какихъ-либо честолюбивыхъ намѣреніяхъ; но онъ много говорилъ о выгодахъ, какія ожидаютъ ихъ отъ этого участія въ ихъ подрядѣ, и говорилъ такъ хорошо, такъ основательно высчиталъ всѣ дивиденды, что у одного изъ компаньоновъ, Макара Васильевича Вешнякова, потекли даже слезы. Это былъ весьма оригинальный человекъ не только по натурѣ, но и по наружности: худой, низенькій, съ жидкой бородкой и воспаленными вѣками у узенькихъ глазъ, онъ, не смотря на завидный капиталъ, ходилъ всегда оборванцемъ и жилъ до того скупо, что въ особо чтимые праздничные дни отказывалъ своей семьѣ въ пшеничной булкѣ, хотя громадные амбары, примыкавшіе къ старому, покосившемуся отъ времени дому его, ломились отъ ржаного и пшеничнаго хлѣба. Торговые обороты его шли весьма хорошо, но онъ постоянно жаловался на убытки, на разоренье и бѣдность. Человекъ онъ былъ не глупый, но въѣвшееся въ натуру его ханжество дѣлало его не только смѣшнымъ, но и отвратительнымъ. Онъ всегда, напримѣръ, оттягивалъ взносъ слѣдующихъ съ него податей хуже самаго горькаго бѣдняка, жаловался на волостныхъ, обличавшихъ его во лжи, и нерѣдко, чтобъ доказать имъ свою бѣдность, при нихъ продавалъ корову или лошадь и вносилъ вырученныя деньги, такъ что у крестьянъ, когда достаточный человекъ жаловался на нужду, сложилась особая поговорка: „Макарова бѣдность подѣлда!“ Если крестьянинъ обращался къ нему за деньгами и онъ находилъ, что для извлеченія своихъ выгодъ необходимо дать, то, отдавая деньги, выбиралъ самыя ветхія, истрепанныя ассигнаціи, божился, что отдаетъ послѣднія и не свои, а занятія, снималъ въ оправданіе своихъ вѣятивъ икону со стѣны, которая, кажется, специально для этого и не была приколочена, а висѣла на веревочкѣ для большаго удобства; на узенькихъ-же, воспаленныхъ вѣкахъ всегда сверкали при этомъ слезы. Крестьяне, съ свойственною имъ наблюдательностью быстро подѣвчатъ въ человекѣ смѣшное и мѣтко опредѣляютъ его, ветхія ассигнаціи называли не иначе, какъ „Макаровы слезы“. Но горе было бѣдняку, если, забравъ деньги у Макара Васильевича, онъ не отдавалъ ихъ въ срокъ или не доставлялъ условленные продукты; въ подобныхъ случаяхъ онъ настойчиво вытягивалъ у крестьянина послѣднія грохи и вытягивалъ не насиліемъ или жалоба-

ми, нѣтъ, у него была особая система взимать долги и едва-ли не самая вѣрная изъ всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ. Онъ не давалъ прохода своему должнику, обливаясь горькими слезами, укорялъ въ неблагодарности за свои благодѣянія, кланялся ему въ ноги, слѣдилъ всюду за нимъ, какъ тѣнь, безропотно выносилъ толчки, несмущаясь, вытиралъ полонъ зипуна плевки съ фізіономіи и нылъ до того, что выведенный изъ всякаго терпѣнія должникъ продавалъ послѣднюю скотину, зипунъ, шубу или входилъ въ новый долгъ, чтобъ только отдѣлаться отъ преслѣдованій плачущаго отъ зари и до зари человѣка. Анфиногенъ Борисовичъ Прутковъ и Амвросій Николаевичъ Иволгинъ много уступали ему въ св оихъ средствахъ; можетъ быть, отчасти потому, что не обладали его умѣньемъ безвыходно залутывать людей въ свои финансовыя сѣти. Прутковъ только въ послѣднее время начиналъ расторгиваться и самолюбю его льстило участіе съ Данилой Иракліевичемъ въ подрядѣ; это былъ пожилой человѣкъ съ формирующимся брюшкомъ и сознаниемъ, что и онъ есть нѣчто. Обыкновенно подобное сознаніе, являющееся у людей, привыкшихъ до этого сознать только свое ничтожество и если не явно пресмыкаться предъ другими, то все-таки отодвигать себя на задній планъ, владеть и на нихъ и на всѣ ихъ дѣйствія своеобразный отпечатокъ. Все ихъ стремленіе заключается въ одномъ: дать замѣтить всѣмъ и каждому, что они не то уже, чѣмъ были. Если подобный человѣкъ промѣняетъ зипунъ или чуйку на скортукъ, то и скортукъ его не будетъ походять покроемъ своимъ на покрой другихъ скортуконъ, въ немъ непременно окажется какой-нибудь своеобразный придачекъ. Смѣялся ли онъ прежде теноромъ, то съ перемѣной его положенія и самый смѣхъ измѣнится въ басовой, торопливая походка измѣнится въ солидную и даже въ свою рѣчь постарается онъ впутать отборныя выраженія, порою и самъ непонимая значенія ихъ. Подобные люди всегда тяжелы и непріятны въ общегитіи; привыкли унижаться, они становятся дерзкими и заносчивыми и, оскорбляя людей сами, становятся крайне чувствительными къ малѣйшему невниманію, оказанному особѣ ихъ. Какъ товарищи, они невыносимы; какъ орудія въ рукахъ другихъ, необходимыя при достиженіи какихъ нибудь цѣлей, они вѣрны и надежны, если только съумѣютъ взяться за ихъ чувствительныя мѣста.

Исключеніе изъ всей этой компаніи составлялъ Амвросій Николаевичъ Иволгинъ, человѣкъ простой и крайне добродушный. По своему увлекающемуся характеру и особенной наклонности къ загулу, онъ едва-ли бы составилъ себѣ состояніе и, вѣрнѣе всего, лишился-бы и наслѣдственного, если-бы судьба не послала ему въ бѣдной сиротѣ, дочери бывшаго дьякона мѣстной церкви, умную, съ твердымъ характеромъ и грамотную жену. Она орудовала и доможь, и торговыми оборотами, и даже деревней. Писала письма отъ крестьянъ сыновьямъ ихъ, забраннымъ въ солдаты, находила время за плату учить читать и писать дѣтѣй ихъ и даже, какъ носилась молва, и въ тяжёбныхъ и слѣдственныхъ дѣлахъ принимала дѣятельное, хотя и косвенное участіе, составляя крестьянамъ черновыя просьбы и научая ихъ изворотливымъ отвѣтамъ на вопросы слѣдователей. Амвросій Николаевичъ скорѣе походилъ на ея прикащика, чѣмъ на самостоятельное лицо. Какъ человѣкъ не глупый, онъ уважалъ ее, понимая, что всёмъ обязанъ ей, даже почетомъ, какой оказывали ему, какъ супругу Дарьи Семеновны, и въ то-же время боялся ея. Въ веселомъ настроеніи онъ не осмѣливался показываться и на глаза ей, изъ опасенія домашнихъ мѣръ, какими она отрезвляла его. И народъ, нуждавшійся въ дѣньгахъ Амвросія Николаевича, и купцы, скупавшіе у него хлѣбъ, медъ и шкуры, всегда обращались въ дѣлахъ своихъ къ Дарьѣ Семеновнѣ, а не къ нему. Къ Дарьѣ Семеновнѣ отнесся и Трофимъ Кириловичъ съ предложеніемъ участія въ подрядѣ. Нужно сказать, что смѣтливой и дальновидной Дарьи Семеновны онъ боялся болѣе всѣхъ; привлечь ее на свою сторону значило многое, и бѣлая шерстяная шаль съ каймой изъ цвѣтовъ, привезенная нарочно для нея изъ города, послужила началомъ къ сближенію ихъ и какъ-бы залогомъ того, что Амвросій Николаевичъ былъ отпущенъ лично увѣриться отъ Данилы Иракліевича въ тѣхъ дивидендахъ, какими онъ умѣлъ польстить ея коммерческой натурѣ.

Данила Иракліевичъ остался доволенъ извѣстіемъ, что его другой день ожидаютъ пріѣхавшіе къ нему гости, остановившіеся у Трофима Кириловича. Ему пріятно было подѣлиться съ ними вывезенными имъ впечатлѣніями, и въ тотъ-же вечеръ, въ знакомой намъ комнатѣ, около того-же стола, накрытаго на этотъ разъ бѣлою скатертью, сидѣлъ Данила Иракліевичъ и Трофимъ Кири-

ловичъ съ своими гостями. На столѣ передъ ними стоялъ графинъ съ водкой и бутылка съ ратафіей, окруженные наложенными на блюдахъ ломтиками пастилы, грецкими орѣхами, пряниками и тарелкой съ солеными груздями. Изъ избы, отдѣленной отъ горницы теплыми сѣнями, поминутно приходила жена племянника Данилы Иракліевича, худощавая женщина, съ лицомъ, усѣяннымъ веснушками, то поднося гостямъ чай, то подбирая опорожненные ими чашки, чтобы снова наполнить ихъ этимъ любимымъ напитокомъ сибирскихъ крестьянъ, гдѣ только развѣ у горькаго бѣдняка не найдется самовара и другихъ чайныхъ принадлежностей. Жена Данилы Иракліевича никогда не показывалась гостямъ по причинѣ непомерной тучности и одышки, захватывавшей ее на каждомъ шагѣ; исключеніемъ пользовались только исправникъ и мировъ посредникъ, привозившіе ей гостинцы изъ города.

По краснымъ, вспотѣвшимъ лицамъ собесѣдниковъ можно было заключить, что ни одна чашка чая выпита ими и одинаково обязано вниманіе и стоявшему на столѣ графину. Анфиногенъ Борисовичъ, одѣтый въ коричневый сюртукъ и пеструю рубаху-косоворотку, выпущенную подъ нимъ поверхъ плисовыхъ шароваръ, давно проявлялъ желаніе распустить поясокъ, но, видимо, стѣснялся и, только заложивъ за него пальцы рукъ, незамѣтно оттягивалъ его отъ живота.

— Не возьму, говоритъ, ни за што! Што-жь, говорю, ты такъ робѣешь-то? Тебя, говоритъ, робѣю! А-а-а! Да меня-то чего-жь-бы, нѣшто мы не друзья, говорю, а?.. А потому, говоритъ, робѣю, што ты мужикъ-то не другимъ чета... особенный! Ну, ну, говорю, полно, вѣдь я свой человекъ, изъ избы сору не вынесу, такъ пасилу, насилу взялъ! рассказывалъ, между тѣмъ, Данила Иракліевичъ внимательно слушавшимъ гостямъ сцену подарка гнѣдка Клементію Ивановичу.

— А взялъ-таки? прервалъ его Макаръ Васильевичъ, одѣтый на этотъ разъ въ суконный зипунъ и пившій чуть-ли не двѣнадцатую чашку чаю. Онъ любилъ чай, но пить его только въ гостяхъ, дома-же отговаривался, что этой блажью не занимается.

— Взялъ!

— За што ты ему гнѣдка-то всучилъ, Данила Еракичъ? спросилъ и Анфиногенъ Борисычъ.

— Тебѣ этого и знать не слѣдуетъ! строго остановилъ его самолюбивый хозяинъ.

— Все-жь любовитно-бы! Конь, говоришь, тыща рублей, а ты такъ ни за што, почитай, на вѣтеръ?

— Э-эхъ, Борисычъ, Борисычъ! съ принижениемъ въ голосъ обратился къ нему Макарь Васильичъ.— Данилы-то Ерамыча дѣло— што широкая рѣвка, не то, што наше съ тобой, мелкоплесье...

— Вѣрно ты это говоришь, Макарь, што вамъ копѣйка, то тыща мнѣ, а ты и учишь, ты молодой ишо парень, тебѣ наука надоть! наставительно обратился онъ къ Анфиногену Борисычу,— ты вотъ только ишо въ люди идешь и учишь, говорю, какъ начальство чтить, ты его почтишь и оно къ тебѣ съ уважениемъ. Вонъ онъ меня-то не зналъ, куда и посадить, на божничку-объ, говорить, посадилъ, такъ высоко, неравно ишо упадешь, храни Богъ, зашибешься. Вотъ ты и знай это. Я вотъ все могу дѣлать, чего захочу, а ты не можешь, потому у тебя ишо силы-то этой нѣту!

— Я и не говорю.

— И не говори! быстро прервалъ онъ,— говорить-то надоть, когда за каждое слово заплатить можешь, а коли ишо денегъ въ обрѣзъ, и молчи!

Уколотый этимъ намекомъ, Анфиногенъ Борисовичъ замолчалъ и неловко замялся на стулѣ.

— И угощалъ-же это онъ меня— насилу вырвался! снова началъ Данила Ираклиевичъ послѣ минутной паузы. — Ъхать, говорю, надо, пусть! Си-иди, говорить, я, говорить, тебя-то ждалъ не дождался, да взялъ это шапку-то мою да спряталъ, ско-о-олько было смѣху-то, шу-утникъ вѣдь. Ты, говорить, у насъ одинъ только такой-то и есть!

— Пожалуй, што одинъ, тѣмъ-же тономъ подтвердилъ Макарь Васильевичъ, кончившій чаепитіе и отирая клѣтчатимъ платкомъ свое лицо,— ровняться-то не съ кѣмъ, зато и честь!

— Есть за што и уважать-то, Макарь Васильичъ, слава Богу, только Данилой Ерамычемъ и живутъ! обратился къ нему молчавшій все время Трофимъ Бириловичъ.

— Мною, это онъ правду говоритъ!

— Считите-ко, продолжалъ Трофимъ Бириловичъ,— вѣдь што ни шагъ, то подарокъ... а за што — единственно по добротѣ!

— Это точно! Трофимъ-то ужь знать, какой я добрый, снова подтвердилъ онъ,—начальство-то наше по добротѣ-то моеи шибко мнѣ на шеѣ сидитъ!

— Оно радо добру-то, это чего говорить! отозвался Прутковъ.

— Радо! согласился съ нимъ и Данила Иракліевичъ. — Ну, да тутъ-же межъ словами и спрашивать—снова началъ онъ, увлекаемый воспоминаніемъ визита къ Клементію Ивановичу,—сколь, говоритъ, ты лихвы-то отъ подряда возьмешь? Тысячъ десять, говорю, возьму... такъ его индѣ въ потъ кинуло съ этого-то слова-то, а-а-ахъ-ха-ха-а!..

— Вспо-отешь, Данила Еравычъ, съ этихъ-то денегъ, де-сять тыщъ, ай-я-яй!.. протянулъ, оживившись, и Амвросій Николаевичъ,—што ись, и меня отъ этого-то слова ошибло!

— Ошибло-же? съ ироніей спросилъ самодовольно усмѣхнувшійся Данило Иракліевичъ, вытягивая и щелкая пальцемъ правой руки.

— Ошибе-еть! протянулъ и Макаръ Васильевичъ, — Господи, какія деньги!

— Не заплачь, мотри, а-а-ахъ-ха-ха-а!..

— А-ахъ, Данило Еравычъ, и радъ-бы ину пору смѣяться, да житье-то мое...

— Голодно тебѣ, а?

— Кабы сыто-то было и не хлопоталь-бы, говорю! Вотъ твое-то сытое-то дѣло, ты и живешь-то не другимъ чета, слава тебѣ Господи... и почетъ отъ всякаго!

— Почетъ-то не за ѣду, Макаръ, а за умъ!

— За умъ, извѣстно... глупому человѣку капитала не сгрудовать! А мое-то дѣло бьешься, бьешься и все-то у тебя въ нить тянется, все убыль, все-то одна убыль, говорю, куда не вить... ахъ, ты Господи!.. Вотъ ты теперь не гнушаешься насъ къ своему дѣлу пристягнуть, а я вотъ сижу да и думаю: не дастъ онъ поди насъ въ обиду-то? заключилъ онъ, искоса по-смотрѣвъ на хозяина.

— Спроси Трофима, какъ я обижаю-то!

— Не тебѣ-бы, Макаръ Василичъ... укоризненно началъ было Трофимъ Кириловичъ.

— Знаю, знаю, болѣзненный ты мой! поспѣшно прервалъ его

Макаръ Васильевичъ, глаза котораго заслезинились и самый голосъ понизился,—знаю, что не захочеть онъ у нищаго-то...

— Не ты-ли это нищій-то?

— Не вѣрьте, берите грѣхъ на душу!

— Макаръ! остановилъ его Данила Иракліевичъ.

— Я... я Макаръ... што-жь, душевный ты человекъ?

— Глянь-ко на божницу!

— На божницу?.. што-жь... зачѣмъ на божницу?

— Погляди, говорю, аль совѣсть зазреть?

— Што-жь, погляжу, пошто совѣсти зазреть, Данило Еракличъ... всѣ подъ Богомъ и по его закону живемъ! торопливо говорилъ онъ, умилно глядя на передній уголь, блиставшій золотыми и серебряными ризами на иконахъ.

— Покрѣпче, мотри, гляди-то!..

— Гляжу, родной!.. што-жь, во всѣ глаза гляжу; вижу, благословилъ тебя Богъ всѣмъ! говорилъ плакавшій Макаръ Васильевичъ, не зная еще, къ чему клонится рѣчь Данилы Иракліевича.

— Слѣпнешь, а все на Бога поклепъ кладешь! внушительно заговорилъ онъ, — не мы грѣхъ-то на душу беремъ, а ты-ы!.. Нѣшто у тебя мало добра-то, а? Кого ты обманываешь! Ишь какой нищій нашелся... э-э-эхъ, Ма-акаръ, Макаръ! укоризненно покачавъ головой, заключилъ Данила Иракліевичъ. — Теперь ты моего-то чаю напился, всю недѣлю, поди, проплачешь! и, довольный своей остротой, засмѣялся.

Въ лицѣ Макара Васильевича мелькнуло что-то въ родѣ стыда. Онъ, понуривъ голову, глубоко вздохнулъ.

— Не жѣлай ему, Данила Еракличъ, пушшай проплачется, можетъ, ему и легче станеть, привыкъ вѣдь ужъ онъ къ глазной-то насмокъ! подтрунилъ надъ нимъ и Аѳиногенъ Борисовичъ, обведа довольнымъ взглядомъ улыбающагося Амвросія Николаевича и сидѣвшаго рядомъ съ нимъ Трофима Кириловича. Последній не смѣялся, а, понурившись, мялъ пальцами уголь ска-терти. Онъ звалъ, что, не смотря на самоуничиженіе, въ Макаръ Васильевичѣ таилось много самолюбія и злости, затрогивать которыя было-бы неудобно.

— Много у тебя, Макаръ, хлѣба-то запасено? снова спросилъ у него Данила Иракліевичъ, не обративъ вниманія на остроту Аѳиногена Борисовича,—хоша-бы ржи, а?

— Сотень шесть пудовъ наберется, поди!

— А бѣдный, говоришь, голоденъ, а? Э-э-эхъ! снова покачавъ головой, протянулъ онъ, — гнѣвишь ты только Бога, гнѣ-ѣвишь ты его, Макаръ!

— Въ долгъ, въ долгъ все набрано, Данила Еракычъ, вѣрь, не вѣрь, Богъ порука, вотъ и думаю, какъ на рукахъ-то сядеть, а-а-ахъ! торговое-то дѣло безъ капитала-то и не слезьми, кровью всплачешь, вотъ я и говорилъ Трофиму-то Кирилычу, што съ радостью отдамъ его тебѣ!

— А почему съ пуда отдашь на радостяхъ-то, а?

— Напередъ ты бы намъ сказать, какое твое награжденъе будетъ, Данила Еракычъ! обратился къ нему Прутковъ, — тогда бы ужъ мы обчій разговоръ повели, обчее-то дѣло вести и тебѣ-то подручнѣй-бы и намъ-то лестно-бъ, а только все-бы допрежъ польститъ насъ надоть, а?

— Изъ ээтого-то барыша—десять тыщъ есть бы чѣмъ и польститъ-то, насъ! произнесъ, глубоко вздохнувъ, Амвросій Николаевичъ, — Трофимъ-то Кирилычъ сулилъ намъ, што ты барышъ-то пополамъ съ нами подѣлишь, а? вѣрадиво спросилъ онъ.

— Онъ тебѣ это сулилъ-то?

— Съ обча всѣмъ... ну, и мнѣ!

— Трофимъ, ты ему объ этомъ говорилъ, а? съ ироніей спросилъ его Данила Иракліевичъ.

— Оно точно, съ твоихъ словъ я говорилъ имъ, уклончиво отвѣтилъ тотъ, — какъ промежъ насъ, значить, было условлено!

— Я спрашиваю, ему ты говорилъ, штоль?

— Разговоръ-то, пожалуй, болъ съ Дарьей Семеновной былъ! отвѣтилъ онъ, догадавшись, наконецъ, къ чему ведутъ распросы хозяина.

— А-ахъ-ха-ха-а... такъ ты што-жъ, Абросимъ, говоришь, што онъ съ тобой разговаривалъ, а? Вотъ ты-бы допрежъ изъ подъ бабей-то понявы выбился, да опосля ужъ того... слово-то о барышѣ вель! Бары-ы-ши, протянулъ онъ, не глядя на смущеннаго Амвросія Николаевича. — Ишь какъ вы на барыши-то падки, а? Не поймали, а ужъ оципали! А вы коли хотите барышъ получить, заслужите его. Польститъ я польщу, я не даромъ зову, я и барышъ подѣлю, да вы на-перво скажите-ка, почему мнѣ хлѣбъ поставите, а то на-а... съ перваго слова и за барышъ!

— Коли на то ужь разговоръ, други, пошелъ, вмѣшался Трофимъ Кириловичъ, все время молчавшій, пока дѣло не коснулось этого вопроса,—такъ ужь и я вамъ, съ своей стороны, одно скажу: неужь вы въ первой Данилу-то Ераковича знаете, што въ сумнѣніи о награжденіи-то его, хоша-бы вотъ ты, Макарь Васильчъ, аль ты, Финогенъ Борисычъ! Неужь таперя экій чѣловѣкъ, съ экимъ почетомъ, съ капиталомъ, какой у него, да на обманъ пойдетъ, а-а-ахъ! заключилъ онъ, качая головой.

— Не въ эфтомъ рѣчь, сердешный ты другъ, началъ было Макарь Васильчъ.

— Вѣдь я таперяча съ его-же слова говорилъ, продолжалъ, не слушая его, Трофимъ Кириловичъ,—не отъ себя выдумывалъ, не мое вѣдь это дѣло-то, а его, а Данило-то Ераковичъ по губерніи извѣстный, не токма въ округъ... на его-то словѣ можно стѣну класть! Такъ неужь онъ васъ таперяча въ обманъ вовлечетъ, а? А-ахъ, и говорить-то душа болитъ—ей Богу! Говорено вѣдь было: хлѣбъ по своей цѣнѣ ставить, у кого въ какой пропорціи, коли деньги ты будешь задавать, то задавай съ обча, штобъ обчему дѣлу не вредить, и гни пятнадцать копѣекъ за пудъ, пятнадцать и ни почемъ болѣ! А выручку нашу съ казны мы, какъ сказано, подѣлимъ обоюдно, ну, чего-жь ишо, о чемъ-же разговоръ-то?

— Объ обманѣ, нѣшто не понимаешь! прервалъ его Данила Ераковичъ,—ишь, вотъ Данила Ераковъ ихъ обманывать станетъ, а-ахъ-ха-ха-а... и ума-же...

— Што ты на обманъ-то все сводишь, Данило Ераковичъ, не объ обманѣ и рѣчь-то моя идетъ и ты вотъ, Трофимъ Кириловичъ... придвигая стулъ ближе къ столу, началъ Макарь Васильевичъ,—мы эвто слышали, што ты говорилъ-то намъ...

— А слышалъ, такъ чего ишо языкъ-то мозолишь, аль чешется? грубо прервалъ его Данила Ираклевичъ.

— О своемъ добрѣ у всякаго языкъ зачесется, и тебя-бы коснись...

— Отнимаютъ его у тебя, штоль, добро-то твое? А-ахъ ха-ха-а, не ты-ль сейчасъ влялся, на божницу глядѣлъ, што тѣ ѣсть нечего, такъ о какомъ это у тебя добрѣ-то зачесалось?

— Ты выслушай...

— Не хочу и слушать! Слушать-то нечего, тошнота беретъ, какъ ты ноешь-то!

— Не вою я, милый ты человекъ!

— Ну, коли ныть не будешь, говори; посмотрю я, сколь въ твоей головѣ ума-разума!

— Я говорю... снова началъ Макаръ Васильевичъ.

— Слышу, што не молчишь, а ты съ дѣла начинай, а то я говорю, да я говорю, а разговоръ—што телѣга безъ колесъ, ни съ мѣста, ну!

— И крутъ-же, а-ахъ ты напасть, никакъ ты и не угодишь на него... Ну, Данила Еракинъ, говорить-то съ тобой надоть воды въ ротъ набрамши!

— Понялъ-ли ты теперъ, што я за человекъ? а-а?

— По-онялъ! Ни за што обругашь всякаго!

— Уму учу, а не ругаюсь, взялся коли ты говорить, говори основательно, што-бы дѣло твое было прямо, какъ свѣча! А словами энтими не тумань, не закидывай ими! Ну, о чемъ началъ рѣчь, говори, слушаю.

— Ты сулишь барышъ подѣлить намъ?..

— Барышъ-то все мучить, а? Ну, да ладно, скажу ужъ тебѣ, коли заслужишь—подѣлю, за заслуги я награждаю! Спроси-ко вотъ Трофима, какое я кладу награждение за службу! Я вотъ тебѣ ишо съ лихвой подѣлю его, отъ себя прикину, а твое дѣло за-служить!

— Дай тѣ Богъ, што ты на бѣдность нашу, да только... и Макаръ Васильевичъ запнулся, и продолжалъ уже мягкимъ умильно-слезливымъ тономъ,—да только вѣдь это все, што ты говоришь, Данила Еракинъ, не во гнѣвъ сказать тебѣ, на словахъ, а ты-бы намъ на всякой случай, потому всѣ мы подъ Богомъ, неравно, храни Богъ, не къ ночи, ко дню сказать, умрешь... лѣта-то преклонныя, и заботъ-то не мало, аль дѣло не потрафить, такъ штобъ маленькимъ людямъ разоренья не было... условнице на бумагѣ-бы, и кончивъ это трудное объясненіе, онъ вынулъ платокъ изъ-за пазухи и отеръ имъ потъ, крупными каплями выступившій на лбу.

— На бумагѣ? переспросилъ Данила Иракліевичъ, глядя въ поле.

— Ну, ну, што такъ и такъ молъ, за забранный хлѣбъ раз-

счетъ особый, а потому какъ онъ по своей цѣнѣ поставленъ, то въ награжденіе барышъ какой будетъ обоудно!

— Контрахтъ это, штоль? снова съ той-же миной спросилъ онъ.

— Обязательство-бы на бумагѣ... просто условьице, а волость-бы засвидѣтельствовала, единственно только, и говорю, на всякій случай, потому ты самъ, Данила Еракычъ, торговый человѣкъ — тебя не учить, порядки-то знашь!

— Слышалъ ты это, Трофимъ, а?

— Э-э-эхъ, Макаръ Василичъ, Макаръ Василичъ! укоризненно, качая головою, отвѣчалъ Трофимъ Кириловичъ, — не отъ тебя-бы этого ждать, не отъ тебя-я-бы!

— Другъ, мы не изъ сумнѣнья, а всякій себя бережетъ, на всякой случай говорю, торговое-то дѣло ты самъ знашь!

— Обманъ, штоль?

— Бываетъ... случается и это!

— Это ты вотъ самъ-то, темная твоя душа, мужиковъ-то какъ путашъ, за все у тебя на языкѣ-то имя-то Божье всеу, такъ думаешь, штобъ и я съ тобой пачкаться сталъ, а?

— Мужиками што-жъ меня корить и всѣ-то не меньше ихъ грѣшны!

— Чего-о?

— Не сами, говорю, денегъ-то наковали, а изъ ихъ-же кармановъ выгребли, а што точно по слабости человѣческой завсегда на божье имя душу кладу! смиренно отвѣтилъ Макаръ Васильевичъ.

— Што ты это разговариваешь-то, што ты это, я тебя спрашиваю, разговорился, а? Ты гдѣ, у кого ты сидишь, опомнись, равня-ли я тебѣ? весь вспыхнувъ и съ несвойственнымъ оживленіемъ взбросивъ голову, крикнулъ на него Данила Иракліевичъ.

— Гдѣ-ѣ ужъ ровняться, Данила Еракычъ, наше дѣло, аль твое, наше-то дай-бы Господи сытымъ быть, а ты вонъ и тыщи кидашь!

— И кидаю! А у тебя што, слюни на нихъ текутъ? О-обманывать это вотъ я ихъ сталъ, а? Ха-ха-ха-а. Да чѣмъ вы всѣ тутъ и глядите, такъ мнѣ не попахнетъ! Это вотъ смотрите-во, добрые люди, Данила Ераковъ созвалъ таперича экихъ богачей, штобъ обманывать, а-а-ахъ-ха-ха-а... Своего, вишь, капитала не стало, обнищаль, ѣсть нечего, такъ на обманы пошелъ, ха-ха-ха-а. Трофимъ, напиши имъ условье влиномъ на берестѣ, слышь!

— Пошто-же такъ-то влиномъ-то на берестѣ?

— Слышь, Трофимъ, влиномъ на берестѣ, говорю тебѣ, напиши, на берестѣ влиномъ, другого имъ и не будетъ условья отъ меня и мараться не хочу!

— Эхъ, Макаръ Василичъ, совсѣмъ это неосновательное дѣло затѣялъ! со вздохомъ произнесъ Трофимъ Кириловичъ.

— И не разговаривай съ нимъ, слышь, молчи!

— За штожь ты осерчалъ-то, Данила Ераковъ, ахъ, ахъ-а-ахъ, ка-акой ты тугой! ну-у, качая головой, произнесъ затѣявшій неосновательное дѣло Макаръ Васильевичъ, изподлобья переглянувшись и съ другими компаньонами.

— Мо-олчи, говорю, слышь! Ты въ моемъ домѣ, меня и слушай, а не хошь, поди за порогъ, тамъ и разговаривай, вонъ съ Анфилкой работникомъ разговаривай, а я тебя не хочу слушать!

— Ну, иди велишь и пойду!

— Поди, съ глазъ моихъ поди! Экому честному человѣку, какъ ты, съ такимъ таперя обманщикомъ, какъ Данила Ераковъ, да я бы за одно вниманье не взялъ въ избѣ-то сидѣть, пить ты чай?

— Благодарю поворно... угошшася!

— До сыта?

— Доволенъ! што-жь исшо, чего надоть...

— И ноги, ступай со Христомъ!

Макаръ Васильевичъ всталъ и, переминаясь съ ноги на ногу, запахнулъ зипунъ на груди. Настало продолжительное и самое тяжелое молчаніе. Склонившись руками на колѣни, Анфиногенъ Борисовичъ сидѣлъ насупившись, Амвросій Николаевичъ нерѣшительно и боязливо поглядывалъ на расходившагося Данилу Иракліевича, который то отиралъ потъ со лба, то натягивалъ на колѣни постоянно спадавшую съ него полу халата, открывая зрителямъ полосатые, тиковые штаны. Трофимъ Кириловичъ сидѣлъ, тоже видимо смущенный и, понурившись, малъ концы скатерти.

— Условье, контрактъ, связался-бы это я, снова началъ Данила Иракліевичъ, все еще не отдѣлавшись отъ мучившей его мысли, разбивавшей заранѣе составленные имъ планы.—Што, обѣднать я, обнищаль, штоль? Хлѣба мнѣ не закупить безъ васъ иль ума, прости Господи, не хватить этимъ дѣломъ сѣорудовать!.. Гляди-ко какіе компаньоны нашлись, а? Ха-ха-ха-а... исшо дѣла и на грошь не сдѣлали, а ты имъ ужъ условье пиши, што барынгъ

пополамъ, а? Да нѣшто у меня своихъ кармановъ не хватить, куда экой-то барышъ склать, а? Ну, нѣ-ѣ-ѣтъ, этакъ дѣла дѣлать я себѣ не ворогъ! Я и самъ все обдѣлаю, мнѣ экихъ-то компаньоновъ и на дворъ не надоть! Пиши условье, ха-ха-ха-а,— и Данила Ираклиевичъ закачалъ головой,— я-же по добротѣ хотѣлъ людямъ хлѣбъ насущный дать, потому ужь ста-а-арь, кошъ и въ три горла хватай, такъ всего, чѣмъ Господь взискалъ по щедротамъ своимъ, не перехватаешь, власть ужь некуда! Коли-бъ дѣти были, и дѣтямъ-то не прожить-бы и внукамъ-то што исъ, дай, думаю, другихъ участливилю, поминъ по душѣ оставлю! А они условье, ха-ха-ха-а-а, у-условье! Экого барышника, прости Господи, нашла, а? Не надоть-же, никого мнѣ не надоть, въ гробъ съ собой все веля сложить, а никому ни копейки.

— Што-жь, Данила Еракычъ, сердать-то, не убилъ вѣдь я тебя эвтимъ словомъ-то! снова слезливымъ голосомъ спросилъ его Макаръ Васильевичъ. И въ этихъ словахъ, помимо его воли, сказалося и раскаянiе, и уничиженiе, и эгоистически-жадная натура его, невнящая, какой путь вѣрнѣе избрать, чтобъ не упустить своей цѣли.

— Убилъ! дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ Данила Ираклиевичъ,— это штобъ я, при моихъ теперь лѣтахъ, въ обманъ, а-а?

— А-а-ахъ, ты Господи, вотъ напраслина-то! Да нѣшто я сказалъ это, други? вопросительно обведя всѣхъ, оправдывался онъ.

— Насевозь вижу всю твою душу, Макаръ!

— Ну, не хошь условья, и не надоть: по чести дѣло поведемъ!

— Есть-ли ишо она у тебя, честь-то, спросилъ-бы ты, а?.. Нѣшто это честь, што ты за добро за мое, за мое расположенье, што я вотъ не забылъ васъ, самъ Трофима послалъ, — са-а-мъ: поѣзжай, говорю, зови, дадимъ и имъ хлѣбъ, не все-же однимъ ѣсть; а ты мнѣ экие выводы сталъ дѣлать, а? Да кто я-то?..

— Ну, обмолвился... не по душѣ тебѣ—и прости... смиренно произнесъ Макаръ Васильевичъ, присаживаясь на стулъ.

— О-обмолвился — ха, ха, ха! Несмышленочекъ, обмолвился онъ! Скажи лучше по душѣ: самъ хотѣлъ, по своей привычѣ, обмануть?

— Ужъ это совсѣмъ ты напраслину, Данила Еракычъ, и-ей-Богу! По моему худому уму, однако, ишо и не родился такой человекъ, што тебя обманеть.

— Не родился, вотъ это ты вѣрно сказалъ, — што вѣрно, то вѣрно, не потаю.

— Отъ Данилы Еракыча не скроешься, Макарь Василичъ, это точно: на-а-асквозь онъ видитъ всякую фальшь! уставивъ глаза въ потолокъ и поглаживая бородку, виѣшался Трофимъ Кириловичъ. — А што размоливлся онъ съ тобой, продолжалъ онъ, — такъ и я скажу, хоша-бы и до кого доведись, обидно недовѣрие-то ваше, особливо въ теперешнее время, што настало, — та-я-желое время: всѣмъ-бы надоть вкупѣ быть, сообча, подружнѣй, а вы все врозь да врозь, а-а-а...

— Время, што сказать, трудное! грустно отозвался и Макарь Васильевичъ: — народъ все своеобычнѣе становится, все и мѣтитъ, какъ-бы нагрубить да обмануть... говорю, волю-то вотъ дали ему совсѣмъ не ко времяю...

— Не ко времяю; пожалуй-што отъ мужика ужъ нонѣ не жди добра, подтвердилъ слова его Анфиногенъ Борисовичъ, увѣсисто выпрямившись на стулѣ, — не-е жди-и!

— Ты слыхалъ-ли, кто нами нонѣ править-то будетъ, законы-то уставлять? спросилъ его Данила Иракліевичъ.

— Окромя начальства кому-жь-бы? съ недоумѣніемъ посмотрѣвъ на него, спросилъ Макарь Васильевичъ въ свою очередь, — кому-же болѣ-то?

— Начальство!.. да кто начальствомъ-то этимъ будетъ надъ нами — старшиной-то нашимъ, къ кому вотъ ты долженъ будешь съ поклономъ-то идти?

— Въ народѣ-то поговариваютъ про Бычкова Егора...

— Ну, любь онъ тебѣ?

— Не знаю я, Данила Еракычъ, какъ тебѣ потрафить-то, а сказалъ-бы, што съ экимъ старшиной окромя бѣды ничего миръ не наживеть.

— Што-жь онъ не по тебѣ пришелся, а?

— Не мнѣ одному онъ солонъ-то! со вздохомъ отвѣтилъ онъ.

— Ха, ха-а! што-жь такъ? — мужикъ-бы всѣмъ взялъ, сказываютъ, што и медвѣдей пугаетъ... а-ахъ-ха-ха-а! Ты, Макарь, поди, боишься?

— Боятся его мнѣ нечего, Данила Еракычъ, я вѣдь не медвѣдь, а только скажу, что при прежнемъ горномъ начальствѣ антому-бы не бывать. А што-жь ты не скажешь намъ, вград-

чиво спросилъ онъ, впившись въ него своими подслѣповатыми глазами, — тебѣ-то онъ любъ-ли?

— Я-то? — я люблю его.

— О-о? Вѣдь, вишь, вотъ ты какой: съ тобой не знашь, какъ и говорить: тебѣ скажешь одно, а ты въ сердце войдешь да на другое своротишь. Можетъ, ты и любишь его, Данила Еракичъ, кто тебя знаетъ! говорилъ онъ, все такъ-же пытливо глядя на него, — а я на одномъ постую: сѣтъ онъ въ народѣ смуту, со-всѣмъ неподходящую. Нашъ алтайскій мужикъ и то ужъ совсѣмъ отъ рукъ отбился: начальству шапки не гнетъ, не токма простому человѣку, отъ грубостей-то проходу нѣту, да ишо старшину-то себѣ эваго подберетъ, такъ и изъ волости вонъ бѣги, — вѣрное слово тебѣ говорю, побѣжишь! Какой тебѣ ждять управы отъ старшины, што самъ на ножъ лѣзетъ? Ты погляди-ко, чего у нихъ въ Бурановой-то дѣется: староста-то для одного названья сидитъ, а всѣмъ Бычковъ заправляетъ. Прошлой весной, скажу тебѣ, чего это онъ съ горнымъ чиновникомъ сдѣлалъ, такъ вѣдь вчужѣ смѣхъ беретъ, и-ей-богу! Пріѣхалъ тотъ съликать народъ на опалку *); староста и наряди, и народъ собрался, а на ту пору изъ тайги и вынеси нелегкая этого самаго Егора; видить, мужики ѣдутъ. „Куда?“ спрашиваетъ. — „Да на опалку“. — „Што вы, молодцы, какая темерь, говорить, опалка, когда свѣжая тра-

---

*) Алтайскіе лѣса составляютъ собственность кабинета Его Имп. Вел. и, для предохраненія ихъ отъ пожаровъ, особенно часто свирѣствующихъ въ Сибири, ежегодно весной по деревнямъ разѣзжаютъ особо отряжаемые отъ горнаго вѣдомства чиновники или урядники, на обязанности которыхъ лежитъ «опаливаніе лѣсовъ», т. е. выжиганіе на извѣстномъ пространствѣ, на примыкающихъ къ лѣсамъ поляхъ, осенней травы. Такъ-какъ у сибирскихъ крестьянъ существуетъ обыкновеніе, для лучшаго урожая травъ, весной пускать на сѣнокосныя поля «паль» для выжиганія прошлогодней травы, то, если около лѣса не было произведено предварительной опалки, огонь отъ опаловъ, доходя до лѣса, воспламеняетъ и его, — по крайней мѣрѣ, большинство лѣсныхъ пожаровъ приписывается этой случайности. Но выяснимъ фактъ, какъ производятся эти опалки. Отряжаемые для этой цѣли чиновники или урядники, пользуясь своимъ правомъ, требуютъ по деревнямъ для этой операціи гораздо болѣе народа, чѣмъ его нужно въ дѣйствительности, и въ дорогое для крестьянъ время «запашки полей», когда дорога каждая рабочая сила въ семьѣ, держутъ ихъ на этой операціи какъ можно долше съ цѣлю взять съ нихъ откупное, смотря по уговору. И часто сами крестьяне, чтобы избавиться, наконецъ, отъ этой ежегодной данн, зажигаютъ прилегающіе къ ихъ деревнѣ лѣса. Другое средство избавленія для нихъ не всегда доступно.

ва, почестъ, по лодыжку поросла, аль рубли въ карманѣ зудать?“ Ну, мужики-то и говорятъ ему: „требуешь, самъ чиновникъ вонъ сзади насъ ѣдетъ“. — „А вотъ, говоритъ, къ посреднику представить его аль въ горно-правленіе, такъ вѣрнѣй дѣло-то будетъ; пусшай, коли опаливать надоть, такъ ѣдетъ во-время, а не теперь, когда и палить нечего“. А мужики-то вѣдь горой за него, — и послушай его, вернись; чего-жь? — вѣдь и чиновникъ-то ничего съ нимъ не подѣлалъ: кричалъ, кричалъ, грозилъ ему, грозилъ, а онъ одно, сказываютъ, — стоитъ да смѣется; такъ ни съ чѣмъ и уѣхалъ, и съ рукъ сошло, вотъ вѣдь диво-то! Ужъ коли онъ вотъ съ чиновникомъ экой порядокомъ завелъ, такъ чего-жь съ мужикомъ-то будетъ, а? Совсѣмъ это, говорю, напрасно Блеменъ Иванычъ даетъ рости ему: выростетъ онъ ему на шею; помани мое слово, Данила Еракичъ, што и въ волость не пустить его, даромъ-што онъ посредникъ!

— Станется: мужикъ самостоятельный! прервалъ его Анфиогенъ Борисовичъ; — съ нимъ не скоро сговоришь, и-и уныный-же!

— Ума его, Финогенъ Борисычъ, никто не шевелить, какой-только умъ-то это? Другое дѣло, если у человѣка есть умъ да въ тихости онъ живетъ, сторонится отъ всего, а не мутить, — это у-у-умъ! А што и въ умѣ томъ, если онъ только коровить, какъ-бы вредъ тебѣ сдѣлать да смуту? По правдѣ, говорятъ, живетъ, да его-ли дѣло правду-то заводить? Правдой-то должно начальство вѣдать, а не мужи-ишь: мужичье дѣло — покорись, а не строптивься!

— Мужику, Макарь, должно быть завсегда въ покорствѣ... правда! Надоть-бы спѣсь-то эту съ Егора-то сбить, надоть-бы!

— Не намъ сбивать ее, Данила Еракичъ! Погляди, какъ онъ объѣхалъ мужиковъ-то, гдѣ-бы чего по волости не стряслось, все къ нему бѣгутъ, все къ Егору Семеннычу за совѣтомъ! Силе-ень, какъ-же ты собьешь-то его, а? Его шесть тысячъ душъ слушаютъ, а ты-то одинъ?

— Съ де-еньгами все можно!

— Деньги, што сказать, и камень точать, а все скажу: о-ой... не въ этакоемъ дѣлѣ, а можетъ, ты и лучше знаешь, поучи!

— Для того вотъ я тебя и позвалъ, вотъ я и барышъ съ тобой дѣлю, што-бы всѣмъ вмѣстѣ быть съ обща! Ты знаешь-ли, што онъ замышлять, Егоръ-то этотъ, всѣхъ хлѣбныхъ скупши-

ковъ прекратить; ты вотъ съ меня условье запросилъ, а? съ волненіемъ въ голосъ продолжалъ онъ,—а я вотъ коня посреднику подарилъ, а за што-о?.. За васъ, за вашу наживу, а-а?.. Ты слышалъ-ли это?

Какъ ни привыкли присутствующіе ко всѣмъ выходкамъ Данилы Ираклевича, но все-таки послѣднее извѣстіе его было до того неожиданно, что даже узкіе глаза Макара Васильевича расширились и точно съ непривычки, точно свѣтъ отъ оплывшихъ салныхъ свѣчъ, рѣзалъ ихъ, они заморгали, но все-таки усиливались хотя на нѣкоторое время сохранить это новое для нихъ положеніе.

— Што глядите-то?.. Коня отдалъ, коня што тыщу рублевъ нѣтъ стоитъ, штобъ только Егора вашего сократить и не будетъ его, помани меня, не будетъ!

— За это Данила Ерамычъ... точно... можно сказать... дай тебѣ Богъ! произнесъ, наконецъ, Макаръ Васильевичъ,—я не я скажу, а всякой кто потолковѣй, смута-то эта не по душѣ всякому, а чего-жъ Клеменъ-то Иванычъ говорить, а-а? тихо спросилъ онъ.

— Сказалъ, што не будетъ!

— Радѣеть онъ о мирѣ-то, душу-то его спаси Господи!

— Аль меня, говорить, не будетъ, аль Бычкова... его слово...

— Экой неосновательный мужикъ, какъ подумаю, а?.. и навяжется-же этакой! качая головой, съ раздумьемъ началъ Анфиногенъ Борисычъ.—Тревоги-то сколько и начальству, и міру ну-у... о двухъ головахъ, о-одной давно-бы не сносить! Не выдадутъ только мужики-то его, Данила Ерамычъ?

— Лѣса-то ишо не всѣ выгорѣли, ха-ха-ха-а... на науку-то хватить.

— Ха-ха-а... такъ-то, пожалуй!

— Трофимъ будетъ старшиной, это вотъ слышали-ли, а-а? обведа ихъ самодовольнымъ взглядомъ, спросилъ онъ.

— О-о!.. Ну, Данила Ерамычъ, у тебя што ни часъ, то новинка, Го-о-осподи, да энто ты съ чего? изумленно взглянувъ на него, испуганнымъ голосомъ произнесъ Трофимъ Кирилычъ:—да неужто это изъ шести-то тысячъ народу-то въ волости и лучше-то не найдется, слышали, други! обратился онъ еъ остальнымъ собесѣдникамъ, также изумленно поглядывавшимъ на Данилу Ираклевича, сидѣвшаго улыбаясь и пощелеывая пальцами.

— Испугался, ха-ха-а...

— Дро-огнешь, ай-ай, и шу-утникъ-же только ты... погляжу я!

— А почему-бы и не быть тебѣ, Трофимъ Кирилъчъ, старшиной, началъ съ раздумьемъ Макаръ Васильевичъ. — Чего-жь-бы пугаться-то, по крайности, ужъ человѣкъ нашей масти, пра-аво!

— Легко сказать это, Макаръ Васильичъ, старшиной, да я...

— Служать-же другіе, вступился и Анфиногенъ Борисычъ, — неушто ты хуже того-же Егора. Ужь тутъ, по крайности, знать будешь, што точно надъ тобой старшина сидитъ, какое дѣло, не дасть тебя въ обиду, не засвиститъ изъ чужихъ губъ.

— Не засвиститъ, правда, Финогенъ, подтвердилъ Данила Иракліевичъ. — А чего-жь ты-то испугался? обратился онъ къ Трофиму Кириловичу.

— А-ахъ, Данила Ерамычъ, и умный ты человѣкъ, а какъ ты это судишь, плаксиво отозвался онъ. — Дѣло мое маленькое, самъ ты знашь, какіе мои капиталы, черезъ пень тычинка! Хорошо, што ты хлѣбъ даешь, пошли тебѣ Богъ, тобой и я и семья сыты! А старшиной-то быть вѣдь послѣдняго лишишься, чего и есть, гдѣ-бы у тебя въ ину пору спѣшное дѣло по домашности, а тебя оторвутъ, то туда поѣзжай, то въ другое мѣсто, раззоренье одно, раззоренье! И што-жь нѣтъ у насъ людей, што-ли? Можно сказать, въ тыщу кратъ достойнѣй, Макаръ Василичъ.

— Не тѣ года, Трофимъ Кирилъчъ, и не суй меня въ эту вашу!

— Ну ты не хошь, — Финогенъ Борисычъ... тоже слава Богу... есть-бы изъ чего.

— Спа-асибо... это штобъ... нѣ-ѣтъ, Трофимъ Кирилъчъ, не мое это дѣло!.. качая головой, отвѣтилъ тотъ.

— А-а-а, видите, всѣмъ вотъ нелюбо, всѣ себя стерегутъ, а што-жь-бы Амвросу Николаичу, слава Богу — не послѣдній человѣкъ, можно сказать, изъ первыхъ.

Амвросій Николаевичъ только, засмѣявшись, махнулъ рукой и отвернулся.

— И доможъ-то баба управляетъ, а то ишо волостью, а-а-ахъ ха-ха... — и Данила Иракліевичъ захохоталъ.

Остальные, кромѣ Трофима Кириловича, тоже засмѣялись.

— Слабъ, слабъ и-и самъ знаю, што слабъ, тряся головой и махая руками, отозвался незлобивый Амвросій Николаевичъ.

— Всѣ вотъ вы въ сторону пятитесь, а за што-же это меня-то въ эту петлю суετε, аль што побѣднѣй, изъ чужихъ рукъ гляжу! обидчиво началъ Трофимъ Кирилычъ.

— Коли тебя самъ начальникъ садить, такъ ты молчи! крикнулъ на него Данила Иракліевичъ, — Клемень Иванычъ самъ мнѣ сказалъ: я, говорить, знаю его, у него не будетъ смущенья народу и я, говорить, буду за все покоенъ!

— И правда! въ одно почти слово отозвались и Макарь Васильевичъ и Анфиногенъ Борисовичъ.

— Правда... я его знаю!.. А ты молчи, сытъ будешь, не выходи только изъ моей воли, плакаться на нужу нечего, служи-и, а мы вотъ съ тебѣ съ повлономъ будемъ за все ходить, потому ты старшиной нашимъ будешь, судить насъ будешь, а-а-ахъ, ха-ха-а-а...

— Служи, Трофимъ Кирилычъ, служи-и, доброе это дѣло, человекъ ты тверезнѣй, ума не занимать, Богъ тебѣ далъ на твою долю, за все ты будешь въ порядкѣ и-и-и любое дѣло, и намъ-то изъ за тебя сподручнѣй! наставительно ласкающимъ тономъ говорилъ ему Макарь Васильевичъ, — право, лю-любое дѣло!

— Своей масти человекъ, чего-жь ишо лучше-то! Правду ты давѣ сказалъ, Макарь Васильичъ.

— Служи-и съ Богомъ, поддержимъ гдѣ надоть, не выдадимъ! и насъ кое-кто послушать, порадемъ за тебя!

— Вотъ энто и я говорю, началъ Данила Иракліевичъ, — што надоть энтаго Егорку сбить съ мужичьей совѣсти, и Клемень Иванычъ это наказалъ! Таперя мы въ обчемъ дѣлѣ порѣшено, такъ съ обча и дѣлать будемъ! Условье энто ты выбрось изъ головы, обратился онъ къ Макару Васильичу, — я тѣ и безъ условья съ лихвой награжу, мнѣ и своего хватать некуда, а то я-бы ишо твое сталь хватать, а?... и ты, Финогенъ, и ты вотъ, Амвросъ, скажи это мое слово своей Дарьѣ, она и баба, да у ней ума-то болѣ другого мужика, она дѣло-то понимаетъ, человекъ-то, говорю! Вотъ я и сказываю, будете вы деньги задавать, то давай только тому мужику, што съ понятіемъ, што тебя будетъ слушать, копейку ему надбавь, другую, въ убытѣ не будешь... на-гражу, а заставь себя слушать, штобъ онъ изъ твоей воли не

выходилъ! А этаго Егора штобы и въ поминѣ не было; чего ты не сдѣлашь, я сдѣлаю, не сдѣлашь мы, посредникъ сдѣлать, а ужь не бывать Егору моимъ старшиной, не бывать Анфимѣ, въ ноги поклонюсь, а не ему, не его гордынѣ! Чего тамъ будетъ, доложь мнѣ, а ужь посредникъ нашъ за меня, говорю, што посадить-то вотъ меня куда не зналъ... особенный, говорить, мужикъ-то ты, а?.. Мотри-жь, говорю, штобъ это слово мое крѣпко было! А опосля, можетъ быть, я тѣ и условье дамъ... слышали вы это, дамъ условье, штобъ души-то ваши не бились, какъ рыба въ сѣти, што Данила Ераковъ вашего добра хочеть... только не выходи никто изъ моей воли, не серди меня!..

И долго еще говорилъ на эту тему Данила Иракліевичъ съ своими компаньонами. При первыхъ пѣтухахъ только скрипнула калитка въ воротахъ дома его, запираемая заспавшимся Анфимомъ за ушедшими гостями. Въ весеннемъ, но еще морозномъ воздухѣ звучно раздавались и шаги ихъ и говоръ. „А-а-ахъ, какъ вы это говорите други, служи-и-и... не знавши чужого-то дѣла, да и неужь лучше-то человекъ нѣтъ, а?“ слышался пѣвуче-жалобный голосъ Трофима Кириловича. — „Богъ милостивъ, сте-ер-пи, авось апосля и слюбится?“ утѣшалъ его Макаръ Васильевичъ.

Н. Наумовъ.

(Продолженіе будетъ.)

БЕЗЪ ИСХОДА.

РОМАНЪ.

XXXII.

Насталъ давно ожидаемый день выборовъ. Грязнополье ожилося. По большой Дворянской улицѣ то и дѣло сновали экипажи съ господами избирателями, спѣшившими въ дворянское собраніе. Въ большой залѣ Собранія замѣтно было нѣкоторое оживленіе; раздѣлившись на группы, гг. избиратели громко толковали о выборахъ; въ одной группѣ раздавался громкій хохоть: бесѣда шла нецензурная. Грязнопольскія дамы, собравшіяся на хорахъ, лорнировали мужчинъ и многія не безъ трепета ждали исхода выборовъ, отъ которыхъ зависѣла лишняя одна, другая тысяча въ домашнемъ бюджетѣ.

Въ половинѣ двѣнадцатаго появился Колосовъ въ парадномъ мундирѣ и любезно пожималъ руки направо и налево, отыскивая кого-то глазами. Встрѣтившись съ Стрекаловымъ, онъ такъ горячо, задушевно пожалъ ему руку, что даже привелъ Николая Николаевича въ нѣкоторое смущеніе.

— Сегодня вашъ день, Николай Николаевичъ! промолвилъ Колосовъ. — Черезъ часъ, много два у насъ будетъ достойный предсѣдатель управы.

— Благодарю за пожеланіе, Александръ Андреевичъ. Я, конечно, не посмѣю отказаться отъ этой чести, но пожеланіе можетъ остаться пожеланіемъ.

„Размяжь, небойсь! подумалъ предводитель, — теперь не откажешься, а давеча говорилъ, что ни, боже, ни!“

— Увидите! докончилъ Колосовъ и отошелъ къ Рыбакову, одиноко стоявшему у окна.

-- Свѣтлѣйшій еще не пріѣзжалъ?

— Нѣтъ.

— Впрочемъ, еще двѣнадцати нѣтъ... Ну, какъ дѣла, Афанасій Яковлевичъ?

— Точно вы сами не знаете, Александръ Андреевичъ?

— Прокатятъ? мигнулъ глазомъ Александръ Андреевичъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ Стрекаловъ.

— Полагаю.

— На черненькихъ?

— На самыхъ черненькихъ!

Оба джентельмена разсмѣялись.

— А я его только что увѣрялъ отъ всей души...

— И вамъ не жаль его? хихикнулъ маленькій господинъ.

— Не такое нынче время, батинька. Вы, кажется, тоже не изъ жалостливыхъ? Однако, что-же это старый не ѣдетъ, вѣдь безъ него, пожалуй, мы рано и смѣемся! говорилъ Колосовъ, безпокойно поглядывая на окно.— Ужъ не ударъ-ли прихлопнулъ свѣтлѣйшаго? Вотъ во время-бы удружилъ, нечего сказать. Безъ десяти двѣнадцать, сейчасъ долженъ быть губернаторъ.

— Надо, Александръ Андреевичъ, непременно оттянуть выборы до пріѣзда Вяткина, а то вѣдь нашихъ знаете: пока палки нѣтъ—и ладу нѣтъ!

— Самъ знаю, что надо, да какъ? Еслибы генераль закатилъ рѣчь на часъ времени, но на это мало надежды: его превосходительство не рѣчисть.

Колосовъ сдвинулъ безпокойно брови, подозвалъ къ себѣ Лападова и тихо отдалъ ему приказаніе:

— Луните къ Вяткину. Моихъ лошадей возьмите и просите его скорѣй... немедленно ѣхать... Если, молъ, ваша свѣтлость не пріѣдетъ, Стрекалова выберутъ. Такъ и скажите. Поняли?

— Понялъ-съ!

— Съ богомъ... Непременно доставьте сюда князя, иначе вашъ гонорарій—фитъ!

Колосовъ снова взглянулъ на часы. Стрѣлки были на двѣнадцати и въ залѣ появился молодой генераль, на котораго обрати-

лись всѣ взгляды грязнопольскихъ дамъ. Колосовъ пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Можно открывать? спросилъ генераль.

— Не рано-ли, ваше превосходительство?

— У меня на часахъ ровно двѣнадцать и, кажется, избирательей довольно! промолвилъ генераль, окидывая взглядомъ собраніе.

Всѣ усѣлись и генераль подошелъ къ предсѣдательскому мѣсту. Колосовъ безпокойно посматривалъ на двери и въ его лицѣ проглядывало волненіе. Генераль сталъ говорить рѣчь.

Рѣчь была недурная и, главное, не длинная. Объяснивъ важность дарованнаго самоуправленія, пожелавъ успѣха „молодому дѣлу“ и заявивъ надежду, что „земство пойдетъ рука объ руку съ администраціей, какъ два родные брата“, генераль объявилъ собраніе открытымъ и вслѣдъ за тѣмъ сейчасъ-же уѣхалъ.

Александръ Андреевичъ занялъ мѣсто предсѣдателя и глаза его поминутно поглядывали на дверь. „Экъ старый копается!“ мысленно проговорилъ Колосовъ. Рыбаковъ безпокойно глядѣлъ на Колосова и ждалъ, чѣмъ кончится эта исторія, не безъ душевнаго волненія. Прошла еще минута молчанія и лицо Александра Андреевича приняло обычное спокойное выраженіе. Онъ снова взглянулъ на дверь, но уже безъ волненія и, окинувъ взглядомъ собраніе, поднялся и торжественно заговорилъ:

— Милостивые государи! Прежде чѣмъ приступить къ такому важному дѣлу, какъ выборы, отъ которыхъ, какъ совершенно справедливо изволилъ замѣтить г. начальникъ губерніи, зависить въ началѣ успѣхъ самого дѣла, я позволю себѣ предложить вамъ, милостивые государи, по древнему русскому обычаю, отправиться въ соборъ и отслужить молебень, дабы призвать помощь Всевышняго на предстоящее намъ великое дѣло, дарованное милостью высшаго правительства. Я вполнѣ увѣренъ, милостивые государи, что вы не откажете моему предложенію?

Натурально, милостивые государи вполнѣ были согласны съ мнѣніемъ почтеннаго Александра Андреевича, а Рыбаковъ даже привскочилъ отъ удовольствія и не могъ не шепнуть: „умень, каналья! Ловко оттянулъ выборы!“

Цѣлая толпа, съ Колосовымъ во главѣ, отправилась къ собору. По дорогѣ толпа встрѣтила князя Вяткина и старый генераль, въ лентѣ и въ орденахъ, присоединился къ шествію.

— Отчего это, ваша свѣтлость, изволили запоздать? освѣдомился Колосовъ.

— Развѣ я опоздалъ? Кажется, нѣтъ... Я не опаздываю никогда... Знаете-ли, былъ разъ случай... Командовалъ я полкомъ, нѣтъ, что я?.. дивизіей и назначенъ былъ смотръ, высочайшій смотръ, ровно въ двѣнадцать часовъ. Только вообразите себѣ: прибѣгаетъ ко мнѣ адъютантъ, блѣдный, — я строго былъ, — и говоритъ: „ваша свѣтлость изволили опоздать: безъ пяти минутъ двѣнадцать.“ Я — часы... смотрю: безъ пяти минутъ одиннадцать... Сдѣлалъ выговоръ молодому человѣку. Надо осмотрительнѣй, говорю, а то опоздать. Что вы?

Въ соборѣ торжественно былъ отслуженъ молебенъ и затѣмъ, приложившись къ мощамъ мѣстнаго угодника, толпа вернулась обратно въ собраніе.

Приступили къ выборамъ. До баллотировки большинство дворянъ обступило князя Вяткина и просило его быть предсѣдателемъ управы. Князь прослезился, благодарилъ за честь и, заявивъ, что не можетъ, указалъ на Колосова.

Стали баллотировать. Колосовъ былъ избранъ огромнымъ большинствомъ голосовъ, а Стревалова, рѣшившагося, не смотря на это, попытать счастья, торжественно прокатили на вороныхъ при нескрываемой радости князя и иронической улыбкѣ Колосова.

Александръ Андреевичъ не пренебрегъ, разумѣется, случаемъ сказать одну изъ своихъ рѣчей, въ которыхъ онъ, по обыкновенію, благодарилъ за довѣріе и, между прочимъ, обѣщавъ „свято блюсти интересы нашего молодого самоуправления, хотя-бы это и стоило жертвъ“.

Избиратели, разумѣется, рукоплескали красивому слогу Александра Андреевича, хотя въ головы ихъ незамѣтно и проглядывалась мысль о ненадежности Александра Андреевича въ денежномъ отношеніи. Впрочемъ, мысль эта проскользнула только и затѣмъ всѣ стали поздравлять Александра Андреевича, который обязательно пригласилъ всѣхъ гг. избирателей къ себѣ на „скромный обѣдъ“. Такъ какъ всѣ очень хорошо знали „скромные обѣды“ предводителя, то, естественно, всѣ принимали приглашеніе, заранѣе обливаясь.

— Придумали-же вы фокусъ... удивили даже! шепнулъ Рыбаковъ передъ обѣдомъ, любовно глядя на Колосова.

— Поправился, а?

— Очень.

Оба легко вздохнули и пошли обѣдать.

XXXIII.

Николай Николаевичъ возвращался домой въ отвратительномъ расположеніи духа. „И я дуракъ-то... вѣрилъ еще этому подлецу! вслухъ ругался Стрекаловъ.— Все было у нихъ заранѣе подготовлено.“ Стрекаловъ подѣхалъ къ дому и такъ сильно подавилъ пуговку, что Филать, быстро отворившій двери, сообразилъ, что баринъ чѣмъ-то недоволенъ. Настасья Дмитріевна, съ трепетомъ ожидавшая приѣзда мужа, тотчасъ-же прошла въ кабинетъ и, взглянувъ на Николая Николаевича, сразу поняла, что онъ потерпѣлъ неудачу.

— Тебя *это* огорчило, Николай? тихо спросила она.

— Нисколько, Настенька, право, нисколько! храбрился Стрекаловъ.

— Выбрали Колосова?

— Ну, разумѣется. Бнязь Вяткинъ,—ты вѣдь знаешь, какъ всѣ наши болваны боятся его,—порекомендовалъ его; его и выбрали. Эта скотина, кромѣ того, разславилъ меня чуть не краснымъ, кстати и лекціи на заводѣ приплелъ.

— Кто тебѣ это сказалъ?

— Губернаторъ.

Настасья Дмитріевна сумрачно покачала головой.

— Онъ, конечно, не придаетъ словамъ этого дурака никакого значенія, но все-таки...

— Прекрати ты эти глупости. А то вздумали лекціи читать... Еще не то про тебя выдумаютъ.

— Надо сказать Черемисову...

— Слѣшны! промолвила Настасья Дмитріевна съ торжественностью пророчицы.— Безумцы! тихо говорила она и подергивала своими искривленными отъ злости губами.— Не знали, кого выбираютъ... Вчера еще его бранили за растрату, а сегодня онъ—безкорыстный дѣятель! Хороши! добавила Стрекалова, смѣясь тихимъ, язвительнымъ смѣхомъ.

— Да, близоруки... онъ ихъ огрѣветъ! не безъ злости сказалъ Стрекаловъ. — И по дѣломъ! Впрочемъ, ну ихъ, чего мнѣ еще? заговорилъ онъ, спустя нѣсколько времени, глядя на жену съ какой-то ласковой задумчивостью. — Ты мой незамѣнимый другъ, дѣти наши—ребята хорошіе, сложа руки мы, кажется, не сидимъ, а въ потѣ лица зарабатываемъ свой честный хлѣбъ... Развѣ это не счастье, Настенька?

— Милый ты мой! замѣтила Настасья Дмитріевна, припадая на грудь супруга.

За обѣдомъ Николай Николаевичъ не безъ игривости рассказывалъ о своей неудачѣ „сослужить службу родинѣ“, шутилъ съ дѣтьми и, казалось, легко примирился съ неудачей. Но это только казалось. Когда онъ пришелъ въ кабинетъ и остался одинъ, онъ долго ходилъ въ волненіи изъ угла въ уголь и не разъ такъ энергично ругался вслухъ, что привелъ бы въ большое смущеніе Настасью Дмитріевну, еслибъ она только услышала, какія ужасныя рѣчи произносить ея любимый другъ.

Особенно мучила Николая Николаевича мысль о томъ, что теперь, пожалуй, ему не удастся провести желѣзную дорогу, которая соединила бы Грязнополе съ Кавказомъ. „У этого мерзавца (надо думать, Стрекаловъ имѣлъ въ виду Колосова) губа не дура и онъ, при помощи стараго глупца (вѣроятно, Николай Николаевичъ подразумѣвалъ свѣтлѣйшаго) и земства, смастеритъ эту штуку!“

А „штука“, по мнѣнію Николая Николаевича, была очень заманчивая штука. Онъ въ сотый разъ прикинулъ примѣрно, сколько-бы осталось отъ постройки съ версты и даже „примѣрная“ сумма на маленькихъ счетахъ выходила такая, что хватывало дыханье, а пальцы примирали къ костяшкамъ.

— Одинъ счастливый ударъ и цѣль сразу достигнута... Сразу! шепнулъ Николай Николаевичъ.

Подъ влияніемъ этой громадной „примѣрной“ суммы, и деревни и заводы какъ-то меркли и теряли въ глазахъ Николая Николаевича прежнюю цѣнность. Въ виду возможности вдругъ получить то, что накапливается десяткомъ лѣтъ, Стрекаловъ въ эту минуту готовъ былъ-бы на многое.

Пріобрѣтатель-художникъ уже мечталъ о тѣхъ сокровищахъ, которыя лились къ нему широкой волной: въ его воображеніи

проносился длинный поѣздъ его дороги, вмѣсто его удобнаго дома въ Грязнополѣ передъ нимъ выросалъ дивный дворецъ въ Петербургѣ. А дальше? Дальше — почетъ, блескъ, слава, портретъ въ иллюстраціяхъ, статьи въ газетахъ и новыя гигантскія предприятия, послѣ которыхъ его имя, пожалуй, сдѣлается историческимъ. Развѣ это не широкій размахъ жизни? Развѣ такая цѣль не стоитъ труда?

Николай Николаевичъ откинулся въ креслѣ, точно хотѣлъ отогнать отъ себя безумныя мысли. Онъ мысленно оглянулся на пройденный путь и могъ по совѣсти сказать, что потрудился на своемъ вѣку не мало и нажилъ состояніе. Но развѣ такія бываютъ состоянія? Развѣ теперь, въ горячее время, когда умные люди изъ ничего созидаютъ громадныя богатства, не пора-ли и ему дѣйствовать, чтобъ не остаться съ розинутымъ ртомъ, когда минетъ пароксизмъ концессионной горячки?

Онъ возлагалъ надежды на земство. Оно могло быть прочной ступенью, но эта ступень исчезла изъ-подъ ногъ. Надо разсчитывать на другое.

У него есть дочь. Онъ ее любитъ, горячо любитъ. Она хороша, его Ольга, и предсѣдатель суда, Рѣчинскій, не сегодня, завтра сдѣлаетъ предложеніе. Онъ это знаетъ навѣрное.

А Ольга?

Стрекаловъ попробовалъ заглянуть въ душу къ дочери и пожалуй, что въ первый разъ въ жизни испыталъ недоумѣніе. Что за человекъ она, его Ольга? Будетъ-ли она счастлива съ Рѣчинскимъ и такъ-ли легко будетъ нести бремя супружества, какъ несетъ ея мать? И кажется, что впервые Николай Николаевичъ задумался надъ серьезнымъ, вдумчивымъ выраженіемъ строгихъ сѣрыхъ глазъ, и отцу почему-то вдругъ стало жаль дочь, точно онъ собственноручно свивалъ ей цѣпь, готовясь приковать ее къ не любимому человеку.

„Это вздоръ!“ прошепталъ онъ.

Женскій идеалъ Николая Николаевича вполне олицетворялся въ его женѣ: „она не увлекалась, она не волновалась, не задумывалась (вспоминалъ Стрекаловъ время своего сватовства), а развѣ мы не счастливы? А отчего?—Мы умѣли исполнить свои обязанности. И Ольга, конечно, какъ и ея мать, съумѣетъ исполнить свой долгъ!“ отгонялъ свои сомнѣнія отецъ и загнулся на послѣднемъ

словѣ. Передъ нимъ смутно пронесся образъ молодой женщины, при видѣ которой у него когда-то сильнѣй билось сердце, какъ никогда потомъ не билось при видѣ Настасьи Дмитріевны. Припомнилъ онъ, что Ольга упряма, по временамъ бываетъ какая-то странная. Тысяча мелочей изъ ея дѣтства припомнились ему и эти мелочи приняли теперь въ глазахъ отца характерный оттѣнокъ,—онѣ свидѣтельствовали о самостоятельности и силѣ Ольги характера.

И онъ снова пожалѣлъ дочь.

А предсѣдатель суда представлялъ со всѣхъ сторонъ отличную партію: молодъ, основателенъ, имѣетъ связи, карьера, и крупная карьера, впереди. Стрекаловъ взвѣсилъ всѣ эти стороны, но въ главномъ ему совѣстно было признаться даже самому себѣ. Рѣчинскій былъ сыномъ финансоваго туза, черезъ котораго вопросъ о милліонахъ могъ быть легко рѣшенъ замужествомъ дочери. Такимъ образомъ, все зависѣло отъ Ольги.

— А если она не согласится? Развѣ подвернется подобный случай? И развѣ такіе случаи часты?

Снова на лбу Николая Николаевича появились морщины, свидѣтельствовавшія о напряженіи мысли. Снова пріобрѣтатель-художникъ мечталъ о золотой рѣкѣ и въ концѣ концовъ онъ рѣшился: дочь его выйдетъ замужъ за Рѣчинскаго.

Рѣшившись, онъ все-таки даже и подумать не посмѣлъ о принужденіи дочери. (Боже сохрани; онъ ее такъ любитъ!) Онъ только рѣшился во что-бы то ни стало убѣдить дочь. Ему казалось нетруднымъ дѣломъ убѣдить семнадцатилѣтнюю дѣвушку.

Отвязавшись отъ своихъ сомнѣній, Николай Николаевичъ сталъ спокойнѣй; обычная улыбка разгладила морщины и его маленькіе, умные глазки, чернѣвшіе, точно угольки, забѣгали быстро.

Онъ тихо придавилъ пуговку у своего стола и въ дверяхъ, словно тѣнь, появился Филатъ.

— Управляющій не приходилъ?

— Сейчасъ пришли.

— Позовите его, а какъ онъ выйдетъ, попросите ко мнѣ Настасью Дмитріевну!

Тщательно приглаженный, бѣлокурый нѣмецъ, лѣтъ сорока, съ большими бѣлыми зубами и длинными рыжими усами, вошелъ въ кабинетъ и низко поклонился.

— Садитесь, Карлъ Карловичъ. На заводѣ все благополучно?

— Благополучно, Николай Николаевичъ, только...

— Что?

— Народъ очень лѣнивый, сами знаете... Недовольны, когда штрафъ налагаемъ.

— Развѣ много штрафованныхъ?

— Человѣкъ сорокъ. Сегодня при расчетѣ шумѣли немного...

Говорятъ: „это безсовѣстно!“

Карлъ Карловичъ улынулся презрительной улыбкой и прибавилъ:

— А развѣ русскій мужикъ понимаетъ совѣсть?

„Ты понимаешь-ли?“ промелькнуло въ головѣ у Стрекалова.

Карлъ Карловичъ помолчалъ и потомъ тихо замѣтилъ:

— Позволю вамъ сказать, прежде этого неудовольствія не было. Они понимали, что штрафъ берется за нехорошій поступокъ, и молчали.

— Что вы хотите этимъ сказать, Карлъ Карловичъ?

— Я хочу доложить вамъ, съ вашего позволенія, что народъ портиться сталъ.

— Отчего?

— Русскій мужикъ мысли хочетъ имѣть! совсѣмъ глупо улынулся Карлъ Карловичъ.—Лекціи слушаетъ!

— Вамъ онѣ не нравятся?

— Точно такъ, не нравятся! рѣшительно произнесъ Карлъ Карловичъ.—Я самъ на нихъ бываю и...—Карлъ Карловичъ помолчалъ минуту.—Это нехорошо... Г. Черемисовъ неосновательный человѣкъ, вы меня извините.

— Много народу бываетъ на его чтеніяхъ?

— Очень много, послѣднее время и дѣти стали ходить. Это нехорошо, Николай Николаевичъ. Послѣ этихъ лекцій какого уваженія можно ожидать. Штрафъ назначишь,—недовольны. Сегодня я посадилъ трехъ въ карцеръ,—опять недовольны... Какъ вамъ угодно, а это очень нехорошо. Дисциплины нѣтъ—ничего нѣтъ! совсѣмъ горячо добавилъ Карлъ Карловичъ.

— И докторъ читаетъ?

— И г. докторъ, и тоже нехорошо. Вчера такъ говорилъ г. докторъ: если, говорить, пища дурна и квартира дурна, человѣкъ мало живетъ, а если, говорилъ г. докторъ, пища хороша и квар-

тира хороша, человекъ много живетъ. Вы, конечно, изволите понимать, что это значить? подмигнулъ ядовито голубымъ глазами Карлъ Карловичъ.—У насъ, въ Пруссiи, такому-бы доктору отказали.

— То у васъ, въ Пруссiи, а то въ Россiи! почему-то вдругъ осердился Николай Николаевичъ.

— Это, конечно, не мое дѣло, но я только, съ вашего позволенiя, доложилъ вамъ...

• Карлъ Карловичъ всталъ.

— Приказанiй не изволите дать?

— Нѣтъ. Завтра я самъ у васъ буду.

„И чортъ меня сунуль просить тогда объ этихъ чтенiяхъ. Со всѣхъ сторонъ о нихъ говорятъ. Одинъ Черемисовъ ни слова, точно этихъ чтенiй и нѣтъ. Вѣрно, впрочемъ, нѣмецъ привралъ. Не любить онъ Черемисова.“

Онъ подумалъ о Черемисовѣ и сознался, что до сихъ поръ не могъ себѣ дать яснаго отчета, что это за человекъ.

Богда пришла Настасья Дмитриевна, Стрекаловъ не прямо приступилъ къ вопросу, его занимавшему; онъ прежде поговорилъ о постороннихъ вещахъ и только спустя четверть часа будто неожиданно обронилъ:

— Рѣчинскiй сегодня былъ, Настенька?

— Нѣтъ... А что?

— Такъ...

— Онъ сталъ рѣже бывать.

— Не замѣтилъ... Отчего?

— Объ этомъ надо спросить у Ольги! полузагадочно отвѣтила Настасья Дмитриевна.

— А не у Рѣчинскаго?

— Врядъ-ли... Ольга что-то послѣднее время нелюбезна съ нимъ. Я ее спрашивала: что это значить?—молчить!

— Тебѣ это кажется, мой другъ, что она нелюбезна. Рѣчинскiй любитъ Ольгу и если-бы...

— Ты думаешь, я не молю объ этомъ Бога?

— Они были-бы счастливы? допрашивалъ Стрекаловъ.

— Я думаю. Онъ такой порядочный человекъ и навѣрное любитъ Ольгу.

— А Ольга?

— Ольга? переспросила мать, на секунду останавливаясь въ раздумьѣ.—Я увѣрена, Николай, она съумѣетъ исполнить свой долгъ, какъ я! проговорила съ гордостью Настасья Дмитріевна.— Если она пока не влюблена, если она выйдетъ замужъ безъ сумасшедшей страсти... что-жь? Богъ съ ней со страстью! Страсть къ добру не ведетъ. Разумная привязанность лучше.

— Ты думаешь, зная Ольгу?

— Увѣрена! категорически отчеканила мать, вспомнивъ о томъ, какъ она сама выходила замужъ.

Оба замолчали. Оба задумались. Ни отецъ, ни мать не промолвились, почему и тому, и другому такъ хотѣлось этой свадьбы.

— Я давно собиралась поговорить съ тобой, мой другъ, объ этомъ. Времени терять нечего; надо сблизить молодыхъ людей и убѣдить Ольгу.

— Ты развѣ думаешь, она не согласится?

— Не то... Она согласится, но только...

— Противъ воли... ты это хочешь сказать, Настенька? порывисто спрашивалъ Стрекаловъ.

— Богъ знаетъ, что у нея на душѣ. Ольга послѣднее время стала скрытна, всегда одна за книгами у себя въ комнатѣ, ко мнѣ не ласкается, какъ прежде...

— Ты что нибудь подозрѣваешь?

— Богъ съ тобой! Въ чемъ подозрѣвать Олю?

— Черемисовъ близокъ съ ней? неожиданно спросилъ отецъ съ какимъ-то страннымъ, необъяснимымъ волненіемъ, мгновенно охватившимъ все его существо.

— Что ты, что ты?—Настасья Дмитріевна даже перекрестилась.—Избави этого, Боже!

— То-то! вздохнулъ легко Стрекаловъ.—Съ чего это ко мнѣ шальная мысль забрела!

— Твой Черемисовъ сфинксъ. Молчить все. Онъ и съ Федей не особенно, кажется, близокъ, хотя Федя и любитъ его. Воля твоя, не люблю я твоего Черемисова.

— За что? За его молчаливость, Настенька?

— Богъ знаетъ, что онъ за человѣкъ! вздохнула Стрекалова.— Сердце говорить мнѣ, Николай, не другъ онъ нашему семейству. Не вѣрю я ему, не вѣрь и ты... Сердца въ немъ мало. Я давно

наблюдаю за Фодей и стало казаться мнѣ, что не тотъ сталъ Федя, что былъ прежде.

— Факты, Настенька, факты!

— Ихъ нѣтъ. Онъ увертливъ и хитеръ, твой Черемисовъ! Я только чувствую, что Федя не тотъ. Холоднѣй ко мнѣ сталъ, подчасъ странныя идеи высказываетъ, самъ себѣ постель стелеть, говорить: стыдно заставлять другого. Это чье вліяніе?

— Ну это еще не бѣда... Въ порядку приучается.

— Не то, мой другъ, не то...

— Ты, Настенька, предубѣждена противъ Черемисова.

— Неправится онъ мнѣ и эти его лекціи на заводѣ, изъ-за которыхъ Богъ знаетъ что на тебя выдумаютъ.

— То кровь кипитъ, то силъ избытокъ! усмѣхнулся Стрекаловъ.— Впрочемъ, онѣ скоро прекратятся... Богъ съ ними!

— Давно-бы пора... Говорятъ, онъ тамъ на заводѣ любовь приобрѣлъ... Не твоя польза у него на умѣ, вѣрь мнѣ!

— Да у меня-то она! Я пятьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ живу и не меня провести какому-нибудь молокососу. Такъ ты думаешь, вліяніе его на Федю скверное?

— Дай Богъ, чтобы я ошибалась! вздохнула Настасья Дмитріевна.

Хотя осязательныхъ фактовъ и не было, но въ сердце Стрекалова заронилось сомнѣніе: „странный онъ человѣкъ, очень странный!“

Николай Николаевичъ покачалъ головою и спросилъ:

— Ты спрашивала Федю, о чемъ Черемисовъ говорилъ съ нимъ?

— Спрашивала.

— И что-же?

— Федя отвѣчалъ съ улыбкой, что о многомъ они говорятъ.

— Гмъ.—Стрекаловъ пожалъ плечами.—Сейчасъ Карлъ Карловичъ былъ... Тоже жалуется...

— Будь на сторожѣ, мой другъ. Отъ этихъ людей все стается. Замѣтилъ: онъ никогда лба не перекреститъ!

Стрекаловъ промолчалъ. Въ его глазахъ это была не большая бѣда. Онъ самъ не отличался особеннымъ соблюденіемъ обрядовъ.

— И эта сухость... рѣзкость какая-то... Точно онъ съ нами и говорить-то не хочетъ...

— Это ужъ характеръ такой.

— Н-н-нѣтъ... Нѣтъ, Николай. Я наблюдала за нимъ. Иной разъ такъ презрительно смотритъ, столько злости...

— Наблюдай, Настенька, и если что замѣтишь, скажи. Избави Богъ Федю отъ дурного вліянія... Избави Богъ... И Ольгу береги! Время нынче смутное! проговорилъ Стрекаловъ съ чувствомъ страха за своихъ любимыхъ дѣтей.

— Да! вздохнула мать.— Странное время... Стригутъ волосы и идутъ въ доктора! добавила она, презрительно скрививъ губы.

Стрекаловы проговорили за полночь и результатомъ ихъ бесѣды было рѣшеніе: во что бы то ни стало, убѣдить Ольгу принять предложеніе Рѣчинскаго.

— Это было-бы счастіемъ для всѣхъ насъ! закончила Настасья Дмитриевна, поднимаясь съ кресла и прислушиваясь къ бою часовъ.— Однако, поздно, Николай, первый часъ!

— Да, Настенька, для всѣхъ, моя умница! значительно промолвилъ Стрекаловъ, цѣлуя жену.

— Ты, быть можетъ, ужинать хочешь, Нивсъ? предложила Настасья Дмитриевна, останавливаясь на порогѣ.

— И, если позволишь, съ хересомъ, улыбнулся Николай Николаевичъ, любуясь роскошнымъ станомъ жены, которая лѣниво потягивалась и изгибалась съ неподдѣльной кошачьей граціей.

— Будетъ и хересь, мой другъ! тихо отвѣтила она, кивнувъ головой, и ровнымъ шагомъ ушла распорядиться, чтобы подали ужинать въ маленькой столовой. По дорогѣ она остановилась у дверей Ольгиной комнаты и приложила ухо. Она услышала тихое, ровное дыханіе спящей дѣвушки и пошла дальше.

„Избави Боже!“ тихо шепнула она, перекрестилась и съ чувствомъ злобы подумала о Черемисовѣ.

XXXIV.

Глѣбъ сидѣлъ въ раздумьѣ передъ толстой книгой счетовъ, только что имъ оконченной. Цифры показывали ловкое обирание со стороны Карла Карловича. Показывая въ отчетахъ плату рабочимъ, цифра которой была и безъ того не особенно велика, онъ въ дѣйствительности платилъ значительно меньше. Счетъ

штрафныхъ денегъ тоже былъ нечистъ, — цифры показывали это ясно.

Долго сидѣлъ Глѣбъ надъ своей работой и сумрачно глядѣлъ на массу исписанныхъ цифръ. Невольно приходили ему на память слова Крутовскаго, что ничего изъ этого не выйдетъ. Увлеченный работой, онъ и не хотѣлъ думать объ этомъ, а теперь?

Онъ припомнилъ, что въ послѣднее время отношенія Стрекалова замѣтно измѣнились, онъ нѣсколько разъ намекалъ о чтеніяхъ, самъ сталъ посѣщать ихъ и даже выказалъ неудовольствіе, что на чтенія ходитъ много народу. А доктора уже просили прекратить ихъ. Глѣбъ ждалъ, что скоро, пожалуй, и его попросятъ о томъ-же.

Онъ нервно вскочилъ и, словно волкъ въ клѣткѣ, заходилъ по комнатѣ.

Въ эти минуты онъ припомнилъ всѣ тѣ мелкія подлости и сдѣлки съ совѣстью, отъ которыхъ въ бывшее время съ негодованіемъ-бы отшатнулся, но съ которыми въ домѣ Стрекаловыхъ ему поневолѣ приходилось мириться. Года четыре тому назадъ онъ сурово-бы отвернулся отъ Стрекалова, а теперь онъ любезничалъ, хитрилъ съ нимъ. А впереди еще видѣлась длинная кривая дорога разныхъ мелочныхъ гадостей, которую надо было пройти, не выдавъ своего отвращенія.

А чего достигнешь?

Глѣбъ горько засмѣялся.

„Прохвость ты, прохвостомъ, въ глазахъ большинства, такъ всю жизнь и останешься! шепталъ онъ глухимъ голосомъ, готовый зарыдать отъ злости.—Мышь подлая, безсильная... Что ты сдѣлаешь, что? А туда-же? мудрый змѣй! Змѣй, котораго всякій, кому не лѣнь, раздавить!“

Глѣбъ бросился на постель и уткнулся въ постель. Глухія, тяжелыя рыданія вырвались изъ его груди.

Въ это время по коридору проходила Ольга и до ея слуха долетѣли эти больные стоны. Она въ испугѣ остановилась и прислушалась. „Господи, неужели это онъ?“ подумала Ольга и сердце ея замерло. Она невольно подошла къ дверямъ, онѣ были неплотно притворены и дикіе стоны слышались явственно. Ей хотѣлось войти въ комнату, но она почему-то боялась.—Но онъ, быть можетъ, боленъ?—Она тихо пріотворила дверь и заглянула. Все

было тихо. Высокая фигура Черемисова стояла у окна, спиной къ Ольгѣ. Она быстро отскочила и тихо притворила двери, такъ что Глѣбъ ничего не слышалъ.

„Что съ нимъ... вѣрно, ему тяжело? думала Ольга, спускаясь внизъ, ошеломленная только что слышаннымъ. — Какіе тяжелые были стоны! Отчего онъ страдаетъ? задумывалась молодая дѣвушка и ей хотѣлось подойти къ нему и спросить, что его мучить. Она горько усмѣхнулась своей мысли, вспомнивъ его вѣчно суровое лицо и холодное обращеніе. — Что я ему? подавила вздохъ Ольга, садясь за фортепіано.

Глѣбъ долго стоялъ у окна и не слышалъ, какъ давно уже стучали въ дверь. Наконецъ, постучали сильнѣй и Глѣбъ повернулъ голову и попросилъ войти. Вошелъ Филать.

— Письмо вамъ, Глѣбъ Петровичъ.

Глѣбъ взялъ письмо и хотѣлъ было читать, но замѣтилъ, что Филать дожидается.

— Вамъ нужно что?

— Я, Глѣбъ Петровичъ, имѣю къ вамъ просьбу...

— Въ чемъ дѣло?

— Приищите мнѣ, Глѣбъ Петровичъ, какое нибудь мѣстечко.

— Не могу я этого сдѣлать, Филать. Гдѣ я вамъ мѣсто приищу? Сами знаете, знакомыхъ у меня никого нѣтъ.

— Да я не по лакейской части, — надоѣла она: я — еслибъ куда нибудь въ деревню, на волю...

— И этого не могу... А здѣсь видно ужь очень не нравится?

— Богъ съ ними! махнулъ Филать своей длинной рукой, проводя по носу, — все штрафы да штрафы... А здѣсь мнѣ долго не жить, нѣтъ возможности, Глѣбъ Петровичъ. Строгость — это еще ничего, но только что-жъ они изъ меня сдѣлали? продолжалъ Филать, очевидно, давно искавшій случая передъ кѣмъ нибудь излить свое горе.

— А что?

— А то, что сталъ я, однимъ словомъ, какъ обученная собака, сказалъ Филать, комично оттопыривая руки. — Мнѣ-бы жить въ деревнѣ, охотникъ я до деревенской жизни, а тутъ вотъ (онъ показалъ на шею) бѣлаго этого ошейника да фрака не снимаю, да только слушаю: „Филать, подайте! Филать, примите! Филать, позовите! Филать, уберите!“ не безъ злобы передразнивалъ Фи-

латъ своихъ господъ. — Развѣ это жизнь? Я, конечно, Глѣбъ Петровичъ, къ слову только. Можетъ, услышите о мѣстѣ, а грамоту знаю, конторщикомъ могъ-бы...

— Ладно; коли что услышу, скажу.

— Благодарю васъ, Глѣбъ Петровичъ!

Филать, по обыкновенію, поклонился и ушелъ.

— И ему надоѣло! усмѣхнулся Глѣбъ, принимаясь за письмо.

Письмо было отъ Людмилы Николаевны. Въ длинномъ посланіи она рассказывала Глѣбу известную читателю исторію Фенички и въ заключеніе просила Глѣба помочь. „Я просто теряю голову, Глѣбъ Петровичъ, кончала она письмо, — какъ спасти бѣдное созданіе. Нѣсколько времени тому назадъ я собиралась просить васъ, но думала, что съумѣю помочь и безъ васъ. Теперь вижу, что ошиблась, денегъ я достала немного, безъ денегъ ничего нельзя сдѣлать; если можете, помогите. Я буду васъ завтра ждать въ слободѣ“.

— Бѣднягѣ самой помощи искать нужно, а она другимъ вѣчно помогаетъ! какъ-то грустно улыбнулся Глѣбъ, окончивъ письмо.

На другой день онъ отправился въ слободу.

— Ишь, непосѣда! крикнула ему Ленормъ изъ сада, когда Глѣбъ проходилъ мимо.

Глѣбъ обернулся и, увидавъ обѣихъ дѣвушекъ, поклонился. Ольга особенно внимательно взглянула на него и никакой перемены не замѣтила въ его лицѣ; ей только показалось, что глаза его стали какіе-то задумчивые.

— Вы куда это, г. Черемисовъ, собрались?

— Гулять.

— Вѣрно, опять на заводъ?

— А что? быстро спросилъ Глѣбъ.

— Ничего. Вы вѣдь влюблены въ рабочихъ.

Глѣбъ ничего не отвѣтилъ и собирался отойти.

— Вы здоровы, Глѣбъ Петровичъ? вдругъ неожиданно спросила Ольга и покраснѣла.

Ленормъ быстро окинула ревнивымъ взглядомъ Ольгу и Черемисова.

— Отчего вы спросили, Ольга Николаевна? Развѣ я кажусь больнымъ?

— Нѣтъ... такъ... мнѣ показалось! сконфузилась молодая дѣвушка.

— Я совершенно здоровъ.

— Такіе люди не болѣютъ, Ольга! не безъ ироніи замѣтила Ленормъ. — Имъ некогда. Они живутъ головой, а не сердцемъ прибавила она со скрытымъ упрекомъ въ голосѣ.

— Вы думаете? задумчиво проговорила Ольга и, не дожидаясь отвѣта, точно онъ ее нисколько не интересовалъ, тихо отошла отъ рѣшетки и пошла въ глубину сада.

Черемисовъ спустился съ пригорка и вошелъ въ слободку. Словно пчелы, одинъ подлѣ другого лѣпились невзрачныя сѣренькіе домишки; на улицѣ была грязь, солнце пышными снопами свѣта освѣщало этотъ уголокъ нищеты и свинства... Вывѣска „портного мастера Кошелькова“ привела Черемисова къ дверямъ невзрачнаго флигелька!

— Спасибо вамъ, Глѣбъ Петровичъ, что пришли! встрѣтила Черемисова Людмила Николаевна.

Она была взволнована; глаза были красны отъ слезъ.

— Вотъ деньги, передайте ихъ и посовѣтуйте скорѣй уѣхать.

— Теперь все уладится. Они повѣнчаются и уѣдутъ. Отецъ согласился! весело щебетала маленькая женщина.

— И прекрасно!

Глѣбъ вышелъ и сѣлъ на завалинкѣ у дома.

А Людмила Николаевна отдавала деньги Феничкѣ и совѣтовала скорѣй вѣнчаться. Феничка слушала ее, все еще недоумѣвая.

— Чего вы удивляетесь? Вѣдь теперь все хорошо устроилось. Правда? обратилась она къ бѣлокурому подмастерью Афанасью.

— Ужь я не знаю, какъ и благодарить васъ! проговорилъ мастеровой.

— Какія тамъ благодарности. Главное—уѣзжайте, да не забудьте, что я у васъ посаженная мать.

— Добрыя вы, вдругъ сказала Феничка и заплакала.

— Ахъ, какая вы плакса. Съ чего это? утѣшала Людмила Николаевна, утирая набѣгавшія на глаза слезы.—Теперь Колосова не бойтесь.

Она обняла дѣвушку и, не выслушавъ благодарностей Афанасія, быстро вышла изъ комнаты.

Крутовская и Черемисовъ шли молча по слободѣ. Черемисовъ искоса поглядывалъ на свою спутницу и злился на ея благодушное настроеніе. А Людмила Николаевна шла и ни о чемъ не думала, она рада была доброму дѣлу и какъ-то душевно размякла. Изрѣдка она взглядывала на Черемисова и, видимо, не рѣшалась сказать что-то такое, что готово было слетѣть съ языка. Наконецъ добрая женщина не выдержала и тихо, ласково прошептала, глядя своими большими синими глазами въ лицо Глѣба:

— Какой вы добрый!

„Какая ты юная!“ подумалъ Глѣбъ и, въ отвѣтъ на ея слова, прибавилъ шагъ.

— Вотъ и спасли человѣка! сказала она голосомъ, въ которомъ звучала задушевная нота.

— Вы думаете? ѣдко спросилъ Глѣбъ, взглядывая сбоку на маленькую добрую женщину.

— А вы? удивилась Людмила Николаевна, широко раскрывая глаза.—Развѣ нѣтъ? Къ чему-жъ тогда было помогать?

— Были деньги, вотъ и все! оборвалъ Черемисовъ, пуще озлившись послѣ естественнаго вопроса своей спутницы.

Она замолчала. Испугавшись суроваго тона, она, какъ улитка, спряталась въ скорлупку и до самаго дома не проронила слова. Только прощаясь, она робко спросила:

— А къ намъ?

— Въ другой разъ, Людмила Николаевна.

— Вы сердитесь на мужа?

— Съ чего вы это взяли? опять раздражился Глѣбъ.

— Такъ зайдите. Володя радъ будетъ.

Черемисовъ отказался. Онъ былъ въ такомъ настроеніи, что ему никого не хотѣлось видѣть.

— Въ другой разъ я зайду! проговорилъ Глѣбъ.—А вы не сердитесь на мои слова, Людмила Николаевна. Смягчите ихъ въ вашемъ добромъ сердцѣ! прибавилъ онъ, крѣпко пожимая ея маленькую ручку.

Долгое время спустя послѣ этой сцены Людмила Николаевна не могла себѣ объяснить, отчего это ей всегда такъ неловко въ присутствіи Черемисова и отчего его тонъ такъ рѣзалъ ея нѣжныя уши. „То-ли дѣло Володя! Онъ умѣетъ говорить мягко и нѣжно и насмѣшка его не такая жесткая!“ Тѣмъ не менѣе сердце

ей подсказывало, что на такого человѣка, какъ Глѣбъ, положить можно. „Странный онъ только, но вовсе не злой!“ говорила въ послѣдствіи не разъ Людмила Николаевна про Черемисова.

XXXV.

Черемисову не хотѣлось домой. Его манило за городъ. Не спѣша, направился онъ къ стариннымъ городскимъ воротамъ и вышелъ въ поле; на удачу выбравъ одну изъ тропинокъ, онъ незамѣтно прошелъ густую дубовую рощу и очутился на берегу рѣчки. Вкругомъ было тихо. Солнце уплывало за горизонтъ, и синій лѣсъ, на другомъ берегу, свѣтился золотистымъ цвѣтомъ. Послѣ жаркаго дня въ воздухѣ потянуло прохладой.

Глѣбъ прилежъ на отлогомъ берегу и долго пролежалъ тутъ, убажываясь тихимъ, ласковымъ журчаніемъ извиистой рѣчки. Незамѣтно онъ заснулъ и видѣлъ странный сонъ.

Ярко освѣщенная церковь. У алтаря священникъ въ полномъ облаченіи кого-то ждетъ. Вотъ и невѣста въ сопровожденіи родныхъ. Онъ взглянулъ—передъ нимъ Ольга, но не та, которую онъ видитъ каждый день за обѣдомъ, тихая, задумчивая, а другая, просвѣтленная счастіемъ; словно лучи на цвѣтахъ, сіяло оно въ ея глазахъ, лицѣ, улыбкѣ. А женихъ? заинтересовался Глѣбъ. И зачѣмъ вдругъ онъ, Глѣбъ, очутился рядомъ съ Ольгой? Онъ хочетъ отойти, но она удерживаетъ его голосомъ, полнымъ любви: „Куда-же ты? Вѣдь ты знаешь, я люблю тебя и готова за тобой хоть на край свѣта, а ты любишь-ли?“ Глѣбъ молчитъ. Языкъ отказывается говорить неправду и онъ въ смущеніи опускаетъ голову. „Вѣдь заводъ-то будетъ у тебя въ рукахъ!“ шепчетъ на ухо Глѣбу чей-то насмѣшливый голосъ. „Испугался, храбрый витязь? Другого такого случая не представится!“ — „Что-же ты молчишь... Согласенъ?“ снова шепчетъ тихій, ласкающій слухъ голосъ. — „Да!“ рѣзко отвѣтилъ Глѣбъ и обрядъ начался. „Что я дѣлаю?“ мелькнуло у него въ головѣ, но уже поздно. Обрядъ конченъ и всѣ его поздравляютъ. „Ну-съ, теперь заводъ вашъ, но не дорого-ли вы за него заплатили, Глѣбъ Петровичъ? смѣется Стрелаловъ. — „Не дорого-ли, любезный зять?“ шипитъ змѣиный

голосъ Настасьи Дмитріевны. — „Не дорого-ли?“ звучать со всёхъ сторонъ голоса, сливаясь въ какой-то дикій гулъ.

„Оставь ихъ въ покоѣ! нѣжно говоритъ ему Ольга. — Пусть они говорятъ, что хотятъ, ты мой и нието тебя у меня не отниметь. Отчего ты только такъ странно глядишь... Вѣдь ты не обмануль меня... ты любишь?“ — „Нѣтъ!“ чуть было не вырвался рѣзкій крикъ и Глѣбъ еще ниже опустилъ голову.

„Ну-съ, теперь устраивайте счастье людей на шкурѣ моей дочери! хохочетъ Стрекаловъ. — Она, конечно, умретъ, но вѣдь вамъ наплевать? Что значить одна единица передъ тысячею, не такъ-ли? Что-жь ты молчишь? Отвѣчай, по крайней мѣрѣ!“ И онъ вдругъ выдается на Глѣба и хочетъ задушить его. Но Глѣбъ предупредилъ это движеніе и тонкими цѣпкими пальцами впился въ его горло. Ольга бросается на помощь, но Глѣбъ такъ взглянулъ на нее, что она остановилась, пораженная. „Оставь отца!“ умоляетъ Ольга. — „И ты за него?“ вдругъ вскрикиваетъ Глѣбъ и въ бѣшенствѣ, оставивъ отца, сжимаетъ ее въ желѣзныхъ тискахъ. „Такъ ты меня не любишь? Ты и меня принесъ въ жертву, а я тебя любила, любила и теперь люблю“, тихо шепчетъ она и тихія слезы льются изъ глазъ дѣвушки.

Невыразимая тоска охватила сердце Глѣба, какой-то холодный ужасъ пробѣжалъ по всему тѣлу при видѣ этихъ слезъ. Онъ хочетъ говорить, но грудь сдавлена, точно на ней лежитъ невыносимая тяжесть. А она, какъ нарочно, глядитъ въ глаза съ убійственнымъ укоромъ. Онъ собралъ всѣ свои силы, крикнулъ и проснулся отъ собственнаго крика.

Въ сосѣднемъ кустѣ что-то шарахнулось. Выпорхнула дикая утка и, описавъ два круга, опустилась на другомъ берегу.

„Что за чертовщина приснилась! прошепталъ Черемисовъ, отирая холодный потъ съ лица. — Какія глупости...“ Онъ припомнилъ сонъ и засмѣялся, вспомнивъ „эту мелодраму“ во снѣ.

Стало смеркаться. Глѣбъ на плоту перебрался на другой берегъ и направился черезъ лѣсъ узкой, глухой тропинкой, хорошо ему знакомой. Онъ шелъ быстро и дошелъ уже до половины лѣса, какъ вдругъ, въ сторонѣ за деревьями, услыхалъ знакомый голосъ Ольги. Глѣбъ невольно остановился и слушалъ.

— Какъ все это у васъ просто, Леонидъ Васильевичъ! говорила дѣвушка.

— Я отъ жизни невозможнаго не требую, Ольга Николаевна! отвѣчалъ мягкой мужской голосъ, въ которомъ Глѣбъ призналъ голосъ предсѣдателя суда, Рѣчинскаго.

— Я ничего не требую... я только сомнѣваюсь! тихо замѣтила Ольга.

Настало молчаніе. Фигуры Рѣчинскаго и Ольги мелькнули дальше между деревьями. Черемисовъ пошелъ тише по пропинкѣ, которая шла параллельно дорогѣ. „Сомнѣвается, однако, эта миссъ!“ проскользнуло у него въ головѣ и ему почему-то стало пріятно.

— Обстоятельства складываютъ жизнь, намѣчаютъ, такъ сказать, колею ея, продолжалъ, нѣсколько обтачивая слова, Леонидъ Васильевичъ.—Стараться выдти изъ этой колеи...

— Глупо? перебила Ольга.

— Я, Ольга Николаевна, врагъ рѣзкихъ выраженій. Я скажу—неблагоразумно.

— И всё стремящіеся къ жизни, которая-бы ближе стояла къ идеалу, люди...

Ольга остановилась и взглянула на Рѣчинскаго.

— Часто честные, но неблагоразумные! твердо и увѣренно закончилъ Рѣчинскій.

Они опять прошли нѣсколько шаговъ молча.

„Положительно, миссъ не похожа на миссисъ!“ повторялъ про себя Черемисовъ.— „Только къ чему это она такъ допрашиваетъ этого джентльмена изъ окружного суда?“

— Хорошо-бы я былъ, снова заговорилъ Рѣчинскій,—если-бы вдругъ ни съ того, ни съ сего бросилъ-бы свое судейское кресло и пошелъ-бы по свѣту искать какихъ-нибудь эфемерныхъ идеаловъ, о которыхъ пишутъ въ романахъ и то плохихъ. Не правда-ли, я былъ-бы очень комичный Донъ-Кихотъ?

Раздался тихій, приличный смѣхъ. Ольга тоже улыбнулась, представивъ изящную, приличную фигуру Леонида Васильевича въ образѣ Донъ-Кихота. Глѣбъ чуть громко не захохоталъ.

— И вы удовлетворены?

„Допрашиваетъ, точно слѣдователь, эта всегда молчаливая миссъ!“ улыбался Глѣбъ.

— Разумѣется. Одна сторона моей жизни вполне удовлетворена. Я живу въ обществѣ и, какое-бы оно ни было,—не смѣю не сказать, что оно еще очень далеко отъ трезвыхъ идеаловъ,—

я служу ему, какъ этого требуетъ долгъ порядочнаго человѣка. Я попалъ въ струю теченія и плыть противъ него...

— Неблагодарумно? опять подсказала Ольга съ едва замѣтной ироніей въ голосѣ.

— Было-бы смѣшнымъ донъ-вихотствомъ, шокирующимъ трезво глядящаго на вещи человѣка. Развѣ вы съ этимъ несогласны, Ольга Николаевна?

Ольга ничего не отвѣчала и старательно вертѣла въ рукахъ зонтикъ.

— Вы, вѣрно, много читали романовъ, Ольга Николаевна? замѣтилъ Леонидъ Васильевичъ.

— А что? вскинула она на Рѣчинскаго глаза, полные какой-то сосредоточенной мысли.

— Мнѣ такъ кажется.

— Нѣтъ, я мало читала... И вообще я мало знаю! какъ-то задумчиво проговорила дѣвушка.

Рѣчинскій не спускалъ съ нея глазъ, любуясь ея красивымъ, строгимъ лицомъ.

Ольга замѣтила этотъ пристально устремленный взглядъ и вспыхнула.

„Какая она красавица!“ подумалъ Рѣчинскій.

— Я только что говорилъ объ одной сторонѣ жизни, но есть и другая...

Рѣчинскій снова внимательно глядѣлъ на Ольгу. Ольга упорно глядѣла себѣ подъ ноги.

— Другая, Ольга Николаевна, такъ сказать, интимная. Вамъ, впрочемъ, быть можетъ, это нисколько не интересно?

Ольга подняла голову. Она, дѣйствительно, невнимательно слушала послѣднія слова Рѣчинскаго.

— Вы говорили про другую сторону жизни, какъ-то нехотя сказала она.

— Да. Я хотѣлъ сказать, заговорилъ нѣсколько тише взволнованнымъ голосомъ Рѣчинскій,—что если-бы судьба послала мнѣ друга-жену, которая-бы мнѣ сочувствовала и дѣлила со мной труды жизни, то я былъ-бы вполне счастливъ и въ интимной жизни.

„Ну, сейчасъ руку и сердце!“ подумалъ Глѣбъ.

— Однако, мы-таки порядочно забрели впередъ, Леонидъ Васильевичъ, того и глади заблудимся... Ау! крикнула Ольга.

— Ау! Ольга, гдѣ вы? прозвучалъ ей въ отвѣтъ звонкій голосъ Ленормъ.

Рѣчинскій искоса посмотрѣлъ на Ольгу и поправилъ свои изящныя воротнички.

— Вы не охотница, какъ вижу, Ольга Николаевна...

— Ау! Ау! громче крикнула Ольга и еще прибавила шагу.

Рѣчинскій былъ нѣсколько сконфуженъ и не докончилъ начатой фразы. Онъ тихо шелъ, опустивъ голову, за Ольгой. На его красивомъ, нѣсколько смущенномъ лицѣ появилось выраженіе не то удивленія, не то недоумѣнія.

— Ау! ау! ближе кричали голоса и черезъ минуту Ленормъ и Федя выскочили изъ лѣсу.

— Сестра, гляди сколько грибовъ! весело крикнулъ Федя.— Леонидъ Васильевичъ, смотрите!

— Тепез! захотала Ленормъ, показывая на большую корзину.

— Однако, становится сыро, пора домой! замѣтила Ольга.

— Пора, mes enfans, пора! Вы, Ольга, безъ грибовъ? спрашивала Ленормъ, лукаво поглядывая на Рѣчинскаго.

— Я не искала ихъ.

— А вы, monsieur Рѣчинскій, вы не умѣете ихъ искать?

— Я плохъ въ этомъ отношеніи.

— А кушать, небойсь, ихъ любите? подсмѣялся Федя.

— А кушать люблю.

Они повернули въ сторону на тропинку и черезъ нѣсколько минутъ столкнулись съ Глѣбомъ лицомъ къ лицу.

— Вы, Черемисовъ, всегда появляетесь внезапно и, еслибъ было потемнѣй, мы-бы васъ приняли за разбойника... Откуда? засмѣялась француженка.

— Гулялъ.

— И вы наслаждаетесь природой? подсмѣивалась француженка.

— Ахъ, Глѣбъ Петровичъ, если-бы да ружье! Куропатокъ страсть! весело говорилъ Федя, присоединясь къ Глѣбу. — Вѣдь вы домой?

— Домой.

— Значить, съ нами?

„Дѣло“, № 5.

— Я пойду не по большой дорогѣ, а тропинкой.

— И мы пойдемъ тропинкой! встала Ольга.

Рѣчинскій взглянулъ на Ольгу, потому смѣрлялъ глазами Глѣба и какъ-то перекосилъ губами.

— Не сыро-ли будетъ, Ольга Николаевна? замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ... отчего-же сыро.

— Какой вы нѣженка, мосье Рѣчинскій! засмѣялась Ленормъ. — Среди лѣта боитесь простуды.

— А вы, кажется, ничего не боитесь? язвительно замѣтилъ Леонидъ Васильевичъ.

— Ничего! встряхнула головой Ленормъ, сворачивая на тропинку.

Пошли всѣ вмѣстѣ. Впереди Ольга съ Рѣчинскимъ, сзади Ленормъ, Черемисовъ и Федя.

Сперва всѣ шли молча. Ольга все оборачивалась назадъ посмотреть, не отстали-ли отъ нихъ другіе.

— Что это вы все оборачиваетесь, Ольга Николаевна?

— Боюсь, что мы останемся одни.

— Отчего?

— Въ лѣсу страшно, Леонидъ Васильевичъ.

— И даже со мной? тихо прошепталъ Рѣчинскій.

— И даже съ вами! сухо замѣтила Ольга.

— Ну, слава Богу, наконецъ заговорили! крикнула Ленормъ, услышавъ разговоръ. — Ольга, да куда вы бѣжите? Мы за вами не успѣваемъ. Г. Черемисовъ, а вы нарочно отстали? обернулась она къ Черемисову. — Съ нами скучно?

— Не скучно, а тѣсно троимъ по тропинкѣ идти.

— Федя, уступите мѣсто наставнику!

Федя пошелъ впередъ, а Черемисовъ пошелъ рядомъ съ французенкой.

Она оживленно заговорила:

— Мы сегодня въ судѣ были, Черемисовъ!

— Ахъ, я и забылъ вамъ сказать, перебилъ Федя, — и я былъ... Ужасно!

— Скверное впечатлѣніе... Судили одного какого-то блѣднаго, худого молодого человѣка, продолжала Ленормъ, — и...

— Присудили въ каторжную работу! Онъ убилъ человѣка!

— И Ольга Николаевна была? спросилъ Глѣбъ.

— Къ несчастію, и я была, Глѣбъ Петровичъ, полуобернувшись замѣтила Ольга, — и вынесла тяжелое впечатлѣніе.

— Я просто, Глѣбъ Петровичъ, чуть не заревѣлъ. Конечно, онъ убійца, но все-таки жаль.

— Напрасно жалѣете, молодой человекъ. Такихъ людей нечего жалѣть! обратился Рѣчинскій.

— Ихъ-то и жаль! невольно вздохнула Ольга.

Рѣчинскій искоса поглядѣлъ на нее и пожалъ плечами.

— Разумѣется! подхватилъ Федя.

— И я протестую противъ словъ мосея Рѣчинскаго! крикнула Ленормъ.

— Недостаетъ только протеста г. Черемисова, чтобы окончательно рѣшить, что убійца съ цѣлью грабежа не отверженецъ общества.

Всѣ вышли изъ лѣсу и полевъ шли къ дому. Полная луна отлично освѣщала дорогу. Ольга и Федя съ любопытствомъ ожидали отвѣта Глѣба.

— Совершеннѣйшая правда, г. Рѣчинскій! сухо замѣтилъ Глѣбъ.

— Я заранѣе зналъ вашъ отвѣтъ.

— Къ чему-же тогда вы спрашивали? рѣзко спросилъ Глѣбъ.

Молодые люди смѣряли другъ друга глазами.

Рѣчинскій иронически улыбался, временами взглядывая на Ольгу. А Ольга, какъ нарочно, была такъ хороша при лунномъ освѣщеніи.

„Ужъ не увлеклась-ли она этимъ неотесаннымъ развивателемъ? вдругъ скользнула въ головѣ его мысль и заставила его невольно вздрогнуть.— Не можетъ быть... нѣтъ... этого не можетъ быть!“

И Леонидъ Васильевичъ съ большей злобой взглянулъ на высокую, здоровую фигуру Глѣба, который совершенно спокойно о чемъ-то бесѣдовалъ съ Федей. Ольга внимательно слушала ихъ разговоръ.

Когда подошли домой, Глѣбъ раскланялся.

— А пить чай у насъ не будете? тихо спросила Ольга.

— Нѣтъ-съ, не буду! сказалъ Глѣбъ.

„Экій мужикъ!“ подумалъ Леонидъ Васильевичъ.

Ольга была въ какомъ-то задумчивомъ настроеніи и Леонидъ

Васильевичъ тоже. Это не укрылось отъ Стрекаловыхъ и они думали, что, пожалуй, было объясненіе и молодые люди, натурально, взволнованы.

— Хорошо-ли гуляли, господа? спрашивала Настасья Дмитріевна, присаживаясь къ самовару.

— Очень, мама! отвѣчала Ольга.

— И къ концу поспорили! кисло улыбнулся Рѣчинскій.

— Вотъ какъ... Изъ-за чего?

Ольга бросила на Рѣчинскаго взглядъ, полный ненависти. Мать поймала этотъ взглядъ и сердце ея сжалось тоской.

— Впрочемъ, не одна Ольга Николаевна спорила. Всѣ были противъ меня.

— Дѣло становится болѣе интереснымъ, Леонидъ Васильевичъ! Кто-жь всѣ?

— Ольга Николаевна, м-ше Ленормъ, Федя и г. Черемисовъ.

— Развѣ Глѣбъ Петровичъ съ вами гулялъ? пробѣжала тѣнь по лицу Стрекаловой.

— Мы подѣ конецъ съ нимъ встрѣтились въ лѣсу! вставила Ленормъ.

— И вы, конечно, разбили молодежь? со смѣхомъ встала Стрекаловъ.

— Не совѣмъ! иронически улыбнулся Рѣчинскій, — г. Черемисовъ былъ горячимъ адвокатомъ Ольги Николаевны.

— Не моймъ, а всѣхъ, Леонидъ Васильевичъ! подсказала Ольга и почему-то смутилась.

Рѣчинскій очень мило, живо и не безъ юмора передалъ содержаніе разговора и не замѣчалъ, какое производилъ впечатлѣніе на отца и мать. И тотъ и другая слушали рассказъ не безъ сердечной тоски. Отецъ боялся на сына, мать — за дочь.

— Это молодость въ нихъ говорить! улыбался отецъ, когда Рѣчинскій кончилъ рассказъ. — Молодость вѣдь неразумна, жизни не знаетъ.

Вечеръ прошелъ какъ-то скучно. Николай Николаевичъ особенно пристально смотрѣлъ на Федю и нѣсколько разъ горячо его обнималъ. Настасья Дмитріевна посматривала на Ольгу и наконецъ просила ее что нибудь спѣть. Рѣчинскій присоединился къ ея просьбамъ.

— Нѣтъ, мама, не могу. Голова что-то болитъ.

У всѣхъ на душѣ было безпокойно и Рѣчинскій уѣхалъ ранѣе обыкновеннаго.

Когда молодые люди простились съ родителями, Стрекаловы пошли въ кабинетъ и долго о чемъ-то разговаривали.

А Ольга сѣла за дневникъ и, между прочимъ, написала слѣдующую фразу:

„Никогда я не буду женой Рѣчинскаго!“

Кончивъ съ дневникомъ, молодая дѣвушка присѣла къ окну и долго просидѣла, задумчиво глядя въ глубь сада.

XXXV.

Несмотря на то, что послѣ назначенія Лампадова секретаремъ управы, работы у него было пропасть, онъ въ послѣднее время аккуратно ходилъ въ библиотечку и просматривалъ всѣ газеты, въ надеждѣ найти корреспонденцію, обѣщанную Крутовскимъ. Ужь Иванъ Петровичъ сталъ было отчаяваться и подозрѣвать, что и въ Петербургѣ Александра Андреевича такъ боятся, что не рѣшатся напечатать о немъ, какъ въ одно утро, когда онъ просматривалъ „Ежедневный Петербургскій Курьеръ“, въ глаза ему кинулся крупный заголовокъ: „Изъ Грязнополя“, а въ текстѣ полная фамилія Колосова. Трудно описать жадность, съ которой бросился Иванъ Петровичъ читать печатныя строки; онъ положительно скакали передъ его глазами и въ первыя минуты онъ во всей статьѣ только и видѣлъ, что фамилію Колосова. Только нѣсколько времени спустя, Иванъ Петровичъ успокоился и могъ оцѣнить статью по достоинству; онъ надѣлъ очки, бережно разгладилъ газету и сталъ читать. Глаза его жадно слѣдили строка за строкой и на лицѣ сіяла злорадная улыбка. „Экое перо у шельмы! говорилъ онъ, оставаясь довольнымъ какимъ нибудь ловкимъ выраженіемъ. — И безстрашный какой: такъ по фамилии и вальнулъ! одобрительно хихикалъ Лампадовъ. Иванъ Петровичъ помахалъ головой. — Экая отчаянность! Такъ онъ и допустить до слѣдствія! А все, какъ-бы не того! Ну, быть бѣдѣ! шепнулъ онъ, оканчивая чтеніе. — Онъ этого не спустить“.

Иванъ Петровичъ чуть-ли не въ третій разъ прочелъ эту статью

и, записавъ номеръ газеты, весело пошелъ въ слободку, потирая руки. Тамъ его застала другая неожиданность. Старикъ Кошельковъ, бывший, по обыкновенію, „на второмъ взводѣ“, сообщилъ ему о свадьбѣ дочери и объ отъѣздѣ молодыхъ.

При этихъ словахъ Иванъ Петровичъ чуть было не привскочилъ.

— Что это вы сказали? переспросилъ онъ.

— Дочку замужъ выдалъ, Иванъ Петровичъ, вотъ что.

— И давно свадьбу съиграли, Андроничъ?

— На прошлой недѣлѣ... Что, пальтецомъ довольны? спрашивалъ Андроничъ своего давальца, не подозрѣвая, чему это Иванъ Петровичъ радуется.

— Славное пальтецо... отличное!.. Такъ, значитъ, Андроничъ, все какъ слѣдуетъ... вы и благословили?

— А то какже? Благословилъ, Иванъ Петровичъ. Афанасій парень хорошій, ну, и работать мастеръ.

— Конечно, конечно... И приданое отвалили?

— Какое наше приданое. Люди помогли.

— Люди, вы говорите?

— Триста рублей дали, да я сотняжку прибавилъ, оно для начала и ничего себѣ, житье. Можно сбиться. Въ уѣздѣ нашего брата поменьше будетъ. Туда они и уѣхали.

Иванъ Петровичъ заморгалъ глазами, видимо очень удивленный рассказомъ Андронича.

— Одна барыня ходила, Фенина знакомая, та и деньги дала къ свадьбѣ... Вамъ, Иванъ Петровичъ, штаны не шить-ли? Али есть?

— Есть, есть, Андроничъ! Такъ, вы говорите, барыня?

— Барыня, и очень хорошая барыня, — Крутовская, слышали?

— Жена этого косматаго?

— Она самая.

— Гммъ!.. Отъ достатку дала? выспрашивалъ Иванъ Петровичъ.

— Какое отъ достатку. У самихъ-то у нихъ не богъ знаетъ какой достатокъ. Это оно понабирала. Учитель есть у Стрекаловыхъ... Чай, Николая Николаевича богача знаете?

— Ну?

— Онъ и деньги далъ. Такъ то-сь... Даромъ, что бѣдные люди, а тоже...

Андровичъ не докончилъ и сплюнулъ.

Иванъ Петровичъ поговорилъ еще нѣсколько минутъ и ушелъ, оставивъ Андронича въ недоумѣннй насчетъ цѣли прихода Ивана Петровича. Впрочемъ, Кошельковъ не долго недоумѣвалъ и, не теряя времени, отправился въ кабакъ.

„Экое дѣло! Вѣдь доброе сердце у этого шельмеца, а подумаешь, какія страсти пишеть! разсуждалъ Лампадовъ.— Все мигомъ обладилъ. То-то обрадуется его превосходительство!“ Иванъ Петровичъ не шелъ, а летѣлъ къ колосовскому дому и на душѣ у него было легко и свѣтло. Забывъ о себѣ, онъ пожелалъ счастья любимой дѣвушкѣ, искренно радуясь, что она избавилась отъ преслѣдованій Колосова.

— Александръ Андреевичъ у себя въ кабинетѣ? спросилъ онъ Гришу, который у подъѣзда бесѣдовалъ съ швейцаромъ.

— Не ходите... сердитый.

— А что? полюбопытствовалъ Иванъ Петровичъ.

— Газеты читать сталъ и освирѣпѣлъ. Видно, критику и на него пустили... Нынче на этотъ счетъ того и гляди! сказалъ не безъ важности Гриша.

— Хе-хе-хе! хихикнулъ Лампадовъ.— И очень освирѣпѣли!

— А подите-ка сами посмотрите! фамильярно замѣтилъ Гриша, насмѣшливо поглядывая на баринова секретаря.

— Я вѣдь по дѣлу... мнѣ что! обронилъ Лампадовъ, поднимаясь по лѣстницѣ.

Войдя въ залу, Иванъ Петровичъ оправился передъ зеркаломъ и долго почему-то разглядывалъ свое лицо съ грустной улыбкой. Вѣроятно, онъ остался недоволенъ осмотромъ, потому что, отворачиваясь отъ зеркала, онъ шепнулъ съ досадой: „непривлекательная, однако, у меня образина!“ и не безъ нѣкотораго душевнаго колебанія подошелъ къ дверямъ колосовскаго кабинета, постоялъ, потомъ тихо отворилъ двери и смиренно остановился у порога.

Александръ Андреевичъ ходилъ по кабинету и, очевидно, былъ разгнѣванъ; его бронзовая кожа какъ-то побѣлѣла и обыкновенно ласковый взглядъ былъ на этотъ разъ суровъ и рѣзокъ. Замѣтивъ Лампадова, Колосовъ остановился и сухо спросилъ:

— Бумаги?

— Точно такъ-съ. Есть спѣшныя.

— Давайте-ка, Иванъ Петровичъ! поспѣшили Колосовъ смягчить тонъ и протянулъ Лампадову руку.

— По запросу объ опеку г. Рыбакова, докладывалъ Иванъ Петровичъ, подавая бумагу и не безъ удовольствія взглядывая на скомканный номеръ „Бурьера“, лежавшій на столѣ.

— Отложить.

— Были запросы! подсказалъ было Лампадовъ.

— Не бѣда! оборвалъ Колосовъ.

— По дѣлу объ устройствѣ фонтана въ дворянскомъ саду, подалъ Лампадовъ слѣдующую бумагу. „Проняло небойсь!“ хихикалъ про себя Иванъ Петровичъ. „Какъ-то пройметъ, когда всю музыку узнаете ваше превосходительство? Ишь, бровяни-то на газету водить!“ слѣдилъ Иванъ Петровичъ за Колосовымъ, который по временамъ скашивалъ взглядъ на скомканный номеръ.

— Всѣ? спросилъ Колосовъ, подписывая послѣднюю бумагу.

— Точно таеъ-сь.

— О школѣ запросовъ не поступало?

— Нѣтъ-сь.

— Если поступить—доложить немедленно.

— Слушаю-сь.

Колосовъ помолчалъ. Лампадовъ почтительно стоялъ у стола, временами взглядывая урядкой на предводителя.

— Вы знаете, гдѣ живетъ Крутовской?

— Нѣтъ-сь.

— Узнайте.

Иванъ Петровичъ доложилъ, что узнаеть.

— Да разузнайте, чѣмъ занимается... понимаете-ли? Не бываетъ-ли у него сборищъ? Узнайте, подъ рукой, секретно.

— Говорятъ, Александръ Андреевичъ, онъ больше статьи разныя сочиняеть.

— Знаю. Пасквилянты! съ сердцемъ сказалъ Колосовъ.— Вотъ! мотнулъ онъ головой на газету.— Читали?

— Нѣтъ-сь. Я газеты рѣдко читаю-сь! солгалъ Иванъ Петровичъ.

— Прочтите-ка... Присядьте!

Лампадовъ осторожно взялъ хорошо знакомый номеръ газеты и нарочно сталъ долго розыскивать статью. Пробѣжавъ ее, онъ молча положилъ ее на столъ.

— Какъво?

— Этакая неслыханная, можно сказать, дерзость! испуганно покачалъ головой Иванъ Петровичъ.

— Хороши газеты... печатають всякія слетни!

— Я только удивляюсь, откуда онъ могъ услыхать такія неслыханныя клеветы-сь.

— Все это идетъ изъ Стрекаловскаго дома... Я увѣренъ. Скотина злится, что провадили, ну и слетничаетъ. Но вотъ что меня удивляетъ: какимъ образомъ онъ приплелъ сюда „несчастную дочь бѣднаго портного“.

— Это кто-сь?

— Феничка... вотъ кто!

Иванъ Петровичъ изобразилъ на своей фізіономіи глубочайшее удивленіе.

— Быть можетъ, черезъ самого отца. Онъ въ пьяномъ видѣ, быть можетъ, что и сказалъ дочери, а та могла сказать г-жѣ Крутовской, извѣстно—женщины.

— Развѣ Крутовская ее знаетъ?

— Точно такъ. Работу даетъ...

— Кстати, пришлите ко мнѣ этого пьяницу. Что онъ вамъ отвѣтилъ, а?

Иванъ Петровичъ чувствовалъ, какъ у него задрожали ноги при этомъ вопросѣ. Онъ, однако, превозмогъ испугъ и отвѣчалъ, не показывая ни малѣйшаго волненія:

— Я намекалъ, но только онъ очень пьянъ былъ и ничего, должно быть, не понялъ.

— Пришлите-ка его ко мнѣ.

— Теперь поздно.

— Отчего?

— Она вышла замужъ и недѣлю тому назадъ уѣхала.

— Что? переспросилъ Колосовъ, пристально глядя на Лампадова.

— Сегодня я узналъ, что она замужъ вышла и уѣхала.

— А это чьи штуки, г. Лампадовъ? тихо проговорилъ Колосовъ, подергивая отъ злости нижней губой.

— Все Крутовскаго. Я сегодня былъ тамъ, въ слободѣ, и узналъ. Жена его, то есть г-жа Крутовская, дала на свадьбу триста рублей, а деньги-сь эти имъ господинъ Черемисовъ, учитель

господина Стрекалова, даль. Они, деньги получивши, обвѣнчались и уѣхали.

Колосовъ молча слушалъ несвязный докладъ Ивана Петровича и въ сердцѣ его бушевала злоба, что изъ-подъ носа у него выхватили такой лакомый кусочекъ. Онъ снова заходилъ по кабинету и подергивалъ нижней губой. Глаза его метали молнія.

— Вы знаете, куда они уѣхали?

— Не догадался спросить! опять совралъ Лампадовъ.

— Спросите... впрочемъ, не надо, я самъ спрошу, а то вы опять... опоздаете! прибавилъ Колосовъ съ насмѣшкой.

Александръ Андреевичъ сухо кивнулъ головой на низкій поклонъ Ивана Петровича, который, выйдя изъ кабинета, даже перекрестился, что объясненіе это кончилось такъ благополучно.

— Теперь Феничка ты-тю! ищи ее! прошепталъ Лампадовъ, улымаясь.

Александръ Андреевичъ долго еще ходилъ по кабинету. Потомъ подошелъ къ столу, взялъ злополучный номеръ и снова сталъ читать, но вдругъ, какъ ужаленный, вскочилъ съ кресла, швырнувъ газету.

Онъ снова заходилъ быстрыми, нервными шагами.

„Этакій дуракъ, этотъ Лампадовъ, однако... Увернулась дѣвочка! Экземплярчикъ очень хорошій былъ для Грязнополя!“

Глаза Колосова снова невольно упали на газету и онъ опять отвернулся.

„Ну-съ, г. Крутовской, вы увидите, что значить подъ ноги мнѣ попадаться... Разъ вамъ сошло—другой не сойдетъ!“ прошепталъ Александръ Андреевичъ, зло улыбаясь, и захлопалъ въ ладоши.

Явился Гриша.

— Надежда Алексѣевна у себя?

— У себя-съ.

— Никого нѣтъ?

— Господинъ Айкановъ! проговорилъ Гриша, какъ-то странно глядя въ глаза барину.

Колосовъ отвернулся и приказалъ закладывать карету.

Тихо подошелъ онъ къ кабинету жены, и прежде чѣмъ войти, нѣсколько разъ кашлянулъ. Колосовъ очень хорошо увидѣлъ быстрое движеніе Айканова, отскочившаго съ дивана на кресло, и

краску на лицѣ Надежды Алексѣвны, успѣвшей ловкимъ взмахомъ руки поправить свою прическу, но онъ не подалъ виду, что замѣтилъ что нибудь и, приблизившись, ласково поздоровался съ Айкановымъ.

— Я помѣшалъ, господа, вашему спору, вѣроятно, — извините.

— Что какъ ваша школа, Василій Васильевичъ? присѣлъ Колосовъ около Айканова и потрепалъ по колѣннѣ. — Хорошо идетъ?..

— Ничего себѣ! проговорилъ Айкановъ, вспыхивая.

— А Надя ретиво занимается. Вы ея довольны?

— Что это ты такъ интересуешься? сухо замѣтила жена.

— Кстати, читала ты сегодня газеты?

— Читала.

— И „Курьеръ“ читала?

— И „Курьеръ“ читала.

— Не правда-ли интересенъ сегодняшній номеръ? Тамъ твоего мужа, Надя, преостроумно бичуютъ! шутилъ Колосовъ. — Вы изволили читать, Василій Васильевичъ?

— Читалъ.

— Бойко пишетъ этотъ начинающій литераторъ. Вы съ Крутовскимъ не знакомы, Василій Васильевичъ?

— Нѣтъ.

— Жаль, по перу видно — умница. Ты бы Надя съ нимъ познакомилась, онъ, говорятъ, пріятель Черемисова и жена его прекраснѣйшая женщина... впрочемъ, ты ее знаешь...

— Знаю. Она дѣйствительно святая женщина.

— Быть можетъ, и святая, не спорю, Надя; тѣмъ болѣе, значитъ, стоитъ познакомиться съ мужемъ святой.

Надежда Алексѣвна пристально посмотрѣла на мужа и только что замѣтила, сколько злобы было въ его глазахъ. Она успѣшила отвернуться.

— Конечно, святымъ людямъ будетъ скучно съ нами грѣшниками, тихо замѣтилъ Колосовъ, подчеркивая послѣднее слово, — но все-таки мы бы у нихъ набрались святости и, быть можетъ, избавились-бы отъ пороковъ. Не такъ-ли Василій Васильевичъ? Однако, что-жь это я болтаю съ вами... Уже четвертый часъ, а мнѣ надо къ губернатору, да и вамъ, я думаю, пора окончить начатый споръ. До свиданія. Такъ познакомься, Надя, со святыми. Познакомься... Это тебѣ не мѣшаетъ, мой другъ! доба-

вилъ самымъ ласковымъ голосомъ Александръ Андреевичъ, уходя изъ кабинета...

— И они радуются! проговорилъ онъ со злобой.—Радуйтесь, радуйтесь... Какое потомъ будетъ!

Надежда Алексѣевна нѣсколько секундъ сидѣла молча. Она что-то обдумывала и наконецъ торопливо заговорила:

— Узнайте, Айкановъ, адресъ Крутовского и скажите ему, чтобы онъ былъ осторожнѣй. Слова мужа—не къ добру. Вы слышали, что онъ говорилъ, и замѣтили, какой онъ мягкѣй? Это значитъ, что онъ золь, а когда онъ золь, онъ не успокоится, пока не раздавить своего врага. Я его знаю. Поѣзжайте сейчасъ!

Айкановъ уѣхалъ. Надежда Алексѣевна тихо закрыла лицо и вспомнила намеки мужа. Эти деликатныя оскорбленія глубоко задѣли бѣдную женщину.

„Господи! Когда-же все это кончится!“ вдругъ крикнула она и порывисто рванулась изъ комнаты. Она подѣла къ роялю и заиграла. Ужасныя вопли вырывались изъ-подъ ея рукъ. казалось, само горе жаловалось отчаянными звуками, то тихими, замирающими, нѣжными, то бурными, безнадежными. Долго продолжалась ея игра. Наконецъ она оборвала рѣзкимъ аккордомъ и, склонившись, тихо заплакала.

„Господи, гдѣ-же выходъ?“ вырвался отчаянный вопль изъ сердца молодой грѣшницы.

XXXVI.

Колосовъ позабылъ принять мѣры чтобы злополучный номеръ „Курьера“ не дошелъ до подписчиковъ, и потому грязнополющы имѣли высокое наслажденіе прочесть, какъ обрабатывали одного изъ уважаемыхъ согражданъ. О статьѣ заговорили, номера „Курьера“ возились изъ дома въ домъ и читались во всеуслышаніе, двѣ дамы-чуть было не поссорились изъ-за права прочесть статью раньше другой, а одна рѣшилась даже украсть номеръ „Курьера“ изъ библіотеки, такъ велико было ея желаніе скорѣй узнать, что написано про „уважаемаго Александра Андреевича“; однимъ словомъ, маленькое болото заволно-

валось. По обыкновенію, грязнополцы раздѣлились на двѣ партіи: на одобрявшихъ и неодобрявшихъ статью; хотя и та и другая партія одинаково рады были скандалу и не безъ гаденькаго чувства радовались, что въ газетѣ промывали кости ближняго, тѣмъ не менѣе большинство громко вопило о нарушеніи всякихъ приличій, о разнузданности печати и призывало на автора статьи громы небесныя. Въ клубѣ, гдѣ по поводу этой статьи собралось множество грязнополцевъ, противъ Крутовскаго предлагались самыя разнообразныя мѣры: одни предлагали отправить депутацію къ господину начальнику губерніи съ просьбою выслать „этого негодяя“ изъ города, другіе предлагали „отдать этого мерзавца“ подъ судъ, наконецъ, третьи рекомендовали болѣе радикальное средство: безъ всякихъ депутацій и суда высѣчь „негоднаго писаку“. Меньшинство, возставшее противъ этихъ мѣръ, было встрѣчено неодобрительно.

— Сегодня Колосова пропечатають, волновались почтенные грязнополцы,—завтра меня, послѣ завтра третьяго... что-жь это за жизнь будетъ? Тогда хоть убѣгай изъ Грязнополя со свободой прессы!

— Господа! заговорилъ Рыбаковъ.—Господа...

— А потомъ, перебывавъ лысый совѣтникъ казенной палаты,—въ семейную жизнь ворвутся.

— И по дѣломъ! хихикаетъ молодой прапорщикъ.

— И начнутъ на нашихъ женъ и дочерей пасквили печатать.

— А вѣдь это было-бы недурно! шепчетъ прапорщикъ на ухо товарищу.

— Да что тутъ разсуждать, господа, слѣдуетъ просто выпороть этого мерзавца безъ всякихъ разговоровъ! раздается чей-то громкій голосъ.

— Господа... Милостивые государи! тщетно взываетъ Рыбаковъ.

— Тсъ, вопять со всѣхъ сторонъ. — Дайте слово Афанасію Яковлевичу.

— Вы противъ или за? ревутъ расходившіеся грязнополцы.

— Разумѣется, противъ. Какой честный человѣкъ...

— Говорите! перебываютъ Рыбакова.—Говорите!

Говоръ нѣсколько смолкъ. Рыбаковъ крикнулъ, высморкался, поправилъ очки и началъ:

— Милостивые государи!

— Это мы знаемъ, что мы милостивые государи... Въ дѣлу! раздается чей-то пьяный голосъ.

— Милостивые государи...

— А вас Рыбакова, а вас!

— Господа, да что-же это такое? Свиньи мы, что-ли? раздались голоса.—Афанасій Яковлевичъ говоритъ. Если кто перебьетъ васъ,—выведемъ.

— Попробуйте! не унимался все тотъ-же выпившій дворянинъ въ формѣ отставного моряка.

— Антонъ Ивановичъ... Антоша! успокоивали его пріатели.— Три кругосвѣтныхъ плаванья совершилъ, парламенты разные видѣлъ, а мѣшаешь человѣку сказать рѣчь... Хорошъ!

— Милостивые государи!

Морякъ захотѣлъ такимъ веселымъ, заразительнымъ смѣхомъ, что засмѣялись всѣ. Однако, пріатели подошли къ моряку и отвели его къ буфету.

— Продолжайте, Афанасій Яковлевичъ, теперь *онъ* не помѣшаетъ. *Онъ* въ буфетѣ.

Рыбаковъ снова крикнулъ и началъ:

— Милостивые государи...

— Я уже третью рюмку коньяку выпилъ, а онъ еще не можетъ начать, ай да ораторъ! вдругъ снова раздался громкій, веселый голосъ моряка изъ буфета.—Лучше, позвольте, я скажу рѣчь...

Опять смѣхъ и запираніе дверей на ключъ.

— Ну теперь будьте спокойны, Афанасій Яковлевичъ. *Онъ* запертъ.

— Милостивые государи! снова начинается Рыбаковъ, кидая безпокойные взгляды на двери въ буфетъ,—я надѣюсь, что выражу мнѣніе всѣхъ честныхъ и здравомыслящихъ людей, если скажу, что гнусный пасквиль, который мы имѣли несчастіе прочесть на страницахъ газеты, къ сожалѣнію, весьма распространенной, возбудилъ въ насъ чувство глубокаго презрѣнія къ автору...

— Ишь какъ говорить... по нотаи! замѣчаетъ кто-то.

— Шельмы всегда такъ говорить! хихикаетъ чей-то голосъ.

— А развѣ онъ шельма?

— И еще какая! раздается шопотъ.—Спеціально сиротъ обираетъ.

— Тсъ... тсъ... господа. Слушайте!

— Неблагонадежность презрѣннаго пасквилянта по достоинству оцѣнена уже давно и только потому мы имѣемъ несчастье терпѣть присутствіе этого темнаго проходимца въ нашемъ городѣ. Наше время, милостивые государи, къ несчастью, рядомъ съ величественными реформами, изумляющими не только востокъ, но и западъ...

— Это онъ къ чему-же о востокѣ и западѣ?

— Такъ надо. Извѣстно, рѣчь...

— Съ политическимъ отгѣнкомъ, ха, ха, ха!

— Господа, не перебивайте!

— Не только востокъ, но и западъ, продолжалъ свою импровизацію почтенный ораторъ,—показываетъ намъ тѣ крайнія грани, столбы, такъ сказать, до которыхъ можетъ дойти распущенность нѣкоторой части нашего молодого поколѣнія. Не останавливаясь ни передъ чѣмъ—ни передъ религіей, ни передъ святыней домашнего очага, ни передъ собственностью...

— Ты-то очень ее уважаешь! замѣтилъ чей-то голосъ, такъ что почтенный ораторъ заигнулъ и нѣсколько сконфузился.

— Не останавливаясь, говорю, ни передъ чѣмъ, эти люди—исчадія безумныхъ ученій—клеветуютъ на все то, что достойно уваженія честныхъ и порядочныхъ людей. Чѣмъ-же, милостивые государи, должны мы отвѣчать клеветнику, написавшему грязный пасквиль? Презрѣніемъ! Развѣ грязь, бросаемая изъ-за угла въ достойнаго и уважаемаго нами предводителя, довѣріе къ которому такъ блистательно было заявлено на недавнихъ земскихъ выборахъ, можетъ хотя на секунду поколебать наше высокое уваженіе къ безкорыстному общественному дѣятелю. Я полагаю, милостивые государи, напротивъ: гнусная клевета, брошенная пасквилянтомъ, который,—кто можетъ поручиться?—могъ быть орудіемъ какой-нибудь недостойной интриги, заставить насъ тѣснѣй сплотиться вокругъ нашего любимаго предводителя и сказать, какое глубокое негодованіе возбудила въ насъ презрѣнная клевета. Поэтому я предлагаю поднести Александру Андреевичу

адресъ въ этомъ смыслѣ. Я кончилъ, милостивые государи! заключилъ Рыбаковъ, отирая платкомъ лобъ.

„Милостивые государи“ остались чрезвычайно довольны рѣчью.

— По нотахъ говоритъ, ахъ, какъ говоритъ.

— Bravo, Афанасій Яковлевичъ! вопилъ морякъ, услѣвший таки пробраться въ залу.—Брависсимо... Настоящій Жюль Фавръ... Да что Жюль Фавръ... Выше... Языкъ; я вамъ доложу...

И онъ полѣзъ цѣловаться съ ораторомъ.

— Вамъ-бы, батюшка, говорили другіе, въ адвокаты.

— Я такъ и думаю! охорашивался маленькій, толстенный господинъ.

— Разумѣется! вопилъ морякъ.—Денегъ-то сколько загребете... Господа! Напишемъ прежде адресъ Афанасію Яковлевичу!

— Антоша! Ты опять? Въ трехъ кругосвѣтныхъ плаваніяхъ былъ и чуть выпьешь,—сейчасъ скандалъ. И не стыдно? Пойдемъ-ка лучше въ буфетъ.

— Пойдемъ. Отчего не пойти, но только чего-же мы выпьемъ?

— Выпьемъ чего нибудь... найдемъ, чего выпить.

Приступили къ редакціи адреса. Сочиняли его общими силами. Редакторъ, г. Кашкадамовъ, напиралъ больше на грамматику.

— Господа! вѣдь это невозможно... вѣдь грамматика это...

— Ну васъ съ грамматикой... Главное, чтобы отъ сердца! перебилъ лысый совѣтникъ.—Отъ полнаго сердца!

— Но, однако, развѣ возможно выразиться: „сердца наши пишутъ“. Это, согласитесь... Не лучше-ли сказать такъ: „строки эти продиктованы нашими сердцами“.

Согласились, что дѣйствительно лучше „строки эти продиктованы и т. д.“ Пошло далѣе уже безъ особыхъ затрудненій и адресъ явился въ слѣдующемъ видѣ:

„Милостивый Государь
Александръ Андреевичъ!

„Мы, нижеподписавшіеся, съ глубочайшимъ сожалѣніемъ прочли въ 152 № газеты „Ежедневный Курьеръ“ статью, озаглавленную „Изъ Грязнополя“, въ которой безымянный авторъ позволилъ себѣ цѣлый рядъ клеветъ, направленныхъ противъ вашей

высоко уважаемой личности. Нѣтъ словъ, милостивый государь, которыя-бы могли выразить то негодованіе и то презрѣніе, которое почувствовали мы по прочтеніи этого гнуснаго пасквиля. Мы вполне увѣрены, что клеветы эти не могли ни на минуту оскорбить васъ, потому что дѣятельность ваша такъ высока, такъ чиста и безупречна, что не темному пасквилянту судить ее. Судимъ ее мы, ваши сограждане и ваши сослуживцы, и спѣшимъ выразить вамъ еще разъ чувства самаго глубокаго уваженія къ вашей безупречной дѣятельности и искренней любви лично къ вамъ, какъ къ личности, высоко и съ достоинствомъ носящей имя грязнопольскаго дворянина. Презрѣніе да будетъ удѣломъ клеветнику и отвѣтомъ на недостойную клевету; ей нѣтъ мѣста по отношенію къ такой свѣтлой, высоко развитой личности, какъ ваша, Александръ Андреевичъ. Примите-же, высокоуважаемый и благородный дѣятель, строки эти, продиетованныя нашими сердцами, какъ залогъ того уваженія и той любви, которыя никогда не изсякнутъ, что бы не выдумывала гнусная клевета“.

Честъ редижированія адреса всею принадлежала Кашкадамову и его усердно благодарили. Адресъ моментально покрылся подписями. Порѣшили, что три депутата отвезутъ его немедленно Александру Андреевичу и затѣмъ адресъ будетъ, съ согласія Александра Андреевича, напечатанъ въ мѣстномъ органѣ и посланъ въ редакцію „Ежедневнаго Курьера“, послѣ чего зала собранія опустѣла и грязнопольцы разсѣлись за зеленые столы.

— Не черезчуръ-ли уже мы хвятили? говорилъ высокій полковникъ, лизнувъ пальцы передъ сдачей картъ.

— Главное, отъ сердца... замѣтилъ лысый совѣтникъ.

— Спору нѣтъ, но только вѣдь статейка не безъ основанія...

— Скажу больше, полковникъ, понизивъ голосъ, говорилъ совѣтникъ. — Я доподлинно знаю, что денежки тю-тю!

— И много?

— Да тысячъ, этакъ, пятьдесятъ! сладко причмокнулъ совѣтникъ.

Другіе партнеры передернули губами отъ удовольствія, что человѣкъ могъ стянуть такой большой кушъ.

— Куда-же онъ ихъ дѣлъ?

— Вѣрно, на текущій счетъ положилъ въ обществѣ взаимна-

го кредита! глубокомысленно сказалъ тощій банковый чиновникъ. — Что больше дѣлать? Натурально, на имя жены.

— То-то и ненатурально, молодой человекъ. И денегъ нѣтъ. Онъ ихъ размоталъ. Колосовъ мотъ большой руки, впрочемъ, человекъ онъ умный и благонамѣренный.

— А если слѣдствіе? снова заикнулся банковый чиновникъ.

Лысый совѣтникъ посмотрѣлъ на него и, усмѣхаясь, замѣтилъ:

— Вы полагаете, Александръ Андреечъ нижонъ, что-ли. Что ему ваше слѣдствіе, когда деньги эти правильно показаны на пособія.

Банковый чиновникъ согласился и объявилъ, что покупаетъ.

— А все-таки адресъ не мѣшаетъ. Пусть! И, главное, отъ сердца! закончилъ разговоръ совѣтникъ и объявилъ, что онъ покупаетъ второй разъ.

Генералъ сидѣлъ въ кабинетѣ и пробѣгалъ „Ежедневный Курьеръ“. Онъ нѣсколько разъ одобрительно улыбнулся: „Пикантно написано... очень пикантно и зло! Вѣрно, тамъ опять подулъ южный вѣтеръ!“ шепнулъ онъ, принимаясь за обтачиваніе своихъ неподобныхъ ногтей. Въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги. Генералъ довольно поспѣшно подвинулъ къ себѣ бумаги.

— Александръ Андреевичъ Колосовъ! доложилъ вошедшій чиновникъ.

— А la bonheur! Просите! замѣтилъ генералъ, пряча номеръ „Курьера“ и углубляясь въ лежавшія передъ нимъ бумаги съ тѣмъ глубокимъ, сосредоточеннымъ, дѣловымъ видомъ, изъ-за котораго генералъ пользовался репутаціей весьма солиднаго администратора.

Александръ Андреевичъ вошелъ въ кабинетъ и, останавливаясь у порога, замѣтилъ:

— Прошу извинить, что помѣшалъ вашему превосходительству...

Генералъ всталъ съ мѣста и пошелъ на встрѣчу къ Колосову.

— Садитесь, Александръ Андреевичъ. Я очень радъ васъ видѣть! замѣтилъ генералъ, пожимая ему руку. — Бумаги потерпятъ.

— У васъ, ваше превосходительство, время дорого.

— Э, полноте! Работы, правда, не мало. Вотъ! кивнулъ онъ головой на лежавшія передъ нимъ дѣла, — все это надо прочитать и подписать.

„И ты подпишешь, хотя и не прочтешь!“ мысленно улыбнулся Колосовъ.

— Надежда Алексѣевна здорова?

— Благодарю васъ.

Вышла маленькая пауза.

— Я пріѣхалъ къ вашему превосходительству, заговорилъ Колосовъ, — показать вамъ, до чего въ послѣднее время доходитъ печать, и попросить вашего совѣта.

Генералъ вѣжливо наклонилъ голову.

— Вы, вѣроятно, уже изволили слышать?

Лицо генерала приняло сосредоточенно внимательное выраженіе.

— О чемъ?

„Вѣдь вретъ, каналья, вретъ какъ!“ подумалъ Александръ Андреевичъ.

— О той статьѣ, напечатанной въ „Ежедневномъ Курьере“, которая направлена противъ меня.

Генералъ пожалъ плечами.

— Скажите! Давно она напечатана?

— Вчера я получилъ номеръ. Не угодно-ли вамъ прочесть, что позволяютъ себѣ писать разные писаки.

Генералъ взялъ номеръ газеты и сталъ читать.

Колосовъ внимательно смотрѣлъ на генерала. Генералъ былъ серьезенъ, какъ статуя командора. Онъ подаль обратно номеръ и замѣтилъ:

— Надѣюсь, Александръ Андреевичъ, подобныя глупости не могли оскорбить васъ.

— Напротивъ, ваше превосходительство, они оскорбляютъ. Не первый разъ уже я былъ предметомъ нападокъ со стороны лица, которое, какъ не безъизвѣстно вашему превосходительству, не пользуется репутацией благонадежнаго человѣка. Мѣсяць тому назадъ господинъ Крутовской написалъ первый пасквиль, о которомъ я имѣлъ честь въ то-же время вамъ доложить, и вотъ теперь онъ, пользуясь безнаказанностью, позволилъ себѣ написать новый пасквиль, еще грязнѣе перваго. Насколько я припомню, ваше превосходительство при первомъ моемъ докладѣ изволили

посоветывать мнѣ жаловаться суду, причемъ обязательно изволимъ прибавить, что нынче судъ правый и скорый и что, слѣдовательно, клеветникъ будетъ наказанъ. Я тогда не послѣдовалъ совѣту вашего превосходительства, — хотя и принялъ его къ свѣденію, — только потому, что полагалъ не совѣмъ удобнымъ дать случай суду оставить безъ вниманія мою жалобу и тѣмъ самымъ гласно, такъ сказать, узаконить безнаказанность писаекъ, которые почему-либо находятъ нужнымъ клеветать на людей, именно такихъ, которые облечены довѣріемъ правительства.

Александръ Андреевичъ перевелъ духъ и взглянулъ на генерала. Генераль весьма озабоченно крутилъ свои усы. Рѣчь Колосова, казалось, начинала производить желаемое впечатлѣніе.

— Не рискуя самъ принять на себя отвѣтственность въ такомъ дѣлѣ, я счелъ своей обязанностью, ваше превосходительство, предварительно ознакомиться съ вашимъ взглядомъ на этотъ вопросъ и прежде, чѣмъ прибѣгать къ помощи справедливаго и скораго суда, прибѣгнуть къ помощи вашего превосходительства и вашего совѣта: долженъ-ли я жаловаться суду или-же вы, быть можетъ, изыщете средства оградить меня и безъ помощи скораго и праваго суда и тѣмъ самымъ не допустите, чтобы авторитетъ власти былъ обсуживаемъ въ судѣ гласно при публикѣ, весьма охотной до скандаловъ подобнаго рода.

Генераль былъ поставленъ въ весьма неловкое положеніе словами Александра Андреевича. Онъ очень хорошо понималъ, въ какую сторону гнетъ Колосовъ, и всѣ тонкія шпильки, на которыя не покупились Александръ Андреевичъ, произвели на генерала нѣкоторое впечатлѣніе. Онъ нѣсколько времени помолчалъ и наконецъ замѣтилъ:

— Вы, право, придаете слишкомъ большое значеніе, Александръ Андреевичъ, газетной статьѣ.

— Я попрошу извиненія у вашего превосходительства, говорилъ Колосовъ все мягче и нѣжнѣй по мѣрѣ того, какъ замѣчалъ, что ставилъ генерала въ нѣсколько затруднительное положеніе, — если позволю не вполне согласиться съ вами. Въ данномъ случаѣ не статья важна, а важны симптомы настроенія извѣстнаго сорта людей. Вашему превосходительству, конечно, лучше меня извѣстны тѣ принципы и тѣ цѣли, которыми руководствуются тѣ молодые люди, которые, къ несчастію, не всегда увлекаются по одиночкѣ, а со-

ставляютъ, такъ сказать, сплоченный союзъ и пользуются всякими средствами, чтобы посѣять въ обществѣ неуваженіе къ авторитету, и вотъ именно съ этой точки зрѣнія я и смотрю на то систематическое преслѣдованіе, которому подвергаются въ газетахъ лица, или облеченныя довѣріемъ, или выдающіяся по своему положенію и состоянію. Ваше превосходительство, конечно, лучше меня знаете, какого взгляда держаться по этому поводу и какая существуетъ оцѣнка тѣмъ стремленіямъ, о которыхъ я только что имѣлъ честь высказать вашему превосходительству.

Генераль чувствовалъ не по себѣ. Онъ очень хорошо зналъ настоящую цѣну всѣмъ этимъ разсужденіямъ предводителя; мало того, до него уже доходили полуофициальные слухи о растратѣ суммъ, и онъ вѣрилъ имъ, зная хорошо нравственную личность Колосова; при всемъ томъ слова того же Колосова ставили его въ неловкое положеніе.

— Чего-же вы, однако, хотите, Александръ Андреевичъ? спросилъ генераль, понемногу теряя свой прежній апломбъ.

— Я-бы хотѣлъ прежде, чѣмъ рѣшиться дѣйствовать, узнать ваше мнѣніе. Я такъ былъ счастливъ, что вчера еще получилъ адресъ отъ господъ дворянъ, возмущенныхъ слишкомъ наглою клеветой.

— Адресъ? переспросилъ генераль.

— Точно такъ-съ. Не угодно-ли будетъ полюбопытствовать?

И Колосовъ подалъ извѣстный читателю адресъ. Генераль прочелъ адресъ, повертѣлъ его въ рукахъ и подалъ обратно.

— Я сдѣлаю внушеніе Крутовскому!

— Я буду вашему превосходительству, конечно, весьма благодаренъ, хотя снова позволю замѣтить себѣ, что боюсь, какъ-бы снисходительность вашего превосходительства не была сочтена имъ въ данномъ случаѣ за молчаливое согласіе.

Генераль сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Я только потому позволилъ себѣ выразить такое предположеніе, что имѣю свѣденія, что не одинъ Крутовской изъ числа такихъ людей, которые могутъ подумать именно такимъ образомъ. Есть и другіе: напримѣръ, пріятель его, г. Черемисовъ, учитель въ домѣ у Николая Николаевича Стрекалова. Николай Николаевичъ, съ разрѣшенія вашего превосходительства, устроилъ у себя на заводѣ чтенія и господинъ Черемисовъ, пользуясь этимъ

разрѣшеніемъ, читаетъ простому народу о такихъ вещахъ, которыя врядъ-ли соотвѣтствуютъ разрѣшенію вашего превосходительства.

Генераль не могъ мысленно не обозвать Колосова самымъ неблагозвучнымъ эпитетомъ.

— Мнѣ это все извѣстно, проговорилъ онъ.— Вы, вѣроятно, имѣете невѣрныя свѣденія, а тому, что знаю я, я не придаю особеннаго значенія. Все это очень обыкновенныя вещи.

— Конечно, ваше превосходительство, все зависитъ отъ степени достовѣрности и я не смѣю противорѣчить, но что касается до статьи господина Крутовского, то надѣюсь, что это фактъ, не подлежащій сомнѣнію!

— Я призову его и поговорю съ нимъ.

— Я уже докладывалъ вашему превосходительству...

— Такъ чего же вы, наконецъ, хотите отъ меня? нѣсколько возвысилъ голосъ начинавшій сердиться генераль.

— Я ничего не хочу. Я только прошу вашей защиты.

— Я вамъ сказалъ, что я сдѣлаю.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ, поднимаясь, Александръ Андреевичъ,— мнѣ остается только еще разъ благодарить ваше превосходительство.

Генераль сухо съ нимъ раскланялся.

Въ тотъ-же вечеръ Колосовъ писалъ въ Петербургъ къ князю Вяткину. Письмо было длинное и убѣдительное.

— Посмотримъ, сказалъ Колосовъ, пробѣгая оконченное письмо,— каково сочинять пасквили и каково за нихъ глядѣть по головкѣ. То-то свѣтлѣйшій обрадуется!

Александръ Андреевичъ громко расхохотался, окончивъ чтеніе своего письма, и, пряча его въ столъ, проговорилъ:

— Если-бъ не дураки, тяжело бы нашему брату на свѣтѣ жить!

Онъ позвалъ Гришу, раздѣлся и, лежа въ постели, слушалъ Гришины рассказы о его любовныхъ походахъ, пока тихо не задремалъ.

XXXVII.

„Надо отдать ему справедливость—мастеръ онъ работать! Работа превосходная!“ говорилъ Николай Николаевичъ, просматривая у себя въ кабинетѣ провѣрку книгъ по заводу во все время управленія Карла Карловича, составленную Черемисовымъ. „Нѣмца необходимо немедленно вонъ выгнать и взять другого!“ Стрекаловъ подумалъ, что Черемисовъ былъ-бы отличный управляющій, но немедленно-же разстался съ своей мыслью. Въ послѣднее время онъ сталъ недоувѣрять Черемисову и зорко слѣдилъ за нимъ; хотя ничего особеннаго Николай Николаевичъ и не замѣчалъ, но тѣмъ не менѣе чувствовалъ, что Настасья Дмитриевна, пожалуй, права и что „не другъ онъ имъ“; страхъ за сына не оставлялъ его и онъ сталъ замѣчать, что отношенія къ нему Феде стали не тѣ; недоставало прежней задушевности, мягкости, откровенности. Сердце отца это очень хорошо чувствовало. И чтенія стали въ послѣднее время что-то очень не нравиться Николаю Николаевичу тѣмъ болѣе, что и въ городѣ о нихъ заговорили, и заговорили нехорошо.

„Жаль, очень жаль, парень дѣльный, но, кажется, не надежный! Какъ кажется, убѣжденій самыхъ крайнихъ, а это для управляющаго не совсѣмъ удобно!“ промолвилъ Николай Николаевичъ. Онъ поднялся съ кресла и подошелъ къ окну. Въ саду гуляли Ольга съ Черемисовымъ. Она, повидимому, о чемъ-то горячо рассказывала. Глѣбъ молча слушалъ.

Стрекаловъ взглянулъ и невольно припомнилъ недавнее замѣчаніе Рѣчинскаго о томъ, что Глѣбъ былъ слишкомъ горячимъ адвокатомъ дочери. Онъ внимательно продолжалъ смотрѣть въ окно. „А что, если...?“ внезапно, какъ молнія, пробѣжала мысль. „Нѣтъ, этого быть не можетъ: Ольга сума не сошла и, наконецъ, онъ самъ не сумасшедшій. А развѣ долго увлечется и...?“ Сердце Николая Николаевича сжалось при одной мысли объ этомъ. „Какой вздоръ мнѣ мерещится! шепнулъ онъ черезъ минуту: — Ольга вѣдь не изъ тѣхъ несчастныхъ, которыя бѣгаютъ отъ родителей“. Онъ отошелъ отъ окна и подавилъ пуговку.

— Попросите во мнѣ господина Черемисова: онъ, кажется, въ саду, сказалъ онъ лакею.

Черезъ нѣсколько минутъ Черемисовъ былъ въ кабинетѣ.

— Извините, пожалуйста, Глѣбъ Петровичъ: я, кажется, помѣшалъ вамъ? Вы о чемъ-то горячо спорили съ дочерью.

Чуть замѣтная усмѣшка скользнула по губамъ молодого человека.

— Вы нисколько не помѣшали, Николай Николаевичъ: никакого спора не было, — Ольга Николаевна рассказывала содержание только-что прочитанной книги.

Стрекаловъ смотрѣлъ на Глѣба во все глаза и чутко слушалъ, желая уловить если не въ лицѣ, то въ голосѣ какое-либо смущение, но какъ онъ ни смотрѣлъ и какъ ни слушалъ — не уловилъ ровно ничего.

„Или онъ замѣчательный мерзавецъ, или мнѣ мерещатся страхи!“ подумалъ отецъ, не отводя взгляда съ совершенно спокойнаго лица Черемисова.

— Я просилъ васъ пожаловать ко мнѣ, Глѣбъ Петровичъ, чтобы отъ души поблагодарить васъ за вашу работу. Работа мастерская, наглядность цифръ осязательная. Но благодарность благодарностью, а дѣло дѣломъ, — не такъ-ли? — и потому я-бы просилъ васъ сказать: во что вы цѣните вашъ трудъ?

Черемисовъ поглядѣлъ на Николая Николаевича и замаялся. Стрекаловъ замѣтилъ его нерѣшительность.

— Вы, Глѣбъ Петровичъ, не цѣните вашего труда низко: это трудъ замѣчательный по своей точности.

— Я рѣшительно не знаю, какую цѣну назначить...

— Откровенно говоря, меньше пятисотъ рублей никто не возьметъ за такую работу. Въ прошломъ году за провѣрку годового отчета съ меня взяли триста и, вдобавокъ, провѣрка была очень легкомысленная.

— Я согласенъ, замѣтилъ Глѣбъ.

— И отлично. Вѣдь ваша работа заставила меня серьезно взглянуть на моего нѣмца и понять, насколько онъ меня обкрадываетъ. Вашъ трудъ сэкономитъ мнѣ не одну тысячу въ послѣдствіи.

— Не ваши тысячи тутъ главное, перебилъ Глѣбъ, чувствуя приливъ злости: — ихъ у васъ и безъ того много, а, быть можетъ, мой трудъ заставитъ васъ обратить вниманіе на то безсѣстное обирание рабочихъ, которое существовало до сихъ поръ.

Вы, конечно, замѣтили изъ этихъ цифръ, во-первыхъ, произвольность штрафовъ, во-вторыхъ — утайку заработной платы. Вѣроятно, и вась поразила громадная сумма штрафовъ въ тридцать тысячъ, насчитанная въ три года. И вы послѣ этого удивляетесь, почему рабочій лѣнивъ, почему пьянствуетъ?! И безъ того онъ почти нищій, да кромѣ того всякій негодяй, вродѣ вашего управляющаго, утаиваетъ даже ту небольшую плату, которую вы приказываете платить. Это выходитъ ужъ не обирание, а грабежъ...

Черемисовъ незамѣтно увлекся и говорилъ горячо. Стрекаловъ съ любопытствомъ прислушивался къ этому новому для него тону, пристально взглядывалъ на лицо Глѣба и только въ первый разъ, кажется, замѣтилъ, какой недобрый огонекъ свѣтился въ его быстрыхъ, острыхъ глазахъ. Черемисовъ замѣтилъ пристальный взглядъ и сразу оборвалъ рѣчь.

— Продолжайте, Глѣбъ Петровичъ, вы такъ хорошо говорите и я такъ радъ, что мнѣ въ первый разъ удалось слышать, какъ вы горячо умѣете защищать, проговорилъ Николай Николаевичъ.

— Къ чему говорить! сухо оборвалъ Глѣбъ:—вы и сами видите, что не въ вашихъ интересахъ, чтобы рабочаго обкрадывали.

— Конечно... разумѣется... я приму все мѣры и очень благодарю васъ, что вы такъ защищаете мои интересы.

Глѣбъ чувствовалъ, что Стрекаловъ почти-что смѣется, и онъ кусалъ со злости губы и молча пощипывалъ свою бородку.

„Прорвало наконецъ: шесть мѣсяцевъ молчалъ и таки не выдержалъ!“ подумалъ Стрекаловъ и почти-что съ ненавистью взглянулъ на Черемисова.

— Я непремѣнно смѣню управляющаго: новый уже есть у меня на примѣтѣ. Кстати, Глѣбъ Петровичъ, я все собирался просить васъ, но все забывалъ: надо прекратить чтенія.

Глѣбъ хотя и былъ приготовленъ къ этому, но при этихъ словахъ поблѣднѣлъ.

— Зачѣмъ? вдругъ вскинулъ онъ на Стрекалова глаза.

— Вотъ видите-ли, началъ Стрекаловъ,—я, конечно, ничего не имѣю противъ нихъ... я вѣдь не ретроградъ, вродѣ Ваткина, но мнѣ сторonoй передали, что на нихъ косо смотрятъ.

— Но вѣдь они разрѣшены?

— Конечно.

— Значить, чего-же бояться?

— Конечно, бояться нечего, но только...

— Вы этого не хотите? подергивая губы, прошипѣлъ Черемисовъ.

— Да, я этого не хочу, сухо отвѣтилъ Стрекаловъ.

Глѣбъ всталъ и, рѣзко кивнувъ головой, вышелъ изъ кабинета.

„О, я болванъ, болванъ!“ проговорилъ онъ, присаживаясь къ окну. „Мудрый змій, самъ попавшій въ глупые бараны!! Правъ Крутовской былъ, тысячу разъ правъ!“. Онъ засмѣялся ѣдкимъ, нервнымъ смѣхомъ и горько поникъ головой.

— Ты, Ольга, о чемъ-это такъ горячо бесѣдовала вчера съ Черемисовымъ? спросилъ на другой день Стрекаловъ у Ольги.

Ольга вспыхнула.

— Отчего-это вы такъ меня допрашиваете?

— Я, мое дитя, не допрашиваю, а только спрашиваю.

— Мы ни о чемъ не говорили: я рассказывала ему то, что прочитала.

— А ты что читала?

Ольга вспыхнула еще болѣе и брови ея сдвинулись. Отецъ замѣтилъ ея суровый взглядъ и прибавилъ:

— Я, Ольга, мой другъ, спрашиваю тебя, какъ другъ... Ты развѣ меня перестала считать другомъ?

И Стрекаловъ ласково обнялъ дочь.

— Я читала, папа, Шлоссера.

— А книгу кто далъ?

— Черемисовъ, чуть слышно проговорила дѣвушка.

— Ты, Оля, не особенно ему довѣрай: онъ...

— Что — онъ? быстро спросила Ольга.

— Онъ, Ольга, изъ тѣхъ людей, которымъ довѣрять не слѣдуетъ: онъ слишкомъ увлекается, а увлеченіе не всегда приводитъ къ хорошему концу. Ты съ нимъ рѣже говори.

Ольга почему-то вспомнила Рѣчинскаго: и тотъ говорилъ про-

тивъ увлеченія, и тотъ смѣялся надъ увлекающимися людьми, — отчего-жь ей хочется не смѣяться, а плакать?

Она тихо освободилась изъ объятій отца и медленной походкой вышла изъ комнаты. Отецъ долгимъ, пристальнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на дочь и какъ-то грустно покачалъ головой.

XXXVIII.

Настала осень. Черемисовъ хандрилъ и по утрамъ занимался съ Федей. На этихъ урокахъ стала бывать постоянно Настасья Дмитриевна, и Федя, — казалось Черемисову, — при матери очень рѣдко обращался къ нему съ вопросами. Всѣмъ въ этомъ домѣ какъ-то жилось невесело послѣднее время: Стрекаловъ былъ пасмуренъ и недоволенъ, Рѣчинскій хоть и бывалъ почти-что каждый день, но Ольга попрежнему была холодна; Настасья Дмитриевна глядѣла невесело. Ленормъ уже не было. Мѣсяць тому назадъ она оставила стрекаловскій домъ и поступила на сцену подъ чужимъ именемъ, къ крайнему изумленію всего семейства и въ особенности Настасьи Дмитриевны.

Отношенія Глѣба къ Стрекалову становились натянутѣй и холоднѣй съ каждымъ днемъ. Настасья Дмитриевна не переставала обращать вниманіе своего мужа на переměну, замѣчаемую въ дѣтяхъ, и во всемъ, по обыкновенію, винила Черемисова. Стрекаловъ уже не противорѣчилъ ей, а внимательно вглядывался.

Тучи собирались и грозили разразиться грозой въ этомъ степенномъ и приличномъ домѣ, гдѣ, казалось, никакая гроза не имѣла мѣста.

Однажды утромъ Федя, по обыкновенію, занимался съ Черемисовымъ. Настасьи Дмитриевны не было. Черемисовъ показывалъ какой-то физическій опытъ, но Федя, противъ обыкновенія, слушалъ очень разсѣянно и былъ что-то особенно задумчивъ.

— Что съ вами, Федя, — нездоровится? спросилъ Глѣбъ.

— Нѣтъ... я здоровъ... Знаете-ли, что мнѣ все лѣзетъ въ голову, Глѣбъ Петровичъ? сказалъ Федя, какъ-то странно глядя на Черемисова.

— А что?

— Отчего это людямъ такъ плохо жить на свѣтѣ? А вѣдь мiръ Божiй такъ хорошъ!

Глѣбъ улыбнулся.

— Нѣтъ, вы не улыбайтесь! вспыхнулъ юноша.—Я...

Онъ не договорилъ и ясно поглядѣлъ въ глаза Глѣба.

— Я папу спрашивалъ, продолжалъ онъ.

— Что-жь онъ сказалъ вамъ?

— Онъ сказалъ, что такъ и нужно! печально проговорилъ отрогъ.

— Учитесь,—сказалъ Черемисовъ, благо судьба вамъ дала возможность учиться,—и тогда вы узнаете то, о чемъ теперь подсказываетъ вамъ горячее сердце. Узнаете, что жизнь только тогда хороша, когда и другимъ хорошо.

— Значить... значить... съ трудомъ проговорилъ мальчикъ,—отецъ мой...

— Оставьте отца. Онъ не виноватъ ни въ чемъ. Вы будете больше виноваты, если потомъ станете такимъ-же, какъ онъ. Его время было иное время!

Въ этотъ мигъ по коридору раздались чьи-то торопливые шаги. Учитель и ученикъ переглянулись.

— Это отецъ! шепнулъ Федя и снова заплакалъ.

— Полно плакать.

— Вы не знаете... Ахъ, вы не знаете! почти-что закричалъ мальчикъ.—Они васъ не любятъ и теперь, если отецъ слышалъ, что вы говорили, васъ попросятъ уѣхать. А каково мнѣ будетъ?

— Что дѣлать, быть можетъ, вы и правы: мнѣ придется уѣхать.

— Нѣтъ, что вы, не уѣзжайте. Я васъ такъ полюбилъ! тихо прошепталъ юноша.

— Придется уѣхать — уѣду. И безъ меня вы не пропадете; вамъ шестнадцать лѣтъ, учитесь только и помните, для чего вы учитесь, и быть можетъ, когда я буду старикомъ, а вы въ цвѣтѣ силъ, я полюбуюсь вами и съ гордостью скажу: вотъ онъ, мой ученикъ, онъ не зарылъ своихъ талантовъ, не извратилъ своего сердца! Но главное: не унывайте, не падайте духомъ...

Мальчикъ горячо и искренно обнялъ Черемисова. Какое-то теплое, мягкое, давно не испытанное чувство, смягчило сердце

Глѣба и онъ глядѣлъ на мальчика съ какой-то надеждой. Ему хотѣлось въ немъ видѣть молодую, бодрую силу, которая будетъ имѣть возможность послужить родинѣ бодрѣе и лучше. И ему какъ-то вѣрилось въ эту минуту и на сердцѣ было хорошо. Сомнѣніе не закрадывалось невольнымъ, непрощеннымъ гостемъ.

Николай Николаевичъ слышалъ этотъ разговоръ отъ слова до слова и отскочилъ, какъ ужаленный. Онъ былъ блѣденъ отъ горя и злости. Губы его дрожали и рѣзкія морщины собрались на лбу. Онъ пришелъ въ кабинетъ и тяжело опустился въ кресло и съ часъ сидѣлъ неподвижно, устремивъ глаза въ одну точку. Онъ переживалъ большое горе.

„Такъ вотъ онъ кто... вотъ какую змѣю отогрѣлъ я. Онъ хочетъ оттолкнуть отъ меня сына, любимаго моего Федю! Подлецъ!“ прошепталъ онъ и въ глазахъ его блеснула глубокая ненависть.

Настасья Дмитріевна пришла звать его обѣдать и была поражена его видомъ, такъ онъ осунулся и измѣнился въ нѣсколько часовъ.

— Nicolas, голубчикъ, что съ тобой? Что ты, здоровъ, Никсъ? испуганно спрашивала Настасья Дмитріевна.

— Ничего, я здоровъ, все пройдетъ... Сегодня-же вонъ этого мерзавца. Сегодня-же! вдругъ стукнулъ Стрекаловъ по столу съ такою силою, что Настасья Дмитріевна испугалась.

— Что? поблѣднѣла она. — Что ты говоришь?

У нея не достало духу спросить. Она не смѣла высказать того, что подумала объ Ольгѣ.

— Боже, что за время! глубоко вздохнулъ Стрекаловъ. — Кто могъ думать, что Черемисовъ такой негодяй, и притомъ опасный негодяй!

— Николай, не томи меня. Скажи, что случилось...

— Случилось то, глухимъ голосомъ проговорилъ Николай Николаевичъ, — чего я не ожидалъ: Федя, мой милый Федя, любить этого негодяя и зараженъ его идеями.

У Настасьи Дмитріевны отлегло отъ сердца. Она ждала болѣе ужаснаго.

— Онъ, съ величайшимъ презрѣніемъ продолжалъ Стрекаловъ, — хотѣлъ оттолкнуть отъ меня сына. Сегодня-же этого мерзавца не будетъ... Иди, Наденька, обѣдать; я не пойду. Оставь меня одного.

Жена поцѣловала мужа въ лобъ и вышла изъ кабинета.

За обѣдомъ Настасья Дмитріевна даже не взглянула на Черемисова и молча сидѣла, опустивъ глаза въ тарелку. Только, когда Федя громко заявилъ желаніе идти послѣ обѣда гулять съ Черемисовымъ, она вскинула на Федю суровый, рѣзкій взглядъ и замѣтила ледянымъ тономъ:

— Сегодня идти нельзя. Останься дома.

— Отчего?

— Оттого, что мать такъ хочетъ! сухо оборвала мать.

Ольга поняла, что мать сердита и какъ-то конфузливо взглянула на Глѣба. Ей показалось, что онъ усмѣхнулся. Федя посмотрѣлъ на мать и нельзя сказать, чтобы взглядъ его былъ очень нѣженъ.

Мальчикъ понялъ, что значила эта выходка, и побѣжалъ наверхъ къ Ольгѣ. Она сидѣла за маленькимъ столомъ и читала книгу.

— Ольга... милая... Ты знаешь-ли... Черемисовъ уѣдетъ?

— Что ты? вдругъ вздрогнула Ольга.

— Да. Я это навѣрное знаю.

И братъ рассказалъ сестрѣ о томъ разговорѣ, который услышалъ отецъ.

— А какой онъ хорошій, сестра, еслибъ ты знала! чуть не плакалъ юноша.

— Ты думаешь, я не знаю, Федя...

— Онъ добрый... добрый... Ты не думай, Оля, что онъ рѣзкій. Это манера его, а за то онъ честный, такой хорошій... не похожъ на насъ... Ахъ, голубушка, еслибъ ты знала, какъ мнѣ жаль его!

Ольга крѣпко обхватила брата и крѣпко поцѣловала его. Феде показалось, что на щеку его скатилась сестрина слеза.

— Что съ тобой Ольга. И тебѣ его жаль?

— Нѣтъ, Федя... нѣтъ, мой милый! сконфузилась сестра, — мнѣ тебя жаль, что тебя оставляетъ такой человѣкъ!

До вечера Николай Николаевич сидѣлъ у себя запершись въ кабинетѣ. Настасья Дмитриевна нѣсколько разъ подходила, но не рѣшалась постучать. Стрекаловъ сидѣлъ и чѣмъ болѣе думалъ, тѣмъ тяжелѣе становилось ему.

„Возненавидѣть отца! А я его такъ люблю, люблю!“ шепталъ отецъ и по лицу его текли слезы. Къ вечеру Николай Николаевич нѣсколько успокоился и велѣлъ попросить въ себѣ Черемисова.

— Я просилъ васъ, господинъ Черемисовъ, началъ Стрекаловъ, — чтобы благодарить васъ...

Онъ остановился. Черемисовъ взглянулъ на него и понялъ, въ чемъ дѣло.

— Я хочу сказать вамъ, господинъ Черемисовъ, что ваши занятія съ моимъ сыномъ прекратились и я нарушаю наше условіе.

Стрекаловъ опять замолчалъ. Глѣбъ было поднялся съ кресла.

— Признаюсь, я никакъ не ожидалъ, что вы такъ ловко умѣли носить маску и, пользуясь довѣренностью, позволили себѣ развращать моего сына идеями, которыя мнѣ кажутся, — вы извините меня, — безнравственными.

Онъ перевелъ духъ и взглянулъ на Глѣба. Оба смѣряли другъ друга и у обоихъ въ глазахъ сверкнула ненависть.

— Вы кончили, господинъ Стрекаловъ? Или еще хотите злоупотреблять моимъ терпѣніемъ? холодно спросилъ Глѣбъ.

— Нѣтъ-съ, я не кончилъ.

— Тогда продолжайте. Я готовъ васъ слушать еще пять минутъ, но не больше.

Этотъ тонъ, этотъ сухой, презрительный взглядъ окончательно взорвали Стрекалова.

— Милостивый государь! крикнулъ онъ, вскакивая съ мѣста. — Кто далъ вамъ право издѣваться?

— Успокойтесь, господинъ Стрекаловъ, и не кричите! тихо прошепталъ Глѣбъ и пристально посмотрѣлъ на Стрекалова.

Николай Николаевич снова сѣлъ.

— И вы еще позволяете просить меня успокоиться? Вы, желавшій оторвать сына отъ отца, — вы, желавшій развратить ребенка...

Онъ задыхался и не могъ продолжать.

— Довольно, господинъ Стрекаловъ! сказалъ тихимъ шопотомъ

Глѣбъ, и сказалъ это такимъ шопотомъ, что Стрекаловъ, взглянувъ на его блѣдное, искривленное злостью лицо, тотчасъ-же умолкъ.—Я завтра уѣду и считаю лишнимъ продолжать брань. Скажу только, что сына вашего я отъ васъ не отрывалъ. Впрочемъ, думайте, что хотите.

Онъ всталъ и тихо вышелъ изъ кабинета.

Стрекаловъ съ безсильной злобой поглядѣлъ ему вслѣдъ.

Въ тотъ-же вечеръ Черемисовъ отыскалъ себѣ маленькую комнату въ глухой улицѣ и рано утромъ, когда еще стрекаловскій домъ спалъ, сталъ собираться.

Скоро все было уложено и Филать взялся сходить за извозчикомъ.

По коридору раздались торопливые шаги, дверь шумно растворилась и въ комнату вбѣжалъ Федя.

— Я боялся опоздать, проговорилъ онъ, едва удерживая слезы.— Дайте, я помогу вамъ уложиться.

— Ужъ все готово. Спасибо.

— Гдѣ вы будете жить? Можно къ вамъ зайти? робко спросилъ Федя.

— Я буду очень радъ.

Глѣбъ сказалъ адресъ и крѣпко пожалъ ему руку.

Явился Филать и объявилъ, что извозчикъ готовъ.

Ольга стояла у окна и, приподнявъ уголокъ занавѣски, видѣла сцену прощанія.

Она долго слѣдила за Черемисовымъ, и когда извозчикъ скрылся изъ глазъ, она залилась тихими, горькими слезами.

„Опять на широкой дорогѣ, опять цыганъ, бродяга!“ ѣдко усмѣхался Глѣбъ. „Опять на перепутьи. Неужели-жъ вѣчно такъ?“ Онъ вспомнилъ все прошлое: и прошлое было тѣмъ-же скитаніемъ съ мѣста на мѣсто.

Но снова надежда пробралась въ его измученное сердце и онъ съ радостью, какъ утопающій, ухватился за соломенку.

„А если и тамъ тотъ-же конецъ?“

Онъ отогналъ отъ себя искушающую мысль и вступилъ въ бѣсѣду съ извозчикомъ.

XXXIX.

Послѣ злополучной статьи Крутовской въ глазахъ грязнополцевъ сталъ какимъ-то легендарнымъ существомъ и его именемъ чуть не пугали дѣтей. Разказы про него отличались замѣчательнымъ разнообразіемъ и фантастичностью: одни говорили, что это полякъ, прикидывающійся русскимъ, другіе, что онъ агентъ правительства, третьи, что онъ вербовщикъ членовъ интернаціонала и что недалекъ тотъ день, когда Грязнополе будетъ сожжено „этимъ мерзавцемъ.“

А Крутовской и въ усъ себѣ не дулъ. Онъ выслушалъ наставленіе генерала по поводу послѣдней корреспонденціи, и когда тотъ кончилъ свою рѣчь, то замѣтилъ самымъ откровеннымъ тономъ:

— Но вѣдь согласитесь, ваше превосходительство, что если половина того, что я написалъ, правда, то вѣдь господинъ Колозовъ, право, этого стоитъ.

Генералъ не могъ не улыбнуться такой откровенности.

— Быть можетъ, и стоитъ, но во всякомъ случаѣ надо осторожнѣй.

— Если-бъ осторожность была моимъ качествомъ, то врядъ-ли я-бы имѣлъ честь видѣть здѣсь ваше превосходительство.

Генералъ опять улыбнулся. Крутовской ему очень понравился.

— Вы-бы, Крутовской, перемѣнили вашу образъ мыслей... то-есть, какъ-бы вамъ сказать...

— То-есть, перестали-бы быть Крутовскимъ? улыбнулся Крутовской.

— Почти что такъ! засмѣялся генералъ.

— Это почти что невозможно! засмѣялся Крутовской.

— Тогда могли-бы и на службу поступить. Я-бы готовъ похлопотать. Вѣдь я васъ вотъ какимъ знавалъ... еще пажомъ.

— Нѣтъ ужъ, ваше превосходительство, горбатаго могила исправитъ.

— Какъ знаете, но только я васъ прошу, Крутовской, не очень ругаться.

— Постараюсь, ваше превосходительство! отвѣчалъ Крутовской, сдѣлавъ такую уморительную гримасу, что генералъ не могъ снова не улыбнуться.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Онъ по-прежнему продолжалъ писать корреспонденціи и юмористическія статьи и очень злился, что въ печати онѣ появлялись не всегда такими, какими онъ отсылалъ ихъ въ редакцію. „Ужь, кажется, чего мягче? говорилъ онъ женѣ, а все-таки тебя коверкають такъ, что ты и себя не узнаешь!“ Впрочемъ, послѣднее время Крутовскому было не до статей. Онъ увлекся театромъ и каждый вечеръ сидѣлъ тамъ, любуясь Ленормъ, которая приводила грязнопольскую публику въ восторгъ своей недурной игрой и красивой наружностью.

Крутовской познакомился съ ней оригинальнымъ манеромъ. Послѣ перваго ея дебюта, онъ прямо явился къ ней на квартиру.

— Крутовской! представился онъ. — Пришелъ съ тѣмъ, чтобы познакомиться съ вами, если только вы меня не прогоните. А если прогоните—уйду! прибавилъ онъ, весело усмѣхаясь.

— Садитесь. Я про васъ много слышала. Вами пугають здѣсь дѣтей.

Они разговорились. Ленормъ говорила умно и бойко. Крутовской вышелъ отъ нея въ восторгѣ.

— Володя, голубчикъ, денегъ нѣтъ! встрѣтила его дома жена.

— Будуть, Люда, будутъ... Сегодня достану.

— Ты знаешь, черезъ мѣсяць векселямъ срокъ.

— Знаю. Они у Стрекалова.

— Экій ты, Володя, блѣдный какой... здоровъ?

— Здоровъ, что мнѣ дѣлается! рѣзко отвѣчалъ Крутовской.

Людмила Николаевна молча посмотрѣла на него и ушла въ другую комнату. Крутовской сталъ пропадать изъ дому и большую часть времени проводилъ у своей новой знакомой. Она принимала его радушно и кокетничала.

Какъ-то вечеромъ они сидѣли вдвоемъ и весело болтали. Крутовской хвалилъ ея игру въ новой роли и Ленормъ съ удовольствіемъ слушала его.

— А скоро, Крутовской, вы меня бранить станете?

Она взглянула на его оживленные глаза и усмѣхнулась.

— Я?

— Вы? Развѣ я васъ не узнала. Васъ вѣдь очень скоро можно узнать, вы изъ откровенныхъ. Вотъ вы ходите ко мнѣ, идите со мной, немножко ухаживаете, а послѣ...

Она не окончила и сдѣлала печальную гримаску.

Онъ пересѣлъ на диванъ. Она была такъ хороша, что Крутовской порывисто сказалъ:

— Ни теперь, ни послѣ. Развѣ вы не видите?

— Вижу, что въ васъ бѣсенокъ сидитъ. Вамъ развлеченій надо...

— Послушайте, началъ было Крутовской, и съ языка готово было слетѣть признаніе.—Послушайте...

Онъ остановился и былъ пораженъ переиѣной въ ея лицѣ. Милое, ласковое передъ тѣмъ, теперь оно было холодно и серьезно.

— Я васъ послушаю въ другой разъ, а теперь уходите, я спать хочу.

— Такъ рано? удивился онъ.

— Теперь не рано, десять часовъ.

Крутовской усмѣхнулся.

— Вы чего?

— Вашему раннему сну дивлюсь.

— Я устала сегодня, право. А вы ужъ и не довѣрять!

Она ласково взглянула на него и нѣжно пожала ему руку.

Когда Крутовской ушелъ, она порывисто заходила по комнатѣ. Она то подходила къ окну, то отходила прочь и снова подходила и прислушивалась. Когда карета остановилась у ея подъѣзда, по лицу ея поватились обильныя слезы. Она остановилась въ раздумьи передъ дорогой, на которую неудержимо влекла ея натура хищника и вакханки.

„Поздно и къ чему!“ какъ-то глухо шепнула она, быстро утирая слезы.

Въ залѣ слышались тихіе шагѣ и на порогѣ показалась са новитая личность.

— Я за отвѣтомъ? тихо сказалъ онъ.

— Я ваша! крикнула молодая дѣвушка, бросаясь въ его объятія, и истерически зарыдала.

Крутовской долго бродилъ по улицамъ и поздно вернулся домой. Всѣ спали. Онъ тихо прошелъ къ себѣ въ комнату, машинально присѣлъ за столъ и задумался. Онъ всталъ, тихо прошелъ къ спальнѣ и остановился. До его слуха долетѣли тихія всхлипыванія.

— Люда, что съ тобой? Отчего ты не спишь? спросилъ онъ, входя въ комнату.

— Нездоровится, голова болитъ... Ты не безпокойся, Володя.

— Ты плакала?

— Нѣтъ, съ чего это тебѣ показалось, храбро солгала жена. Крутовскому стало стыдно.

— Мальчишка нашъ здоровъ?

— Здоровъ.

Наступило молчаніе. Ни одного вопроса, ни одного утѣха.

— Прощай, Люда!

— Прощай, Володя!

Они пожали другъ другу руки и Крутовской вышелъ.

Людила Николаевна снова зарыдала. Она давно уже не стала ночей и все ломала голову, какъ-бы устроить свою жизнь такъ, чтобы не мѣшать Володѣ наслаждаться жизнью. Она догадывалась, что онъ влюбленъ. „Пусть онъ будетъ счастливъ, а мы съ сыномъ уѣдемъ!“ не разъ рѣшалась она, но у нея не хватало силы привести въ исполненіе это рѣшеніе. Она такъ любила своего Володю.

Крутовской заснулъ подъ утро и, когда проснулся, на столѣ у него лежала записка отъ Ленормъ слѣдующаго содержанія: „Если хотите побесѣдовать о новой роли, приходите. Я буду дома цѣлое утро“.

Крутовской одѣлся и сейчасъ-же вышелъ изъ дому, оставивъ въ торопяхъ записку на столѣ. Людила Николаевна, прибиравъ комнату, прочла ее.

„Опять!“ кольнуло ее прямо въ сердце, и она схватила своего ребенка и долго, и крѣпко прижималась къ нему, обливая его неутѣшными слезами.

— Сегодня я, Крутовской, не устала и прошу васъ помочь мнѣ... будьте строгимъ судьей и слушайте.

Она стала репетировать роль, незамѣтно увлеклась ролью и нѣсколько разъ поцѣловала его.

Крутовской любовался ею, и эти поцѣлуи хорошенькой женщины жгли его.

— Послушайте, началъ онъ, и губа его дрогнула.— Вы только кокетничаете со мной?

Актриса удивленно взглянула своими лукавыми глазками.

— Чего вы хотите?

— Вы развѣ не видите, что я готовъ въ васъ влюбиться...

- Не влюблены-ли?
- Положимъ...
- Такъ что-жь?
- Какъ что!

Онъ бросился къ ней и порывисто обнялъ ее. Она не протривилась и тихо перебирала его волосы.

- Что-жь будетъ дальше? какъ-то грустно шепнула она.
- Ничего особеннаго... Я только люблю васъ...
- И надолго?
- Сколько полюбится. Я контрактовъ не заключаю!
- А я заключаю! тихо отвела она его рукой.—Богда полюбите на долго, тогда и говорите... Ну, довольно шутить. За дѣло! Ишь какой вы возбужденный. А вами еще дѣтей пугаютъ... Совсѣмъ вы не страшный! насмѣшливо прибавила молодая женщина.

Онъ быстро отскочилъ отъ нея. Его маленькіе глазки блеснули, лицо искривилось злой усмѣшкой и тонкія губы дрожали.

- Вы смѣтаетесь? крикнулъ онъ.
- Вы самолюбивы, какъ чортъ! замѣтила Леноржъ, любуясь имъ.
- Издѣваетесь? Что-жь и по дѣломъ! Прощайте...
- До свиданія! подчеркнула она и прибавила: — ваша жена здорова?

Этотъ вопросъ окончательно взорвалъ Крутовскаго. Онъ, прищурясь, посмотрѣлъ на нее и замѣтилъ:

- А вамъ какое дѣло до моей жены?
- Уходите... успокойтесь... Вы стали совсѣмъ злой. Такихъ-бы вамъ почаше быть. Вы тогда очень интересны.

Онъ вышелъ, громко стукнувъ дверью.

„Къ чему я кокетничаю, къ чему? раскаявалась Леноржъ. Впрочемъ, это ему не опасно. Онъ не изъ нюны!“ весело прибавила она и успокоилась.

Б. Станюковичъ.

(Продолженіе будетъ.)

ПАРИЖСКОЕ БРЮХО.

Le ventre de Paris, par Emile Zola. Paris 1873.

Эмиль Зола, авторъ романа, съ которымъ мы намѣрены познакомиться читателя, извѣстенъ во французской литературѣ уже около десяти лѣтъ, но только недавно приобрѣлъ онъ громкую извѣстность своимъ замѣчательнымъ произведеніемъ — „Ругоны-Маккары“, поставившимъ его наряду съ лучшими современными писателями. Первые два тома этого произведенія вышли въ 1871 году, и настоящій романъ составляетъ новый эпизодъ той громадной эпопеи, въ которой Зола представляетъ вѣрную и блестящую картину декабрьской имперіи „этой странной, чудовищной эпохи безумія“. Для достиженія подобной цѣли, онъ прибѣгъ къ оригинальной формѣ, вполне соответствующей его въ высшей степени реальному таланту; въ жизни отдѣльнаго семейства онъ задумалъ рассказать исторію всего общества въ избранную имъ эпоху. „Ругоны-Маккары,“ — „тотъ типъ семейнаго кружка, говоритъ Зола въ предисловіи къ первому тому, который я намѣренъ изучить, — отличаются характеристической чертой нашего вѣка — жаждой удовольствія и разнузданностью страстей. Физиологически они составляютъ постепенный результатъ нервныхъ сангвиническихъ явленій, которымъ подвергается раса вслѣдствіе органическаго разстройства и которыя опредѣляютъ, соответственно средѣ, въ различныхъ индивидуумахъ этой расы чувства, желанія, страсти, всѣ естественныя, инстинктивныя проявленія человѣческой природы, получающія въ своей вѣшной формѣ общепринятія названія добродѣтелей и пороковъ. Исторически они выходятъ изъ народа, распространяются по всѣмъ слоямъ совре-

женнаго общества, достигаютъ всѣхъ его степеней въ силу того соціального закона, который двигаетъ впередъ низшіе классы и, такимъ образомъ, ихъ индивидуальныя драмы повѣствуютъ всю исторію второй имперіи отъ декабрьской западни до седанской извѣстны. Опредѣливъ ясно свою задачу, Зола понялъ, что ея невозможно достигъ однимъ цѣльнымъ законченнымъ романомъ, рамки котораго были для него слишкомъ тѣсны и потому создалъ длинную серію отдѣльныхъ, совершенно самостоятельныхъ романовъ, изъ которыхъ каждый составляетъ только эпизодъ *семейной хроники* этого живого типа. Такимъ образомъ, въ первомъ томѣ „*Естественной и соціальной исторіи одного семейства при второй имперіи*“, какъ онъ вообще назвалъ все свое произведение, Зола представилъ происхожденіе своихъ героевъ и нарисовалъ художественно-блестящую картину декабрьскаго переворота, положенія французскаго общества, сдѣлавшаго возможнымъ появленіе второй имперіи и тѣхъ людей, которые съ такою алчностью набросились на кинутый охотниками окровавленный трущъ загнаннаго звѣря. Звѣрь этотъ былъ несчастная Франція и во второмъ томѣ, отлично названномъ *La Curée*, художникъ нарисовалъ яркій эскизъ того отвратительнаго дѣла добычи, которую рвали на части всевозможные искатели приключеній. Онъ прямо говоритъ, что въ этомъ эпизодѣ, онъ выставилъ преждевременное истощеніе расы, жившей слишкомъ быстро и породившей разнообразныя типы изнѣженнаго юноши, безумнаго спекулятора, не останавливающагося ни передъ какими средствами для обогащенія, великосвѣтской развратницы, придворнаго интригана и утопающаго въ роскоши вырожденка старой аристократіи. Послѣ нарисованной имъ картины разложенія парижскаго высшаго общества, Зола вполне рационально перешелъ къ изображенію самодовольной буржуазіи, созданной декабрьской имперіей и думающей только о своемъ брюхѣ. Въ только-что вышедшемъ новомъ его романѣ онъ рисуетъ тѣми-же блестящими красками жизнь, или, лучше сказать, прозябаніе той мелкой, совершенно равнодушной къ общечеловѣческимъ и общественнымъ интересамъ, торгующей, спекулирующей и вѣчно погруженной въ заботы о своемъ *брюхѣ*, среды, которой вся жизнь и дѣятельность сосредоточиваются вокругъ центрального рынка, составляющаго съ своими оригинальными нравами и обычаями фонъ его разказа и на-

званнаго такъ жѣтко народомъ „*Парижское брюхо*“. „Подъ колоссальными сводами этого чудовищнаго зданія, исполнѣ воищающаго печальную эпоху создавшей его декабрьской иннери́и, говоритъ Зола:—прозябало самодовольно, грѣясь на солнцѣ и исходя все прекраснѣе вокругъ себя отъорышенное, жирное брюхо малаго торгашества и животной узкой честности“.

Мы не говорили о прежнихъ романахъ Зола, связанныхъ общей идеей съ настоящими, потому что они касались той общественной группы, о которой такъ много было говорено и писано. Въ нихъ нѣтъ ничего новаго кромѣ художественныхъ изображеній, принадлежащихъ личному таланту романиста. Но нельзя не остановить вниманія читателя на послѣднемъ произведеніи Зола, которое мы передаемъ въ сокращенномъ видѣ подѣ названіемъ „*Парижское брюхо*,“ тѣмъ болѣе, что оно представляетъ совершенно отдѣльный, законченный романъ, неимѣющій кромѣ идеи, ничего общаго съ предъидущими эпизодами *Семейной хроники Рулоновъ-Маккаровъ* и потому не требуетъ вовсе знакомства съ прежними героями Зола, о которыхъ онъ здѣсь даже и не упоминаеть.

I.

Среди безмолвной тишины тянулись къ Парижу возы огородниковъ; однообразный скрипъ колесъ глухо раздавался въ пустынной алеѣ громадныхъ вязовъ, за которыми возвышались дома, погруженные въ глубокий сонъ. На Нельскомъ мосту двѣ тележки съ капустой и горохомъ присоединились къ восьми возамъ съ морковью и рѣпой, медленно двигавшимся изъ Нантера; лошади шли сами по себѣ, понуривъ головы, тихо, лѣнливо. На возахъ, растаянувшись во всю длину, дремали огородники; отъ времени до времени газовый фонарь освѣщаль подошву сапога, синій рукавъ блузы или козырекъ фуражки, видѣвшихся среди красной массы моркови, бѣлой груди рѣпы и густой зелени гороха и капусты. А по дорогѣ, спереди и сзади, слышался скрипъ такихъ-же обозовъ, медленно подвигавшихся во мракѣ къ чернѣвшему вдали спящему городу, убавлявая его монотонной мелодіей завтрашняго объяденія.

Неожиданно передняя лошадь стала, какъ вкопанная, и весь

обозъ остановился среди криковъ и брани пробужденныхъ огородниковъ.

— Ну! воскликнулъ одинъ изъ нихъ, — нечего останавливаться, это какой-нибудь пьяный.

— Нельзя-же давить народъ, отвѣчала женщина, сидѣвшая на первомъ возу и, быстро соскочивъ на землю, подбѣжала къ черной массѣ, лежавшей на дорогѣ у самыхъ ногъ лошади.

Это былъ человѣкъ чрезвычайно высокаго роста и сухой, какъ спица, растянувшійся ницъ лицомъ въ густой пыли шоссе. Онъ казался мертвымъ, однакожь, женщина, опустившись передъ нимъ на колѣни и взявъ его за руку, которая была тепла, тихо произнесла:

— Эй! прохожій!

Онъ повернулся, открылъ глаза и, не двигаясь, молча, безпокойно смотрѣлъ на огородницу.

— Здѣсь нельзя лежать, продолжала она, — васъ могутъ задавить. Куда вы идете?

— Не знаю, отвѣчалъ онъ тихо и потомъ прибавилъ съ замѣтнымъ усиленіемъ и безпокойно озираясь по сторонамъ, — я шелъ въ Парижъ... я упалъ... не знаю...

Въ первую минуту добрая женщина подумала, что этотъ человѣкъ, валявшійся въ пыли, былъ вѣрно пьянъ, но, разсмотрѣвъ его ближе, увидѣвъ лохмотья его одежды, черный сюртукъ и панталоны, до того изношенные, что изъ-за швовъ торчали костлявые члены, — его изнуренное, исхудалое лицо, съ большими глазами, мягко смотрѣвшими изъ-подъ черной суконной фуражки, безпокойно надвинутой на брови, она сказала про себя:

— Нѣтъ, онъ слишкомъ худъ, чтобъ быть пьянымъ!

— Въ какую сторону Парижа вы идете? спросила она его снова.

— Къ рынкамъ, отвѣчалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія надорваннымъ голосомъ и, поднявшись съ неимовѣрнымъ усиленіемъ, хотѣлъ продолжать путь, но зашатался и опять едва не упалъ.

— Вы очень устали? спросила добрая женщина.

— Да, очень! промолвилъ онъ.

— Ну, произнесла она грубымъ, какъ-бы недовольнымъ голосомъ и толкая незнакомца: — подѣзайте-ка въ телегу. Я ѣду на рынокъ и спущу васъ вмѣстѣ съ овощами.

Онъ сталъ отказываться, но огородница своими мощными ру-

ками приподняла его и почти бросила на груди рѣпы и моркови, восклицая гнѣвно:

— Да ну-же! Вы насъ задерживаете. Вы мнѣ надоѣли. Спите. Я васъ разбужу на рынкѣ.

Обозъ снова двинулся въ путь. Человѣкъ, подобранный на дорогѣ, лежа на животѣ среди груди рѣпы, уткнувъ лицо въ свѣжую зелень моркови и охвативъ руками торчавшія по сторонамъ овощи, чтобы удержаться на возу отъ постоянныхъ толчковъ, пристально смотрѣлъ на тянувшуюся передъ нимъ дорогу, на двѣ безконечныя линіи газовыхъ рожковъ, соединявшихся вдали на горизонтѣ съ другими мерцавшими огнями въ блѣдное, туманное зарево, стоявшее надъ Парижемъ.

— Я изъ Нантера, сказала огородница, послѣ минутнаго молчанія, очевидно, желая вступить въ разговоръ съ незнакомцемъ, — меня зовутъ г-жа Франсуа. Со смерти моего бѣднаго мужа я каждое утро ѣзжу на рынокъ. Тяжело, да дѣлать нечего. А вы?

— Меня зовутъ Флоранъ. Я изъ далека, отвѣчалъ неохотно незнакомецъ, — извините, я такъ усталъ, что не могу говорить.

Онъ, очевидно, не хотѣлъ разговаривать; г-жа Франсуа замолчала и стала дремать, бросивъ возжи на шею старой, толстой лошади, которой хорошо былъ извѣстенъ каждый камышекъ шоссе. А Флоранъ, устремивъ глаза на мерцавшій вдали Парижъ, думалъ о своемъ прошедшемъ, которое онъ старался скрыть отъ доброй женщины. Бѣглець изъ Каены, куда забросили его декабрьскіе дни, слонявшійся впродолженіи двухъ лѣтъ въ голландской Гвіанѣ, терзаемый безумной тоской по родинѣ и страхомъ полиціи второй имперіи, онъ, наконецъ, видѣлъ передъ собою великій городъ, столь дорогой его сердцу, столь горько оплакиваемый. Онъ думалъ, что съумѣетъ скрыться въ многолюдныхъ его улицахъ и будетъ вести прежнюю мирную жизнь. Полиція ничего не узнаетъ, къ тому-же его считаютъ умершимъ въ Каениѣ. Онъ вспомнилъ, что, прибывъ въ Гавръ, онъ имѣлъ всего только пятнадцать франковъ. До Руана онъ доѣхалъ въ дилжансѣ, а оттуда пошелъ пѣшкомъ съ тридцатью сантимами въ карманѣ. Въ Вернонѣ онъ купилъ хлѣба на послѣдній грошъ, а съ тѣхъ поръ ничего не помнилъ. Ему казалось, что онъ проспалъ нѣсколько часовъ въ канавѣ, что онъ показывалъ жандарму находившійся при немъ видъ; но все это вертѣлось не ясно, ту-

манно въ его головѣ. Съ самаго Вернона онъ ничего не ѣлъ и шель безсознательно, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, съ судорогами въ желудкѣ; на каждомъ шагу ноги у него подкашивались и, по временамъ, чтобъ унять муки голода, онъ машинально жеваль листья окружавшихъ его живыхъ изгородей. Глаза его мутно, безмысленно смотрѣли впередъ, словно ослѣпленные видомъ на Парижъ, который выяснялся теперь на горизонтѣ и, казалось, звалъ его, ожидалъ его. Наступила ночь мрачная, жестокая; достигнувъ Курбева, онъ пошелъ по берегу, едва волоча за собою ноги. Парижъ, точно лучезарный уголокъ звѣзднаго неба, упавшій на черную землю, казалось, смотрѣлъ на него строго, какъ-бы разсерженный его прибытіемъ. На Нельскомъ мосту онъ прислонился къ рѣшеткѣ, у его ногъ Сена медленно катила чернильную массу своихъ водъ, и красный маякъ, отражавшійся въ зеркальной поверхности воды, манилъ его своимъ кровавымъ взглядомъ. Передъ нимъ тянулась алея вверхъ до самаго Парижа. Она казалась ему безконечною; сто пройденныхъ уже миль были ничто въ сравненіи съ этой дорогой, приводившей его въ отчаяніе. Нѣтъ, ему никогда не достичь до ея вершины, увѣнчанной блестящими вдали огнями. Алея тянулась мрачная, пустынная, съ ея длиннымъ рядомъ высокихъ деревьевъ и низенькихъ дощовъ, съ сѣроватыми тротуарами, на которые ложилась тѣнь спустившихся вѣтвей, съ одинокими газовыми фонарями, своимъ желтоватымъ мерцаніемъ придававшими жизнь этой мертвой пустынѣ. Флоранъ болѣе не подвигался, алея все тянулась далѣе и далѣе, Парижъ убѣгалъ отъ него, скрываясь во мракѣ ночи. Газовые рожки разступались по сторонамъ, какъ-бы скрадывая дорогу; Флоранъ пошатнулся и упалъ тяжелой, бездушнѣй массой на пыльное шоссе.

Теперь онъ тихо подвигался на мягкомъ ложѣ зелени, казавшемся ему роскошнѣй пуховой перины. Его уставшее тѣло дремало, колыхаемое однообразнымъ движеніемъ телѣги; всѣ чувства въ немъ замерли; жизнь проявлялась только въ одномъ желудкѣ, терзаемомъ какъ-бы желѣзными тисками. Эти страданія напоминали Флорану, что онъ еще живъ. Голодъ пробудился въ немъ страшный, неутолимый. Запахъ свѣжей зелени, окружавшей его со всѣхъ сторонъ, доводилъ его до одуренія. Напрягая всѣ оставшіяся силы, онъ прижимался грудью къ массѣ овощей, находившейся подъ нимъ, и старался

механически заглушить вопль голода. А идущий за нимъ обозъ съ безконечными грудями капусты, гороха, артишоковъ, салата, казалось, постепенно наступалъ его, грозя скоронить несчастнаго, терзаемаго агоніей голода, подъ чудовищной лавиной роскошной пищи. Наконецъ, телѣги остановились; раздались грубѣе голоса: вдѣсь была застава. Черезъ минуту Флоранъ вступилъ въ Парижъ, безъ чувствъ, въ обморокъ, прижавшись зубами къ свѣжей моркови.

Прибывъ на центральный рынокъ, г-жа Франсуа разбудила Флорана, который забылъ въ тяжеломъ снѣ свой голодъ и отчаяніе. Онъ открылъ глаза и взглянулъ на нее молча, безсознательно, но машинально помогъ ей снять съ телѣги груды овощей и разложить ихъ на тротуарѣ. Поспѣшно устроивъ свою выставку зелени, огородница отправилась въ сосѣднюю улицу убрать лошадь съ телѣгой до отъѣзда изъ города. Флоранъ остался караульщикомъ. При малѣйшемъ движеніи снова пробуждался его голодъ и потому, усѣвшись подлѣ груды капусты, онъ рѣшился ждать, не двигаясь, чего—онъ самъ не зналъ. Ему казалось, что въ головѣ его было такъ-же пусто, какъ въ желудкѣ, и онъ не сознавалъ ясно, гдѣ находился. Передъ нимъ тянулась большая улица, окаймленная фонарями, тускло освѣщавшими безконечныя груды зелени, ожидавшей, вмѣстѣ съ дремавшими караульщиками, пробужденія дня. Флоранъ не узнавалъ этой улицы, но его болѣе всего изумляли стоявшіе по обѣимъ ея сторонамъ чудовищныя павильоны, легкія крыши которыхъ, возвышаясь однѣ надъ другими, исчезали во мракѣ. Эти странныя, невѣдомыя зданія казались его слабѣвшему уму какими-то блестящими хрустальными дворцами и онъ отвернулся отъ этого колоссальнаго видѣнія съ какимъ-то безпокойствомъ и страхомъ. Но, поднявъ глаза, онъ неожиданно увидѣлъ освѣщенный циферблатъ башенныхъ часовъ св. Евстафія и еще болѣе изумился.

Въ эту минуту возвратилась г-жа Франсуа и, замѣтивъ удивленіе, ясно выражавшееся на лицѣ Флорана, спросила добродушно:

— А вы давно не были въ Парижѣ? Вы, пожалуй, не знаете и новаго рынка, хотя онъ выстроенъ уже пять лѣтъ. Вотъ рядомъ съ нами павильонъ плодовъ и цвѣтовъ, далѣе идутъ павильоны съ рыбой, живностью, овощами, масломъ, сыромъ... Съ этой стороны шесть павильоновъ и съ той четыре: мясной, пти-

чій, и проч. Нечего сказать, рынокъ громадный, но зимой здѣсь очень холодно. Говорять, что выстроить еще два павильона, сломавъ дома вокругъ хлѣбнаго ряда. Все это, кажется, вамъ не знакомо?

— Да, отвѣчалъ Флоранъ, — я былъ за-границей. А какъ вы называете эту большую улицу?

— Это улица Новаго Моста. Она идетъ отъ Сены до улицы Монмартръ и Монторгель. Погодите, разсвѣтетъ, такъ вы сейчасъ признаете эту мѣстность.

Флоранъ устремилъ свой взглядъ, по указанію огородницы, на уголь улицы Монторгель. На этомъ самомъ мѣстѣ ночью 4-го декабря его схватилъ отрядъ полицейскихъ сержантовъ. Днемъ, во второй часъ, онъ гулялъ по Монмартрскому бульвару, и съ улыбкой смотрѣлъ на полки, которые елисейскіе заговорщики водили по улицамъ, чтобы заставить народъ взглянуть на нихъ серьезно. Неожиданно солдаты открыли огонь по беззащитной толпѣ и въ четверть часа очистили всѣ тротуары. Толкаемый во всѣ стороны обезумѣвшей толпой, онъ упалъ на углу улицы Вивьенъ и лишился чувствъ. Когда онъ опомнился и хотѣлъ привстать, то почувствовалъ, что на немъ лежитъ что-то тяжелое. Это была молодая женщина въ розовой шляпкѣ и шали, изъ подъ которой виднѣлся бѣлый корсажъ, пробитый на шеѣ двумя пулями. Оттолкнувъ бездыханный трупъ, онъ обогрѣлъ свои руки кровью, хлынувшей изъ обѣихъ ранъ женщины. Тогда онъ вскочилъ и, какъ сумасшедшій, бросился бѣжать безъ шляпы съ окровавленными руками. До вечера онъ слонялся по улицамъ, видя вѣчно передъ собою молодую женщину, ея блѣдное лицо, большіе голубые глаза, открытые отъ изумленія, что ей пришлось такъ неожиданно, такъ скоро умереть. Онъ былъ очень застѣнчивъ и въ тридцать лѣтъ не смѣлъ взглянуть прямо въ лицо женщины; но лицо этой женщины на вѣки запечатлѣлось въ его памяти и сердцѣ. Ему казалось, что онъ потерялъ въ ней близкое, дорогое существо. Вечеромъ, совершенно безсознательно, онъ снова очутился въ улицѣ Монторгель, въ кабацкѣ, гдѣ какіе-то незнанные ему люди сговаривались строить баррикаду. Онъ послѣдовалъ за ними, помогъ имъ выворотить каменья и, утомленный всеми тревоженіями дня, усѣлся на баррикадѣ поджидать солдатъ. На головѣ у него по-прежнему не было шляпы, въ рукахъ не было

даже ножа, не только что ружья. Часовъ въ одиннадцать онъ заснул, и передъ его глазами постоянно носились два отверстія бѣлыя корсажа, смотрѣвшія на него, какъ два глаза, налитые кровью и слезами. Проснувшись, онъ увидалъ себя среди полицейскихъ сержантовъ, толкавшихъ его кулаками. Защитники баррикады разбѣжались, а полицейскіе едва не растерзали его, увидавъ кровь на его рукахъ; — это была кровь молодой женщины. Ею, конечно, тутъ-же бы разстрѣляли, какъ пятерыхъ несчастныхъ, тѣла которыхъ онъ видѣлъ близъ церкви св. Евстафія, в томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышалась гряда розовыхъ рдисокъ, но, по счастью, у полицейскихъ сержантовъ не было ружей. Его отвели въ ближайшій полицейскій постъ и оставили тамъ съ запискою на лоскутѣ бумаги: „очень опасный; взять съ окровавленными руками“. Цѣлую ночь его таскали изъ одного полицейскаго поста въ другой и вездѣ эта записка слѣдовала за нимъ. Въ одномъ изъ нихъ пьяные солдаты хотѣли его разстрѣлять, но полученъ былъ приказъ отправить всѣхъ плѣнниковъ въ префектуру. Тамъ его заковали и продержали до другого дня, когда отправили въ казематы форта Бисетръ. Съ этого времени онъ сталъ чувствовать голодь, который его уже болѣе никогда не покидалъ. Въ одномъ подземельѣ, безъ воздуха и почти безъ пищи, содержалось вмѣстѣ съ нимъ около сотни несчастныхъ, которыхъ, какъ дикихъ звѣрямъ, бросали куски черстваго хлѣба. Представленный къ слѣдственному судѣ, онъ былъ обвиненъ въ участіи въ тайномъ обществѣ; защитника у него не было, свидѣтелей, которые могли-бы уличить его, также не было; когда-жъ онъ сталъ клясться, что и не думалъ никогда принадлежать къ тайнымъ обществамъ, судья вынулъ изъ дѣла лоскутокъ бумаги съ надписью: „очень опасный, взять съ окровавленными руками“, — и показалъ ему. Этого было достаточно; его приговорили къ ссылке. Черезъ шесть недѣль, въ одну темную январскую ночь, его разбудили и выгнали во дворъ, гдѣ находилось уже около четырехъ сотъ его товарищей. Ихъ заковали въ колодки и, подъ конвоемъ жандармовъ съ заряженными ружьями, повели по бульварамъ на станцію гаврской желѣзной дороги для отправки въ Каену. Тогда была веселая масляничная ночь; окна бульварныхъ ресторановъ блестяли огнями; на углу улицы Вивьенъ, в томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Флоранъ видѣлъ женщину, образъ ея

торой никогда его не покидалъ, арестанты пересѣкли дорогу большой четырехмѣстной коляскѣ, полной замаскированными женщинами. Въ блестящихъ платьяхъ съ обнаженнымъ шеями онѣ громко хохотали и бранились, что должны были выждать прохода „этихъ безконечныхъ каторжниковъ“. Во время всей дороги изъ Парижа въ Гавръ имъ не дали ни куска хлѣба, ни стакана воды; а до выѣзда изъ Парижа имъ забыли выдать раціоны. Такимъ образомъ, они ничего не ѣли въ продолженіи тридцати шести часовъ до нагрузки ихъ на фрегатъ *Канаду*.

Углубившись въ эти воспоминанія, Флоранъ безсознательно смотрѣлъ на освѣщенные часы св. Евстафія. Было около четырехъ часовъ; центральный рынокъ все еще спалъ, а г-жа Франсуа торговалась съ какой-то покупательницей. Передъ Флораномъ вставало это тяжелое прошедшее и онъ не могъ припомнить ни одного часа, когда-бы онъ былъ совершенно сытъ. Да, голодъ сковалъ его въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ; онъ исхудалъ, кожа висѣла на его костяхъ. А Парижъ онъ находилъ теперь во мракѣ такимъ-же сытымъ, жирнымъ, наполненнымъ всякою пищей, какъ и всегда; онъ возвратился въ него на ложѣ овощей и вокругъ него громоздилась всевозможная ѣда. Итакъ, веселая масляничная ночь продолжалась семь лѣтъ. По-прежнему на бульварахъ блестяли огни, по-прежнему смѣялись веселыя женщины, по-прежнему Парижъ былъ жаднымъ, откормленнымъ городомъ, какимъ онъ его оставилъ въ памятную январскую ночь. Ему казалось даже, что все это увеличилось, все процвѣло подъ колоссальною сѣнью центрального рынка, чудовищное дыханіе котораго доносилось до него, еще полное отрыжкой вчерашней перепереварившейся пищи.

Неожиданно надъ головою Флорана раздался звонъ большого колокола на павильонѣ плодовъ. Мѣрные удары колокола пробуждали къ жизни все, что дремало вокругъ. Возы продолжали прибывать и вдоль всей улицы Новаго Моста выгружали груды овощей, которыя занимали весь тротуаръ въ нѣсколько рядовъ. Въ узкихъ проходахъ между этими живописными выставками зелени теперь сталъ снова пробудившійся народъ, останавливаясь на каждомъ шагу, разговаривая, торгуясь. Рѣшетка павильона овощей съ шумомъ открылась и торговли, въ бѣлыхъ чепцахъ и черныхъ подобранныхъ юбкахъ, стали закупать у огородниковъ свою дневную провизію. Между павильономъ и тротуаромъ теперь ки-

пѣлъ человѣческой водоворотъ; носильщики съ громадными корзинами сновали взадъ и впередъ, шумъ, гамъ, крупныя слова раздавались со всѣхъ сторонъ.

Товаръ г-жи Франсуа быстро разбирался, и когда она продана послѣднiе пучки моркови, то съ радостью объявила Флорану, что можетъ ѣхать домой изъ этого проклятаго Парижа, который она считала до того презрѣннымъ, смѣшнымъ городомъ, что въ немъ нельзя было оставаться ни на минуту, иначе, какъ ночью. Но прежде чѣмъ уѣхать, добрая женщина стала расспрашивать Флорана, куда онъ пойдетъ, есть-ли у него родственники въ Парижѣ, не нуждается-ли онъ въ чемъ-либо и т. д. Флоранъ долго ей не отвѣчалъ, боясь этого непрошеннаго любопытства, такъ какъ голова его была полна исторiями о полицейскихъ сыщикахъ и женщинахъ, хитро вывѣдывавшихъ тайны несчастныхъ и предававшихъ ихъ въ руки полицiи. Но г-жа Франсуа была на взглядъ честной женщиной; ея большое спокойное лицо, окаймленное пестрымъ платкомъ, и нѣжныя, черныя глаза сіяли добротой. Все-же что-то удерживало Флорана и онъ съ безпокойной гордостью отказался отъ ея предложенной помощи. Его голосъ при этомъ звучалъ какъ-то рѣзко; ему было совѣстно взглянуть на нее, потому что онъ отказывался отъ нѣсколькихъ грошей, добровольно предлагаемыхъ, а за минуту передъ тѣмъ, когда она отвернулась, онъ подымалъ съ земли морковку и поспѣшно съѣлъ ее. Но, несмотря на всѣ его отказы и увѣренiя, что онъ знаетъ куда идти, добрая женщина не хотѣла бросить среди чуждой ему толпы этого несчастнаго, подъ изнуреннымъ видомъ и изношенной одеждой котораго она подозрѣвала „образованнаго“. Поэтому она съ радостью увидала въ толпѣ знакомаго ей молодого живописца, который иногда въ своихъ художественныхъ экскурсiяхъ посѣщалъ ея деревенскую хижину въ окрестностяхъ Парижа.

— Здравствуйте, г. Клодъ! воскликнула она; — когда-же вы къ намъ? А вотъ господинъ, прiѣхавшiй издалека. Онъ совсѣмъ не узнаетъ вашего подлага Парижа. Вы, можетъ быть, дадите ему хорошiй совѣтъ. Мнѣ-же пора домой, прощайте.

И добрая женщина быстро удалилась, совершенно счастливая тѣмъ, что не оставила Флорана одного среди чуждой ему толпы.

Новый знакомецъ Флорана былъ худощавый молодой человѣкъ, съ большой головой, тонкимъ носомъ, маленькими быстрыми гла-

зами и окладистой бородкой. На немъ была поряжѣвшая черная поярковая шляпа, широкое пальто, нѣкогда свѣтлокаштановаго цвѣта, но теперь сильно позеленѣвшее отъ дождя, короткіе панталоны, изъ-подъ которыхъ виднѣлись синіе чулки и толстыя башмаки съ завязками. Онъ добродушно взглянулъ на Флорана и съ фамиллярностью праздношатающаго, привыкшаго къ всевозможнымъ встрѣчамъ, сказалъ спокойно:

— Я пойду съ вами. Куда вы идете?

Страхъ довѣриться незнакому человеку снова овладѣлъ Флораномъ, но одинъ вопросъ уже такъ давно его мучилъ, что онъ рискнулъ спросить не твердымъ голосомъ, какъ-бы опасаясь неудовлетворительнаго отвѣта:

— А что, улица Пируэтъ еще существуетъ?

— Конечно, отвѣчалъ Клодъ:— она въ двухъ шагахъ отсюда.

И онъ насильно потащилъ за собою Флорана, несмотря на всѣ его отговорки. Достигнувъ улицы Пируэтъ, художникъ сталъ объяснять Флорану художественную красоту каждаго изъ старинныхъ домовъ и рассказывать, кто гдѣ жилъ и т. д. Флоранъ едва слушалъ его и съ нетерпѣніемъ шелъ впередъ. Наконецъ, онъ остановился, какъ вкопанный, передъ однимъ изъ домовъ, въ нижнемъ этажѣ котораго только что открывалась лавка варенныхъ овощей. Флоранъ устремилъ на окна и на вывѣску этой лавки отчаянный взглядъ человека, надъ головою котораго разразилось страшное несчастье. Его молодой товарищъ, однако, ничего не замѣчалъ и остановился, рѣзко воскликнувъ:

— Куда-же вы идете?

— Теперь никуда, отвѣчалъ Флоранъ. — Пойдемте, куда хотите.

Клодъ снова овладѣлъ имъ и повелъ его обратно въ центральный рынокъ, гдѣ, по его словамъ, восходъ солнца, отражаясь на грудахъ зелени, представлялъ великолѣпную картину. По дорогѣ туда онъ встрѣтилъ какого-то знакомаго, который звалъ его и Флорана въ кабачекъ и угостилъ ихъ стаканомъ пунша. Флоранъ съ жадностью выпилъ горячій напитокъ, который, однакожь, въ его пустомъ желудкѣ превратился какъ-бы въ растопленный свинецъ. Достигнувъ рынка, они углубились въ одну изъ крытыхъ улицъ между павильономъ рыбнымъ и птичьимъ. Уже разсвѣтало; гулъ, стоявшій надъ рынокомъ, все болѣе и болѣе усиливался, пре-

рываясь лишь по-временамъ звономъ колокола на отдаленныхъ павильонахъ. Флорантъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на высокую крышу, внутренняя рѣзба которой ярко блестѣла среди черныхъ свинцовыхъ переплетовъ. Выйдя на главную центральную улицу, онъ вообразилъ себя въ большомъ, чудномъ городѣ, который вдругъ въ дождливый день, по капризу волшебника, накрыть крышей со всѣми его улицами, площадями, домами, предмѣстьями. Мракъ, еще гнѣздившійся въ углубленіяхъ крыши, умножалъ до безконечности лѣсъ столбовъ, расширялъ тонкія стрѣлки сводовъ, увеличивалъ легкія галереи, висѣвшія на колонахъ; вообще надъ этимъ страннымъ городомъ возвышалась во мракѣ какая-то чудовищная металлическая растительность, безконечныя вѣтви которой, переплетаясь, расходились во всѣ стороны. Нѣкоторыя улицы спали еще непробуднымъ сномъ за запертыми рѣшетками. Маленькія лавки павильоновъ съ живностью и масломъ безмолвно виднѣлись въ пустынныхъ галереяхъ, слабо освѣщенныхъ газовыми рожками. Павильонъ морской рыбы только что открылся и въ немъ не было прохода отъ большихъ телѣгъ съ безчисленными корзинами и сѣрыми мокрыми мѣшками, въ которыхъ ежедневно доставляются по желѣзнымъ дорогамъ всѣ богатства океана. Чтобы спастись отъ этого наплыва возовъ, Флорантъ со своимъ новымъ пріателемъ бросился въ сторону и попалъ между колесами громадныхъ желтыхъ повозокъ съ цвѣтными фонарями, запряженныхъ четверею; здоровенные носильщики вынимали изъ нихъ ящики яицъ и корзинки съ масломъ и сыромъ, и носили ихъ въ павильонъ, гдѣ чиновники при свѣтѣ еще газа записывали всѣ товары въ большія книги. Высвободясь изъ этого хаоса, молодые люди очутились среди благоухающей атмосферы цвѣточнаго ряда. Тутъ продавались только что срѣзанные цвѣты, и повсюду на право, на лѣво, впереди, сзади виднѣлись громадныя четырехугольныя корзины съ розами, фіалками, георгинами, маргаритками, прелестныя, радужныя цвѣта которыхъ еще рельефнѣе выдавались при мерцающемъ свѣтѣ зажженныхъ тамъ и самъ свѣчей. Далѣе, въ тѣхъ-же крытыхъ улицахъ, женщины продавали горячій супъ и кофе. Флорантъ съ завистью отвертывался отъ этой соблазнительной картины, а Клодъ, стягивая красный ремень, которымъ онъ былъ подпоясанъ подъ пальто, съ насмѣшкой сказалъ въ полголоса:

— Странное дѣло, вы, вѣроятно, это замѣтили. Всегда найдешь человѣка, который угоститъ васъ виномъ, но никогда не набѣжитъ дуракъ, который заплатилъ-бы за вашъ завтракъ.

Впрочемъ, юный живописецъ смотрѣлъ болѣе съ художественной точки зрѣнія на громадныя запасы всевозможной пищи, стоящія каждое утро въ центральный рынокъ. Онъ цѣлыя ночи проводилъ въ этихъ улицахъ и переулкахъ, мечтая о великолѣпной картинѣ, которую можно было создать изъ всѣхъ этихъ роскошныхъ сокровищъ овощей, плодовъ, рыбы и мяса. Онъ и теперь не переставалъ восхищаться переливами цвѣтовъ и прелестью, отблѣсковъ, поражающими его на каждомъ шагу. Флорану казалось, что Клодъ въ своемъ художественномъ восторгѣ забываетъ, что всѣ эти живописные предметы служатъ для пищи; но Клодъ вдругъ рѣзко воскликнулъ:

— Къ тому-же я здѣсь завтракаю, хотъ глазами; это лучше, чѣмъ ничего. Иногда, забывъ наканунѣ пообѣдать, я на другое утро спѣшу сюда и мои прелестныя овощи кажутся мнѣ лучше, чѣмъ когда-нибудь.

Разговаривая такимъ образомъ, Клодъ ускорилъ шагъ и привелъ своего товарища обратно къ церкви св. Евстафія. Тутъ Флоранъ сѣлъ на скамейку, совершенно изнемогая отъ усталости и голода. Воздухъ становился свѣжѣе. Сѣ роватое небо освѣщалось на востокъ розовыми полосами и зарождавшееся утро распространяло такое нѣжное благоуханіе, что Флоранъ подумалъ, не перенесенъ-ли онъ волшебствомъ въ деревню среди полей и луговъ. Но Клодъ молча указалъ ему на сосѣдній рядъ ароматическихъ травъ, заваленный груды тмина, чесноку, шарлотъ, лаванды и большихъ лавровыхъ вѣтокъ, сильный запахъ которыхъ царилъ надъ всѣми другими. Освѣщенный циферблатъ башенныхъ часовъ св. Евстафія медленно блѣднѣлъ и исчезалъ изъ вида, какъ пламя свѣчи, поглощенное лучами утренняго солнца. Въ сосѣднихъ кабачкахъ газовыя рожки гасли одинъ за другимъ, какъ звѣзды передъ пурпурнымъ разсвѣтомъ. Флоранъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на громадныя зданія центрального рынка, которыя теперь выступали изъ мрака, полускрывавшаго до сихъ поръ ихъ безконечныя, прозрачныя линіи. Эти зданія принимали опредѣленную, твердую форму; сѣро-зеленоватаго цвѣта, съ чудовищными столбами и непредѣльными крышами они казались еще колоссальнѣе. Ихъ правильная,

однообразная геометрическая масса, рельефно выступая при дневномъ свѣтѣ, походила теперь на какую-то гигантскую, современную машину, чудовищную, неизмѣримую, на какой-то громадный паровикъ, переваривавшій пищу цѣлаго народа, на колоссальное брюхо изъ стекла, дерева и метала, поражающее своей чудовищной красотой и могучей силой своего механическаго двигателя, дѣйствующаго на всѣхъ парахъ при одурающемъ шумѣ колесъ и поршней.

Но Клодъ отвлекъ вниманіе Флорана отъ рынка; вскочивъ на скамью, онъ съ энтузіазмомъ показалъ ему на великолѣпную картину восхожденія солнца на морѣ зелени. Это дѣйствительно было море, простиравшееся отъ площадки св. Евстафія до Рыночной улицы, между двумя группами павильоновъ. День медленно пробуждался, окрашивая все блѣднымъ сѣроватымъ свѣтомъ. Зеленныя волны наводнявшаго мостовую и тротуары моря овощей принимали самыя нѣжныя оттѣнки: мягко-фіолетовый, молочно-розовый, желтовато-зеленый; а по мѣрѣ того, какъ на небѣ загоралась пурпурная заря, зелень пробуждалась и рельефно выступала изъ однообразной, сумрачной тѣни, еще устилавшей землю. Салатъ, латукъ, цикорій, тучные и маслянистые отъ навоза, выставляли свои блестящія сердцевины, шпинатъ, щавель, артишоки, бобы, горохъ, римскій салатъ, перехваченный соломенками, блестяли всѣми оттѣнками зеленого цвѣта отъ яркаго стручка, до блѣдной зелени сельдерея и порея. Но рѣзче всего били въ глаза кровавыя пятна моркови и непорочно-бѣлыя пятна рѣпы. Въ концѣ Рыночной улицы поднимались горы громадныхъ кочней бѣлой капусты, крѣпкихъ, какъ свинцовое ядро;—кудрявой съ ея большими словно бронзовыми листьями;—красной, которая горѣла пурпуромъ подъ лучами восходящаго солнца. На другомъ концѣ, на площадкѣ св. Евстафія возвышалась цѣлая баррикада оранжевыхъ тыквъ, самодовольно выставлявшихъ свое громадное чрево. Между всемъ этимъ разнообразіемъ цвѣтовъ и ихъ оттѣнковъ блестяли тамъ и сямъ кроваво-красныя томаты, желтоватыя огурцы, лиловыя дѣмянки; траурныя-же ряды черной рѣдьки представляли послѣднія пятна мрака, среди веселаго блеска рождающагося дня.

Внѣ себя отъ восторга, Клодъ хлопалъ въ ладоши. Онъ подходилъ „эти подлыя овощи чудовищными, безумными, величественными“; онъ утверждалъ, что „онѣ не были мертвы, а, сорванныя

наканунѣ, онѣ ждали завтрашняго солнца, чтобы сказать ему послѣднее прости на тротуарахъ рынка“. Онѣ видѣлъ, какъ онѣ жили и открывали свои листья, словно еще находились на своемъ мирномъ, тепломъ, навозномъ ложѣ. Онѣ увѣрялъ, что слышитъ тутъ предсмертный колоколецъ всѣхъ окрестныхъ огородовъ. Между тѣмъ толпа, наполнявшая узкіе проходы между грудами зелени, все увеличивалась; бѣлые чепцы, черныя кофты и синія блузы кишѣли повсюду. Большія корзины носильщиковъ высились надъ головами всѣхъ. Мелочныя торговки и овощники покупали, торопились. Вокругъ горъ капусты виднѣлись отставные солдаты и монахины, а повара общественныхъ школъ стойко торговались изъ ва каждого гроша, разчитывая на хорошую поживу. Безконечныя ряды возовъ продолжали тянуться и масса выгружаемой зелени все росла и росла.

— Какъ прекрасно! какъ великолепно! воскликнулъ Клодъ въ восторгѣ.

Флоранъ ощущалъ невыразимыя страданія. Ему казалось, что его подвергали какому-то чудовищному, сверхъ-естественному искушенію. Онѣ отвернулся отъ этой соблазнительной картины и сталъ смотрѣть на церковь св. Евстафія, рельефно выдававшуюся на голубомъ небѣ, на сосѣднія улицы, въ которыхъ открывались всевозможныя лавки. Клодъ продолжалъ болтать, развивая свою художественную теорію; но вдругъ онѣ увидалъ въ толпѣ какого-то знакомаго и бросился къ нему, на-лету простившись съ Флораномъ и объявивъ ему свой адресъ.

Флоранъ остался одинъ, онѣ обрадовался своему уединенію, такъ какъ съ того времени, какъ г-жа Франсуа подобрала его на Нельской алеѣ, онѣ находился въ какомъ-то бессознательномъ, полусонномъ состояніи и хотѣлъ теперь освободиться отъ терзающаго его кошмара гигантскихъ запасовъ пищи. Онѣ старался теперь обдумать, гдѣ онѣ и что ему слѣдовало дѣлать. Но голова его была такъ пуста, что онѣ только вполне ясно созналъ пробудившійся въ немъ страхъ полицейскихъ сержантовъ, которые при дневномъ свѣтѣ подозрительно смотрѣли на его странную, изношенную одежду. Имѣ овладѣла теперь одна мысль удалиться поскорѣе съ этого чудовищнаго рынка; онѣ всталъ и поспѣшно пошелъ по первой представившейся ему улицѣ. Но черезъ нѣсколько шаговъ груды картофеля заставили его вернуться; онѣ

повернулъ въ другую улицу, потомъ въ третью, въ четвертую, и вездѣ наплывъ зелени и нескончаемые ряды телѣгъ, преграждали ему дорогу. Тогда онъ пересталъ бороться съ настигавшимъ его приливомъ и медленно возвратился на шумный, многолюдный рынокъ, казавшійся ему гигантскими челюстями, которыя жевали пищу для двухъ милліоновъ жителей Парижа. Онъ еще ночью замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ крытыхъ улицъ были пустыни и теперь направился туда, надѣясь скрыться въ какомъ-нибудь закоулкѣ. Но жизнь уже проснулась вездѣ; изъ громадныхъ телѣгъ выгружали большія клѣтки съ живою птицей, корзины съ битой живностью, уложенной правильными рядами цѣлыхъ телятъ, спеленатыхъ, какъ дѣти, барановъ, всевозможныя части быковъ. Мясники въ длинныхъ, бѣлыхъ передникахъ вѣсили мясо, ставили на него клейма и вѣшали на рѣшетку навильона, гдѣ были чиновники. Въ сосѣдномъ ряду видѣлись блѣдныя телячьи головы и ножки, кровавыя печенки, фіолетовыя почки, до чиста вымытыя кишки и мозги, осторожно выложенныя въ плоскія корзинки. Бѣдкій запахъ мясного ряда привелъ Флорана въ какую-то неистовую ярость. Онъ поспѣшно вышелъ изъ крытой улицы рынка и снова вернулся на тротуаръ площадки св. Евстафія.

Смертельная агонія овладѣла имъ; онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ отъ утренняго свѣжаго воздуха; онъ боялся упасть на каждомъ шагу, а вблизи не было скамейки. Голова у него кружилась, въ глазахъ потемнѣло, онъ прислонился къ дереву. Сырая морковь, которую онъ проглотилъ почти цѣликомъ, производила судорожную рѣзь въ животѣ, а отъ стакана пунша онъ опьянѣлъ. Нищета, усталость и голодъ приводили его въ совершенное одурѣніе. Въ груди его горѣлъ какой-то все пожирающій огонь; улица, толпа, все вертѣлось въ его глазахъ. Страданія его были такъ нестерпимы, что онъ продолжалъ идти, надѣясь движеніемъ ихъ нѣсколько утолить. Снова вошелъ онъ въ ряды овощей и заблудился среди лабиринта узкихъ переулковъ и проходовъ. Тысячи преградъ встрѣчали его на каждомъ шагу; онъ сталкивался съ носильщиками и торговками, скользилъ по густому слою шелухи и листьевъ, устилавшихъ землю. Наконецъ, онъ остановился и предалъ себя водовороту толпы; его толкали то въ ту, то въ другую сторону, надъ его головою разражалась гроза брани и ругательствъ; онъ былъ теперь просто вещью, которую влекло не из-

вѣстно куда бурное теченіе. Имъ овладѣло отчаяніе. Онъ чувствовалъ, что способенъ теперь на все, на всякую подлость. Онъ готовъ былъ просить милостыню. Онъ проклиналъ свою гордость, которая заставила его отказаться отъ помощи г-жи Франсуа, и особенно глупый страхъ, не дозволившій ему распросить Клода о томъ, чего онъ искалъ въ улицѣ Пируэтъ. Теперь онъ былъ одинъ и могъ каждую минуту околотъ съ голоду, какъ собака.

Въ послѣдній разъ онъ поднималъ глаза и поглядывалъ на рынокъ. Всѣ павильоны, залитые свѣтомъ, были полны жизни, шума, гама. По временамъ еще раздавался звонъ колокола, объявляя открытіе того или другого ряда. Со всѣхъ сторонъ слышались крики аукціонистовъ, походившіе на рѣзкія ноты флейты среди аккомпанимента контр-басовъ. Солнце до того свѣтило и жгло, что не замѣтны уже были нѣжные оттѣнки цвѣтовъ, какъ на зарѣ. Сердцевины латука лучезарно сверкали; морковь казалась окровавленной, рѣпа была какъ-бы раскалена до бѣла. Флоранъ отвернулся; по улицѣ тянулись безчисленные ряды воевъ. Море все еще прибывало. Сначала оно доходило до его щиколодокъ, потомъ до пояса, теперь-же каждую минуту угрожало покрыть голову. Ослѣпленный, подавленный, преслѣдуемый ежеминутно прибывающими волнами чудовищнаго моря пищи, онъ сталъ просить пощады; его терзало безумное сознаніе, что ему придется, можетъ быть, умереть съ голода среди сытаго, откормленнаго Парижа, среди торжественнаго пробужденія центрального рынка. Горячія слезы выступили на его глазахъ.

Въ эту минуту въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Флорана прошелъ человекъ небольшого роста, полный, съ коротко обстриженными сѣдыми волосами и веселымъ добродушнымъ лицомъ; въ рубахѣ онъ несъ два большихъ гуся, головы которыхъ болтались во всѣ стороны. Флоранъ съ какою-то дикою радостью бросился за нимъ и, ударивъ по плечу, произнесъ:

— Гаварь!

Прохожій поднималъ голову и съ удивленіемъ поглядывалъ на длинную, сухощавую фигуру, которую онъ никакъ не могъ признать. Но черезъ минуту онъ воскликнулъ:

— Вы! Вы! Неужели это вы?

Послѣ первыхъ привѣтствій Гаварь объяснилъ Флорану, что его братъ Кеню переѣхалъ изъ улицы Пируэтъ и открылъ кол-

басную лавку въ двухъ шагахъ оттуда, въ улицѣ Рамбюто. Съ этими словами онъ потащилъ Флорана въ сосѣднюю улицу и, пройдя не болѣе двадцати шаговъ, указалъ ему на большую колбасную лавку, ярко сіявшую подъ лучами утренняго солнца. Эта лавка гѣшила взглядъ. Она блестяла, она какъ-бы смѣялась и всевозможные яркіе цвѣта переливались въ радугу среди ея блѣдой мраморной отдѣлки. На вывѣскѣ красовалось золотыми буквами, въ рамкѣ изъ листьевъ и вѣтвей, имя *Кеню Граделя*. На обѣихъ половинкахъ двери виднѣлись такія-же вывѣски, представлявшія розовыхъ откормленныхъ амуровъ, игравшихъ среди гирляндъ изъ сосисекъ, свиныхъ котлетъ и т. д. Въ окнахъ на мягкомъ ложѣ изъ обрѣзковъ голубой бумаги и листьевъ папоротника красовалась художественная выставка хорошихъ, жирныхъ, вкусныхъ вещей. Внизу, у самаго стекла, тянулся рядъ стьяночекъ съ трюфелями, банокъ съ горчицею, коробокъ съ сардинками; немного выше виднѣлись маленькіе окорочка безъ костей, въ зеленыхъ папильоткахъ, а потомъ на большихъ и маленькихъ блюдахъ были разставлены: красные, словно лакированные копченые языки, блѣдныя свинныя ножки, черныя кровяныя колбасы, свернутыя на подобіе ушей, большія, начиненныя мясомъ колбасы, всевозможные горячіе пироги, съ флачками, на которыхъ значились ихъ названія, громадные окорока, различныя мяса подъ прозрачнымъ галантиромъ и т. д. Въ углахъ небрежно гнѣздились кружки всевозможныхъ сыровъ и жестянки съ маринованными рыбами. Надо всѣми этими художественными узорами опускались съ зубчатой легкой перекладины ожерелья изъ сосисекъ и колбасъ, рельефно выдававшихся на блѣдомъ кружевномъ фонѣ развѣшенныхъ сзади тонкихъ слоевъ бараньяго жира. Наконецъ, на самой верхней ступени этого храма брюха, между двумя букетами шпашника, спокойно плавали двѣ красныя рыбки въ красивомъ четырехугольномъ аквариумѣ.

Эта веселая, жирная картина поразила Флорана; онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, особливо когда замѣтилъ на порогѣ лавки женщину, залитую яркими лучами солнца. Ея присутствіе придавало всей этой обстановкѣ окончателный, прочный видъ мирнаго блаженства. Это была великолѣпная женщина, занимавшая своей роскошной фигурой почти всю дверь, но не слишкомъ толстая, во всемъ блескѣ своей почти тридцати-лѣтней красоты. Она только-

что проснулась, но уже ее волосы были тщательно приглажены и ярко блестѣли, какъ будто налакированные. Ея тѣло отличалось прозрачною бѣлизной, тѣмъ молочно-розовымъ оттѣнкомъ, который составляетъ отличительный признакъ людей, живущихъ среди сырого мяса и сала. Она была спокойна, тиха, неподвижна; глаза ее были мягки, добродушны, губы сжаты. Ея бѣлый, накрахмаленный воротничекъ крѣпко охватывавшій ее горло, бѣлые рукава, доходившіе до локтей, и длинный, бѣлый передникъ, опускавшійся до самаго пола, выказывали только слегка ее круглыя, широкія плечи, ее мощныя руки и полную, туго стянутую корсетомъ грудь, которая, однако, была такъ спокойна, такъ невозмутима, что не возбуждала никакой плотской мысли, а походила скорѣе на хорошенькое брюшко. Наводенная солнечными лучами, сіяя своими блестящими волосами, накрахмаленнымъ бѣльемъ и молочно-розовымъ тѣломъ, въ которомъ словно отражались нѣжныя розовыя тѣни окорока и прозрачная бѣлизна сала, она съ блаженнымъ, неподвижнымъ спокойствіемъ брала свою обычную душу утренняго свѣта и съ доброй улыбкой привѣтствовала разстилавшійся передъ нею гигантскій рынокъ.

— Это жена вашего брата, ваша сестра Лиза, сказала Гаваръ на ухо Флорану.

Черезъ минуту оба брата были въ объятіяхъ другъ друга. Лиза спокойно присутствовала при дѣтскихъ изъявленіяхъ радости своего мужа, который обожалъ брата и считалъ его давно умершимъ.

— О! бѣдный другъ мой! произнесъ онъ, наконецъ, успокоившись немного и замѣтивъ исхудалую, нищенскую фигуру Флорана, — ты не похорошѣлъ... А вотъ я, видишь, все жирѣю!

Дѣйствительно, онъ былъ очень толстъ, слишкомъ толстъ, для тридцати лѣтъ. Его круглая фигура совершенно расплывалась подъ бѣлоснѣжнымъ бѣльемъ и такимъ-же передникомъ, которые, казалось, пеленали его, какъ чудовищнаго младенца. Его чисто выбритое лицо отъ излишняго жира какъ-бы удлинилось и походило на морду свиньи, съ мясомъ которой онъ возился съ утра до ночи. Флоранъ едва узналъ его и молча, съ изумленіемъ смотрѣлъ то на него, то на красавицу Лизу, то на хорошенькую сдобную, пяти-лѣтнюю дочь ихъ Полину. Всѣ они сіяли здоровьемъ; они были блестящи, великолѣпны, почти четырехугольны, они смо-

трѣли на него съ тѣмъ смутнымъ, безпокойнымъ удивленіемъ, которое ощущаютъ толстые люди, при видѣ худощавыхъ. Даже большая жирная желтая кошка, которую маленькая Полина крѣпко сжимала въ своихъ объятіяхъ, боясь, чтобъ ее не стащилъ нищенски-одѣтый господинъ, смотрѣла на него недовѣрчиво.

— Ты подождешь завтрака, не правда-ли? сказалъ Кеню; — мы ѣдимъ очень рано, въ десять часовъ.

Флоранъ чувствовалъ вокругъ себя соблазнительный запахъ кухни; онъ вспомнилъ страшную ночь, свой вѣздъ въ Парижъ на возу съ овощами, мучительную агонію среди колоссальныхъ запасовъ пищи въ центральномъ рынкѣ и сказалъ вполголоса, съ мягкой улыбкой:

— Нѣтъ, знаешь, я голоденъ.

II.

Флоранъ и Кеню были не родные братья, но самая горячая, пламенная любовь соединяла ихъ. По смерти отца Флорана, его мать вышла за-мужъ за Кеню, служившаго въ одной изъ провинціальныхъ префектуръ; но вскорѣ и второй мужъ послѣдовалъ въ могилу за первымъ, оставивъ бѣдной женщинѣ одного ребенка. Старшій изъ дѣтей, блѣдный, худощавый мальчикъ, сосредивалъ на себѣ всю ея любовь и она отказывала себѣ во всемъ, чтобы дать хорошее воспитаніе своему дорогому дѣтищу, которое отличными успѣхами въ школѣ вполнѣ вознаграждало ее за всѣ заботы. Но когда онъ поступилъ въ Парижскую Школу Права, расходы до того увеличились, что, не довольствуясь скудной прибылью отъ продажи лентъ въ содержимой ею маленькой лавочкѣ, она должна была приняться за самыя тяжелыя работы, которыя совершенно изнурили ее и вскорѣ довели до преждевременной смерти. Эта печальная вѣсть, какъ громомъ, поразила молодого человѣка; онъ остался теперь безъ всякихъ средствъ и еще на его рукахъ былъ двѣнадцатилѣтній братъ, полный, здоровенный мальчикъ, почти заброшенный матерью, неимѣвшей возможности воспитывать двухъ дѣтей и считавшей его ни на что неспособнымъ. Флоранъ, не задумавшись ни на минуту, взялъ его въ Парижъ и сталъ для него самымъ нѣжнымъ отцомъ. Конечно, ему

пришлось бросить университетскія занятія и существовать уроками. Сначала онъ старался по вечерамъ учить кое-чему маленькаго Кеню, но, привыкшій къ свободной уличной жизни, мальчикъ плакалъ и къ тому-же не выказывалъ никакихъ способностей, поэтому Флоранъ предоставилъ ему расти, какъ лѣнливой, толстой, провинціальной красавицѣ. Года шли за годами и Флоранъ, наследовавъ отъ матери самоотверженіе, окружалъ по-прежнему нѣжными попеченіями своего полнаго, краснощекаго любимца, едва знавшаго грамотѣ въ восемнадцать лѣтъ; онъ даже не допускалъ его до тяжелой работы въ домашнемъ хозяйствѣ и самъ ходилъ на рынокъ и готовилъ кушанье. Однако, пришло время, когда онъ сталъ задумываться о будущей судьбѣ ихъ обоихъ и рѣшился, во что-бы то ни стало, возобновить свои университетскія занятія и окончить курсъ. Впродолженіи нѣкотораго времени, цѣною неимоверныхъ усилій, ему удалось соединить занятія по лекціямъ съ уроками, дававшими ему средства къ жизни, и онъ былъ совершенно счастливъ; но везалная болѣзнь, прoderжавшая его нѣсколько недѣль въ постелѣ, произвела такой дефицитъ въ бюджетѣ, что ему пришлось совершенно отказаться отъ любимой мечты кончить свое образованіе. Онъ поступилъ учителемъ въ одинъ частный пансіонъ и снова совершенно предался своему дѣтищу.

Однако, болѣзнь Флорана заставила призадуматься и легкомысленнаго, толстаго Кеню. Въ одно прекрасное утро онъ объявилъ, что хочетъ работать и снискивать себѣ кусокъ хлѣба. Флоранъ былъ тронутъ такой благородной рѣшимостью и сталъ искать подходящаго для брата занятія. Но долго всё попытки были напрасны; Кеню чувствовалъ расположеніе то къ одному ремеслу, то къ другому и впродолженіи двухъ лѣтъ пережѣнилъ ихъ до десяти, не остановившись ни на одномъ и только причиняя Флорану еще большія издержки постоянной пережѣнной мѣстѣ. Наконецъ, онъ не на шутку пристрастился къ поварскому искусству, благодаря сосѣдству съѣстной лавки, содержатель которой, Гаваръ, принималъ большое участіе въ обоихъ братьяхъ и позволялъ Кеню проводить все свободное время на его кухнѣ. Познавъ, такимъ образомъ, свое призваніе, юноша поступилъ ученикомъ въ одинъ изъ большихъ парижскихъ ресторановъ. Съ тѣхъ поръ жизнь обонхъ братьевъ потекла мирно и Флоранъ считалъ это

время самым счастливымъ въ своей жизни. Онъ вкушалъ тогда всю горькую радость самопожертвованія. Дома онъ окруженъ былъ любовью и ласками Кеню, который съ каждымъ днемъ становился все толще и веселѣе; но за-то его виѣшняя жизнь, постоянныя униженія въ школѣ, насмѣшки учениковъ и непріятныя столкновенія терзали его невыразимо. Заглухшее было самолюбіе по-временамъ точило его и много потребовалось времени, чтобъ онъ помирился съ своимъ положеніемъ чловѣка некрасиваго, посредственнаго, бѣднаго. Боясь сдѣлаться злобнымъ ненавистникомъ людей, онъ сталъ поклоняться идеаламъ и сдѣлался республиканцемъ; но идеаловъ истины и справедливости онъ не находилъ ни въ жизни, ни въ книгахъ, которыя говорили ему только о кровавыхъ возстаніяхъ и возбуждали его самолюбіе. Тогда онъ самъ создалъ себѣ въ мечтахъ ту мирную, блаженную республику, которая, по его мнѣнію, могла сдѣлать счастливымъ какъ его, такъ и весь міръ. Онъ ничего не читалъ, кромѣ школьныхъ руководствъ, и постоянно обдумывалъ тѣ нравственныя мѣры и чловѣчныя законы, которые превратили-бы страдающихъ, угнетенныхъ людей въ свободныхъ, счастливыхъ гражданъ. Іюньскіе дни, залившіе кровью Парижъ, наполнили грустью его сердце и онъ сталъ ходить по клубамъ, требуя, чтобы эти потоки крови были сняты „братственнымъ поцѣлуемъ всѣхъ республиканцевъ земного шара“. Онъ сдѣлался пламеннымъ ораторомъ, докторомъ, полнымъ любви и сочувствія ко всему чловѣчеству. Декабрьскіе дни пробудили его отъ идеальныхъ мечтаній о всемірномъ братствѣ; безоружный, онъ дозволилъ себя схватить, какъ агнца, а съ нимъ поступили, какъ съ волкомъ.

Арестъ и ссылка брата привели въ отчаяніе Кеню, которому тогда было двадцать два года; но долго горевать не было свойственно его характеру и онъ скоро утѣшился, особливо, когда его дядя Градель, богатый колбасникъ въ улицѣ Пируэтъ, взялъ его къ себѣ. Этотъ грубый, скупой старикъ прежде постоянно отвертывался отъ своихъ племянниковъ, боясь ихъ просьбъ о помощи, и если теперь онъ выказалъ сочувствіе къ Кеню, то не столько изъ любви или сожалѣнія, сколько изъ личнаго интереса, такъ какъ онъ нуждался въ помощникѣ, а Кеню былъ хорошій поваръ. Вскорѣ обучившись своему новому ремеслу, молодой чловѣкъ зажилъ совершенно счастливо, несмотря на грубое обра-

щеніе съ нимъ дяди. Онъ привыкъ, живя съ Флораномъ, ни о чемъ не думать и ходить на помочахъ, поэтому охотно подчинился чужому вліянію. Такъ прошло около года, когда неожиданно Градель умеръ отъ удара и Кеню наследовалъ 85,000 франковъ, которые найдены были въ ледникѣ, гдѣ старый скряга ихъ спряталъ въ кадкѣ съ солью. Этой драгоценной находкой онъ былъ обязанъ ловкой, смѣтливой Лизѣ, стоявшей за прилавкомъ въ колбасной Граделя. Эта красивая, молодая дѣвушка, несмотря на свое положеніе служанки, управляла всѣмъ въ домѣ, начиная отъ старика и до Кеню, который изрѣзаль-бы себя въ куски ради одной ея улыбки. Поэтому неудивительно, что, сдѣлавшись неожиданно хозяиномъ и богатымъ человекомъ, онъ тотчасъ женился на Лизѣ. Ихъ семейная жизнь потекла мирно, спокойно; жена вела всѣ дѣла, держала все въ порядкѣ, а мужъ работалъ на кухнѣ, поощряемый время отъ времени ея очаровательными улыбками, и чувствовалъ себя совершенно счастливымъ.

Лиза была старшая дочь старика Маккара изъ Пласана, и хотя она сама не сознавала, но въ ней громко говорила семейная кровь; она была истая представительница Маккаровъ съ ихъ неутоимой жадной земныхъ благъ. Но она была благоразумная, аккуратная строго логичная Маккаръ; она поняла, что лучшее средство достигнуть благоденствія—самому приготовить себѣ мягкое ложе, на которомъ и вкусить всѣ прелести блаженного сна. Поэтому, по ея словамъ всѣ должны работать, чтобы ѣсть, счастье каждаго зависить отъ него самого, все зло происходитъ отъ лѣни, и если на свѣтѣ существуютъ несчастные, то, конечно, они этимъ обязаны своему тунеядству. Съ дѣтства она практически примѣняла эти принципы, и шести-лѣтнимъ ребенкомъ соглашалась сидѣть смиренно на стулѣ въ продолженіи цѣлаго дня, чтобы только получить вечеромъ сладкій пирожокъ. Дальнѣйшая ея жизнь какъ до замужества, такъ и послѣ была блестящимъ доказательствомъ практичности ея скромной, благоразумной теоріи. Впрочемъ, сдѣлавшись полной хозяйкой, она выказала нѣкотораго рода самолюбіе, подкрѣпленное правильнымъ сознаніемъ потребностей новой торговли, и уговорила Кеню перевести свою колбасную изъ стараго, мрачнаго помѣщенія въ блестящій магазинъ въ улицѣ Рамбюта, противъ самого центрального рынка. Убранство этого магазина по всѣмъ требованіямъ современной моды, громадные зеркала, мра-

морныя стѣны, повсюду золото и художественная рѣзьба, стоило около 30,000 франковъ, но дѣла на новомъ мѣстѣ пошли такъ успѣшно, что Беню, неохотно согласившійся на такіе расходы, сталъ смотрѣть на свою жену съ еще большимъ уваженіемъ. Черезъ пять лѣтъ у нихъ было уже отложено около 80,000 франковъ процентными билетами. При этомъ Лиза объясняла, что они не были честолюбивы и не стремились къ слишкомъ быстрому обогащенію, ибо иначе она всегда сдѣлала-бы нажить мужу торговыми спекуляціями сотни тысячъ. Они были еще молоды, имѣли много времени передъ собою и не любили спѣшной, грязной работы; они предпочитали работать спокойно, не худѣя отъ заботъ, какъ честные люди, желающіе жить припѣваючи.

— У меня есть двоюродный братецъ въ Парижѣ, говаривала иногда Лиза, въ минуты откровенности:—я съ нимъ не видаюсь, наши семейства въ ссорѣ. Онъ переимѣнилъ имя, и теперь называется Саккаръ. Говорятъ, что онъ наживаетъ милліоны, но онъ вѣчно кипятится, вѣчно поглощенъ дьявольскими заботами. Это не жизнь. Онъ, конечно, послѣ цѣлаго дня тревоженій не можетъ обѣдать спокойно. Мы, по крайней мѣрѣ, не имѣемъ заботъ и ѣдимъ спокойно. Деньги можно любить только, какъ средство къ жизни, ибо естественно желать благосостоянія. Но наживать для наживы и терпѣть болѣе неприятностей, чѣмъ будущее обѣщаетъ удовольствія,—я рѣшительно не понимаю; ужъ лучше тогда сидѣть сложа руки. Къ тому-же я не вѣрю милліонамъ брата. Я его вижу иногда издали въ каретѣ; онъ такой желтый, мрачный. Человѣкъ, наживающій столько денегъ, не можетъ имѣть такого цвѣта лица. Впрочемъ, это его дѣло... Мы-же предпочитаемъ наживать копейки, но пользоваться ими.

Дѣйствительно, деньги шли имъ въ прокъ. Беню, Лиза и ихъ маленькая дочь Полина били въ глаза своимъ цвѣтущимъ, откормленнымъ, лоснящимся видомъ, представляли блестящее зрѣлище. Все въ домѣ и въ лавкѣ шло спокойно, благополучно, подъ руководствомъ Лизы, которая старательно устраняла всѣ причины безпокойства или заботъ. Это былъ мирный уголокъ благоразумнаго, спокойнаго счастья, блестящій питомникъ, въ которомъ откармливались отецъ, мать и дочь.

Въ такой-то тучной, блаженной средѣ очутился въ одинъ прекрасный, сентябрьскій день изгнанникъ Флоранъ. Беню горячо

любилъ брата и мысль объ его вѣроятной смерти, такъ какъ уже нѣсколько лѣтъ онъ не имѣлъ никакихъ о немъ извѣстій, нарушала по временамъ его безоблачное счастье. Поэтому легко себѣ представить его радость при неожиданномъ свиданіи. Окруженный любовью брата, любезнымъ вниманіемъ Лизы и полнымъ довольствомъ, Флоранъ вскорѣ оправился отъ изнуренія и усталости. Въ первый-же день Лиза представила ему всѣ счета по наслѣдству дяди Граделя и требовала немедленнаго раздѣла, по которому на его долю приходилось 50,555 фр. Тронутый такой честностью, которая въ этой аккуратной хозяйкѣ казалась совершенно естественной, Флоранъ объявилъ, что онъ ни въ чемъ не нуждается и что наслѣдство послѣ дяди принадлежитъ тѣмъ, которые за нимъ ухаживали. Когда-же Лиза стала настаивать, то онъ сказалъ шутя, что оставляетъ деньги въ ихъ торговомъ дѣлѣ и будетъ жить на ихъ счетъ до пріисканія себѣ мѣста. Кеню очень обрадовался такому обороту дѣла, ибо безкорыстіе жены его нѣсколько поразило и даже испугало. Но она произнесла, качая головою:

— Напрасно вы это дѣлаете. Впрочемъ, какъ вамъ угодно, я исполнила свой долгъ. Къ тому-же я не была-бы покойна, если-бы не представила вамъ счетовъ. Дурныя мысли меня слишкомъ тревожатъ.

Такимъ образомъ, Флоранъ поселился въ колбасной; ему отвели комнату въ верхнемъ этажѣ, гдѣ прежде жила служанка, и его одѣли за ново, но въ такую-же черную пару, ибо онъ ни за что не хотѣлъ пестрой одежды. Чтобъ объяснить сосѣдямъ и полиціи его неожиданное появленіе, прибѣгли къ вымышленной исторіи. Онъ возвратился во Францію съ паспортомъ одного француза, умершаго въ Суринамѣ и котораго по странному стеченію обстоятельствъ звали Флораномъ Локерверомъ. У него не было никакихъ родственниковъ во Франціи кромѣ двоюродной сестры, о смерти которой онъ получилъ извѣстіе въ Америкѣ; поэтому Лиза предложила сыграть роль этой двоюродной сестры и немедленно распустила слухъ по всему рынку, что къ ней пріѣхалъ изъ за-границы двоюродный братъ, разорившійся отъ неудачныхъ спекуляцій и поселившійся у нихъ до пріисканія себѣ мѣста. Жизнь Флорана теперь была тихая, безмятежная; цѣлые дни онъ проводилъ, сидя на стулѣ въ кухнѣ или въ

лавкѣ, погруженный въ безконечныя думы и мечты. За обѣдомъ Кеню угощаль его на славу или сердился, что онъ мало ѣлъ. Лиза обходилась съ нимъ чрезвычайно мило; безкорыстіе этого художаваго человѣка поразило ее и она питала къ нему какое-то уваженіе, не лишенное смутнаго страха. Это не мѣшало ей, однако, говорить ему часто:

— Я не понимаю, какъ это вы цѣлый день ничего не дѣлаете; поэтому вы и къ обѣду не голодны. Вамъ надо прискаты себя работу.

Самъ Флоранъ пришелъ также къ этому убѣжденію. Блаженное, откормленное прозябаніе въ колбасной ему было не по сердцу и онъ сталъ мало по малу страшно скучать. Онъ думалъ снова приняться за уроки, но ихъ трудно было найти, тѣмъ болѣе, что онъ боялся пойти въ школьный кварталъ, гдѣ его могли узнать. Поэтому всѣ свои надежды на присканіе занятій онъ возложилъ на Гавара, который всей душой взялся за это дѣло. Онъ чрезвычайно обрадовался возвращенію Флорана и эта радость происходила не столько отъ дружбы, которую онъ всегда къ нему питалъ, сколько отъ возможности черезъ этого изгнанника насолить правительству. Гаваръ былъ рожденъ для оппозиціи. Человѣкъ лѣтъ пятидесяти, онъ хвалился, что говорилъ правду въ лицо четыремъ правительствамъ. О Карлѣ X съ его патерами и аристократами онъ не могъ вспомнить и теперь безъ презрительной улыбки; Луи Филиппъ съ своими буржуа былъ большой скупецъ и онъ со смѣхомъ рассказывалъ исторію о шерстяныхъ чулкахъ, въ которыхъ король пряталъ свои гроши; республика 1848 года была фарсъ и рабочіе его обманули; онъ не сознавался, что съ радостью привѣтствовалъ 2 декабря, и теперь считалъ Наполеона III своимъ личнымъ врагомъ, кутилой и развратникомъ, предававшимся ежедневнымъ оргіямъ въ Тюльери, куда, какъ онъ самъ, Гаваръ, видѣлъ, каждый вечеръ привозили въ закрытыхъ каретахъ веселыхъ женщинъ. Вся цѣль его жизни состояла въ томъ, чтобы сдѣлать какъ можно болѣе непріятностей правительству, и потому возвращеніе Флорана изъ Каены породило въ немъ мысль сыграть страшную шутку, поднять на смѣхъ все правительство до послѣдняго сержанта. Случай ему благоприятствовалъ. Одинъ изъ его друзей, смотритель рыбнаго ряда въ Центральномъ Рынкѣ, занемогъ и дол-

женъ былъ просить отпуска и Гаваръ предложилъ ему указать въ префектурѣ на Флорана, какъ на достойнаго се бѣ преемника. Смотритель съ радостью согласился, надѣясь, что въ случаѣ выздоровленія Флоранъ снова уступитъ ему мѣсто. Дѣло было въ шляпѣ, оставалось только получить согласіе Флорана. Объяснивъ ему свой планъ, Гаваръ прибавилъ:

— Вы понимаете, что мѣсто останется за вами, такъ какъ смотрителю не прожить и мѣсяцъ, какова штука-то! Какъ мы одурчимъ полицію! Эти самые-же подлецы, которые хотѣли васъ уморить съ голоду, стануть васъ кормить и платить вамъ деньги.

И добрякъ громко хохоталъ надъ своимъ остроумнымъ, глубоко комическимъ планомъ.

— Я не возьму этого мѣста, отвѣчалъ рѣшительно Флоранъ, — я далъ себѣ слово никогда ничего не принимать отъ имперіи. Я скорѣе умру. Это невозможно.

Гаваръ былъ такъ пораженъ этимъ отказомъ, что не зналъ, какъ ему отвѣчать, но Лиза приняла его сторону и мягкимъ, дружескимъ тономъ сказала:

— Вы напрасно, Флоранъ, отказываетесь отъ этого мѣста, и вы не въ такомъ положеніи, чтобъ могли браковать.

— Я сказалъ свои причины, отвѣчалъ онъ.

— Полноте, надо говорить серьезно, продолжала она, пожимая плечами; — я понимаю, что вы не любите правительства, но это не должно мѣшать вамъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Это было-бы слишкомъ глупо. Къ тому-же императоръ совсѣмъ не дурной человекъ, любезный другъ; я терпѣливо слушаю ваши рассказы о перенесенныхъ страданіяхъ, но развѣ онъ зналъ, что васъ кормили гнилой говядиной и заплеснѣвшимъ хлѣбомъ? Онъ не можетъ всего знать и вездѣ поспѣть. Вотъ по смотрите, онъ намъ не мѣшалъ устроить свои дѣлишки. Нѣтъ, вы несправедливы, вы совершенно несправедливы.

Однако, несмотря на все краснорѣчіе Гавара, Кеню и Лизы, начиравшей даже сердиться, Флоранъ твердо настаивалъ на отказѣ. Но все-же Лиза не отчаявалась уговорить его въ концѣ концовъ и по секрету просила Гавара не давать дня два отвѣта смотрителю.

Несмотря на видимую рѣшимость Флорана не принимать ни

подъ какимъ видомъ предложенія Гавара, этотъ разговоръ привелъ его въ большое смущеніе. Онъ впервые созналъ, что онъ лишній человѣкъ въ колбасной, что онъ худощавый, бѣднякъ, совершенно неприлично навязывался всему окружающему его толстому люду, что онъ мѣшалъ всѣмъ въ околдеѣ и компрометировалъ семью Кеню. Это сознаніе было для него чрезвычайно грустно, хотя онъ не замѣчалъ ни малѣйшей переменъ въ обращеніи съ нимъ брата или Лизы, но самая ихъ доброта, какъ-бы служила упрекомъ за его неделикатность. На него вдругъ нашло сомнѣніе, хорошо-ли онъ сдѣлалъ, что отказался отъ предложеннаго мѣста? Цѣлый вечеръ и слѣдующее утро онъ гулялъ по улицамъ, избѣгая оставаться въ колбасной, и сталъ чувствовать себя гораздо рѣшительнѣе и тверже. Но за завтракомъ онъ подвергся снова всеокрушающему вліянію мягкой вкрадчивости Лизы. Она говорила о мѣстѣ зрителя, какъ о предметѣ, требующимъ обсужденія, но не настаивала, а только вспоминала о немъ. Онъ слушалъ ее въ какомъ-то чадѣ отъ всего его окружающаго; передъ нимъ стояла тарелка вкусной пищи, подъ ногами разстился мягкій коверъ; по сторонамъ блестяли желтыя обои и дубовая мебель безъ малѣйшей щлипки; все это порождало въ немъ какое-то смутное сознаніе порядочности, которое нарушало его идею о добрѣ и злѣ, объ истинѣ и лжи. Все-же онъ имѣлъ достаточно силы, чтобъ повторить свой отказъ, приводя прежнія причины, но хорошо чувствовалъ, какъ неприлично было въ подобной средѣ грубо настаивать на своихъ бѣдствіяхъ и порожденной ими злобѣ. Лиза не сердилась, а напротивъ улыбалась такой мирной, очаровательной улыбкой, что Флоранъ приходилъ въ еще большее смущеніе. За обѣдомъ разговаривали только о предстоявшихъ громадныхъ заготовленіяхъ на зиму всевозможныхъ припасовъ.

Въ колбасной Кеню-Граделя все приготавливалось дома и покупались на сторонѣ только консервы, сардинки, сыры, паштеты знаменитыхъ фирмъ и устрицы. Поэтому съ сентября мѣсяца, за долго послѣ закрытія магазина, въ кухнѣ кипѣла работа. Кеню, съ помощью своихъ двухъ сподручныхъ свертывалъ свиное сало и т. д. Эти заготовленія въ прокъ не мѣшали ежедневной текущей работѣ, то есть, приготовленію свѣжихъ сосисекъ, колбасъ, заливныхъ, паштетовъ и т. д. Такъ какъ вечера становились уже

холодны, то все семейство послѣ обѣда тотчасъ переходило въ кухню.

Въ этотъ день вечеромъ всѣ по обыкновенію собрались въ кухню, сіявшей опрятностью, чистотою и блестящимъ слоемъ сажа, впитавшемся почти во всѣ предметы. Всеобщее вниманіе было обращено на приготовленіе свѣжей, кровяной колбасы. Кемю смотрѣлъ за растопившимся въ двухъ чугуникахъ свинымъ саломъ, одинъ изъ его помощниковъ рубилъ начинку колбасы, а другой готовилъ свиную кровь. Лиза чинила бѣлье, а маленькая Полина, съ своей вѣчной кошкой на рукахъ, сидѣла на колѣняхъ у Флорана.

— Расскажи, дядя, мнѣ сказку про господина, котораго съѣли звѣри! воскликнула она вдругъ, хлопая въ ладоши.

Флоранъ никакъ не могъ понять, чего она просить, и Лиза со смѣхомъ объяснила, что она вѣрно подслушала его разговоръ объ одномъ изъ его несчастныхъ товарищей.

— Расскажите ей, а то она не дастъ намъ покоя, прибавила она.

Дѣйствительно, ребенокъ сердился, кричалъ и требовалъ настойчиво сказки. Флоранъ поднялъ голову, взглянулъ на окружающихъ его довольныхъ, спокойныхъ, цвѣтущихъ людей, на блестящую кухню, гдѣ было такъ тепло, такъ свѣтло отъ газа и, обратясь къ маленькой Полинь, съ грустной улыбкой началъ свой разговоръ:

— Жилъ былъ однажды бѣдный человѣкъ. Его отправили далеко, очень далеко за море. На одномъ кораблѣ съ нимъ было четыреста каторжниковъ, съ которыми онъ принужденъ былъ жить впродолженіи пяти недѣль и ѣсть изъ одной съ ними чашки. Онъ одѣтъ былъ въ грубую парусинную куртку, его держали въ самомъ низу корабля, гдѣ отъ кухни и машинъ было такъ жарко, что потъ постоянно лилъ съ него градомъ. Десятеро изъ его товарищей умерли отъ этой нестерпимой духоты. Днемъ несчастныхъ выводили на палубу по пятидесяти человѣкъ заразъ; ихъ такъ боялись, что двѣ пушки были всегда направлены на то узкое пространство, гдѣ они гуляли. Бѣдный человѣкъ, задыхавшійся отъ жары и совершенно опаршивѣвшій, былъ очень радъ, когда приходила его очередь подышать чистымъ воздухомъ. Онъ ничего не ѣлъ, былъ совершенно болѣнь и по ночамъ, за-

кованный въ колодеу между двумя товарищами, онъ горько плакалъ...

— Что-жь онъ сдѣлалъ, этотъ бѣдный человѣкъ, спросила Полина, внимательно слушавшая разсказъ: — зачѣмъ его послали за море на этомъ кораблѣ?

Флоранъ ничего не отвѣчалъ, а Лиза объяснила, что въ такихъ корабляхъ отправляютъ и дѣтей, которыя дурно себя ведутъ.

— Въ такомъ случаѣ, замѣтила Полина, — за дѣло сослали бѣднаго человѣка; онъ плакалъ по ночамъ.

— Когда корабль присталъ къ берегу, продолжалъ Флоранъ, — бѣднаго человѣка вмѣстѣ съ другими, такими-же несчастными, изгнанными изъ отечества, помѣстили на островъ Дьявола. Имъ было тамъ очень тяжело. Сначала ихъ заставляли работать, какъ каторжниковъ, и смотрѣвшій за ними жандармъ повѣрялъ ихъ три раза въ день, боясь чтобы кто-нибудь не убѣжалъ. Впослѣдствіи имъ дозволили дѣлать все, что угодно; только ночью ихъ запирали въ большую хижину, гдѣ они спали въ койкахъ, устроенныхъ между двумя балками. Черезъ годъ одежда ихъ превратилась въ лохмотья и они ходили босикомъ. Они выстроили себѣ шалаши, чтобы укрыться отъ солнца, которое сильно жжетъ въ этой странѣ; но эти шалаши не могли предохранить ихъ отъ комаровъ, которые кусали ихъ страшно. Нѣкоторые умерли, а остальные стали такими худыми, желтыми, что жалко было на нихъ смотрѣть.

— Дайте мнѣ сала! воскликнулъ Кеню.

И, взявъ большіе куски свиного сала, онъ медленно спустил ихъ въ чугуны, откуда сталъ выходить болѣе густой паръ, чѣмъ прежде.

— Что имъ давали ѣсть? спросила Полина съ любопытствомъ.

— Рысь съ червями и говядину, которая до того пахла, что производила судороги въ животѣ, отвѣчалъ Флоранъ, и продолжалъ, несмотря уже болѣе на ребенка, а устремляя неопредѣленный, смутный взглядъ на кипѣвшіе чугуны: — да, это не было веселое мѣсто. Каждый день несчастныхъ преслѣдовали новыми непріятностями, злоупотребленіями, отрицаніемъ всякой справедливости и презрѣніемъ человѣческой личности; все это озлобляло несчастныхъ и возбуждало въ нихъ жажду мести. Они жили,

какъ животныя, подъ вѣчнымъ страхомъ плетки. Бѣднаго человека нѣсколько разъ хотѣли убить... Подобныя вещи не забываются.

Эти слова онъ произнесъ тихимъ, глухимъ голосомъ, едва слышимымъ при шипѣннн кипѣвшаго на плитѣ сала, и Лиза со страхомъ смотрѣла на неутоимое выраженіе его лица. Она невольно подумала, что онъ былъ искусный лицемеръ, умѣвшій скрывать таившуюся въ немъ злобу, подъ мягкой, нѣжной оболочкой.

— Ну, ну, продолжайте! произнесла маленькая дѣвочка, интересъ которой въ сказкѣ еще болѣе усилился отъ мрачнаго тона рассказчика.

— Бѣдный человекъ, продолжалъ Флоранъ съ прежней, грустной улыбкой; — очень желалъ убѣжать съ этого острова, перебраться черезъ море и достичь берега, бѣлѣвшаго на горизонтѣ въ свѣтлую погоду. Но это было дѣло не легкое. Прежде всего надобно было выстроить плотъ. Такъ какъ нѣсколько несчастныхъ уже бѣжали съ острова, то всѣ деревья были срублены и островъ представлялъ обнаженную пустыню подъ палящимъ зноемъ солнца. Бѣдный человекъ вмѣстѣ съ своими двумя товарищами рѣшился употребить въ дѣло балки своихъ шалашей. Въ одинъ прекрасный вечеръ они связали нѣсколько такихъ балокъ сухими сучьями и пустились по морю. Вѣтеръ погналъ ихъ къ берегу, но на разсвѣтѣ ихъ плотъ разбился на мелкія части на песочной отмели и несчастные съ трудомъ добрались до небольшой скалы, гдѣ они едва всѣ трое помѣстились. Когда взошло солнце, то на горизонтѣ показался зеленый берегъ и двое изъ нихъ, умѣвшіе плавать, рѣшились доплыть до берега, предпочитая лучше рисковать жизнью, чѣмъ дожидаться на скалѣ голодной смерти. Они обѣщали третьему товарищу пріѣхать за нимъ, какъ только выйдутъ на берегъ и найдутъ лодку. Берега они достигли благополучно, но онъ оказался пустыннымъ и лодка нашла лишь на четвертый день. Возвратясь на скалу, они увидали своего товарища, распростертаго навзничъ, съ отъѣденными руками и ногами, источеннымъ червями лицомъ и животомъ, полныхъ морскими раками, которые кишѣли въ немъ, какъ въ рѣшетѣ.

Всѣ слушатели вздрогнули отъ отвращенія и только маленькая Полина громко хохотала, ударяя въ ладоши.

— Лейте кровь! командоваль, между тѣмъ, Кеню, и медленно

влилъ свиную кровь въ растопленное сало, неустанно жѣбая; потому онъ всыпалъ туда щепотку различныхъ пряностей, особенно перца.

— Они его оставили на скалѣ и сами благополучно возвратились? спросила Лиза.

— Вѣтеръ поднялся сильный, продолжалъ Флорантъ,—и ихъ унесло въ открытое море. Они лишились вскорѣ одного изъ весель и въ продолженіи трехъ дней, безъ куска хлѣба, они носились такимъ образомъ по прихоти волнъ. Когда, наконецъ, ихъ прибило къ землѣ, то одинъ былъ до того изнуренъ, что умеръ къ вечеру.

— Какъ, они не ѣли три дня! воскликнула съ удивленіемъ красавица Лиза:—нѣтъ, этого не можетъ быть. Умереть съ голоду—только пустая фраза. Всегда найдется что-нибудь поѣсть, мало или много... Надо быть несчастными, погибшими, всѣми брошенными людьми...

Она хотѣла прибавить еще болѣе рѣзкій эпитетъ, но остановилась, взглянувъ на Флорана. Однако, ея презрительная улыбка и блестящій взглядъ ясно говорили, что только никуда не годная дрянь можетъ голодать. Человѣкъ, способный не ѣсть три дня, казался ей вреднымъ, опаснымъ, ибо никогда порядочные люди не ставятъ себя въ подобное положеніе.

— Похоронивъ своего товарища, бѣдный человѣкъ пошелъ прямо, куда глаза глядятъ, продолжалъ Флорантъ.—Голландская Гвіана, въ которой онъ находился, лѣсная страна, перерѣзываемая большими рѣками и громадными болотами. Болѣе восьми дней онъ не встрѣчалъ ни одного жилища, а вокругъ на каждомъ шагу его ожидала смерть. Подъ ногами поддавалась жалкая болотистая почва и кишѣли змѣи и всевозможные гады; надъ головой летали хищныя птицы, оглашавшія воздухъ своими похоронными криками; лѣса были полны дикими звѣрами, рѣки изобиловали крокодилами, атмосфера была пропитана самыми вредными миазмами. Когда онъ достигъ, наконецъ, человѣческаго жилища, то онъ былъ на видъ такъ несчастенъ, такъ изнуренъ, такъ голоденъ, что всѣ смотрѣли на него со страхомъ и бросали ему кусокъ хлѣба, какъ собакамъ, въ пятидесяти шагахъ отъ дома, охраняемаго вооруженнымъ хозяиномъ.

Флорантъ остановился и тяжело перевелъ дыханіе. Духота въ

кухнѣ отъ пылавшей плиты и густого, насыщеннаго саломъ пара становилась нестерпимой. Маленькая Полина почти дремала, но, не слыша болѣе голоса рассказчика, открыла глаза и тихо промолвила:

— Ну, пу!

— Бѣдный человѣкъ достигъ большого города, продолжалъ Флоранъ, понижая голосъ, словно убаюкивая ребенка колыбельною пѣсней.—Его сначала приняли за бѣлаго каторжника и продержали нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ. Потомъ его выпустили и онъ зарабатывалъ себѣ хлѣбъ то бухгалтеромъ, то учителемъ, то даже чернорабочимъ... Онъ все-же мечталъ о возвращеніи въ свое отечество и приготовилъ для этого необходимыя деньги; но неожиданно схватилъ желтую лихорадку и едва не умеръ. Оправившись, онъ не нашелъ ничего изъ своего имущества, которое было расхищено. Пришлось начинать съ изнова. Онъ былъ очень болѣнъ и боялся оставаться тамъ. Наконецъ, бѣдный человѣкъ отправился въ путь и возвратился въ свое отечество.

Послѣднія слова Флоранъ произнесъ едва слышно, такъ какъ Полина, прижавъ къ его плечу, крѣпко спала. Не двигаясь съ мѣста, онъ сталъ убаюкивать ее, какъ паялька.

Теперь никто не обращалъ на него вниманія. Всѣ были заняты приготовленіемъ колбасъ. Огонь страшно пылалъ; Кеню влилъ кипѣвшую жидкую массу въ приготовленныя, тонкія кишки, которыя потомъ опустилъ въ чугуны съ кипяткомъ, гдѣ онѣ и сварились. Послѣ этого онъ вмѣстѣ съ своими помощниками вынулъ готовныя колбасы и вынесъ во дворъ, гдѣ онѣ должны были просушиться. Эти колбасныя гирлянды распространили вокругъ себя такой густой сальной паръ, что воздухъ въ кухнѣ, тяжелый уже съ самаго начала, теперь походилъ на туманъ, среди котораго только блѣдно горѣли газовые рожки. Всѣ тяжело дышали, словно наѣлись слишкомъ много.

Въ это самое время явился Гаваръ за окончательнымъ отвѣтомъ Флорана, такъ какъ больной зритель долѣе ждать не могъ.

— Флоранъ принимаетъ мѣсто, сказала Лиза, пробуя горячую колбасу.

Флоранъ хотѣлъ встать со стула и заявить протестъ, но онъ

находился въ какомъ-то странномъ, смутномъ, полубезчувственномъ состояніи.

— Нѣтъ, нѣтъ, продолжала Лиза, — это дѣло кончено. Вы уже довольно страдали, мой милый Флорантъ; волосы становятся дыбомъ, когда слушаешь ваши рассказы. Пора вамъ остепениться. Вы принадлежите къ порядочному семейству, получили хорошее воспитаніе и, право, неприлично вести себя, какъ презрѣнному бродягѣ. Въ ваши года ребячества не позволительны. Вы надѣлали много глупостей, но это все забудется и васъ охотно простятъ. Вы снова вступите въ вашу среду, то есть, въ среду порядочныхъ людей и будете жить, какъ всѣ.

Флорантъ слушалъ ее изумленный, пораженный. Онъ не могъ отвѣтить ей ни слова. Вѣроятно, она была права. Она была такъ спокойна, такъ благоразумна, что не могла желать зла. Напротивъ, онъ, худощавый, изнуренный, долженъ былъ мечтать о чемъ-нибудь дурномъ. Онъ теперь не понималъ, зачѣмъ такъ долго сопротивлялся.

— Сдѣлайте это для насъ, Флорантъ, сказала Лиза, истощивъ всѣ свои аргументы и говоря тономъ самой истинной дружбы, почти материнской любви. — Мы занимаемъ значительное положеніе въ окологдѣ и должны его поддерживать. Я боюсь, чтобы не стали про насъ распространять дурныхъ слуховъ. Взявъ это мѣсто, вы поправите все дѣло; вы будете извѣстнымъ лицомъ и сдѣлаете честь нашему семейству.

Флораномъ овладѣвало какое-то смутное сознаніе довольства; его словно пропитывалъ кухонный запахъ, насыщенный чудовищной пищей, и онъ готовъ былъ на подлость, чтобы продолжать откормленное, жирное существованіе. Онъ чувствовалъ во всемъ тѣлѣ пріятное щекопанье начинавшейся полноты и любовь къ мирному, лавочному прозябанію овладѣвала имъ. Въ эту минуту, въ душной, сальной атмосферѣ его воля, его принципы таяли: невозмутимо проведенный вечеръ, жирный запахъ колбасы, пухленькій ребенокъ, спящій на рукахъ, такъ изнѣжили его, что ему казалось высшимъ блаженствомъ проводить такіе вечера постоянно, безъ конца, пока онъ не потолстѣетъ, какъ всѣ его окружающіе. Но видъ спящей кошки заставилъ его окончательно рѣшиться. Она спала своимъ бѣлымъ брюшкомъ къверху, поджавъ хвостъ и подложивъ лапу подъ щеку, спала съ такимъ

невозмутимымъ блаженствомъ, что Флоранъ, не спуская съ нея глазъ, промолвилъ:

— Нѣтъ, это слишкомъ глупо... Я согласенъ; скажите, Гаваръ, что я принимаю это мѣсто.

Тогда Лиза спокойно доѣла свою колбасу, отерла передникомъ себѣ руки, зажгла свѣчку и съ прелестной улыбкой подала ее Флорану, говоря, что пора уже спать. Гаваръ и Беню поздравили его съ его похвальной рѣшимостью, а Лиза молча смотрѣла на него довольнымъ, спокойнымъ взглядомъ красивой телки.

(Окончаніе будетъ.)

НАЙДЕННЫШИ.

(Изъ Коппе).

I.

Въ нашихъ паркахъ публичныхъ гуляя,
Вижу часто, въ воскресные дни,
Группы дѣвочекъ блѣдныхъ, печальныхъ,—
Въ черныхъ платьяхъ—онѣ.

„Это ласточки въ травкѣ порхаютъ“,—
Скажешь, въ даль устремивъ на нихъ взглядъ:
Вѣтерокъ заходилъ,—ихъ накидки
Словно крылья дрожать.

Подойдете поближе,—ихъ шепоть
Говорить вамъ, что душная клѣтъ
Отучила бѣдняжекъ на волѣ—
И смѣяться, и пѣть.

Подъ надзоромъ одной изъ наставницъ,
Въ безобразныхъ, старинныхъ чепцахъ,
Выступаютъ онѣ, и у каждой
Видишь четки въ рукахъ.

На ихъ блѣдныхъ и худенькихъ лицахъ
Поцѣлуй не звучалъ никогда,
И веселость дѣтей постороннихъ
Этимъ дѣтямъ чужда.

Шагъ за шагомъ, разиѣренно, чинно
Малолѣтки идутъ впереди;
Искры жизни, пытливости взгляда
Въ томныхъ глазкахъ не жди.

Взоръ безгрѣшный небесныхъ созданій,
Грубость кожи на красныхъ рукахъ,
Угловатость манеръ—поражаютъ
Васъ на первыхъ порахъ.

Ихъ, дѣтей нищеты и порока,
 Съ колыбели отринувъ весь свѣтъ.
 Въ тихой грусти ихъ вѣтъ обаянья,
 Въ дѣтствѣ—граціи нѣтъ.

II.

Въ дни младенчества радостей, дѣти,
 Не дала вамъ судьба испытать:
 Какъ надъ сыномъ своимъ Богоматерь
 Не склонялась къ вамъ мать;

Вы не знали ни *дѣтской* привольной,
 Ни забавъ беззаботныхъ въ тиши,
 Ни восторговъ, ни радостей шумныхъ,
 Ни порывовъ души;

Ни прыжковъ изъ кровати уютной
 Босикомъ, въ рубашонкѣ одной,
 И затѣмъ бѣготни и ворчанья
 Старушонки сѣдой.

Ваша юность во мракѣ теплицы
 Не увидитъ роскошныхъ цвѣтовъ
 Ни отъ чтенья псалмовъ и каноновъ,
 Ни отъ тяжелыхъ постовъ.

Но любая изъ вашихъ наставницъ,
 Нареченная ваша сестра,
 Безъ любви материнской и ласки,
 Къ вамъ тепла и добра.

Вы припомните, какъ эти дѣвы
 Каждый день на колѣняхъ своихъ
 Вамъ твердили о Богѣ великомъ
 И о чувствахъ святыхъ.

Какъ ихъ нѣжный, привѣтливый голосъ
 Заставлялъ васъ прилежно твердить
 Ту молитву святую, что учить
 Уповать и любить.

III.

Жертвы тьмы и печали! идите...
 Безъ смущенья глядите впередъ:
 Лишь оглянитесь,—скорбь о прошедшемъ
 Васъ, быть можетъ, убьетъ.

И закрадется въ душу сомнѣнье,
 Тьма вопросовъ нахлынетъ... а стыдъ
 Съ болью вырвется крикомъ проклятья.
 Злобой кровь закипитъ.

Пусть къ вамъ въ душу вопросъ не ворвется,
 Какъ лучъ свѣта сквозь мрачный туманъ:
 Точно-ль матери ваши въ могилѣ?
 Или трауръ—обманъ?

Если въ истинѣ цѣпь тѣхъ страданій,
 У которыхъ не видишь конца—
 Въ монастырскомъ, могильномъ покоѣ
 Замуруйте сердца.

Пусть незнаніе свѣта и жизни,
 Соблюденіе строгихъ постовъ,
 Чтеніе подвиговъ вѣры, каноновъ,
 Пѣнье блѣдныхъ псалмовъ,

Истязанье до слезъ власяницей,
 Рѣчи пастыря, бдѣнье всю ночь
 Сохранять вамъ довѣрчивость дѣтства;
 А сомнѣніе—прочь!

Схороненныя заживо дѣти!
 Почивайте въ покоѣ святомъ
 И, взирая на черныя платья,
 Убѣждайтесь въ сиротствѣ своемъ .

О. Л.

ГОРОДСКОЕ УСТРОЙСТВО.

I.

Вотъ уже третій годъ, какъ новый законъ о городахъ (городовое положеніе 16 іюня 1870 года) вошелъ въ жизнь наиболѣе крупныхъ городскихъ нашихъ поселеній, исключая обѣихъ столицъ и Одессы, въ которыхъ только въ недавнее время приступлено къ преобразованію городского общественнаго управленія на началахъ и основаніяхъ, существенно выразившихся въ общемъ законѣ о городахъ или городскомъ положеніи 16 іюня.

Нѣтъ сомнѣнія, что новымъ закономъ внесены въ общественную и хозяйственную жизнь нашихъ городовъ новыя силы, или, вѣрнѣе—закономъ этимъ отчасти отстранены тѣ стѣсненія, которыя мѣшали правильному развитію экономическихъ и общественныхъ силъ городовъ, отчасти-же указано, то направленіе, которое должно содѣйствовать экономическому росту нашихъ населенныхъ пунктовъ, гдѣ этотъ ростъ, слѣдствіе весьма сложныхъ жизненныхъ причинъ, долженъ былъ совершаться быстрѣе, чѣмъ въ другихъ населенныхъ пунктахъ.

Мысль эта осязательно выражена въ указѣ правительствующему сенату о приведеніи въ дѣйствіе городского положенія 16 іюня 1870 года, гдѣ положительно сказано, что „дѣйствующіе нынѣ узаконенія о городскомъ общественномъ устройствѣ, обязанныя своимъ началомъ императрицѣ Екатеринѣ II, были, въ эпоху своего изданія, вполне примѣнимы какъ къ понятіямъ времени, такъ и къ тогдашнимъ потребностямъ городского общежитія“; но

что „послѣ измѣненій, совершившихся на пространствахъ цѣлаго почти столѣтія въ строѣ всей гражданской жизни, особенно-же послѣ преобразованій, произведенныхъ въ разныхъ частяхъ государственнаго управленія, узаконенія сіи, утративъ свою современность, потребовали коренного обновленія“.

Въ какой мѣрѣ новый законъ успѣлъ внести обновленіе въ общественную и экономическую жизнь нашихъ городовъ, — пока еще трудно опредѣлить, вслѣдствіе недавняго примѣненія его къ жизни городовъ, имѣющихъ свое историческое прошлое, и притомъ прошлое, не оставившее наши городскія поселенія безъ замѣтныхъ, нерѣдко неувгладимыхъ слѣдовъ своего ровно столѣтняго вліянія; однако, по первымъ уже признакамъ этого воздѣйствія закона на жизнь, по тому, какъ примѣнялись новыя законодательныя начала къ устарѣвшимъ формамъ городской общественной жизни, нельзя не прийти къ нѣкоторымъ не безынтереснымъ и не бесполезнымъ для будущей жизни нашихъ городовъ, практическимъ выводамъ.

Но для того, чтобы видѣть степень воздѣйствія новыхъ законодательныхъ началъ на отжившія стороны городской жизни, не лишне и даже положительно необходимо указать на то, съ какими именно существенными, такъ сказать, историческими препятствіями должны еще бороться эти новыя законодательныя начала, чтобы наша городская жизнь получила дѣйствительное и цѣлесообразное обновленіе и возрожденіе.

Существованіе огромной массы нашихъ городовъ, какъ извѣстно, обязано искусственнымъ мѣрамъ. Города эти созданы, можно сказать, кабинетно, административно-механически, и такое созданіе ихъ вызвано было, почти сто лѣтъ назадъ, территоріальнымъ распределеніемъ русской земли на административныя центры, когда послѣдовало изданіе извѣстнаго „учрежденія о губерніяхъ“, законодательнаго акта императрицы Екатерины II. Крупная административная группа, выражавшая отдѣльную административную единицу или особь — это и были губерніи. На такія группы, съ изданіемъ „учрежденія о губерніяхъ“, должна была разбиться вся русская государственная территорія, и притомъ разбиться по-возможности правильно, осмысленно, такъ, чтобы новый передѣлъ территоріи соответствовалъ своей цѣли. Явились новыя губерніи, какихъ прежде не было, съ новыми губернскими городами и, слѣдовательно, съ вновь созданными административными центрами.

Насколько этот административный передѣлъ земли и это созданіе центральныхъ пунктовъ соответствовали дѣламъ правительственнымъ, административнымъ и фискальнымъ, мы объ этомъ говорить не станемъ; но въ какой мѣрѣ соответствовала или не соответствовала эта разбивка русской земли экономическимъ нуждамъ населенія, условіямъ географическимъ, наконецъ, торговымъ и социальнымъ потребностямъ — это вопросъ, который въ данномъ случаѣ мы не вправѣ обходить молчаніемъ. Какъ показало время, административная разбивка земли не всегда отвѣчала нуждамъ населенія и его торговымъ и экономическимъ стремленіямъ, такъ что опытъ скоро указалъ на необходимость новыхъ разбивокъ земли, передѣловъ, прирѣзокъ и отрѣзокъ. Площади губерній, такимъ образомъ, въ разное время то округлялись, то удлинялись, то расширялись, то суживались. Но вмѣстѣ съ разбивкой земли на губерніи оказалось, что въ одной изъ нихъ насчитывалось до пятнадцати городовъ и, слѣдовательно, уѣздовъ, то есть новыхъ административныхъ группъ и единицъ, или частей большой единицы — губерніи, въ другой — десять, въ третьей слишкомъ мало — три, четыре города, а между тѣмъ площадь губерніи была обширна, населенныхъ пунктовъ много и т. д. Тогда потребовалось въ этихъ послѣднихъ, что называется, безгородныхъ губерніяхъ *созданіе новыхъ городовъ*, т. е. переименованіе селеній въ города и искусственное привитіе къ нимъ условій городской жизни. И города начали „дѣлать“: такое-то селеніе „сдѣлано“ городомъ и переименовано такъ-то, большею частью съ неудачно придуманнымъ названіемъ. „Въ то время, говорится въ изданномъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, — „Спискѣ населенныхъ мѣстъ“ (сп. XXXVIII) — очень охотно прилагали къ новоучреждаемымъ городамъ разныя классическія имена, но не съ особенною точностью примѣняли ихъ къ мѣстности, и, такимъ образомъ, Херсонъ явился въ разстояніи 320 верстъ отъ развалинъ настоящаго Херсонеса, а Овидіополь возникъ тамъ, гдѣ никогда и не бывалъ знаменитый поэтъ-изгнанникъ“; наконецъ, „село Сосновый-Островъ (въ саратовской губерніи) переименовано въ городъ, которому дано имя Хвалынска, въ память хвалисовъ, якобы жившихъ въ здѣшнихъ мѣстахъ“. Въ короткій промежутокъ времени создано было, такимъ образомъ, *до 220 новыхъ городовъ*.

Вотъ этотъ-то актъ искусственнаго созданія новыхъ городовъ и былъ отчасти немаловажною причиною того, что на этихъ искусственно созданныхъ городскихъ особяхъ до сихъ поръ лежатъ слѣды ихъ искусственности, сочиненности, противъ которыхъ, можетъ быть, окажется безсильнымъ въ борьбѣ даже новое городское положеніе. Съ чѣмъ именно приходится въ данномъ случаѣ бороться новому закону,—мы это постараемся по-возможности выяснить.

Въ искусственности созданія большинства нашихъ городовъ, и притомъ искусственности не всегда удачной, лежитъ начало ихъ хронической болѣзни или, вѣрнѣе, какого-то хроническаго худосочія. Мы говоримъ преимущественно о городахъ новыхъ, вызванныхъ къ городской жизни въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, хотя въ этомъ отношеніи нельзя исключать и нѣкоторыхъ старыхъ городовъ, или уже отжившихъ свое время вслѣдствіе видоизмѣнившихся условій жизни, остановившихся въ своемъ развитіи, такъ-сказать, застывшихъ, или-же окончательно умершихъ. Новые города, какъ мы сказали, не возникали сами собой, не вызывались къ неизбѣжному существованію ни экономическими требованіями жизни, ни совокупностью обстоятельствъ, весьма сложныхъ, подъ вліяніемъ которыхъ обыкновенно сами собой вырастаютъ и богатѣютъ населенные пункты, и вслѣдствіе счастливаго географическаго своего положенія, вслѣдствіе ли того, что населеніе ихъ, опять-таки подъ вліяніемъ разныхъ и въ особенности экономическихъ причинъ, какъ-бы несетъ съ собой задатки развитія,—пункты эти, какъ ячейка, изъ ничтожнаго поселка вырастаютъ въ богатое и дѣятельное поселеніе, даютъ жизнь и движеніе сначала рублю, а потомъ капиталу, вызываютъ усиленный трудъ, создаютъ усиленный заработокъ и скоро потомъ становятся центрами не только торговаго и экономическаго, но и умственнаго тяготѣнія всѣхъ сосѣднихъ мѣстностей. Эти послѣдніе города по справедливости могутъ быть названы *городами-самородками*; какими были всегда и остаются, наприм.,—Архангельскъ, Москва, Рига, Нижній, Казань, Самара, Саратовъ, Астрахань, Кіевъ. Изъ болѣе новыхъ городовъ самородками оказались: Одесса, Ростовъ-на-Дону, Таганрогъ, Ейскъ. Эти города, если-бъ къ возникновенію ихъ не прилагались никакія правительственныя заботы, если-бъ даже ростъ ихъ былъ

искусственно, репрессивно останавливаемъ,—эти города непремѣнно росли-бы сами собой, давили-бы собой другіе, менѣе удачные пункты и въ концѣ концовъ становились-бы господами надъ подобными себѣ особями, какъ это бываетъ и между людьми, гдѣ умъ, природная энергія, богатство внутреннихъ силъ и геній такъ или иначе побуждаютъ посредственность, дюжинность. Города эти—естественные проводники экономическихъ силъ, естественные узлы, связывающіе одну мѣстность съ другою. Совсѣмъ не тѣмъ является второй родъ городовъ—города искусственные, самымъ крупнымъ представителемъ которыхъ является Петербургъ, который, если-бъ не былъ столицею, то по естественнымъ условіямъ мѣстности и по своему экономическому худосочию едва-ли бы сталъ выше и населеніе Revela, да и теперь уже, съ проведеніемъ отъ Москвы желѣзныхъ дорогъ къ западнымъ и южнымъ окраинамъ Россіи, онъ утрачиваетъ часть своихъ экономическихъ силъ въ пользу своихъ экономическихъ соперниковъ: Риги, Одессы, Москвы, Ростова-на-Дону, потому что тяготѣніе къ нему центральныхъ пунктовъ до сихъ поръ было болѣе или менѣе искусственное, болѣе административное, чѣмъ социальное.

Но мы говоримъ собственно о неудачно созданныхъ городахъ, о такихъ, которые, при искусственномъ созданіи ихъ, сами по себѣ не представляли никакихъ задатковъ городской жизни въ полномъ значеніи этого слова, которые, ставъ городами единственно лишь по приказанію начальства, не сдѣлались отъ этого ни многлюднѣе, ни богаче, ни сильнѣе въ торговомъ и промышленномъ отношеніи,—какъ были Сосновыми островами и Овидіопольями, такъ ими и остались, сдѣлавшись только административными, полицейскими, судебными и фискальными станами или станціями. Если они и получили нѣкоторое подобіе городовъ, если у нихъ и завелись каменные постройки, въ самомъ, конечно, ничтожномъ числѣ, если въ нихъ и возникла жалкая торговля, то все это вслѣдствіе того, что если ужъ такой пунктъ сталъ городомъ, то въ немъ должны были выстроиться каменные дома подъ уѣздный судъ, подъ казначейство и подъ острогъ, а каменные лавки, и то рѣдко — для храненія въ нихъ товаровъ „панскихъ“, имѣвшихъ своихъ потребителей въ лицѣ исправниковъ, судей, казначеевъ, смотрителей остроговъ, инвалидовныхъ начальниковъ и всего состава уѣздныхъ чиновниковъ. Селенія, та-

кимъ образомъ, продолжали оставаться городами только номинально, не выдвигали на первый планъ торговую дѣятельность, а напротивъ, всѣми силами отстаивали свою сельскую фیزیономію не только наружно, но и внутренно: соломенные и камышовыя крыши, плетневые заборы, огороды внутри планированныхъ кварталовъ, мощенныя улицы и, вслѣдствіе этого, грязь непролазная—это наружная фیزیономія такихъ искусственныхъ городовъ; но гибельность такой наружной фیزیономіи этихъ городовъ проявлялась въ томъ, что соломенные крыши вмѣстѣ съ деревянными обывательскими домами постоянно горѣли, и города отъ этого не улучшались наружно. Внутреннюю свою фیزیономію эти села, по приказанію начальства ставшія городами, отстаивали въ томъ смыслѣ, что искали обогащенія не въ торговлѣ и не въ городскихъ промыслахъ, а въ земледѣліи, и потому требовали себѣ пахотной земли, выгону, лѣсу и постоянно вели жизнь сельскую, земледѣльческую. Между тѣмъ гдѣ-нибудь подъ бокомъ у этого города, версть за 20—30, выросъ настоящій городъ, городъ-самородокъ, хотя не называющійся городомъ: это какое-нибудь бойкое село, слобода, однимъ словомъ, сельское поселеніе, которое въ моменты искусственного чиноустройства городовъ почему-либо было обойдено или осталось незамѣченнымъ для наблюдательныхъ глазъ администраторовъ, назначавшихъ пункты для новыхъ городовъ издали, изъ своихъ кабинетовъ, при помощи ландкартъ, или оставлено ими безъ вниманія потому, что казалось не въ центрѣ воображаемаго административно-полицейскаго района, или, переименованное въ городъ, мѣшало-бы идеальной округленности идеальнаго уѣзда. Это забытое село ведетъ крупную торговлю на миллионы рублей, базарныя площади его загромождены постоянно возами съ мѣстными продуктами, иногороднее купечество безвыѣздно живетъ и торгуетъ въ этихъ селахъ, а между тѣмъ, на основаніи ст. 1692 и 1693, ч. I, т. X, св. зак. гражд., этому купечеству не дозволяется строить на сельской землѣ ни каменныхъ домовъ, ни каменныхъ корпусовъ, лавокъ и магазиновъ для мѣстныхъ товаровъ,—и вотъ эти села такъ-же легко горятъ, какъ и искусственные города съ соломенными крышами. Уѣздное населеніе, какъ и слѣдовало ожидать, не тяготеетъ къ своимъ соломеннымъ и деревяннымъ городамъ, потому что между ними и городомъ нѣтъ никакого экономическаго, или социальнаго сродства, а есть это

средство съ богатнѣмъ торговнѣмъ, но забытнѣмъ регламентаціею селомъ, и оно тянется къ этому селу всѣми своими жизненными силами, центростремительно тяготеетъ къ нему экономическими интересами, тяготеетъ къ его сельской, конной и скотской или смѣшанной ярмаркѣ, къ его воскреснымъ базарнымъ съѣздамъ и періодически отвозитъ туда и свой хлѣбъ, и свои овощи, и продукты ручного промысла, потому что находитъ тамъ сбытъ всего этого, какъ во всякомъ бойкомъ мѣстѣ, и возвращается домой съ денежной выручкой, необходимой для уплаты всѣхъ своихъ денежныхъ повинностей. Если-же окружное населеніе и притягивается къ такому искусственно или насильственно созданному городу, то притягивается тоже только насильственно и неохотно. Къ такому городу, непредставляющему для населенія никакихъ экономическихъ выгодъ, сосѣдній крестьянинъ чувствуетъ даже положительное нерасположеніе и бываетъ въ немъ только по самой крайней нуждѣ, какъ онъ бываетъ у станowego, у мирового посредника, у мирового судьи или у адвоката. О такихъ городахъ самъ мужикъ, практически понимающій выгоды *иныхъ* родовъ, отзывается непохвально: „это не городъ, а деньгамъ переводъ“, „попалъ въ городъ—береги свой воротъ“ и т. п. Въ такомъ городѣ онъ ничего не продаетъ и ничего, слѣдовательно, не получаетъ и не зарабатываетъ, а только все отдаетъ: отдаетъ въ казначейство казенныя и земскія подати; въ рекрутскомъ присутствіи отдаетъ сына-помощника и испытываетъ непріятности при самомъ процессѣ сдачи сына; въ городъ его вызываютъ по прикосновенности къ дѣламъ, или какъ отвѣтчика, или какъ свидѣтеля, или просто присяжнаго засѣдателя; въ городскомъ острогѣ онъ отдаетъ трудовую копейку арестанту-родственнику или земляку;—все поѣдаетъ такой городъ, ничего не возвращая и ничѣмъ невознаграждая.

Такихъ городовъ-сель и такихъ сель-городовъ въ настоящее время очень много, такъ что иногда трудно даже сказать, къ которому изъ этихъ двухъ родовъ поселеній съ большимъ удобствомъ и съ большою пользою могло-бы быть примѣнено городское положеніе 16 іюня 1870 г.,—къ городу-селу или къ селу-городу.

Къ такимъ, наприимѣръ, изъ новѣйше-созданныхъ городовъ-сель принадлежатъ города: Николаевскъ и Новоузенскъ самар-

ской губерніи. Они созданы искусственно, чтобы составить собою въ степномъ заволжѣ административныя точки на извѣстномъ оди отъ другой равстояніи. А тутъ-же, почти подъ бокомъ у этихъ точекъ, выросли богатныя села — Балаково, какъ соперникъ Николаевска, и слободы Покровка и Николаевка, какъ соперницы Новоузенска. Села лежатъ на Волгѣ, сдѣлались центромъ торговаго и экономическаго тяготѣнія обширныхъ хлѣбородныхъ районовъ, перетянули центръ тяжести отъ городовъ къ себѣ; на ихъ пристаняхъ и базарахъ идетъ торговля круглый годъ; купеческіе капиталы находятъ тутъ быстрое движеніе; крестьянскіе товары и издѣлія находятъ тутъ постоянный и вѣрный сбытъ; въ селахъ сами собой завелись ремесленныя мастерскія, сапожныя, портняжныя, тогда какъ въ городѣ, гдѣ есть ремесленная или цеховая управа, нѣтъ ни портныхъ, ни сапожниковъ, ни хлѣбниковъ; въ селахъ выросли каменные дома, крытые желѣзомъ; на базарахъ возникли лавочки и съ „панскими“, т. е. городскими товарами, и со всякими смѣшанными, крестьянскими; въ селахъ трактиры, номера для прїѣзжающихъ, постоянныя дворы, харчевни; въ городахъ ничего этого нѣтъ. Въ селахъ жизнь, движеніе; въ городахъ смерть, застой. Села имѣютъ будущее, города почти никакого.

II.

Въ такомъ именно положеніи застигнуто городскою реформою 16 іюня 1870 года большинство нашихъ городовъ, исключая, конечно, столицы и нѣкоторыя наиболѣе выдающіяся городскія поселенія, на которыя мы, въ своемъ мѣстѣ, обратимъ особенное вниманіе при разсмотрѣніи ихъ общественнаго устройства и при проведеніи, гдѣ возможно, паралели между общественнымъ строемъ нашихъ городовъ и западно-европейскихъ.

Въ новомъ городскомъ положеніи послѣдовательно проведены двѣ главныя, руководящія идеи, которыя и положены въ основаніе всей городской реформы: первая—предоставленіе общественнаго самоуправленія на началахъ новаго городского закона только тѣмъ городскимъ особамъ, которыя по преимуществу вмѣщаютъ въ себѣ *условія городской жизни*; вторая—удаленіе изъ новаго

общественнаго городского управленія всякой сословности, съ тѣмъ, чтобы органы этого управленія являлись вполне *учрежденіями бессловными*. Первая изъ этихъ руководящихъ идей выразилась въ новомъ законѣ тѣмъ, что на первый разъ права новаго общественнаго самоуправленія предоставлены только нѣкоторымъ городскимъ особямъ, по преимуществу городамъ-самородкамъ, и въ то-же время обойдены города искусственные, о которыхъ мы говорили въ первой главѣ. Въ указѣ правительствующему сенату 16 іюня 1870 года такими выдающимися городскими особями признаны *только 45 городов*: Архангельскъ, Астрахань, Кишиневъ, Владиміръ, Вологда, Воронежъ, Вятка, Екатеринославъ, Казань, Калуга, Керчь, Кіевъ, Кострома, Кронштадтъ, Курскъ, Нижній-Новгородъ, Николаевъ, Новгородъ, Петрозаводскъ, Оренбургъ, Орель, Пенза, Пермь, Полтава, Псковъ, Рязань, Самара, Саратовъ, Сибирскъ, Смоленскъ, Симферополь, Таганрогъ, Тамбовъ, Тверь, Тула, Уфа, Харьковъ, Херсонъ, Черниговъ, Ярославль, Иркутскъ, Красноярскъ, Семипалатинскъ, Тобольскъ и Томскъ; въ остальныхъ городахъ и посадахъ губерній, управляемыхъ по общему учрежденію, введеніе городского положенія въ ближайшій по возможности срокъ предоставлялось министру внутреннихъ дѣлъ, „по соображенію съ мѣстными обстоятельствами.“ Вторая руководящая идея, которую проникнуто все городское положеніе, ясно выражена въ „объясненіяхъ“, приложенныхъ къ одному изъ изданій новаго закона, сдѣланному хозяйственнымъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ положительно сказано: „по городскому положенію, органы общественнаго управленія являются учрежденіями *бессловными*, — учрежденіями, въ которыхъ обыватели, къ какому-бы состоянію они ни принадлежали, избираютъ своихъ представителей не по сословіямъ, которыя въ новомъ общественномъ устройствѣ совершенно исчезаютъ“ (Город. полож. съ объяснен., стр. 77 и 82).

Проведеніе-то этихъ, бесспорно, обновляющихъ началъ въ общественную жизнь нашихъ городовъ, на практикѣ, какъ оказывается, встрѣтило непобѣдимыя препятствія, начало которыхъ лежитъ въ хронической, такъ сказать, болѣзни городовъ, въ болѣзни, унаслѣдованной отъ нашего историческаго прошлаго. Что новыя начала выйдутъ изъ борьбы побѣдителями, — это не должно подлежать никакому, хотя-бы сколько нибудь вѣроятному,

сомнѣнію; но что эти хроническіе пороки городовъ сказались тотчасъ-же при столкновеніи новыхъ законодательныхъ началъ съ жизнью—примѣрами этому, и притомъ примѣрами, очень капитальными, могутъ служить Петербургъ, Москва, Одесса и цѣлый рядъ другихъ городовъ, гдѣ новыя начала, повидимому, никакъ не могутъ добиться желательныхъ и справедливо ожидаемыхъ отъ городской реформы результатовъ.

Вотъ эти хроническіе пороки городовъ, которые каждому городскому обществу слѣдуетъ хорошенько изучить, чтобы найти желательный выходъ изъ борьбы съ ними. Пороки эти почти въ одинаковой мѣрѣ присущи, какъ городамъ-самородкамъ, такъ и городамъ искусственнымъ, т. е. искусственнымъ болѣе или менѣе.

Общественный строй нашихъ городовъ до послѣдней реформы опирался, какъ на краеугольный камень, на законоположеніе 21 апрѣля 1785 года, или на извѣстную въ исторіи русскаго законодательства „городовую грамоту“. „Городовая грамота“, съ своей стороны, какъ на краеугольный камень, опиралась на господствующую въ тѣ времена идею регламентаціи, которая въ сущности имѣла ложное основаніе, потому что задавалась не всегда удобно и одинаково-разрѣшимыми задачами, отчего въ тогдашнемъ устройствѣ городовъ произошли тѣ насильственные сопоставленія, несообразности и противорѣчія, которыя, будучи поддерживаемы около столѣтія, и дали нашимъ городамъ хроническіе и общественные недуги. Дѣятели того времени исходили изъ той мысли, что можно было будто-бы дать однообразную регламентацію всему, что не могло поддаться общей нивелировкѣ, такъ какъ все это имѣло разные общественные и экономическіе уровни, лежало въ совершенно различныхъ плоскостяхъ и не могло быть объято и уровнено общимъ ватерпасомъ, поставленнымъ на неизмѣнной высотѣ. Это понято было практическимъ чутьемъ императрицы Екатерины II, и, однако, чутье это ей измѣнилось, когда она поддалась господствовавшей тогда идеѣ регламентаціи, и она сдѣлала законодательную ошибку, поправить которую суждено было только настоящему царствованію. Въ знаменитомъ своемъ „Наказѣ“ Екатерина II обстоятельно высказываетъ: „Есть города *разнаго существа*, болѣе или менѣе важныя по своему положенію. Въ иныхъ городахъ болѣе обращеній торгова сухимъ или водянымъ путемъ. Въ другихъ лишь единственно товары привезенныя складываютъ

для отпуска. Есть и такіе, кои единственно служатъ къ продажѣ продуктовъ прѣвѣжающихъ земледѣльцевъ того или другого уѣздовъ. Иной цвѣтетъ фабриками. Другой, близъ моря лежа, соединяетъ всѣ сіи и другія выгоды. Третій пользуется ярмарками. Иные суть столицы“ и т. д. (Полн. собр. закон. № 12, 949). „Наказъ“, такимъ образомъ, указываетъ на все разнообразіе условий, подъ совокупностію которыхъ и возникаютъ и процвѣтають города: эти условия столь-же разнообразны, какъ разнообразны экономическіе собы, которыми питаются города. Но тутъ-же, далѣе, въ томъ самомъ „артикулѣ“, который обнаруживаетъ столь практическое пониманіе законодательницею неодинаковости условий городской жизни, вслѣдствіе неодинаковости мѣстныхъ условий, выступаетъ на первый планъ все нивелировавшая тогда идея регламентации и отбрасываетъ эти практическіе доводы на задній планъ, а къ городамъ прививаетъ то общественное худосочіе, которое по наслѣдству перешло въ хроническую болѣзнь городскихъ поселеній и даже упорно не поддается реставрирующимъ силамъ новаго городского положенія. „Сколько ни есть разныхъ положеній, говорить далѣе „Наказъ“ уже языкомъ регламентации, — только въ томъ всѣ они вообще сходствуютъ, что *имъ встать нужно имѣть одинакіи законы*“. Было-бы, конечно, не удивительно, если-бы „Наказъ“ говорилъ здѣсь о необходимости общихъ государственныхъ законовъ: эти послѣдніе, — никто въ этомъ теперь не сомнѣвается, — могутъ и должны быть общи для всѣхъ состояній и положеній, какъ законы нравственные. Но Наказъ разумѣетъ не то: онъ требуетъ обрѣзанія всего, выступающаго изъ рамокъ общественнаго, спеціальнаго регламента, и искусственнаго или, вѣрнѣе, насильственнаго возвышенія до уровня регламента всего остальнаго, которому рамки регламента должны быть или слишкомъ широки, или положительно неподходящи.

Эти невольныя ошибки, — дань своему времени, — исправляемыя нынѣ городовымъ положеніемъ 16 іюня 1870 года, слишкомъ долго вводились въ жизнь городовъ, чтобъ не оставить на всемъ ихъ общественномъ строѣ неизгладимыхъ слѣдовъ.

Выше мы упомянули, что послѣ изданія „Учрежденія о губерніяхъ“ послѣдовало въ разное время открытіе около 220 новыхъ городовъ. Въ новѣйшее время порядокъ обращенія селеній въ города указанъ въ Высочайше утвержденномъ 11 ноября 1863

года иѣнни государственный совѣтъ, гдѣ, между прочимъ, постановлено, что такое обращеніе селеній въ города должно совершаться съ согласія самого населенія, которое согласіе это должно выразить общественнымъ приговоромъ, и что только тѣмъ приговорамъ подобнаго рода предоставлено давать дальнѣйшій ходъ разсмотрѣніемъ таковыхъ въ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ и по собраніи надлежащихъ мѣстныхъ статистическихъ свѣденій, направленіемъ ихъ въ указанномъ тѣмъ Высочайшимъ повелѣніемъ порядкѣ, кои подписаны не менѣе, какъ двумя третями домовладѣльцевъ даннаго поселенія. Между тѣмъ, въ прежнее время этотъ порядокъ не былъ еще установленъ и потому селенія обращались въ города безъ изъявленія согласія со стороны обывателей, а по ближайшему усмотрѣнію начальства. Отсюда происходило то, что хотя нѣкоторые селенія, конечно, незначительная часть, и были переименованы въ города совершенно соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ и экономическимъ задаткамъ даннаго района, такъ какъ вполне носили въ себѣ условія городской жизни, но за то большая часть селеній, превращаясь въ административные центры, получили городскую организацію далеко не удачно. Такіе города и остались до настоящаго времени въ томъ экономическомъ застоѣ, какого, быть можетъ, не было-бы, если-бы селенія оставались селеніями, т. е. тѣмъ, чѣмъ ихъ сдѣлала вся суица мѣстныхъ условій. Между тѣмъ, апріорическое обращеніе селеній въ города нерѣдко вызывало ропотъ въ населеніи и разнаго рода недоумѣнія, которыя усложнялись еще и тѣмъ, что крестьяне такихъ селеній, большею частію государственныхъ, считавшіе за своими поселеніями весьма значительное количество земли, не всегда охотно разставались съ этою землею, которой излишняя пропорція отъ городовъ-селеній отрѣзывалась на томъ законномъ основаніи, что новые горожане „должны были довольствоваться не отъ пашни, но отъ торговъ и промысловъ“. Но торги и промыслы не легко возникали тамъ, гдѣ этому не могли благоприятствовать мѣстныя экономическія условія и, такимъ образомъ, новые горожане продолжали тяготѣть къ землѣ, къ сельскому дѣлу, оставаясь по-прежнему крестьянами въ горожанахъ.

Городовое положеніе 16 іюня 1870 года, повидимому, имѣло въ виду всѣ эти ошибки прежняго времени и потому крайне

осторожно отнеслось къ предоставленію новыхъ правъ самоуправленія такимъ городамъ, которые не вполне соединяютъ въ себѣ условія городской жизни, намѣтивъ изъ нихъ достойными, такъ сказать, принять обновляющія начала послѣдняго законодательства на первый разъ только въ числѣ 45 городовъ. „Въ остальныхъ-же городахъ и посадахъ губерній, управляемыхъ по общему учрежденію, *исключая западныхъ*, а равно въ непоименованныхъ въ статьѣ 1-й городахъ и посадахъ Восточной и Западной Сибири и Бессарабской области, сказано въ указѣ правительствующему сенату 16 іюня 1870 года, — ввести настоящее положеніе въ ближайшій по возможности срокъ, *соображаясь съ мѣстными обстоятельствами*, по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ“. Слѣдовательно, въ новомъ законѣ на первомъ планѣ поставлены „*мѣстныя обстоятельства*“, т. е. то именно, что въ наказѣ Екатерины II выражено въ первой половинѣ приведеннаго нами выше „*артикула*“ и что второю половиною этого же артикула отодвинуто на послѣдній планъ.

На практикѣ нынѣшнее городское положеніе вводится въ городахъ, непоименованныхъ въ ст. 1-й указа сенату, слѣдующимъ образомъ:

Первымъ и непремѣннымъ условіемъ для предоставленія городу правъ новаго городского положенія является здѣсь собственное желаніе городского общества къ принятію на себя и правъ и обязанностей новаго общественнаго управленія. Желаніе это должно быть выражено въ общественномъ приговорѣ, что уже упоминаетъ порядокъ обращенія селеній въ города, указанный въ законѣ 11 ноября 1863 года. Приговоръ этотъ городское общество представляетъ губернатору. Затѣмъ соображаются мѣстныя обстоятельства, т. е. или само городское общество вмѣстѣ съ приговоромъ представляетъ губернатору ближайшія статистическія и экономическія свѣденія о настоящемъ положеніи своего города, о величинѣ его населенія, о количествѣ владѣемыхъ земель, о городскихъ доходахъ и расходахъ, о капиталахъ города, о движеніи торговли, промыслахъ и вообще обо всемъ, въ чемъ высказывается уровень экономическаго состоянія города и соотвѣтственность ему всѣхъ условій городской жизни, или-же самъ губернаторъ собираетъ эти свѣденія чрезъ подлежащія органы, и все это вмѣстѣ съ приговоромъ вноситъ на разсмотрѣніе губернскаго

по городскимъ дѣламъ присутствія, которое, состоя, подѣ предсѣдательствомъ губернатора, изъ вице-губернатора, управляющаго казенною палатою, прокурора окружного суда, предсѣдателя мирового съѣзда, предсѣдателя губернской земской управы и городского головы губернскаго города (Городов. полож., ст 11), при столь разнообразномъ составѣ членовъ, можетъ всегда постановить болѣе или менѣе обстоятельное опредѣленіе о соответственности или несоответственности даннаго города условіямъ, требующимся новымъ городovýmъ положеніемъ, т. е. можетъ-ли, безъ ущерба своимъ интересамъ, старый городъ, можетъ быть, искусственно созданный, быть обращенъ въ городъ по новому законоположенію. Это обстоятельство также напоминаетъ законъ 11-го ноября 1863 года объ обращеніи селеній въ города, такъ какъ тамъ приговоры сельскихъ обществъ по данному предмету вносятся на разсмотрѣніе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Наконецъ, послѣ всего этого, приговоръ городского общества и постановленіе губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, съ заключеніемъ губернатора, представляются на усмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ.

Во всемъ этомъ порядкѣ лежитъ достаточная гарантія того, что въ настоящее время едва-ли возможны такія ошибки и увлеченія, какими сопровождалось открытіе новыхъ городовъ съ самаго изданія „городовой грамоты“, т. е. съ 1775 года. Если же при подобномъ порядкѣ и допустить ошибки и увлеченія или, по малой мѣрѣ, поверхностное отношеніе къ дѣлу такой важности, какъ преобразование городского общественнаго управленія на новыхъ начлахъ, со стороны-ли городского общества, ходатайствующаго о примѣненіи къ своему городу новаго городского положенія, со стороны-ли губернатора, со стороны-ли, наконецъ, губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, то министерство внутреннихъ дѣлъ всегда имѣетъ возможность, изъ принципа справедливой осторожности, провѣрить сообщенныя ему данныя тѣми матеріалами и свѣденіями, которыя у него всегда находятся подѣ руками, тѣмъ болѣе, что въ 1862—63 году, по предложенію министерства внутреннихъ дѣлъ, когда окончательно былъ подвергнутъ разработкѣ вопросъ объ измѣненіи общественнаго управленія въ городахъ, во всѣхъ городахъ были организованы особыя комитеты, которые и составили обстоятельныя записки о

состояніи городовъ, объ ихъ экономическомъ положеніи и т. д., и всѣ эти свѣденія были представлены въ министерство.

Съ другой стороны, городская реформа 16-го іюня 1871 года съ такой-же осторожностью отнеслась и къ составу городского общества, къ тому собственно, *кто* долженъ, по новому закону, считаться горожаниномъ и пользоваться правомъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. Въ этомъ отношеніи новому закону приходится изглаживать изъ городской общественной жизни такіе слѣды, которые не легко изглаживаются.

Мы уже видѣли, какіе механическіе приемы употреблялись, со второй половины прошлаго вѣка, для образованія новыхъ городовъ. Такіе-же, если еще не менѣе удачныя приемы брались для организованія самого состава городскихъ обществъ. Въ очень древней Руси, — намъ извѣстно, — города созидались иногда тоже механически; но тогда и назначеніе городовъ было совсѣмъ иное: городъ былъ огороженная защита отъ враговъ. Но и тогда въ городъ привлекалось по возможности лучшее населеніе, какъ это дѣлалъ еще князь Владиміръ, создавая новые города: „и нача, говоритъ лѣтописецъ, — ставить города по Деснѣ, и по Ворсклѣ, и по Трубежи, и по Сулѣ, и по Стугнѣ, и нача нарубати (набирать) *мужи лучшіе* отъ словенъ, и отъ кривичей, и отъ чюди, и отъ вятичъ, и отъ *сихъ* начали города.“ Совсѣмъ другими соображеніями руководствовалась регламентація прошлаго вѣка, которая создала наши городскія общества въ настоящемъ ихъ, довольно странномъ составѣ. По законамъ, дѣйствовавшимъ до изданія новаго городского положенія и, слѣдовательно, до сихъ поръ дѣйствующимъ въ большинствѣ русскихъ городовъ, горожаниномъ въ исключительномъ смыслѣ этого слова не могъ быть ни дворянинъ, ни духовное лицо, ни чиновникъ, хотя-бы они имѣли недвижимую собственность въ городѣ и отбывали, наравнѣ съ настоящими гражданами, всѣ городскія денежныя и натуральныя повинности. Горожанинъ долженъ былъ принадлежать къ „среднему роду людей“ или къ тому, что прежде называлось „подлымъ станомъ“; „средній родъ людей“ или „подлый станъ“ — это были тѣ, которые занимались не „шляхетскими“, не „благородными“ дѣлами, какъ, напр., военною службою, а напротивъ, вели дѣла „подлая“ (официальное выраженіе своего времени), т. е. занимались ремеслами, ручными

промышленности, торговлею, даже художествами, музыкою и проч. Естественно, что при такомъ отношеніи къ городскимъ обывателямъ или гражданамъ въ исключительномъ значеніи этого слова, гражданиномъ не могъ быть дворянинъ. Но взаимно этого права гражданства предоставлялись всѣмъ незаконнорожденнымъ отъ женщинъ не податного состоянія, всѣмъ тѣмъ церковникамъ, которые исключались изъ духовнаго званія или за полную неспособность къ такому званію, или по подозрѣніямъ въ какихъ-либо преступленіяхъ, и, наконецъ, всѣмъ ссыльнымъ, получавшимъ дозволеніе возвратиться изъ Сибири во внутреннія губерніи, хотя-бы такія лица до ссылки въ Сибирь были крестьянами. Чѣмъ-же въ данномъ случаѣ руководствовался законъ, позволяя подобнаго рода людямъ быть гражданами и имѣть голосъ въ городскомъ общественномъ управленіи, и не позволяя имѣть этотъ голосъ дворянамъ-домовладѣльцамъ, духовенству, не лишенному своего званія за предосудительные поступки, и законнорожденнымъ чиновникамъ? Препятствіе въ этомъ случаѣ руководствовался соображеніями, вытекавшими изъ понятій и потребностей своего времени: во-первыхъ, званіе гражданина нѣсколько унижало-бы дворянина, почетнаго церковника и чиновника, какъ людей не „средняго роду“ и не „подлаго стану“, во-вторыхъ, гражданами могли дѣлаться незаконнорожденные отъ матерей не-податного состоянія, „рабочіе изъ ссыльных“ и отвергнутые церковники потому, что такою мѣрою законъ дѣлалъ этимъ лицамъ благодѣяніе, такъ какъ никакое сельское общество не могло дать подобнымъ субъектамъ ни пріемнаго приговора, ни еще менѣе клочка земли изъ своихъ угодій и изъ своихъ усадебныхъ мѣстъ: потому ихъ долженъ былъ принять городъ, который, понятно, всегда могъ имѣть нужду въ рабочихъ, хотя бы они были изъ ссыльныхъ. Но эти отверженцы общества получали голосъ въ общественныхъ собраніяхъ, дѣлались, такъ или иначе, хозяевами городовъ.

Новое городское положеніе и въ этомъ случаѣ дѣйствовало совершенно послѣдовательно; оно не отвергло изъ среды городского общества ни этихъ подонковъ его, ни тѣхъ, которые прежде отвергались. Городское положеніе до конца руководствовалось принципомъ „безсловности“, хотя съ тѣмъ большею осторожностью опредѣлило право участія въ общественныхъ дѣлахъ

всѣхъ обывателей, выражающихъ собою наличный и юридическій составъ городского населенія. Новый законъ, повидимому, подерѣвлялся въ этомъ случаѣ опытомъ прежнихъ лѣтъ. А опытъ этотъ представляетъ не мало поучительнаго и для городовъ съ новыми формами общественнаго управленія. Во всякомъ городскомъ обществѣ заключается значительный процентъ или пролетаріевъ, или тѣхъ горожанъ, вышедшихъ, по старому закону, изъ мутнаго источника, которые, будучи введены въ общій разрядъ гражданъ изъ ссыльныхъ рабочихъ, изъ бывшихъ дворовыхъ людей, изъ отверженныхъ церковниковъ и изъ безродныхъ (незаконнорожденныхъ), должны по необходимости оставаться паразитами среди трудящагося или обеспеченнаго населенія и быть ему отчасти въ тягость, особенно если этотъ разрядъ людей не охотно отдается честному труду. До второй половины 1863 года этотъ разрядъ горожанъ дѣйствительно принадлежалъ къ паразитамъ городского населенія, и послѣ 63-го года паразитизмъ ихъ не прекратился, а только принялъ иную форму. До второй половины 63-го года мѣщане платили подушную подать; въ окладъ вводились всѣ: и богатые, и бѣдные, и трудящіеся, и паразитствующіе; но платили подать не всѣ, а потому на городахъ годъ отъ году накоплялись недоимки, которыя и разлагались или на богатыхъ и достаточныхъ обывателей, или же на честныхъ труженниковъ. Отъ недоимокъ нерѣдко стонали города, а пополнить недоимку было нечѣмъ, потому что 75% обывателей оказывались или мнимо, или дѣйствительно несостоятельными. Но когда со второй половины 63-го года года подушная подать съ мѣщанъ, въ томъ числѣ и съ пролетаріевъ, была отиѣнена, то ее замѣнилъ такъ называемый „имущественный налогъ“, т. е. налогъ на недвижимыя имущества въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ. Налогъ этотъ, слѣдовательно, съ пролетаріевъ перенесенъ на болѣе достаточныхъ обывателей, имѣющихъ въ городахъ недвижимую собственность, т. е. опять-таки легъ на одну половину населенія какъ-бы за то, что въ среду его по старому закону, вошли и „рабочіе изъ ссыльныхъ“, и незаконнорожденные, и безземельные дворовые и т. д. Обстоятельствомъ этимъ недоимки на городахъ не уменьшились, а напротивъ, возрасли до такихъ размѣровъ, что превышаютъ иногда десятикратную сложность всѣхъ городскихъ доходовъ. А между тѣмъ раскладки

продолжали производиться все тѣми-же гражданами, т. е. и плательщиками, и неплательщиками, именитымъ купцомъ и „рабочимъ изъ ссыльных“, равно голосами и того и другого въ общественныхъ собраніяхъ рѣшались всѣ городскія дѣла, и только въ этихъ дѣлахъ не участвовали привилегированныя сословія.

III.

Городовая реформа сгладила эти несообразности. Въ данномъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, наша реформа ставъ въ уровень съ городскими законоположеніями западно-европейскихъ государствъ, хотя, тѣмъ не менѣе, выразилась вполне самостоятельно и сообразно историческимъ и мѣстнымъ условіямъ, при которыхъ создавались и развивались наши города и о которыхъ мы уже упомянули выше.

Въ опредѣленіи состава городского общества законъ 16-го іюня руководствовался слѣдующими мотивами, вытекавшими изъ правильной оцѣнки всего неудачно сложившагося прошлаго нашихъ городовъ: „при разнообразномъ смѣшеніи лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ званіямъ городскихъ жителей,—говорится въ „объясненіяхъ“ при ст. 17 город. полож.,—между ними нерѣдко являются лица, неимѣющія опредѣленныхъ средствъ въ жизни (напр., мѣщане изъ дворовыхъ), даже люди, отвергнутые обществомъ („рабочіе изъ ссыльных“); между тѣмъ,—въ виду того, что составъ собственно городского общества, постановляющаго приговоры по общественнымъ дѣламъ и производящаго выборы въ городскія должности, опредѣляется исключительно правами состоянія и что въ составъ сей, независимо отъ лицъ купческаго званія, входятъ лишь тѣ изъ жителей города, которые приписаны къ податнымъ сословіямъ въ ономъ,—оказывается, что городская община обнимаетъ собою, главнымъ образомъ, *низшіе слои населенія*; члены же сей общины, какъ „обыватели въ особенности“, признаются дѣйствительными гражданами, пользующимися преимущественнымъ правомъ городского представительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правомъ участія въ дѣлахъ

городскаго хозяйства и городского благоустройства; но значительное число лицъ, владѣющихъ въ городѣ недвижимою собственностію и отправляющихъ по оному разныя повинности, на самомъ дѣлѣ, почти вовсе устранено было отъ участія въ общественномъ устройствѣ. Новый законъ долженъ былъ, поэтому, признать такое положеніе едва ли не большинства городскихъ домовладѣльцевъ, особенно въ столицахъ, „во 1-хъ, *несправедливымъ*, ибо они, не участвуя въ ходѣ общественныхъ дѣлъ и въ избраніи уполномоченныхъ представителей для распоряженія средствами города, несутъ самую большую часть тягостей на предметъ городского благоустройства, поставленнаго, такимъ образомъ, нынѣ въ зависимость отъ лицъ, менѣ платящихъ, или даже ничего не платящихъ въ пользу города; во 2-хъ, *вреднымъ* для самихъ городскихъ обществъ, которыя, не имѣя въ своей средѣ достаточнаго числа образованныхъ людей, по неучастію въ общественномъ представительствѣ наиболее развитой части населенія, дѣйствуютъ безъ опредѣленной цѣли, системы и порядка, подъ разными вліяніями отдѣльныхъ лицъ; въ 3-хъ, *несообразнымъ*, въ томъ отношеніи, что мѣстные городскіе домовладѣльцы пользуются меньшими правами, чѣмъ даже иностранцы, ибо послѣдніе, если имѣютъ званіе мѣстныхъ почетныхъ гражданъ и владѣютъ недвижимою собственностію, не лишены права участія въ городскихъ выборахъ (городов. полож. съ объяснен., стр. 22—23).

Такимъ образомъ, на основаніи всѣхъ этихъ соображеній, новый законъ, расширивъ въ существѣ прежній объемъ городского представительства, въ то же время сѣзнулъ его, постановивъ слѣдующія ограничительныя условія: всякій городской обыватель, къ какому-бы состоянію онъ ни принадлежалъ, имѣетъ право голоса въ избраніи гласныхъ, если онъ русскій подданный, если ему не менѣ 25 лѣтъ отъ роду, если онъ, при этихъ двухъ условіяхъ, владѣетъ въ городскихъ предѣлахъ, на правѣ собственности, недвижимымъ имуществомъ, подлежащимъ сбору въ пользу города, или содержитъ торговое или промышленное заведеніе по купеческому свидѣтельству, или же, прѣживъ въ городѣ втеченіи двухъ лѣтъ сряду предъ производствомъ выборовъ, хотя бы и съ временными отлучками, уплачиваетъ въ пользу города установленный сборъ съ свидѣтельствъ купеческа-

го или промышленнаго и т. п., и, наконецъ, или на немъ не числится недонмокъ по городскимъ сборамъ (ст. 17 город. пол.). Извѣстный *цензъ* въ пользу городской кассы и *двухгодичная осѣдлость* являются главными условіями права на городское представительство. Ближе всего это подходитъ къ порядкамъ городского представительства, существующимъ въ Берлинѣ. Какъ и у насъ, городская дума или общее собраніе городскихъ представителей (*Staatsverordneten Versammlung*) состоитъ изъ извѣстнаго числа гласныхъ, избираемыхъ общимъ составомъ горожанъ, обладающихъ избирательнымъ правомъ. Правомъ-же этимъ обладаетъ каждый прусскій подданный, который живетъ въ Берлинѣ *не менѣе года*, не получаетъ общественнаго вспоможенія и имѣетъ извѣстный *цензъ*, т. е. доходъ въ 900 талеровъ ежегодно. Этотъ доходъ капитализируется на основаніи величины пошлыны, платимой имъ съ своего имущества въ городскую кассу.

Разница, слѣдовательно, только въ томъ, что пруссаки пользуются правомъ представительства, при извѣстныхъ условіяхъ, доказавъ свою только *годовую осѣдлость* въ Берлинѣ, тогда какъ у насъ требуется осѣдлость *двухгодичная*,—разница, по-видимому, небольшая, но существенная. Во Франціи, напр., изъ-за подобной разницы шла упорная борьба между Тьеромъ и представителями республики, и эта борьба едва-ли кончилась и въ настоящее время, такъ что пренія изъ-за двухъ лѣтъ, изъ-за года и полугода останавливали весь ходъ законодательныхъ конституціонныхъ работъ. Тьеръ настаивалъ на болѣе продолжительномъ срокѣ осѣдлости въ извѣстной мѣстности для полученія права представительства, права избранія; противная сторона отстаивала менѣе продолжительный срокъ.

Наше городское положеніе допустило въ этомъ случаѣ серединную мѣру: непрѣннымъ условіемъ для права избирательства оно ставитъ *двухгодичную осѣдлость* въ данной мѣстности *только тѣмъ*, которые уплачиваютъ въ пользу города установленный сборъ съ свидѣтельства купеческаго или промышленнаго на мелочной торгъ, или прикащикьяго 1-го разряда, или съ билетовъ на содержаніе промышленныхъ заведеній; но это не ставится непрѣннымъ условіемъ для тѣхъ, кои владѣютъ въ городѣ недвижимымъ имуществомъ, обложеннымъ извѣстнымъ сбо-

ромъ въ пользу городской кассы, или содержать торговое или промышленное заведеніе по купеческому свидѣтельству. Ясно, что эти послѣдніе—не пришлый элементъ, не безцензные обыватели, а „горожане по преимуществу“: у нихъ есть или дома, или заведенія—неоскоримое право представительства. Городовой законъ, какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, руководствуется въ этомъ случаѣ консервативнымъ началомъ: тотъ наиболѣе будетъ беречь интересы города, биться за послѣднюю копейку городской кассы, кто самъ вложилъ въ нее эту копейку, а еще болѣе тотъ будетъ заботиться о нуждахъ города, кто въ этомъ городѣ самъ составляетъ топографическую единицу, которому *принадлежитъ часть этого города* по праву собственности, т. е. тотъ, кто владѣть въ немъ или домомъ, или инымъ заведеніемъ. Для такого горожанина немислимо обязательное условіе двухгодичной есѣдности, потому что такой горожанинъ, по отношенію къ своему городу, будетъ и экономень, и осторожень, и консервативень настолько, насколько этого требуютъ интересы города, т. е. *частица его собственности*. Въ этомъ случаѣ горожанинъ становится тѣмъ, чѣмъ сталъ по собственному своему сознанію, Гейне, когда у него завелась фарфоровая чашка.

Тѣ же самыя черты, въ общемъ, мы находимъ и въ городовомъ положеніи, изданномъ для Вѣны и считающимся чуть-ли не образцовымъ въ мірѣ. Но объ этомъ мы предоставляемъ себѣ сказать въ своемъ мѣстѣ. Теперь-же укажемъ на ограниченія права представительства, введенныя въ наше городовое положеніе. У насъ теперь по новому закону права представительства лишаются: подвергшіеся суду за преступленія и проступки, влекущіе за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія или-же исключеніе изъ службы, а равно за проступки, предусмотрѣнные въ ст. 169 — 177 уст. о наказ., налаг. мир. суд., когда они судебными приговорами не оправданы; отрѣшенные отъ должности (втѣченіи трехъ лѣтъ со времени отрѣшенія); состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ по обвиненіямъ въ преступныхъ дѣйствіяхъ, означенныхъ въ пар. 1-мъ, или влекущихъ за собою наказанія, указанные въ п. 2-мъ; подвергшіеся несостоятельности, впредь до опредѣленія свойства ея, а изъ лицъ, о которыхъ дѣла сего рода приведены уже къ окончанію,—всѣ несостоятельные, кромѣ

признанных несчастными; лишенные духовнаго сана или званія за пороки, или же исключенные изъ среды обществъ и дворянскихъ собраній по приговорамъ тѣхъ сословій, къ которымъ они принадлежать.

Хотя ограниченіе это, повидимому, исходитъ изъ нравственныхъ мотивовъ по преимуществу, — преступленіе, отрѣшеніе отъ должности, состояніе подѣ судомъ, несостоятельность, но только не „несчастливая“, и лишеніе сана или исключеніе изъ общества, — однако, мотивы эти только кажущіеся: это тотъ-же цензъ, и цензъ не нравственный, а такой-же какъ домъ, торговое заведеніе, прикащикье свидѣтельство и проч. Во всю основу городской реформы положенъ одинъ критеріумъ — имущественный, и оттого самое опредѣленіе права городского представительства исходитъ изъ имущественнаго ценза по преимуществу, если не исключительно. „Съ изданіемъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ, — говорится въ „объясненіяхъ“ къ городовому положенію, — конемъ было установлено *представительство исключительно имущественное*, открылась возможность провести это начало и въ городовое положеніе, и притомъ съ болѣею послѣдовательностію, въ томъ отношеніи, что избиратели раздѣляются на собранія или съѣзды не по сословіямъ, какъ опредѣлено положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, а по размѣру сборовъ, платимыхъ ими, съ имущества или промысла, въ пользу города (Город. полож. съ объяснен., 23 — 24).

Посмотримъ теперь, какъ входятъ эти начала въ самую жизнь городовъ, переставъ быть законодательною теоріею.

По ст. 24 город. полож., для производства выборовъ въ гласные учреждаются въ каждомъ городѣ, изъ обывателей, имѣющихъ право голоса на выборахъ, три избирательныя собранія, изъ коихъ каждое выбираетъ одну треть всего числа гласныхъ. Для этого обыватели вносятся въ списокъ избирателей въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ по суммѣ причитающихся съ каждаго изъ нихъ въ доходъ города сборовъ, дающихъ право голоса на выборахъ; затѣмъ лица, внесенныя въ означенный списокъ, дѣлятся на три разряда или собранія такимъ образомъ: къ первому разряду причисляются тѣ изъ показанныхъ въ началѣ списка избиратели, которые, внося высшіе размѣры сборовъ, упла-

чиваютъ вмѣстѣ одну третью суммы сборовъ, платимыхъ всѣми избирателями; во второму причисляются слѣдующіе за ними по списку избиратели, уплачивающіе вмѣстѣ также третью всѣхъ сборовъ; къ третьему—всѣ остальные избиратели. Если-же (по ст. 25 город. полож.) въ которомъ либо изъ городовъ или посадовъ, по малочисленности избирателей или однородности ихъ состава, оказалось-бы болѣе соотвѣтственнымъ раздѣлить избирателей, вмѣсто трехъ, на два разряда, то такое желаніе города можетъ быть исполнено съ разрѣшенія министра.

На этихъ статьяхъ, какъ и на двухъ выше приведенныхъ, основана, можно сказать, почти вся городоваѣ реформа, а потому удачное примѣненіе къ жизни городовъ этихъ именно основныхъ статей и докажетъ, насколько развитіе городовъ и все ихъ будущее обезпечивается настоящей реформой.

До сихъ поръ наши городскія собранія представляли нѣчто похожее на всеобщую подачу голосовъ, только до крайности безобразную, вслѣдствіе причинъ, которыя не мѣсто здѣсь объяснять. Такая система рѣшенія общественныхъ дѣлъ новѣйшимъ законодательствомъ признана и неудобною, и вредною для городовъ. Столѣтній опытъ *такой* всеобщей подачи голосовъ доказалъ со всею неопровержимостію, что при всеобщихъ городскихъ сходахъ не было никакой возможности ни придать этимъ сходамъ соотвѣтственный характеръ, съ устраненіемъ почти постоянныхъ безпорядковъ и безобразій, ни изгнать изъ нихъ произволь вліятельныхъ лицъ, не рѣдко заправлявшихъ сходами по личнымъ интересамъ, вынуждавшихъ собранія постановлять такіа опредѣленія, которыя были лично имъ или ихъ кружку выгодны, или избирать въ общественныя должности лицъ извѣстнаго подбора, извѣстной партіи. Эта система всеобщихъ сходовъ, при „стадныхъ“ свойствахъ городскихъ обывателей, особенно мѣщанъ, всегда составлявшихъ большинство, постоянно мѣшала осуществленію желанія законодательства, „чтобы участіе въ завѣдываніи городскими общественными дѣлами не было замкнуто въ тѣсномъ кругу лицъ, принадлежащихъ исключительно къ промышленнымъ сословіямъ“. Надо было, слѣдовательно, ввести въ городское общественное самоуправленіе новыя силы, которыя, составляя противовѣсъ промышленнымъ сословіямъ, отняли-бы про-

изволь у тѣхъ вліятельныхъ коноводовъ каждаго городского общества, которые передъ выборами или передъ проведеніемъ въ собраніи какого-либо своекорыстнаго предложенія, спаввали мѣщанъ, кормили ихъ до отвала, раздавали даровое топливо въ холодныя зимы, или просто угрозами заставляли ихъ класть шаръ туда, куда прикажутъ, или подавать голосъ за и противъ, смотря потому, поднять-ли коноводомъ указательный палецъ или цѣлый кулакъ. Надо было сдѣлать такъ, чтобы *большинство* горожанъ (а большинство это всегда было на сторонѣ мѣщанъ и вообще бѣднѣйшей части населенія) *перестало быть большинствомъ* въ собраніяхъ, т. е. чтобы не отъ него зависѣла участь каждаго собранія и чтобы вліятельному кулаку не было уже никакой выгоды ни спаввать это большинство, ни отуплять его передъ выборами и другими сходами. Вотъ для этого-то все городское общество и раздѣлено на три группы избирателей, а слѣдовательно, и на три группы представителей или гласныхъ: въ первой группѣ, говоря общеупотребительнымъ языкомъ, стоятъ самые богатые горожане, которые избираютъ 24 гласныхъ (въ столицахъ больше); во второй группѣ—менѣе богатые, тоже избиравшіе изъ себя 24 представителя; въ третьей группѣ—бѣдные, это тѣ мѣщане и остальное большинство, которыхъ заправляли коноводы: эта группа, какъ-бы она ни была велика численно, тоже даетъ только 24 голоса въ собраніи.

Такое тройственное группированіе горожанъ признано наиболѣе полезнымъ для большихъ городовъ, гдѣ въ первую группу могли попасть, положимъ, одни капиталисты, которые, соединившись съ третьей группой, т. е. повліявъ на нее своимъ капиталомъ и своимъ биржевымъ и торговымъ преобладаніемъ, могли бы забрать весь городъ въ свои руки, потому что въ каждомъ собраніи они составляли-бы цифру 48; но тутъ противовѣсомъ имъ является вторая группа, выдѣляющая изъ себя если не капиталистовъ, то во всякомъ случаѣ людей развитыхъ, образованныхъ, не только независимыхъ нравственно, но и имущественно. Эти выдѣляющіеся изъ второй группы голоса составляютъ уравновѣшеніе, какъ для первой группы, такъ и для третьей, въ которыхъ тоже могли-бы найтись люди и образованные, и нравственно независимые, такъ что въ сущности всѣ три группы

разбивались-бы на двѣ, по 36 голосовъ въ каждой. При такой комбинаціи преобладаніе, какъ на той, такъ и на другой сторонѣ, и, слѣдовательно, эксплуатація города одною партією казались-бы немислимыми. Но въ малыхъ городахъ такое раздѣленіе на три группы представляетъ своего рода неудобства и серьезныя опасности для городскихъ интересовъ. Все населеніе небольшихъ городовъ болѣею частью почти всегда распадается только на двѣ группы, изъ которыхъ меньшинство — богатые, а большинство — бѣдные, т. е. въ первой группѣ купцы, во второй мѣщане; средняя группа — духовенство и прочіе домовладѣльцы — совершенно ничтожна. „Объясненія“ къ городскому положенію наглядно изображаютъ опасность, какая угрожала-бы мелкимъ городамъ отъ тройственнаго группированія гражданъ; „во многихъ мелкихъ городахъ, говорится въ „объясненіяхъ“, — гдѣ число купцовъ первой гильдіи и владѣльцевъ значительныхъ домовъ слишкомъ мало и гдѣ сіи два понятія обыкновенно совпадаютъ между собою, первая избирательная группа составлялась-бы, очевидно, изъ двухъ-трехъ лицъ и чаще всего однихъ и тѣхъ-же лицъ: значительныхъ торговцевъ, фабрикантовъ, капиталистовъ и т. п., которые уже и безъ того держатъ въ своемъ подчиненіи, по естественнымъ экономическимъ условіямъ, цѣлое населеніе, не выдѣляясь, въ то-же время, изъ среды онаго, особеннымъ образованіемъ“; поэтому, „при подобныхъ условіяхъ, непрѣмное составленіе трехъ избирательныхъ собраній могло-бы еще болѣе усилить вліяніе означенныхъ лицъ и изъ одной крайности — нынѣшней безпорядочности выборовъ — могла-бы явиться другая — *закрѣпленіе за немногими богатыми людьми, силою закона, преобладающаго вліянія на дѣла*“ (Объясн., 33). Выходъ изъ этого — двойственное группированіе мелкихъ городовъ.

Вся трудность городской реформы заключается именно въ томъ, чтобы не дать возможности утвердиться именно такому опасному положенію дѣлъ въ городскомъ общественномъ самоуправленіи. А между тѣмъ на практикѣ оказалось, что все это возможно, и притомъ не только въ мелкихъ, но въ среднихъ и даже большихъ городахъ.

Всѣ города, сколько извѣстно, отнеслись къ реформѣ вполне сочувственно, потому что не могли не видѣть предоставляемыхъ

ею общественному самоуправленію и городскому хозяйству выгоду. Городовое положеніе освобождало города отъ подчиненія, нерѣдко тяжелаго и практически невыгоднаго, губернскимъ правленіямъ. Зависимость отъ послѣднихъ городского управленія и хозяйства доходила до мелочей, до положительнаго стѣсненія общественной самодѣятельности, а потому порождала въ городскихъ представителяхъ апатію, равнодушіе къ городскимъ интересамъ. Никакое, самое слѣпшое, а иногда и самое мелочное хозяйственное распоряженіе не могло быть исполнено безъ разрѣшенія губернскаго правленія. Какая-нибудь починка пожарнаго рукава возбуждала переписку; обрушившійся на бойкомъ мѣстѣ города мостъ стоялъ въ развалинахъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, по сезонамъ, пока губернское правленіе присылало техника, которые часто всѣ были въ разгонѣ, и пока строительная смѣта не проходила черезъ всѣ инстанціи. Разрѣшеніе мощенія улицъ нерѣдко выходило тогда, когда давно уже ушло удобное для того время, а приготовленный для утрамбованія улицъ песокъ прохожіе и проѣзжіе успѣвали разнести на сапогахъ и колесахъ. Городовое положеніе цѣликомъ отдавало городское хозяйство въ руки городовъ: города сами себя могли и контролировать, и понуждать, и учитывать. Но городскія общества прежняго состава, купцы, мѣщане и цеховые, не могли не понять, что городовое положеніе вводитъ въ организацію общественнаго управленія и въ завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ новыя, чуждыя прежнему общественному составу элементы. Элементы эти являлись въ видѣ дворянъ-домовладѣльцевъ, духовенства и чиновниковъ. Хотя городовое положеніе и поставило своею главною заботою отстранить всякій признакъ сословности въ городскомъ представительствѣ, въ основаніе котораго и положило „не личную, а имущественную заинтересованность въ устройствѣ города“, однако вошедшая историческимъ путемъ въ самую жизнь городовъ сословность органически не могла исчезнуть сама собой даже при существованіи повидимому объединяющихъ началъ земскихъ учреждений и института присяжныхъ засѣдателей, гдѣ и гласные, и присяжные какъ-бы выражаютъ собою полную бессловность. И въ понятіяхъ, и въ жизни все еще продолжаютъ оставаться сословныя рубрики купцовъ, мѣщанъ, цеховыхъ, дво-

рянъ, духовенства, чиновниковъ, крестьянъ. Городское общество, въ виду основныхъ началъ городской реформы, видѣло, что въ составъ его входятъ новыя силы и что поэтому всецѣлое завѣдываніе устройствомъ городской общественной организаціи уже не будетъ принадлежать ему одному, а должно раздѣлиться и между „дворянами“, какъ вообще были окрещены входившіе въ составъ городского общества новые граждане. Отчасти по понятному недовѣрію къ хозяйственной опытности и къ экономическому благоразумію дворянъ, „неумѣвшихъ, по выраженію промышленныхъ сословій, ничего ни приобрести, ни сберечь“, отчасти изъ сословнаго антагонизма, наконецъ, изъ опасенія лишиться и матеріальныхъ выгодъ, какія сопряжены были для нѣкоторыхъ гражданъ съ ближайшимъ участіемъ въ городскомъ общественномъ управленіи,—участіемъ, позволявшимъ, по ихъ-же собственному выраженію, „тереться и грѣться около городской кассы“, — промышленныя сословія какъ бы незамѣтнымъ образомъ, забывая разницу между купцомъ и мѣщаниномъ, вошли между собою въ глухое полюбовное соглашеніе, — которое, впрочемъ, выражалось и громко, — „оттереть“ дворянъ и образованныхъ домовладѣльцевъ отъ дѣйствительнаго участія въ городскомъ общественномъ управленіи, ставя мотивомъ то, что въ противномъ случаѣ все „у насъ-де пойдетъ по-дворянски, по-помѣщичьи“.

„Оттереть дворянъ“ стало, такимъ образомъ, нѣкоторымъ общимъ лозунгомъ въ большинствѣ городовъ, гдѣ вводилось новое городское положеніе. Численно это казалось-бы возможнымъ, потому что полюбовное соглашеніе между собою всѣхъ промышленныхъ классовъ всегда существовало и вошло въ жизнь городовъ. Но какъ реализовать это идеальное соглашеніе, соглашеніе въ принципѣ? При составленіи избирательныхъ списковъ хотя дворяне и проч. оказались во всѣхъ трехъ группахъ избирателей, однако, это былъ не такой-же значительный процентъ, чтобъ его нельзя было побѣдить численностью. Побѣда тѣмъ болѣе представлялась возможною и даже легкою, что такъ-называемые дворяне попали во всѣ три группы избирателей: были между ними и крупные домовладѣльцы-собственники, и средніе, и мелкіе, т. е. совмѣщавшіе въ себѣ ценовыя условія всѣхъ трехъ категорій. Эта разсѣянность по группамъ еще болѣе ослабляла силу пред-

ставительства дворянъ, потому что они не могли соединиться и промышленныя сословія могли ихъ свободно разбить по частямъ, на основаніи классическаго проverbs „divide et impera“. Эта семейная подготовка къ удержанію за собою промышленными классами преобладающаго вліянія на городскія общественныя дѣла при предстоявшемъ городскомъ самоуправленіи началась вѣстѣ съ изготовленіемъ списковъ избирателей. Когда списки избирателей были опубликованы или въ мѣстныхъ органахъ печати (губернскихъ вѣдомостяхъ), или въ отдѣльныхъ брошюрахъ, то самое чтеніе избирателями этихъ списковъ, заявленія со стороны нѣкоторыхъ обывателей о томъ, что они, по недосмотру-ли составителей списковъ или по другимъ причинамъ, не попали въ число избирателей, и толки о возможности дать новое, благотворное направленіе теченію общественной городской жизни еще болѣе заставили сплотиться между собою промышленные классы, которые въ самыхъ этихъ толкахъ подозрительно предусматривали какъ-бы вторженіе въ область ихъ личнаго, искони уваждавшаго права, посягательство на ихъ „общество“.

Когда открывались самыя выборы гласныхъ (мы не говоримъ здѣсь о Петербургѣ, потому что новое городское положеніе введено въ немъ позже, чѣмъ въ другихъ городахъ), то настроеніе городскихъ общественныхъ симпатій и антипатій было уже достаточно опредѣлившимся и установившимся. Естественное разединеніе, существовавшее въ жизни, въ мнѣніяхъ, въ привычкахъ, нерѣдко даже въ костюмѣ, осталось разединеніемъ и въ избирательныхъ собраніяхъ. Результаты выборовъ можно было предвидѣть и не вступая въ залы собранія; но въ самыхъ избирательныхъ залахъ положеніе дѣлъ очерчивалось само собою при одномъ взглядѣ на то, на какія маленькія группы разбивались всѣ присутствовавшіе въ залахъ, какъ группировались эти маленькія группы въ большія и куда направлялось въ большинствѣ случаевъ общественное тяготѣніе. Само собою разумеется, что тяготѣніе это сказывалось уже раньше, но въ самомъ актѣ выборовъ оно только реализировалось.

Всѣ извѣстныя намъ выборы въ городахъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ, по большей части кончались тѣмъ, что несомнѣнно преобладающее большинство оказывалось на сторонѣ тѣхъ,

исключительное вліяніе которыхъ на ходъ общественныхъ дѣлъ городское положеніе съ опытною предусмотрительностью полагало если не уничтожить окончательно, то хотя ослабить въ значительной степени, нивелировать до общаго уровня.

Вотъ что дали выборы въ большей части городовъ, какъ это можно было видѣть изъ результатовъ этихъ выборовъ, по опубликованіи ихъ въ разныхъ городскихъ отчетахъ, журналахъ и мѣстныхъ печатныхъ органахъ: въ числѣ 72 гласныхъ, составляющихъ полное городское представительство, почти всегда на долю непромышленныхъ классовъ выпадало 5 — 6 гласныхъ, а на долю промышленныхъ 66 — 67. Это значило, что *новые элементы вошли въ городское самоуправленіе, должныствовавшее обновиться этими новыми силами, только въ размѣръ 6 — 7%*.

Такой ничтожный притокъ новыхъ силъ, невидимому, рѣшительно необъяснимъ, но онъ необъяснимъ только при поверхностномъ взглядѣ на дѣло, при вѣншемъ, такъ-сказать, отношеніи къ совершившемуся факту. Но при внутренней оцѣнкѣ его, при сопоставленіи историческаго хода развитія нашихъ городовъ съ основными принципами городского положенія источникъ такого неожиданнаго явленія въ новой жизни городовъ обнаруживается до полной очевидности.

Явленіе это слишкомъ капитальное во вновь начинающейся внутренней жизни нашихъ городовъ, слишкомъ богатое разнообразными послѣдствіями въ будущемъ, чтобы на немъ не остановиться нѣсколько повнимательнѣе.

„Имущественная“, но „не личная заинтересованность“ въ городскомъ общественномъ самоуправленіи, легшая въ основу городской реформы, взята, какъ форма, уже испробованная историческою жизнью нѣкоторыхъ западно-европейскихъ городовъ, изъ городскихъ законоположеній Европы, въ настоящемъ случаѣ считающихся образцовыми и достойными подражанія. Законоположеніи эти руководились принципомъ, что всеобщая подача голосовъ — мечъ обоюдоострый, и потому въ городскомъ общественномъ самоуправленіи она не должна имѣть мѣста, „чтобы не допускать преобладанія большинства надъ меньшинствомъ, неизбежнаго при совокупной подачѣ голосовъ всѣми избирателями“

(Объясн. къ город. полож., стр. 32, 37). До настоящаго времени большинство было на сторонѣ безцензныхъ обывателей и малоцензныхъ. Малоцензные и безцензные обыватели могли быть и нерѣдко были опаснымъ для городскихъ интересовъ орудіемъ въ рукахъ вліятельныхъ капиталистовъ и вообще мѣстныхъ городскихъ коноводовъ, которые періодически, а чаще передъ выборами и особенно выдающимися общественными сходами, задабривали своихъ кліентовъ то обѣдами, то попойками, то „отпускомъ топлива изъ городскихъ дачъ“, то запугиваньемъ „насолить въ торговлѣ“, „не дать ходу“, то, наконецъ, открытіемъ кредита по торговлѣ для мелкихъ городскихъ торговцевъ и торговкохъ. Это вредное вліяніе слѣдовало устранить, и новый законъ принялъ мѣры для этого устранения. „Имущественная заинтересованность“ была едва-ли не первою изъ этихъ мѣръ: она отстранила не только отъ вліянія на общественныя дѣла, но и отъ всякаго участія въ нихъ всѣхъ безцензныхъ обывателей. Остались нетронутыми только малоцензные. Но когда въ новое городское общественное самоуправленіе вводились новые элементы уничтоженіемъ сословности въ городскомъ представительствѣ, то въ числѣ новыхъ элементовъ введено было большее число безцензныхъ новыхъ гражданъ, чѣмъ имѣющихъ какой-либо цензъ, хотя-бы малый, и, такимъ образомъ, въ сущности новыя элементы вошли въ преобразованное городское общественное управленіе самымъ ничтожнымъ процентомъ, бессильнымъ измѣнить въ значительной мѣрѣ, — не говоримъ уже радикально, — исторически сложившійся строй городской общественной жизни. Въ числѣ безцензныхъ, т. е. опять-таки устраненныхъ отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, оказался почти весь контингентъ „образованныхъ“, „развитыхъ“ горожанъ, именно тѣхъ самыхъ, которыхъ городова реформа особенно желала привлечь къ участію, по возможности самому активному, въ городскихъ дѣлахъ, въ видахъ „коренного обновленія“ существующихъ городскихъ порядковъ (указъ правит. сен. отъ 16-го іюня 1870 г. и Город. Полож. съ объясн., стр. 32—33 и др.).

Какимъ-же образомъ произошло это нежелательное и, повидимому, невольное удаленіе отъ городскихъ дѣлъ наиболѣе интеллигентныхъ элементовъ? Это произошло отъ того, что весь контин-

гентъ послѣднихъ элементовъ составляли почти исключительно „наиматели жилыхъ помѣщеній“ въ городахъ или „квартиранты“.

Изъ „объясненій“, приложенныхъ къ городовому положенію, видно, что наймателей жилыхъ помѣщеній предполагалось ввести въ составъ активнаго городского представительства. Мотивы въ пользу этого предположенія приводились весьма вѣскіе. Между прочимъ высказывалось, напр., что „нынѣшнее общественное устройство городовъ признается неудовлетворительнымъ отъ того главнымъ образомъ, что въ составѣ общественнаго представительства не принимаютъ участія лица, принадлежащія къ образованнымъ классамъ населенія, и потому безъ прочнаго обезпеченія этого участія едва-ли возможно было-бы считать преобразование городского управленія вполне совершившимся, какъ то сознаютъ и многія изъ самихъ городскихъ обществъ, въ настоящемъ ихъ составѣ, выражавшихъ, чрезъ своихъ представителей, желаніе привлечь къ участію въ завѣдываніи общественными дѣлами такихъ изъ жителей города, которые, не удовлетворяя опредѣляемымъ условіямъ для полученія избирательнаго права, могли-бы принести обществу пользу своими познаніями“, что это обстоятельство дало-бы полную возможность городамъ „восполнить составъ новаго своего управленія образованными людьми изъ разряда наймателей жилыхъ помѣщеній, каковы, напримеръ, мировые судьи, другія лица судебнаго вѣдомства, адвокаты, доктора и т. п.“; что эти лица „принесли-бы несравненно больше пользы, чѣмъ многіе изъ торговцевъ и промышленниковъ, которые допускаются положеніемъ къ участію въ городскихъ дѣлахъ“; что, наконецъ, казалось справедливымъ, „что уровень городского общественнаго устройства можетъ быть поднятъ подъ тѣмъ, и едва-ли не единственнымъ во многихъ городахъ, условіемъ, чтобы допущенъ былъ налогъ на наемныя жилища помѣщенія, съ предоставленіемъ квартирантамъ общихъ правъ по завѣдыванію городскими общественными дѣлами, и что обстоятельствомъ симъ, быть можетъ, обусловливается весь успѣхъ примѣненія настоящаго положенія“ (Город. полож. съ объясн., стр. 142—143).

Съ другой стороны, весьма законная въ столь важномъ дѣлѣ осторожность не могла не остановиться на мнѣніи, что „было-бы

предпочтительнѣе выждать, какъ сложится само, на практикѣ, организуемое нынѣ городское управленіе и какія потребности вызоветь оно впослѣдствіи, не навязывая городскому обществу массы новыхъ лицъ, которыхъ оно, быть можетъ, не захочетъ нѣтъ въ своей средѣ и представить достаточныя къ тому основанія“, и что „въ большинствѣ уѣздныхъ нашихъ городовъ наниматели квартиръ—мелкіе чиновники, для которыхъ обще-городскіе интересы представляются совершенно чуждыми“ (тамъ-же, 148).

Какъ-бы то ни было, но на основаніи мотивовъ, признанныхъ весьма уважительными, вся эта масса безценныхъ обывателей устранена отъ участія въ городскихъ дѣлахъ. Это-то обстоятельство и было существенною причиною того, что новые элементы вошли въ общественное самоуправленіе только въ размѣрѣ 6—7%.

Неизвѣстно, какъ пойдетъ дальше желательное обновленіе городовъ; но первые признаки будущаго уже нѣсколько выясняются. Безспорно, городская общественная жизнь вступила на новый путь, и хотя первые шаги общества на этомъ пути еще нерѣшительны, однако, проявляются уже реальныя доказательства внутренней самодѣтельности, хотя слабо и, повидимому, также нерѣшительно. Можетъ быть, внутренняя слабость эта имѣетъ начало въ экономическомъ положеніи городовъ и въ безпорядочности ихъ хозяйства, поземельнаго устройства и проч.: дѣйствительно, большинство городовъ вправдѣ сказать, что они очень еще бѣдны; что городскихъ средствъ не хватаетъ на самыя неотложныя городскія нужды, на замощеніе почти нигдѣ немощеныхъ улицъ, на освѣщеніе, положительно находящееся въ младенческомъ состояніи въ провинціяхъ и даже нерѣдко совсѣмъ отсутствующее, на снабженіе городовъ водою, на устройство пожарной и полицейской части, на санитарныя нужды въ гигиеническомъ отношеніи и на нужды по охраненію народнаго здоровья, по обезпеченію даже населенія со стороны благотворительности, не говоря уже о вопіющихъ нуждахъ по предоставленію большинству городского населенія начальнаго обученія; что запасныхъ капиталовъ у городовъ почти не существуетъ; что городскія кассы большею частью обременены еще долгами отъ прежнихъ лѣтъ;—но нельзя не признать, что съ своей стороны при-

знаютъ и нѣкоторые наиболѣе развитые члены городскихъ обществъ,—что у нихъ людей мало, разумѣя подъ послѣдними такихъ, которые, не будучи обременены своими коммерческими дѣлами и обладая достаточнымъ запасомъ знаній, могли-бы всецѣло посвятить себя служенію общественнымъ интересамъ; городскія общества не могутъ также не видѣть, и теперь еще съ большою осязательностью, чѣмъ когда-либо, что у нихъ нѣтъ людей собственно образованныхъ или очень мало такихъ. Оттого во многихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, сознавшихъ эту исторически-слабую сторону общественнаго управленія, городскія общества, желая поправить этотъ капитальный недостатокъ, стараются по возможности привлекать къ общественному управленію, даже къ полному руководству всею административною и экономическою жизнью городовъ не капиталы, не денежное или родовое представительство, а образованіе, знаніе, служебную опытность и независимость отъ всякой личной коммерческой тяготы: въ городскіе головы стали выбирать людей не капитала, а преимущественно образованія: профессоровъ, докторовъ и прочій интеллигентный людъ (въ Казани, Кіевѣ, Москвѣ и т. д.).

Но за всѣмъ тѣмъ нашимъ городамъ все еще чего-то не достаетъ, а въ сущности, недостаетъ очень многого.

Сами городскія общества, при ихъ самостоятельномъ и даже до извѣстной степени привилегированномъ положеніи, едва-ли рѣшатся высказать открыто, чего имъ недостаетъ. Но имъ недостаетъ именно тѣхъ силъ, которыя, изъ понятной предосторожности, имъ не хотѣли „навязывать“ (город. полож. съ объясн., стр. 148). То „большинство“, которое и прежде оставляло правильное развитіе общественныхъ формъ самоуправленія, которое отдавалось въ руки испоконнымъ воротиламъ всякаго городского общества, воротиламъ къ своему собственному карману,—не перестало быть „большинствомъ“, по-прежнему покорнымъ вліятельной волѣ и карманамъ этихъ воротиль, а „меньшинство“, съ внесеніемъ новыхъ силъ въ городское общественное дѣло, не усилилось настолько численно, чтобы перестать быть прежнимъ благонамѣреннымъ, но безсильнымъ „меньшинствомъ“, чтобы, присоединивъ къ своей фракціи 6 — 7% такъ-называемыхъ дворянъ или вообще непромышленныхъ классовъ и

подкрѣпивъ себя фракціею безценныхъ нанимателей жилищъ помѣщеній, фракціею по преимуществу образованною — мировыми судьями, лицами судебного вѣдомства, адвокатами, докторами, профессорами, учителями гимназій и проч., — могло возрасти, но малой мѣрѣ, до 35—40% и, такимъ образомъ, составить чувствительный противовѣсъ преобладающему вліянію промышленниковъ и комерсантовъ во всѣхъ трехъ группахъ городского представительства. Городскія общества, при ихъ настоящемъ составѣ, смѣло можно сказать, не захотятъ высказаться въ этомъ именно смыслѣ, потому что такая откровенность будетъ имъ не выгодна, а высказываться за городскія общества никто, по закону, не уполномоченъ; слѣдовательно, право петиціи остается въ этомъ случаѣ только за здравомыслящей и благонамѣренной прессой, въ которой, безъ сомнѣнія, и будутъ высказываться, отъ времени до времени, тѣ существенныя потребности въ общественной организаціи, которыя чѣмъ дальше, тѣмъ осязательнѣе будутъ чувствуемы самими городами. Но во всякомъ случаѣ мы убѣждены, что развитіе городовъ укажетъ на положительную необходимость, можетъ быть, въ ближайшемъ будущемъ, той мѣры, которая въ настоящее время съ такою предусмотрительностію обойдена, чтобы — по выраженію „объясненій“ къ городскому положенію — „не навязывать городскому обществу массы новыхъ лицъ, которыхъ оно, быть можетъ, не захочетъ имѣть въ своей средѣ“.

Что же касается того, будто въ большинствѣ уѣздныхъ городовъ наниматели квартиръ — мелкіе чиновники, „для которыхъ обще-городскіе интересы представляются совершенно чуждыми“, то это обстоятельство не помѣшало-бы, по нашему мнѣнію, полезности обойденной мѣры, такъ какъ этотъ доводъ по отношенію къ губернскимъ городамъ не имѣлъ-бы уже мѣста, а съ другой стороны, даже и для мелкихъ чиновниковъ обще-городскіе интересы едва-ли могутъ быть совершенно чуждыми, такъ какъ и для чиновниковъ не все равно, а пожалуй, и гораздо важнѣе, чѣмъ для другихъ лицъ, жить въ такомъ городѣ, гдѣ улицы хорошо вымощены и хорошо освѣщаются, гдѣ есть хорошая вода, гдѣ санитарныя условія удовлетворительны, а учебныя заведенія соотвѣтствуютъ потребностямъ времени: бѣдному чиновнику

и вообще бѣдному человѣку ни въ какомъ случаѣ не должны быть чужды обще-городскіе интересы, какъ какъ для него всѣ удобства жизни имѣютъ большую цѣну, чѣмъ для богатаго, который, при своихъ средствахъ, можетъ вездѣ жить хорошо и пользоваться относительными удобствами.

Разсмотрѣніе другихъ сторонъ городского общественнаго управления и вообще всѣхъ наиболѣе рельефныхъ явленій въ жизни городовъ, вызванныхъ гороховою реформою, а равно сопоставленіе этихъ явленій съ жизнью городовъ западной Европы мы отлагаемъ до слѣдующаго раза.

Д. С—о.

(Продолженіе будетъ.)

БАТРАКЪ.

Съ гордостью гусарской, словно всё на диво,
На простыя дровни сълъ батракъ красивый.
Сѣно господина сvezь онъ для продажи
И назадъ несиѣшно ѣдетъ безъ поклажи.

Шесть воловъ гнѣвныхъ тащутъ парня къ дому.
Колоколь повѣшенъ къ шеѣ коренному
И гудитъ немолчно,—могъ-бы, безъ сомнѣнья,
Онъ собой украсить храмъ въ любомъ селеньи.

Брикнувъ коренному: „шевелись проклятый!“
Парень поднимаетъ бичъ свой узловатый:
Въ пять аршинъ веревка, палка въ два аршина,—
Въ воздухъ имъ звонко щелкаетъ дѣтина.

Лентою дорога вьется мимо сада,
Гдѣ траву батрачка полетъ за оградой,
Полетъ и не смотреть, кто тамъ ѣдетъ мимо,—
А сама ужъ знаетъ: это онъ, любимый!

Щелкнулъ онъ такъ громко, что подъ эти звуки,
Вмѣсто травъ, цвѣты ей подвернулись въ руки,—
Сорвала—что-жь дѣлать?—Черезъ плетень гибкій
Бросила она ихъ милому съ улыбкой.

Не таковъ онъ парень, чтобъ бѣжать стыдливо
Отъ такихъ подарковъ, чтобъ смотрѣть спѣсиво
На красивыхъ женщинъ,—дѣвушка-же эта
Для него дороже и милѣ свѣта.

Шляпу онъ украсилъ этими цвѣтами,
Сълъ на дровни, бичъ свой поднималъ надъ волами,
Щелкнулъ имъ, прикрикнувъ на уснувшихъ строго,
И важнѣй, чѣмъ прежде, тронулся въ дорогу,

Все, что умъ и сердце смутно волновало,
Что сказать словами силы не достало,
Высвисталъ онъ звонко,—пѣснѣ той раздольной
Могъ-бы поучиться жаворонокъ вольной.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ТЮРЕМНАЯ РЕФОРМА.

Въ нашей общественной жизни есть много такихъ вопросовъ, которые постоянно стоятъ на очереди своего разрѣшенія и постоянно не разрѣшаются вполнѣ, т. е. остаются все тѣми-же вѣчноновыми и очередными вопросами. Къ числу ихъ относится и тюремный, очень старый вопросъ. Десять лѣтъ тому назадъ о немъ заговорили особенно громко и въ литературѣ, и въ правительственныхъ сферахъ; десять лѣтъ тому назадъ вниманіе общества было обращено на неудовлетворительное состояніе нашихъ тюремъ. И чѣмъ больше знакомилась публика, благодаря главнымъ образомъ печати, съ положеніемъ „заключенниковъ“, тѣмъ болѣе несчастная судьба ихъ возбуждала вниманіе общества. Оно узнало, что въ нашихъ тюрьмахъ не принимается никакихъ мѣръ къ воспитанію и исправленію преступниковъ, которые еще такъ недавно сидѣли по нѣскольку лѣтъ въ нашихъ мрачныхъ острогахъ. Оно узнало, что въ нашихъ тюрьмахъ нѣтъ ни школъ, ни библіотекъ, ни книгъ, ни правильно организованнаго труда, что арестантъ проводитъ время въ развращающей праздности, что никому и въ голову не приходитъ научить ихъ какимъ-нибудь ремесламъ, или, по крайней мѣрѣ, хоть грамотѣ. Оно узнало, что наши тюрьмы такъ-же мало удовлетворяютъ элементарнымъ требованіямъ гігіены, какъ и педагогическимъ цѣлямъ; что заключенные помѣщаются, въ большинствѣ случаевъ, въ сырыхъ, холодныхъ, дурно вентилированныхъ и полутемныхъ казематахъ;

что они кормятся впроголодь, что они ночь и день дышать испорченнымъ воздухомъ, что высшій надзоръ за ними поручается, обыкновенно, грубымъ, невѣжественнымъ, почти безграмотнымъ смотрителямъ изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ и выслужившихся полицейскихъ, что подслѣдственные не отдѣляются отъ подсудимыхъ, старне отъ малыхъ, и что даже раздѣленіе половъ имѣетъ мѣсто только на бумагѣ, а не въ дѣйствительности. Оно узнало, наконецъ, что, несмотря на существованіе общихъ законодательныхъ постановленій о содержащихся подъ стражею (т. XIV св. зак. устав. содерж. подъ страж.), почти каждая тюрьма имѣетъ свой *уставъ*, вполне зависящій отъ личнаго произвола смотрителя, да отъ болѣе или менѣе буйнаго или кроткаго характера ея обитателей; оно узнало, однимъ словомъ, что въ нашихъ тюрьмахъ царитъ полный хаосъ, и что къ веденію тюремнаго дѣла у насъ во всей точности примѣняется принципъ личнаго усмотрѣнія. Все это оно узнало, какъ мы сказали, главнымъ образомъ черезъ посредство литературы; нѣсколько талантливыхъ писателей, имѣвшихъ возможность лично ознакомиться съ жизнью нашего острога, посвятили публику въ тайны этой жизни и, повидимому, заинтересовали ее положеніемъ несчастныхъ арестантовъ. До того времени она ими интересовалась только тогда, когда ихъ проводили передъ нею, — больныхъ и изнуренныхъ, въ арестантскихъ лохмотьяхъ, съ желѣзными оковыми на рукахъ и ногахъ... Теперь она стала задумываться надъ положеніемъ арестанта; но что-же могло выйдти изъ этого раздумыванія? Рядъ болѣе или менѣе основательныхъ, болѣе или менѣе интересныхъ оригинальныхъ и компилятивныхъ статей о *тюремнозъ вопросѣ* и больше ничего. Другого выхода, кромѣ писанья, не было. Правда, по буквѣ закона, обществу давалась, повидимому, возможность болѣе прямого и чисто-практическаго вмѣшательства въ судьбу арестантовъ, но эта возможность, какъ мы увидимъ ниже, была скорѣе фивтивная, чѣмъ реальная, а потому оно и не могло ею воспользоваться. А между тѣмъ, потребность въ реформированіи нашей тюремной системы становилась все настоятельнѣе и настоятельнѣе. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній, введеніе судебныхъ уставовъ и, еще раньше этого, реформа слѣдственной части значительно увеличили число ежегодно приговариваемыхъ къ тѣ-

ремному заключенію *), вмѣстѣ съ всѣхъ ихъ въ старья, негодныя, полуразвалившіяся тюрьмы не представлялось просто физической возможности. Съ другой стороны, благодаря развитію мирового института, наказанію тюремнымъ заключеніемъ стали подвергаться такія лица, которыя прежде могли разсчитывать на тюрьму, только совершивъ какое-нибудь тяжелое уголовное преступленіе. Теперь же стоило только побить кухарку или лакея, полюбезничать на улицѣ съ незнакомой барышней, учинить въ публичномъ мѣстѣ какое-нибудь „легонокое“ безобразіе, глядишь, и попалъ въ тюрьму. Тюрьма гостепріимно открыла свои двери передъ людьми „всѣхъ сословіи и состояній“. Многимъ изъ тѣхъ, которые до сихъ поръ знали ее только по книжкамъ, пришлось познакомиться съ нею по личному опыту. Благодаря этому обстоятельству, интересъ къ тюрьмѣ, отличавшійся въ началѣ чисто-филантропическимъ и, такъ сказать, отвлеченнымъ характеромъ, получилъ болѣе реальную, болѣе практическую окраску. Мы вдругъ какъ-бы почувствовали, что тюрьма у насъ „не за горами, а за плечами“ и что все касающееся ея внутренней и внѣшней жизни, все касающееся судьбы ея обитателей, касается и насъ лично, потому что всѣ мы, хотя „и невняны отъ рожденія, но вѣдь, бывають столкновенія, когда неволью мы *грѣшимъ*“. А насчетъ этихъ *грѣховъ* Уставъ о нак., нал. мир. суд., отмѣнно ясенъ и точенъ.

И такъ, теперь уже не въ силу какихъ-нибудь абстракт-

---

*) Въ Военно Статистическомъ Сборникѣ мы находимъ объ этомъ предметѣ слѣдующія данныя (Вып. IV, стр. 907):

1860 г. 1861 г. 1862 г. 1863 г. 1864 г. 1865 г. 1866 г. 1867 г.

Приговорено къ заключенію вообще.	6,120	7,037	8,470	15,499	16,556	17,224	20,771	18,075
Къ заключенію въ тюрьмѣ	2,529	3,202	3,683	8,975	10,619	10,730	15,180	15,887

Слѣдовательно, число лицъ, ежегодно приговариваемыхъ къ заключенію вообще (т. е. къ заключенію въ крѣпость, въ смиренительный и рабочіе дома, въ тюрьму) въ концѣ 60-тыхъ годовъ (1867 г.) въ три раза превышало число приговоренныхъ къ тому же наказанію въ 1860 г.; а число лицъ, приговоренныхъ къ заключенію въ тюрьмѣ въ 1867 году, превысило въ шесть разъ число лицъ, отправленныхъ въ тюрьму въ 1860 г. Въ послѣдующіе годы число лицъ, приговариваемыхъ къ тюремному заключенію и къ заключенію въ рабочемъ домѣ, стало еще значительнѣе, хотя, къ несчастію, точныхъ данныхъ объ этомъ предметѣ въ обращеніи публики не имѣется.

ныхъ соображеній, а просто изъ благоразумной предусмотрительности, мы почувствовали необходимость въ тюремной реформѣ. Но изъ этого, вѣроятно, немного вышло-бы толку, если-бы вмѣстѣ съ нами не почувствовали той-же необходимости и въ высшихъ административныхъ сферахъ. Оставить тюрьмы въ прежнемъ положеніи было невозможно: во первыхъ, ихъ неудовлетворительное состояніе стало какою-то „притчею во языцѣхъ“; во вторыхъ, онѣ совершенно перестали удовлетворять новымъ потребностямъ юстиціи; въ третьихъ, беспорядокъ и хаосъ дошли въ нихъ до такой степени, что уже никакъ нельзя было долѣе упорствовать въ принципѣ *личнаго усмотрѣнія*. Администрація стала собирать о нихъ точныя свѣденія, прислушалась къ голосу печати, разслала своихъ ревизоровъ, и пришла, наконецъ, къ заключенію, что „тюрьмы наши требуютъ коренного преобразованія“. Такимъ образомъ организовалась особая коммиссія, въ составъ которой вошли представители отъ всѣхъ вѣдомствъ. Коммиссія выработала *проектъ тюремнаго преобразованія*, проектъ, построенный на чисто-бюрократическихъ началахъ и требовавшій исключенія общественнаго элемента отъ участія въ завѣдываніи тюремнымъ дѣломъ. По мнѣнію членовъ коммиссіи, вся бѣда отъ того только и произошла, что законъ предоставляетъ завѣдываніе нравственною и хозяйственною частями тюремъ частнымъ лицамъ — такъ называемому попечительному о тюрьмахъ обществу. Это общество, говорила коммиссія въ своей объяснительной запискѣ, управляя мѣстными тюрьмами черезъ свои мѣстные комитеты и отдѣленія, постоянно уклонялось отъ своихъ прямыхъ цѣлей, небрежно хозяйничало и вторгалось въ чуждую ему полицейско-административную сферу. Обязанное по закону наблюдать за тѣмъ, чтобы смотрители тюремъ исполняли всѣ правила по надзору за благочиніемъ, размѣщеніемъ арестантовъ по полу, возрасту, роду преступленій, чтобы ихъ проступки противъ тюремной дисциплины карались безпристрастно, общество будто-бы (такъ увѣряла коммиссія) стѣспало право смотрителей, потворствовало арестантамъ, порождало неправильныя столкновенія и пререканія съ администраціею. Потому коммиссія полагала всѣ попечительныя о тюрьмахъ комитеты закрыть, завѣдываніе администраціею, полиціею и хозяйствомъ тюремъ передать въ руки начальника тюрьмы, его помощника и

эконома; для нравственнаго вліянія на арестантовъ къ означеннымъ лицамъ должны были быть присоединены священникъ и учитель грамотности. Въ проектѣ этомъ оказалось такъ много несообразнаго и непрактичнаго, что администрація, не давая ему дальнѣйшаго хода, отослала его на заключеніе и обсужденіе тюремныхъ комитетовъ. Тюремные комитеты, въ пухъ и прахъ раскритикованные комиссією, разумѣется, поступили по пословицѣ: „долгъ платежемъ красенъ“. Проектъ былъ признанъ неудобнымъ къ употребленію и положенъ подъ спудъ. Но самой тюремной реформы нельзя было спрятать туда-же; *неотложность* ея, какъ мы видѣли, была слишкомъ очевидна. Ревизіи и сборы матеріаловъ продолжались, производились кое-какія частныя измѣненія и реформы; мысль о коренномъ преобразованіи не покидала администрацію; наконецъ, было рѣшено сочинить новый проектъ и для этого учредить новую комиссію. 1 февраля 1872 года, дѣйствительно, состоялось распоряженіе объ образованіи комиссіи „для составленія общаго систематическаго проекта тюремнаго преобразованія“. Предсѣдателемъ комиссіи назначенъ былъ извѣстный авторъ „Тарантаса“, графъ Сологубъ. Срокомъ для окончанія ея работъ опредѣленъ былъ годичный. Лѣтомъ прошлаго года въ Лондонѣ собрался международный тюремный конгрессъ. Официальнымъ представителемъ Россіи былъ посланъ на этотъ международный конгрессъ, вмѣстѣ съ генераломъ Анненковымъ и предсѣдатель нашей комиссіи, графъ Сологубъ. Графъ Сологубъ счелъ, разумѣется, своимъ долгомъ представить конгрессу „основныя начала“ выработаннаго комиссією проекта. Эти „основныя начала“, какъ официальный документъ, были приобщены къ дѣламъ конгресса, а затѣмъ, въ томъ же году, изданы въ сборникѣ матеріаловъ конгресса. Сборникъ этотъ, составленный подъ редакціей секретаря конгресса Эдвина Пирса (Pears), носитъ названіе „Prisons and Reformatories at Home and Abroad“. Изъ него-то мы позаимствуемъ главнѣйшія положенія Сологубовскаго проекта, не вдаваясь притомъ нисколько въ его критическую оцѣнку. Всѣ дальнѣйшія цитаты будутъ дѣлаться изъ „очерка основныхъ принциповъ тюремной реформы въ Россіи, графа Сологуба“ (Sketch of the fundamental principles of Prison Reform in

Russia, by Count Sollohub, занимаетъ въ упомянутомъ сборникѣ 13 страницъ, съ 710—723).

По мысли гр. Сологуба, слѣдуетъ прежде всего ввести строгую классификацію мѣстъ заключенія, сосредоточить завѣдываніе ими *исключительно* въ рукахъ администраціи, съ рѣшительнымъ устраненіемъ вѣзпательства въ ихъ управленіе не *официальныхъ лицъ*; затѣмъ, въ интересахъ нравственнаго исправленія, съ одной стороны, и уголовного возмездія, съ другой, — необходимо ввести строгую дисциплину, обязательную работу, разъединять заключенныхъ на ночь, предоставить „священнику и учителю по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, послѣ обѣдни, бесѣдовать съ заключенными о законѣ Божіемъ, церковной исторіи, географіи и о предметахъ техническихъ“. Наши теперешнія, нереструктурированные тюрьмы точно также признаютъ эти средства въ принципѣ, хотя и не имѣютъ никакой возможности примѣнить ихъ на дѣлѣ. Опытъ западной Европы, и въ особенности Англій гдѣ они примѣняются съ буквальной точностью, не много говоритъ въ пользу ихъ. Они такъ далеко не достигаютъ своей цѣли, что, въ Англій, напр., едва успѣетъ арестантъ выйдти изъ тюрьмы, какъ тотчасъ опять попадаетъ въ нее за какое нибудь новое преступленіе *). Поэтому остается весьма сомнительнымъ, насколько улучшатся нравственныя условія арестантской жизни, при помощи мѣръ, рекомендуемыхъ г. Сологубомъ; во всякомъ случаѣ, болѣе или менѣе строгое примѣненіе ихъ на практикѣ еще не можетъ повести за собою никакого „кореннаго преобразованія“ существующей у насъ тюремной реформы. Но они и составляютъ существенную часть проекта; его существенныя, основныя, его наиболѣе капиталныя положенія исключительно вращаются около вопроса о тюремной администраціи. По этой части, дѣйствительно, предполагаются „коренныя преобразова-

*) Среднимъ числомъ въ нѣкоторыхъ англійскихъ и ирландскихъ тюрьмахъ число рецидивистовъ доходитъ до 35—40%. Общее число рецидивистовъ въ Англій, въ послѣднее время, значительно увеличилось, что видно изъ слѣдующей таблицы, составленной по новѣйшимъ даннымъ майора Дю-Кена, генерала инспектора англійскихъ тюремъ:

	Число рецидивистовъ.
1854—60	357.
1869—72	423.

нія",—но только по одной этой. Нынѣшнее тюремное управление проектъ желаетъ измѣнить такимъ образомъ: во главѣ управленія должно находиться высшее, центральное учрежденіе, состоящее изъ *главнаго инспектора тюремной части, совѣта главнаго управленія и канцеляріи*. Совѣтъ главнаго тюремнаго управленія имѣетъ свою задачу: а) предварительное обсужденіе законодательныхъ работъ и соображеній, до тюремной части касающихся; б) завѣдываніе устройствомъ и организаціею тюремъ на законныхъ основаніяхъ. Онъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ главнаго тюремнаго инспектора, изъ его помощниковъ и членовъ отъ медицинскаго и другихъ вѣдомствъ, дѣятельность которыхъ соприкасается съ тюремнымъ дѣломъ. Во всѣхъ случаяхъ, касающихся собственно администраціи, тюремное вѣдомство *подчиняется прямымъ распоряженіямъ главнаго инспектора*. Въ его рукахъ сосредоточивается фактически вся дѣйствительная власть въ дѣлѣ тюремнаго управленія. Онъ обязанъ при этомъ слѣдить за общимъ исполненіемъ законовъ и за точностью расчетовъ по тюремнымъ работамъ; онъ-же отвѣтственное лицо за порядокъ ввѣренной ему части. Какъ онъ, такъ и его помощники должны время отъ времени дѣлать ревизіи всѣмъ мѣстамъ заключенія. Въ каждой губерніи или области назначается губернской или областной тюремный инспекторъ. Онъ-же и начальникъ пересыльной части. Губернскому тюремному инспектору подчинены всѣ тюрьмы, въ предѣлахъ губерніи находящіяся. Отъ него-же зависитъ комплектованіе личнаго состава управленія ихъ. Въ уѣздахъ устанавливается почетная должность *попечителя уѣздныхъ мѣстъ заключенія*. Внутреннее управленіе каждой тюрьмой возлагается на тюремныхъ начальниковъ, отвѣтственныхъ за исправность ввѣренныхъ имъ учреждений передъ губернскимъ тюремнымъ инспекторомъ, которому они вполнѣ подчинены. Начальники тюремъ центральныхъ, къ которымъ относятся каторжныя тюрьмы и исправительные дома, называются *директорами*; начальники губернскихъ тюремъ (арестные дома, мѣста полицейскаго задержанія и судебного, дома смирительные) такъ и называются начальниками тюремъ. При такой бюрократической системѣ тюремнаго управленія, очевидно, всякое участіе элементовъ общественныхъ, неофициальныхъ должно быть безусловно исключено. Гр. Сологубъ предлагаетъ совершенно упразднить

„Попечительное о тюрьмахъ общество“, со всѣми его комитетами. Взамѣнъ его онъ считаетъ возможнымъ допустить учрежденіе новыхъ тюремныхъ обществъ, строго ограничивъ ихъ дѣятельность одною частною благотворительностью и отнявъ у нихъ всякое официальное значеніе. Общества эти, исключительно филантропическія, совершенно устраняются отъ завѣдыванія тюремною администраціею, имъ предоставляется только право дѣлать тюремному начальству сообщенія о желательныхъ улучшенияхъ въ мѣстахъ заключенія. Но начальство, въ свою очередь, ни сколько не обязывается принимать эти сообщенія къ свѣденію. Цѣль тюремныхъ обществъ, по мысли Сологубовскаго проекта, должна состоять въ слѣдующемъ: они должны заботиться объ устройствѣ и украшеніи храмовъ въ мѣстахъ заключенія, о снабженіи мѣстъ заключенія иконами, а школъ и библиотекъ—книгами, объ учрежденіи пріютовъ для дѣтей заключенныхъ и патронатства надъ освобожденными; наконецъ, членамъ ихъ предлагается вести съ заключенными душеспасительныя бесѣды, при содѣйствіи, однакоже, лицъ духовнаго званія. Всѣ тѣ обязанности, которыя въ настоящее время лежатъ на попечительномъ о тюрьмахъ обществѣ, какъ-то: „постоянное наблюденіе за правильнымъ размѣщеніемъ арестантовъ, за продовольствіемъ ихъ пищею, за содержаніемъ всѣхъ мѣстъ заключенія въ исправности, за попеченіемъ объ одеждѣ, бѣльѣ, обуви заключенныхъ и за точнымъ исполненіемъ всѣхъ правилъ, въ законѣ по тюремному вѣдомству опредѣленныхъ“,—всѣ эти обязанности возлагаются на главное тюремное управленіе, главнаго тюремнаго инспектора и мѣстныхъ губернскихъ и областныхъ инспекторовъ.

Въ этой-же чисто-административной реформѣ и состоитъ главная суть того „коренного преобразованія“ тюремной части, которое предлагаетъ проектъ. Какovy будутъ практическія послѣдствія этой реформы, будутъ-ли они лучше практическихъ послѣдствій нынѣ дѣйствующей системы,—объ этомъ трудно судить а priori. Можно только предполагать, судя по нѣкоторымъ аналогіямъ, они не будутъ ни лучше, ни хуже. Въ военномъ, напримѣръ, вѣдомствѣ тюрьмы всегда находились и находятся въ исключительномъ завѣдываніи административной власти, и въ ихъ управленіе никогда не вмешивалось и не вмешивается никакое частное общество; однако, изъ недавно обя-

родованныхъ изслѣдованій г. Никитина (осматривавшаго ихъ по порученію г. военнаго министра) оказывается, что онѣ находятся нисколько не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ наши тюрьмы гражданскаго вѣдомства. То-же самое можно сказать объ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства, о каторжныхъ тюрьмахъ, о бывшемъ въ Петербургѣ исправительномъ домѣ и т. п., хотя въ завѣдываніи всѣми этими мѣстами заключенія попечительное о тюрьмахъ общество не принимало ни малѣйшаго участія. Если и правда, какъ утверждала первая коммиссія, что губернскіе и уѣздные комитеты попечительнаго о тюрьмахъ общества не оказываютъ никакого благотворнаго вліянія на подвѣдомственныя имъ тюрьмы, что они бездѣйствуютъ, неглижируютъ своимъ дѣломъ и т. п., то еще вопросъ—благотворнѣе-ли будетъ вліяніе той единоличной власти (губернскаго инспектора), которая, по проекту второй коммисіи, должна ихъ замѣнить. Едва-ли губернский инспекторъ въ состояніи будетъ болѣе двухъ разъ въ годъ объѣхать всѣ уѣздныя тюрьмы, и едва-ли подобныя объѣзды будутъ представлять болѣе существенный контроль, чѣмъ какой имѣютъ надъ ними теперешніе комитеты. Теперь, по крайней мѣрѣ, если въ число директоровъ мѣстнаго комитета попадетъ личность, серьезно относящаяся къ своимъ обязанностямъ, смотритель тюрьмы не будетъ имѣть возможности слишкомъ всецѣло отдаваться влеченіямъ своего личнаго характера. Директоръ тутъ, подъ бокомъ, онъ можетъ, безъ особеннаго труда, слѣдить за каждымъ его шагомъ, знать каждое его уклоненіе отъ „законныхъ нормъ“. Напротивъ, какъ-бы ни былъ дѣятеленъ и энергиченъ губернский инспекторъ, онъ, посѣщая тюрьму всего какихъ-нибудь два раза въ годъ, не будетъ въ состояніи за всѣмъ углядѣть и во все проникнуть. Кто не знаетъ, какое призрачное, чисто-фигтивное значеніе имѣютъ у насъ періодическія, официальные ревизіи? Нѣтъ основаній предполагать, чтобы ревизіи губернскихъ инспекторовъ имѣли на практикѣ другое, болѣе существенное значеніе.

Но каковы-бы ни были *практическія послѣдствія* проектируемой реформы, они все-таки не могутъ имѣть той первостепенной важности, какую имѣетъ самый *принципъ*, затрогиваемый этою реформою. Очень можетъ быть,—и мы отнюдь этого не отрицаемъ,—что попечительное о тюрьмахъ общество не оправдало надеждъ, возлагавшихся на него администраціею. Но отчего оно

не оправдало ихъ? Оттого-ли, что принципъ, положенный въ основаніе Общества, дуренъ и неразуменъ, или оттого, что тѣ условія, при которыхъ онъ осуществлялся на практикѣ, не соотвѣтствовали его назначенію? Вотъ вопросъ, который слѣдуетъ рѣшить прежде, чѣмъ приступать къ разрѣшенію вопроса объ упраздненіи или сохраненіи дѣйствующихъ тюремныхъ комитетовъ. По мысли законодателя, ясно выраженной въ Уставѣ попечительнаго о тюрьмахъ общества, само общество, въ лицѣ своихъ представителей, — „людей, извѣстныхъ своимъ благомысліемъ, честностью и человѣколюбіемъ“, должно быть призвано къ непосредственному контролю и наблюденію надъ исполненіемъ мѣръ, принимаемыхъ администраціею, въ интересахъ общественной-же безопасности, относительно тѣхъ, которые нарушаютъ эту безопасность. Кто, какъ не общество, всего болѣе должно быть заинтересовано въ точномъ осуществленіи этихъ мѣръ, если онѣ хороши, и кому, какъ не обществу, легче всего узнать, хороши онѣ или дурны, соотвѣтствуютъ или не соотвѣтствуютъ предположенной цѣли? Каждый частный человѣкъ, каково-бы ни было его общественное положеніе, степень его развитія, направленіе его дѣятельности и т. п., лично заинтересованъ въ томъ, чтобы его „законныя права“ какъ можно рѣже нарушались и чтобы отъ людей, разъ уже изобличенныхъ въ подобныхъ нарушеніяхъ, отнималась на будущее время возможность вредить ему. Слѣдовательно, каждый частный человѣкъ лично заинтересованъ въ удовлетворительномъ состояніи тюремъ, и въ особенности въ томъ, чтобы преступники выходили изъ нихъ нравственно перевоспитанными, не вредными, а полезными членами общества. Отъ дурныхъ тюремъ, развращающихъ и ожесточающихъ арестантовъ, частные интересы страдаютъ гораздо болѣе, чѣмъ интересы чисто-государственные. Исходя изъ этой совершенно вѣрной точки зрѣнія, законодатель призналъ необходимымъ сдѣлать само общество участникомъ въ завѣдываніи и управленіи тюрьмами. Нельзя, конечно, не видѣть, что подобная мѣра весьма мало гармонировала съ общимъ характеромъ тогдашняго законодательства, и что принципъ, положенный въ основу „попечительнаго о тюрьмахъ общества“, шелъ въ разрѣзъ со всѣмъ строемъ нашей общественной жизни, съ ея укоренившимися обычаями, съ ея господствующими тенденціями. По всей вѣроятности, это-то противорѣчіе и повліяло невыгодно

на дальнѣйшія судьбы Общества. На первыхъ-же порахъ ему пришлось или вступить въ открытую борьбу съ бюрократическими обычаями и т. п., или-же безъ хлопотъ плыть по теченію, сдружиться съ бюрократизмомъ, предпочесть форму сущности... Для перваго у нихъ не было никакихъ легальныхъ средствъ; уставъ Общества, превосходный по своей основной мысли, во всѣхъ своихъ деталяхъ и подробностяхъ былъ крайне неудовлетворителенъ. Онъ не разграничивалъ съ достаточною опредѣленностью сферу дѣятельности „общества“ отъ сферы дѣятельности полицейскихъ и иныхъ административныхъ властей. Въ принципѣ власть комитетовъ была весьма обширна, а въ дѣйствительности крайне ничтожна, потому что смотритель, непосредственный начальникъ тюрьмы, былъ поставленъ относительно ихъ въ совершенно независимое положеніе. У него было свое начальство, и только передъ нимъ однимъ онъ былъ отвѣтственъ; у него была своя *инструкція*, и только одну ее обязанъ онъ былъ исполнять. При этомъ его инструкція находилась въ рѣшительномъ противурѣчьи съ правами, предоставленными обществу. Напр., по уставу о содержащихся подъ стражею, право карать „буйствующихъ арестантовъ“ принадлежитъ комитетамъ, а по инструкціи—исключительно одному смотрителю. Комитетамъ-же дозволяется разрѣшать нѣкоторымъ арестантамъ имѣть свое бѣлье, одежду и пищу; а инструкція предписываетъ смотрителю „со всѣхъ, безъ различія, принятыхъ въ замокъ арестантовъ снимать платье и бѣлье, въ которыхъ они были приведены и, надѣвъ казенныя, отводить въ камеру“; въ другой статьѣ инструкціи говорится, что „никому изъ содержащихся подъ стражею не дозволяется посылать за кушаньемъ или принимать оное отъ проходящихъ“. И еслибы комитеты вздумали, въ подобныхъ случаяхъ, вступать въ борьбу съ полицейскимъ начальствомъ тюремъ, то едва-ли они что-нибудь выиграли-бы, потому что вся фактическая сила и власть все-таки находилась въ рукахъ послѣдняго. Впрочемъ, самый составъ комитетовъ гарантировалъ ихъ отъ подобныхъ столкновений, совершенно парализуя въ то-же время ихъ дѣятельность. По уставу, въ члены и директора комитетовъ предоставлено было выбирать „лицъ обоого пола, благороднаго, духовнаго и купеческаго званія“. Для избранія требовалась рекомендація двухъ членовъ, опредѣленный взносъ и утвержденіе президента

общества (министра внутреннихъ дѣлъ). Повидимому, законъ открывалъ доступъ въ участію въ тюремномъ попечительствѣ всѣмъ желающимъ. Но на практикѣ вышло такъ, что комитеты стали исключительно наполняться официальными, чиновными лицами и ихъ женами. Званіе директора превратилось въ какую-то *должность* и притомъ еще почетную. Оно давало извѣстное положеніе, нерѣдко вело къ наградамъ и отличіямъ и въ то-же время не налагало никакихъ обязанностей: можно было, по желанію, что-нибудь дѣлать и ничего не дѣлать; послѣднее было даже гораздо благоразумнѣе, потому что избавляло отъ всякихъ непріятныхъ столкновеній и пререканій. А такъ какъ у каждаго члена были свои обязательныя занятія по службѣ, по торговлѣ, то, понятно, что у нихъ не являлось ни малѣйшаго желанія мѣшаться въ дѣло, гдѣ ихъ ничего, кромѣ непріятностей, ожидать не могло. Единственная и, въ глазахъ администраціи, самая существенная обязанность, лежавшая на комитетахъ, состояла въ завѣдываніи хозяйствомъ тюремъ или, другими словами, въ доставленіи извѣстныхъ матеріальныхъ средствъ, потребныхъ на ихъ содержаніе. Чтобъ выполнить ее безъ особыхъ хлопотъ, комитеты привлекали, обыкновенно, въ свою среду богатыхъ городскихъ купцовъ, на которыхъ главнымъ образомъ и складывались всѣ комитетскіе обязательныя расходы. Купцы, изъ чести носить званіе директора, получать медали и мундиры, а иногда и болѣе существенныя знаки признательности со стороны высокопоставленныхъ лицъ, скрѣпя сердце жертвовали деньги и вещи, и затѣмъ тщательно устранили себя отъ всякаго вмѣшательства въ тюремную администрацію. Завѣдываніе хозяйствомъ поручалось или одному директору, или непосредственно отъ комитета нанимался особый экономъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ комитетскія деньги, до которыхъ, въ сущности, никому не было дѣла, расходовались совершенно безконтрольно; конечно, при этомъ экономъ или директоръ „по хозяйственной части“ никогда не забывали себя, хотя и рѣдко помнили объ арестантахъ. Однако, какъ-бы небрежно ни велась комитетами хозяйственная часть, все-таки нельзя не сознаться, что безъ ихъ матеріальной помощи наши тюрьмы находились-бы въ настоящее время еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ онѣ находятся теперь. Комитеты, помимо казенныхъ суммъ, отпускаемыхъ на тюрьмы,

ежегодно тратили на нихъ до 900,000 изъ частныхъ пожертвованій. Кромѣ того, они скопили еще запасного капитала до 2 мил. рублей. Вообще, въ финансовомъ отношеніи комитеты были для администраціи не только полезны, но просто необходимы; трудно даже представить себѣ, какъ бы она безъ нихъ извернулась на тѣ скудныя средства, которыя отпускаются по нашему бюджету на содержаніе тюремъ. Но этимъ, къ несчастію, и ограничилась вся ихъ заслуга. Сами комитеты этого не отвергаютъ; они признаются, что за все время своего существованія (съ 1819 года) дѣятельность ихъ не отличалась особенною плодovitостью. Причины этой бездѣятельности они, какъ и мы, видятъ не въ основномъ принципѣ „Общества“, а въ тѣхъ внѣшнихъ условіяхъ, при которыхъ этому принципу суждено было осуществляться на практикѣ. Въ такомъ именно смыслѣ высказалось большинство комитетовъ, возражая на объяснительную записку первой комиссіи по преобразованію тюремной части. И это мнѣніе находитъ себѣ блистательное подтвержденіе въ фактахъ: тамъ, гдѣ дѣятельность комитетовъ поставлена болѣе или менѣе въ благопріятныя условія, гдѣ они могутъ распоряжаться болѣе или менѣе самостоятельно, тамъ они по-возможности старались оправдать возлагаемыя на нихъ надежды, и старанія ихъ остались не безъ успѣха. Въ видѣ примѣра мы можемъ указать на дѣятельность дамскаго отдѣленія петербургскаго комитета и на недавно вышедшій „Отчетъ состоящаго при с.-петербургскомъ тюремномъ замкѣ исправительнаго совѣта за 1872 годъ“. О первой, т. е. о дѣятельности дамскаго отдѣленія, мы не можемъ здѣсь распространяться, потому что ежегодные отчеты этого отдѣленія не находятся въ обращеніи публики; скажемъ только, что, благодаря его заботливости, женское отдѣленіе с.-петербургскаго тюремнаго замка, до послѣдняго времени, во всѣхъ отношеніяхъ могло возбуждать соревнованіе мужскаго отдѣленія той-же тюрьмы. У женщинъ и пища была лучше, и обращеніе съ ними отличалось большею гуманностью, и на нравственное ихъ воспитаніе обращалось больше вниманія и вообще ихъ нужды и потребности менѣе игнорировались, чѣмъ въ мужскомъ отдѣленіи; конечно, одной заботливости дамъ было-бы еще недостаточно для достиженія всѣхъ этихъ результатовъ. Причину ихъ, главнымъ образомъ, слѣдуетъ искать въ томъ особомъ, почти исключительномъ положеніи, въ

которомъ находится дамское отдѣленіе. Состоя подъ предсѣдательствомъ Е. И. В. Евгеніи Максимиліановны, считая въ числѣ своихъ членовъ жёнъ нѣсколькихъ высоко-поставленныхъ лицъ, между прочимъ, и жену г. министра Внутр. Дѣлъ, оно можетъ дѣйствовать вполне самостоятельно и пользуется большимъ авторитетомъ въ глазахъ непосредственнаго тюремнаго начальства. Мужское отдѣленіе того-же комитета не находится въ такихъ выгодныхъ условіяхъ; преобладающимъ элементомъ въ немъ являлся до послѣдняго времени элементъ бюрократическій, преобладающимъ принципомъ дѣятельности—принципъ *laissez-faire*. Но въ 70-мъ году онъ началъ какъ-бы пробуждаться отъ своего долгаго, летаргическаго сна. На это пробужденіе повліяло, вѣроятно, отчасти давленіе общественнаго мнѣнія, заинтересовавшагося тюремнымъ вопросомъ, отчасти введеніе въ составъ комитета новыхъ, живыхъ силъ. Какъ-бы то ни было, но въ этомъ году комитетъ образовалъ изъ среды своихъ директоровъ комиссію о *религіозно-нравственномъ развитіи арестантовъ*. Комиссія, какъ сказано въ отчетѣ, „разработавъ цѣлый планъ дѣйствій, представила таковой въ комитетъ, а послѣдній, послѣ продолжительной переписки (продолжавшейся безъ малаго *два года*) по сему предмету съ разными мѣстами и лицами, учредилъ, въ видѣ опыта, только въ 1872 году при тюремномъ замкѣ исправительный совѣтъ“. Цѣль учрежденія совѣта заключалась въ томъ, чтобы содѣйствовать нравственному воспитанію арестантовъ и ихъ умственному развитію. Въ предѣлахъ этой, такъ сказать, педагогической задачи, совѣту предоставлена была извѣстная доля самостоятельности, правда, не очень обширная, но и не настолько маленькая, чтобы нельзя было приняться за дѣло. Особенно выгодно было для совѣта, что въ составъ его вошелъ и смотритель замка; черезъ это всякія пререканія и недоразумѣнія между директорами и непосредственнымъ начальствомъ тюрьмы сами собою устранялись. Вѣроятно, именно этому-то обстоятельству и слѣдуетъ приписать тотъ успѣхъ, съ которымъ дѣйствовалъ совѣтъ втеченіи всего отчетнаго года. Конечно, результаты, достигнутые имъ, не ахти-какъ важны, но большихъ нельзя было и ожидать: денежные средства совѣта весьма ограничены, въ тюрьмѣ не имѣется никакихъ приспособленій для его нравственно-воспитательной дѣятельности, да и, наконецъ,

самая эта дѣятельность продолжалась еще такъ недолго. До 1872 года въ замкѣ хотя и были мастерскія, но онѣ, по словамъ отчета, находились въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. Совѣту пришлось организовать ихъ вновь, и притомъ на совершенно иныхъ началахъ. Для несовершеннолѣтнихъ арестантовъ онъ устроилъ переплетную мастерскую. Для совершеннолѣтнихъ портняжескую и сапожную; мастерскія эти переданы были въ видѣ опыта особымъ подрядчикамъ, которые обязались за извѣстный коммисіонерскій процентъ постоянно доставлять имъ работы. Въ татѣбномъ отдѣленіи замка (такъ называется то отдѣленіе, въ которомъ помѣщены лица, осужденныя къ ссылке въ Сибирь за важныя уголовныя преступленія) арестанты были заняты дѣланіемъ гильзъ; а въ отдѣленіи „для благородныхъ“ была устроена мастерская для клеенія изъ бумаги палпиросницъ, ящичковъ, бонбоньерокъ и др. мелкихъ вещицъ. „Благородные“ арестанты закупали матеріалы на свои собственные средства, и совѣтъ принялъ на себя только трудъ сбывать ихъ произведенія. Всего въ общей сложности арестантами заработано 1,290 рублей, изъ которыхъ одна половина (съ прибавкою 72 р., заработанныхъ благородными) отчислена въ пользу арестантовъ, другая въ пользу совѣта. Вообще арестанты получили, съ августа по январь, около 710 р. (считая и благородныхъ). Всего-же арестантовъ въ замкѣ перебывало 2,242, или ежемѣсячный комплектъ ихъ равнялся 448, а ежемѣсячный арестантскій заработокъ достигалъ почти 142 р. Слѣдовательно на каждого арестанта приходилось въ мѣсяцъ заработка около 32 к.; но число дѣйствительно работавшихъ арестантовъ было гораздо меньше общаго числа всѣхъ заключенныхъ. Подслѣдственные арестанты, по закону, не могутъ быть, напр., занимаемы обязательными работами. По отчету значится, что съ августа по январь въ мастерскихъ замка работало около 480 чел.; слѣдовательно, каждый арестантъ, работавшій въ мастерскихъ замка, заработалъ около 1 р. 50 к. Конечно, эти результаты не особенно блестящи, это сознаетъ и самъ совѣтъ: „мастерскія, говоритъ онъ, — далеко еще не дали тѣхъ плодовъ, какіе-бы желательны, тѣмъ не менѣе, можно надѣяться, что и это дѣло скоро привьется и выходящіе изъ заключенія люди перестанутъ, съ момента приобрѣтенія свободы, голодать и повторять преступленія, по неимѣнію ни крова, ни пищи“ (стр. 9).

Замѣтимъ еще при этомъ, что и эти результаты были достигнуты, *исключительно* благодаря личной неутомимой дѣятельности и энергіи членовъ совѣта; безъ ихъ инициативы ничего не могло-бы устроиться, частью потому, что непосредственное полицейское начальство тюрьмы всегда относилось совершенно индифферентно къ вопросу о нравственномъ воспитаніи и исправленіи арестантовъ, считая его неподлежащимъ своему вѣдомству, а частью за недостаткомъ денежныхъ средствъ. Тюремный комитетъ могъ удѣлить на устройство мастерскихъ всего 200 р.

Кромѣ мастерскихъ, совѣтъ обратилъ свое вниманіе на устройство „бесѣд“, чтеній, обученіе арестантовъ грамотѣ и снабженіе ихъ книгами. Этими, такъ сказать, *нравственнымъ средствамъ* исправленія заключенныхъ совѣтъ придавалъ несравненно большее значеніе, чѣмъ мастерскимъ. По его мнѣнію, исключительно занимая арестантовъ работами въ мастерскихъ, легко превратить ихъ „въ жалкихъ автоматовъ, которые при соприкосновеніи съ дѣйствительностью, неминуемо возвращаются на путь преступленій. Физическій трудъ долженъ служить только восполняющимъ нравственное воспитаніе факторомъ, а отнюдь не поглощать все время заключенныхъ... (стр. 10). Исходя изъ этой совершенно вѣрной точки зрѣнія, онъ, однако, по неизмѣннѣ достаточныхъ средствъ и по многимъ другимъ причинамъ, долженъ былъ ограничить свою заботливость о нравственномъ воспитаніи арестантовъ приглашеніемъ нѣсколькихъ священниковъ (7 человекъ, считая и тюремнаго дьякона), четырехъ студентовъ духовной академіи для бесѣдъ съ арестантами „о нравственныхъ предметахъ“, да устройствомъ чтеній съ туманными картинами. Всѣхъ чтеній съ апрѣля 1872 г. по январь 1873 г. было 27, изъ нихъ 21 духовнаго содержанія, 6 историческаго. Въ то-же время, т. е. съ апрѣля по январь, священники и студенты духовной академіи 132 раза бесѣдовали съ арестантами; бесѣды продолжались отъ 1 ч. до 1½ ч.; слѣдовательно, двѣ бесѣды приходились, среднимъ числомъ, на одну недѣлю; или каждую недѣлю отъ 2 до 3 часовъ заключеннымъ толковали о „нравственныхъ предметахъ“, преимущественно, впрочемъ, о предметахъ духовнаго содержанія; темами бесѣдъ служили обыкновенно рассказы изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, объясненія праздниковъ, необходимость покаянія, значеніе крестнаго знаменія и т. ц.

Изъ отчета не видно, какъ велико было число слушателей, но совѣтъ утверждаетъ, что „общій итогъ числа слушателей къ общему числу заключенныхъ не можетъ считаться конечнымъ результатомъ: въ числѣ слушателей не было, напримѣръ, благородныхъ арестантовъ, которыхъ законъ не позволяетъ смѣшивать съ простолюдинами; были не всѣ несовершеннолѣтніе, отнесенные по отчетности къ школѣ“ (стр. 4). Но книгами вообще тюремная библіотека очень бѣдна. Къ началу 1872 г. въ ней было всего 962 книги; втеченіи года совѣту удалось увеличить ее на 407 книгъ; такимъ образомъ, общее число книгъ доходитъ теперь до 1,369, изъ нихъ свѣтскаго содержанія — всего только 283. Втеченіи отчетнаго года всѣ эти книги по нѣскольку даже разъ были раздаваемы арестантамъ; всего было роздано 3,242 книги, а общее число арестантовъ, перербывавшихъ за это время въ Замкѣ, доходило до 500 и болѣе человекъ. Такимъ образомъ, на cadaго приходилось почти по три книги. „Нельзя, однако-жъ, не сознаться, что находящіяся на лицо книги далеко не могутъ удовлетворить всѣхъ арестантовъ, но той простой причинѣ, что часть изъ нихъ, по своей неполнотѣ, неудобочитаема; другая страдаетъ въ качественномъ отношеніи, а третья — недоступна понятіямъ простолюдиновъ“. И здѣсь недостатокъ денежныхъ средствъ ставитъ непреодолимыя преграды желаніямъ членовъ совѣта. Всего успѣшнѣе дѣйствовалъ, какъ кажется, совѣтъ относительно обученія арестантовъ грамотѣ. На школу было обращено его особое вниманіе. Тюремная школа раздѣляется на два отдѣленія: на отдѣленіе для совершеннолѣтнихъ и на отдѣленіе для несовершеннолѣтнихъ. „Чтобы улучшить состояніе этой школы, читаемъ мы въ отчетѣ, совѣтъ открылъ особый классъ для арестантовъ, приговоренныхъ къ ссылке въ арестантскія роты, въ камерахъ, гдѣ они помѣщаются. Для болѣе правильнаго обученія грамотѣ несовершеннолѣтнихъ, онъ раздѣлилъ ихъ на два различныя отдѣленія по степени познаній учениковъ. Предметы занятій въ школѣ были слѣдующія: законъ Божій; звуковое обученіе чтенію и письму; чтеніе съ разсказами о прочитанномъ устно или письменно. Статьи для чтенія выбирались изъ книгъ, изданныхъ для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ; арифметика — первые четыре правила надъ простыми числами. При преподава-

ніи арифметики, умственное счисленіе и практическія задачи пред-почитались простому механизму; выборъ задачъ основывался на приложеніи къ жизни“ (стр. 7). Общая численность лицъ, посѣщавшихъ школу, равняется, по отчету, 659 чел., изъ которыхъ несовершеннолѣтнихъ было 408; совершеннолѣтнихъ 251; въ то же время общее число арестантовъ, перебивавшихъ въ тюрьмѣ, равнялось 5,464; слѣдовательно, одинъ учащійся въ школѣ приходился на 8,2 арестанта.

Въ концѣ своего отчета совѣтъ заявляетъ, что непосредственное начальство тюрьмы, смотритель замка, состоя самъ членомъ совѣта, „съ искреннею готовностью содѣйствовалъ организаціи и поддержкѣ мастерскихъ и чтеній“ (стр. 9).

Соображая всѣ эти факты, мы можемъ вывести изъ нихъ такое заключеніе: для успѣшной дѣятельности попечительнаго о тюрьмахъ общества необходимы два существенныя условія: матеріальныя средства, съ одной стороны, съ другой—такая организація комитетовъ, при которой ихъ члены изъ фиктивныхъ, номинальныхъ директоровъ тюрьмы—превратились-бы въ директоровъ реальныхъ, въ директоровъ, имѣющихъ возможность, въ предѣлахъ своихъ задачъ, дѣйствовать вполнѣ свободно, съ развязанными руками. Именно такую организацію представляетъ до извѣстной степени „Исправительный совѣтъ“. Конечно, его дѣятельность все еще обставлена значительными стѣсненіями и ограниченіями, но главный источникъ этихъ стѣсненій и ограниченій лежитъ въ самомъ комитетѣ, въ его бюрократическомъ формализмѣ и въ недостаточно серьезномъ отношеніи большинства его членовъ (всѣхъ членовъ считается около 80, хотя по закону оно не должно-бы превышать и 40. Уст. о сод. подъ стр., ст. 37) къ своимъ обязанностямъ. Между ними, какъ извѣстно, есть не мало такихъ, которые, принимая на себя званіе *директора*, руководствовались при этомъ соображеніями, неимѣющими ничего общаго съ нуждами и интересами тюрьмы; тюрьма ихъ не знаетъ и никогда въ глаза не видала; сами они съ тюремнымъ дѣломъ едва-ли знакомы даже и по наслышкѣ, а между тѣмъ въ общихъ комитетскихъ собраніяхъ ихъ голоса имѣютъ такое-же точно значеніе, какъ и голоса всѣхъ прочихъ директоровъ. Черезъ это нерѣдко самыя разумныя предложенія, самыя благія намѣренія членовъ комитета остаются безъ исполненія, владутся подъ сукно,

или искажаются и теряютъ всякій смыслъ. Но когда директорамъ, понимающимъ и любящимъ свое дѣло, предоставляется хотя небольшая доля свободы и дѣйствительной власти, когда непосредственное начальство тюрьмы поставлено въ такое отношеніе къ нимъ, что само заинтересовано въ успѣхѣ ихъ дѣятельности, то эта дѣятельность, какъ показываетъ опытъ исправительнаго совѣта, обѣщаетъ дать лишь одни хорошіе результаты. И въ этомъ именно отношеніи отчетъ совѣта представляетъ весьма важный и вѣсскій аргументъ противъ тѣхъ, которые начинаютъ въ настоящее время проповѣдовать о бесполезности и неумѣстности депущенія частныхъ лицъ къ участію въ завѣдываніи тюрьмами, о необходимости совершенно исключить *общественную инициативу* изъ сферы тюремнаго управленія. Этотъ отчетъ показываетъ, напротивъ, какъ много несомнѣнныхъ услугъ можетъ оказать самой-же администраціи заботливость частныхъ лицъ о судьбѣ арестантовъ, если только эта заботливость обставлена хоть сколько-нибудь благопріятными условіями для ея практическаго осуществленія.

Можетъ быть, еще болѣе краснорѣчивымъ и еще болѣе рѣшительнымъ аргументомъ служить другой отчетъ, отчетъ директора земледѣльской колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ. Въ Петербургѣ, какъ извѣстно читателямъ, года два, три тому назадъ образовалось общество земледѣльческихъ колоній и пріютовъ; въ 1871 году оно открыло свою первую колонію: директорами ея были назначены два извѣстнѣйшихъ нашихъ педагога, гг. Резенеръ и Гердъ. Общество земледѣльческихъ колоній—частное общество, основанный имъ пріютъ существуетъ отчасти на средства самого общества, отчасти на суммы, отпускаемыя ему городомъ, и только отчасти на правительственныя субсидіи, которыя выдаются ему, сообразно съ числомъ находящихся въ немъ питомцевъ. Бюрократическій элементъ совершенно изгнанъ изъ администраціи колоніи, офиціальная власть сохраняетъ права лишь высшаго контроля и наблюденія надъ нею; непосредственное-же управленіе находится въ рукахъ директоро́въ—частныхъ лицъ, отвѣтственныхъ передъ „обществомъ“. Съ точки зрѣнія противниковъ общественной инициативы въ дѣлѣ исправленія и вѣры преступниковъ, съ точки зрѣнія защитниковъ бюрократической опеки, подобная организація управленія колоніею не должна-

бы была принести на практикѣ никакихъ иныхъ плодовъ, кромѣ дурныхъ. А въ дѣйствительности случилось какъ разъ наоборотъ. Въ короткій періодъ своего существованія колонія достигла такихъ блестящихъ результатовъ, на которые, быть можетъ, даже и друзья ея не смѣли рассчитывать. Дѣти, поступавшія въ колонію, были почти всѣ, безъ исключенія, субъектами, въ высокой степени нравственно-испорченными. Правда, проступки, приведшіе ихъ въ колонію, были не особенно важны. Но, говорить отчетъ, жестоко-бы ошибся тотъ, кто вздумалъ-бы опѣивать ихъ нравственное состояніе по степени совершеннаго ими преступленія. „Большинство нашихъ питомцевъ совершали преступленія не разъ и не два, а занимались воровствомъ уже много лѣтъ. Лихорадочная борьба съ холодомъ и голодомъ, изъ-за корки и теплой тряпки, озлобленіе противъ гнета родныхъ рано натолкнули несчастныхъ на путь преступленія. Прогнанные или бѣжавшіе отъ родныхъ, они въ лѣтнее время скитались гдѣ день, гдѣ ночь, какъ отверженные, находя пріютъ либо въ трущобахъ, либо въ полѣ подъ заборомъ, вѣчно тревожимые, вѣчно преслѣдуемые надзоромъ городскихъ и сыскной полиціи, а къ зимѣ нерѣдко попадали въ исправительное заведеніе. Просидѣвъ срокъ и запасшись при этомъ практическими свѣденіями, далеко не бесполезными въ подпольномъ трущобномъ мірѣ и въ ихъ ремеслѣ, къ лѣту опять пускались они съ большею самоувѣренностью на прежній заработокъ путемъ воровства и мошенничества“. Такова была скорбная исторія большинства несчастныхъ дѣтей, поступившихъ въ колонію; они явились туда со всѣми дурными свойствами и порочными привычками „бродягъ-ворюшекъ“, нѣсколько разъ побывавшихъ во всевозможныхъ передѣлахъ, прошедшихъ, какъ говорится, сквозь „огонь и иѣдныя трубы“. Ложь, обманъ, хитрость, нахальство, наклонность къ воровству, огрубѣлость чувствъ, своеволіе, лѣнь—вотъ что они принесли съ собою въ свою новую тюрьму. „Отношенія между ними, говоритъ отчетъ, были вначалѣ крайне недружелюбны. Въ жизни, въ играхъ дѣтей, во всемъ ихъ поведеніи вѣяло какою-то арестантщиной. У этихъ дѣтей изъ разныхъ мѣстъ, классовъ общества и даже націй не было ни одного такого дѣла, ни одного интереса, въ которомъ-бы веѣ сходились, были согласны между собою. Вѣчный раздоръ, драги и шумъ изъ-за малѣйшихъ пустяковъ“. Не легко было переработать во что нибудь

хорошее это, повидимому, никуда негодный матеріалъ. Но колонія это сдѣлала. „Кто теперь посѣтитъ колонію, проживетъ въ ней день, два, поговоритъ съ дѣтьми, присмотрится къ нимъ на работѣ, за столомъ и въ свободное отъ занятій время, тотъ едва ли будетъ въ состояніи представить себѣ тѣхъ-же дѣтей, девять мѣсяцевъ тому назадъ.“ Мы отнюдь не хотимъ сказать этимъ, что всѣ дѣти, попавшія въ колонію, совершенно переродились, но между ними установилась мирная жизнь, безъ дракъ и ругани, они отвываютъ отъ своихъ дурныхъ привычекъ; перестаютъ лгать, хитрить и красть, колонія совсѣмъ не производитъ впечатлѣнія тюрьмы, духъ арестантщины совершенно изгнанъ изъ ея стѣнъ; между директорами и дѣтьми установились самыя простыя, искреннія отношенія, чуждая всякой официальнойности. Чтобы охарактеризовать эти отношенія и въ то-же время показать, какіе успѣхи сдѣлало нравственное развитіе дѣтей, мы позволимъ себѣ разсказать здѣсь одинъ эпизодъ, переданный намъ лицомъ, довольно хорошо знакомымъ съ внутреннею жизнью колоніи. Директорамъ очень трудно было отучить дѣтей отъ куренія; они понимали, что запрещенія и строгія мѣры не поведутъ ни къ чему и могутъ только дурно отразиться на нравственности юныхъ курильщиковъ, укореняя въ нихъ привычку къ скрытности и лицемерію. Тогда одинъ изъ директоровъ рѣшился испробовать одно, довольно оригинальное средство. Объяснивъ дѣтямъ вредъ куренія, онъ просилъ ихъ попробовать отучиться отъ него, а для того, чтобы облегчить имъ эту пробу, онъ рѣшился подвергнуть ей и себя. „Вы знаете, сказалъ онъ имъ, что я самъ курю, съ сегодняшнаго дня я хочу бросить куренье, но мнѣ будетъ трудно отвязнуть, если я буду видѣть, что вы курите, помогите-же мнѣ“. И вотъ дѣти, вмѣстѣ съ своимъ воспитателемъ, перестаютъ курить. Черезъ нѣсколько дней, однако, они замѣчаютъ, что воспитателю гораздо труднѣе отвязнуть отъ привычки, превратившейся въ органическую потребность, чѣмъ имъ; они подходятъ къ нему и начинаютъ его просить начать курить. „Вамъ, говорятъ они ему, тяжело обходиться безъ табаку, курите, и если вы не курите только ради насъ, то мы общаемъ вамъ, что сами мы и безъ этого не будемъ курить“.

Однако, каковы-бы ни были результаты, дѣйствительно достигнутые директорами колоній, но въ ихъ дѣятельности, какъ и въ

дѣятельности исправительнаго совѣта, всего болѣе обращаетъ на себя вниманіе та точка зрѣнія, съ которой они относятся къ арестантамъ. Она въ высокой степени гуманна и разумна; они относятся къ нимъ, какъ къ живымъ людямъ, а не какъ къ мертвому тѣлу, подлежащему уголовной экспертизѣ, они стараются ознакомиться съ его внутреннею жизнью, проникнуть въ ширь его мыслей и чувствъ. Они хотятъ дѣйствовать на него не путемъ насилія, не путемъ механическаго принужденія, а путемъ чистоправственныхъ вліяній. Въ своемъ обращеніи съ заключенными они тщательно избѣгаютъ того сухого, *казеннаго* формализма, который обыкновенно характеризуетъ въ нашихъ тюрьмахъ отношенія властей къ арестанту; они желаютъ, напротивъ, чтобы арестантъ не видѣлъ въ нихъ *начальства*, передъ которыми нужно стоять руки по швамъ; чтобы онъ довѣрялъ имъ, а не боялся ихъ...

Совершенно инымъ взглядомъ, совершенно иною теоріею нравственнаго исправленія арестанта проникнута дѣятельность администраціи „с.-петербургской исправительной тюрьмы“, отчетъ которой появился въ печати одновременно съ отчетомъ „исправительнаго совѣта“ тюремнаго замка. Исправительная тюрьма преобразована 6 августа 1871 г. изъ такъ называемой „срочной тюрьмы“, находившейся въ вѣденіи петербургскаго тюремнаго комитета. Существенная часть управленія была изъята изъ вѣдомства комитета; за послѣднимъ оставлена лишь хозяйственная часть, но съ января нынѣшняго года и эта связь между исправительною тюрьмою и попечительномъ о тюрьмахъ обществомъ была прервана: завѣдываніе хозяйствомъ тюрьмы передано въ руки ея ближайшаго начальства, смотрителя тюрьмы (который называется г. начальникомъ тюрьмы), его помощника, и зависящаго отъ нихъ эконома. Высшее наблюденіе за работами арестантовъ, ихъ нравственнымъ воспитаніемъ и обученіемъ поручено особому *попечительству*, въ составъ котораго вошли: начальникъ тюрьмы, два правительственныхъ чиновника (вице-директоръ департамента полиціи исполнительной и чиновникъ отъ оберъ-полицеймейстера), одинъ священникъ и четыре директора тюремнаго комитета, по назначенію правительственной власти. Но такъ какъ непосредственное наблюденіе за мастерскими, расчетъ по работамъ и т. п. предоставлены начальнику тюрьмы и такъ какъ

къ заботѣ о мастерскихъ и работахъ должны, по мнѣнію попечительства, сводиться всѣ заботы о нравственномъ перевоспитаніи арестанта, то безъ преувеличенія можно сказать, что въ рукахъ начальника сосредоточиваются всѣ существеннѣйшія части тюремнаго управленія. Въ немъ мы должны видѣть какъ-бы первообразъ того будущаго начальника или директора тюрьмы, который, по проекту гр. Сологуба, долженъ быть полнымъ хозяиномъ и единоличнымъ распорядителемъ вѣреннаго ему учрежденія. Участіе попечительства въ направленіи дѣятельности ближайшей тюремной администраціи чувствуется весьма слабо; попечители не имѣютъ никакихъ прямыхъ и непосредственныхъ сношеній съ арестантами; главная отвѣтственность за все, что происходитъ въ тюрьмѣ, падаетъ фактически на ея начальника. Но если-бы даже попечительство стояло къ исправительной тюрьмѣ въ такихъ-же точно отношеніяхъ, въ какихъ стоитъ исправительный совѣтъ къ тюремному замку, то и тогда значеніе попечительства нельзя-бы было сравнивать съ значеніемъ совѣта. Въ первомъ преобладаетъ правительственный, officialный элементъ, во второмъ — общественный.

Вообще, въ организацію управленія исправительною тюрьмою положена идея, высказанная въ проектахъ обѣихъ комиссій о тюремномъ преобразованіи, — идея о необходимости устранить вмѣшательство частныхъ лицъ и „общества“ въ дѣла тюремной администраціи и сосредоточить всю фактическую силу въ рукахъ представителей центральной власти. Посмотримъ-же, каковы практическія послѣдствія подобной организаціи.

Отчетъ попечительства, какъ мы сказали, высказываетъ взглядъ, совершенно противоположный взгляду исправительнаго совѣта на значеніе средствъ, съ помощью которыхъ можно достигнуть нравственнаго перевоспитанія преступниковъ. По мнѣнію попечительства, „регулированіе труда арестантовъ“ должно составлять главную задачу тюремнаго начальства. Приучить арестанта къ постоянному труду, научить его какому нибудь ремеслу, и въ то-же время дать ему почувствовать, что преступленіе необходимо требуетъ искупленія въ видѣ физическихъ страданій и лишеній, — вотъ въ чемъ заключается нравственно-воспитательное назначеніе тюрьмы. Сообразно съ такою теоріею, положенной въ основу и англійской тюремной системы, исправительная тюрьма подчиняетъ

заключенныхъ строгой дисциплинѣ съ одной стороны, съ другой требуетъ отъ нихъ усиленной физической работы. „Никто изъ арестантовъ, гласящія правила, не долженъ оставаться безъ работы“. Для осуществленія этого постановленія, въ тюрьмѣ устроены мастерскія (портняжная, матовая, коробочная и перешитная, столярная, слесарная и сапожная); однако, въ мастерскихъ работаетъ не болѣе $\frac{2}{3}$ всѣхъ заключенныхъ; остальные отъ 150—200 челов. были заняты бесплатными хозяйственными работами, какъ-то чисткою двора, приготовленіемъ кушаньевъ, рубкою дровъ и т. п. Слѣдовательно, не всѣ арестанты, а только часть изъ подвергается дѣйствию того режима, въ которомъ попечительство усматриваетъ почти единственное цѣлесообразное средство исправить порочныхъ, сдѣлать нравственными безнравственныхъ. Заключенные, подпавшіе подъ дѣйствіе режима, работаютъ въ мастерскихъ ежедневно отъ 6—7 часовъ утра до 7—8 часовъ вечера, т. е. 13 часовъ въ сутки; въ 7 или 8 часовъ вечера ихъ загоняютъ въ маленькія каморки, гдѣ они въ полномъ уединеніи и безъ свѣта проводятъ ночь. На другое утро ихъ опять собираютъ въ мастерскихъ, потомъ загоняютъ въ каморки и такъ проходитъ день за днемъ. О ихъ внутренней жизни никто не заботится; попечительство ни слова не упоминаетъ объ этомъ въ своихъ отчетѣхъ; вообще оно придаетъ очень мало значенія такъ называемымъ „нравственнымъ вліяніемъ“ въ родѣ чтенія, бесѣдъ, посвѣщенія арестантовъ членами попечительства и т. п. Библіотеки въ тюрьмѣ совсѣмъ не имѣется, по крайней мѣрѣ, о ней ничего не упоминается въ отчетѣхъ; книгъ для чтенія заключеннымъ не роздается; да и читать-то имъ негдѣ и некогда; „для обученія арестантовъ началамъ нравственности и религіи“ приглашенъ всего только одинъ мѣстный священникъ, которому, впрочемъ, въ будничные дни опять-таки негдѣ и некогда съ ними бесѣдовать. „Въ видахъ умственного развитія арестантовъ было установлено чтеніе, по праздничнымъ днямъ, „статей, подобныхъ тѣмъ, которыя читаются въ соланомъ городѣ (съ туманными картинами)“, но въ чемъ состояли эти чтенія, происходили-ли они въ дѣйствительности, и сколько разъ происходили, объ этомъ отчетъ ни слова не говоритъ. Очевидно, всѣмъ этимъ мѣрамъ „въ видахъ умственного развитія“ онъ не придаетъ особой важности, по крайней мѣрѣ, такой важности, какую имъ придаетъ исправительный совѣтъ. О школѣ, въ ко-

торой преподаетъ одинъ только учитель, отчетъ тоже говоритъ очень кратко, ограничиваясь лишь сообщеніемъ весьма скудныхъ статистическихъ свѣденій о числѣ учившихся въ ней, да заявленіемъ, что „она (т. е. школа), хотя и существуетъ въ тюрьмѣ съ самаго ея учрежденія, но не была вполнѣ организована“. „Организована“—ли она теперь и въ чемъ состоитъ эта ея организація,—изъ отчета не видно. Вообще школа не играетъ въ исправительной тюрьмѣ той роли, которую она играетъ въ тюремномъ замкѣ. Въ этомъ не трудно убѣдиться изъ сопоставленія слѣдующихъ цифръ. Среднее число арестантовъ въ обѣихъ тюрьмахъ почти одинаково (въ исправительной ихъ даже нѣсколько больше); число арестантовъ, посѣщавшихъ школу въ тюремномъ замкѣ, равняется, какъ мы видѣли, 659 чел. (въ томъ числѣ грамотныхъ 432); въ исправительной тюрьмѣ — 240 (всѣ неграмотные или малограмотные). Научились грамотѣ (одному чтенію и чтенію и письму): въ исправительной тюрьмѣ изъ 240 чел.,—157, въ замкѣ—изъ 227 чел.—177. А между тѣмъ условія для обученія грамотѣ въ тюрьмѣ были несравненно благопріятнѣе, чѣмъ въ замкѣ: школа Замка открыта для всѣхъ желающихъ учиться арестантовъ; школа тюрьмы—только для арестантовъ, приговоренныхъ на срокъ, превышающій 4 мѣсяца. Вообще населеніе послѣдней не такъ измѣнчиво, болѣе постоянно, чѣмъ населеніе перваго, гдѣ содержатся и подслѣдственные; потому большинство учащихся въ тюрьмѣ оставалось въ школѣ дольше, чѣмъ большинство учащихся въ замкѣ, и все-таки результаты обученія въ школѣ замка оказались удовлетворительнѣе результатовъ обученія въ школѣ тюрьмы.

Но, какъ мы уже сказали, главная забота попечительства была обращена на „регулированіе арестантскаго труда“, т. е. на тюремныя мастерскія. Посмотримъ-же, какихъ результатовъ достигла она въ этой главной сферѣ своей дѣятельности.

Изъ 600 чел. арестантовъ работами въ мастерскихъ были заняты круглый годъ отъ 400 до 450 чел.; общій заработокъ доходилъ до 14,780 руб.; изъ нихъ на долю арестантовъ приходилось 6,639 р.; слѣдовательно, на cadaго рабочаго приходилось около 14 р. въ годъ или 1 р. 16 к. въ мѣсяцъ. Конечно, этотъ заработокъ гораздо значительнѣе заработка арестантовъ въ замкѣ; но въ замкѣ, во-первыхъ, и не смотрятъ на

физическій трудъ какъ на главное средство исправленія человѣка; во-вторыхъ, тамъ арестанты работаютъ въ мастерскихъ не 12—13 часовъ, а не болѣе 5—6. Часть арестантскаго заработка удерживается и выдается арестанту только при его освобожденіи изъ тюрьмы; дѣлается это съ тою цѣлью, чтобы освобожденные хотя на первое время имѣли средства къ сколько-нибудь обезпеченному существованію, къ удовлетворенію своихъ настоящихъ потребностей. Всякій знаетъ, какъ трудно человѣку, только-что выпущенному изъ тюрьмы, найти себѣ работу, да если бы она и нашлась, ему, физически и нравственно истощенному тюрьмою, не легко приняться за нее: онъ хочетъ отдохнуть, ориентироваться въ мірѣ свободныхъ людей и свободныхъ отношеній. Не только къ неволѣ, но и къ свободѣ нужно привыкать: нельзя вдругъ, съ перваго-же дня, встать въ жизнь, отъ которой былъ оторванъ цѣлые мѣсяцы, годы... Обязательный, вынужденный трудъ въ стѣнахъ тюрьмы всегда имѣетъ своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ то, что человѣкъ, выйдя за эти стѣны, чувствуетъ непреодолимое желаніе *попытаться*, пожить на своей полной волюшкѣ, ничѣмъ себя не стѣсняя и не ограничивая. Долго насилованная природа вступаетъ въ свои права, — въ силу реакціи, — она теперь громко протестуетъ противъ всякаго *она*, она требуетъ себѣ безусловной свободы. Конечно, такое настроеніе не будетъ продолжаться вѣчно; черезъ нѣсколько времени человѣкъ снова войдетъ въ свою *колею*, къ чему-нибудь *примажется*, во что-нибудь *отряжется*; нарушенное равновѣсіе силъ возстановится, онъ снова сдѣлается гражданиномъ будничной дѣйствительности. Но пока это случится, чѣмъ онъ будетъ жить? А между тѣмъ тутъ-то и хочется пожить, тутъ-то и чувствуется настоятельная необходимость въ *средствахъ*. Не говоря уже о долго-сдерживаемыхъ потребностяхъ, которыхъ нельзя оставить безъ удовлетворенія, ему нрѣдко приходится всѣмъ стѣсно обзаводиться, иногда предпринять далекое путешествіе на родину, — какъ-же быть? Денегъ нѣтъ, работы нѣтъ, да и не хочется работать. И вотъ необходимость заставляетъ прибѣгнуть къ новому преступленію, — онъ становится *рецидивистомъ*, онъ опять возвращается въ тюрьму... Чтобы спасти его отъ этой страшной, почти неминуемой опасности, нужно для этого дать ему возможность выйти изъ тюрьмы маленькимъ капиталистомъ.

Такимъ образомъ, за-разъ достигаются двѣ цѣли: арестантъ, съ одной стороны, приучается къ экономіи, съ другой—избавляется отъ необходимости добывать незаконными путями то, въ чемъ всего болѣе онъ нуждается въ „медовый мѣсяцъ“ свободы. Справедливость этой мысли признается всѣми, кто серьезно занимался тюремнымъ вопросомъ; она высказывается и Исправительнымъ Совѣтомъ и Попечительствомъ. Но можно-ли допустить, что скудный заработокъ арестанта исправительной тюрьмы дастъ ему при освобожденіи сбереженіе, достаточное на первое время если не для безбѣднаго существованія, то хотя для пропитанія?

Въ 1872 г. каждому мастеровому слѣдовало получить, при выходѣ изъ тюрьмы, 5 р. съ небольшимъ (см. отчетъ, стр. 41). Слѣдовательно, чтобы выйти изъ тюрьмы съ 10-ю рублями, арестанту надо просидѣть въ ней около *двухъ* лѣтъ. Но что значать 10 рублей? Большинство арестантовъ исправительной тюрьмы принадлежитъ къ такъ-называемымъ податнымъ классамъ *); они приписаны въ тѣмъ или другимъ городскимъ и сельскимъ обществамъ и живутъ по паспортамъ отъ нихъ; по выходѣ изъ тюрьмы, имъ, слѣдовательно, приходится прежде всего позаботиться о выправкѣ себѣ паспорта, а чтобы получить паспортъ, нужно еще ввести подати за два года, — что-же останется „освобожденному“ изъ его десятирублеваго сбереженія? Если-же ему предстоитъ еще этапнымъ порядкомъ отправиться на родину (а это предстоитъ большинству арестантовъ), то, безъ сомнѣнія, прежде, чѣмъ онъ дойдетъ туда, у него въ карманѣ не останется ни гроша. На родинѣ нужно начинать *новую* жизнь, а съ чѣмъ онъ ее начнетъ? Какъ-же тутъ не сдѣлаться рецидивистомъ?

Правда, Попечительство устроило въ нынѣшнемъ году „убѣжище для освобождаемыхъ изъ тюрьмы“, гдѣ освобожденные могутъ найти втеченіи первыхъ *семи сутокъ* пищу и пріютъ. Но,

*) Въ отчетѣ Исправительной тюрьмы мы находимъ слѣдующія данныя о распределеніи преступниковъ по ихъ сословіямъ:

Съ 1-го октября 1871 г. по 1-е октября 1872 г. пребывало въ тюрьмѣ:

Дворянъ	6
Купцовъ	9
Мѣщанъ	476
Крестьянъ	1,657

не говоря уже о томъ, что убѣжище, по неизвѣстной средствъ, устроено въ очень скромныхъ размѣрахъ *) и что между арестантами немного найдется такихъ охотниковъ, которые пожелали бы семь лишнихъ дней послѣ срока заключенія сохранять связь съ тюрьмой, — не говоря обо всемъ этомъ, трудно думать, чтобы оно могло принести освобождаемымъ много существенной пользы. Въ 7 дней нелегко приискать работу неизвѣстному ее, особенно если она ищется изъ тюрьмы. Изъ 62-хъ лицъ, искавшихъ пристанища въ убѣжищѣ, работа была найдена менѣ чѣмъ 12-ти человѣкамъ. Вообще патронатство, ограничивающее свои попеченія объ освобожденныхъ семидневнымъ срокомъ, едва-ли можетъ рассчитывать на достиженіе какихъ-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ. Притомъ для того, чтобы эти попеченія не слишкомъ претили арестанту, чтобы они не компрометировали его въ глазахъ его родныхъ и знакомыхъ, — для этого необходимо устранить изъ нихъ все, что можетъ напоминать ему тюрьму. Убѣжище-же, съ своими арестантскими нарами, съ арестантскими щами, съ своею тюремною дисциплиною, совершенно не достигаетъ этой цѣли: оно только на семь дней отсрочиваетъ для освобожденнаго грустную перспективу ожидающей его „свободной жизни“. Но чѣмъ скорѣе окунется онъ въ эту жизнь, чѣмъ скорѣе станетъ на собственные ноги, тѣмъ лучше. Патронатство можетъ оказать ему много существенныхъ услугъ, но не въ первые дни по освобожденіи, а впоследствии, когда онъ болѣе или менѣе уже ориентированъ въ міръ новыхъ отношеній, когда начнетъ вить въ немъ свое гнѣздышко. Въ первые-же дни ему нужна полная свобода, ему нуженъ отдыхъ, а потому въ эти дни готовы средства къ независимому существованію для него важнѣе всякихъ убѣжищъ, всякихъ патронатствъ. Усиленный тюремный трудъ могъ-бы, повидимому, дать эти средства, если не всѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, долгосрочнымъ арестантамъ, всего болѣе нуждающимся въ нихъ. Однако, какъ показываетъ отчетъ, въ Исправительной тюрьмѣ онъ не даетъ ихъ. Отчего? Оттого-ли,

---

*) Всего въ тюрьмѣ за отчетный годъ перебивало 2,853; въ убѣжищѣ-же всего только 61 чел. (съ апрѣля по декабрь); изъ нихъ только 15 арестантовъ пользовались имъ полный, семидневный срокъ; 46-же человѣкъ оставались тамъ менѣе 7 дней.

что арестанты работают слишком мало, что школа и нравственные назиданія отнимаютъ у нихъ слишкомъ много времени? Нѣтъ, они работаютъ въ мастерскихъ по 12 часовъ въ сутки. Оттого-ли, что администрація тюрьмы удѣляетъ имъ слишкомъ небольшую долю изъ общаго валоваго дохода мастерскихъ? Но и этого нельзя сказать: изъ валоваго дохода около половины удѣляется рабочимъ. Слѣдовательно, причину нужно искать единственно въ недостаточной производительности мастерскихъ тюрьмы.

Въ тюрьмѣ круглый годъ работало отъ 400 до 450 челов.; въ томъ числѣ было: 94 портныхъ, 12 сапожниковъ, 34 столяра, 31 матовщикъ, 263 коробочника, 21 слесарь и кузнецъ; всѣ они, имѣя постоянныя работы, трудятся, что-называется, „не перевода духу“, и выработали цѣнностей на сумму въ 14,780 руб. Между тѣмъ общее содержаніе тюрьмы далеко превосходитъ эту сумму; за вычетомъ изъ нея части, причитающейся арестантамъ, у Попечительства остается 8,000 съ небольшимъ; расходы-же его превышаютъ 5,000. Продовольствіе арестантовъ обходится среднимъ числомъ около 15,500 руб. (полагая въ день 7 коп., отпускаемыхъ отъ казны, а среднее ежемѣсячное число арестантовъ въ 600 чел.); присоединивъ къ этому содержаніе, получаемое начальникомъ тюрьмы и его помощникомъ, содержаніе сторожей и надзирателей, ремонтъ зданія и т. п., мы увидимъ, что чистый доходъ мастерскихъ едва-едва составляетъ $\frac{1}{4}$ часть издержекъ по содержанію тюрьмы. Интересно сравнить съ этими данными данныя о производительности работъ въ англійскихъ тюрьмахъ. Возьмемъ тюрьмы, ближе всего подходящія къ нашей исправительной тюрьмѣ по числу содержащихся въ нихъ арестантовъ. Въ бригстоунской тюрьмѣ среднее число арестантовъ равнялось въ 1871 году 504 чел.; въ Йоркгерстѣ—468; въ дартмутской и фюльгамской тюрьмахъ содержалось 1,014 арестантовъ (что составляетъ на каждую по 507 чел.). Въ общей сложности арестантскимъ трудомъ во всѣхъ этихъ тюрьмахъ было выработано цѣнностей на 207,565 руб., что дастъ на каждую тюрьму 51,891 р. Вся стоимость содержанія тюремъ въ Англійи равнялась въ 1871 году 2,352,248 руб.; выручено-же за арестантскія работы 1,711,830 р. Такимъ образомъ, содержаніе всѣхъ тюремъ Англійи, вмѣщавшихъ въ себѣ болѣе 10,000 арестантовъ, стоило правительству всего

только 640,417 руб. Между тѣмъ на наши тюрьмы, — тюрьмы, признанныя во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительными, отличающіяся дешевою администраціею, ветхостью зданій и полнѣйшимъ отсутствіемъ какихъ-бы то ни было приспособленій къ требованіямъ гигиены и нравственной педагогики, — на эти тюрьмы одни комитеты ежегодно истрачиваютъ около 1,000,000 рублей. Въ этотъ расходъ не входятъ жалованье смотрителей, казенный паекъ, отпускаемый на каждаго арестанта и т. п., что само по себѣ составитъ сумму, превышающую миллионъ. Слѣдовательно, наши тюрьмы обходятся обществу и администраціи почти въ четыре раза болѣе, чѣмъ англійскому правительству его тюрьмы, — тюрьмы, считающіяся образцовыми. Но этого мало: самыя большія тюрьмы Англій не только ничего не стоятъ администраціи, но даже приносятъ ей ежегодный доходъ. Такъ, три огромныя исправительныя тюрьмы въ Портлендѣ (на 1,466 чел.), Портсмутѣ (на 1,255 чел.) и Чатамѣ (на 1,637 чел.) заработали въ 1871 году 1,117,000 руб., не считая при этомъ работъ хозяйственныхъ (хлѣбнеченія, приготовленія пищи, стирки бѣлья и т. п.). Содержаніе-же этихъ тюремъ въ томъ-же году обошлось въ 982,500 руб. (считая тутъ-же и деньги, выданныя арестантамъ въ видѣ пособія, при ихъ освобожденіи изъ тюрьмы); слѣдовательно, чистаго дохода онѣ принесли правительству 127,000 руб.

Такимъ образомъ, односторонній принципъ, положенный въ основу англійской тюремной системы и усвоенный нашею исправительною тюрьмою, — принципъ, считающій физическій трудъ главнѣйшимъ и цѣлесообразнѣйшимъ средствомъ нравственнаго перевоспитанія человѣка, — этотъ принципъ оказался въ Англій весьма выгоднымъ для казны. У насъ-же онъ не приноситъ и этихъ выгодъ. За то другія его практическія послѣдствія обнаруживаются и у насъ почти такъ-же рельефно, какъ въ Англій.

Англійскія тюрьмы считаются образцовыми, и онѣ, дѣйствительно, образцовыя въ томъ смыслѣ, что вполне удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ извѣстной системы, — системы, приводящей въ восторгъ криминалистовъ, претендующихъ на знаніе человеческой природы. Безустанный, тяжелый трудъ, суровая дисциплина, непреклонно карающая „злыхъ“ и поощряющая „добрыхъ“ — вотъ ея сущность. Можетъ быть, такая система, съ

точки зрѣнія уголовного права, есть и въ самомъ дѣлѣ наилучшая система. Только съ точки зрѣнія общественной безопасности и общественной нравственности она не выдерживаетъ критики. Заключенный, отбывъ свой срокъ въ англійской тюрьмѣ, ни на іоту не дѣлается лучше: онъ остается все тѣмъ-же человѣкомъ „нетвердой нравственности“, какимъ былъ и до тюрьмы, и при первомъ удобномъ случаѣ снова совершаетъ преступленіе. Всѣмъ извѣстно, что нигдѣ такъ не часты рецидивы, какъ въ Англии. Это признаетъ и ярый защитникъ англійской тюремной системы, генераль-инспекторъ англійскихъ тюремъ майоръ Дю-Кэнъ. Дю-Кэнъ считаетъ даже это обстоятельство весьма благоприятнымъ для защищаемой имъ системы. Теперь, говорилъ онъ на конгрессѣ, — въ нѣкоторыхъ нашихъ тюрьмахъ процентъ рецидивистовъ достигаетъ 35 — 40 на 100, но если-бы онъ достигъ 100 на 100, то это было-бы еще лучше. „Если, рассуждаетъ онъ въ своемъ отчетѣ о состояніи англійскихъ тюремъ, — извѣстное, опредѣленное число преступленій ежегодно должно совершаться въ обществѣ, то, мнѣ кажется, слѣдуетъ желать, чтобы эти преступленія лучше совершались людьми завѣдомо-преступными (т. е. рецидивистами), чѣмъ людьми, ни разу еще не попадавшими на скамью подсудимыхъ“ (An Account of the manner in which Sentences of Penal Servitude are carried out in England; Prisons and Reformatories at Home and abroad; p. 288). Разумѣется, съ точки зрѣнія подобной философіи и мы должны утѣшаться, что между заключенными исправительной тюрьмы такъ много рецидивистовъ; въ этомъ отношеніи даже самъ майоръ Дю-Кэнъ, пожалуй, можетъ намъ позавидовать: изъ нашихъ тюремъ выходитъ едва-ли не больше, чѣмъ изъ англійскихъ... Вотъ нѣсколько данныхъ для сравненія.

Число лицъ, приговоренныхъ въ Англии и Валлисѣ къ уголовному наказанію, равнялось въ 1870 году 12,923; изъ нихъ было рецидивистовъ 343; въ 1871 году — 11,901 чел.; изъ нихъ рецидивистовъ 413. По отчету Попечительства нашей исправительной тюрьмы, число арестантовъ, перебивавшихъ въ ней втеченіи отчетнаго года, равнялось 2,853; изъ нихъ значилось рецидивистовъ 145. Слѣдовательно, въ то время, какъ въ Англии рецидивисты составляютъ отъ $2\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}\%$ общаго числа преступниковъ, въ нашей исправительной тюрьмѣ процентъ рециди-

вистовъ достигаетъ 5%. Конечно, по отношенію рецидивистовъ къ числу заключенныхъ въ исправительной тюрьмѣ еще нельзя судить объ отношеніи ихъ къ числу преступниковъ вообще. Последнее, очень можетъ быть, будетъ благоприятѣе перваго, но въ настоящее время для насъ важно именно первое: оно служить краснорѣчивой, хотя и лаконической характеристикой исправительнаго значенія *исправительной тюрьмы* *).

Сопоставляя дѣятельность Исправительнаго Совѣта тюремнаго замка и Попечительства исправительной тюрьмы—насколько эта дѣятельность опредѣляется данными, собранными въ ихъ отчетахъ,—сравнивая достигнутые ими результаты и въ особенности ихъ руководящіе принципы, нельзя не видѣть, что устраненіе общественнаго элемента изъ организаціи тюремнаго управленія должно крайне-невыгодно отразиться на нравственныхъ интересахъ арестантства. Поэтому слѣдуетъ желать, чтобы высказанное г-р. Сологубомъ на лондонскомъ конгрессѣ предположеніе объ упраздненіи Попечительнаго о тюрьмахъ Общества не состоялось. Но, съ другой стороны, нельзя не желать, чтобы уставъ этого „Общества“ былъ пересмотрѣнъ и исправленъ сообразно указаніямъ практики. Практика ясно обнаружила его существеннѣйшіе недостатки, а опытъ Исправительнаго Совѣта уясняетъ до нѣкоторой степени тѣ условія, при которыхъ онѣ могутъ быть если не совсѣмъ устранены, то, по крайней мѣрѣ, значительно ослаблены. Условія эти формулируются такимъ образомъ:

Во-первыхъ, необходимо, чтобы власть комитетовъ не противопоставлялась, какъ это до сихъ поръ дѣлается, власти ближайшаго тюремнаго начальства, какъ-бы оно ни называлось—смотрителемъ, начальникомъ, директоромъ и т. п.

Во-вторыхъ, директора комитета, на которыхъ уставъ возла-

---

*) Нельзя при этомъ не замѣтить, что число *дѣйствительныхъ* рецидивистовъ, по всей вѣроятности, значительно превышаетъ число, показанное въ отчетѣ. Только очень неопытные или слишкомъ извѣстные полиціи и судебнымъ властямъ личности попадаютъ въ рецидивахъ. Обыкновенно-же или, по крайней мѣрѣ, очень часто преступники, попавшіе вторично, перемѣняютъ свое имя (что не представляетъ у насъ, какъ извѣстно, особой трудности) и, подъ новой фамиліей или съ новымъ прозвищемъ, заносятся не въ категорію рецидивистовъ, а въ категорію лицъ, совершившихъ преступленіе въ первый разъ. Подобные случаи хорошо извѣстны всѣмъ, кто только сталкивался съ нашими арестантами и знакомъ съ жизнью тюремныхъ обитателей.

гастъ такія серьезныя обязанности относительно тюремъ и содержащихся въ нихъ арестантовъ, должны нести эти обязанности не фивтивно только (какъ это дѣлаетъ большинство нынѣшнихъ членовъ общества), а на самомъ дѣлѣ. Но такъ какъ не всѣ интересующіеся судьбою арестантовъ имѣютъ достаточно досуга и охоты добровольно и совершенно безкорыстно посвящать свой трудъ сложному и крайне хлопотливому дѣлу, возлагаемому на „общество“ уставомъ о содержаніи подъ стражею, то было-бы полезно раздѣлить членовъ „общества“ на *активныхъ* и *пассивныхъ*. Первые, жертвующіе для него своимъ личнымъ трудомъ, могли-бы быть избавлены отъ всякаго обязательнаго денежнаго взноса; за то взносъ вторыхъ съ теперешнихъ 15 (въ столицахъ), 10 (въ губернскихъ городахъ) и 5 рублей (въ уѣздныхъ) могъ-бы быть возвышенъ до 100 и болѣе рублей.

Пассивные члены, само собою разумѣется, должны быть устранены отъ всякаго вѣнательства въ организацію тюрьмы, отъ всякаго вліянія на ходъ и направленіе воспитательной дѣятельности комитетовъ, отъ всякаго участія въ хозяйственномъ и административномъ управленіи тюрьмою. Вся власть теперешняго „общества“ должна исключительно сосредоточиться въ рукахъ однихъ только активныхъ членовъ, изъ которыхъ и образуются комитеты. Начальники тюремъ должны войти въ составъ ихъ въ качествѣ простыхъ членовъ, дѣйствующихъ во всемъ, что касается хозяйственной и нравственной стороны управленія, съ согласія и при участіи всѣхъ остальныхъ членовъ. Должность директора, председательствующаго въ комитетѣ, должна получить болѣе реальное значеніе, чѣмъ то значеніе, которое теперь имѣютъ вице-президенты; во избѣжаніе всякихъ пререканій, неприяностей, желательно было-бы, чтобы, съ одной стороны, сами комитеты выбирали своихъ председателей, а съ другой, — чтобы доступъ въ активные члены „общества“, былъ обставленъ большими гарантіями, чѣмъ тѣ, какими онъ обставленъ въ настоящее время; хотя, разумѣется, онъ никоимъ образомъ не долженъ зависѣть отъ произвола административной власти. Вообще, необходимо было-бы строго и точно опредѣлить отношенія этой власти съ правами и обязанностями членовъ комитетовъ.

При подобной переорганизаціи „попечительнаго о тюрьмахъ общества“ можно надѣяться, что сами собою устроятся *нѣко-*

торыя изъ тѣхъ причинъ, которыя въ настоящее время парализируютъ его дѣятельность и превращаютъ великій принципъ, положенный въ его основу, въ пустой абстрактъ, неизбѣжнѣй на практикѣ никакого серьезнаго значенія. Бездѣятельные члены не будутъ тормозить энергіи дѣятельныхъ членовъ; начальники тюремъ не будутъ враждебно относиться къ комитетамъ, къ составу которыхъ они сами принадлежатъ; вредный дуализмъ въ организаціи тюремнаго управленія исчезнетъ; число поводовъ къ прерванію съ администраціею значительно уменьшится. И въ то-же время ни денежные средства общества, ни чистота его принциповъ нисколько не пострадаютъ. А и то и другое очень важно. Въ денежныхъ средствахъ „общества“, размѣры которыхъ, какъ мы видѣли, весьма почтенны, а могутъ быть и еще болѣе расширены,—администрація найдетъ готовый источникъ для покрытія хотя нѣкоторой части огромныхъ затратъ, неизбѣжно вызываемыхъ предложеннымъ кореннымъ преобразованіемъ тюремъ. Что же касается до „принципа“, то выше мы уже объяснили, почему считаемъ его въ высочайшей степени разумнымъ и практическимъ.

Хотя главные основанія предложенной гр. Сологуба, высказанныхъ имъ на лондонскомъ конгрессѣ, сводятся, какъ мы сказали выше, къ вопросу о преобразованіи лишь тюремнаго управленія, къ вопросу о реформѣ тюремной администраціи, однако, никто не станетъ утверждать, будто въ этой одной реформѣ и заключается, въ дѣйствительности, вся суть, все содержаніе той реформы, потребность въ которой давно уже чувствуется и обществомъ, и правительствомъ. Всякій понимаетъ, что если и важенъ вопросъ объ организаціи тюремнаго управленія, то не менѣе важенъ и другой вопросъ—*объ организаціи самой системы тюремнаго заключенія*. Какіе принципы должны лечь въ основу этой системы? Какія цѣли должна она преслѣдовать? При помощи какихъ средствъ она можетъ ихъ достигнуть? Какова можетъ быть роль физическаго труда, школы и вліяній окружающей обстановки, окружающихъ отношеній и т. п. на нравственное воспитаніе арестанта? Какія чувства должна тюрьма разви-

вать въ немъ, какія подавлять? Какое значеніе имѣютъ въ тюрьмѣ „награды и наказанія“? и т. д., и т. д. Вотъ рядъ интересныхъ вопросовъ, предварительное разрѣшеніе которыхъ необходимо для установленія общихъ руководящихъ началъ всякой рациональной тюремной реформы. Превосходнымъ матеріаломъ для изученія этихъ вопросовъ могутъ послужить какъ тѣ данныя, которыя со всѣхъ концовъ свѣта были собраны прошлогоднимъ лондонскимъ международнымъ тюремнымъ конгрессомъ, такъ и тѣ взгляды, мнѣнія, теоріи, „сообщенія“ и „указанія“, которые были высказаны и сдѣланы по поводу различныхъ тюремныхъ системъ со всѣхъ концовъ свѣта собравшимися на конгрессъ „экспертами тюремнаго дѣла“.

Намъ кажется, что эти матеріалы необходимо имѣть въ виду, что на нихъ слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе нашего общества, для того, чтобы оно имѣло возможность разумно и сознательно отнестись къ ожидаемой у насъ тюремной реформѣ. Поэтому въ слѣдующей-же книжкѣ „Дѣла“ мы постараемся познакомить съ ними нашихъ читателей.

П. Н.

УСЛОВІЯ ПРОГРЕСА БЪ СФЕРѢ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ЗНАНІЯ.

(Histoire des sciences et des savants depuis deux siècles, par A. de-Candolle, Genève, 1873).

I.

У всякой великой идеи, богатой содержаніемъ и прогрессивными началами, есть своя неотразимая логика, влекущая ее впередъ. Если разъ она вошла въ сферу нашего міросозерцанія и получила право гражданства въ практической жизни, она уже не остановится въ своемъ развитіи, не исчезнетъ безслѣдно съ лица земли. Напротивъ, вліяніе ея съ каждымъ днемъ будетъ чувствоваться все больше и больше, кругъ ея распространенія станетъ расширяться дальше и дальше. Какъ гальваническій токъ, незримый нашимъ глазомъ, она незамѣтно проникнетъ во всѣ отрасли нашего знанія и повсюду внесетъ свой реформаціонный стимулъ. Все, что противорѣчитъ ей, подъ вліяніемъ ея теряетъ свою прежнюю силу и авторитетъ; все, что согласно съ ней, выиграетъ въ своемъ реальномъ примѣненіи и еще крѣпче утвердится въ сознаніи человѣчества. Къ числу такихъ идей относится *законъ наследственности*, открытый великимъ умомъ Дарвина. Не прошло еще и двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ законъ этотъ былъ формулированъ и введенъ въ науку, а вліяніе его уже отразилось на многихъ отрасляхъ современнаго интеллектуальнаго движенія и его представителяхъ. Дарвинъ далъ ему жизнь, такъ сказать, эмбріональную, очертилъ его въ общихъ и мировыхъ чертахъ, а многочисленные послѣдователи его стали разрабатывать идею Дарвина въ ея частныхъ и детальныхъ подробностяхъ. Физиологъ, психіатръ, этнографъ, историкъ и т. п., всѣ прикинули къ ученію Дарвина и нашли въ немъ для себя новую точку опоры, новые богатые матеріалы для изслѣдованій и выводовъ.

Наконецъ, изученіе интеллектуальныхъ способностей человѣка и исторической преемственности идей, близкаго родства гениевъ и талантовъ оплодотворилось тѣмъ-же ученіемъ Дарвина. Первымъ на этомъ поприщѣ явился англійскій ученый Фрэнсисъ Гальтонъ, который въ своемъ капитальномъ сочиненіи „О наследственности генія“ (The Hereditary genius) рассмотрѣлъ главныя условія, отъ которыхъ зависитъ появленіе гениевъ и талантовъ. Гальтонъ изучалъ степени родства между различными знаменитыми людьми, отъ временъ Аристотеля до нашей эпохи и открылъ замѣчательный фактъ наследственной передачи таланта. Онъ довелъ свои выводы до изумительной точности и далъ цѣлый рядъ законовъ, въ видѣ математическихъ формулъ, гдѣ такъ ясно представлена зависимость наследственнаго таланта отъ степени родства и генеалогіи рода (въ мужской и женской категоріи, по восходящей и нисходящей линіи). Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изслѣдованій Гальтона является сочиненіе А. Декандоля, женевского ботаника и сына знаменитаго ученаго (Огюстена Декандоля), прославившагося на поприщѣ той-же науки. Декандоль, очевидно, пошелъ по слѣдамъ Гальтона; онъ также поставилъ себѣ задачей опредѣлить, какія условія наиболѣе благопріятны для развитія мысли и появленія ученыхъ. Но Декандоль, отдавая полную справедливость своему предшественнику за то, что онъ первый возбудилъ столь важный для общества вопросъ, объявляетъ себя противникомъ ученія о наследственности, значеніе которой, по его мнѣнію, слишкомъ преувеличено Гальтономъ. Правъ или неправъ Гальтонъ, но нельзя не согласиться, что, отводя своему ученію слишкомъ широкія границы, онъ увлекся имъ и слишкомъ сужилъ поле своихъ изслѣдованій по этому вопросу. Нѣтъ сомнѣнія, что законъ наследственности играетъ важную роль въ генеалогической преемственности умственныхъ способностей, но не одинъ-же онъ управляетъ всѣмъ ходомъ ихъ развитія и дѣятельности. Притомъ, неутѣшительно думать, что появленіе всякой выдающейся умственной силы обуславливается исключительно такимъ роковымъ явленіемъ, какъ рожденіе. Если только одна наследственность опредѣляетъ происхожденіе талантовъ, то спрашивается, много-ли выиграетъ отъ знанія этого факта общество, въ рукахъ котораго нѣтъ никакихъ средствъ управлять половнымъ подборомъ людей, и какой интересъ изучать вліяніе другихъ второстепенныхъ

причинъ, когда все зависитъ отъ одной главной причины, неподлежащей человѣческому контролю. На этомъ основаніи Декандоль приступилъ къ своимъ изслѣдованіямъ такъ, какъ будто для него вовсе не существуетъ факта наслѣдственности, и потому онъ обратилъ все свое вниманіе на соціально-политическія условія, управляющія развитіемъ нашей умственной организаціи и ея дѣятельностью. Дѣйствительно, эти условія играютъ громадную роль въ судьбахъ интеллектуальнаго прогресса и чѣмъ дальше выяснял ихъ Декандоль, тѣмъ рельефнѣе разоблачалась предъ нимъ ихъ важность, такъ что подъ конецъ онъ, подобно Гальтону, увлекся ими и приписалъ имъ такое-же исключительное значеніе, какое англійскій ученый приписалъ наслѣдственности. Въ результатѣ оказалось, что наука только выиграла отъ столкновенія этихъ, повидимому, противоположныхъ направленій: односторонность одного нашла себѣ дополненіе въ односторонности другого. Мы думаемъ, что нѣтъ основанія становиться исключительно на одну какую-нибудь сторону. Если Гальтонъ приписалъ слишкомъ большое значеніе наслѣдственности, то онъ все-таки оставилъ извѣстную долю вліянія за семейнымъ примѣромъ и воспитаніемъ, какъ соціальными факторами. Съ другой стороны, Декандоль, ограничивая до minimum'a значеніе наслѣдственности, самъ-же привелъ въ пользу ея множество фактическихъ данныхъ и, такимъ образомъ, сдѣлался невольнымъ союзникомъ Гальтона, который такъ жѣтко указалъ ему на это въ своемъ возраженіи (*The Fortnightly Review*, 1873, № LXXV. *The causes which create scientific men*, by Francis Galton). Что касается методовъ, избранныхъ этими учеными, то едва-ли Декандоль правъ, отдавая себѣ преимущество въ этомъ отношеніи; мы увидимъ, что это самая слабая сторона его изслѣдованій, а относительно точности выводовъ, логической послѣдовательности въ аргументаціи и вообще мыслительной силы, Гальтонъ, безъ сомнѣнія, далеко оставляетъ за собою женеваго натуралиста.

Впрочемъ, насъ интересуетъ не споръ объ относительномъ превосходствѣ этихъ ученыхъ. Для насъ важны лишь положительныя достоинства ихъ трудовъ, а въ этомъ отношеніи труды эти служатъ взаимнымъ дополненіемъ другъ другу и только разными путями, но къ одной и той-же цѣли ведутъ въ своемъ послѣднемъ результатѣ. Декандоль пошелъ по пути, проложенному Гальтономъ, и

добылъ массу новыхъ фактовъ и данныхъ, которые имѣютъ столь рѣшительное вліяніе на судьбу вопроса о прогрессѣ знанія, что, несмотря на многочисленныя серьёзные недостатки его изслѣдованій, къ нимъ нельзя не отнестись безъ полнаго уваженія и глубокаго вниманія.

II.

Поставивъ себѣ задачею изслѣдовать зависимость прогреса въ сферѣ точныхъ наукъ, Декандолъ разумѣлъ не науку въ абстрактномъ смыслѣ, но извѣстную категорію людей, которые двигаютъ ее впередъ своими печатными произведеніями. Сюда не входятъ дилеттанты, какъ-бы ни была обширна ихъ эрудиція, а также изобрѣтатели *) и профессора, которые не печатали сочиненій, содержащихъ научныя открытія. Чтобы попасть въ категорію Декандоля, ученый долженъ оставить въ наукѣ слѣдъ самобытной мысли и непременно быть новаторомъ.

Такъ какъ методъ, избранный Декандолемъ, статистическій, то понятно, что число ученыхъ, избираемыхъ имъ для изслѣдованія, получаетъ огромное значеніе. Чѣмъ больше ученыхъ войдетъ въ кругъ наблюденія, тѣмъ точнѣе будутъ выводы, лишь-бы отъ этого не страдалъ качественный анализъ въ дѣлѣ выбора ученыхъ. Можно, конечно, набрать несмѣтную массу людей, имѣющихъ болѣе или менѣе тѣсное соприкосновеніе съ наукой, но отъ этого изслѣдованія утратить свою спеціальную цѣль и поведутъ къ болѣе или менѣе ложнымъ выводамъ. Необходимо произвести строгую сортировку между этою массою фактовъ, чтобы имѣть дѣло только съ учеными, въ истинномъ значеніи этого слова, только съ двигателями науки. Тотъ-то пунктъ и представляетъ главныя затрудненія, которыя не совсѣмъ удачно устранены Декандолемъ.

Очевидно, что для того, чтобы избѣгнуть личнаго произвола въ дѣлѣ выбора, есть только одно средство—руководиться твердымъ принципомъ, выяснить какъ можно точнѣе смыслъ слова

---

*) Между изобрѣтеніемъ и научнымъ открытіемъ есть значительная разница. Изобрѣтеніе относится къ ученому открытію, какъ результатъ къ своему источнику, какъ слѣдствіе къ причинѣ.

ученыи. Если это сдѣлано, то затѣмъ совершенно безразлично, кто будетъ производить выборъ, *согласно разъ установленному критерию*. Декандоль, какъ мы видѣли, весьма ясно и опредѣленно высказалъ, кого онъ разумѣетъ подъ словомъ ученный, но, по непонятнымъ причинамъ, онъ, однако, не рѣшился „смытъ свое сужденіе имѣть“; онъ почему-то вообразилъ, что его собственную задачу лучше и безпристрастиѣ выполнять ученныи академіи. Каждая изъ существующихъ въ Европѣ академіи наукъ избираетъ изъ среды ученыхъ опредѣленное число лицъ, изъ которыхъ одну часть составляютъ иностранные члены. Поэтому Декандоль, имѣя предъ собою списокъ ученыхъ, избранныхъ той или другой академіей, беретъ изъ нихъ только иностранныхъ членовъ, предполагая, что академія сохранила въ выборѣ ихъ полнѣйшее безпристрастіе, такъ какъ она имѣетъ дѣло съ чуждыми національностями и ей нѣтъ прямого интереса отдавать предпочтеніе одной изъ нихъ передъ другой. Трудно догадаться, на чемъ основанъ этотъ легковѣсный оптимизмъ Декандоля. Еслибъ академіи наукъ были учрежденіями частными и вполне свободными отъ официальныхъ вліяній, то и въ такомъ случаѣ нельзя было-бы надѣяться на ихъ безпристрастіе, такъ какъ, избирая кого нибудь своимъ членомъ, онѣ обыкновенно воображаютъ, что не столько онъ дѣлаетъ имъ честь своими ученными заслугами, сколько онъ ему, вводя его въ свое святилище, гдѣ „боги снѣтъ въ небесахъ“. Свой авторитетъ академія считаетъ выше авторитета науки, — это самая слабая сторона многихъ ученыхъ обществъ. Всѣмъ извѣстно также, въ какой степени развито между учеными личное самолюбіе и чувство зависти; можно сказать, что чѣмъ почетнѣе въ глазахъ академическихъ избирателей званіе члена, слѣдовательно, чѣмъ выше они цѣнятъ самихъ себя, тѣмъ меньше безпристрастія обнаруживаютъ они въ выборѣ своихъ ученыхъ товарищей. Декандоль съ удареніемъ указываетъ на то обстоятельство, что сами избиратели — патентованные (впрочемъ, той-же академіей) ученые, но въ этомъ-то и заключается вся бѣда. Еслибъ избраніе въ члены академіи производилось людьми, ей посторонними, лично незаинтересованными въ выборѣ, то можно было-бы гораздо смѣлѣе рассчитывать на его безпристрастіе. Для этого вовсе не нужно, чтобы избиратель самъ имѣлъ въ члены академіи, онъ долженъ быть просто человекомъ

свѣдущимъ, заявившимъ себя или на профессорской кафедрѣ, или печатными сочиненіями, которыя обнаруживали-бы въ авторѣ преданность интересамъ науки. Вотъ почему мы и думаемъ, что Декандоль гораздо лучше поступилъ-бы, еслибъ онъ самъ сдѣлалъ выборъ между учеными, но, конечно, на основаніи разъ опредѣленнаго и твердаго критерія. А если принять во вниманіе, что академія наукъ, въ особенности парижская, постоянно находилась подъ вліяніями, чуждыми наукѣ, что она была переполнена разными сенаторами, маршалами и другими, которые или не имѣли никакого отношенія къ наукѣ, или занимались ею съ предвзятыхъ точекъ зрѣнія, то, разумѣется, тутъ нечего и думать о безпристрастіи выбора. Такая академія будетъ лишь продолженіемъ сената или вторымъ инвалиднымъ доможъ... Но не говоря о политическихъ мнѣніяхъ, существуютъ строго научныя воззрѣнія, которыя измѣряются весьма ненаучнымъ масштабомъ предразсудковъ и личныхъ симпатій и антипатій. Что касается французской академіи, то она всегда была живымъ отпечаткомъ господствовавшихъ въ странѣ мнѣній. Конечно, это было хорошо и дурно, смотря по духу времени. Предъ революціей 89 года дижонская академія, какъ извѣстно, стояла во главѣ движенія, охватившаго тогда всѣ слои общества; она сама содѣйствовала распространенію революціонныхъ идей и раздавала огромныя преміи за сочиненія, написанныя на тему жгучихъ вопросовъ переживаемой тогда эпохи. Кто не знаетъ, напримѣръ, что академія эта предложила всѣмъ желающимъ изслѣдовать: благоприятствовала-ли или вредила изящная литература развитію общественныхъ нравовъ, и когда Руссо разрѣшилъ этотъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ, возбудивъ всеобщее одушевленіе своей безпощадной ломкой всего строя тогдашней цивилизаціи, академія выдала премію Руссо и сама гордилась его славой. Вслѣдъ за этимъ она предложила на разрѣшеніе новый вопросъ о причинахъ неравенства между людьми, и Руссо снова стяжалъ пальму первенства своимъ извѣстнымъ сочиненіемъ: „De l'inégalité parmi les hommes“. Но какой рѣзкій контрастъ представляетъ дижонская академія съ парижской временъ второй имперіи. Эта академія всегда была *plus royaliste, que le roi*, а въ сферѣ интеллектуальнаго прогресса—болѣе ретроградной, чѣмъ послѣдніе поддонки этой имперіи.

Разсматривая списокъ иностранныхъ членовъ парижской акаде-

міи, мы, невольно поражаемся отсутствіемъ между ними корифея современнаго естествознанія, Дарвина — и это лучше всего, конечно, подтверждаетъ основательность нашего недоувѣрія къ методу Декандоля. Извѣстно, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ Дарвинъ баллотировался въ члены парижской академіи, но клякка этихъ пресловутыхъ *сорока* дѣйствовала на этотъ разъ какъ одинъ человекъ и единодушно наградила его черными шарами, забывъ, что она приготовила тѣмъ позоръ не Дарвину, разумѣется, но самой себѣ, потому что непризнаніе за нимъ ученыхъ заслугъ равносильно отрицанію науки вообще. Декандоль долженъ согласиться, что пропускъ Дарвина въ списки парижской академіи чрезвычайно важенъ, ибо за одного Дарвина нельзя взять цѣлой сотни патентованныхъ академикомъ. Во всякомъ случаѣ это заставляетъ относиться крайне подозрительно къ избирательнымъ приемамъ парижской академіи и потому-то мы думаемъ, что Гальтонъ, напр., поступилъ гораздо основательнѣе Декандоля, когда онъ самъ производилъ выборъ между талантами, на основаніи разъ сдѣланнаго опредѣленія.

Съ другой стороны слѣдуетъ замѣтить, что и система избранія иностранныхъ членомъ крайне неудовлетворительна въ парижской академіи. Тамъ, напр., существуетъ съ 1699 года правило, въ силу котораго число наличныхъ иностранныхъ членомъ не должно превышать 8, тогда какъ въ лондонскомъ королевскомъ обществѣ всѣхъ иностранныхъ членомъ 50, а въ берлинской академіи—15. Вообще ограничивать закономъ число ученыхъ—верхъ нецѣлости, но если ужъ это такъ необходимо, то, конечно, иностранныхъ членомъ будетъ всегда меньше, чѣмъ своихъ, домашнимъ образомъ произведенныхъ въ рангъ ученыхъ. Парижская академія избираетъ иностранныхъ членомъ изъ всѣхъ государствъ, за исключеніемъ Франціи, Лондонское общество изъ всѣхъ государствъ, за исключеніемъ Великобританіи, Берлинская академія изъ всѣхъ государствъ, за исключеніемъ Германіи. Но замѣчательно, что каждая изъ этихъ академій заранѣе постановила, что иностранныхъ ученыхъ въ ней будетъ меньше, чѣмъ своихъ. На какомъ-же это основаніи? Наука не принадлежитъ одной какой-нибудь національности или одной странѣ; она прежде всего космополитична. Логичнѣе было-бы, еслибъ академіи издали прямо противоположный законъ, въ силу котораго иностранныхъ членомъ должно быть больше, чѣмъ своихъ. Этотъ за-

конъ былъ-бы нѣсколько не патріотиченъ, но въ немъ видно было-бы расположеніе къ непристрастію, о которомъ теперь ни одна изъ академій не можетъ и заикнуться, особенно парижская. Самъ Декандоль сознается, что 8 членовъ не даютъ понятія о числѣ ученыхъ въ Франціи, въ настоящее время, да едва-ли цифра эта была-бы достаточна и въ эпоху Ньютона, когда состоялось это курьезное распоряженіе. Въ настоящее время, говоритъ Декандоль, 15 или 20 иностранныхъ ученыхъ едва-ли могутъ замянить собою 8 ученыхъ XVIII вѣка“.

Такъ какъ Декандоль передалъ всѣхъ ученыхъ въ руки трехъ академій, то онъ долженъ былъ ограничить свои изслѣдованія двумя столѣтіями—періодомъ существованія этихъ академій. Два столѣтія вообще немного даютъ матеріала, но если при этомъ принять во вниманіе и упомянутую систему академическихъ выборовъ, то число ученыхъ до того сдѣлается ничтожнымъ, что едва-ли возможно на такихъ изслѣдованіяхъ построить точные выводы. Поэтому Декандоль, независимо отъ иностранныхъ членовъ, включилъ въ свои списки членовъ-корреспондентовъ, между которыми, однако, не всегда уже встрѣчаются ученые, удовлетворяющіе вышепоставленнымъ требованіямъ Декандоля. Можно даже сказать, что между ними почти нѣтъ настоящихъ ученыхъ или двигателей науки, но больше всего диллетантовъ, какъ напр., консуловъ отдаленныхъ странъ, миссіонеровъ, или даже людей не вполне образованныхъ.

При такихъ существенныхъ недостаткахъ въ методѣ Декандоля, нечего ждать и особенной вѣрности въ его выводахъ. Если мы останавливаемъ на нихъ вниманіе читателя, то это потому, что въ нихъ найдется все-таки и доля истины, а въ такомъ новомъ и важномъ общественномъ вопросѣ, какъ вопросъ о процвѣтаніи науки, нельзя пренебрегать никакими попытками къ его разрѣшенію. Самыя ошибки получаютъ тутъ свое значеніе и, вызывая на дальнѣйшую разработку этой тѣмы, оказываютъ наукѣ существенную услугу. Такъ, встрѣчая, напр., въ спискѣ членовъ академій разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, которыя ничѣмъ не заявили себя въ наукѣ, Декандоль не допускалъ ихъ въ свою коллекцію, но проходилъ совершеннымъ молчаніемъ. Кромѣ того, пристрастіе къ національностямямъ можетъ *отчасти*, но только отчасти, нейтрализоваться тѣмъ, что выборы производятся только тремя академіями. Если, напр., какой нибудь ученый не попадетъ въ члены парижской академіи,

то его имя можетъ стоять въ спискахъ берлинской академіи или лондонскаго королевскаго общества. Однако, не нужно забывать, что если такой случай, какъ пропускъ Дарвина, повторился нѣсколько разъ съ другими учеными, то онъ получаетъ уже большое значеніе. Такъ какъ Дарвинъ англичанинъ, то онъ не включенъ въ списки лондонскаго королевскаго общества, въ парижской-же академіи онъ совсѣмъ не выбранъ; слѣдовательно, ему остается только надѣяться на милость одной академіи берлинской, которая, дѣйствительно, оказалась къ нему снисходительнѣе и вообще по-дальновиднѣе парижской. Иное дѣло, еслибъ Декандоль пользо-вался матеріалами большаго числа академій, напр. 5-ти, 6 и 7, чѣмъ болѣе, конечно, тѣмъ лучше. Но когда ихъ только 3, то репутація ученаго (если онъ нѣмецъ, англичанинъ или французъ), можетъ быть засвидѣтельствована только двумя академіями, такъ какъ Декандоль, какъ уже сказано выше, принимаетъ въ раз-счетъ лишь иностранныхъ членовъ каждой академіи, а въ такомъ случаѣ нельзя пренебрегать вѣроятностью, что двѣ академіи ока-жутся единодушными въ своей антипатіи къ одному и тому-же ученому.

III.

Съ перваго-же шага на пути практическихъ выводовъ неудов-летворительность метода Декандоля даетъ себя чувствовать. Ясно, что не всѣ академіи руководились при выборѣ своихъ членовъ одной и той-же системой, отчего и получаются совершенно раз-личные результаты, которые не поддаются обобщенію. Такъ, изъ списка иностранныхъ членовъ парижской академіи видно, что вте-ченіи двухъ столѣтій число математиковъ уменьшается въ сравне-ніи съ числомъ натуралистовъ. Слѣдующая таблица показываетъ это отношеніе:

	До конца 17-го вѣка.	Въ 19-омъ лѣтѣ.
Ученыхъ, трудившихся въ области матем. и физическихъ наукъ (математика, астро- номія, физика, механика)	29	20
Ученыхъ въ области естествознанія (есте-		

ственной исторіи, медицины, химіи, мине-
ралогіи, геологіи) . . . . .

23	20
52	40

Ряды натуралистовъ, повидимому, расширяются сравнительно съ математиками, и отсюда легко предположить, что вообще естество-
знаніе беретъ перевѣсъ надъ науками умозрительными. Декандоль
считаетъ это предположеніе несомнѣнной истиной и безпрестанно
толкуетъ о прогресѣ естествознанія на счетъ математики. Но
дальнѣйшіе факты, какъ видно изъ его-же книги, вовсе не под-
тверждаютъ этого вывода. Такъ, лондонское королевское общество
выбирало иностранныхъ членовъ въ слѣдующей пропорціи:

	1750	1789	1829	1869
По отдѣлу математическ. наукъ избрано	37	27	27	24
„ „ естественныхъ „ „	33	33	19	25
Ученыхъ, которые считались членами по двумъ отдѣламъ	2	2	—	—
Ученыхъ, специальность которыхъ не опредѣлена.	—	2	2	—
	72	64	48	49

Здѣсь цифры такъ колеблются, что положительно невозможно
прійти къ опредѣленному заключенію; во всякомъ случаѣ онѣ
говорятъ совсѣмъ не то, что цифры парижской академіи, или,
правильнѣе, онѣ ничего не говорятъ. Остается обратиться къ
берлинской академіи, но и она идетъ также своей особой доро-
гой. Вотъ какъ выбирала она своихъ иностранныхъ членовъ:

	1750	1789
По отдѣлу математическихъ наукъ	26	21
„ „ естественныхъ „	12	13
Ученыхъ, которые были членами по двумъ отдѣламъ	2	2
Ученыхъ, специальность которыхъ не опредѣлена	2	—
	42	36

Эти цифры обнимаютъ только 18-ое столѣтіе, но и въ 19-мъ
берлинская академія, по словамъ Декандоля (стр. 73), явно
тяготѣла къ математикамъ. И такъ, три академіи даютъ три раз-
личныхъ вывода, которые, очевидно, являются результатомъ раз-
личныхъ системъ выбора. Несмотря на это, Декандоль предол-

жаеть говорить о возрастающемъ прогрессѣ естествознанія и объясняетъ это логической необходимостью. Баронъ Корфъ, компилировавшій книгу Декандоля безъ всякой критики, повторяетъ за нимъ ту-же нелѣпость съ прибавленіемъ собственныхъ измышлений о цѣлесообразности такого явленія. Онъ увѣряетъ, что на прогрессъ естественныхъ наукъ въ послѣднія два столѣтія повліяло изобрѣтеніе телескоповъ и примѣненіе къ наблюденіямъ правильнаго метода („Вѣстникъ Европы“, Теорія Дарвина и вопросы педагогій, стр. 282), но баронъ, что называется, попалъ пальцемъ въ небо. Во-первыхъ, самаго факта развитія естественныхъ наукъ насчетъ математическихъ не существуетъ, а во вторыхъ, мы должны замѣтить, что такое антагонистическое отношеніе между этими двумя отраслями знанія нисколько не логично и противорѣчило-бы общей цѣли всѣхъ наукъ. Идеаль естествознанія заключается именно въ неразрывномъ союзѣ съ математикой, прогрессъ которой, однако, такъ-же безконеченъ, какъ и всякой другой науки.

Вполнѣ резонно замѣчаніе Декандоля, что по мѣрѣ приближенія къ нашему времени знанія специализируются. Такъ, напр., въ эпоху Лейбница и Ньютона энциклопедическая умственная дѣятельность была зауряднымъ явленіемъ, и Декандолю приходилось опредѣлять занятія каждаго ученаго двумя или тремя науками. Для каждаго ученаго нужно было писать: „астрономъ и физикъ“, „математикъ, астрономъ и физикъ“, или отдѣлываться общими терминами въ родѣ „философъ“ или „натуралистъ“. Многіе изъ прежнихъ ученыхъ были, кромѣ того, поэтами и литераторами, даже въ концѣ 18-го столѣтія трудно было опредѣлить специальность такихъ ученыхъ, какъ Вольфъ, Галлеръ, Шарль Боннэ. Все это, конечно, весьма понятно и объяснимо. Въ средніе вѣка большинство наукъ было въ зародышѣ, и какой-нибудь ученый схоластикъ безъ труда могъ совмѣстить свою теологію, математику и философію съ псовой охотой или стихоплетствомъ. Кромѣ того, подъ вліяніемъ условій, вообще неблагоприятныхъ для развитія науки, въ то время очень мало было лицъ, одушевленныхъ желаніемъ подвигать ее впередъ самостоятельными изслѣдованіями. Духъ рыцарства проникалъ собою всѣ стороны средневѣковаго быта, вездѣ господствовала внѣшняя форма надъ содержаніемъ. Подобно странствующимъ рыцарямъ, средневѣковые ученые все свое время тра-

тили на то, что бродили изъ одного университета въ другой и, вооруженные тощимъ, но разнокалибернымъ запасомъ свѣденій, вступали другъ съ другомъ въ состязаніе, являлись на ученый турниръ съ жаждой безсмертныхъ лавровъ. Они спорили между собой о разныхъ пунктикахъ схоластической науки, *de omni re scibili et quibusdam aliis*, какъ говорили въ то время. Здѣсь, впрочемъ, играетъ роль не одна молодость науки, но и вообще упадокъ духа самобытнаго изслѣдованія и отсутствіе талантовъ. И при современномъ состояніи наукъ можно встрѣтить всесторонне-образованныхъ людей, которые, однако, не въ состояніи создать въ наукѣ ничего новаго. Для ученаго-новатора, способнаго дѣлать открытія, образованіе имѣетъ второстепенное значеніе, потому что очень хорошій профессоръ можетъ быть очень плохимъ ученымъ и первоклассный ученый можетъ легко провалиться на гимназическомъ экзаменѣ.

IV.

Возрастающая спеціализація знаній побуждаетъ ученыхъ посвящать избранному кругу занятій все больше и больше времени. Каждый толчокъ, данный наукѣ, сокращаетъ досугъ ученаго и шагъ за шагомъ отнимаетъ отъ него возможность соединять свою спеціальность съ какой нибудь доходной профессіей, неимѣющей никакого отношенія къ наукѣ. Въ прежнія времена, напримѣръ, Вольфъ, математикъ и натуралистъ, занималъ судейскую должность, Ньютонъ былъ директоромъ монетнаго двора и членомъ парламента, Кювье также состоялъ на государственной службѣ, многіе астрономы были морскими офицерами, а геометры поступали въ армію. Въ наши дни такіе случаи становятся все болѣе и болѣе рѣдки или потому, что съ одной стороны ученныя занятія сдѣлались болѣе сложными и кропотливыми, чѣмъ прежде, а съ другой—всякая посторонняя служба поглощаетъ чересчуръ много времени. На этомъ основаніи Декандоль полагаетъ, что въ наше время учеными могутъ быть или люди безкорыстные, которые не гонятся за большими доходами, или люди достаточные, которые располагаютъ свободнымъ временемъ и независимымъ матеріальнымъ положеніемъ. Этотъ пунктъ вообще изложенъ Декандолемъ

весьма сбивчиво, и потому мы должны остановиться на немъ по-дольше.

Экономическое положеніе страны оказываетъ могущественное вліяніе на прогрессъ знанія. Наука создается свободнымъ досугомъ, а досугъ есть результатъ богатства и достатка. Поэтому страны богатныя и состоятельные классы общества должны дать наибольшій процентъ ученыхъ, и Декандоль совершенно правъ, когда онъ объясняетъ отсутствіе между современными католическими духовенствомъ людей науки экономическими причинами. До конца 18-го столѣтія въ спискахъ членовъ и корреспондентовъ академій встрѣчались въ громадномъ числѣ іезуиты, монахи различныхъ орденовъ, аббаты и т. д. Это были астрономы, математики, физики и даже анатомы. Но уже въ началѣ нынѣшняго вѣка очень рѣдко можно встрѣтить хорошаго ученаго изъ среды католическаго духовенства, въ наше время ихъ, кажется, всего двое: аббатъ Муаньо, математикъ, и знаменитый іезуитъ, патеръ Секки. Декандоль, для объясненія этого факта обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что въ прежнее время только тѣ изъ католическаго духовенства занимались наукой, которые при обезпеченномъ положеніи почти не знали церковныхъ обязанностей, какъ, напр., аббаты и монахи. Извѣстно, что во Франціи долгое время существовалъ между свѣтскими людьми обычай поступать въ духовное званіе ради того, чтобъ ничего не дѣлать и получать хорошее жалованье, хотя были и такіе, которые дѣлались аббатами съ цѣлью свободнѣе отдаться научнымъ занятіямъ. Но революція уничтожила множество монастырей, аббатствъ и религіозныхъ корпорацій съ ихъ недвижимою собственностью, такъ-что остались только епископы, викаріи и приходскіе священники, весь досугъ которыхъ поглощается церковными обязанностями.

Чтобы яснѣе показать вліяніе экономическихъ причинъ на прогрессъ науки, Декандоль изслѣдовалъ, изъ какихъ слоевъ общества выходятъ ученые. Въ списокѣ парижской академіи наукъ за два столѣтія набралось 90 иностранныхъ членовъ, изъ которыхъ всѣ почти относятся къ крупнымъ знаменитостямъ. Распредѣляя ихъ по сословіямъ, Декандоль нашелъ, что изъ аристократическаго круга вышло 37 ученыхъ (41%), изъ средняго класса 47 (52%), а изъ среди рабочихъ, земледѣльцевъ и т. д. всего 6 (7%). Къ аристократическому кругу Декандоль причисляетъ не только

лицъ знатнаго происхожденія, но и всѣхъ, кто настолько обезпеченъ, что могъ-бы ничего не дѣлать, еслибъ пожелалъ; къ среднему-же классу онъ отнесъ сыновей профессоровъ, докторовъ, юристовъ, негоціантовъ и всѣхъ мелкихъ собственниковъ. На этихъ данныхъ Декандолъ основываетъ мнѣніе, что богатые классы населенія наиболѣе производительны въ научномъ отношеніи. Если изъ средняго сословія вышло больше ученыхъ, чѣмъ изъ семействъ аристократическихъ и богатыхъ, то это объясняется, по Декандолю, тѣмъ, что оно многочисленнѣе, но за то послѣдній классъ рабочихъ несомнѣнно подтверждаетъ, какъ думаетъ Декандолъ, справедливость его положенія. Здѣсь насъ прежде всего поражаетъ въ Декандолѣ небрежность въ формулированіи совершенно вѣрнаго и справедливаго факта. Пока онъ говоритъ, что богатые классы населенія даютъ больше ученыхъ, чѣмъ бѣдные, онъ правъ и за него стоятъ неоспоримые факты. Но отсюда онъ дѣлаетъ нечувствительный, хотя грубо-нелогическій переходъ къ заключенію о научной производительности тѣхъ и другихъ классовъ. Этимъ Декандолъ доказываетъ очень наглядно, до какой степени статистическія цифры обоюдоостры, и какъ искусно можно замаскировать ими самое очевидное извращеніе здраваго смысла. Собственно говоря, нечего и доказывать, что между фактомъ преобладанія на сторонѣ богатыхъ большаго числа ученыхъ, чѣмъ на сторонѣ бѣдныхъ, и ихъ относительной научной производительностью существуетъ цѣлая пропасть; однако, нельзя не признаться, что у Декандола это различіе исчезаетъ, и мы не видимъ, чтобы онъ строго разграничивалъ эти два совершенно разнородныя явленія. Чтобы говорить о научной производительности, намъ нужны совершенно другіе факты. Мы должны знать, какъ великъ былъ матеріальный достатокъ ученаго, вышедшаго изъ бѣднаго класса, и сколько сдѣлалъ втеченіи своей жизни ученый богатаго семейства. Если первый, употребивъ полжизни на то, чтобы зарабатывать скудные средства къ существованію, успѣлъ обогатить науку открытіями, а второй имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлую жизнь и сдѣлалъ для науки не болѣе перваго въ качественномъ отношеніи, то кто изъ нихъ производительнѣе? Кто сильнѣе: человекъ-ли, поднимающій пудовую гиру мизинцемъ, или человекъ, сдвигающій ее съ мѣста обѣими руками? Впрочемъ, намъ вовсе не нужно прибѣгать здѣсь къ сравненію между учеными изъ двухъ упомянутыхъ нами классовъ

общества. Сравненіе это не можетъ быть строго точнымъ, ибо весьма трудно капитализировать научную дѣятельность ученаго. Но для общаго понятія о научной производительности различныхъ сословіи совершенно достаточно того факта, что бѣднѣйшій классъ общества, совершенно лишенный средствъ и досуга, все-таки по временамъ даетъ изъ своей среды людей высоко-талантливыхъ, которыхъ не въ силахъ отклонить никакія препятствія и жизненные невзгоды отъ служенія наукѣ. Подъ какими вліяніями развиваются эти мощные, энергическіе таланты, которыхъ не останавливаютъ никакія преграды, которыхъ не можетъ побороть безысходнѣйшая нищета, полнѣйшее отсутствіе школьнаго и семейнаго образованія? Вотъ что поистинѣ удивительно; а, съ другой стороны, нисколько не удивительно, что люди вполне обеспеченные удѣляютъ наукѣ часть досуга, котораго имъ некуда дѣть. Если-бъ бѣднѣйшій классъ совсѣмъ не далъ ни одного ученаго, то и тогда мы не имѣли-бы права говорить о его научной непроизводительности. Но если онъ намъ далъ хоть одного Дэви или Фарадея, то мы начинаемъ интересоваться этимъ явленіемъ гораздо болѣе, чѣмъ сотней ученыхъ изъ класса богатаго. Статистика вообще развила особый классъ писателей, у которыхъ цифры притупили разсудочную способность до такой степени, что при видѣ ихъ они неспособны мыслить. Они воображаютъ, что за нихъ все скажутъ цифры, и чѣмъ крупнѣе эти цифры, тѣмъ больше разбѣгаются у нихъ глаза и тѣмъ больше глупостей могутъ они наговорить въ этотъ моментъ. Составивъ свою таблицу, Декандоль подавленъ былъ крупными величинами и изъ-за нихъ онъ не обратилъ вниманія на тѣ, повидимому, мелкія цифры, которыя гораздо важнѣе крупныхъ, потому что *относительно* 60/0-тная цифра бѣдняковъ гораздо больше и замѣчательнѣе 41/0 ученыхъ изъ богатаго сословія.

Въ выводы Декандоля вкралась также очевидная ошибка, впрочемъ, не настолько важная, какъ думаетъ баронъ Корфъ. Объясняя вышеприведенныя нами цифры, Декандоль говоритъ: „Классъ рабочихъ, земледѣльцевъ, солдатъ и т. д. во всѣхъ странахъ самый многочисленный. Обыкновенно онъ составляетъ $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$ всего населенія. А между тѣмъ изъ этого класса вышло наименѣе знаменитыхъ ученыхъ, *не смотря на всѣ условія, благоприятныя для прогресса, какъ, напр., школы, возможность*

поступить въ армію, посвятить себя духовному сану, заниматься промышленностью, торговлей и т. д." (стр. 83). Не мудрствуя лукаво, подобно барону Корфу, мы просто думаемъ, что Декандоль обмолвился, какъ можетъ обмолвиться человѣкъ по поводу того, что онъ считаетъ совершенно неважнымъ и о чемъ онъ говоритъ зѣвая, цѣдя сквозь зубы. Кто-же не знаетъ, въ самомъ дѣлѣ, что народнымъ школамъ безъ году недѣля даже въ странахъ наиболѣе цивилизованныхъ и что также недавно уничтожены, хотя и не вездѣ, сословныя привилегіи, закрывавшія доступъ народу къ различнымъ сферамъ соціальной дѣятельности? Но вѣдь Декандоль беретъ ученыхъ за два столѣтія, такъ что если принять, что народныя школы и пр. существуютъ 30 или даже 50 лѣтъ, то, слѣдовательно, изъ народа могли выходить ученые только втеченіи этого короткаго срока, тогда какъ ученые изъ другихъ сословій выходили втеченіи 200 лѣтъ непрерывно. Баронъ Корфъ, для опроверженія этой очевидной ошибки, прибѣгъ къ какимъ-то самостоятельнымъ изслѣдованіямъ, тогда какъ Декандоль самъ гораздо обстоятельнѣе опровергаетъ себя дальнѣйшими цифрами. Такъ какъ въ первомъ спискѣ, изъ котораго Декандоль вывелъ свои заключенія, не было французскихъ ученыхъ, то онъ составилъ новый списокъ, куда включилъ ученыхъ XVIII вѣка съ прибавленіемъ весьма немногихъ изъ нашей эпохи.

Вотъ какъ распредѣляются эти ученые по сословіямъ:

Изъ первой категоріи	11	или	46 ⁰ / ₀
„ второй	8	„	33 ⁰ / ₀
„ третьей	5	„	21 ⁰ / ₀
	24		100 ⁰ / ₀

Уже здѣсь процентъ ученыхъ изъ среды народа больше (такъ-какъ сюда включено нѣсколько ученыхъ XIX столѣтія), точно также какъ и изъ круга аристократовъ и богачей, потому что до революціи этотъ классъ множился и расширялся безпрепятственно. Но въ XIX столѣтіи уже начинаетъ обнаруживаться нивелирующее дѣйствіе совершившагося переворота, который сократилъ пропорцію знати въ средѣ французскаго населенія и возвысилъ значеніе средняго сословія и отчасти открылъ доступъ бѣдному классу къ образованію и общественной дѣятельности. Поэтому ученые, которыхъ далъ Европѣ XIX вѣкъ, распредѣляются въ слѣдующей пропорціи.

Изъ первой категоріи	10	или	28%
„ второй	17	„	47%
„ третьей	9	„	25%
	36		100%

Анализируя цифры Декандоля, баронъ Корфъ обнаружилъ полнѣйшее непониманіе ихъ, и только этииъ непониманіемъ можно объяснить себѣ его громовое негодованіе противъ какихъ-то предвзятыхъ теорій Декандоля и его мнимаго тяготѣнія къ аристократизму. Декандоль, конечно, сдѣлалъ ошибку, но ошибку столь ничтожную, что она почти нисколько не измѣняетъ его главнаго положенія, что для того, чтобы двигать науку, нуженъ достатокъ, на сохраненіе или пріобрѣтеніе котораго не должно тратиться слишкомъ много времени. Это совершенно справедливо, и наивъ понятно, почему вышеприведенныя слова Декандоля о народной школѣ были сказаны имъ, такъ сказать обмолвкой. Школа для народа можетъ только въ незначительной степени увеличить число ученыхъ изъ массы, но оно никогда не сравнится съ числомъ ученыхъ изъ средняго и богатаго сословія. Уничтожайте сколько угодно дворянскія привилегіи, стройте школы, распространяйте грамотность и просвѣщеніе, — это все-таки очень мало измѣнитъ научную производительность низшаго класса населенія, пока у него не будетъ средствъ и времени. Дворяне и аристократы во всѣхъ государствахъ пріобрѣтали досугъ, которымъ они жертвуютъ наукѣ, цѣлымъ рядомъ вѣковъ, путемъ форсированнаго накопленія въ своихъ рукахъ богатствъ, какъ отъ землевладѣнія, такъ и въ сферѣ промышленности. Баронъ-же Корфъ полагаетъ, что народная школа должна переимѣнить свободныя капиталы изъ рукъ дворянъ и аристократовъ въ руки народа. Есть-ли тутъ здравый смыслъ? Вѣдь даже та убогая, азбучная грамотность, изъ-за которой распинаются наши педагоги, нейдетъ въ прокъ народу и, разумѣется, никогда не привьется къ нему, пока онъ будетъ бѣденъ и поглощенъ заботами о завтрашнемъ днѣ. Уничтоженіе сословныхъ привилегій въ лучшемъ случаѣ, поведетъ лишь къ тому, что нѣкоторая часть массы отвернется отъ земледѣльческаго труда и будетъ искать счастья въ промышленности, на поприщѣ общественной дѣятельности, на государственной службѣ и т. д. Что касается промышленности, то, являясь въ эту сферу

безъ капитала, адептъ ея лишь увеличить собою массу фабричнаго пролетаріата, а на другомъ поприщѣ, какъ извѣстно, можно лишь зарабатывать средства къ существованію, но никакъ не составлять богатства.

Итакъ, намѣренно или ненамѣренно, но Декандоль сказалъ правду, когда онъ замѣтилъ, что масса не можетъ дать столько ученыхъ, сколько ихъ выходитъ изъ аристократическаго круга и средняго сословія. Но онъ глубоко заблуждается, возводя это ненормальное положеніе дѣла въ логически-роковую необходимость. Выше онъ говорилъ о томъ, что въ настоящее время ученому нельзя совмѣстить доходную профессію съ занятіями по наукѣ, какъ это было въ прежнее время. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что „по самой силѣ вещей трудъ ученаго долженъ быть исполнѣ безкорыстнѣмъ“ и чтобы „не слѣдовало совѣтовать заниматься наукой тѣмъ, которые ничего не имѣютъ“. Можетъ случиться, что люди, которые желали-бы посвятить себя наукѣ, принуждены будутъ отказаться отъ своего намѣренія ради того, что имъ нечѣмъ существовать. Съ другой стороны, извѣстно также, что то безкорыстіе, которое, по Декандолю, есть существенный характеръ научной дѣятельности, ведетъ лишь къ тому, что ученый, не выдерживая тяжелой борьбы съ лишеніями, преждевременно гибнетъ и обрываетъ на половинѣ драгоцѣнную нить своихъ изслѣдованій. А если ученый, цѣною тяжелыхъ страданій, доведетъ свое мученическое дѣло до конца и подаритъ міру новую великую истину, какъ посмотрѣли-бы мы на человѣка, который, основываясь на словахъ Декандоля, вздумалъ-бы отсовѣтывать этому ученому занятія наукой и убѣждалъ-бы его промѣнять ихъ на профессію чиновника или лавочника.

Вся путаница въ понятіяхъ Декандоля происходитъ, по нашему мнѣнію, оттого, что онъ исключительно погрузился въ созерцаніе своихъ цифръ и не въ состояніи былъ подняться надъ наблюдаемой дѣйствительностью. Изъ-за вопроса, кто и что содѣйствуетъ наукѣ, онъ упустилъ вопросъ: что мѣшаетъ ея развитію? Односторонній фактъ дѣйствительности возведенъ Декандолемъ въ роковой законъ, который отнимаетъ отъ служенія наукѣ огромный классъ населенія. Но кто сколько-нибудь понимаетъ національную важность науки, тотъ едва-ли примирится съ этимъ закономъ. Изъ словъ Декандоля такъ или иначе слѣдуетъ, что

теперь уже почти невозможны гениальные ученые изъ бѣднаго состоянія. Но они были-же прежде, обогащали-же они своими трудами общество и государство, вывели-же они насъ изъ мрака первобытнаго варварства и невѣжества. И изъ-за того, чтобъ не дополнить бюджета ученаго нѣсколькими рублями, общество должно терять милліоны, которые доставляются ему научными открытіями. Впрочемъ, мы имѣемъ въ виду вовсе не ту грошовую филантропію, о которой думаетъ Декандоль. Онъ говоритъ: „если даже увеличить число стипендій для бѣдныхъ и способныхъ учениковъ начальныхъ школъ и университетовъ, то нѣтъ возможности измѣнить существующаго порядка. Умственный трудъ и научныя занятія нельзя превратить въ правильную или доходную профессію. Поощренія создаютъ лишь людей образованныхъ, преимущественно профессоровъ, но чтобы заставить молодого человѣка избрать путь самостоятельныхъ изслѣдованій и сдѣлать ихъ своею спеціальностью, — для этого нужно стеченіе многочисленныхъ условий, совершенно отличныхъ отъ университетскаго образованія“. Конечно, не стипендіи и не временныя поощренія могутъ увеличить процентъ ученыхъ изъ неимущаго класса населенія. Декандоль совершенно правъ, говоря, что одно университетское образованіе не создаетъ ученыхъ, — это только первое изъ многочисленныхъ условий, содѣйствующихъ прогресу знанія. Необходимо обезпечить ученаго на всю жизнь, доставить ему всѣ средства и пособія, дать ему свободную сферу для мысли, и только тогда можно ждать какихъ-либо серьезныхъ результатовъ. Впрочемъ, это будетъ все-таки ничтожной оплатой наукѣ за тѣ неисчислимыя милліарды, которыми она обогатила и будетъ обогащать человѣческую алчность.

V.

Законъ Декандоля, что только люди, располагающіе состояніемъ, полезны для науки, грозитъ величайшими бѣдствіями обществу, которое опуститъ предъ нимъ руки и сочтетъ его результатомъ неизбѣжнаго и нормальнаго хода вещей. Такъ какъ богатства продолжаютъ накапливаться въ ограниченномъ, привилегированномъ кругу людей, то число людей состоятельныхъ, изъ ко-

торыхъ появляются учёные, постоянно уменьшается, такъ что въ концѣ концовъ наука можетъ совсѣмъ исчезнуть съ лица земли. Въ Англіи, гдѣ сосредоточеніе капиталовъ въ однихъ рукахъ совершается быстрѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ, результатъ этотъ обнаружится скорѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Уже теперь въ англійской журналистикѣ раздаются сѣтованія на малочисленность англійскихъ ученыхъ и на упадокъ ихъ научной производительности. Такъ, докторъ Франклендъ высчиталъ, что всѣхъ печатныхъ сочиненій, въ которыхъ обнародованы тѣ или другія научныя изысканія, вышло въ 1866 году въ Германіи 777, во Франціи 245, а въ Великобританіи только 127. Но въ Англіи давно уже не считаютъ такое явленіе нормальнымъ, тамъ уже принимаютъ противъ него мѣры и заявляютъ въ самой положительной формѣ требованіе, чтобы государство вознаграждало дѣятельность ученыхъ и давало имъ болѣе возможности работать на этомъ поприщѣ. Съ какой-бы точки зрѣнія мы ни обсуждали это требованіе, оно справедливо и, въ виду указаннаго нами упадка науки, положительно необходимо.

Обыкновенно полагають, что научныя открытія бывають плодомъ счастливой случайности и простой удачи, и на этомъ основаніи многіе не признають за учеными права на вознагражденіе. Но такое мнѣніе совершенно ошибочно. Напротивъ, большая часть открытій добыта людьми, которые посвятили цѣлыя годы упорному труду, и притомъ не шарлатанами или диллетантами, но людьми, которые занимали высокое мѣсто въ наукѣ. Всѣ главнѣйшія открытія въ области физики и химіи совершены такими первоклассными учеными, какъ Ньютонъ, Кавендишъ, Шееле, Пристлей, Эрстедъ, Вольта, Дэви, Фарадей. Но если прослѣдить исторію каждаго открытія, совершеннаго тѣмъ или другимъ изъ этихъ ученыхъ, то мы найдемъ, что ни одно изъ нихъ не обязано своимъ происхожденіемъ случаю. Иногда, повидимому, самыя простыя или отвлеченныя изслѣдованія вели къ изобрѣтеніямъ, которыя вскорѣ пріобрѣтали національную важность. Незамысловатый опытъ Гальвани надъ сокращеніемъ лягушечьей лапки, подъ вліяніемъ электричества, и чисто-научныя изслѣдованія датскаго натуралиста Эрстеда надъ отношеніемъ электричества къ магнетизму привели къ изобрѣтенію телеграфовъ. Но эти изслѣдованія и опыты стоили громаднхъ усилій и подвигались къ

своей конечной цѣли лишь исподоволь, втеченіи продолжительнаго времени. Такъ, Эрстедъ только послѣ 15-лѣтняго труда открылъ свойство магнитной иглы отклоняться отъ своего положенія, подъ вліяніемъ электрическаго тока, а безъ этого открытія мы не имѣли-бы телеграфовъ, которые основаны на явленіяхъ электро-магнетизма. Всѣ изобрѣтенія, получившія громадную важность въ промышленности, были-бы невозможны безъ научныхъ изслѣдованій. Такъ, труды Вольты, Фарадея и другихъ привели къ открытію гальваническаго серебрения и къ употребленію электрическаго свѣта на маякахъ. На работахъ Дэви и Уэдждуда основана фотографія. Открытіе цинка Парацельсомъ повело къ употребленію этого металла въ гальваническихъ батареяхъ, а открытіе кислорода Пристлеемъ дало возможность правильно организовать и улучшить различныя отрасли промышленности и земледѣльческаго хозяйства. Изобрѣтеніе паровой машины было также результатомъ предварительныхъ изысканій ученыхъ. Уаттъ въ своей брошюрѣ самъ сознается, что онъ не въ состояніи былъ-бы построить своей машины, еслибъ Блэкъ и другіе не опредѣляли количества скрытаго теплорода, при обращеніи воды въ паръ. Окраска шерсти и шелка основана на открытіи Миттерлихомъ нитро-бензина; фабрикація французской пурпуровой краски есть плодъ изысканій Стенгуза. Приготовление фосфорныхъ издѣлій есть результатъ изслѣдованій Шееле и Ганна. Доктора, употребляющіе хлороформъ при операціяхъ, пользуются трудами Субейрана, Либиха и Дюма. Вообще все богатство современныхъ обществъ обуславливается прогрессомъ науки и примѣненіемъ ея къ нуждамъ обыденной жизни. Нѣтъ ни одного фабриканта и промышленника, который не былъ-бы обязанъ своимъ существованіемъ и своими капиталами научнымъ открытіямъ, за которыя не получаютъ никакого вознагражденія ихъ виновники.

Громадные барыши, вытекающіе изъ примѣненія научныхъ изслѣдованій къ практической жизни, прежде всего отходятъ въ пользу фабрикантовъ, земледѣльцевъ, купцовъ и капиталистовъ. Почти невозможно вычислить денежныя выгоды, извлекаемыя современной промышленностью изъ научныхъ открытій. Какія выгоды даетъ наука цивилизаціи, — достаточно указать только на то, что въ Англіи на постройку желѣзныхъ дорогъ затрачено болѣе 550,000,000 ф. ст., а ежегодный сборъ съ желѣзныхъ дорогъ дости-

гаеть 43,000,000 ф. Вообще говоря, всё выгоды, которыя даетъ наука, переходять раньше или позже къ землевладѣльцамъ. Научныя открытія, прилагаемыя къ промышленности, усиливають спросъ на уголь, желѣзо, известь и всевозможныя металлы, а вслѣдствіе этого возвышается цѣнность земли, изъ нѣдръ которой добываются эти вещества. Открытія въ области земледѣльческой химіи также повели къ возвышенію цѣнъ на землю, равно какъ и постройка желѣзныхъ дорогъ. Вездѣ, гдѣ только проведена желѣзная дорога, земля сильно вздорожала вслѣдствіе удобствъ сообщенія. Но вся эта прибавочная цѣнность земли, можно сказать, похищена изъ кармана ученыхъ, насчетъ которыхъ живетъ нація и государство. Нѣтъ ни одного человѣка, который-бы не извлекалъ въ той или другой формѣ выгодъ изъ научныхъ открытій. Газовое освѣщеніе, быстрая корреспонденція съ помощью телеграфа и желѣзно-дорожныя сообщенія, фотографія, дешевая глиняная посуда, усовершенствованія въ области медицины и хирургіи, — все это удобства, которыми пользуются современные цивилизованныя общества. Но, кромѣ того, наука даетъ начало новымъ отраслямъ промышленности, гдѣ десятки тысячъ рукъ находятъ себѣ занятія. Почти 300,000 человекъ имѣютъ мѣста на желѣзныхъ дорогахъ въ одной Великобританіи, не считая тѣхъ, которые занимались при постройкѣ ихъ. Въ отдѣленіяхъ почтоваго телеграфа въ Англіи занимаются 15,000 человекъ; на фабрикахъ, гдѣ изготовляются химическія издѣлія—26,000, а на газовыхъ заводахъ до 10,000. Однако, не только всё классы общества, но и государство пользуется выгодами, вслѣдствіе увеличенія суммы налоговъ. Отъ одной только продажи патентовъ Англія выручаетъ болѣе 600,000 ф. (Westminster Review; April, 1873, стр. 353)

Въ виду несомнѣнныхъ выгодъ, доставляемыхъ государству и націи наукой, повидимому, было-бы крайней несправедливостью, чтобы ученые обречены были прозябать въ нищетѣ и составляли самый бѣдный и недостаточный классъ населенія. Между тѣмъ, во всѣхъ государствахъ матеріальное положеніе ученыхъ гораздо хуже, чѣмъ всѣхъ другихъ членовъ общества. Въ Англіи докторъ, судья, пасторъ, адвокатъ или директоръ желѣзной дороги получаютъ по нѣскольку сотъ тысячъ фунтовъ въ годъ, тогда какъ ученый, работающій въ области химіи и физики, т. е. въ области чисто-прикладныхъ знаній, не получаетъ ровно ничего за свои открытія.

Въ самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ онъ получаетъ отъ правительства единовременное вспомошествованіе въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Университетскія лекціи Фарадея оцѣнивались 200 ф. въ годъ и квартирой втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, а за оригинальныя свои изслѣдованія онъ не получилъ ровно ничего. Между тѣмъ, напр., генералъ англійской арміи получаетъ 2000 ф. въ годъ, даже въ мирное время, когда весь трудъ его состоитъ въ томъ, что онъ явится раза три или четыре въ мѣсяцъ на смотръ передъ своимъ полкомъ; фельдмаршалъ получаетъ 4400 ф. Директоръ высшей школы ежегодно получаетъ 3000 ф. Архіепископъ кентерберійскій получаетъ 15,000 ф. въ годъ, кромѣ того, ему отводится дворецъ и мѣсто въ палатѣ перовъ. Епископъ лондонскій получаетъ 10,000 ф., дворецъ и мѣсто въ палатѣ лордовъ. Авторъ статьи, изъ которой мы заимствовали эти данныя, замѣчаетъ по поводу ихъ: „Нѣкоторые воображаютъ, что ученые могутъ довольствоваться славой, которую они приобрѣтаютъ своими открытіями, но такое разсужденіе не выдерживаетъ никакой критики; никто не можетъ не только трудиться, но и существовать безъ матеріальныхъ средствъ; всякій полезный трудъ долженъ вознаграждаться соразмѣрно его важности или, по крайней мѣрѣ, затратѣ силъ на исполненіе его. Могъ-ли герцога веллингтонскій довольствоваться славой своихъ подвиговъ и не получать жалованья? Могъ-ли епископъ довольствоваться признаніемъ за нимъ ораторскихъ способностей вмѣсто права на вознагражденіе?“ (Westminster Review, April, 1873, стр. 359).

Существуетъ навязное, хотя весьма распространенное убѣжденіе, что многіе ученые, несмотря на свою бѣдность, продолжали трудиться съ неутомимымъ усердіемъ и обогащали науку величайшими открытіями. Но при этомъ забываютъ, однако, что есть-же предѣлъ бѣдности, за которымъ невозможенъ никакой умственный трудъ. Для научныхъ изысканій ученый долженъ обладать необходимыми пособіями, инструментами и лабораторіей, но откуда взять все это, если нѣтъ возможности просуществовать, если жизнь съ каждымъ годомъ становится дороже? Лѣтъ 50 или 100 тому назадъ ученый, обладая среднимъ достаткомъ, могъ-бы беззаботно посвятить свой досугъ наукѣ, но теперь этотъ достатокъ едва-ли спасетъ его отъ долговой тюрьмы или рабочаго дома. Вотъ почему общество, равнодушное къ судьбамъ науки и пред-

ставителямъ ея, не заслуживаетъ и названія общества. Это стадо людей, которое способно жить только животною жизнію...

Въ Англіи процессъ сосредоточенія капиталовъ совершается съ необыкновенной быстротой и потому ей можетъ грозить раньше всѣхъ опасность умственной нищеты и возвращенія къ первобытному варварству. Уже теперь тамъ замѣчается относительное пониженіе числа ученыхъ, изысканія въ области физики и химіи почти совсѣмъ остановились, и если продолжается еще кой-какое научное движеніе, то оно сосредоточилось почти исключительно въ сферѣ практической. Эта дѣятельность ограничивается мелкими изобрѣтеніями и усовершенствованіями, которыя, разумѣется, возможны лишь до тѣхъ поръ, пока не исчерпается научный фондъ, послужившій для нихъ основаніемъ. Но въ Англіи, однако, явленіе это начинаетъ возбуждать сильную тревогу; тамъ убѣждены, что хорошіе ученые весьма рѣдки, и что потеря хоть одного изъ нихъ есть національное несчастье. Въ настоящее время въ Англіи 1 ученый приходится болѣе чѣмъ на 1 миллионъ населенія (Westminster Review, April 1873), хотя прежде это отношеніе было гораздо благопріятнѣе. Это согласно и съ изслѣдованіями Декандоля, такъ какъ изъ таблицъ его видно, что Англія въ научномъ отношеніи занимаетъ четвертое мѣсто, послѣ Швейцаріи, Франціи и Германіи. Нельзя не пожелать, чтобы такой порядокъ былъ измѣненъ съ возможной послѣдностью. Если правительство не въ силахъ измѣнить направленіе экономическаго строя, то во всякомъ случаѣ оно обязано позаботиться о положеніи ученыхъ тѣмъ или другимъ путемъ, даже въ виду собственныхъ выгодъ. Чтобы изыскать этотъ путь, въ Англіи образовалось въ послѣднее время общество, составляющее для этой цѣли особый проектъ, въ основаніе котораго положено требованіе государственнаго вниманія въ судьбу ученыхъ изслѣдователей. Этотъ проектъ предлагаетъ передать въ вѣденіе спеціального комитета изъ ученыхъ оцѣнку научныхъ изысканій и учредить насчетъ государства необходимое число химическихъ лабораторій и физическихъ кабинетовъ, которые находились-бы въ общественномъ пользованіи. Можно думать, что этотъ проектъ не долго останется жертвой буквы, такъ какъ онъ встрѣченъ сочувственно королевской комиссіей для содѣйствія наукамъ — учрежденіемъ вполне официальнымъ. Эта комиссія въ настоящее время собираетъ мнѣнія отъ

различныхъ ученыхъ, находящихся въ королевствѣ, и готовить съ своей стороны рефератъ въ пользу вопроса о привлеченіи государства къ дѣлу поощренія и содѣйствія научнымъ изысканіямъ.

VI.

Для успѣха науки, въ ученое должны соединяться два существенныхъ условія: желаніе и возможность: *il faut vouloir et pouvoir*, какъ говоритъ Декардоль. Последняя часть этого положенія нами разсмотрѣна: теперь-же слѣдуетъ обратиться къ моментамъ, подъ влияніемъ которыхъ зарождается стремленіе къ научнымъ занятіямъ. Давно уже высказана была мысль, что въ числѣ этихъ моментовъ играетъ большую роль наследственная передача психическихъ особенностей отъ родителей къ дѣтямъ. Въ обыденной жизни на каждомъ шагу встрѣчаются поразительные случаи фамилнаго сходства между членами одной и той-же семьи, которое простирается отъ фізіологическихъ свойствъ организма и формъ тѣла до самыхъ сложныхъ особенностей душевной дѣятельности. Ростъ, цвѣтъ волосъ и глазъ, крѣпость мышцъ, устройство голосовыхъ органовъ, глазъ и уха, наконецъ, наклонности и характеръ—все это, какъ извѣстно, подлежитъ наследственной передачѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Медицина также доказала существованіе наследственныхъ болѣзней, которыя иногда весьма упорно гнѣздятся въ одномъ и томъ-же семействѣ и не покидаютъ его до тѣхъ поръ, пока не истребятъ его до корня. Сюда относятся всѣ формы умопомѣшательства, которыя всегда почти оканчиваются идиотизмомъ,—такою болѣзью, свойство которой состоитъ въ томъ, что одержимыя ею лица дѣлаются неспособными къ продолженію рода. Но умопомѣшательство есть болѣзнь души, болѣзнь характера, наклонностей и умственныхъ способностей; слѣдовательно, если съ умопомѣшательствомъ передается по наследству болѣзнь характера, то естественно предположить, что онъ долженъ передаваться и въ здоровомъ состояніи, тѣмъ болѣе, что абсолютнаго здоровья души нельзя себѣ представить. Можно говорить о болѣе или менѣе здоровой (или больной) душѣ, такъ что идиотизмъ есть собственно низшая степень душевнаго здоровья и высшая степень болѣзни, такъ что психическое состояніе большинства опредѣляется средней

степенью, а талантъ и гениальность характеризуютъ высшую степень душевнаго благосостоянія.

Первыя двѣ степени, очевидно, передаются по наслѣдству; это доказывается многочисленными опытами. Что касается послѣдней степени, таланта и генія, то и она также наслѣдственна, какъ показываютъ изслѣдованія Гальтона. Такъ какъ талантъ существенно необходимъ для научныхъ открытій, то поэтому наслѣдственность должна играть громадную роль въ числѣ факторовъ, которые производятъ ученыхъ. Но Декандоль относится весьма отрицательно къ вліянію наслѣдственности, приписывая гораздо большую роль экономическимъ причинамъ, воспитанію и семейному приѣму. Къ такому заключенію Декандоль пришелъ на основаніи весьма недостаточныхъ и ошибочныхъ соображеній.

Отрица наслѣдственность, Декандоль дѣлаетъ прежде всего логическую ошибку. Здѣсь онъ также, какъ и прежде, слишкомъ растерялся въ массѣ фактовъ и частныхъ выводовъ, упустивъ изъ виду общую руководящую идею. Поэтому онъ на каждомъ шагѣ впадаетъ въ противорѣчія съ самимъ собой и не замѣчаетъ, что факты, которые онъ приводитъ для опроверженія наслѣдственности, еще болѣе доказываютъ ея силу. Декандоль самъ допускаетъ вліяніе расы на прогрессъ науки и говоритъ даже, что въ этомъ отношеніи „между свойствами одной и той же расы существуютъ еще большія различія, чѣмъ между самими расами (стр. 268).“ Это, очевидно, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что въ семействѣ, гдѣ издавна практикуется умственный трудъ, является больше лицъ, склонныхъ къ занятіямъ наукой, чѣмъ въ средѣ людей, которые исключительно имѣли дѣло съ трудомъ чисто-мускульнымъ. Впрочемъ, и самъ Декандоль нѣсколько разъ высказываетъ это замѣчаніе. Съ этимъ вполне согласуется тотъ общепризнанный фактъ, что, съ развитіемъ цивилизаціи и интеллектуальнаго прогреса, мозгъ увеличивается въ объемъ и дѣлается сложнѣе, приобрѣтая большее количество извилинъ. А это есть дѣло наслѣдственности, результатъ длиннаго ряда вѣковъ. По нашему мнѣнію, это одно изъ самыхъ вѣскихъ доказательствъ въ пользу наслѣдственности, совсѣмъ упущенное изъ виду Декандолемъ.

Съ другой стороны, Декандоль неизвѣстно почему противупо-

ставляетъ наслѣдственности такія условія, которыя весьма удобно сводятся къ наслѣдственности.

Но обратимся, однако, къ фактамъ. Замѣчательно, что, отрицая наслѣдственность, Декандоль подтверждаетъ ее столь рѣзкими прилѣжами, что ему, вѣроятно, позавидовалъ бы самъ Гальтонъ. Въ списокѣ, откуда Декандоль черпалъ свои данныя, собраны всѣ ученые, кромѣ французскихъ, за два столѣтія. Но, какъ мы знаемъ, парижская академія выбираетъ изъ иностранныхъ государствъ только 8 членовъ на ихъ 200-милліонное населеніе. Въ двѣсти лѣтъ выбрано 92 члена, приблизительно на 1 миллиардъ жителей, — пропорція чрезвычайно ничтожная, такъ что трудно ожидать, чтобы между этими членами нашлось хоть двое изъ одного и того семейства. Кромѣ того, очень многіе ученые не имѣли вовсе сыновей или, по крайней мѣрѣ, такихъ сыновей, которые достигли бы 50 или 60-лѣтняго возраста, когда окончательно упрочивается репутація ученаго. Это обстоятельство еще болѣе уменьшаетъ вѣроятность, что въ упомянутомъ списокѣ ученыхъ встрѣтятся отецъ и сынъ. Однако, такое совпаденіе имѣло мѣсто четыре раза:

Вернульи Давидъ и Вернульи Иванъ академики, подобно отцу ихъ, Ивану Вернульи.

Эйлеръ, Альбертъ и отецъ его Леонардъ.

Гершель Джонъ и отецъ его Вильямъ.

Но есть также академики-сыновья, отцы которыхъ хотя не заявляли себя никакими открытіями въ области науки, но которымъ не чужды были ея интересы, какъ, напр., профессора и медики. Такимъ образомъ, всѣхъ случаевъ наслѣдственной передачи таланта или склонности къ научнымъ занятіямъ, по Декандолю, 17⁰/₀—цифра весьма почтенная и довольно неожиданная. Но она все-таки не удовлетворяетъ Декандоля; во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ онъ видитъ вліяніе примѣра, желаніе сыновей походить на отцовъ, возможность пользоваться книгами и учебными пособіями, которыя находятся въ отцовскомъ домѣ. Особенно смущаетъ Декандоля то обстоятельство, что сыновья рѣдко пріобрѣтаютъ славу въ тѣхъ областяхъ знанія, въ которыхъ отличились отцы. Но это, конечно, ни въ какомъ случаѣ не исключаетъ вліянія наслѣдственности. Самъ Гальтонъ никогда не допускалъ ее въ такой степени, чтобы ее не могло измѣнить воспитаніе и личный опытъ, пріобрѣтаемый послѣ рожденія. Но одного нельзя или весьма трудно

отнять и уничтожить воспитаніемъ: это склонности къ умственному труду. Впрочемъ, есть не мало примѣровъ, когда талантъ переходилъ отъ отца къ сыну въ самой чистой, неизмѣнной формѣ, причѣмъ онъ обнаруживался въ раннемъ дѣтствѣ, когда воспитаніе еще почти не имѣло мѣста. Гаусъ, гениальный математикъ, обнаруживалъ способность къ вычисленіямъ въ самыхъ раннихъ лѣтахъ. Онъ самъ говорилъ, что онъ научился считать прежде чѣмъ говорить, десяти лѣтъ онъ занимался уже высшимъ анализомъ. Паскаль, имѣя 12 лѣтъ, разрѣшилъ 32 предложенія Эвклида. Алексисъ Клеро, сынъ профессора математики, 12-ти лѣтъ отъ роду, представилъ въ парижскую академію наукъ оригинальное изслѣдованіе о нѣкоторыхъ кривыхъ, обладающихъ замѣчательными свойствами. Академія усомнилась, чтобъ этотъ мемуаръ былъ написанъ имъ, но отвѣты Клеро на вопросы, предложенные ему академіей, совершенно разсѣяли въ ней это сомнѣніе. 18-ти лѣтъ онъ былъ избранъ академикомъ, съ предварительнаго разрѣшенія короля, такъ какъ, по закону, академику полагается имѣть не менѣе 20 лѣтъ. Всѣ Бернулли были великими математиками въ возрастѣ отъ 18 до 20 лѣтъ. Когда одному изъ нихъ Ивану III, сыну Ивана II, было 13 лѣтъ, онъ былъ выбранъ докторомъ философіи. Въ области естествознанія встрѣчаются также примѣры наследственной передачи специальныхъ способностей. Такъ, Губеръ-сынъ, изучившій жизнь муравьевъ, не уступалъ въ тонкости наблюденія своему знаменитому отцу, который, будучи слѣпымъ, написалъ естественную исторію пчелъ. Гертнеръ-сынъ и Адрианъ де-Жюссье были столь-же хорошими наблюдателями, какъ и ихъ отцы. Полагаемъ, что нѣтъ надобности перечислять всѣхъ подобныхъ фактовъ, которыхъ можно набрать очень много; полагаемъ, что и приведенныхъ достаточно, чтобъ показать вліяніе наследственности въ дѣлѣ прогреса науки. Однако, считаемъ необходимымъ напомнить читателямъ, что наследственность, коренящаяся въ физиологической природѣ человѣка, тѣмъ не менѣе не представляетъ ничего рокового и неизбѣжнаго. Напротивъ, она вся почти есть дѣло рукъ человѣческихъ и ими-же можетъ быть измѣнена и уничтожена. Жизнь заключаетъ въ себѣ безконечное разнообразіе новыхъ впечатлѣній и неразгаданныхъ феноменовъ, съ которыми на каждомъ шагѣ сталкиваются люди, получая изъ нихъ новую пищу для развитія новыхъ склонностей и новыхъ идей. Но, фор-

мируя свою нравственную природу мыслями и поступками, мы должны помнить, что они не умрутъ съ нами, но войдутъ въ плоть и кровь нашего потомства. Частная, индивидуальная дѣятельность каждаго челоуѣка есть уже до нѣкоторой степени общественная, ибо она опредѣляетъ собою дѣятельность его многихъ непосредственныхъ потомковъ. Слѣдовательно, знаніе закона наследственности не только не должно усыплять въ людяхъ энергію самообновленія, но, напротивъ, возвышать ее и давать ей разумное направленіе напоминаніемъ о громадной отвѣтственности, которую несутъ настоящія поколѣнія предъ будущими.

В. Ошкеевскій.

ЖИЗНЬ БРАЙТА

Джонъ Брайтъ. Избранныя рѣчи. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Перев. съ англ. С.-Петербургъ, 1873 г.

Жизнь или, лучше сказать, политическая и общественная дѣятельность Джона Брайта, представляетъ одну изъ поучительнѣйшихъ и интереснѣйшихъ страницъ въ новѣйшей исторіи Англій. Соотечественники называютъ его «*вождемъ англійскаго народа*». И въ этомъ эпитетѣ нѣтъ ни малѣйшей утрировки. Не облеченный никакою официальною властью, скромный фабрикантъ, почти всегда фигурирующій въ рядахъ оппозиціи, онъ втеченіи сорока лѣтъ руководитъ внутреннею и внѣшнею политикою своей страны. Противъ его идей возстаютъ патентованные и титулованные представители официальной власти, ихъ осмѣиваетъ рутинна, въ нихъ бросаетъ грязью невѣжественный консерватизмъ, но въ концѣ концовъ эти идеи торжествуютъ, представители официальной власти, точно подчиняясь дѣйствию какой-то невидимой силы, сами начинаютъ проводить ихъ въ жизнь, рутинна и консерватизмъ мирятся съ ними, общественное мнѣніе, недавно враждовавшее съ ними, теперь имъ аплодируетъ. «Рѣдкій изъ политическихъ дѣятелей нашего времени, говоритъ «Times», органъ англійской буржуазіи, неизмѣнно ратовавшій противъ каждой мысли, каждаго предложенія Брайта, — рѣдкій изъ политическихъ дѣятелей можетъ, подобно ему, похвалиться, что большая часть защищаемыхъ имъ идей принята и осуществлена его соотечественниками». По силѣ и размѣрамъ своего вліянія на судьбы своей страны, развѣ только одного Деака можно сравнить съ Брайтомъ. Деакъ, какъ и Брайтъ, не занимаетъ никакого официального положенія, онъ частное лицо и ничего болѣе; онъ не магнатъ, не баронъ, онъ даже не банкиръ и не фабрикантъ, а между тѣмъ, онъ много лѣтъ былъ полновластнымъ

владыкою Венгрии, онъ до сихъ поръ подчиняетъ своему вліянію ея политику, возводитъ и низлагаетъ ея министровъ. Правда, онъ глава могущественной партіи,—партіи, которую онъ самъ создалъ, но отъ которой теперь онъ заимствуетъ свою силу. Эта партія безпрекословно повинуется своему маститому вождю, а такъ какъ она очень велика и обладаетъ огромными матеріальными и нравственными средствами, то и политическое значеніе Деака въ настоящее время никого не можетъ удивлять. Совершенно въ иномъ положеніи находится Брайтъ, Онъ не считается ни вождемъ, ни организаторомъ ни одной изъ господствующихъ партій въ Англіи. У него *свои* идеи, своя политика, и онъ борется за эти идеи, за эту политику, не обращая вниманія ни на что, ни на враговъ, ни на случайныхъ союзниковъ. «Поэтому сегодня онъ дѣйствуетъ за одно съ вигами, завтра съ торіями; сегодня нападаетъ на министерство въ рядахъ оппозиціи, завтра защищаетъ министерство противъ оппозиціи и т. д. На него сыплются отовсюду укоризны, насмѣшки, брань, а онъ остается всегда вѣренъ одному Брайту» („Избранныя рѣчи“, стр. XXV). Ревниво оберегаетъ онъ свою независимость и въ ней-то онъ отчасти почерпаетъ свою громадную нравственную силу, а «Брайтъ, говоритъ о немъ Луи-Бланъ, въ своихъ «Письмахъ объ Англіи»,—не угождаетъ, не льститъ никакой силѣ, никакому величію. Враги обвиняютъ его въ честолюбіи. Странное честолюбіе у человѣка, каждое слово котораго увеличиваетъ только его непопулярность и преграждаетъ ему всякій доступъ въ министерство! Надо видѣть, съ какимъ гордымъ презрѣніемъ онъ относится къ общественному мнѣнію въ странѣ, гдѣ общественное мнѣніе царитъ безгранично! Надо видѣть, съ какимъ гордымъ самодовольствомъ онъ, англичанинъ, противорѣчитъ всѣмъ кореннымъ стремленіямъ англійскаго общества». Радикалы не считаютъ Брайта своимъ, а буржуазія и либералы отрещиваются отъ него, какъ отъ демагога и нивелатора. И онъ, дѣйствительно, стоитъ одинъ среди всѣхъ и часто противъ всѣхъ.

Человѣкъ, раздражающій поочередно всѣ партіи, игнорирующій общественнымъ мнѣніемъ, неприбѣгающій ни къ какимъ компромиссамъ и гордящійся своимъ изолированнымъ положеніемъ, такой человѣкъ не можетъ, повидимому, рассчитывать ни на какой успѣхъ, ни на какое прочное и сильное вліяніе. А, между тѣмъ, его идеи, какъ это признаютъ теперь и его враги, легли въ основу англійской политики за послѣднія сорокъ лѣтъ. Во всѣхъ важнѣйшихъ реформахъ послѣдняго времени, въ реформѣ хлѣбныхъ законовъ, въ избирательной рефор-

жѣ, въ реформахъ по управленію Индією, въ реформѣ церковныхъ налоговъ, въ реформѣ поземельныхъ отношеній Ирландіи и т. д., и т. д., во всемъ современномъ направленіи внутренней и внѣшней политики чувствуется брайтовское вліяніе, отражается брайтовское міросозерцаніе. Онъ какъ будто ведетъ націю на буксирѣ своихъ идей, нація сначала смѣется надъ этими идеями, называетъ ихъ утопіями, а потомъ сама-же торопится осуществить ихъ на практикѣ *).

Какъ объяснить это странное вліяніе, это удивительное могущество частнаго человѣка, никогда негонявшагося за властью, никогда неисклавшаго дешевой популярности, никогда нельстившаго ни одной партіи, никогда не поддавливавшагося подъ капризные требованія «общественнаго мнѣнія»? Можетъ быть, скажутъ, что это объясняется очень просто—разумностью идей, защищаемыхъ Брайтомъ, политической мудростью развиваемыхъ имъ проектовъ. Конечно, это очень просто. Но, Боже мой, развѣ идея достаточно быть разумною, чтобы пробить себѣ дорогу въ средѣ «практическихъ» людей? Развѣ мы не знаемъ множества прекрасныхъ и очень разумныхъ идей, безслѣдно погибающихъ при зловомъ хотѣ дикающей рутинѣ и невѣжества. Нѣтъ, нужно или совсѣмъ не знать исторіи, или помѣшаться на оптимизмъ, чтобы увѣрять, будто для успѣха въ общественной жизни достаточно только смѣло и честно проводить разумныя и политически-мудрыя идеи. Да и притомъ, что вы примете за критерій разумности и политической мудрости данной идеи? Если вы возьмете критеріемъ идеалъ такихъ общественныхъ отношеній, при которыхъ всѣмъ одинаково хорошо живется, при которыхъ невозможна эксплуатация слабого сильнымъ, при которыхъ исчезаетъ различіе между лордомъ хлопкомъ и простымъ рабочникомъ,—въ такомъ случаѣ можно усомниться, выдержатъ-ли идеи Брайта пробу вашего критерія. Если вы, не заносясь въ облака, признаете за критерій разумности идеи ея практическую удобоприимность, тогда, конечно, идеи Брайта окажутся весьма разумными. Но вотъ вопросъ: почему-же эти идеи

---

*) Самымъ нагляднымъ примѣромъ этой странной судьбы брайтовскихъ идей можетъ служить хоть судьба его идеи о международномъ третейскомъ судѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ общество относилось къ ней, какъ къ пустой и сентиментальной фантазіи, годной развѣ для квакерскихъ проповѣдей, но совершенно непримѣнимой въ дѣйствительности. „Здравомыслящіе практики“ только смѣялись надъ бреднями утописта, а теперь они кладутъ эти „бредни“ въ основу своей политики, и общество находитъ эту политику въ высшей степени гуманною и практичною.

практически удобопримѣннымы, когда онѣ идутъ, повидимому, въ разрѣзъ съ желаніями и потребностями господствующаго большинства? Оно встрѣчаетъ ихъ съ такою-же ненавистью, съ какою встрѣчало все реформаціонныя планы, изъ которыхъ многіе погибли безслѣдно или упрятаны подъ тяжелый спудъ, а идеи Брайта побѣдили его ненависть, восторжествовали надъ рутинною и незамѣтно, капля по каплю, стали входить въ его плоть и кровь. Отчего? Въ чемъ заключается побѣдоносная сила брайтскихъ идеаловъ? Стоитъ только познакомиться съ этими идеалами, и отвѣтъ явится самъ собою.

«Избранныя рѣчи» Брайта даютъ превосходный матеріалъ для знакомства съ его политическимъ и общественнымъ міросозерцаніемъ. Въ нихъ онъ касается самыхъ разнообразныхъ вопросовъ внутренней и вѣшной политики, затрогиваетъ самые существенные интересы различныхъ классовъ общества и весьма обстоятельно развиваетъ свои воззрѣнія на то, *что должно было-бы быть и чему не слѣдуетъ быть. Не слѣдуетъ быть* крупной поземельной собственности, той феодальной собственности, институтъ которой остается нѣсколько вѣковъ въ своемъ патріархальномъ видѣ и на основаніи котораго семьдесятъ аристократическихъ семействъ владѣютъ всею землею Великобританіи; *не слѣдуетъ* охранять этотъ дряхлый институтъ съ помощью субституцій и майоратовъ; *не слѣдуетъ*, чтобы ландъ-лорды пользовались какими-нибудь особыми правами и преимуществами сравнительно съ лордами хлопка; *не слѣдуетъ* искусственными мѣрами монополизировать политическую власть въ рукахъ одного какого-нибудь сословія; *не слѣдуетъ* допускать никакихъ привилегій въ пользу одного или немногихъ и въ ущербъ многимъ; *не слѣдуетъ* допускать государственнаго вмѣшательства въ дѣло народнаго образованія и въ отношенія работодателей къ работникамъ; *не слѣдуетъ* вести войны, стѣснять свободу торговли, поддерживать государственную церковь и вмѣшиваться въ заграничныя дѣла. *Слѣдуетъ* ввести всеобщую подачу голосовъ съ тайною баллотировкою, уничтожить право первородства, обезпечить права ирландскихъ арендаторовъ, способствовать развитію въ Ирландіи мелкой собственности, дать Индіи возможно-большее самоуправленіе, замѣнить практикуемую относительно ея политику произвола и эксплуатаціи политикою мира и справедливости, отдѣлять государство отъ церкви, рѣшать международныя распри третейскимъ судомъ, содѣйствовать постепенному переходу земледѣльцевъ-батраковъ въ земледѣльцевъ-собственниковъ, не тратить денегъ, собираемыхъ съ народа, на непроизводительные расходы, довести размѣръ налоговъ до крайняго минимума. Вотъ въ

самыхъ общихъ чертахъ тотъ общественный идеалъ, за который Брайтъ упорно борется втеченіи всей своей дѣятельности и который съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе осуществляется на практикѣ. Гражданскимъ успѣхомъ своей дѣятельности Брайтъ обязанъ не столько своимъ личнымъ достоинствамъ, сколько жизненности и цѣлесообразности тѣхъ вопросовъ, которые стоятъ на очереди *пока* своего мирнаго разрѣшенія. Отправленія общественной жизни могутъ быть правильными только тогда, когда ихъ не стѣсняетъ ни застой, ни преобладаніе одного общественнаго органа надъ другимъ, — однимъ словомъ, когда ни монополія, ни привилегія, ни рутинна консервативныхъ началъ не парализируютъ свободной циркуляціи жизненныхъ силъ въ общественномъ организмѣ... Но кто-же не знаетъ, что ни въ одномъ европейскомъ государствѣ не сохранились въ такой цѣлости и неприкосновенности полусгнившіе остатки феодальнаго застоя, какъ въ Англіи. Здѣсь государственная церковь, поземельная собственность, духъ касты, привилегія родовыхъ правъ и т. п., все это и до сихъ поръ уцѣлѣло въ тѣхъ средневѣковыхъ формахъ, которыя сложились въ XIII и XIV вѣкахъ. Но рядомъ съ этимъ ветхимъ институтомъ въ Англіи идетъ другая жизнь, несется другой потокъ общественной жизни: неудержимое стремленіе промышленнаго труда и капитала расширить область своихъ завоеваній и подчинить своему вліянію какъ общественныя, такъ и политическія силы страны. И если на сторонѣ феодальнаго начала находится перевѣсъ авторитета, традиціи и неподвижности, то на сторонѣ промышленнаго движенія — предприимчивость и матеріальное могущество капитала. А для того, чтобы капиталъ могъ удовлетворительно исполнять свою функцію, чтобы онъ могъ ни на минуту не прерывать свое вѣчное движеніе вокругъ колеса промышленности, онъ не долженъ встрѣчать на своемъ пути никакихъ преградъ, никакихъ задержекъ, — онъ долженъ пользоваться полною свободою; иначе у него не будетъ никакихъ ресурсовъ для поддержки своего жизненнаго процесса; застой—его смерть. Свобода-же движенія капитала есть свобода промышленности, свобода производства, свобода обмѣна, свобода найма. Свобода найма или свобода договора предполагаетъ гражданскую свободу, гражданскую равноправность договаривающихся лицъ. Свобода обмѣна требуетъ уничтоженія всякихъ внутреннихъ и вѣнскихъ таможенъ, устраниенія всякихъ искусственныхъ привилегій, ставящихъ одну какую-нибудь группу цѣнностей въ исключительное положеніе относительно всѣхъ остальныхъ; свобода обмѣна

требуетъ, чтобы всѣ товары сонзидѣлись по одной мѣркѣ—по количеству вложеннаго въ нихъ труда и капитала, — потому она находится въ постоянномъ антагонизмѣ со всякаго рода субституціями и майоратами: неподвижная земельная собственность, отягченная феодальными правами, загромождающими ей безпрепятственный доступъ на рынокъ, затрудняетъ движеніе капитала. Отсюда мы видимъ, что во всѣхъ континентальныхъ государствахъ, въ которыхъ развивается процессъ капиталистическаго производства дѣнностей (типомъ котораго служитъ фабричная промышленность), земельная собственность эмансипируется отъ той неподвижности, на которую обрекъ ее феодализмъ, утрачиваетъ всѣ свои исторически-выработавшіяся привилегіи, становится *общедоступною*, входитъ въ безконечный круговоротъ промышленной жизни, и въ этомъ круговоротѣ мельчаетъ и раздробляется.

Близорукая англійская земельная аристократія не понимаетъ этихъ необходимыхъ условій промышленнаго процесса своей страны; ей кажется, что самая разумная политика есть политика охранительная, безустанно ревнующая о чистотѣ и неприкосновенности традиционныхъ учреждений; ей кажется, что требовать расширенія политическихъ правъ значитъ посягать на интересы капитала, что возставать противъ закона о первородствѣ значитъ посягать на право собственности. Однако, экономическія отношенія развиваются по своей собственной логикѣ; эта логика имѣетъ мало общаго съ логикою близорукаго хлопчатаго лорда, и она гораздо сильнѣе послѣдней; незамѣтно она перестраиваетъ по-своему все, что требуется перестроить въ интересахъ промышленнаго эгоизма Англій. Эгоизмъ этотъ составляетъ выдающуюся черту господствующаго класса въ Англій, — черту, которая проходитъ черезъ всю исторію англійской націи и очень ярко выражается въ ея національномъ характерѣ. Она проглядываетъ во всѣхъ стремленіяхъ какъ внѣшней, такъ и внутренней ея политики. Чтобы съ успѣхомъ дѣйствовать на общественное мнѣніе страны, чтобы осуществить ту или другую политическую и социальную реформу, склонить въ пользу ея общественную мысль и совѣсть, надо заинтересовать общество со стороны его ближайшихъ интересовъ, чисто-практическихъ цѣлей, въ результатѣ которыхъ оказывается матеріальное могущество Англій. Мы вовсе не хотимъ поставить въ упрекъ этого стремленія англійской націи—деньги необходимый и великій рычагъ современной цивилизаціи, — но какими средствами удовлетворяется эта алчность и на какія потребности упот-

ребляются эти несметныя богатства, собранныя Англіей съ ограбленной Индіей и Ирландіей, — это другой вопросъ, имѣющей величайшую важность для прогрессивнаго движенія націи. Тотъ узкій и своекорыстный эгоизмъ, который не умѣлъ подняться выше лавочническихъ расчетовъ въ управленіи Индіей, въ завоеваніи Ирландіи, въ вопросѣ объ освобожденіи американскихъ рабовъ, въ избирательномъ цензѣ, въ такъ называемомъ хлѣбномъ вопросѣ, и т. п. — есть вредный и узко-консервативный эгоизмъ. Брайтъ, будучи самъ представителемъ промышленныхъ интересовъ Англии, не упуская ихъ изъ виду ни въ одной изъ своихъ реформаціонныхъ попытокъ, въ то же время умѣетъ стать выше мелкихъ расчетовъ англійскаго аристократа и лавочника, умѣетъ понимать и общечеловѣческіе интересы, безъ которыхъ національное могущество Англии ему кажется невозможнымъ или крайне шаткимъ. Въ этой солидарности матеріальнаго благополучія всѣхъ классовъ общества, всѣхъ народовъ, связанныхъ между собой тѣсными социальными отношеніями, онъ видитъ точку опоры для своего политическаго и общественнаго міросозерпанія. Когда почти вся Англія была на сторонѣ плантаторовъ американскаго юга, рѣшившагося отстаивать рабство противъ Линкольна, когда вся англійская пресса вторила единодушно этому табунному крику и требовала вооруженнаго вмѣшательства, Брайтъ, болѣе другихъ терпявшій въ этомъ промышленномъ кризисѣ, одинъ среди всѣхъ поднялъ свой рѣзкій голосъ за освобожденіе негровъ и разъяснилъ англійскому народу всю нецѣпность и опасность эгоистической политики его правительства. Онъ дальше другихъ смотрѣлъ въ будущее, онъ лучше другихъ понималъ истинные интересы своего отечества. Въ этой дальнорзкости заключается вся его сила; его идеи торжествуютъ; его проекты, его идеалы осуществляются, наперекоръ злобному шипѣнію отжившаго консерватизма, наперекоръ «общественному мнѣнію», т. е. мнѣнію либеральной буржуазіи, — не потому, что эти идеалы запечатлѣны печатью «вышей мудрости», что они направлены ко благу большинства, или что въ нихъ удачно примиряются противоположныя требованія двухъ крайнихъ социальныхъ лагерей; нѣтъ, они такъ легко и быстро осуществляются только потому, что, удовлетворяя практическимъ дѣламъ націи, въ то же время не теряютъ изъ виду и другихъ, болѣе высшихъ, общечеловѣческихъ интересовъ. Если-бы капиталъ не игралъ въ Англии того первенствующаго значенія, которое онъ играетъ, или если-бы идеи Брайта воплощали собою не его интересы, а интересы какихъ нибудь

другихъ, мѣнѣе могущественныхъ общественныхъ факторовъ и если-бы эти идеи обращались только въ тѣсномъ кругу житейской рутины набивающаго себѣ карманъ лавочника, тогда ни ихъ разумность, ни ихъ логичность, ни блестящій ораторскій талантъ Брайта не обезпечили-бы за ними ихъ теперешняго успѣха; или, во всякомъ случаѣ, этотъ успѣхъ былъ-бы весьма проблематиченъ.

Послѣ всего сказаннаго становится вполне понятнымъ отношеніе къ Брайту ланд-лордовъ и радикаловъ. Ланд-лорды, торіи, не могутъ относиться къ нему дружелюбно, потому что онъ, дѣйствительно, посягаетъ на ихъ феодальныя права, на ихъ феодальную собственность. Онъ ихъ врагъ, непримиримый врагъ. Точно также и радикалы не имѣютъ основанія считать его своимъ другомъ. Совсѣмъ другое дѣло буржуазія; она, законная представительница промышленныхъ интересовъ, объявляетъ войну человѣку, который всю свою жизнь боролся во имя этихъ интересовъ, не увлекался никакими посторонними соображеніями, не вступалъ ни въ какіе компромиссы ни съ радикалами, ни съ консерваторами, не подчиняясь капризамъ общественнаго мнѣнія, рискуя подъ часъ даже своею репутаціею. Странное непониманіе; но оно не единственное въ своемъ родѣ. Не разъ уже и въ Англіи и внѣ Англіи у буржуазіи случались подобныя *qui pro quo*: друзей своихъ она принимала за враговъ, враговъ за друзей. Но Брайтъ имѣетъ полное право игнорировать ея мнѣніемъ, онъ не нуждается ни въ ея поддержкѣ, ни въ поддержкѣ какой-бы то ни было изъ существующихъ въ Англіи политическихъ партій; сила, на которую онъ опирается, заранѣе гарантируетъ ему побѣду; эта сила—логика капиталистическаго процесса производства, логика развитія данныхъ, исторически установившихся экономическихъ отношеній. Въ обществѣ эту силу называютъ обыкновенною *силою вещей*; она за Брайта и другихъ союзниковъ ему не надо.

Однако, буржуазія, непонимающая Брайта, видящая въ немъ своего врага, хотя и впадаетъ въ грубую ошибку, но ошибка эта находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ самомъ характерѣ и направленіи брайтовской дѣятельности. Эта дѣятельность, какъ сказано выше, не ограничивалась одними узко-эгоистическими цѣлями, не мирилась съ неправдой экономическаго *status quo* и интересами завтрашняго дня, а старалась согласить ихъ съ общечеловѣческими интересами, и въ этомъ онъ является реформаторомъ, человекомъ, стоящимъ цѣлой головой выше своего общества. Дѣйствительно, Брайтъ очень рѣдко возвышалъ свой голосъ въ защиту того, что сущест-

вуетъ, но за то онъ очень часто вступаетъ съ ними въ смѣлую борьбу. Этою борьбою онъ началъ свою политическую карьеру, въ ней онъ образовалъ замѣчательный ораторскій талантъ, она занимаетъ самое видное мѣсто во всей его дѣятельности, ей онъ обязанъ и своею славою и своимъ вліяніемъ. Въ своихъ рѣчахъ, особенно въ тѣхъ рѣчахъ, которыя направлены противъ англійской знати и ея тупой неподвижности, китаизма, въ которыхъ онъ возстаетъ противъ ненасытной алчности англійскихъ и ирландскихъ ландъ-лордовъ и эксплуатаціи Индіи и Ирландіи — въ этихъ рѣчахъ Брайтъ является грознымъ, народнымъ трибуномъ, бичующимъ людей и своекорыстіе національной политики. Самъ Брайтъ искренно убѣжденъ, что онъ представитель чисто-народныхъ интересовъ, что онъ защитникъ народнаго дѣла; и, дѣйствительно, въ извѣстной степени, онъ можетъ быть имъ названъ; нападая на крупную собственность и на привилегіи дворянства, онъ тѣмъ самымъ является защитникомъ бѣднаго земледѣльца. Но, возставая противъ эксплуатаціи рабочаго богатымъ ландъ-лордомъ, онъ воздерживается говорить объ эксплуатаціи того-же рабочаго хлопчатобумажнымъ лордомъ. Бѣдствія и нищета земледѣльческаго класса могутъ служить въ данную минуту превосходными *полемическими темами* въ борьбѣ съ землевладѣльческою аристократіею, — въ борьбѣ, которая сама собою ставитъ его на высоту народнаго трибуна. Такимъ образомъ, если-бы даже Брайтъ былъ сознательнымъ представителемъ однихъ только промышленныхъ интересовъ, то и тогда онъ не могъ-бы отказаться отъ своей смѣлой и краснорѣчивой защиты общихъ народныхъ интересовъ, — защиты, которая, въ свою очередь, неизбѣжно должна была придать демократическій оттѣнокъ всей его дѣятельности. Но Брайтъ, какъ это видно изъ его собственныхъ словъ, совѣмъ и не считаетъ себя представителемъ однихъ капиталистическихъ интересовъ; онъ служитъ имъ, самъ того не вѣдая, онъ формулируетъ ихъ требованія, онъ борется *за* нихъ, но не *во имя* ихъ. Вотъ еще, причина, почему буржуазія не понимаетъ и боится его. Безъ сомнѣнія, вліяніе Брайта никогда не могло-бы быть такъ велико, если-бы онъ *самъ* смотрѣлъ на осуществленіе своихъ идей, только какъ на средство обезпечить господство самому сильному промышленному классу Англій. Тогда каждое его слово въ защиту народа, въ защиту слабого противъ сильнаго, дышало-бы фальшью и лицемеріемъ, и его рѣчи не могли-бы производить того неотразимаго впечатлѣнія, которое онѣ производятъ теперь. Если-бы Лютеръ не считалъ себя боговдохновеннымъ апостоломъ и

возстановителемъ истинной религіи, искаженной римскою куріею, если-бы онъ смотрѣлъ на себя только какъ на служителя узкихъ и своекорыстныхъ интересовъ городского мѣщанства и свѣтской власти, неужели-бы за нимъ пошли массы, неужели-бы его рѣчи могли взволновать и потрясти всю Германію? Конечно, нѣтъ. Тоже, и еще съ большимъ правомъ, можно сказать и о Брайтѣ. Созналъ онъ хоть на минуту истинный смыслъ своей дѣятельности, и Брайтъ пересталъ-бы быть Брайтомъ. Остался-бы только умный и пронзительный фабрикантъ и ничего болѣе. Характеръ его рѣчей или долженъ-бы былъ совершенно измѣниться, или въ нихъ не было-бы уже прежней искренности. Между тѣмъ, именно эта-то искренность, это задумчивость и придають обаятельную силу его краснорѣчію. Справедливо говоритъ авторъ предисловія къ «Избр. рѣчамъ Брайта», Роджерсъ: «чтобы убѣждать слушателей, необходимо напередъ заручиться ихъ симпатіями, необходимо устранить изъ ихъ умовъ всякія сомнѣнія насчетъ искренности и честности оратора, а для этого необходимо, въ свою очередь, чтобы самъ ораторъ былъ совершенно свободенъ отъ малѣйшаго пятнышка личной мелкоты и лицемерія» (стр. 2). И таковъ именно Брайтъ. Даже враги его ничего не могутъ сказать противъ чистоты и безупречности его нравственного характера. Онъ борется за свои идеи не потому, что видитъ въ этихъ идеяхъ лишь теоретическую формулу практическихъ интересовъ того класса, съ которымъ его связываютъ его личные выгоды; нѣтъ, онъ борется за нихъ потому, что они удовлетворяютъ его *идеалу справедливости*. Хорошъ или дуренъ этотъ идеалъ, но онъ составляетъ руководящую нить всей его дѣятельности. И потому-то его дѣятельность запечатлѣна такимъ возвышеннымъ характеромъ, потому-то она и отличается такою строгою выдержанностью. «Впродолженіи тридцати лѣтъ, говоритъ составитель біографическаго очерка, приложеннаго къ «Избр. рѣчамъ Брайта», впродолженіи тридцати лѣтъ, Брайтъ твердо, неуклонно шелъ по одному пути, боролся за одни принципы, тогда какъ вокругъ него почти всѣ мѣняли свои мнѣнія и теоріи, смотря по господствующему тону событій, или изъ чисто-личныхъ интересовъ. Среди перелѣбчиковъ и политическихъ хамелеоновъ, даже въ виду грозившей ему опасности со стороны постоянно раздражаемой имъ толпы, онъ не отступалъ отъ своей цѣли; его не поколебали ни угрозы, ни клевета, ни издѣвательство, которыя сыпались на него отовсюду, онъ ни разу не измѣнилъ себя. Только безкорыстная преданность своему

идеалу справедливости могла дать ему эту непоколебимую твердость среди испытанія, это мужество въ борьбѣ и эту замѣчательную послѣдовательность въ проведеніи своихъ идей. Если-бы Брайтъ, вмѣсто девиза «будь справедливъ», взялъ девизомъ, подобно вигамъ или торі, «защищай интересы своего сословія», то, несмотря на торжество своихъ идей (торжество, обусловленное, какъ мы сказали выше, со-всѣмъ не его личными достоинствами и добродѣтелями), его личное вліяніе было-бы, по всей вѣроятности, нисколько не значительнѣе вліянія какого-нибудь Дэрби, Дизраэли, Росселя, и т. п.; его нравственный характеръ былъ-бы отнюдь не выше и не почтеннѣе характера тѣхъ «практическихъ политиковъ», о которыхъ онъ самъ, въ одной изъ своихъ рѣчей, выражается такимъ образомъ: «едва-ли есть въ страгѣ учрежденіе, какъ-бы оно древне и почтенно ни было, которыми они не согласились-бы пожертвовать для сохраненія въ своихъ рукахъ власти» (см. его рѣчь: Политическія партіи въ Англии, стр. 469).

Глубокая искренность, неподкупная честность и неизмѣнная вѣрность девизу «будь справедливъ» дѣлаютъ рѣчи Брайта въ высокой степени назидательными не только въ смыслѣ обученія краснорѣчію (какъ полагаетъ Роджерсъ), не только въ смыслѣ ознакомленія съ общественною дѣятельностью и міросозерцаніемъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего вѣка, но въ особенности по тому нравственному вліянію, которое онъ должны производить на читателя, непотерявшаго еще способность отличать ложь отъ правды, честное отъ безчестнаго, безкорыстную любовь къ идеѣ отъ шарлатанствующаго фиглярства. Это послѣднее обстоятельство заставляетъ насъ отъ всей души желать, чтобы книга, давшая поводъ къ настоящей замѣткѣ, получила широкое распространеніе въ кругу нашихъ читателей. Среди той повседневной пошлости, которая давитъ насъ, среди этой мелочной борьбы мелочныхъ интересовъ, этой скучной суетни своекорыстныхъ людшекъ, важно поучающихъ насъ своей жалкой мудрости, чтеніе рѣчей Брайта не можетъ не произвести освѣжающаго и ободряющаго впечатлѣнія. Мы увѣрены, что съ нами согласится каждый, кто прочтетъ эту книгу.

О питаніи въ фізіологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Соч. д-ра Жюля Сира. Пер. съ франц. подъ редакціею А. Н. Моригеровскаго. 1872.

Вопросы питанія: пища, процессы пищеваренія, обработка и сохраненіе съѣстныхъ припасовъ, вредная пища. С. Лезебл; пер. А. С. Ермолова. 1873.

Относительно гигиеническихъ условій своего существованія наше общество находится въ самомъ безпомощномъ состояніи. Мы не говоримъ о классахъ недостаточныхъ, о «черни непросвѣщенной»; ихъ безпомощность въ этомъ отношеніи ничуть не значительнѣе ихъ безпомощности и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Мы говоримъ о классахъ достаточныхъ. Хотя, повидимому, въ матеріальномъ отношеніи, они обставлены несравненно лучше «черни непросвѣщенной», хотя они живутъ не въ курныхъ избахъ, не среди навозныхъ кучъ, вмѣстѣ съ телятами и свиньями, но это не мѣшаетъ имъ умирать такъ-же исправно, какъ умираютъ и люди бѣдные. Статистика увѣряетъ насъ, что въ нашихъ городахъ смертность сильнѣе, чѣмъ въ деревняхъ (см. напр., «Воен. стат. сбор., т. IV, стр. 69), а извѣстно, что у насъ и въ деревняхъ смертность не маленькая. Кто не знаетъ, что ни въ одномъ европейскомъ государствѣ не умираетъ ежегодно столько народу, сколько умираетъ въ Россіи. Говорятъ, что у насъ за то и родится больше, чѣмъ въ Европѣ. Но, это не правда (см., «Дѣло» № 1, «Статист. очерки Россіи»). За то правда, что теперь въ Лондонѣ толкуютъ о томъ, какія мѣры слѣдуетъ принять для огражденія Европы отъ вторженія въ нее эпидемическихъ болѣзней, которыя идутъ съ востока на западъ, черезъ Россію. Казалось-бы, что наше близкое сосѣдство съ восточными народами, которые пользуются особенной привилегіею умирать отъ разныхъ эпидемическихъ заразъ и распространять ихъ по всему лицу земному, — что это шилое сосѣдство обязываетъ насъ употребить всѣ средства обставить себя такими гигиеническими условіями, которыя-бы защищали насъ самихъ отъ этихъ заразъ и эпидемій и не дѣлали изъ нашего отечества переходнаго этажа для распространенія ихъ въ Европѣ; но кому-же неизвѣстно, какъ скудны вообще наши медицинскія средства и какъ мы далеки отъ гигиеническихъ условій въ частной и общественной нашей жизни. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ сряду въ новгородской губ. свирѣпствуетъ эпизоотія,

встребляющая скотъ, и мы до сихъ поръ не знаемъ, какъ помочь горю. Холеpa, посѣщая насъ такъ часто, уничтожаетъ по цѣлой трети населенія въ нашихъ городахъ, какъ это было въ 1871 году въ Тамбовѣ... Чтобы судить объ уровнѣ нашихъ гигиеническихъ понятій, достаточно указать на тотъ фактъ, что неусыпное око нашей полиціи должно слѣдить за каждымъ шагомъ нашего общества, — полиція совѣтуетъ намъ не обжираться зеленою и тухлой рыбой во время постовъ, вычищать наши мусорныя ямы, не опиваться водкой во время жаровъ и т. п. Что, повидимому можетъ быть дороже человѣку, какъ не его сила и здоровье, а между тѣмъ, и тутъ намъ нужно напоминать о ихъ сохраненіи, вужно указывать, что можно ѣсть и чего—нельзя. Но мы понимаемъ, что для борьбы съ той массой антигигиеническихъ условій, которыя порождаютъ наши болѣзни и обуславливаютъ нашу смертность, недостаточно-единичныхъ усилій частныхъ лицъ, что тутъ требуется вмѣшательство организованныхъ силъ всего общества. За отсутствіемъ такого вмѣшательства, частнымъ лицамъ остается пресловутая *самопомощь*. Но и эта *самопомощь* доступна для нихъ въ крайне ограниченныхъ предѣлахъ; для сколько-нибудь широкаго реализованія ея у нихъ не достаетъ двухъ самыхъ существенныхъ условій: матеріальныхъ средствъ и знаній. Откуда добыть средствъ, гдѣ приобрести знаній? Свѣдущихъ людей почти нѣтъ, на всю Россію ихъ отыщется десятка полтора, — докторовъ, хотя немножко и больше, но все-таки еще мало, такъ мало, что на цѣлыя волости въ 10,000 душъ часто не оказывается ни одного врача; больницъ еще меньше, аптекъ—тоже; естественныя науки, которыя начали было прививаться къ нашему общественному сознанию и которыя намъ такъ необходимы хотя-бы для того, чтобы не принимать холеры за наводненіе нѣмца или колауна, — поставлены нами на задній планъ и мы стали преусердно долбить Цицерона и Саллюстія. Остается литература, и надо сознаться, ей дѣйствительно не возбраняется разсуждать на счетъ удобнѣйшаго устройства ватерклозетовъ и комнатныхъ вентиляцій, насчетъ химическаго состава хлѣба и мяса, относительной питательности той или другой пищи, и даже... вступать въ пререканія по поводу либиховскаго бульона и данилевскихъ консервовъ. И литература ревностно пользуется своимъ правомъ: книжный рынокъ заваленъ всевозможными сочиненіями (преимущественно, разумѣется, переводными) по части сбереженія и укрѣпленія не только здоровья, но даже и красоты. Допустимъ, однако, что литература съ избыткомъ снабдила насъ все-

возможными гигиеническими знаниями, но что мы сделаемъ съ этими знаниями, если у насъ не окажется въ наличности достаточнаго количества средствъ для практическаго осуществленія этихъ знаній? Гигиеническія мѣры только тогда и приносятъ какую-нибудь пользу, только тогда и достигаютъ своей цѣли, когда ихъ примѣненіе не ограничивается единичными личностями, а распространяется на все общество. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что вы, читатель устроили свою жизнь самымъ гигиеническимъ образомъ, вы употребляете пищу, наиболѣе соответствующую вашему образу жизни, вашимъ лѣтамъ и особенностямъ вашего организма, вы встаете съ солнечнымъ восходомъ и ложитесь съ солнечнымъ закатомъ, вы носите такую одежду, живете въ такомъ помѣщеніи, которыя вполне удовлетворяютъ условіямъ здороваго жилища и «одобренной наукою» одежды, вы не изнуряете себя ни чрезмѣрнымъ трудомъ, ни чрезмѣрнымъ отдыхомъ, вы тщательно воздерживаетесь отъ всякихъ излишествъ и т. д., и т. д. Все это прекрасно, но уберечь-ли васъ весь этотъ уходъ за собственной особой, когда вамъ приходится ежесекундно дышать зараженнымъ воздухомъ, когда бокъ-о-бокъ съ вами безпрятственно развиваются и распространяются всевозможныя болѣзни, когда сама почва благопріятствуетъ заразѣ, когда, однимъ словомъ, все вокругъ васъ отрицаетъ гигиену и протестуетъ противъ необходимости заботиться о человѣческомъ здоровьѣ, пока человѣкъ еще не свезенъ въ больницу. Но для того, чтобы измѣнить гигиеническія условія жизни народныхъ массъ—для этого, очевидно, нужна и сила и матеріальныя средства. У васъ нѣтъ ни того, ни другого; вы можете измѣнить только гигиеническія условія вашего собственнаго существованія. Что выиграетъ отъ этого общество? Намъ кажется, что весь его выигрышъ будетъ состоять лишь въ томъ, что увеличится число лицъ, отрицательно относящихся къ его гигиеническимъ условіямъ. Въ этихъ именно видахъ,—въ видахъ увеличенія числа лицъ, способныхъ вполне понять и оцѣнить ненормальность этихъ условій, было-бы въ высокой степени желательно возможно большее распространеніе въ нашемъ обществѣ гигиеническихъ свѣденій.

Конечно, мы не хотимъ этимъ сказать, что, помимо такого чисто отрицательнаго результата, они не могутъ привести ни къ какому положительному. Въ извѣстной степени, они, безъ сомнѣнія, принесутъ (или, по крайней мѣрѣ, *могутъ* принести) и нѣкоторую положительную пользу тѣмъ лицамъ, которыя, усвоивъ себѣ ихъ, серьезно постараются примѣнить ихъ въ тѣсной сферѣ своего домашняго обихо-

да. Никто не станетъ отвергать, что, кромѣ общихъ и «не отъ насъ зависящихъ» условій, на каждомъ шагу подвергающихъ нашу жизнь и наше здоровье самымъ серьезнымъ опасностямъ, есть еще другія условія, уже вполне отъ насъ зависящія, которыя мы *можемъ* измѣнить по собственному желанію, но не всегда или, лучше, очень рѣдко *умѣемъ*. Гигіена научаеъ насъ этому, она объясняетъ намъ вредное или полезное значеніе того, къ чему мы прежде относились индифферентно или неправильно (принимая, напр., вредное за полезное и наоборотъ) и указываетъ наиболѣе раціональные способы устранять вредное и усваивать полезное. Особенно важны въ этомъ отношеніи тѣ ея указанія, которыя касаются самаго существеннаго и самаго близкаго для всѣхъ насъ вопроса, — вопроса о «хлѣбѣ насущномъ». Правда, и здѣсь частная гигиена тѣсно соприкасается съ гигиеною общественною; съ какою-бы нѣжною заботливостію то или другое частное лицо ни относилось къ своему желудку, но если массы поставлены въ такія условія, которыя лишаютъ ихъ всякой возможности раціонально питаться, то эта нѣжная заботливость не всегда приведетъ къ желанному результату. Не говоря уже о томъ, что дурное питаніе массы обуславливаетъ развитіе и распространеніе множества заразительныхъ болѣзней, жертвою которыхъ нерѣдко становятся и классы раціонально-питающіеся, мы не должны забывать, что руками этой-же массы готовится и перерабатывается большая часть продуктовъ, употребляемыхъ нами въ пищу. Можетъ-ли-же это приготовленіе и переработка соответствовать всѣмъ требованіямъ разумной гигиены, когда она производится руками людей, неизбѣжно не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія ни о раціональномъ уходѣ за скотомъ, ни о раціональномъ воздѣлываніи почвы, ни о чемъ, однимъ словомъ, что выходитъ за границы традиціонной рутинѣ? Конечно, на этотъ вопросъ никто не отвѣтитъ утвердительно. А отвѣтъ отрицательный неизбѣжно ведетъ къ тому выводу, что примѣненіе раціональныхъ способовъ питанія въ жизни отдѣльныхъ, частныхъ лицъ, безъ распространенія ихъ на все общество, не можетъ быть ни вполне достижимо, ни особенно выгодно. Однако, отсюда еще никакъ не слѣдуетъ, что для этихъ единичныхъ личностей вопросъ о лучшихъ способахъ питанія не имѣетъ никакого значенія; если при употребленіи пищи, наиболѣе соответствующей организму, организмъ, при данныхъ условіяхъ, не можетъ всегда считать себя вполне безопаснымъ отъ болѣзнетворныхъ вліяній окружающей среды, то, при питаніи нераціональномъ, онъ не можетъ считать себя *ни въ какомъ случаѣ* безопаснымъ отъ нихъ. Шансы заболѣванія

увеличиваются для него пропорціонально нераціональности питания. Потому для людей, неравнодушныхъ къ тому высокому налогу, который взимается съ насъ смертью, вопросъ о рациональномъ питаніи долженъ имѣть самое существенное и первостепенное значеніе. Безъ преувеличенія можно сказать, что передъ этимъ вопросомъ всѣ другіе вопросы частной гигиены отодвигаются на задній планъ. Отъ того или другого разрѣшенія его зависать не только устраненіе множества шансовъ къ заболѣванію, но и характеръ и направленіе практической дѣятельности человѣка.

Выборъ пищи почти столько-же вліяетъ на человѣческое здоровье, какъ и на человѣческое міросозерцаніе; и въ этомъ отношеніи важность вопроса о пищѣ трудно слишкомъ преувеличить. Но, независимо отъ этого, для насъ, русскихъ, почти лишенныхъ разумной врачебной помощи, разумное отношеніе къ питанію организма имѣетъ еще другое значеніе: «предостерегая насъ, говоритъ переводчикъ книги Жюль Сира, отъ множества ошибокъ въ питаніи, оно, съ другой стороны, спасетъ насъ отъ довѣрчиваго отношенія къ такимъ врачамъ-ремесленникамъ и искателямъ практики, которые, живя смутными воспоминаніями когда-то слышаннаго и читаннаго ими, не могутъ обойтись безъ слабительныхъ и кровопусканій, кстатѣ и некстатѣ наливаятъ въ желудокъ больныхъ разныя лекарственныя поѣла и при большей части болѣзней лишаютъ своихъ пациентовъ надлежащаго питания. Такіе врачи встрѣчаются у насъ не въ однихъ только захолустьяхъ. Но припомнимъ, что въ отечествѣ нашемъ есть много и такихъ мѣстностей, гдѣ своевременная врачебная помощь рѣшительно невозможна; потому что на цѣлый уѣздъ въ 20,000 жителей имѣется одинъ только врачъ, да и тотъ, пожалуй, какой нибудь Христіанъ Ивановичъ, отъ котораго «люди, какъ мухи, выздоравливаютъ». Въ этихъ мѣстностяхъ получаетъ величайшую важность умѣнье самому защищаться отъ разныхъ недуговъ разумнымъ выполненіемъ одного изъ существеннѣйшихъ требованій организма». (Жюль Сиръ, Предис., стр. IV).

Къ несчастію, на нашемъ книжномъ рынкѣ чаще появляются книги, въ которыхъ вопросъ о пищѣ рассматривается исключительно съ точки зрѣнія гастрономическихъ потребностей вкуса, а не разумныхъ потребностей организма. Но тѣ два сочиненія, заглавія которыхъ выписаны намъ въ началѣ настоящей замѣтки, не принадлежать къ числу книгъ этой категоріи, и это обстоятельство заставляетъ насъ рекомендовать ихъ особому вниманію нашихъ читателей. Въ нихъ ояъ

не найдетъ описанія способовъ приготовления разныхъ суповъ, жареныхъ и пироговъ, но за-то найдетъ научное опредѣленіе достоинства разнаго рода пищевыхъ веществъ, по степени ихъ питательности и удобоваримости, опредѣленіе значенія разнаго рода снадобій, употребляемыхъ въ видѣ приправъ къ кушаньямъ, вліянія разныхъ напитковъ на экономію нашего тѣла, указанія *качества* пищи, сообразной возрастамъ и темпераментамъ, въ разныя времена года и въ разныхъ климатахъ, должнаго *количества* пищи, необходимой для вознагражденія потерь организма соотвѣтственно вѣсу тѣла, полу, возрасту, количеству мышечной и нервной работы и т. д. Изъ книжки Летеби онъ позаимствуетъ свѣденія о способахъ сохраненія и вообще приготовления пищи и познакомится съ довольно популярно изложеннымъ очеркомъ пищеварительныхъ процессовъ. Сравнительно съ сочиненіемъ Жюль Сира, оно вообще отличается большею популярностью и меньшею полнотою. Нѣкоторыхъ сторонъ вопроса о питаніи Летеби и вовсе не касается; напримѣръ, онъ ничего не говоритъ о питаніи въ терапевтическомъ отношеніи, о различныхъ способахъ леченія посредствомъ питанія, о питаніи въ патологическомъ отношеніи и т. п. Жюль Сиръ, напротивъ, имѣя въ виду не столько обыкновенную публику, сколько публику врачей специалистовъ; онъ старается анализировать вопросъ о питаніи самымъ разностороннимъ и строго-научнымъ образомъ. Въ оригиналѣ книга могла-бы даже многимъ изъ нашихъ читателей показаться слишкомъ спеціальною. Вслѣдствіе этого редація перевода сочла нужнымъ дополнить текстъ подстрочными примѣчаніями, и вездѣ, гдѣ находила возможнымъ, замѣняла термины, принятые въ наукѣ, соотвѣтствующими имъ болѣе близкими русскими словами. «Но, прибавляетъ переводчикъ, хотя, при передачѣ книги Сира на русскій языкъ, мы всего болѣе озабочивались доступностію ея большинству обыкновенныхъ, нелитературныхъ образованія читателей, тѣмъ не менѣе она не окажется излишнею и бесполезною и для тѣхъ врачей нашихъ, «которые удостоютъ прочтеніемъ предлагаемый переводъ» (стр. V.). Мы не знаемъ, на сколько можетъ осуществиться подобная надежда, но несомнѣнно, что большинство «обыкновенныхъ, нелитературныхъ нѣкотораго образованія читателей», найдетъ въ ней не мало весьма полезныхъ данныхъ какъ относительно состава такъ и физиологическаго и патологическаго вліянія пищи на нашъ организмъ.

Кромѣ того, какъ мы уже сказали выше, Жюль Сиръ подробно разсматриваетъ вопросъ о питаніи организма во время болѣзни, указавъ

зывая при этомъ, какъ тѣ болѣзненные случаи, при которыхъ пища можетъ быть только однимъ изъ вспомогательныхъ средствъ леченія, такъ и тѣ, при которомъ одно питаніе, съ исключеніемъ всякихъ лекарствъ, оказываетъ могущественное врачебное дѣйствіе.

Такимъ образомъ, книга Сира научаетъ читателя сознательно относиться къ вопросу объ удовлетвореніи одной изъ первыхъ потребностей жизни и ставить его до нѣкоторой степени въ возможность собственными средствами отвращать множество болѣзней, составляющихъ неизбежное послѣдствіе нераціональнаго выбора и приготовленія пищи.

Роль воображенія въ развитіи естественныхъ наукъ. Д. Тиндала. Перевелъ Ф. Павленковъ. Вятка. 1873 г.

Интересъ этой коротенькой брошюрки очень мало соответствуетъ громкому имени ея автора. Геніальный физикъ нашего времени ищетъ въ области физическихъ явленій научныхъ доводовъ для доказательства весьма проблематическаго положенія, что, воображеніе благотворно вліяетъ на умъ естествоиспытателя въ моменты его изслѣдованій. Намъ нѣсколько странно видѣть въ ученомъ, который всѣмъ обязанъ строгому опыту и свидѣтельству органовъ чувствъ, такое пылкое пристрастіе къ воображенію, какъ въ Тиндалѣ. Впрочемъ, это не первое заблужденіе этого замѣчательнаго ума; въ своей извѣстной брошюрѣ «Объ устройствѣ вселенной» Тиндаль обнаружилъ еще болѣе оригинальную смѣлость своей живой фантазіи, которая заставила его впасть въ тонъ ясновидящаго. Если воображеніе есть способность воспроизводить реальные факты дѣйствительности, то едва-ли нужно доказывать, что оно играетъ роль въ процессѣ мышленія вообще, слѣдовательно, и въ актѣ научнаго изслѣдованія. Но Тиндаль даетъ понять, что подъ воображеніемъ онъ понимаетъ совсѣмъ не эту, вполне нормальную и необходимую способность ума, онъ требуетъ отъ воображенія какой-то творческой силы и помощи тамъ, гдѣ совершенно безсмысленны опытъ и наблюденіе. Всѣмъ извѣстно, что воображеніе очень часто является въ этой двусмысленной роли, но насколько оно содѣйствуетъ процессу логическаго мышленія и какія услуги оказываетъ положительному знанію—это еще вопросъ,

который остается и у Тиндаля такимъ-же темнымъ, какъ и у метафизиковъ добраго стараго времени. Намъ кажется, что Тиндаль вообще выбралъ очень неудачные примѣры для подтвержденія своей мысли. Гипотезы, создаваемые воображеніемъ, еще могутъ быть терпимы въ сферѣ явленій, доступныхъ прямому опыту, но только потому, что есть надежда на уничтоженіе этихъ гипотезъ и замѣщеніе ихъ несомнѣнной истиной. Но когда ученый уносится на крыльяхъ своего воображенія въ таинственныя сферы невидимой природы, когда онъ начинаетъ наполнять ее вымышленными образами и разставлять ихъ, какъ мебель въ своемъ кабинетѣ, то едва-ли онъ вправѣ видѣть въ этомъ сомнительномъ торжествѣ знанія превосходство своего воображенія, своей дедукціи надъ микроскопомъ. Справедливо, что есть цѣлый міръ неуловимыхъ физическихъ явленій и процессовъ, гдѣ, по выраженію Тиндаля, власть микроскопа такъ же велика, какъ власть сіамскаго короля въ Англіи, но надо признаться, однако, что воображеніе не имѣетъ и того отношенія къ упомянутымъ явленіямъ, въ какомъ находится даже сіамскій король къ Англіи. Если грубый опытъ и микроскопъ не въ состояніи посвятить насъ во всѣ тайны природы и оставляютъ въ наукѣ значительную пустоту, то гораздо лучше и безопаснѣе остаться при этой пустотѣ, чѣмъ переселяться въ сказочный міръ фантазіи и галлюцинацій. Увѣренность въ абсолютномъ незнаніи всегда полезнѣе призрачнаго знанія. До сихъ поръ опытная физика ничего не знаетъ о частичномъ строеніи матеріи, она не держала въ своихъ рукахъ атома и не видѣла его своими глазами даже при помощи самаго сильнаго микроскопа; отъ наблюденій ея ускользаютъ также всѣ внутренніе процессы частичнаго движенія. Но вѣдь, съ другой стороны, можно только пожалѣть о такомъ счастливецѣ, который успокоится на атомистической теоріи, созданной чистымъ воображеніемъ, и искренно увѣруетъ въ гипотезу волнообразнаго движенія эфира, какъ источника свѣта, теплоты, электричества и магнетизма. Самъ Тиндаль въ настоящей своей брошюрѣ служитъ живымъ опроверженіемъ своихъ воззрѣній на воображеніе, какъ опоры при естественно-историческихъ изслѣдованіяхъ. Одно изъ самыхъ вредныхъ свойствъ воображенія, понимаемаго въ смыслѣ Тиндаля, состоитъ въ томъ, что оно не знаетъ никакого удержу и, не удовлетворяя умъ гипотезами, толкаетъ его все дальше и дальше въ дебри иллюзій и фиктивныхъ представленій. Рѣдкая гипотеза вполне объясняетъ какое-нибудь явленіе; обыкновенно въ немъ остаются еще такія стороны, для которыхъ нужна еще другая гипотеза, для нея

третья и т. д., пока, наконецъ, рядъ такихъ гипотезъ не отрѣжетъ всякій путь къ отступленію отъ гипотезы первоначальной, быть можетъ, совершенно ложной. Тиндаль, напр., выходя изъ гипотезы волнообразнаго движенія эфира, прямо переходитъ къ другой, еще болѣе произвольной гипотезѣ какихъ-то неизмѣримо-тонкихъ матеріальныхъ частицъ, разсѣянныхъ будто-бы въ нашей атмосферѣ. Правда, что при первой гипотезѣ послѣдняя естественна, она логически дополняетъ ее и не лишена нѣкотораго блеска. Умозрительная физика въ настоящее время предполагаетъ, что свѣтъ есть особый родъ движенія эфира, той неуловимо-тонкой матеріи, совершенно недоступной органамъ чувствъ, которая будто-бы наполняетъ собою всю вселенную. Но этой гипотезы еще все-таки мало для объясненія свѣтовыхъ явленій, ибо нужно объяснить, отчего-же движется самъ эфиръ, гдѣ источникъ свѣта? Этотъ вопросъ весьма легко разрѣшается новымъ предположеніемъ, которое состоитъ въ томъ, что частицы солнечной матеріи находятся въ постоянномъ колебаніи, которое передается ближайшимъ частицамъ эфира и чрезъ посредство ихъ доходитъ до нашего глаза. Но и тутъ еще не конецъ гипотезамъ. Солнечный лучъ не всегда окрашиваетъ тѣла и предметы бѣлымъ цвѣтомъ; небо, освѣщаемое солнцемъ, имѣетъ голубой цвѣтъ. Спрашивается, какъ объяснить это явленіе? Извѣстно, что лучъ свѣта состоитъ изъ массы разныхъ цвѣтовъ, соединеніе которыхъ даетъ бѣлый цвѣтъ. Но въ этомъ достовѣрномъ фактѣ еще нѣтъ все-таки объясненія для голубой окраски неба. Нужна опять гипотеза, которую и развилъ Тиндаль въ разбираемой брошюркѣ. Не долго думая, онъ взялъ да и наполнилъ атмосферу какими-то невидимыми, но матеріальными частицами, которыя приходятъ въ постоянное столкновеніе съ цвѣтовыми лучами (или, выражаясь болѣе научно, съ волнами эфира), задерживаютъ ихъ и отбрасываютъ въ сторону неба. Солнечный свѣтъ состоитъ изъ лучей различной ширины (изъ волнъ различной длины), соответственно различнымъ цвѣтамъ; узкіе лучи (короткія волны) производятъ въ нашемъ глазу впечатлѣніе голубого и синяго цвѣта, а широкіе производятъ всѣ остальные цвѣта. На этомъ-то основаніи Тиндаль предполагаетъ, что вымышленныя имъ частицы, разсѣяныя въ атмосферѣ, служатъ какъ-бы скалами, на которыя набѣгаютъ цвѣтные лучи или волны эфира и, ударившись объ нихъ, отбрасываются назадъ. Разумѣется, эти матеріальныя частицы отбрасываютъ скорѣе и въ большой массѣ узкіе, т. е. голубые лучи, потому-что широкіе легко могутъ обогнуть эти частицы и продолжать свой путь дальше.

Вотъ въ чемъ и заключается причина небесной лазури, по объясненію Тиндаля.

Въ этой гипотезѣ замѣчательны не столько частности, сколько ея исходная точка—существованіе въ воздухѣ безконечно малыхъ матеріальныхъ частицъ. Тиндаль до такой степени увлекся вымыслами своей фантазіи, что подъ конецъ совершенно увѣровалъ въ нихъ и принялъ свои частички за реальные объекты, тогда какъ въ началѣ онъ все еще считалъ ихъ гипотетическими. Ученый Де-ла-Ривъ давно еще высказалъ мысль, что въ воздухѣ носятся цѣлыя міриады органическихъ зародышей, но ему замѣтили тогда-же, что эти міриады должны были-бы затемнять собою солнечный свѣтъ. На это Тиндаль замѣчаетъ: «Не принимая подъ свою защиту ни идей Де-ла-Рива, ни ученія о самозарожденіи, я хочу только обратить ваше вниманіе на тотъ неоспоримый фактъ (?!), что въ атмосферѣ, какъ мы уже видѣли (1), существуютъ матеріальныя частички, которыя, ускользая отъ самыхъ сильныхъ микроскоповъ и чувствительныхъ тѣсовъ, тѣмъ не меньше не производятъ никакого потемнѣнія въ воздухѣ, хотя и находятся въ немъ въ такомъ громадномъ количествѣ, что предъ ними блѣднѣетъ еврейская шпербола о числѣ песчинокъ на днѣ морскомъ» (стр. 41). Такая вѣра въ изобрѣтательность своей фантазіи уже больше, чѣмъ временное заблужденіе и поправимая ошибка. Во всякомъ случаѣ намъ становится понятно, почему нѣкоторые ученые, къ которымъ Тиндаль относится съ высокоумѣреннымъ презрѣніемъ, не отходятъ отъ своего микроскопа и не подогрѣваютъ своего ума пылкимъ воображеніемъ.

Соотношеніе жизненныхъ и физическихъ силъ. Публичная лекція А. Баркера. Перевелъ Ф. Павленковъ. Вятка, 1873 г.

Гораздо замѣчательнѣе романтически-ученой брошюры Тиндаля скромная и безпритязательная лекція американскаго ученаго Баркера. Чуждая смѣлыхъ гипотезъ и фантастическихъ экскурсій въ туманную область сверх-чувственныхъ явленій, она приковываетъ къ себѣ желѣзной логикой опыта и внушаетъ отрадное чувство вѣры въ будущность опытнаго естествознанія, въ благотворность метода прямого на-

блюденія надъ фактами, который Тиндаль едва не совѣтуетъ покинуть для смѣлыхъ полетовъ воображенія. Въмѣсто голословныхъ споровъ о томъ, чего можно и чего нельзя ожидать отъ развитія экспериментальной физики, гораздо лучше познакомиться читателю съ ея современнымъ состояніемъ и успѣхами, составляющими ея послѣднее слово. Изъ лекцій профессора Баркера читатель увидитъ, что эти успѣхи дѣйствительно замѣчательны и достойны изученія. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, не остановиться въ нѣкоторомъ изумленіи предъ громадностью синтеза, къ которому пришла современная физика въ ученіи о единствѣ и соотношеніи силъ. Хотя популярная литература по естествознанію часто разъясняла это ученіе и, по всей вѣроятности, съ нимъ знакомо большинство образованныхъ читателей, но лекція Баркера не теряетъ все-таки своей цѣны и заслуживаетъ даже особеннаго вниманія по своеобразной группировкѣ фактовъ и матеріаловъ, изъ которыхъ выводится законъ соотношенія. Кроме того, она затрагиваетъ довольно новый въ естествознаніи вопросъ о переходѣ неорганическихъ силъ въ живыя силы человѣческаго организма. Въ наукѣ давно уже утвердилось мнѣніе, что физиологическіе процессы въ тѣлѣ человѣка управляются физическими законами, что силы, присущія инертной, неорганической матеріи, свойственны и живому организму. Но спрашивается, откуда берутся въ немъ эти силы, рождаются-ли онѣ въ самомъ организмѣ, волей (или нервами) человѣка, или переходятъ въ него изъ внѣшней среды?

Если какой-нибудь неодушевленный предметъ, неорганическое тѣло, обнаруживаетъ извѣстное свойство, если оно, напр., нагрѣто, то физика учитъ, что это свойство родилось въ тѣлѣ не самопроизвольно, но перешло къ нему отъ другого тѣла, причемъ нѣтъ необходимости, чтобы два эти тѣла обладали непременно однимъ и тѣмъ-же свойствомъ. Пламя печи нагрѣваетъ комнатный воздухъ, а въ другомъ случаѣ теплота, сообщаемая однимъ тѣломъ другому, переходитъ не въ теплоту, но, напр., въ электричество: если нагрѣть спай двухъ разнородныхъ металловъ, то между ними будетъ проходить электрическій токъ. Движеніе одного тѣла вызываетъ въ другомъ иногда движеніе, иногда теплоту (молотъ, ударяющій о наковальню, согрѣваетъ ее), а иногда электричество, если, напр., натирать кошачьимъ мѣхомъ стеклянную трубку. Этотъ переходъ однихъ силъ въ другія и есть законъ соотношенія силъ.

Если въ тѣлѣ человѣка существуютъ тѣ-же силы, какъ и въ неодушевленной матеріи, то можно думать, что онѣ подчинены тому-же

закону соотношенія. Развить эти силы изъ самого себя организмъ, очевидно, не можетъ, потому что если предоставить его собственной самодѣятельности и отдѣлить его отъ внѣшней среды, не вводить въ него пищи, то дѣятельность организма прекращается. Слѣдовательно, въ организмъ человѣка силы переходятъ изъ внѣшняго міра, подобно тому, какъ онѣ переходятъ отъ одного неодушевленнаго тѣла къ другому. Такимъ образомъ, кромѣ соотношенія между физическими силами, должно существовать соотношеніе между физическими и жизненными силами. Последняя часть лекціи Баркера и посвящена изслѣдованію законовъ этого послѣдняго соотношенія. Она показываетъ, что въ пищѣ человѣка заключается зародышъ всѣхъ жизненныхъ свойствъ организма, всѣхъ процессовъ его, отъ образованія теплоты въ тѣлѣ до сложныхъ актовъ психической жизни. Призрачная воля человѣка должна смиренно отступить предъ безжизненнымъ кускомъ того мертваго вещества, которое называется пищей. Было время, когда существовало убѣжденіе, что воля господствуетъ надъ процессами животной жизни, но цѣлымъ рядомъ изслѣдованій наука опровергла это грубое заблужденіе. Какъ не можетъ воля нагрѣть свое тѣло, такъ не можетъ она создать мышечной и нервной силы, которая *mutatis mutandis* есть свойство неорганическаго вещества, пищи и составныхъ частей почвы.

Англо-саксонская сельская община. И. Сокальскаго. Харьковъ. 1872 г.

Иностранная литература по вопросу о сельской общинѣ обогатилась въ последнее время нѣсколькими капитальными сочиненіями, рядомъ съ которыми странно видѣть безцвѣтную компиляцію г. Сокальскаго. Обладая огромнымъ матеріаломъ, г. Сокальскій воспользовался имъ довольно безтолково и, очевидно, самъ запутался въ массѣ фактическихъ данныхъ и историческихъ подробностей, не отличая въ нихъ чистаго зерна отъ макины, дѣльнаго отъ нелѣпаго. Весь отдѣлъ его книги, названный имъ «Историческимъ обзоромъ до-норманскаго періода англійской исторіи», можно выпустить безъ всякаго ущерба и даже къ выгодѣ автора. Это рѣдкій образецъ историческаго педантизма и ученой схоластики, которая не находитъ себѣ никакого

оправданія въ главной цѣли автора—показать, какъ слагалась сельская община въ Англіи до завоеванія ея норманами и какія условія опредѣляли внутреннее разложеніе ея сельскаго быта. Нужно замѣтить также, что два эти момента очень плохо разграничены у нашего харьковскаго ученаго; изъ выводовъ, къ которымъ онъ приходитъ въ концѣ своей книги, можно заключить, что сельская община, едва лишь начинала формироваться, какъ уже носила въ себѣ зародыши собственнаго разрушенія, притомъ отъ такихъ общихъ причинъ, которыя должны быть свойственны всѣмъ древне-европейскимъ и даже индійскимъ сельскимъ общинамъ. Авторъ вообще мало выяснилъ собственно поземельныя и имущественныя отношенія англосаксонской общины, но за то слишкомъ долго остановился на ея юридическихъ учрежденіяхъ. Отъ этого книга г. Сокальскаго, и безъ того бѣдная личными взглядами автора, еще болѣе теряетъ изъ своей оригинальности. Древнія формы юридическаго быта общинъ довольно хорошо изслѣдованы и литература весьма богата этого рода сочиненіями, но поземельное устройство общины, ея имущественные порядки, способъ обработки почвы, наконецъ детали самого землевладѣнія—все это оставляетъ еще обширное поле для научныхъ изысканій. Въ настоящее время чрезвычайно важны были-бы сравнительныя изслѣдованія сельскихъ общинъ въ разныхъ странахъ и у разныхъ народовъ, потому что тогда сами собою вытекалы-бы причины процвѣтанія или упадка общинъ. При такого рода изслѣдованіяхъ имѣла-бы огромный смыслъ политическая исторія изучаемыхъ странъ, и среди условій, которыми окружена та или другая община, легко можно было-бы отличить общія и роковыя отъ случайныхъ и чистомѣстныхъ. Такъ какъ г. Сокальскій намѣренъ, кажется, продолжать свой трудъ объ англосаксонской общинѣ, причемъ ему придется имѣть дѣло съ весьма любопытной судьбой ея въ средніе вѣка, то мы не можемъ ничего лучшаго пожелать ему, какъ воспользоваться нашимъ совѣтомъ и включить въ свою книгу исторію общиннаго землевладѣнія у другихъ народовъ Запада и въ особенности Востока, гдѣ оно оставило многочисленныя слѣды, нетронутые экономическими катастрофами цивилизованной Европы.

Путевыя впечатлѣнія въ Испаніи, Египтѣ, Аравіи и Индіи.
1869—1872 г. К. Скальковскаго. Спб. 1873 г.

Желая опредѣлить общій характеръ своей книги, авторъ удачно избралъ эпиграфомъ къ ней известное мнѣніе Чичикова о томъ, что путешествія весьма полезны въ гемороиальномъ отношеніи. Коротко и ясно! Теперь всякій будетъ знать, гдѣ искать центра идей и впечатлѣній г. Скальковскаго. Но если, на наше несчастіе, ему понадобится еще разъ совершить гемороиальное путешествіе, то, для вящей плодотворности его, мы посоветовали-бы г. Скальковскому соблюдать умѣренность въ пищѣ, а паче всего въ питіи, ибо, по его словамъ, чуть не половина его пути потрачена на осушеніе бокаловъ, изъ которыхъ часть была выпита въ честь «содѣйствія русской промышленности и торговлѣ», другая—въ честь «хорошенькихъ путешественницъ», третья досталась Суэзскому каналу и т. д. Остальной досугъ свой г. Скальковскій посвятилъ специально обзору туземныхъ женщинъ, которыхъ онъ анализируетъ съ истинно юнкерскимъ цинизмомъ, до послѣдней ниточки. Онъ рассказываетъ съ непритворной скорбью о порядкахъ египетскаго хедива Мехмета-Али, запретившаго въ своей странѣ нѣкій танецъ альма, «скабрзность котораго, по словамъ г. Скальковскаго, засвидѣтельствована всѣми путешественниками». Но г. Скальковскій добился все-таки своей цѣли, заплативъ за созерцаніе эфіопскаго канкана 2,000 франковъ! По части женщинъ г. Скальковскій вообще потерпѣлъ много горькихъ разочарованій, такъ какъ не находилъ въ нихъ надлежащей пикантности. Пріѣхавъ въ Бомбей, онъ первымъ дѣломъ освѣдомился объ индійскихъ баядеркахъ, т. е. мѣстныхъ публичныхъ жеманнахъ, содержимыхъ браминнами. Для этой цѣли онъ обратился къ нѣкому Боманжи, постоянному жителю Бомбея, съ вопросомъ: гдѣ можно видѣть баядерокъ? «Г. Боманжи, наввно рассказываетъ г. Скальковскій, *любезно отвѣчалъ, что отъ русскаго онъ ожидалъ этого вопроса* и постарается доставить намъ возможность и т. д.» (стр. 154). Ну, конечно, *любезный* Боманжи и доставилъ... Но если такая репутация о русскихъ проникла даже въ Индію, то что же должны думать о нашихъ туристахъ въ Европѣ? По мѣрѣ того, какъ г. Скальковскій приближался къ Европѣ, признаемся, въ насъ закрадывались нѣкоторыя опасенія. Что, думали мы, если онъ и тамъ ко всякому иностранцу будетъ приставать съ подобными вопросами? Но когда г. Скальковскій вѣхалъ въ Испанію и возымѣлъ намѣ-

реніе познакомиться съ Кастеляромъ и Гарридо, мы съ невольнымъ трепетомъ сѣдвали за теченіемъ мыслей этого enfant terrible нашего любезнаго отечества. Люди эти слишкомъ умны, чтобы отъ нихъ можно было равнодушно перенести ту *любезность*, которою почтилъ г. Скальковского бомбейскій набобъ. Еслибъ г. Скальковскій обратился къ этимъ людямъ съ столь мучительнымъ для него вопросомъ, дѣйствительно-ли «у всѣхъ испанокъ имѣются усы» (стр. 235), и правда-ли, что манолы (мадритскія гризетки) исчезли потому, что юбки ихъ «сдѣлались на два пальца длиннѣе» (тамъ-же), то, быть можетъ, къ нему отнеслись-бы снисходительно. Но представьте себѣ умнаго, честнаго Кастеляра, страстнаго бойца за свободу слова,—Кастеляра, которому г. Скальковскій доказываетъ, что испанская журналистика гибнетъ отъ избытка газетъ. «Слабость испанской журналистики, говоритъ г. Скальковскій, составляетъ еще избытокъ газетъ; напр. въ такомъ городѣ, какъ Севилья (120,000 жит.), издается семь ежедневныхъ газетъ». И затѣмъ, желая поправиться, онъ прибавляетъ: «Эта многочисленность имѣетъ, конечно, и свою хорошую сторону, она служитъ къ тому, что самыя разнообразныя мнѣнія уничтожаютъ одно другое». Испанская печать понижается въ своемъ достоинствѣ также и потому, по словамъ г. Скальковского, что къ ней исключительно привлечена молодежь (стр. 212). Незвѣстно, сообщилъ-ли г. Скальковскій свои соображенія объ испанской журналистикѣ Кастеляру, но, по словамъ его, они подъ конецъ знакомства такъ близко стояли другъ къ другу, что онъ видѣлъ у Кастеляра усы, лысину и удостоился даже на одномъ изъ парламентскихъ засѣданій слышать звукъ его голоса, который изслѣдованъ г. Скальковскимъ тѣмъ съ большей подробностью, что, по его мнѣнію, «Кастеляръ лицо слишкомъ замѣтное въ средѣ европейской демократіи». Впрочемъ, г. Скальковскій, благодаря, конечно, знакомству съ Кастеляромъ, оказался способнымъ заниматься не одними усами и юбками испанской республики, но и убѣжденіями такого чловѣка, какъ Кастеляръ. Эротически-забавный путешественникъ нашъ, на пр., думаетъ, что «Кастеляръ сдѣлался федералистомъ потому, что всѣ другія партіи были уже прочно организованы и имѣли предводителей, а одни республиканцы еще формировались» (стр. 230). Какъ легко, подумаешь, составляются убѣжденія! Очевидно, что г. Скальковскій занялъ мѣсто Кастеляра, очевидно, что онъ лишилъ его возможности устремиться въ «общество для содѣйствія русской промышленности и торговли» и нажать, подобно г. Скальковскому, потребность гемороидальнаго путешествія.

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОСЪ НА ЗАПАДѢ И У НАСЪ *).

I.

Наши талаятливые куплетисты въ послѣднее время создаютъ сотни куплетовъ, обличающихъ домовладѣльцевъ, „этихъ алчныхъ вороновъ, высасывающихъ кровь изъ жильцовъ“; наши даровитые артисты распѣваютъ съ особенной экспрессіей эти куплеты въ великопостныхъ концертахъ; наша высокообразованная публика, посѣщающая александринскій театръ, неистово рукоплещетъ этимъ куплетамъ. Мы вовсе не думаемъ заниматься здѣсь разборомъ какихъ-нибудь несомнѣнныхъ достоинствъ этихъ рифмованныхъ обличеній или геніальностью и гражданскими доблестями творцовъ и исполнителей этихъ сатиръ, такъ-какъ насъ болѣе всего интересуется практическая сторона каждаго дѣла. Мы принадлежимъ къ той толпѣ, которую упрекали за то, что ей

---

*) Verhandlungen der Eisenacher Versammlung zur Besprechung der socialen Frage 1872.—Die Wohnungsfrage, Berlin, 1866.—Die Wohnungszustände von E. Sax. 1869.—Der Einfluss der Wohnung auf die Sittlichkeit von E. Laspeyres. 1869.—Les institutions ouvrières de Mulhouse, par E. Véron. 1866.—Die Bevölkerungstatistik der Schweiz. Eidgenos. W. Gisi. 1868.—Les cités ouvrières de Mulhouse, par Penot, 1867.—Auf Wacht an der Mosel, 69 B. 2 H. 1872.—D. Ratkowsky. Die zur Reform der Wohnungszustände in grossen Städten nothwendigen Massregeln der Gesetzgebung und Verwaltung.—D. Koerner. Der Beruf des Staates und des Gemeinde in des Socialen Frage.—London Labour and the London Poor by H. Mayhew. 1862.—Metropolitan Buildings Act. Anno septimo et octavo Victoriae Reginae.—«С.-Петербургъ». Изданіе централн. статист. комит. мин. внутр. дѣлъ. Томъ третій, 1868 г.—То-же. 1872 г., выпускъ II.—Statistische Tableau von Wien von M. C. Humpel. 1869.—Die Wohnungsfrage von Lette. 1866, etc.—Архивъ судебной медицины за 1869 и 1870 гг.—Санитарное положеніе Петербурга. Губнера. 1870.

„печной горшокъ всего дороже“. Ну, а эти куплеты, къ несчастью, имѣютъ то-же практическое значеніе, какое имѣли-бы обличительныя пѣсни, громающія луну за то, что она свѣтитъ ночью, а не днемъ, или бичующія ночь за то, что она темнѣе дня: послѣ милліона подобныхъ обличеній результатъ получился-бы тотъ, что луна свѣтила-бы все-таки ночью, а не днемъ, день-же былъ-бы, по-прежнему, свѣтлѣе ночи. Мы упоминаемъ объ этихъ куплетахъ свободныхъ отъ дѣлъ геніевъ только потому, что они ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что „квартирный вопросъ“ является теперь „злойбой дня“. Дѣйствительно, спросите у кого-угодно въ Петербургѣ, дорого-ли онъ платитъ за квартиру, и вы непременно услышите жалобу на чрезмѣрную дороговизну квартиры. Но мало того: вы найдете массу людей, которые вовсе не нашли въ Петербургѣ подходящей квартиры и остались жить гдѣ-нибудь въ Царскомъ Селѣ, въ Гатчинѣ, на Кушелевкѣ и т. д.

Но въ одномъ-ли Петербургѣ слышатся эти жалобы? Спросите о квартирныхъ цѣнахъ у жителей Одессы, Кіева, Варшавы, Москвы и другихъ большихъ городскихъ центровъ, и вы услышите тѣ-же жалобы на непомѣрное возвышеніе квартирныхъ цѣнъ. Въ нашемъ обществѣ существуютъ самыя сбивчивыя, самыя смутныя взгляды на причины повышенія квартирныхъ цѣнъ. Одни изъ нашихъ соотечественниковъ объясняютъ это повышеніе тѣмъ, что домохозяевамъ приходится больше платить въ „Думу“ и что они, придравшись къ этому случаю, надбавили на жильцовъ. Другіе говорятъ, что теперь повысилась плата штукатуркамъ, столарамъ, каменщикамъ, и потому хозяева „выбираютъ“ съ жильцовъ съ процентами все то, что имъ приходится переплачивать рабочимъ. Третьи говорятъ, что квартиры стали дороже потому, что и все вообще стало дороже.

Но почему-же „все“ стало дороже?

На этотъ вопросъ однажды мы получили очень курьезный отвѣтъ отъ человѣка неособенно-глупаго. Мы заговорили о высокой цѣнѣ квартиръ.

— Да какъ же и не быть квартирамъ дорогими, отвѣтилъ онъ, — когда теперь все, за что ни возьмись, стало дороже.

— Да отчего-же это все стало дороже? полюбопытствовали мы.

— Эхъ, помилуйте, слышался внушительный отвѣтъ, — вѣдь

прежде-то торговцу приходилось платить за магазинъ и за свое помѣщеніе пустяки, а взгляните, что онъ теперь платитъ!

Мы только руками развели отъ такого неожиданнаго заключенія: квартиры дороги потому, что все дорого, а все дорого потому, что квартиры дороги, — это ужъ черезчуръ глубокомысленно... Но, можетъ быть, повышение квартирныхъ цѣнъ — просто стачка русскихъ домовладѣльцевъ, злоумышленныя прижимки? Если это такъ, то дѣйствительно нужно обличать и преслѣдовать этихъ злоумышленниковъ, кричать о грабежѣ. Но прежде, чѣмъ вы рѣшитесь на это, посмотрите серьезнѣе на дѣло, чтобы не попасть въ просакъ и не показать своими криками того, что вы очень мало развитой человѣкъ, что вы теряете время на праздную брань, что вы сердитесь на воду за то, что она мокра, и на огонь за то, что онъ жжется, что, наконецъ, вы теряете свое драгоценное время и свои силы на исправленіе горбатаго, котораго можетъ исправить одна могила.

Прежде всего нужно замѣтить, что петербургскіе и вообще русскіе домовладѣльцы играютъ очень незначительную роль въ дѣлѣ повышения цѣнъ на квартиры, такъ-какъ цѣны на квартиры поднялись, — и притомъ поднялись въ гораздо большей степени, чѣмъ у насъ, — во всѣхъ большихъ городахъ Европы. Наши домовладѣльцы еще не дерзаютъ, а только пробуютъ, хотя, говоря откровенно, они уже могли-бы дерзнуть. Европейскіе-же домовладѣльцы давно пережили время попытокъ и пробъ и теперь очень хорошо знаютъ, что дерзать имъ никто не можетъ запретить. Мы-же вообще являемся младенцами передъ старою Европой. Въ Вѣнѣ, напр., еще въ 1856 году средняя плата за квартиру равнялась 41,6 флорина, а въ 1865 г. эта средняя плата дошла до 57,16 флорина, хотя эти годы были еще годами дешевыхъ квартиръ. Но даже и подобное повышение квартирной платы ничтожно въ сравненіи, напримѣръ, съ тѣмъ, что дѣлалось въ Берлинѣ. Въ 1815 году въ Берлинѣ средняя плата за квартиру равнялась 39,06 талера, въ 1830 году она дошла до 85,06 талера, а въ 1872 году повысилась до 171,09 талера, т. е. въ 57 лѣтъ сдѣлалась въ четыре съ половиной раза болѣе. Если мы взглянемъ попристальнѣе на это дѣло, то мы увидимъ, что съ каждымъ годомъ число дешевыхъ квартиръ уменьшается, тогда какъ число дорогихъ квартиръ постоянно

увеличивается. Здѣсь цифры повышаются и понижаются съ замѣчательною, очень утѣшительною для европейскихъ домовладѣльцевъ, правильною, что вы легко усмотрите изъ слѣдующей таблицы, показывающей процентъ квартиръ разныхъ цѣнъ за нѣсколько лѣтъ:

	1816—16	1829—30	1840—41	1850	1860	1870	1872
Квартиры въ 30 талеровъ.	58,20	24,82	18,69	18,78	9,70	7,20	4,72
Кварт. въ 31—50 тал.	16,84	29,74	31,98	33,23	26,09	21,38	16,55
» » 51—100 »	13,83	23,32	24,52	24,38	32,15	35,74	38,30
» » 101—200 »	7,59	13,59	14,99	13,70	17,90	18,33	20,88
» » 201—300 »	2,04	4,46	4,99	4,75	6,32	6,75	7,38
» » 301—400 »	0,71	1,82	2,20	2,14	3,01	3,45	3,99
» » 401—500 »	0,31	0,98	1,16	1,04	1,69	2,07	2,30
» » 501—1000 »	0,31	1,28	1,40	1,41	2,38	3,30	3,99
» » 1001—1500 »	0,08	0,22	0,27	0,39	0,77	0,99	0,84
» » 1501 и выше.	—	—	—	—	—	0,87	0,74
Сумма	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00
Абсолютное число . .	40,388	51,781	63,331	79,910	95,878	166,144	173,009

Нечего и толковать серьезно о томъ, что это все болѣе и болѣе невыгодное положеніе жильцовъ было не слѣдствіемъ интригъ злоумышленниковъ или стачекъ. Нѣтъ, это явленіе, какъ и вообще всеобщая дороговизна, была простымъ и вполне естественнымъ, при современномъ положеніи дѣлъ, слѣдствіемъ стараго экономическаго правила, носящаго названіе спроса и предложенія.

Вы, вѣроятно, знаете, что когда спросъ великъ, а предложеній мало, то цѣна на спрашиваемый предметъ повышается, и наоборотъ: цѣна падаетъ, когда предложеніе превышаетъ спросъ. Вы знаете, что алмазы, которыми украшаются ваши жены и дочери и еще болѣе щеголяютъ кокетки, такъ-какъ онѣ богаче вашихъ женъ и дочерей, очень дороги. Но если-бы алмазы были разсыпаны въ природѣ, какъ простой песокъ, то, несмотря на всю свою красоту, они были-бы такъ дешевы, что платилось-бы собственно не за нихъ, а только за трудъ, потраченный на ихъ шлифовку. Вы знаете, что простыя садовыя ягоды — малина, смородина, крыжовникъ — бываютъ довольно дороги въ то время, когда онѣ только-что начинаютъ поспѣвать, а между тѣмъ эти же ягоды продаются за самую ничтожную цѣну, когда онѣ являются въ такомъ изобиліи, что ихъ или нужно сбыть хотя за что-нибудь, или онѣ испортятся и пропадутъ даромъ. То-же са-

мое явленіе мы видимъ и въ квартирномъ вопросѣ: квартиры дороги потому, что ихъ мало; увеличьте ихъ число—и онѣ будутъ дешевы, несмотря на то, что всѣ остальные предметы первой необходимости будутъ сравнительно дороги, несмотря на то, что домовладѣльцы останутся тѣ-же и такъ-же, какъ теперь, будутъ рады занолучить какъ можно больше барышей. То-же самое можно сказать о цѣнахъ на дрова, мясо и т. д. До тѣхъ-же поръ, пока число квартиръ не будетъ увеличено, никакія сатиры и обличенія, конечно, не поправятъ дѣла и будутъ просто смѣшны, такъ-какъ, въ сущности, онѣ свидѣтельствуютъ только о ребяческомъ взглядѣ на общественныя дѣла со стороны господъ обличителей и сатириковъ. Чего они хотятъ? Чтобы домовладѣльцы понизили цѣны на квартиры? Но съ какой стати станутъ понижать цѣны домовладѣльцы, если они могутъ наживать-ся? Развѣ капиталисты для того берутся за извѣстныя предпріятія, чтобы какъ можно меньше получать барышей? Или сатирики думаютъ, что капиталисты берутся за извѣстныя предпріятія ради благотворительности и человѣколюбія? Но вѣдь въ подобныхъ взглядахъ нѣтъ смысла. Не одни-же дураки владѣютъ капиталами. Если-бы господа сатирики, прежде чѣмъ писать свои обличенія, подумали-бы о цѣляхъ и результатахъ этихъ обличеній, то они навѣрное не коснулись-бы ни домовладѣльцевъ, ни дровяниковъ, ни мясниковъ, гнушаясь переливанья изъ пустого въ порожнее, а направили-бы свои сатирическія стрѣлы и, можетъ быть, не безъ пользы, куда-нибудь въ другую сторону. Впрочемъ, для этого имъ пришлось-бы серьезно подумать и лишитъ себя удовольствія „отдѣлывать“ какого-нибудь только имъ извѣстнаго Ивана Ивановича, занявшись тѣми причинами, при помощи которыхъ этотъ Иванъ Ивановичъ не только можетъ, но и долженъ дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствуетъ, а не иначе, если только онъ не какой-нибудь смѣшной оригиналъ или чудакъ. Впрочемъ, кто хочетъ и невинность сохранить, и гражданское мужество показать, тому всего лучше и всего выгоднѣе — не касаться причинъ, занимаясь только послѣдствіями.

Мы не коснулись-бы въ сухихъ, наполненныхъ цифрами статьяхъ дѣятельности нашихъ сатириковъ, если-бы она не была полнѣйшимъ отраженіемъ дѣятельности всего нашего общества. Наше общество тоже ругаетъ домовладѣльцевъ, сплетничаетъ про

нихъ, обличаетъ ихъ, но далѣе этого нейдетъ наше пассивное озлобленіе. Оно не приводитъ насъ къ убѣжденію, что мы должны пользоваться всѣми законными средствами для активной борьбы съ подобной эксплуатаціей, что мы должны при помощи тѣхъ-же законныхъ средствъ заставить домовладѣльцевъ понизить процентъ, получаемый ими съ ихъ капиталовъ. Мы даже не думаемъ, къ чему приведетъ насъ, въ концѣ концовъ, современное положеніе квартирнаго вопроса. Правда, мы иногда говоримъ съ горечью, что скоро намъ придется отдавать все жалованье и всѣ свои доходы за квартиру, — но хорошо, если бы мы дождались только этихъ результатовъ! Такъ нѣтъ. Дѣло въ дѣйствительности грозитъ принять гораздо худшій оборотъ: мы не только будемъ отдавать за квартиру послѣдніе гроши, но мы будемъ просто временно обязанными своихъ домохозяевъ. Вы думаете, что я преувеличиваю опасности, ожидающія насъ въ будущемъ? Вы ошибаетесь. Я говорю на основаніи фактовъ. Въ Берлинѣ уже дошло до этого. Не угодно ли полюбоваться, какіе контракты подписываютъ жильцы въ Берлинѣ.

Одинадцатый параграфъ одного берлинскаго контракта говоритъ: „движимое имущество, перевозимое въ квартиру нанимателемъ, не должно быть взято на прокатъ отъ торговца или вообще принадлежать третьему лицу, но должно быть неограниченною собственностью нанимателя и во все продолженіе времени дѣйствія этого контракта оно будетъ служить обезпеченіемъ вѣрной платы за квартиру для домохозяина. Наниматель не можетъ безъ согласія домохозяина удалить изъ жилища какую-бы то ни было вещь, покуда не будетъ уплачена вся сумма, значущаяся въ этомъ контрактѣ“. Далѣе говорится, что въ случаѣ надобности домохозяинъ „можетъ во всякое время отказать жильцу“. Еще далѣе значитъ въ контрактѣ, что если сами жильцы, ихъ приближенные или слуги нарушатъ какія-нибудь изъ десяти самыхъ тираническихъ и нелѣпныхъ условій, выставленныхъ домохозяиномъ, то онъ можетъ выгнать жильцовъ, взявъ съ нихъ всю сумму денегъ, обозначенную въ контрактѣ“. И эти условія пишутся не въ одномъ, не въ двухъ исключительныхъ контрактахъ; они пишутся не для черни, не для рабочихъ. Нѣтъ, ихъ навязываютъ очень состоятельнымъ, очень

почтеннымъ семействамъ и эти семейства безпрекословно подписываютъ ихъ. Это вѣдь своего рода отдача себя въ крѣпостную зависимость. Но что-же вы станете дѣлать, если въ перспективѣ грозятъ еще худшія послѣдствія?

Дѣло въ томъ, что вы можете совершенно остаться подъ открытымъ небомъ со всѣмъ своимъ скарбомъ, со всѣми своими дѣтьми. Въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ и тому подобныя большіе городахъ никто не можетъ поручиться теперь, что завтра ему не придется неожиданно перебраться на новую квартиру или остаться на улицѣ.

„Въ Вѣнѣ нужда въ квартирахъ сдѣлалась постоянною явою, пишетъ Саксъ. Это явленіе—дѣло общей важности, потому что оно уже чувствуется всѣми. Оно на языкѣ у всѣхъ, потому что отъ него страдаютъ всѣ. Иногда его давленіе ослабѣваетъ; число пустыхъ жилищъ увеличивается; газеты объявляютъ, что страсть къ постройкамъ пробуждается“. Такіе періоды случайнаго удешевленія квартиръ, замѣтимъ мы отъ себя, зависѣли собственно не отъ сильнаго развитія постройки домовъ, такъ какъ постройка домовъ шла въ Вѣнѣ не особенно сильно и не соотвѣтствовала спросу, но это временное удешевленіе вызывалось войнами, которыя вела Австрія съ Италіей и Пруссіей и вслѣдствіе которыхъ въ Вѣнѣ сразу сильно убавлялось населеніе, конечно, на не долгое время. Это ясно показываютъ статистическія цифры. „Но, продолжаетъ Саксъ, вдругъ призракъ являлся снова, даже въ болѣе страшной и ужасающей формѣ, чѣмъ прежде. Вслѣдствіе этого въ населеніи Вѣны развилось что-то въ родѣ тихой покорности, безсильнаго подчиненія неотразимому факту, нѣчто въ родѣ отупленія передъ этимъ, повидному, неизбежнымъ зломъ. Всякая надежда, всякая мысль о возможности помочь бѣдѣ брошена, какъ неисполнимое желаніе. О квартирномъ кризисѣ говорятъ втеченіи многихъ лѣтъ, какъ о чемъ-то вполнѣ естественномъ, неразрывно связанномъ съ жизнью большого города, какъ о чемъ-то такомъ, что нужно переносить молча, подавляя тайные вздохи и радуясь, что зло не переходитъ всякія границы и не дѣлается совсѣмъ нестерпимымъ“. „Чувство осѣдлости, замѣчаетъ Бернгардъ Фридманнъ, втеченіи послѣднихъ лѣтъ совершенно исчезло въ Вѣнѣ. Ни одинъ житель форштадтовъ не чувствуетъ себя прочно сидящимъ на мѣ-

ствѣ въ своей улицѣ, въ своихъ четырехъ стѣнахъ. То-же самое можно сказать и о жителяхъ самого города; гдѣ они очутятся въ слѣдующее полугодіе, въ какую далекую мѣстность обширнаго города заброситъ судьба ихъ усталое тѣло—это неизвѣстно. Вслѣдствіе этого о жилищѣ не можетъ быть и рѣчи; говорится только о временномъ кровѣ, о каменной палаткѣ, постоянно мѣняющей жильцовъ. Никто не можетъ сказать, что онъ „дома“ и въ „своемъ углѣ“, никто не можетъ нанять или устроить жилища, соображаясь со своими семейными нуждами. Надъ всѣмъ населеніемъ Вѣны вѣетъ воздухомъ безпокойства и страха; бродячая цыганская жизнь заступаетъ мѣсто оскѣдлой спокойной жизни и столица Австріи наводняется вѣчно кочующимъ, тѣснящимся и сталкивающимся между собою людемъ, полнымъ недовольства на непрочность своей семейной обстановки и на высокія цѣны за свой временной кровъ; этотъ людъ все болѣе и болѣе теряетъ чувство привязанности къ родной почвѣ, все менѣе принимаетъ участія въ общихъ мѣстныхъ и общественныхъ интересахъ, все сильнѣе утрачиваетъ здоровое сознание необходимости порядка и спокойствія“. Въ этой средѣ развивается тотъ опасный классъ, которому печѣмъ дорожить, нечего ставить на карту, и потому у него является смѣлость пускаться въ самую азартную игру: онъ можетъ выиграть все и не можетъ ничего проиграть. Этотъ классъ людей, ничего не запасавшихъ, ищущихъ жилища съ готовой обстановкой, покупающихъ домашній скворць за его дешевизну, а не за его прочность, не принадлежащихъ ни къ одному приходу, ни къ одному участку городского управленія,—этотъ классъ, равнодушно относящійся ко всему, вреденъ для государства, вреденъ для прогресса. Это не труженники-бѣдняки, это не жители подваловъ,—нѣтъ, это цыгане, привыкшіе къ тому, что ихъ надуваютъ, и заботящіеся только о томъ, какъ-бы надуть кого-нибудь въ свою очередь. Эти люди дѣлаются космополитами не вслѣдствіе любви ко всѣму человѣчеству, а вслѣдствіе полнѣйшаго равнодушія и пренебреженія ко всѣму человѣчеству. Они воспользуются устройствомъ коммуны въ Парижѣ, чтобы нагрѣть себѣ руки, и точно такъ-же воспользуются тьеровской республикой, чтобы поживиться какииъ-нибудь кускомъ, упавшимъ съ президентскаго пира. Но ни коммуна, ни Тьеръ не могутъ ска-

зять, что эти люди стоятъ за нихъ, что это ихъ друзья, — нѣтъ, эти люди въ сущности являются врагами каждаго порядка, при которомъ они обдѣлываютъ свои дѣлишки, такъ какъ съ паденіемъ этого порядка его враги тотчасъ-же начинаютъ упрекать его представителей за то, что будто-бы вся ихъ сила была въ рукахъ этихъ цыганъ, что именно эти-то цыгане и есть выраженіе этого потерпѣвшаго фiasco порядка. Но черезъ какія ступени мученій проходятъ эти цыгане, прежде чѣмъ они сдѣлаются цыганами.

„Въ настоящее время весь Берлинъ переѣзжаетъ, пишутъ въ Аугсбургской газетѣ. Только въ немногихъ домахъ остались старые жильцы. Въ нѣкоторыхъ переѣхали всѣ до одного. Въ одномъ домѣ изъ шестнадцати жильцовъ остался только одинъ на мѣстѣ и то только потому, что подчинился страшной надбавкѣ за квартиру. Худшая сторона переѣздки съ квартиры на квартиру состоитъ не въ значительныхъ затратахъ на переѣздъ, не въ неизбѣжной ломкѣ мебели, но въ нарушеніи домашняго порядка, такъ какъ при нуждѣ въ квартирахъ, трудно устроить сообразно съ своими потребностями свое новое случайно подвернувшееся жилище. Чтобы понять всѣ заботы и огорченія, переносимыя переѣзжающимъ на новую квартиру берлинцемъ, нужно самому перенести всѣ его страданія. Только въ рѣдкихъ случаяхъ, перевозя свой скарбъ, находятъ наниматель новое жилище очищеннымъ отъ старыхъ жильцовъ. По большей части, долженъ онъ считать себя счастливымъ, если выѣзжающій жилецъ опростаетъ ему большую комнату, гдѣ новый наниматель и проводитъ слѣдующія сутки съ своею семьей среди сваленной въ кучу мебели и посуды. Множество семействъ въ этихъ случаяхъ имѣли несчастье, пріѣхавъ со всѣмъ скарбомъ въ новое жилище, найти въ этомъ жилищѣ старыхъ жильцовъ, которые не впускали ни новыхъ нанимателей, ни ихъ мебели въ свою квартиру, заявляя, что хозяинъ предупредилъ ихъ не во время о необходимости выѣхать изъ его дома и что они не сдѣлаютъ ни шагу, пользуясь своимъ законнымъ правомъ. Въ этихъ случаяхъ трудно было пособить новымъ жильцамъ, такъ какъ тутъ ничего не могла подѣлать и полиція. Вслѣдствіе этого цѣлыя семейства не знали, гдѣ найти себѣ временной кровъ, а между тѣмъ ихъ имущество сваливалось на улицѣ. Иногда-же при-

ходилось судомъ и при помощи полиціи изгонять жильцовъ, при чемъ дѣло доходило до кровавой борьбы. Какъ велико вообще число семействъ, оставшихся безъ крова, еще не приведено въ ясность. Но по приблизительному расчету можно сказать, что ихъ число доходитъ до 1,200 или 1,500 человѣкъ. Рабочій домъ и пріютъ для мужчинъ и женщинъ переполнены подобными несчастными. Два отца семейства лишили себя жизни, оставшись безъ крова. Одна вдова съ четырьмя дѣтми и небольшимъ скарбомъ была выброшена на улицу и нашла пріютъ христа-ради у добрыхъ людей. Множество отцовъ семействъ сдѣлали себѣ въ окрестности хъ города жалкіе шалаши изъ досокъ, гдѣ помѣстили свои семейства; другіе-же переехали въ сосѣднія деревни. Но и въ этихъ деревняхъ нужда въ жилищахъ дошла до крайняго предѣла, такъ какъ, напримѣръ, въ маленькую деревушку Шён-ебергъ переехалось 200 человѣкъ, оставшихся безъ крова“.

II.

Таково положеніе Вѣны, Берлина и другихъ большихъ городовъ западной Европы. Квартиры въ нихъ дѣлаются не только дороги, но является положительное отсутствіе необходимаго числа квартиръ. Вслѣдствіе этого жильцы готовы подчиняться самымъ стѣснительнымъ контрактамъ, только-бы добыть жилище. Порою эти контракты дѣлаютъ изъ жильца личность совершенно подчиненную домовладѣльцу. Кромѣ того жильцамъ приходится очень часто переезжать вслѣдствіе того, что вѣчно являются люди готовые надбавить на жилище цѣну и перебить старыхъ жильцовъ; это имѣетъ пагубное вліяніе на людей, теряющихъ любовь къ осѣдлой жизни. Было время, когда всѣ эти тяжелыя обстоятельства отзывались только на пролетаріяхъ, на рабочихъ западной Европы, но теперь эти тягостныя условія отзываются и на болѣе обеспеченныхъ людяхъ, которые съ каждымъ днемъ оказываются все болѣе и болѣе несостоятельными въ дѣлѣ пріобрѣтенія недвижимой собственности, такъ какъ земля въ большихъ городахъ дѣлается все дороже, строительный матеріалъ тоже поднимается въ цѣнѣ, наконецъ, даже сама заработная плата рабочимъ-

строителямъ такъ-же увеличивается. При такомъ положеніи дѣль, конечно, труднѣе, чѣмъ въ старое время, обзавестись собственнымъ домошъ. Такимъ образомъ, квартирный вопросъ въ Европѣ перестаетъ быть частью исключительно рабочаго вопроса, а дѣлается вопросомъ, прямо и непосредственно касающимся всѣхъ, кто не имѣетъ въ городѣ недвижимой собственности. Все это, разумѣется, является прямымъ слѣдствіемъ чрезмѣрнаго увеличенія населенія вообще и въ большихъ городахъ въ особенности и слишкомъ незначительнаго увеличенія числа домовъ именно въ городахъ.

Въ Англіи, напримѣръ, въ большинствѣ графствъ возрастаніе числа домовъ вообще не соответствовало возрастанію населенія. Это вполне доказываетъ сравненіе слѣдующихъ статистическихъ данныхъ за 1841 и 1851 годы:

Графства.	Въ 1841 году.		Въ 1851 году.	
	Домовъ.	Жителей.	Домовъ.	Жителей.
Бедфордъ .	22,877	112,378	26,496	129,789
Берксъ . .	39,660	189,227	41,236	199,154
Честеръ . .	75,103	368,115	84,853	423,438
Бѣмберлендъ	37,160	177,807	38,540	195,487
Корнваль . .	71,913	343,265	73,095	356,662
Дерби . . .	49,477	239,791	55,316	260,707
Дергемъ . .	61,940	325,854	72,614	411,532
Герефордъ .	21,119	96,515	21,505	99,112
Ланкастеръ .	322,148	1,696,377	377,359	2,063,913
Лейчестеръ .	49,470	220,263	51,765	239,938
Мидльсексъ .	222,443	1,582,538	258,237	1,895,710
Монмутъ . .	30,099	150,540	34,557	177,165
Стафордъ .	107,941	528,867	125,989	630,506
Сѣссексъ . .	58,506	302,031	62,137	339,428
Юж.-Валлисъ	115,822	528,849	125,620	607,496

Если-бы мы выразили увеличеніе числа домовъ и населенія въ процентахъ, то мы получили-бы слѣдующія цифры:

Графства.	Число домовъ увеличилось на	Число жителей увеличилось на
Бедфордъ	15,8 %	16 %
Берксъ	4,0	5
Честеръ	13,0	15

Кемберлендъ	3,7	10 *)
Корнваль	1,6	4
Дерби	1,2	9 *)
Дергемъ	17,2	26 *)
Герфордъ	1,8	3
Ланкастеръ	17,1	22
Лейчестеръ	4,6	7
Мидльсексъ	16,1	20
Монмутъ	4,8	17 *)
Стафордъ	16,7	20
Сессексъ	6,2	12 *)
Южный-Валлисъ	1,7	17

Какъ видите, увеличеніе числа домовъ очень несоразмѣрно увеличенію количества населенія, особенно въ тѣхъ графствахъ, которыя отмѣчены нами. И это явленіе встрѣчается такъ часто, что изъ 42 графствъ только въ 15 населеніе возрастало или одинаково съ возрастаніемъ числа домовъ или даже слабѣе, чѣмъ возрастало число домовъ, и въ общей сложности число домовъ возрасло на 10⁰%, число-же жителей на 13⁰%. Не забудьте кромѣ того, что эти цифры относятся къ сороковымъ и пятидесятымъ годамъ, когда населеніе увеличивалось сравнительно слабѣе, чѣмъ теперь. Но главнымъ образомъ, возрастаніе населенія происходитъ въ большихъ городахъ, куда стекаются на фабрики, на службу, на торговлю жители провинцій. Какъ велико это возрастаніе — это видно, наприимѣръ, на Вѣнѣ и на Берлинѣ. Въ Вѣнѣ, когда ея населеніе возрастало далеко не такъ быстро, какъ теперь, уже замѣчалось невыгодное отношеніе возрастанія квартиръ къ возрастанію населенія, это отношеніе было слѣдующее:

	Въ 1810 г.	Въ 1857 г.	Въ 1864 г.
домовъ было.	7,025	9,500	9,711
квартиръ „	57,879	89,797	105,050
населенія „	225,632 чел.	492,459 чел.	550,241 чел.

Слѣдовательно приходилось:

	Въ 1810 г.	Въ 1857 г.	Въ 1864 г.
на домъ	31,1 жит.	51,8 жит.	56,6 жит.
„ квартиру	3,9 „	5,4 „	5,2 „
„ домъ	8,2 квар.	9,4 квар.	10,8 квар.

т. е. число жителей на каждый домъ все увеличивалось, число квартиръ на каждый домъ увеличивалось тоже и эти квартиры, конечно, дѣлались меньше, вслѣдствіе чего нельзя даже было считать особенно благоприятнымъ того, что въ 1864 г. число жителей на квартиру приходилось нѣсколько меньше, чѣмъ въ 1857 году. Въ Берлинѣ въ настоящее время въ годъ прибавляется до 40,000 жителей. Но какъ-же увеличивается въ немъ число домовъ?

Въ 1830 году	было	7,208	домовъ
„ 1840 „	„	7,730	„
„ 1870 „	„	14,467	„
„ 1872 „	„	14,829	„

Значить въ десять лѣтъ съ 1830 по 1840 годъ прибавилось только 522 дома; потомъ въ тридцать лѣтъ число домовъ почти удвоилось и затѣмъ въ два года увеличилось на 362 дома. При этомъ въ Берлинѣ приходилось:

Въ 1830 г.	Въ 1840 г.	Въ 1870 г.	Въ 1872 г.
на одно зданіе			
жилицъ . . .	7,19	7,85	11,48
жилцовъ . .	31,59	40,09	51,24
			55,63

Такимъ образомъ, населеніе съ 1870 по 1872 годъ увеличилось приблизительно на 80,000 человекъ, домовъ-же прибавилось только 362, при чемъ, конечно, раздробились старыя квартиры на болѣе мелкія и все-таки населеніе каждой отдѣльной квартиры увеличилось. Кроме того масса народа осталась на улицѣ безъ крова. Это-же явленіе мы видимъ вездѣ. Люди сначала плодятся и множатся, а уже потомъ начинаютъ думать о томъ, чтобы свить себѣ гнѣздо. И счастливъ тотъ, кому случайно удастся свить это гнѣздо, а не остаться съ дѣтьми безъ всякаго пристанища.

Петербургъ, несмотря на дурныя климатическія условія, несмотря на то, что его коренное населеніе почти не растетъ, тоже увеличивается очень замѣтно и будетъ увеличиваться еще болѣе въ будущемъ. Какъ центръ правительственной, умственной, желѣзнодорожной, промышленной и торговой дѣятельности, онъ долженъ все расти и расти. Возьмите какую угодно отрасль его дѣятельности и вы увидите, что она, расширяясь все болѣе и бо-

лѣе, привлекаетъ въ него все большую массу людей. Каждая новая фабрика, каждый новый заводъ, каждое новое учрежденіе, въ родѣ женскихъ курсовъ при медико-хирургической академіи, привлекаетъ новыя человѣческія единицы въ городъ. Растетъ-ли книжное и журнальное дѣло, — является необходимость въ новыхъ бумажныхъ фабрикахъ; постройка этихъ фабрикъ должна привлечь людей, которые будутъ ее строить и которые будутъ работать на ней; кромѣ того увеличеніе этой дѣятельности увеличить и число наборщиковъ и число литературныхъ труженниковъ. Всѣмъ этимъ людямъ понадобится большая масса одежды, пищи и тому подобныхъ предметовъ первой необходимости, а значитъ увеличится количество людей, производящихъ эти предметы. Но всей этой массѣ будутъ нужны и помѣщенія. А между тѣмъ быстрота увеличенія помѣщеній далеко не соответствуетъ быстротѣ возрастанія населенія. Возьмемъ два года, о которыхъ имѣются подробныя статистическія данныя; — эти годы 1865 и 1869. Промежутковъ между ними, какъ видите, не великъ, но цифры выходятъ все-таки очень краснорѣчивыя.

Въ Петербургѣ было въ 1865 году 539,122 чел. жителей, 19,432 жилыхъ строеній и 77,180 квартиръ. Такимъ образомъ, въ 1865 году на каждое строеніе приходилось 27,7 жителей, а на каждую квартиру 6,9 жителей. Благопріятно-ли это отношеніе? Нѣтъ. Не говоря уже о какой-нибудь Швейцаріи, гдѣ, напримеръ, въ Женевѣ, въ Базелѣ, въ Бернѣ и другихъ городахъ на 100 комнатъ приходится 70 — 100 живущихъ, даже въ самомъ Берлинѣ еще до сихъ поръ на квартиру приходится не болѣе 5,5 человѣка жильцовъ. Но если у насъ въ Петербургѣ уже въ 1865 году было такое, не особенно благопріятное отношеніе между квартирами и населеніемъ, то въ 1869 г. это отношеніе сдѣлалось еще хуже. Населеніе въ этомъ году равнялось 615,406 человѣкамъ, т. е. оно увеличилось на 76,284 человѣка; если-бы отношеніе между квартирами и жителями осталось то-же, то квартиръ должно-бы было прибавиться болѣе 11,000, а жилыхъ строеній болѣе 2,725. Но что-же мы видимъ? Правда, квартиръ прибавляется 10,599, т. е. на квартиру приходится уже 7,33 человѣкъ. Эта цифра сама по себѣ была-бы еще сносна, если-бы мы знали, что ~~оди~~ квартиры дѣйствительно *новыя* квартиры. Но въ сущности это не такъ: эти

квартиры, большею частью, ничто иное, какъ „дробн“ существовавшихъ уже квартиръ, такъ какъ собственно новыхъ строеній возникло за этотъ промежутокъ времени крайне мало; число этихъ строеній равняется 481, т. е. согласно съ вышеприведеннымъ расчетомъ недостаетъ 2,244 строеній. Такимъ образомъ, въ 1869 году уже приходится на каждое строеніе не 27,7 жителей, какъ въ 1865 году, а 30,9 жителей. Эта цифра, могутъ намъ замѣтить, гораздо благоприятнѣе, чѣмъ въ Берлинѣ, гдѣ на одинъ домъ приходится 55,63 человекъ жильцовъ. Да, но это чистѣйшее самообольщеніе. Дѣло въ томъ, что въ Берлинѣ дома вообще больше петербургскихъ и нѣмецкіе статистики считаютъ собственно число „дворовыхъ мѣстъ“, а не число отдѣльныхъ клѣтушекъ и пристроекъ, находящихся при главномъ зданіи; мы же по необходимости должны были брать цифры, опредѣляющія сумму всѣхъ жилыхъ строеній, какъ-бы ни были они малы. Если-бы мы взяли цифру дворовыхъ мѣстъ, которая имѣется только для 1869 года, то мы получили-бы 8,242 дома или дворовыя мѣста, т. е. на каждый домъ или дворовое мѣсто пришлось-бы по 74,4 человекъ жильцовъ. Цифра уже вовсе неблагоприятная, такъ какъ она превышаетъ цифру населенія берлинскихъ домовъ и уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ идти въ сравненіе, напримеръ, съ цифрою населенія въ Бернѣ, гдѣ на домъ приходилось въ 1868 году 17,4 чел., или въ Базелѣ, гдѣ на домъ приходилось 14,5 чел., или въ Женевѣ, гдѣ на домъ приходилось 27,8 чел. Но и при этой цифрѣ нужно-бы было оговориться, что въ число дворовыхъ мѣстъ входятъ такіе дома, какіе встрѣчаются сплошь и рядомъ на Пескахъ, на Петербургской и Выборгской сторонахъ, — дома, незаслуживающіе чести даже служить конюшными и хлѣвами, и уже ни въ какомъ случаѣ немислимые гдѣ-нибудь въ Вѣнѣ или Берлинѣ. Вообще мы не знаемъ не только ни одной европейской столицы, но и ни одного значительнаго европейскаго города, гдѣ была-бы такая масса „избушекъ на курьихъ ножкахъ,“ какими изобилуютъ Пески, Петербургская и Выборгская стороны, Измайловскій и Семеновскій полки, Гавань и Коломна. Глядя на эти мѣста, приходишь къ заключенію, что вѣрно насъ еще не совсѣмъ „доналъ“ квартирный вопросъ, иначе у насъ не являлось-бы такого множества пустырѣй съ сторожевыми будками, носящими названія домовъ. А

впрочемъ, можетъ быть, мы ужь такими уродились, что дальше обличеній не можемъ идти, все еще свидѣтельствуя ту старую истину, что „мы стоимъ въ поганой лужѣ.“

Если мы станемъ далѣе разсматривать цифры, доказывающія, что населеніе Петербурга очень скучено, то мы увидимъ, что въ 1865 году хотя и приходилось, какъ мы говорили, среднимъ числомъ 6,9 жителей на квартиру, но по разнымъ мѣстностямъ города это среднее отношеніе измѣнялось и колебалось между 1,8 и 22 жителями на квартиру и наибольшая людность квартиръ встрѣчалась не тамъ, гдѣ преобладали большія квартиры, а именно тамъ, гдѣ квартиры были преимущественно невелики. До чего скучивается населеніе въ этихъ „малыхъ“ квартирахъ—это видно изъ цифръ за 1869 годъ, когда нашъ статистическій комитетъ отбросилъ нигуда негодное дѣленіе квартиръ на „большія“ и „малыя“, а просто показалъ число квартиръ въ одну, въ двѣ, въ три комнаты и такъ далѣе, указавъ при этомъ и число помѣщающагося въ нихъ народу. Изъ этихъ цифръ получаютъ слѣдующіе выводы:

Квартиры:	Число ихъ.	Число жител.	Сколько приходится на кварт. жит.
въ 1 комнату.	16,505	75,055	4,5
„ 2 „	14,395	93,152	6,4
„ 3 „	15,821	109,554	6,9
„ 4 „	12,536	92,283	7,3
„ 5 „	8,642	61,610	7,1
„ 6 „	6,025	44,833	7,4
„ 7 и 8 комн.	6,729	55,569	8,2
„ 9 до 10 „	2,923	28,754	9,8
„ 10 до 15 „	2,265	29,410	12,9
„ 16 и болѣе	1,099	25,186	22,9
Итого.	86,940	615,406	

Если-бы мы вздумали сдѣлать средній выводъ и опредѣлить, сколько человѣкъ приходится на 100 комнатъ во всемъ городѣ, то мы получили-бы отвѣтъ, что въ Петербургѣ на каждыя 100 комнатъ приходится среднимъ числомъ почти 170 человѣкъ. Нужно замѣтить, что эту цифру мы получимъ даже тогда, когда примемъ, что квартиры четырехъ послѣднихъ разрядовъ имѣли

наибольшее число комнатъ, т. е. по 8, 10, 15 и 20 комнатъ. Въ дѣйствительности-же, конечно, отношеніе является еще болѣе невыгоднымъ и на каждыя 100 комнатъ приходится болѣе 170 человѣкъ. Но и эту цифру нельзя считать особенно благопріятной. Въ Швейцаріи, напримѣръ, тоже около 1868 года приходилось:

въ С. Галленѣ	на 100 комнатъ	114 чел.
» Цюрихѣ	» »	95 »
» Люцернѣ	» »	94 »
» Невшателѣ	» »	89 »
» Базелѣ	» »	81 »
» Лованнѣ	» »	78 »
» Шо-де-фонѣ	» »	76 »
» Фрейбургѣ	» »	75 »
» Женевѣ	» »	69 »
» Бернѣ	» »	62 »

Таково въ Петербургѣ отношеніе числа жителей въ числу домовъ, квартиръ и комнатъ.

III.

Итакъ, недостатокъ квартиръ есть прямая причина возвышенія квартирной платы, но возвышеніе квартирной платы почти не вліяетъ на повышеніе заработной платы. Оклады людей, служащихъ на государственной службѣ, не повышаются сообразно съ вздорожаніемъ предметовъ первой необходимости и остаются втеченіи десятилѣтій неизмѣнными; заработки людей, занимающихся частнымъ трудомъ, могли-бы поддаваться вліянію вздорожанія предметовъ первой необходимости, если-бы повышеніе заработной платы не парализовалось здѣсь очень сильно увеличеніемъ числа рабочихъ рукъ, и потому повышеніе заработной платы имѣетъ здѣсь мѣсто только въ томъ случаѣ, когда въ извѣстной профессіи остается прежнее число работниковъ. Такимъ образомъ, цѣлая масса труженниковъ—чиновниковъ, учителей, писателей, сапожниковъ, портныхъ, наборщиковъ и тому подобнаго люда—должна жить почти на тѣ-же средства, на которыя она жила десять, пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Вслѣдствіе этого въ го-

родскомъ населеніи замѣчается, съ одной стороны, стремленіе нанимателей квартиръ стѣснить себя, сжаться въ небольшихъ помѣщеніяхъ, несоотвѣтствующихъ ихъ нуждамъ и потребностямъ, но соотвѣтствующихъ ихъ карманамъ, ихъ матеріальному положенію; съ другой стороны, вслѣдствіе усиленнаго спроса на небольшія помѣщенія, среди домохозяевъ развивается стремленіе раздробить большія квартиры на мелкія, что представляетъ немалую выгоду, такъ какъ двѣ мелкія квартиры, сдѣланныя изъ одной большой, оплачиваются дороже, чѣмъ оплачивалась эта одна большая квартира. Прямымъ послѣдствіемъ этого порядка дѣлъ является то, что такъ называемый „средній“ классъ общества перебирается въ квартиры, служившія до сихъ поръ исключительно помѣщеніями для такъ называемаго „рабочаго“ класса; послѣдній-же все болѣе и болѣе оттѣсняется въ подвалы и на чердаки, которые до сихъ поръ или стояли пустыми, или служили помѣщеніями для разнаго хлама, провизіи, дровъ и т. д.

Люди, имѣющіе возможность нанимать только одну, двѣ, три, четыре комнаты, большая часть учителей, чиновниковъ, художниковъ, артистовъ, мелкихъ купцовъ, мѣщанъ, чернорабочихъ и т. д. составляютъ большинство петербургскаго населенія, представляющее собою 370,044 души обоего пола. Они занимаютъ 142,902 комнаты, т. е. на каждыя 100 комнатъ приходится болѣе 250 человекъ или 2,5 человека на комнату. Эта цифра далеко не утѣшительна и говоритъ, что эти триста семьдесятъ тысячъ человекъ не пользуются особеннымъ комфортомъ. Но, посмотрите, какъ выглядитъ большая часть комнатъ, которыя приходится занимать массѣ.

„Изъ числа изслѣдованныхъ мною домовъ съ подвальными жилищами, пишетъ д-ръ Эрисманъ, 84 были или затоплены водой, или носили слѣды ея накопленія непосредственно подъ поломъ. Число всѣхъ изслѣдованныхъ мною домовъ съ подвальными этажами—202; слѣдовательно, число тѣхъ домовъ, подвалы которыхъ страдаютъ отъ колебаній почвенной воды, относится къ числу всѣхъ изслѣдованныхъ домовъ съ жилыми подвалами, какъ 1—2³/7. На основаніи своихъ исчисленій я полагаю, что въ продолженіи нынѣшней весны, по крайней мѣрѣ, 40% петербургскихъ подвальныхъ жилищъ въ большей или меньшей степени были затоплены водой. Имѣя въ виду число изслѣдован-

ныхъ мною участковъ города, я предполагаю, что я изслѣдовалъ не болѣе шестой части петербургскихъ подвальныхъ жилищъ. Въ изслѣдованныхъ мною подвалахъ живутъ около 5,000 человекъ, такъ что всѣхъ обитателей подвальныхъ жилищъ Петербурга по этому разсчету около 30,000 человекъ или $4\frac{1}{2}\%$ всего народонаселенія. Если это вычисленіе справедливо, то нынѣшнюю весною приблизительно 12,000 человекъ страдали отъ сырости ихъ квартиръ, обусловленной высокимъ стояніемъ почвенной воды. Мы знаемъ, что цифра подвальныхъ жильцовъ гораздо больше, чѣмъ предполагалъ докторъ Эрисманъ, что она въ 1869 г. доходила до 46,000 человекъ, а значитъ и число страдающихъ отъ сырости въ жилищахъ людей было гораздо значительнѣе. „Но не одни слои земли, продолжаетъ онъ, въ которыхъ стоитъ почвенная вода, производятъ сырость подвальныхъ жилищъ, а также и лежащія надъ ними слои почвы, въ которые собственно не заходитъ почвенная вода, способствуютъ сырости этихъ квартиръ, потому что содержащаяся въ этихъ слояхъ сырость пропитываетъ стѣны домовъ. Извѣстно, что обыкновенныя стѣны болѣе или менѣе пропускаютъ какъ воздухъ, такъ и воду. Плохо выжженные кирпичи, которые такъ часто употребляются при спекулятивной постройкѣ домовъ, дѣлаютъ стѣны весьма гигроскопическими и обшивка ихъ изнутри тесомъ не защищаетъ стѣны нисколько отъ проникающей сырости. И въ самомъ дѣлѣ я не видѣлъ ни одного подвала, стѣны котораго не носили-бы слѣдовъ большей или меньшей сырости. Нерѣдко эта сырость распространяется на всѣхъ наружныхъ стѣнахъ во всю ихъ длину и достигаетъ во многихъ квартирахъ до чрезвычайной степени. Я никогда не забуду ужаснаго зрѣлища, которое представилось мнѣ въ домѣ Пирогова въ Малковомъ переулкѣ. Эта квартира представляетъ самое отвратительное жилище, ни въ чемъ не уступающее домамъ кн. Вяземскаго. Входъ въ нее отличается тѣмъ, что изъ находящагося подлѣ двери отхожаго мѣста льется въ комнату вонючая жидкость. Квартира вообще состоитъ изъ одной раздѣленной перегородками на четыре отдѣленія комнаты вмѣстимостью въ 92 куб. метр.; число жильцовъ приблизительно 24, такъ-что на каждаго приходится 3,83 куб. метра воздуха,—количество, которое, по крайней мѣрѣ, втрое недостаточно даже въ томъ случаѣ, если

квартира могла-бы вентилироваться какъ слѣдуетъ; за исчисленіемъ пространства, занимаемаго большою русскою печью, и высокой степени бѣдною мебелью и, наконецъ, самими жильцами на каждаго человѣка остается ни въ какомъ случаѣ не болѣе 2¹/₂ до 3 куб. метр. Полъ жилища сгнилъ въ собственномъ смыслѣ слова; окна такъ низки и малы, что посреди, даже не очень яснаго дня, въ комнатахъ господствовала значительная темнота. Въ то время, когда я говорилъ съ моими спутниками относительно ужаснаго состоянія этого жилища, ко мнѣ подошелъ одинъ старикъ и просилъ меня подробнѣе осмотрѣть его „уголь“. Я съ любопытствомъ послѣдовалъ за нимъ, онъ захватилъ свѣчу, отодвинулъ нѣсколько отъ стѣны свою постель, взял прочь мокрую доску, которая защищала постель отъ соприкосновенія съ стѣною, и освѣтилъ самую стѣну. Она оказалась на всемъ протяженіи постели покрытою почти въ одинъ сантиметръ толщеною слоемъ грязно-сѣрой плесени, черезъ которую сверху капала вода на гнилой полъ. И за такой уголь, который старикъ показалъ мнѣ со слезами на глазахъ, несчастный бѣднякъ платитъ 2 руб. въ мѣсяцъ“. „Почти во всемъ Петербургѣ, продолжаетъ д-ръ Эрисманъ, принадлежащія къ подвальнымъ жилищамъ отхожія мѣста находятся въ самомъ жалкомъ состояніи. Они расположены или на галлерей, гдѣ находятся входныя двери въ подвалы, или на дворѣ, часто на довольно далекомъ разстояніи отъ квартиръ. Отхожія мѣста первой категоріи всегда темны и потому уже на одномъ этомъ основаніи, при низкой степени культуры посѣщающей ихъ публики, они не могутъ быть чистыми. И въ самомъ дѣлѣ, они почти повсюду представляютъ до такой степени ужасное зрѣлище, что непривыкшіи къ грязи человѣкъ едва-ли рѣшится ступить туда. Самый входъ въ эти мѣста сопряженъ съ нѣкоторою опасностью для жизни или, по крайней мѣрѣ, съ рискомъ упасть въ выгребную яму. Само собою разумѣется, что эти мѣста наполняютъ квартиру ужасною вонью. Нерѣдко случается, что на пути изъ галлерей къ отхожимъ мѣстамъ нужно подняться на нѣсколько ступеней; при этомъ уровень нечистоты въ ямѣ лежитъ иногда выше, чѣмъ полъ галлерей и квартиръ; вслѣдствіе этого при проникаемости стѣнъ выгребныхъ ямъ и при большой гигроскопичности верхнихъ слоевъ почвы, жидкость изъ ямъ легко просачивается черезъ тонкіи

слой земли, отдѣляющей ее отъ галлерей, и является въ послѣдней“. „Недостатокъ дневного свѣта составляетъ одно изъ постоянныхъ характеристическихъ свойствъ подвальныхъ жилищъ... Между петербургскими подвалами встрѣчаются даже такія, въ которыхъ не проникаетъ вовсе дневной свѣтъ, такъ какъ въ нихъ нѣтъ оконъ; такія помѣщенія иногда освѣщаются небольшимъ окномъ въ дверяхъ, сквозъ тусклое стекло котораго проникаетъ скудный свѣтъ изъ сосѣдней комнаты, или-же они совершенно темны, такъ что безъ искусственнаго освѣщенія въ нихъ невозможно различать предметы. Въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ вслѣдствіе темноты нельзя работать въ нѣкоторомъ разстояніи отъ окна или-же нельзя заниматься мелкою работою у самого окна вслѣдствіе его небольшихъ размѣровъ или потому, что оно слишкомъ высоко отстоитъ отъ пола, жильцы для того, чтобы быть ближе къ окну, работаютъ на высокихъ нарахъ или на поставленныхъ другъ на друга столахъ“. „Трудно вообразить, какой воздухъ вдыхаютъ эти бѣдняки, когда, при полномъ почти отсутствіи всякой вентиляціи, на каждаго изъ нихъ приходится приблизительно такое количество воздуха, какое заключается въ небольшомъ шкафѣ“!

Мы не приводимъ тѣхъ примѣровъ, которые находятся въ статьяхъ д-ра Эрисмана, мы не станемъ говорить о тѣхъ жилищахъ, которыя приходилось осматривать намъ, мы не будемъ распространяться о домѣ кн. Вяземскаго. Довольно и того, что сказано выше, чтобы понять все ужасное состояніе подвальныхъ жилищъ, гдѣ помѣщается болѣе сорока шести тысячъ народа.

Нѣтъ сомнѣнія, что, скучиваясь въ мелкихъ жилищахъ, средней классъ все болѣе и болѣе теряетъ возможность соблюдать хоть долю тѣхъ гигиеническихъ условій, которыми мы и безъ того слишкомъ сильно пренебрегаемъ по нашей неразвитости, по нашему невѣжеству, по нашей апатіи, но безъ соблюденія которыхъ невозможно сохранить здоровья. При тѣсной квартирѣ нечего и думать о достаточномъ количествѣ и чистотѣ воздуха, объ устройствѣ хорошихъ и удобныхъ спаленъ, объ отдѣленіи дѣтей на ночь въ другую комнату изъ спальни родителей, о возможности дать отдѣльное мѣсто обучающимся дѣтямъ для приготовления уроковъ. Нѣтъ, здѣсь люди скучиваются въ двухъ, трехъ комнатахъ, отравляютъ почти непрерывающійся и не об-

новляющийся воздухъ, дѣти спать съ отцами и матерями въ одной комнатѣ, вынося изъ нея въ душѣ много нравственной грязи, подростки приготавливаютъ кое-какъ свои уроки, развлекаясь разговорами взрослыхъ и играми малолѣтковыхъ. Это какая-то жизнь на базарной площади съ скверными испареніями, съ грязными картинками и вѣчнымъ шумомъ и гамомъ. Еще менѣе можно сомнѣваться, что невозможно соблюсти какія-нибудь гигиеническія условія гдѣ-нибудь въ подвалѣ или на чердакѣ, въ жилищахъ рабочей массы. А между тѣмъ эти подвалы и чердаки существуютъ и никакія санитарныя комиссіи, никакія полицейскія мѣры не могутъ уничтожить этихъ чердаковъ и подваловъ, хотя и санитарныя комиссіи и полиція очень хорошо знаютъ всѣ темныя стороны этихъ логовищъ. Но какъ-же уничтожить ихъ, если народу некуда дѣться: закройте эти подвалы и чердаки и вся масса ихъ населенія очутится въ еще худшемъ положеніи, — она очутится на улицѣ. Вотъ почему и санитарныя комиссіи и полиціи приходится молча глядѣть на это неизбежное зло и въ городѣ остается, по статистическимъ свѣденіямъ за 1869 годъ, 7,334 подвальныхъ жилища съ 46,072 жителями, изъ числа которыхъ 15,054 человекъ селятся въ такихъ подвальныхъ квартирахъ, что каждая изъ нихъ имѣетъ одну комнату и въ каждой изъ этихъ комнатъ помѣщается не менѣе 4 человекъ; 13,404 человекъ занимаютъ подвальные квартиры въ двѣ комнаты, причемъ на квартиру приходится по 7 человекъ. Если-бы мы пошли далѣе, то мы могли-бы указать на существованіе двухъ квартиръ въ двѣ комнаты съ четырьмя окнами, гдѣ живетъ болѣе 50 человекъ въ каждой квартирѣ, или на 11 квартиръ въ одну комнату съ тремя окнами, гдѣ живетъ тоже болѣе 50 человекъ въ каждой квартирѣ; наконецъ, есть одна квартира въ одну комнату съ двумя окнами, гдѣ также живетъ болѣе 50 человекъ бѣдняковъ.

Но касается-ли до меня или до васъ, читатель, жизнь этихъ жалкихъ созданій? Не идутъ-ли наши и ихъ пути въ различныхъ направленіяхъ, такъ что мы не можемъ ждать встрѣчъ и столкновеній съ этими людьми?

Нѣтъ, подобныя мнѣнія нелѣпость.

Встрѣтивъ человека, который сталъ-бы передъ нами выразить подобныя мнѣнія, мы не стали-бы упрекать его въ черствости

сердца, не стали-бы расплываться въ чувствительныхъ монологахъ о недостаткѣ въ немъ челоѳколюбія. Мы давно умудрились житейскимъ опытомъ, тѣмъ холоднымъ и сухимъ опытомъ, который не позволяетъ намъ искать вездѣ какихъ-то ангеловъ, какихъ-то героевъ, бросающихся изъ пятого этажа внизъ головой для спасенія ближнихъ. Мы даже готовы подсмѣиваться надъ подобными оригиналами. Мы хорошо знаемъ, что своя рубашка къ тѣлу ближе и знаемъ даже болѣе, знаемъ, что каждому дорога только своя рубашка, что насъ нисколько не печалилъ-бы бѣдный Иванъ, если-бы этотъ Иванъ такъ или иначе не отравлялъ нашего спокойствія, не влиялъ на наше пищевареніе. Вотъ почему, встрѣтивъ челоѳка, который сталъ-бы говорить намъ, что ему нѣтъ дѣла до того, какъ живутъ на чердакахъ и въ подвалахъ, мы назвали-бы его глупымъ младенцомъ, незнающимъ общественной жизни, незнающимъ взаимной связи людей между собою, незнающимъ, что каждый бель-этажъ зависитъ отъ прочности подвала и отъ прочности чердака, что каждый Иванъ, не помнящій родства, вліяетъ и на васъ, и на меня.

Взглянемъ-же, что вносить въ наши бель-этажи эта масса, скученная въ подвалахъ и на чердакахъ.

IV.

Тѣсныя, темныя, сырыя, холодныя, однимъ словомъ, плохія жилища постоянно и вездѣ очень дурно вліяютъ на здоровье и на нравственность живущихъ въ нихъ людей. Это избитая истина, подтверждающаяся на каждомъ шагѣ. „Трудно сказать, говорить д-ръ Эрисманъ, насколько виновата сырость жилищъ въ громадной смертности бѣднаго населенія вообще и жителей подваловъ въ особенности, но есть достаточно физиологическихъ оснований считать сырость квартиръ вредною для челоѳческаго организма. Д-ръ Риттеръ въ Оппельнѣ подробно изслѣдовалъ послѣдствія продолжительной сырости жилищъ. Вотъ въ краткихъ словахъ его положенія: „1) Сырость препятствуетъ испаренію воды изъ крови черезъ кожу и легкія, такъ какъ испареніе стоитъ въ обратномъ отношеніи къ количеству содержащейся въ воздухѣ воды; задерживанье-же воды въ тѣлѣ зловредно дѣйствуетъ на дѣятель-

ность организма. Кромѣ того сырой воздухъ, въ противоположность сухому, есть хорошій проводникъ теплоты тѣла, вслѣдствіе чего въ такихъ жилищахъ легко приобретаются катарры и ревматизмы; это особенно часто случается при спаньѣ близъ сырыхъ стѣнъ. 2) Сырость, при содѣйствіи соотвѣтствующей температуры, производитъ многочисленныя процессы броженія въ жилищахъ; это особенно опасно тамъ, гдѣ почва, окружающая подвалы, пропитана животными и растительными веществами. Отъ значительнаго скопленія послѣднихъ вблизи жилищъ происходятъ многочисленные продукты гніенія, которые, при легкой проницаемости почвы, проникаютъ до стѣнъ домовъ, черезъ самыя стѣны и отравляютъ воздухъ жилищъ. Очень вѣроятно, что частички гниющихъ веществъ проходятъ въ человеческое тѣло черезъ легкія. Опыты надъ вдыханіемъ газообразныхъ продуктовъ гніенія вѣстѣ съ атмосфернымъ воздухомъ будутъ способствовать разъясненію дѣйствія этихъ веществъ на организмъ. Гербертъ Баркеръ дѣлалъ такіе опыты надъ воздухомъ клоакъ. Болѣзненные явленія, которыя были наблюдаемы имъ при этомъ, онъ приписываетъ преимущественно дѣйствію сѣроводорода: они состояли въ разстройствѣ пищеваренія съ упадкомъ силъ, повышеніемъ температуры тѣла и вообще съ такимъ разстройствомъ общаго состоянія, которое наблюдается при легкихъ формахъ febris continuaе, — лихорадки, преимущественно появляющейся въ грязныхъ, плохо вентилированныхъ домахъ простолюдиновъ. 3) Далѣе, сырой воздухъ подвальныхъ жилищъ благопріятствуетъ развитію тѣхъ низшихъ организмовъ (грибы, инфузоріи), которые постоянно сопутствуютъ процессамъ броженія органическихъ веществъ. Это обстоятельство имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что въ формѣ такихъ низшихъ организмовъ, какъ теперь оказывается, развиваются зародыши многихъ эпидемическихъ болѣзней. Но, кромѣ этихъ микроскопическихъ низшихъ организмовъ, въ сырыхъ жилищахъ очень легко развиваются и другіе грибы, особенно *Penicillium glaucum*, обыкновенная плѣсень, которая преимущественно растетъ на отсырѣвшихъ съѣстныхъ припасахъ. Платье и бѣлье въ такихъ квартирахъ сырѣютъ и портятся и многіе изъ несчастныхъ обитателей подваловъ горько имѣ жаловались, что у нихъ даже нѣтъ угла, гдѣ-бы они могли сохранять свои платья и защищать ихъ отъ скорой порчи. Кромѣ того, въ этихъ жилищахъ

встрѣчается еще грибокъ *Mercurius lacrymatus* (Haußschwamm) и д-ръ Риттеръ наблюдалъ интересный случай его вреднаго вліянія на здоровье жильцовъ.“

„Всѣ эти вредныя послѣдствія сырости квартиръ усиливаются очень часто тѣмъ, что затопленнымъ водой подваламъ обыкновенно не даютъ времени совершенно высохнуть. Необходимость въ жилищѣ заставляетъ бѣдняковъ снова поселяться въ ихъ квартирахъ, прежде чѣмъ уничтожатся возникшіе, особенно при медленномъ пониженіи воды, процессы броженія и разложенія оставленныхъ водой органическихъ веществъ. Адольфъ Ліонъ считаетъ необходимымъ разбирать полъ жилищъ послѣ затопленія водой и затѣмъ настилать новыя половицы, предварительно положивъ подъ нихъ слой сухого песку; мокрая стѣны, по его мнѣнію, должны очищаться до камней и все жилище высушиваться посредствомъ печей. Очень важны наблюденія д-ра Вудила въ Востонѣ относительно вліянія почвенной сырости и зависящей отъ этого сырости жилищъ на развитіе легочной чахотки. Опираясь на одновременныя наблюденія 183 врачей въ 325 городахъ, онъ приходитъ къ заключенію, что сырой воздухъ, вслѣдствіе своего изобилія продуктами разложенія и гніенія животныхъ и растительныхъ веществъ, можетъ сдѣлаться причиной легочной бугорчатки. Онъ полагаетъ, что это происходитъ вслѣдствіе прямого раздраженія слизистой оболочки легкихъ отъ вдыханія вредныхъ веществъ, а не отъ послѣдовательнаго ослабленія общаго состоянія. Конечно, нигдѣ не можетъ быть болѣе богатаго поля для дѣйствія всѣхъ вредныхъ вліяній почвенной сырости, какъ въ подвальныхъ жилищахъ, изъ которыхъ почти половина приходитъ ежегодно въ соприкосновеніе съ почвенною водой, изъ которыхъ ни одно не защищено отъ постояннаго прониканія почвенной сырости черезъ стѣны. Д-ръ Говъ въ Атиксонѣ (въ Америкѣ), живя въ мѣстности, которая лежитъ частью на песчано-сухой почвѣ, частью на низменно-болотистой, высчиталъ смертные случаи въ этой мѣстности отъ легочной чахотки за 30 лѣтъ и нашелъ, что число умершихъ этою болѣзнію составляетъ 9,75 % всѣхъ смертныхъ случаевъ въ высокой и сухой части этого округа, а 50% въ низменно-болотистой части. Д-ръ Рейнгардъ сравнивалъ два округа въ Оберъ-Лаузицѣ въ Саксоніи (одинъ округъ болотистый; на берегу рѣки Шпрэ, и другой су-

хой, состоящей изъ окружающихъ первый округъ горъ) по отношенію къ средней продолжительности жизни жителей. Въ первомъ округѣ господствовали малярія и тифъ.

Въ гористой мѣстн. 1 смерт. случай приходится на .	46 ж.
„ низменной „ 1 „ „ „ „ „ „ .	33,6 „
Изъ 1,000 умираетъ въ гористой мѣстности . . .	21,8 „
„ „ „ „ низменной „ . . .	29,8 „

Не менѣе важенъ дневной свѣтъ для человѣка. „Молешотъ, говоритъ Эрисманъ, дѣлалъ опыты надъ вліяніемъ свѣта на лягушекъ. Наблюдая дыханіе лягушекъ попеременно, то при хорошемъ дневномъ свѣтѣ, то въ темнотѣ, онъ нашелъ, что лягушки одинаковаго вѣса въ продолженіи одинаковаго срока времени выдыхали въ темнотѣ значительно меньше углекислоты, чѣмъ на дневномъ свѣтѣ; именно, при хорошемъ дневномъ освѣщеніи количество углекислоты было почти на одну пятую больше, чѣмъ при слабомъ свѣтѣ; самое меньшее количество углекислоты было выдыхаемо ими въ совершенной темнотѣ. Изъ этихъ опытовъ можно вывести то прямое заключеніе, что солнечный свѣтъ способствуетъ питанію животныхъ, а темнота препятствуетъ ему. Но недостаточное питаніе не можетъ оставаться безъ дурныхъ послѣдствій для всего организма; оно сопровождается притупленіемъ чувствительности нервовъ и уменьшеніемъ ихъ дѣятельности. При изслѣдованіи у лягушекъ раздражительности нервовъ и мышцъ гальваническимъ токомъ и химическими веществами, вовсе не замѣчалось реакціи на раздраженіе, или же замѣчалась очень слабая реакція у тѣхъ лягушекъ, которыя до опыта находились въ темнотѣ; у находившихся подъ вліяніемъ свѣта лягушекъ раздраженіе производило сильное сокращеніе мышцъ или столбнякъ. Эти результаты опытовъ надъ лягушками, безъ сомнѣнія, могутъ быть примѣнены къ человѣку и на основаніи ихъ можно утверждать, что нормальный обихъ веществъ въ человѣческомъ тѣлѣ можетъ происходить только при достаточномъ количествѣ свѣта, тогда какъ отсутствіе свѣта препятствуетъ питанію. Упадокъ-же питанія въ тѣлѣ долженъ неизбѣжно отражаться и на психическихъ отправленияхъ человѣка; каждый на самомъ себѣ испыталъ, что продолжительная зима съ свойственными ей длинными ночами и темными дня-

ми, дождливая осень или весна могут повергать насъ въ печальное, меланхолическое настроеніе духа, притупляя въ насъ не только охоту къ работѣ, но даже и желаніе наслаждаться жизнью. Поэтому понятно, что темныя жилища въ подвальныхъ этажахъ неизбѣжно должны наводить томительную скуку на жильцовъ ихъ и развивать въ нихъ апатію ко всѣмъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Наибольше страдаютъ при этомъ дѣти, которыя, будучи плохо одѣты, не могутъ выходить вслѣдствіе того зимою на открытый воздухъ. А между тѣмъ эти несчастныя маленькія существа, возбуждающія состраданіе при взглядѣ на ихъ блѣдныя лица, прозрачную кожу и вялыя отъ недостаточнаго упражненія мышцы, такъ жаждутъ свѣта! Сколько разъ я видѣлъ, какъ въ темныхъ подвалахъ маленькія дѣти просили мать посадить ихъ на окно; другія, вскарабкавшись на окно, ни за что не хотѣли покидать это единственное свѣтлое мѣсто во всей комнатѣ“.

На ряду съ дневнымъ свѣтомъ чистый воздухъ составляетъ существенную потребность каждаго органическаго существа. „Вліаніе испорченнаго воздуха, говоритъ докторъ Эрисманъ, на человѣческой организмъ и непосредственныя измѣненія, происходящія при этомъ въ строеніи тканей тѣла, въ движеніи молекулъ, которымъ обуславливается жизнь, до сихъ поръ еще недоступны научному изслѣдованію. Такъ какъ причины порчи воздуха чрезвычайно разнообразны, то и зависящія отъ нихъ болѣзненные измѣненія бываютъ различны. При непродолжительномъ дѣйствіи испорченнаго воздуха эти измѣненія, конечно, очень незначительны, такъ что они неопредѣлимы даже усовершенствованными въ новѣйшее время способами изслѣдованія. Но когда человѣкъ, при продолжительномъ пребываніи въ дурномъ воздухѣ, не заболѣвъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, становится менѣе способнымъ къ противодѣйствію внѣшнимъ вліаніямъ, когда его силы постепенно падаютъ, питаніе ухудшается и когда, наконецъ, онъ слишкомъ рано умираетъ, тогда становится яснымъ, что, дѣйствительно, причиною хворости и преждевременной смерти такого человѣка было непрерывное вліаніе дурнаго воздуха. Въ тѣхъ случаяхъ, когда здоровье человѣка разстроивается сравнительно быстрѣе, какъ, напр., на такихъ фабрикахъ, на которыхъ рабочіе обращаются съ фосфоромъ и

свинцомъ, тамъ вредъ отравленнаго этими веществами воздуха очевиденъ; онъ уже доказанъ наукой, замѣченъ администраціей, вслѣдствіе чего и явились законы для охраненія здоровья рабочихъ на такихъ фабрикахъ. Иначе бываетъ тамъ, гдѣ чело- вѣческой организмъ страдаетъ постепенно и мало по малу, гдѣ наука не въ состояніи еще съ желаемой точностью опредѣ- лить причины его разстройства и гдѣ люди по своему плохому экономическому положенію почти не могутъ пользоваться чи- стымъ воздухомъ, тамъ все остается по старому, не принимается никакихъ мѣръ, несмотря на то, что не существуетъ ни- какого сомнѣнія во вредномъ вліяніи испорченнаго воздуха. Это послѣднее замѣчаніе прямо относится къ вредному дѣй- ствію дурно провѣтриваемыхъ жилищъ: воздухъ такихъ жилищъ обнаруживаетъ прямо отравляющее дѣйствіе во время эпидемій тифа, холеры и т. д., содержа въ себѣ зародыши этихъ болѣз- ней. Кроме того, дурной воздухъ сокращаетъ чело- вѣческую жизнь другими различными способами: отсутствіе въ немъ необходимаго количества кислорода причиняетъ въ тѣлѣ разстройство питанія съ его послѣдствіями; преимущественно отсутствіе озона (въ этой формѣ, по мнѣнію фیزیологовъ, кислородъ соединяется съ кро- вяными шариками) должно имѣть весьма дурное вліяніе на об- мѣнъ веществъ въ организмѣ; нѣкоторые авторы даже утвержда- ютъ, что будто-бы при такихъ условіяхъ почки отдѣляютъ бѣ- локъ. Барингъ, при своихъ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ мочи людей, жившихъ въ темныхъ, сырыхъ, вонючихъ жилищахъ, на- ходилъ у одного изъ 8 бѣлоковъ въ мочѣ. При этомъ онъ наблю- далъ, что это явленіе значительнаго разстройства питанія тѣла почти всегда исчезало, когда такіе индивиды переѣзжали въ сухую, хорошую квартиру, въ которую свѣжій воздухъ проникалъ въ достаточномъ количествѣ. Хроническіе катарры разныхъ органовъ являются отчасти послѣдствіями вялости тканей вообще, отчасти же они зависятъ отъ механическаго дѣйствія на слизистую обо- лочку дыхательныхъ органовъ постороннихъ тѣлъ въ вдыхаемомъ воздухѣ. Къ послѣдней категоріи принадлежатъ преимущественно хроническіе катарры гортани и бронхій, которые нерѣдко рас- пространяются на самыя мелкія развѣтвленія дыхательныхъ путей и, такимъ образомъ, даютъ первый толчекъ къ развитію чахот- ки. Всѣмъ извѣстны разрушенія легкихъ, происходящія отъ та-

кого механическаго раздраженія дыхательныхъ путей у рабочихъ вслѣдствіе вдыханія мучной, бумажной, стальной пыли и т. д. Въ селѣ Павловѣ, находящемся въ нижегородской губ., которое можно назвать центромъ стальныхъ издѣлій, здоровье рабочихъ весьма плохо, средняя продолжительность жизни ихъ чрезвычайно мала и почти всѣ они умираютъ отъ болѣзней легкихъ. Не менѣе вредно дѣйствуетъ пыль, образуемая при производствѣ разныхъ тканей и въ мастерскихъ портныхъ. При поступленіи этой пыли въ дыхательные пути, она, конечно, въ началѣ удаляется изъ нихъ посредствомъ усиленныхъ рефлекторныхъ выдыханій; но когда вдыханіе такой пыли повторяется очень часто и она вдыхается въ большомъ количествѣ, то полное удаленіе ея изъ легкихъ дѣлается невозможнымъ и неизбежны смертельныя болѣзни дыхательныхъ органовъ. Д-ръ Кирхнеръ считаетъ за доказанное статистическими данными, что испорченность воздуха въ казармахъ составляетъ самую важную причину смерти въ войскахъ. Д-ръ Герцогъ доказалъ вредное дѣйствіе недостаточнаго обновленія воздуха на населеніе цѣлаго города (Майнбернгейма въ Баваріи). Этотъ городъ окруженъ весьма высокою городской стѣной, улицы въ немъ узки и въ дома, особенно лежащіе близко къ стѣнѣ, доходитъ мало солнечнаго свѣта. Хотя населеніе города нисколько не бѣдно, однако, результаты рекрутскаго набора все-таки доказываютъ, что число негодныхъ къ воинской повинности тамъ почти ежегодно увеличивается и что большинство неспособныхъ къ военной службѣ страдаетъ болѣзнями, зависящими отъ общей слабости всего организма. Въ другихъ, хотя и болѣе бѣдныхъ, мѣстностяхъ того-же округа санитарное состояніе населенія гораздо лучше. Анемическое худосочное состояніе людей, вдыхающихъ втеченіи продолжительнаго времени испорченный воздухъ, часто зависитъ отъ отравленія гнѣющими органическими веществами (между прочимъ, изверженіями человѣка или животныхъ), которыми всегда изобилуетъ воздухъ переполненныхъ жильцами и недостаточно провѣтриваемыхъ жилищъ, въ которыхъ господствующій отвратительный запахъ ясно указываетъ свое происхожденіе отъ этихъ веществъ. По опытамъ Гаспара, Тирша, Билльбота, повтореннымъ въ повѣйшее время Швенингеромъ, вредное дѣйствіе этихъ веществъ при поступленіи ихъ въ организмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію“.

Такимъ образомъ, дурныя жилища вслѣдствіе снротости, недостатка дневного свѣта, испорченности воздуха и многихъ другихъ причинъ губятъ здоровье людей. Не менѣе губительно вліяютъ эти жилища на нравственность. Неговоря уже о томъ, что болѣзненные, изнуренные люди являются плохими работниками, мы должны указать на то, что квартира, наполненная 20—50 жильцами, среди которыхъ живутъ старики и дѣти, мужчины и женщины, губитъ съ дѣтскихъ лѣтъ человѣка, дѣлая его свидѣтелемъ самыхъ гнусныхъ картинъ разврата. Эта квартира должна сдѣлаться для ребенка школою тунеядства, воровства, пьянства, распутства. Эти общіе выводы науки подтверждаются статистическими цифрами, несмотря на все несовершенство статистики съ одной стороны и на трудность доказать цифрами вліяніе жилищъ на человѣка—съ другой.

Въ Англіи статистическіе отчеты показали, что на одинъ милліонъ жителей большихъ городовъ умираетъ ежегодно 27,000 человѣкъ, а въ деревняхъ только 19,300; слѣдовательно, 8,000 смертныхъ случаевъ на милліонъ народонаселенія въ большихъ городахъ, зависѣли единственно отъ неудовлетворительнаго санитарнаго положенія городовъ, а это составляетъ для Англіи 60,000 людей, погибающихъ ежегодно единственно отъ плохого устройства городовъ. Если считать справедливымъ вычисленіе д-ра Плэйфера, что на каждый смертный случай, который могъ-бы быть устраненъ, приходится 28 случаевъ заболѣванія, которые тоже могли-бы быть устранены, то число устраненныхъ заболѣваній въ Англіи равняется ежегодно 1,700,000, и проистекающій изъ этого числа больныхъ ущербъ для страны, по вычисленіямъ Гюя, равняется 25 милл. фунтовъ стерлинговъ; изъ этой суммы приходится на одинъ Лондонъ 2½ милл. фунтовъ (расходы на больныхъ, преждевременная утрата рабочихъ силъ, расходы на погребеніе, вспомошествованія и пенсіоны для вдовъ и сиротъ и т. д.). Эти цифры обратили вниманіе англичанъ и прежде всего заставили озаботиться о канализаціи городовъ. Результаты получились благотворные: въ 1864 году В. Саргенсъ сообщилъ въ статистическомъ обществѣ (Statistical Society), что въ десятилѣтній періодъ съ 1851 до 1860 г. смертность въ различныхъ городахъ государства понизилась сравнительно съ тою, какова была въ продолженіи десятилѣтія съ 1841 до 1850 г.; далѣе,

Миддлтонъ въ 1864 г., на собраніи англійскихъ естествоиспытателей въ Батѣ, сообщилъ статистическія свѣденія относительно состоянія здоровья въ городѣ Салисбери, гдѣ въ 1850 г. было израсходовано на канализацію и водопроводы 27,000 ф. стерлинговъ; по этимъ свѣденіямъ оказалось, что смертность упала съ 20 изъ 1000 на 13 изъ 1000; въ послѣднія 7 лѣтъ передъ канализаціей въ упомянутомъ городѣ умерло отъ чахотки 286 чел., а въ 7 лѣтъ послѣ канализаціи—143. Въ Брюсселѣ въ лучшихъ квартирахъ умиралъ 1 чел. изъ 53, а въ рабочихъ кварталахъ 1 изъ 29, въ Цюрихѣ средняя продолжительность жизни 36,18 лѣтъ, но жители бѣдныхъ кварталовъ среднимъ числомъ живутъ 28,3 года, а жители лучшихъ кварталовъ 40 лѣтъ; въ Парижѣ въ 1821—1827 годахъ, по словамъ Виллерме, умиралъ въ округахъ

съ 7°/о дурныхъ жилищъ	1 чел. на 72
„ 22°/о „ „	1 „ „ 65
„ 38°/о „ „	1 „ „ 45

Въ Англіи умиралъ

въ жилищѣ съ 202 кв. ядрами простр. на челов.	1 изъ 49
„ „ „ 101 „ „ „ „ „	1 „ 41
„ „ „ 32 „ „ „ „ „	„ „ 36

Наконецъ, очень интересно сопоставленіе слѣдующихъ цифръ: Въ Лондонѣ на домъ приходил. 8 жит. и умирал. 24 на 1000

„ Берлинѣ „ „ „	32 „ „ „	25 „ „
„ Парижѣ „ „ „	35 „ „ „	28 „ „
„ Петербургѣ „ „ „	52 „ „ „	41 „ „
„ Вѣнѣ „ „ „	55 „ „ „	47 „ „

Первая холерная эпидемія (1848 и 1849 гг.) свирѣпствовала до введенія санитарной реформы, вторая эпидемія 1854 г. развилась тогда, когда канализація и водопроводы въ этихъ городахъ отчасти уже были введены, отчасти вводились, а во время эпидеміи 1866 года во всѣхъ этихъ городахъ чистота соблюдалась значительно больше, чѣмъ въ 1849 году. Сообразно этому и холерная эпидемія 1848 и 1849 годовъ была самая сильная: въ 17 изъ 25 городовъ на 10,000 жит. умирало отъ 1 до 267 чел., тогда какъ въ 1854 году эпидемія холеры появилась только

въ 12 городахъ и съ гораздо меньшею напряженностью, такъ что самое большое число смертныхъ случаевъ на 10,000 жит. было 84; въ 1866 году холера появилась только въ 6 изъ этихъ 25 городовъ и самая большая смертность на 10,000 жит. была 20 чел. Смертность отъ тифа въ 9-ти изъ этихъ городовъ уменьшилась болѣе, чѣмъ на половину противъ прежняго; въ 10 городахъ она колебалась между $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{2}$ прежней смертности и д-ръ Бьюкананъ пришелъ къ тому убѣжденію, что въ уменьшеніи смертности отъ тифа слѣдуетъ приписать большое участіе, кромѣ очищенія воздуха отъ разложившихся органическихъ веществъ и чистой и хорошей воды для питья, осушенію почвы посредствомъ дренажа и уменьшенію многолюдства въ квартирахъ. Въ 19-ти изъ изслѣдованныхъ д-ромъ Бьюкананомъ городовъ оказалось, сверхъ того, значительное уменьшеніе смертности отъ чахотки: въ 5 городахъ она уменьшилась болѣе, чѣмъ на одну треть, и уменьшеніе иногда доходило почти до половины обыкновенной смертности отъ нея; въ трехъ городахъ она уменьшилась почти на одну треть, а въ 6 городахъ упала на 17 и до 20 процентовъ противъ прежняго. По изслѣдованіямъ д-ра Бьюканана такое уменьшеніе смертности вездѣ совпадало съ осушеніемъ почвы вслѣдствіе глубокаго дренажированія ея; въ большинствѣ случаевъ оно оказалось даже пропорціональнымъ степени осушенія почвы.

Самый поразительный примѣръ вліянія жилищъ на смертность представляютъ дома, построенные англійскими строительными обществами. Одно изъ этихъ обществъ въ 1853 году имѣло три большихъ зданія для рабочихъ (одно на 120 семействъ, другое на 60, третье на 25), въ которыхъ всего помѣщалось 1,340 лицъ. Изъ нихъ въ 1853 г. умерло 10 человекъ, что представляетъ $\frac{7^3}{10}$ на 1,000; въ этомъ числѣ было 490 дѣтей, недостигшихъ десятилѣтняго возраста, и изъ нихъ въ томъ числѣ умерло 5, что представляетъ смертность дѣтей на 1,000. Другое общество помѣщало въ 8-ми своихъ домахъ 1,217 человекъ, изъ которыхъ въ 1855 году умерло 13, т. е. 8 изъ 1,000. Между тѣмъ въ Лондонѣ, въ обыкновенныхъ помѣщеніяхъ рабочаго класса пропорція смертности въ это время равнялась: для взрослыхъ 49 на 1,000, а относительно дѣтей — 109 на 1,000. Къ этому надо присоединить, что вообще въ Лондонѣ въ рабочемъ классѣ 12% умирало отъ тифа, а въ

этихъ новыхъ помѣщеніяхъ не было ни одного случая заболѣванія тифомъ. Во время холеры 1854 года въ этихъ домахъ на 1,000 умиралъ 1, тогда какъ въ другихъ помѣщеніяхъ рабочаго класса смертность отъ холерной эпидеміи равнялась 26 на 1,000. Хотя въ послѣднее время смертность въ этихъ новыхъ помѣщеніяхъ нѣсколько увеличилась и равняется 16 на 1,000, но это происходитъ отъ того, что весьма многіе изъ помѣстившихся въ эти дома уже достигли старости, и эта пропорція, сравнительно съ общою смертностью въ Лондонѣ, равняющейся 24 на 1,000, весьма благоприятна. По отчету „столичнаго общества“ мы видимъ, „что во всѣхъ его учрежденіяхъ, въ 1863—1864 гг., изъ 2,483 жителей умерло 36 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было 25 человѣкъ дѣтей моложе десятилѣтняго возраста. Такимъ образомъ, смертность равнялась 15 на 1,000, тогда какъ во всемъ городѣ умирало 24 человѣка на 1,000“. По отчетамъ другого общества видно, что въ 1859 г., въ средѣ самаго бѣднаго населенія, изъ 1,585 жильцовъ было только 30 случаевъ смерти, т. е. умиралъ одинъ изъ 53 человѣкъ или 1,39 изъ 100, тогда какъ въ остальномъ Лондонѣ умиралъ въ то-же время 1 на 45 человѣкъ или 1,22 изъ 100.

Въ Петербургѣ точно также всевозможныя болѣзни господствуютъ преимущественно среди чернорабочихъ, т. е. среди людей, живущихъ въ особенно-дурныхъ жилищахъ. Конечно, нельзя приписывать эти болѣзни исключительно жилищамъ, но жилища оказываютъ значительную долю вліянія на число заболѣваній.

Д-ръ Ленцъ, которому мы обязаны статистическими данными относительно эпидеміи возвратной горячки 1865 г., нашелъ, что тѣ части города, въ которыхъ преимущественно живутъ чернорабочіе, были всего больше поражены эпидеміей; я приведу нѣсколько цифръ изъ его статьи:

Въ адмиралтейской части заболѣло	0,75	‰	всѣхъ ж.
„ литейной	0,90	‰	„ „
„ московской	2,22	‰	„ „
„ александровско-невск.	2,33	‰	„ „
„ нарвской	2,50	‰	„ „
„ спасской	3,58	‰	„ „

Съ этими цифрами г. Архангельскій сопоставилъ процентное

число живущихъ въ этихъ частяхъ города крестьянъ, причеиъ оказалось, что въ послѣднихъ изъ вышеприведенныхъ частей города это число почти вдвое больше, чѣмъ въ двухъ первыхъ. Изъ таблицъ, приложенныхъ къ статьѣ д-ра Ленца, видно, что въ двухъ наиболѣе населенныхъ и наихудшимъ образомъ содер-жимыхъ домахъ всего города, именно въ домѣ кн. Вяземскаго и Пирогова, число заболѣваній было весьма значительно: въ до-махъ кн. Вяземскаго заболѣло 140 чел., въ домѣ Пирогова 75 чел. Кроме того, въ нѣкоторыхъ другихъ густо-населенныхъ домахъ спасской части было отъ 30 до 50 больныхъ. Наиболь-шее число заболѣвшихъ было въ недостаточномъ классѣ, изъ 9600 больныхъ было:

Чернорабочихъ и поденщиковъ	957
Извозчиковъ	266
Торговцевъ	263
Плотниковъ	205

Слѣдовательно, заболѣвали преимущественно тѣ люди, которые живутъ въ подвалахъ или въ не менѣе сырыхъ ночлежныхъ квартирахъ вышележащихъ этажей.“

Въ августѣ 1870 года начались заболѣванія холерой, и вотъ что писалось объ этомъ въ эпидемиологическомъ лист-кѣ, издаваемомъ медицинскимъ департаментомъ министерства вну-треннихъ дѣлъ. Въ „Эпидемиологическомъ Листкѣ“, за ав-густъ 1870 г., на страницѣ 7-й сказано слѣдующее: „Въ Петербургѣ случаи заболѣванія холерой начали появляться съ 16-го августа; 16 августа прибылъ 1, захворавшій хо-лерой, 17-го — тоже 1, 19-го — 4, 20-го — 2, 21-го — 7, 22-го — 12 человекъ. Всего съ 16-го по 22-е августа за-болѣло 27 человекъ, изъ нихъ умерло 8. Холерный пунктъ, въ которомъ оказалось наибольшее число больныхъ (10), находится въ спасской части, 3-й и 4-й участки, вокругъ Свѣной пло-щади“.

Такимъ образомъ, дурныя жилища служатъ рассадниками и первыми распространителями всевозможныхъ болѣзней. Отсюда главнымъ образомъ начинаются эпидеміи, охватывающія потомъ весь городъ, всѣ жилища, не щадя ни бель-этажей, ни домовъ бѣдняковъ. Такимъ-же рассадникомъ являются эти жилища въ

отношеніи преступленій и всевозможныхъ пороковъ. Люди, посѣщавшіе колонію Аштона, состоящую изъ 300 прекрасныхъ домовъ, удивлялись тому, что втеченіи 35 лѣтъ въ ней все убавлялось число незаконнорожденій, хотя въ ней жили тѣ-же рабочіе, среди которыхъ такъ часто бывають въ другихъ мѣстахъ незаконнорожденные. Стефенсъ, начальникъ бирмингемской полиціи, удивилъ всѣхъ, говоря въ своемъ отчетѣ: „двѣнадцать лѣтъ тому назадъ намъ нужны были 420 полицейскихъ; въ настоящее время, благодаря строительнымъ ассоціациямъ и несмотря на возросшее въ 50,000 душъ народонаселеніе, съ насъ достаточно 327 полицейскихъ“. Но это все были прямые результаты улучшенія жилищъ. Таблицы д-ра Ласпейреса относительно вліянія жилищъ на нравственность не оставляють никакихъ недоумѣній насчетъ того, что хорошее жилище, незагроможденное массой народа, даетъ благотворные результаты относительно нравственности людей и, наоборотъ, дурное и переполненное народомъ жилище губить нравственность.

Но и болѣзни народа, заражающія остальную часть городскаго населенія, и безнравственность черни, выражающаяся въ ту-неядствѣ, воровствѣ, убійствахъ, незаконнорожденіяхъ, отзывается на всѣхъ, на васъ, на мнѣ. Думать, что мы ограждены отъ вліянія на насъ этихъ людей, было-бы нелѣпо. Вотъ почему вопросъ объ улучшеніи положенія рабочаго класса—вопросъ чрезвычайно важный.

Н. Н.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Значеніе послѣднихъ выборовъ во Франціи. — Составъ національнаго собранія по профессіямъ.—Вліяніе численности членовъ собранія на судьбы страны. — Шесть партій національнаго собранія. — Подраздѣленія лѣваго и праваго центровъ. — Центровики, т. е. либералы палаты. — Жюль Фавръ. — Дюфоръ. — Тьеръ, какъ ораторъ. — Несостоятельность бордосскаго договора.—Поведеніе республиканской партіи, въ отношеніи Тьера.—Буря, произведенная президентскимъ посланіемъ 19 ноября.—Вопросъ объ ограниченіи права всеобщей подачи голосовъ.—Министерство изъ лѣваго центра.—Запросъ правой стороны о политикѣ правительства и требованіе новаго кабинета.—Рѣчь Тьера.—Выходъ въ отставку Тьера и его министерства. — Избраніе президентомъ маршала Мак-Магона.

Не только одна Франція, но и весь политическій міръ со вниманіемъ слѣдили за послѣдними и предпослѣдними выборами депутатовъ на мѣста выбывшихъ изъ версальскаго національнаго собранія. Причину этого вниманія слѣдуетъ искать въ томъ обстоятельствѣ, что французское общество этими выборами высказало свое желаніе, чтобы прекратился неопредѣленный, временной порядокъ, установившійся во Франціи въ сентябрѣ 1870 года и продолжающійся до сихъ поръ. Общество настоятельно требовало, чтобы Франція или упрочила республиканскія учрежденія, подобныя существующимъ въ Швейцаріи или Соединенныхъ Штатахъ, или-же преобразовалась въ конституционную монархію, какою была въ сосѣдней Испаніи въ царствованіе Амедея I. Эти два желанія высказывались вездѣ, во всѣхъ департаментахъ Франціи, и совершенно заглушали отдѣльные голоса, подаваемые въ пользу бонапартистскихъ или орлеанистскихъ притязаній.

Въ то время, когда еще продолжалась война съ Германіей, можно было думать, что во Франціи утвердится республика. Но капитуляція Парижа, повлекшая за собой созваніе національнаго собранія, привела къ такой правительственной формѣ, какой никто не могъ ожидать. Депутаты въ это собраніе избирались въ такое время, когда французское общество находилось подъ давленіемъ испытанныхъ поражений и разоренія страны, когда въ массѣ утвердилось убѣжденіе, что все потеряно и необходимо во что-бы то ни стало заключить миръ. Избиратели, уже отчаявавшіеся въ спасеніи Франціи, естественно, подавали голоса за тѣхъ кандидатовъ, которые обѣщали требовать немедленнаго заключенія мира съ побѣдителями; большинство избирателей уже не спрашивало, къ какой политической партіи принадлежитъ кандидатъ, они требовали отъ него одного, чтобы онъ отвѣтилъ: стоитъ-ли онъ за продолженіе войны или за заключеніе мира? Когда собраніе открыло свои засѣданія, выяснилось, что большинство его принадлежитъ къ монархическимъ партіямъ. Конечно, это собраніе могло-бы поэтому провозгласить монархію, но претендентовъ было три и ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ за себя большинства. Провозгласить республику монархическія партіи, разумѣется, не желали и потому съ радостью приняли предложенное Тьеромъ «временное положеніе», извѣстное подъ именемъ «бордосскаго договора». Этимъ путемъ они, по крайней мѣрѣ наружно, соблюли приличіе. Они избрали республику, управляемую монархическими партіями. Этой неопредѣленной формой правленія Тьеръ на-время успокоилъ партіи: республиканцы пока удовольствовались тѣмъ, что временное положеніе носитъ названіе республики, а монархическимъ партіямъ открывалось широкое поле для дѣятельности,—имъ легко было придти къ соглашенію, остановившись на выборѣ того или другого претендента. Но творцы бордосскаго договора забыли, что никакое временное положеніе не можетъ долго держаться, что всякая политическая комбинація должна имѣть твердыя основанія и руководиться извѣстными принципами. Бордосскій договоръ страдалъ отсутствіемъ и тѣхъ, и другихъ, и надо удивляться, что онъ не рухнулъ черезъ два-три мѣсяца, а существуетъ, хотя, конечно, со многими уклоненіями отъ первоначальнаго текста, уже болѣе двухъ лѣтъ.

Выборами, о которыхъ мы упомянули въ началѣ хроники, Франція слишкомъ ясно высказала, что она желаетъ прекращенія временнаго положенія, но національное собраніе, держащее въ своихъ рукахъ судьбы Франціи, напротивъ, желаетъ протянуть это положеніе

какъ можно дольше. Съ какой цѣлью? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ послужить краткій очеркъ, въ которомъ мы рассмотримъ составъ собранія и его слишкомъ двулѣтнюю дѣятельность.

I.

У всѣхъ народовъ распространено убѣжденіе, что на физическое строеніе и на характеръ ребенка оказываютъ огромное вліяніе тѣ впечатлѣнія, подѣ дѣйствіемъ которыхъ находилась его мать во время беременности; напримѣръ, если она чего-нибудь сильно испугалась, то этотъ испугъ отражается на ребенкѣ тѣмъ, что онъ родится уже съ трусливымъ характеромъ; сильныя неудачи, горе, отчаяніе, подѣ вліяніемъ которыхъ находилась беременная женщина, дѣлаютъ характеръ ребенка вялымъ, нерѣшительнымъ, боязливымъ. Версальское національное собраніе выступало на свѣтъ въ моментъ такого плачевнаго положенія, какого ни разу не переживала Франція во время своего историческаго существованія. Избранное подѣ впечатлѣніями отчаянія и небывалаго пораженія, оно осталось тѣмъ-же, чѣмъ было въ тотъ моментъ, когда, не желая слушать никакихъ возраженій и объясненій, оно требовало немедленнаго заключенія мира на какихъ-бы то ни было условіяхъ, т. е. вялымъ, нерѣшительнымъ, боязливымъ. Оно было избрано исключительно для заключенія мира и должно было, исполнивъ свое назначеніе, тотчасъ-же разойтись, уступивъ свое мѣсто учредительному собранію. Однакожъ, оно не захотѣло разстаться съ властью и на требованіе разойтись отвѣчало: «Мы заключили миръ и по тому самому мы должны остаться, чтобы исполнить условія трактата. Нѣмцы вѣрятъ только намъ однимъ. Мы не разойдемся до тѣхъ поръ, пока нѣмцы не очистятъ совершенно французской территоріи, а очистятъ ее они только послѣ уплаты всѣхъ пяти миллиардовъ контрибуціи.» Въ то время думали, что Франція не въ состояніи будетъ уплатить этой громадной суммы ранѣе шести лѣтъ. Впереди было еще много времени, которымъ можно, пожалуй, воспользоваться въ свою пользу, думало большинство версальскаго національнаго собранія. Понятно, что оно выразило свое неудовольствіе, когда, благодаря удивительному успѣху займа, явилась возможность несравненно раньше очистить французскую территорію отъ иностраннаго занятія, — неудовольствіе, вызвавшее рѣзкую статью въ «Kölnische Zeitung». Нѣмецкая газета высказала свое негодованіе въ

виду такого отсутствія патріотизма; она совершенно справедливо за-
мѣтила, что узкій эгоизмъ, выказанный большинствомъ версальскаго
собранія, достоинъ полнѣйшаго презрѣнія и что онъ едва-ли возмо-
женъ въ Германіи.

И въ самомъ дѣлѣ, газеты, служація отголоскомъ большинства
собранія, постоянно твердили, что нечего думать о скорѣйшемъ очи-
щеніи территоріи, что Франціи, напротивъ, чистый расчетъ желать,
чтобы нѣмцы подольше оставались въ ней, потому что за них вы-
ступленіемъ послѣдуетъ непремѣнно революція и т. п. Въ нѣкото-
рыхъ изъ этихъ газетъ являлись постоянно оскорбительныя статьи
противъ нѣмцевъ. Этими думали раздражить нѣмцевъ, что заставитъ
ихъ прервать начавшіеся переговоры. Если вѣрить «Kölnische Zei-
tung», всѣ эти интриги не прошли безслѣдно: по словамъ этой га-
зеты, онѣ, дѣйствительно, оказали вліяніе на переговоры.

«Французскіе легитимисты и бонапартисты, пишутъ въ «Kölnische
Zeitung», — были главной причиною, почему нѣмецкое правительство
не согласилось уменьшить оккупационный корпусъ. Сначала въ Бер-
линѣ готовы были согласиться на уступку, но потомъ раздумали.
20-го іюня графъ Арнимъ получилъ изъ Берлина приказаніе пре-
рвать всякіе переговоры по этому поводу, потому что дѣйствія роя-
листовъ таковы, что можно ожидать вскорѣ какого-нибудь кризиса».

II.

Интересно посмотрѣть на составъ версальской палаты, разложить
ее по частямъ, по социальнымъ группамъ, по профессіямъ, наконецъ,
на партіи.

1 ноября 1872 года версальское національное собраніе состояло
изъ: 2 принцевъ (Омальскаго и Жуанвильскаго), 7 герцоговъ, 30 мар-
кизовъ, 52 графовъ, 17 виконтовъ, 18 бароновъ, 204 буржуа-жан-
тильшовъ, т. е. такихъ господъ, которые, правильно или непра-
вильно, заявляютъ претензію на частичку *le, la, les, du, de, des*:
тѣмъ сомнительнѣе право на частичку, тѣмъ буржуа-жантильомъ твер-
же заявляетъ свою симпатію къ старымъ традиціямъ, что, конечно,
тѣмъ ярче выдаетъ его буржуазное происхожденіе. Остальные затѣмъ
члены принадлежатъ къ разночинцамъ.

Если разбить собраніе по профессіямъ, то оно заключаетъ въ сво-
ей средѣ 136 крупныхъ поземельныхъ собственниковъ; 155 адвока-

товъ (всѣ они мастера говорить, но невольно каждому приходитъ на мысль вопросъ: много-ли между ними людей серьезныхъ, обладающихъ твердо установившимися убѣжденіями?); 48 крупныхъ промышленниковъ и фабрикантовъ; 45 генераловъ и офицеровъ; 35 лицъ, занимавшихъ судебныя должности, большинство изъ нихъ дряхлые старики; 25 инженеровъ; 23 медика (слишкомъ мало! замѣчено, что чѣмъ болѣе медиковъ во французскихъ законодательныхъ собраніяхъ, тѣмъ они либеральнѣе, и наоборотъ, чѣмъ болѣе адвокатовъ, тѣмъ болѣе склонны они къ реакціи); 21 профессоръ; 19 нотаріусовъ; 18 крупныхъ купцовъ; 14 флотскихъ офицеровъ; 11 страпчихъ; 5 банкировъ; 3 рабочихъ; 2 судохозяина; 2 аптекаря; 1 епископъ; 1 католическій патеръ; 1 протестантскій пасторъ и 1 сборщикъ податей. Остальные принадлежатъ къ мелкимъ собственникамъ, торговцамъ и проч.

Нечего удивляться, что при такомъ составѣ (155 адвокатовъ!), собраніе постоянно склонялось на сторону реакціи и противилось установленію прочнаго правительства, которое уже для упроченія своего существованія необходимо должно было начать съ проведенія либеральныхъ реформъ.

Къ тому-же такія громадныя собранія, какъ версальское, состоящее изъ 760 членовъ, въ общемъ своемъ уровнѣ всегда отличаются крайнею посредственностью. Каждый членъ отдѣльно, избранный 50,000 избирателями, можетъ, пожалуй, считаться въ своемъ околке довольно развитымъ умственно человекомъ. Но съ той минуты, какъ вы этихъ 760 довольно развитыхъ людей собрали вѣсть въ одномъ учрежденіи, они составятъ изъ себя толпу и законы психологій намъ очевидно доказываютъ, что и такая толпа руководится преимущественно тѣми-же побужденіями, какими руководится всякая толпа. А извѣстно, что толпа всегда отличается жестокостью, безпричиннымъ гнѣвомъ и легковѣріемъ; что толпа, даже состоящая изъ людей индивидуально мужественныхъ, всегда выказываетъ трусость именно потому, что она сильна; всякая толпа стремится раздѣлиться на два лагеря; въ одномъ помѣщается большинство, заботящееся главнымѣе о томъ, чтобы раздавить противный лагерь — меньшинство. Толпа желаетъ, чтобы ее вѣчно забавляли и раздражали ея страсти, она требуетъ зрѣлищъ, сильно дѣйствующихъ на возбужденіе фантазій и чувствъ. Версальское собраніе вообще выказывало отвращеніе къ серьезной работѣ. Какъ только въ собраніи заходила рѣчь о торговлѣ, промышленности, налогахъ, едва ораторъ упоминалъ цифры, или приступалъ къ логическимъ и точнымъ доказательствамъ, боль-

большинство членовъ собранія вставало съ мѣста и уходило въ куряльныя комнаты, или даже уѣзжало въ Парижъ, чтобы провести время въ клубѣ или въ будуарѣ любовницы. Ихъ можно было собирать въ достаточномъ количествѣ только обѣщаніемъ, что произойдетъ какой нибудь скандалчикъ: хитрый маневръ противъ министровъ, коварная выходка легитимистовъ противъ орлеанистовъ, или наоборотъ, и т. п. Во время обсужденія серьезныхъ дѣлъ государственнаго хозяйства, версальское собраніе всегда бывало пусто, едва-ли набиралась третья часть членовъ. Вообще, по нашему мнѣнію, многочисленныя законодательныя собранія только мѣшаютъ правильному ходу дѣлъ, и чѣмъ меньше численность ихъ членовъ, тѣмъ полезнѣе для страны. Намъ кажется, что для такихъ странъ, какъ Франція, Англія или Соединенные Штаты вполне достаточна палата изъ ста членовъ. Вопросъ о численности членовъ собранія гораздо важнѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Не надо забывать, что это вовсе не все равно работать-ли въ своемъ кабинетѣ, или въ маленькомъ кружкѣ, или-же, наконецъ, въ большомъ собраніи. Умъ, образъ дѣйствій, характеръ человѣка находится въ большой зависимости отъ сношеній съ окружающими его людьми. Конечно, и въ этомъ случаѣ встрѣчаются исключенія изъ общаго правила, но гдѣ-же ихъ нѣтъ. А чтобы лучше оцѣнить значеніе численности въ народномъ представительствѣ, вспомнимъ, какая разница существовала въ управленіи республиками афинской и венеціанской. Если-бы венеціанскій совѣтъ десяти былъ совѣтомъ ста, развѣ исторія венеціанской республики не шла-бы другимъ путемъ? Десять членовъ—этого слишкомъ мало, но 760, какъ во французскихъ собраніяхъ 1848—51 и 1871—73 годовъ—слишкомъ много... Мы, конечно, не станемъ доказывать, что эти оба французскія собранія, надѣлавшія безчисленныя ошибки и причинившія множество зла, дѣйствовали-бы гораздо умнѣе, если-бы число членовъ ихъ было ограничено, при томъ-же процентномъ содержаніи въ нихъ партій: они-бы дѣйствовали только не такъ глупо, но ни въ какомъ случаѣ не умно. Наше намѣреніе заключалось въ томъ, чтобы уяснить, что многочисленныя собранія менѣе гарантированы отъ ошибокъ, чѣмъ малочисленныя. Можно было бы представить не мало примѣровъ пагубнаго вліянія на дѣла слишкомъ многочисленныхъ собраній, въ которыхъ членамъ чрезвычайно трудно близко узнавать другъ друга.

III.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнiю тѣхъ отдѣльныхъ группъ, на которыя раздѣляется версальское національное собранiе. Не познакомившись съ каждой группой отдѣльно, трудно объяснить себѣ, почему въ этомъ собранiи возможны дѣйствiя, рѣшительно невысказанными ни въ какомъ другомъ представительномъ собранiи; почему здѣсь большинство не могло до сихъ поръ имѣть преобладающаго влiянiя надъ меньшинствомъ; почему, наконецъ, здѣсь нѣтъ настоящаго большинства, которое составляется изъ разнохарактерной смѣси отдѣльныхъ меньшинствъ.

Въ версальскомъ собранiи существуетъ шесть отдѣльныхъ группъ, слѣдующихъ каждая своей собственной политикѣ и имѣющихъ определенное устройство, какое должна имѣть политическая партiя, по крайней мѣрѣ, по наружности. Эти группы: 1) крайняя лѣвая или республиканскiй союзъ; 2) лѣвая республиканская; 3) лѣвый центръ; 4) правый центръ; 5) правая и 6) крайняя правая.

Самая многочисленная группа—лѣвая республиканская, самая малочисленная — крайняя: правая и лѣвая. Отдѣльныя группы, впрочемъ, подраздѣляются еще на оттѣнки, иногда вотирующие отдѣльно одинъ отъ другого. Понятно теперь, сколько труда надо употребить, чтобы изъ этой мешанины извлечь большинство, необходимое для прiятiя предложенiя. Какiя надобно употреблять хитрости, къ какимъ прибѣгать китайскимъ церемонiямъ, чтобы, поддерживая свое предложенiе, не оттолкнуть отъ себя той группы или того оттѣнка, на содѣйствiе котораго рассчитывается. Понятно, что такая система открываетъ широкое поле интригѣ, ухищренiямъ и коварству. Разберите дѣятельность въ версальской палатѣ Одифре-Паскье, герцога Бралья и въ особенности Батби, этого генiя интриги, и вы увидите такую сеть хитросплетенiй и коварныхъ уловокъ, на которыя, право, приходится положить болѣе ума и времени, чѣмъ какiя понадобятся, напримѣръ, фельдмаршалу Мольтке для составленiя и приведенiя въ исполненiе замѣчательнаго плана французской компанiи. Интересно прослѣдить и тѣ ошибки, которыя обращали игру версальскихъ игроковъ въ пользу ихъ противниковъ, и какъ эти руководители интригъ сами попадали въ западню, приготовленную ими для враговъ. Г. Тьеръ и его противники—знаменитая комисиiя тридцати играли такъ тонко, что совершенно затемнили всѣмъ глаза и рѣшительно невозможно было понять, гдѣ между ними существуетъ разногласiе и гдѣ соглашенiе.

Сперва страна думала, что они спорят о формѣ правленія и приняла горячее участіе въ ихъ борьбѣ, высказавшись огромнымъ большинствомъ за Тьера. Но потомъ убѣдившись, что споръ вертится больше на фразахъ, она стала просить только объ одномъ: «да кончайте, ради Бога, ваши пустыя препирательства, кончайте скорѣй!»

Разсмотрѣніе парламентскихъ группъ начнемъ съ *крайней лѣвой* или *радикаловъ*. Къ этой партіи принадлежатъ лучшіе ораторы палаты, какъ Гамбета, Люи Бланъ, Пейра, Шалемель-Лакуръ и др., но они очень рѣдко говорили въ палатѣ, не желая раздражать Тьера, такъ какъ имъ весьма часто пришлось-бы говорить противъ него. Самъ Тьеръ не разъ отдавалъ справедливость чрезвычайной умѣренности и сдержанности радикаловъ, которые не разъ поддерживали его и обезпечивали ему побѣду въ парламентской борьбѣ. Они часто простирали свою сдержанность такъ далеко, что вредили своимъ собственнымъ интересамъ, что не мѣшаетъ, однакожь, правой сторонѣ постоянно указывать на нихъ, какъ на возмутителей общественнаго спокойствія, людей вредныхъ, дѣйствующихъ только путемъ насмія. Къ этой группѣ принадлежитъ 70 депутатовъ.

Къ *лѣвой республиканской*, самой многочисленной изъ всѣхъ группъ палаты, принадлежитъ 160 депутатовъ. Она состоитъ изъ республиканцевъ-буржуа, считающихъ себя наследниками и продолжателями дѣятельности Кавеньяка, какъ извѣстно, слишкомъ круто раздѣлавшагося съ іюньскимъ возстаніемъ. Они чаще всѣхъ другихъ группъ версальской палаты приписываютъ себѣ честь побѣды надъ парижской инсurreкціей 1871 года. Изъ ихъ рядовъ вышли Фавръ, Симонъ, Ферри, Пикаръ, слишкомъ очевидно заявлявшіе свою политическую неспособность. Въ ихъ группѣ не мало людей умныхъ, опытныхъ и знающихъ, но рѣшительно нѣтъ ни одного человѣка съ твердымъ характеромъ, нѣтъ ни одного государственнаго человѣка; да, по правдѣ сказать, и человѣка, въ настоящемъ значеніи этого слова, между ними найти не особенно легко.

Если не велика цѣна лѣвой республиканской, то не большую цѣну можно дать и за *лѣвый центръ*, состоящій изъ 120 депутатовъ. «Ни мужчины, ни женщины,—они либералы!» гласитъ одна извѣстная поговорка. Эта группа состоитъ, въ большинствѣ своихъ членовъ, изъ посредственностей, но людей, одержимыхъ честолюбіемъ; по-виду они люди честные, но которые, однакожь, готовы прибѣгнуть даже и не къ благовиднымъ средствамъ, если только это можетъ удовлетворить ихъ честолюбію и принести имъ нѣкоторую пользу.

Правый центръ былъ-бы противоположностью лѣваго, если-бы

такъ сильно не походилъ на него. Но, надо сознаться, онъ рѣшительнѣе прибѣгаетъ къ коварству, чѣмъ его сосѣдъ. Эта группа, предводимая такими опытными составителями интригъ, какъ Батби, Брольи и Одифре-Паскье, самая безпокойная въ палатѣ. Здѣсь ковались интриги, отсюда исходили неожиданные удары, которыми такъ богата парламентская исторія версальской палаты.

Всѣ махинаціи праваго центра обращались главнымъ образомъ противъ лѣваго центра, настоящимъ предводителемъ котораго слѣдуетъ считать самого Тьера. Многіе изъ льстецовъ стараются увѣрять Тьера, что онъ Вашингтонъ Франціи. Дѣйствительно, Тьеру не трудно было сдѣлаться французскимъ Вашингтономъ, но, къ сожалѣнію, ему понравилось лучше оставаться скромно только соперникомъ герцога Брольи и предметомъ вѣчной злобы генерала Шангарнье. Онъ не разъ очевидно доказывалъ, что его особенно волнуетъ постоянная борьба (впрочемъ, изъ-за пустяковъ) его лѣваго центра съ правымъ центромъ Брольи, Одифре-Паскье и Батби.

Лѣвый центръ подраздѣляется на два отдѣленія: первое, склоняющееся къ лѣвой сторонѣ можно назвать лѣвой лѣваго центра; второе, готовое подать руку правому центру, назовемъ правой лѣваго центра. Второе отдѣленіе образовалось по мысли Казимира Перье, который надѣялся, что этимъ онъ привлечетъ въ свою группу нѣсколько человѣкъ изъ праваго центра и, такимъ образомъ, увеличитъ число дѣйствительныхъ сторонниковъ Тьера, что ему, однакожъ, не удалось. Тѣмъ не менѣе лѣвый центръ раздѣлился на двѣ части и каждая изъ нихъ имѣетъ своего президента, вице-президента и пр., хотя политика обѣихъ частей совершенно одинакова. Этимъ раздѣленіемъ общая путаница въ палатѣ, конечно, еще болѣе усилится.

И правый центръ, состоящій изъ 130 членовъ, имѣетъ свои подраздѣленія подобно лѣвому. Въ него входятъ одни орлеанисты, но они дѣлятся на три фракціи, которымъ трудно согласиться между собой по нѣкоторымъ вопросамъ. Первая фракція слѣдуетъ за герцогомъ Немурскимъ, который настаиваетъ, чтобы младшая (т. е. орлеанская) линія дома Бурбоновъ склонила свои колѣни передъ главой дома, графомъ Шамборомъ, и заявила себя преданнымъ слугою католицизма и противникомъ началъ, оставленныхъ въ наслѣдство первой революціей. Вторая, признающая своими предводителями герцога Омальскаго и принца Жуанвильскаго, желаетъ держаться старыхъ традицій орлеанскаго дома и не хочетъ слышать о слияніи съ старшей линіей. Герцогъ Омальскій одно время серьезно думалъ сдѣлаться преемникомъ Тьеру. Преданныя ему газеты твердили уже о штатгальтерствѣ, ко-

торое слѣдовало сдѣлать наследственнымъ въ домѣ герцога. Самъ герцогъ заявлялъ, что, хотя онъ съ грустью вспоминаетъ о кровавыхъ дѣйствіяхъ конвента 1793 года, которыми себя запятнала первая республика, однакожь, онъ не забываетъ благодарній, оказанныхъ революціей 1789 года, и всегда останется вѣренъ славному трехцвѣтному знамени Жемаппа и Вальми. Но теперь герцогъ, повидимому, мало питаетъ надежды на свой успѣхъ. Третья фракція, избравшая своимъ предводителемъ графа Парижскаго, смотритъ на вещи съ философской невозмутимостью. Графъ молодъ, богатъ, здоровъ, слѣдовательно, онъ можетъ ждать и наследство онъ него не уйдетъ. Для него все равно, возьметъ-ли верхъ бѣлое знамя графа Шамбора, или трехцвѣтное герцога Омальскаго, въ обоихъ случаяхъ онъ будетъ прямымъ наследникомъ, потому что ни Шамборъ, ни Омальскій дѣтей не имѣютъ. Эта случайность воодушевила Фаллу сдѣлать предложеніе, чтобы Франція приняла бѣлое знамя съ трехцвѣтной каймой, что послужило-бы символомъ примиренія старшей линіи бургонскаго дома съ младшей. Нашлись легитимисты, которымъ понравилось это предложеніе; они отправились въ Фросдорфъ къ «королю» и умоляли его принять компромисъ, но «король остался твердъ, какъ скала, и не хотѣлъ слышать ни о какой сдѣлкѣ съ партіей преступленія. Такимъ образомъ, и на этотъ разъ не удался мудрый планъ слиянія двухъ линій.

Правая умѣренная, состоящая изъ 120 членовъ, представляетъ собой противовѣсъ лѣвой республиканской; что касается твердости убѣжденій, развитія и даже безкорыстія, имъ не въ чемъ упрекнуть одна другую — въ этихъ отношеніяхъ они равнозначущи. Умѣренная правая состоитъ изъ легитимистовъ, которые, однакожь, не желаютъ ссориться съ орлеанскими принцами, въ ихъ глазахъ принадлежащими «французскому королевскому дому». Правая умѣренная слѣдуетъ монархическому принципу; однакожь, когда графъ Шамборъ выпускалъ въ свѣтъ свои эксцентричные циркуляры, лишенные всякаго политическаго такта и пониманія духа времени и страны, для которой они предназначались, правая умѣренная рѣшалась возвышать свой голосъ и твердить во всеуслышаніе, что въ нѣкоторыхъ распоряженіяхъ «короля» замѣчается отсутствіе здраваго смысла. Она рѣшалась даже обсуждать вопросъ о необходимости положить предѣлъ подобнымъ выходкамъ со стороны «короля», чтобы сдѣлать невозможнымъ повтореніе ихъ въ будущемъ, т. е. она рѣшалась ограничивать волю Генриха V. При фросдорфскомъ дворѣ умѣренныхъ правыхъ считаютъ зараженными революціоннымъ ядомъ и смотрятъ на нихъ, какъ на либеральную оппозицію королевскому правительству и потому сильно ихъ

недолюбливаютъ. Ни ораторовъ, ни талантливыхъ людей совсѣмъ нѣтъ въ этой партіи, составляющей совершенную посредственность въ политическомъ смыслѣ. И, конечно, она не можетъ выставить ни одного, сколько-нибудь сноснаго государственнаго человѣка.

Шестая группа—*крайняя правая*, численностью въ 60 членовъ, состоитъ изъ представителей старыхъ монархическихъ традицій. Они, по большей части, люди чрезвычайно свирѣпые, но вполне честные; не особенно развитые, но вполне логичные въ своихъ выводахъ. Взгляды, утомленный созерцаніемъ борьбы обонхъ центровъ,—этихъ друзей-враговъ, спорящихъ неизвѣстно изъ чего и не способныхъ рѣшить никакого серьезнаго дѣла, хотя, соединенные, они могли-бы составить такое большинство въ палатѣ, что захватили-бы въ свои руки управленіе страной,—съ облегченіемъ останавливается на рыцаряхъ крайней правой, бормочущихъ, правда, не совсѣмъ ясно и ладно, но высказывающихъ свои искреннія убѣжденія и никогда не произносящихъ лжи. Когда либеральные буржуа палаты съ засосомъ твердили объ умиротвореніи партій, о благахъ, которыя должны излиться на Францію отъ установленія временнаго положенія, обусловленнаго бордосскимъ договоромъ, Франлье, Дагирель, Белькастель, Лоржериль, дюТампль и другіе представители крайней правой иронически хохотали, называли восторгъ центровиковъ просто тупостью и твердили: «Республика безъ республиканцевъ!»—да вѣдь это смѣху достойно: какой-же смыслъ въ такомъ опредѣленіи. Мы понимаемъ одно, мы хотимъ одного: монархію съ настоящими монархистами!» Десять разъ правительство съ Тьеромъ во главѣ хотѣло разрушить преграду и осуществить планъ какого-то небывалаго порядка, основаннаго на соглашеніи обонхъ центровъ, и каждый разъ встрѣчало на своемъ пути живую стѣну рыцарей крайней правой. Напрасно Тьеръ употреблялъ разныя хитрости, чтобъ успокоить стойкихъ рыцарей. И можно утвердительно сказать, что если-бъ не ихъ сопротивленіе буржуазнымъ планамъ, уже давно-бы герцогъ Омальскій замѣнилъ Тьера и послѣдовала орлеанская реставрація. Слѣдуетъ отдать справедливость мудрымъ политикамъ *лѣвой республиканской* и *республиканскаго союза*, они давно-бы на долго похоронили свою республику, если-бъ шамбордисты не ограждали ее своими плотными, сомкнутыми рядами.

Итакъ во всѣхъ этихъ шести парламентскихъ группахъ считается 660 депутатовъ. Остальная сотня примыкаетъ, по разнымъ вопросамъ, къ случайному большинству. Шатаясь съ одной стороны на другую, эти господа подаютъ голоса то съ лѣвымъ, то съ правымъ центромъ, то за Тьера, то за герцога Омальскаго; своихъ мнѣній

они не имѣютъ, и представляютъ собой безформенную массу, неорганизованную матерію...

IV.

Изъ обзора силы партій видно, что настоящихъ защитниковъ монархическаго принципа во всей его неприкосновенности въ палатѣ всего шестьдесятъ; настоящихъ республиканцевъ, хотя нѣсколько чалыхъ и хилыхъ, которыхъ, несмотря на ихъ крайнее благоразуміе, пришлось счесть провозвѣстниками отъявленнаго радикализма, по той простой причинѣ, что не было другихъ для розыгранія такой роли, — только семьдесятъ. Изъ десятой доли депутатовъ составляется крайняя правая, изъ другой десятой, — крайняя лѣвая. Остальныя четыре пятыхъ политиканы, и, какъ они себя считаютъ сами, государственные люди по профессіи; они составляютъ настоящую палату и глубоко презираютъ крохотныя меньшинства правой и лѣвой. Между тѣмъ серьезныя битвы происходятъ именно только между этими меньшинствами; двойная-же армія центровъ только маневрируетъ, сводя все свои сраженія на легкія стычки. Чтобы ни творила эта главная часть палаты, какое-бы волненіе ни господствовало на занимаемыхъ ею скамьяхъ, все ея великія боевыя дѣла ничто иное какъ плохо разыгранная комедія, все эти шестьсотъ сорокъ центровиковъ (включая сюда всехъ депутатовъ не принадлежащихъ ни къ крайней правой, ни къ крайней лѣвой), воображающихъ себя сутью всего и всяческой властью, находятся въ палатѣ лишь для того, чтобы быть помѣхой движенію или служить буферами, принимающими на себя по-очередно удары двухъ локобилей. Дѣйствительно, что важнаго или серьезнаго въ томъ, если герцогъ Омальскій выслушиваетъ отъ Батби или отъ герцога Паскье величаніе «штатгальтеромъ»; имѣетъ-ли особое значеніе тотъ фактъ, что Тьеръ, съ своей стороны, пародируетъ сегодня генерала Монка, а завтра изображаетъ изъ себя Вашингтона? И Омальскій, и Тьеръ все-же останутся не болѣе какъ второстепенными лицами въ великой драмѣ, которой суждено разыгратъ на аренѣ французскаго государства. А гг. Кюмонъ, Бараньонъ, Бараскюдъ и грозный Пэйрамонъ, происхожденіемъ изъ Лиможа, могутъ рядиться, сколько душе угодно, въ воинственныя маски, хотя-бы и такія страшныя, какъ у туземцевъ острововъ Фиджи; могутъ размахивать своими громадными палицами изъ крашеннаго картона, могутъ гудѣть на своихъ

трубахъ и тромбонахъ, ихъ нравственные достоинства отъ этого нисколько не увеличатся; наступая или отступая, они только повинутся приливу или отливу общественного мнѣнія. Не сознавая того, противъ собственной воли, всѣ эти лицедѣи участвуютъ въ постоянной и непрерывной борьбѣ между старымъ принципомъ и новой идеей. Все остальное, прямо не касающееся этой борьбы—пустая фразеологія, бесплодная трата времени, ложь, самообольщеніе или, по крайней мѣрѣ, отсутствіе всякой логики. Тѣ, которые искренно высказываютъ свои твердыя убѣжденія и выражаютъ опредѣленные понятія, подобно людямъ крайней правой и крайней лѣвой,—тѣ роковымъ образомъ ведутъ за собой остальныхъ, у которыхъ только какіе-то обрывки мыслей, а чувства лицезѣрные и планы неосуществимые. ● Можеть-ли быть, въ самомъ дѣлѣ, что-нибудь химеричнѣе желанія основать, при помощи членовъ лѣваго центра, республику съ монархическими учреждениями, или-же при помощи членовъ праваго центра, монархію съ учреждениями республиканскими? Надъ Франціей много уже произведено опытовъ введенія подобныхъ-же неопредѣленныхъ порядковъ, а что-же вышло? Одна путаница, неудовольствіе и періодическіе взрывы. А вотъ въ Англіи существуетъ парламентская монархія, прожившая уже очень много лѣтъ, и пользующаяся большимъ уваженіемъ, какъ въ самой Англіи, такъ и за-границей. Во Франціи-же, худо-ли оно, хорошо-ли для нея, стоитъ-ли горевать о томъ или нѣтъ, но на лицо тотъ фактъ, о которомъ нельзя и спорить серьезно, что старыя преданія уже утратили свое обаяніе. Здѣсь король стараго режима можеть руководиться самыми лучшими намѣреніями въ свѣтѣ, но даже и это счастливое обстоятельство не поможетъ ему; сила вещей окажется могущественнѣе его. Посмотрите также на Испанію: молодой король Амедей, давшій себѣ клятву строго держаться конституціи и сдержавшій это слово, все-таки процарствовалъ всего два года; позволительно думать, что и во Франціи онъ продержался-бы развѣ только какимъ-нибудь годомъ или двумя болѣе. Во Франціи, самые добродушнѣйшіе правители принуждены были прибѣгать къ крайнимъ репрессивнымъ мѣрамъ, потому что имъ не было иного пути; самъ Люи-Филиппъ прибѣгалъ къ нимъ, какъ и всякій другой, хотя по своему темпераменту онъ рѣшительно имъ не сочувствовалъ и отвергалъ въ принципѣ.

Въ версальскомъ собраніи, какъ и во всѣхъ французскихъ собраніяхъ съ давнихъ уже поръ однѣ крайнія партіи обладаютъ полной искренностью, и если не всегда проявляютъ въ широкой степени здравый смыслъ, за то не грѣшатъ никогда противъ логики.

Всѣ-же центры всегда служили предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ; центровки всегда слыли во Франціи за ничтожество, за какой-то неопредѣленный винигретъ. Что-же касается до всей вообще либеральной партіи, какъ въ палатѣ, такъ и внѣ ея,—партіи, вначалѣ весьма честной, весьма прямодушной и проникнутой убѣжденіемъ,—она съ 1815 года осуждена на работу Сизифа. Втеченіи десяти, двадцати лѣтъ, она выбивается изъ силъ, вкатывая въ гору тяжелый камень старыхъ традицій, но какъ только успѣваетъ она утвердить его на вершинѣ горы, онъ мгновенно кувyrкается обратно, придавливая собою многихъ несчастливцевъ, которые стараются придержать своими плечами его стремительное движеніе. Нелѣпѣе всего то, что часто сами либералы, въ минуту досады помогаютъ этому камню утвердиться на томъ мѣстѣ, гдѣ лежать ему удобнѣе, что не мѣшаетъ имъ впослѣдствіи снова приниматься за свою изнурительную работу. Возьмите, напримѣръ, злополучнаго Жюль Фавра, этого Юпитера Громовержца либерализма при Люи-Филиппѣ. Наступаетъ республика 1848 года и чтоже? Г. Фавръ вскорѣ становится слугою реакціи и дѣйствуетъ такъ ловко на этомъ пути, что чрезъ короткое время Люи-Бонапартъ овладѣваетъ престоломъ. Тогда нашъ Фавръ берется снова за ремесло либерала, убѣжденнаго республиканца, строгаго мыслителя, мученика долга. Фавръ торжествуетъ, его несутъ съ триумфомъ въ ратушу, онъ дѣйствительный глава правительства національной обороны... Что-же? онъ обращается противъ своихъ-же принциповъ, которыми еще наканунѣ гордился. А когда вспыхиваетъ парижское возмущеніе, Фавръ не хочетъ слышать о мирѣ, о соглашеніи, о сдѣлкахъ; когда возмущеніе подавляется, онъ не перестаетъ кричать: Бейте ихъ! Бейте! Осыпайте картечью, рубите!.. Фавръ лишается власти подъ взрывомъ презрѣнія и общаго негодованія противъ него и, на слѣдующій-же день, принимается снова, ни чуть не краснѣя, за свое ремесло либерала...

Другой герой либерализма,—г. Дюфоръ, министръ юстиціи и государственный канцлеръ во время президентства Люи-Наполеона Бонапарта. Теперь онъ снова министръ юстиціи и государственный канцлеръ при г. Тьерѣ. Дюфоръ, подобно аду, вымощенъ добрыми намѣреніями. Сегодня онъ увѣренъ, что, проведя въ палатѣ законъ противъ присяжныхъ, онъ воздвигаетъ прочный оплотъ общественному порядку, плотину противу анархій. Но, въ то-же время, онъ всю глубину души своей вѣритъ, что при подобной оказіи остаются цѣлыми и невредимыми принципы чистѣйшаго либерализма.

«Онъ обольщался всю свою жизнь такимъ образомъ», говоритъ о немъ одинъ изъ старыхъ друзей, отлично изучившій его. Онъ слы-веть, вѣроятно, заслуженно, за самого либеральнѣйшаго человѣка своего времени, пока дѣло идетъ о *теоріи*; но, на его несчастіе, ему приходится быть вѣчнымъ министромъ осаднаго положенія: онъ ми-нистръ осаднаго положенія въ 1848 году, министръ осаднаго положе-нія въ 1849 году, министръ, наконецъ, и долговременнаго осад-наго положенія съ 1870 года,—министръ, постоянно нарушающій, втеченіи своего управленія, тѣ принципы общаго права, которые онъ не перестаетъ исповѣдовать когда не бываетъ причастенъ къ власти. Въ промежуткахъ между своею министерскою службою, онъ проводитъ наилучшіе годы своей адвокатской дѣятельности въ крас-норѣчивой борьбѣ противу неизбѣжныхъ послѣдствій тѣхъ самыхъ законовъ, которые были проведены по его почину или восторжество-вали, благодаря его помощи. Дюфоръ, адвокатъ, рѣшительно напа-даетъ на статьи репрессивныхъ законовъ, имъ-же самимъ форму-лированныхъ въ то время, когда онъ былъ министромъ и ратовалъ противъ воображаемой анархіи и съ ретивостью защищалъ обще-ственный порядокъ, нарушаемый только въ его разгоряченномъ во-ображеніи. Перечитайте его рѣчи противъ примѣненія этихъ реак-ціонерныхъ законовъ, обрушивавшихся на его кліентовъ; противъ за-коновъ о печати, изданныхъ въ 1848 и 1849 г.; противъ закона о разносной торговлѣ, объ уличныхъ сборищахъ и т. под., и потомъ другія его рѣчи, въ то время, какъ онъ былъ министромъ; теперь онъ уже находитъ эти мѣры вполне безобидными, по его тепереш-нему мнѣнію онѣ нисколько не развиваютъ произвола, напротивъ, онѣ покровительствуютъ свободѣ. Покидаетъ онъ министерскій постъ и снова, по его мнѣнію, эти мѣры становятся насильственными, инквизиціонными, тиранническими.

Этихъ двухъ образцовъ, избранныхъ изъ среды знаменитѣйшихъ вождей либерализма, достаточно для охарактеризованія типа центро-виковъ національнаго собранія, такъ какъ здѣсь всякій, кто только не принадлежитъ къ крайней правой или крайней лѣвой, именуется себя либераломъ.

V.

Обратимся теперь къ Тьеру, который, при помощи версальскаго собранія, рассчитываетъ дать Франціи прочное устройство и залечить раны, нанесенныя ей послѣдними войнами: иностранной и граж-

данской. Прежде всего припомнимъ то засѣданіе, въ которомъ Тьеръ предложилъ партіямъ вручить ему кормило власти и заключить съ нимъ точныя условія, руководствуясь которыми, онъ будетъ управлять страной, однимъ словомъ, «бордосскій договоръ». Вотъ какъ описывалъ свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ этого засѣданія, одинъ изъ нашихъ друзей, извѣстный французскій публицистъ: «И теперь еще я вижу предъ собой толстенькаго маленькаго человѣчка, вскарабкавшагося на табуретъ зади трибуны; онъ размахиваетъ своими рученками и выкрикиваетъ своимъ жиденькимъ, пискливымъ и сладенькимъ голоскомъ: «Господа!» Затѣмъ пауза. Надъ его чернымъ, застегнутымъ наглухо сюртукомъ возвышается круглая голова съ коротко обстриженными бѣлыми волосами, серебристаго цвѣта хохолкомъ, собраннымъ по срединѣ такъ, что онъ кажется ермошкой закрывающей темя. Глаза его скрываются за большими блестящими очками, которые, переходя съ одного зрителя на другого, сильно смущаютъ ихъ. Когда онъ заговорилъ, въ залѣ наступила мертвая тишина. Голосъ у него слабый, медленный, обрывающійся, плохо слышный. Обрывки изъ его фразъ долетаютъ до уха съ трудомъ, раздѣляются паузами. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ тверже становится этотъ голосъ; онъ выравнивается, овладѣваетъ своею звучностью, своими отгѣнками, своею чудесною гибкостью; каждое слово оратора глубоко западаетъ въ умы слушателей, подобно камню, брошенному въ прудъ и производящему круги, расширяющіеся по всей поверхности и по всей внутренности водной массы. Подвижной какъ ртуть, сверкающій какъ блудящій огонекъ, онъ сыплетъ отрывистыми сентенціями; онѣ рѣзки и ясны... собственно это не рѣчь, а продолжительная бесѣда, развиваемая по широкой, простой, отчетливой программѣ, маленькими, коротенькими угрозами, которыя опытная рука бросаетъ, подобно стрѣламъ, въ мишень и попадаетъ въ самый кругъ. Надо признаться, въ своемъ родѣ совершенство эти длинныя рѣчи, произносимыя Тьеромъ отрывисто, небольшими частями, но такъ, что каждая изъ нихъ запечатлѣна то гнѣвомъ, то насмѣшкой, то тѣмъ гжучимъ здравымъ смысломъ, который составляетъ основу его темперамента. Голосъ его жидокъ и сухъ, порою онъ переходитъ въ крикливый и дребезжащій; въ патетическихъ мѣстахъ, онъ даже царапаетъ вамъ слухъ, какъ трещотка; вообще, онъ скорѣе непріятенъ, но, благодаря ловкости и снаровкѣ, Тьеръ заставляетъ своихъ слушателей ловить каждое его слово. Взобравшись на табуретъ за трибуной, Тьеръ господствуетъ надъ собраніемъ; внимательно наблюдаетъ за нимъ, не пропускаетъ ни одного

его движения, отвѣчаетъ заранѣе на всевозможныя возраженія, какъ будто предугадывая, что они уже возникли въ умѣ того или другого слушателя. Каждому кажется, что за нимъ именно слѣдятъ бѣлыя стекла очковъ оратора, скрадывающихъ глаза; каждый находится въ томъ заблужденіи, что рѣчь относится къ нему лично. Впродолженіи цѣлыхъ часовъ Тьеръ ни на одну секунду не выпускаетъ свою публику изъ подъ своего вліянія; нѣтъ мгновенія, въ которое толпа переставала-бы чувствовать надъ собою силу его слова, то подтрунивающаго, то гнѣвнаго, то ѣдкаго, то страстнаго; нѣтъ мгновенія, въ которое ораторъ переставалъ-бы подстерегать своихъ слушателей, подобно тому, какъ филанъ подстерегаетъ мышь; онъ обходитъ ихъ со всехъ сторонъ, приглубливаетъ, придерживаетъ и потомъ наноситъ имъ удары... Маленькій человечекъ работаетъ живо, споро, неутомимо; онъ поражалъ неожиданностью, ежеминутно открывая передъ нами новые горизонты; казалось, что онъ ворощетъ цѣлымъ міромъ идей, которыя появляются, исчезаютъ и предстаютъ снова съ необыкновенною непринужденностью и обольстительнѣйшимъ изяществомъ... Вспоминалось невольно о г-жѣ Сакки, танцовщицѣ, которая, до самыхъ преклонныхъ лѣтъ, очаровывала первую имперію и реставрацію. На туго натянутомъ канатѣ, на пятидесяти-футовой высотѣ надъ землею, ловкая акробатка раскачивалась, подпрыгивала, рѣзвилась, принимала позы трагическія, сладострастныя, небрежныя, падала то на одно колѣно, то на другое, откидывалась назадъ, играла въ воланъ и серсо, скользила и катаясь, подбрасывала и ловила разноцвѣтные мячи, ярко свѣтящіе своими золотистыми и серебряными блескомъ. Малѣйшая невѣрность въ шагѣ,—и она упала-бы съ страшной высоты... Каждая доля секунды требовала отъ нея чудеса эквилибристики, въ противномъ случаѣ грозя ей гибелью. Тьеръ дѣйствовалъ теперь съ такой-же рассчитанной ловкостью и дѣлалъ чудеса умственной эквилибристики. Не уступая знаменитой акробаткѣ въ гибкости, онъ также строго рассчитанно изгибался и скользилъ, играя разомъ букетами цвѣтовъ и ножами. Ножи были остры, кинжалы напшатамъ ядомъ... но онъ былъ пріятливъ, былъ любезенъ; казалось, что при встрѣчѣ съ опасностью, онъ почерпалъ новый избытокъ жизни, присутствія духа и находчивости; подобно электрическому угрю, онъ приобрѣталъ въ окружающей его грозовой атмосферѣ, сильное возбужденіе къ жизненной дѣятельности... Все его жесты были умно рассчитаны, мудро размѣрены. Его рѣчь не дышала трагизмомъ; онъ затрогивалъ чувства слегка... но что за неистощимое разнообразіе и,

въ особенности, что за ясность, приспособленная такъ искусно, чтобы не ослабить неумѣстнымъ блескомъ! Ни одного неяснаго выраженія, ни одного доказательства безъ полнѣйшей наглядности... Чародѣй принималъ васъ въ свою ладью и возилъ по волнамъ хрустальнаго озера, гдѣ вы могли любоваться даже камешками, покоившимися на его днѣ и расцвѣченными солнечными лучами, которые отражались и играли на нихъ. Вы могли слѣдить за каждымъ мягкимъ изгибомъ мелкаго песка, усыпавшаго это дно... Такая лучезарность заставляла вѣрить въ крайнюю искренность. По весьма естественному заблужденію, вы невольно приписывали сердцу несравненнаго артиста тѣ качества, которыми щеголялъ его умъ, и вы охотно поручились-бы за его доблесть, восклицая: «Самый день не можетъ быть свѣтлѣ глубины его сердца!».. Увы! упомянутая рѣчь страдала именно отсутствіемъ полной искренности, въ ней было много коварства и лицемерія... Ораторъ убѣждалъ всѣ партіи не говорить ничего, не дѣлать ничего, и признать за нимъ диктаторскую власть, заманивая правую сторону намекомъ на то, что употребить эту власть противъ лѣвой, а лѣвую тѣмъ-же самымъ по отношенію къ правой... И главный фокусъ состоялъ въ томъ, что ему не пришлось, какъ донъ-Жуану, поставленному между Аннетою и Матюринной, говорить въ сторону то съ той, то съ другой, но Аннета слушала его любезности Матюринѣ, а Матюринна его обѣщанія и клятвы Аннетѣ... Это былъ верхъ совершенства лицемерія, потому что все это происходило среди бѣлаго дня...

«Что до меня касается, то, не хочу лгать, никогда я не любилъ особенно этого оратора... Цѣлые двадцать лѣтъ я относился къ нему недовѣрчиво... И однакожь, въ это достопамятное засѣданіе *бордоскаго договора*, не смотря на все мое предубѣжденіе, я обратился весь въ зрѣніе и слухъ. Не было во мнѣ ни одной жилки, которая не вопіяла-бы: онъ лицемеритъ, онъ обманываетъ, и не смотря на это, я поддавался очарованію, находилъ все, что онъ говорилъ, правдоподобнымъ, совершенно правдоподобнымъ, и вѣрилъ, внимая тысячѣ воображаемыхъ голосковъ въ воздухѣ, которые нашептывали мнѣ: «А что, если въ самомъ дѣлѣ?»...

«Сущность бордоскаго договора можетъ быть выражена слѣдующими словами: Мы заключаемъ временное перемиріе, которое продлится до тѣхъ поръ, пока какая нибудь изъ договаривающихся сторонъ не сочтетъ себя довольно сильной, чтобы его нарушить. Собравшись въ Бордо, мы застали республику, мы и сохранимъ ее временно. Вамъ, монархистамъ, выгодно поддерживать ее, пока не по-

кончатся всё ваши приготовления и вы не порѣшите, кому, Генриху-ли V, герцогу-ли Омальскому, или, наконецъ, графу Парижскому слѣдуетъ вручить заботу о счастьи Франціи. Вамъ, монархисты, весьма сподручно дозволить республикѣ утвердить своею подписью договоръ, которымъ уступается Германіи Эльзась и Лотарингія; для васъ выгодно, что она вынуждена теперь обременять народъ налогами, такъ какъ ей надо добыть пять милліардовъ для уплаты побѣдителямъ. Когда-же эти пять милліардовъ будутъ уплачены, вы явитесь на сцену, съ обѣщаніемъ изобилія и благосостоянія, съ утвержденіемъ, что съ вашимъ приходомъ начнется эра испѣленія и возмездія, — и вамъ тогда повѣрятъ. Вы-же, республиканцы, будете имѣть удовольствіе состоять номинально въ республикѣ; всё документы, гражданскіе акты и монеты будутъ постоянно удостовѣрять въ томъ, что во Франціи существуетъ именно эта форма правленія; вы будете пользоваться громаднымъ преимуществомъ обладать ключкою, что уже составляетъ большой шагъ для обладанія и самымъ предметомъ. Но пока вы овладѣете самымъ предметомъ, вамъ лучше предоставить вашимъ противникамъ пользоваться властью. Такимъ идеалистамъ, такимъ людямъ принципа, какъ вы, достаточно одного принципа; ваши-же противники люди положительные, ихъ можно удовлетворить только мѣстами и жалованьями. У насъ будетъ, такимъ образомъ, республика безъ республиканцевъ, и даже безъ республиканскихъ учреждений, и будетъ монархія, совершенная во всѣхъ отношеніяхъ, но пока безъ короля. Чтобы утѣшить всѣхъ, я, Тьеръ, соединю въ себѣ обязанности президента республики, отъ имени республиканцевъ, и наместника королевства, отъ имени того или другого короля, смотря по тому, кто одержитъ верхъ правый центръ или правая сторона.»

Къ этимъ словамъ почтеннаго публициста остается прибавить, что вожаки партій потому еще такъ легко увлеклись предложеніемъ Тьера, что они были убѣждены, что ничто не держится такъ долго, какъ временное, и въ особенности такое, о которомъ при всякомъ случаѣ говорятъ, что оно принято только какъ временное. Никто не хочетъ брать на себя труда бороться съ временнымъ; каждый благоразумный человѣкъ щадитъ свои усилія, когда рѣчь идетъ о неиспроверженіи временного. Разбивать отпертыя ворота никогда не считалось дѣломъ особенно славнымъ. Сверхъ того, размышляли они, Тьеръ, временный глава временного правительства старъ, — ему семьдесятъ четыре года, — у него нѣтъ ни дѣтей, ни племянниковъ; вся его семья состоитъ изъ жены и свояченицы, пожилой дѣвушки.

По такимъ-то соображеніямъ была принята всеми партіями правительственная система, крайне неопредѣленная и потому представлявшая ту главную невыгоду, что приходилось постоянно опасаться какой-нибудь непредвидѣнной катастрофы. Между тѣмъ она существуетъ уже цѣлыхъ двадцать семь мѣсяцевъ. Это, повидимому, странное обстоятельство удобнѣ всего объяснить тѣмъ, что рѣшительно вездѣ, какъ во Франціи, такъ и въ Европѣ на бордосскій договоръ смотрѣли, какъ на кратковременное перемиріе, которое скоро прекратится. Каждая партія тайнѣмъ надѣялась, что выиграетъ она, а не ея противникъ, и власть попадетъ къ ней въ руки.

Однакожь, не вся Франція согласилась на эту сдѣлку. Парижское населеніе отказалось скрѣпить ее; оно помнило слишкомъ хорошо, что и Тьеръ не мало способствовалъ уничтоженію республики 1848 года. Послѣдовало парижское возмущеніе и извѣстныя всѣмъ его послѣдствія. Борьба съ Парижемъ и отношеніе къ этой борьбѣ большихъ промышленныхъ городовъ показали Тьеру, что республиканская партія во Франціи несравненно сильнѣе, чѣмъ то можно было предполагать, судя по характеру ея официальныхъ представителей въ палатѣ и по результатамъ выборовъ 1871 г. Тьеръ понялъ отлично, что, для подавленія элементовъ социальной революціи, ему остается одно средство установить буржуазную республику; онъ понялъ, что еслибы онъ не захотѣлъ уступить на этомъ пунктѣ, онъ проигралъ-бы все,—и онъ уступилъ. Онъ печаталъ не разъ, онъ повторялъ такъ часто, какъ только находилъ это нужнымъ: «Во время парижскаго возмущенія, ко мнѣ являлись многія депутаціи съ вопросомъ: за республику вы или за монархію?—Я отвѣчалъ: Я честно поддерживаю республику, въ чемъ даю слово. Если-бы я не далъ этого обѣщанія, если-бы мнѣ пришлось отдѣлать только 20,000 человекъ отъ осадной арміи для того, чтобы отправить ихъ въ провинцію, намъ не одолѣть-бы Парижа. И потому, я далъ слово.»

Изъ чего слѣдуетъ, что, по прошествіи только нѣсколькихъ дней со времени заключенія бордосскаго договора, Тьеръ былъ вынужденъ, затруднительностью положенія, самъ-же нарушить его... Одна легитимистская газета замѣтила весьма основательно по этому поводу: «Такъ вамъ пришлось дать слово, г. Тьеръ. Но что вы толковали въ Бордо? Что вы не принадлежите ни къ какой партіи. Что бордосскій договоръ, бывшій перемиріемъ, будетъ имѣть силу до окончательнаго очищенія территоріи отъ нѣмецкихъ войскъ. Что вы торжественно обязываетесь не огорчать ни правую, ни лѣвую стороны:

не готовить успеха никакой партии въ ущербъ другимъ... Что же вышло въ результатъ? А то, что вы приняли на себя два обязательства, совершенно противорѣчащія другъ другу, чѣмъ поставили себя въ невозможность удерживать свое положеніе...»

И такъ, въ самомъ началѣ дѣйствія бордосскаго договора, онъ оказался непримѣнимымъ въ томъ размѣрѣ, какъ предполагалось сначала. Тьеръ далъ слово честно поддерживать республику; по его словамъ, онъ рѣшился сдѣлать честный опытъ съ республикой, чтобы убѣдиться, насколько Франція дорожитъ этой формой правленія. И начался этотъ опытъ. Можетъ быть, изъ него и вышло-бы что нибудь, если-бъ въ версальскомъ собраніи засѣдали другіе люди, которые-бы заботились о благѣ общему, а не о своихъ личныхъ цѣляхъ. Но съ самаго начала въ палатѣ наступила борьба партий, узкая, эгоистическая борьба, въ которой все дѣло шло о томъ, какая партія завладѣетъ большимъ числомъ административныхъ должностей. О самой же Франціи никто не думалъ. Далѣе опытъ производился съ установленіемъ въ странѣ республиканскихъ учреждений, а все направлялось къ тому, чтобы совершенно уничтожить республиканскую партію. Но снова вышло не то, на что можно было рассчитывать: республиканская партія не только не была уничтожена, совершенно напротивъ, она еще болѣе укрѣпилась и усилилась. Это напоминаетъ намъ одинъ анекдотъ, за достовѣрность котораго мы не можемъ, конечно, поручиться: на дворѣ одного купца жила покрытая струпами собака, которая своимъ постояннымъ лаемъ до крайности надоѣдала одному изъ жителей сосѣдняго дома. Желая избавиться отъ нея, онъ придумалъ окормить ее мясными шариками, приправленными мышьякомъ; собака съѣла всѣ шарики и не околѣла; сосѣдъ снова далъ отраву, усиливъ дозу; къ своему великому изумленію онъ увидалъ, что ядъ подействовалъ, какъ сильное, ридикально излечивающее лекарство: песь поздоровѣлъ, всѣ струпа сошли съ него, онъ сталъ молодцоватѣе, красивѣе и залаялъ громче прежняго. Такъ и съ французской республиканской партіей. Разгромленіе Парижа стоило ей по крайней мѣрѣ ста тысячъ человекъ убитыхъ и сосланныхъ въ Новую Каледонію и другія мѣста. Не ропща на такое ослабленіе силъ своей партіи, республиканцы, засѣдающіе въ версальскомъ собраніи, поблагодарили за это Тьера отъ имени республики. Правительство запретило нѣсколько республиканскихъ газетъ, отставило многихъ республиканскихъ чиновниковъ, назначенныхъ на мѣста правительствомъ 4-го сентября; оно уволило многихъ учителей, нежелавшихъ подчиняться іезуитамъ, а республиканскіе депутаты продолжали подавать свои го-

юса за Тьера и осыпали его похвалами. Тьеръ не желалъ смѣщать бонапартистскихъ чиновниковъ, не соглашался на представленіе закона о свѣтскомъ и обязательномъ первоначальномъ образованіи, упорно стоялъ за пятилѣтнюю службу въ дѣйствующихъ войскахъ, противился всеобщей военной повинности, издавалъ законы противъ свободы торговли, требовалъ возврата налоговъ на сырье, — а республиканскіе депутаты все подавали голоса за него и раза два или три, поспѣшивъ къ нему на помощь, превратили его пораженіе въ побѣду. Въ благодарность имъ, Тьеръ расточалъ любезности правой сторонѣ, а республиканскіе депутаты продолжали подавать голоса за него. Тьеръ публично называлъ Гамбету разъяреннымъ безумцемъ, а Гамбета притворялся, что не слышитъ, и благодарилъ Тьера за услуги, оказанныя отечеству: «Вы великій мужъ, г. Тьеръ, и я горжусь возможностью услужить вамъ, подавая голосъ за васъ на пользу республики.» Принося Тьеру поздравленія, упорно защищая его противъ его противниковъ, правъ-ли онъ бывалъ или не правъ, благодаря его, при всякомъ случаѣ, именемъ республики, лѣвая сторона тѣмъ самымъ обращала Тьера въ республиканскаго сановника, болѣе, чѣмъ ему нравилось. Забавно, что правая сторона, прекрасно понимавшая, въ чемъ дѣло, не умѣла скрывать своей досады и придиралась къ Тьеру, который по неволѣ долженъ былъ искать помощи у республиканцевъ.

Такимъ образомъ, лѣвая сторона упорно держалась буквы договора, оставаясь ему вѣрною всегда и противу всѣхъ, и прибрѣтала въ глазахъ страны нѣкоторый видъ консервативной партіи, стойкой и правильной; Гамбета и его партія въ глазахъ народа изъ бѣшенныхъ революціонеровъ обращались въ людей, поддерживающихъ правительство. И буржуазія, не имѣя повода отказать въ уваженіи ихъ послѣдовательности и крайнему благоразумію, привыкала постепенно смотрѣть на правую сторону, какъ на людей, сѣющихъ смуты, какъ на простыхъ искателей приключенія, добывающихся только мѣстъ съ хорошимъ жалованьемъ. Бордосскій договоръ становился, наконецъ, рѣшительно невозможнымъ.

VI.

Тьеръ видѣлъ окончательную невозможность дальнѣйшаго существованія бордосскаго договора, онъ понималъ, что надо положить конецъ неопредѣленности положенія, необходимо временное превратить въ постоянное. Но, по своей всегдашней мнительности, по своей нерѣшительности, по своей приверженности къ полумѣрамъ, и на этотъ

разъ онъ не осмѣлился покончить рѣшительно съ затруднительнымъ положеніемъ. Не желая ссориться ни съ той, ни съ другой стороной собранія, онъ объявилъ, что остается на почвѣ бордосскаго договора; но, исполняя требованіе націи, желающей покончить съ неопредѣленнымъ положеніемъ, онъ предлагаетъ признать республиканскую форму правленія. «Наша республика будетъ самой консервативнѣйшей изъ республикъ,» спѣшить онъ добавитъ.

Свое предложеніе Тьеръ выразилъ въ президентскомъ посланіи, прочитанномъ 19 ноября 1872 года при открытіи палаты послѣ ваканціи. Тьеръ рассчитывалъ, что его посланіе окажетъ примиряющее дѣйствіе на партіи, но жестоко ошибся въ своемъ предположеніи. Посланіе его встрѣтило сильнѣйшую оппозицію со стороны правой и чрезвычайный восторгъ на лѣвой. Но если разобрать хладнокровно это посланіе 19 ноября, то нельзя не убѣдиться, что оно не заслуживаетъ ни того ожесточенія, ни того восторга, которые оно возбудило. Оно составляетъ второе изданіе бордосскаго договора, конечно, нѣсколько исправленное и дополненное, но страдающее тѣмъ-же основнымъ недостаткомъ, которымъ страдало первое, т. е. неопредѣленностью положенія; въ немъ измѣнились слова, но смыслъ оставался тотъ-же.

Нѣтъ сомнѣнія, что признаніе опредѣленной формы правительства было уже нѣкоторымъ шагомъ впередъ, но спрашивается, что выигрывала отъ этого шага страна, если ею продолжала управлять такая палата, какъ версальская, въ которой правительство не можетъ составить большинство для проведенія той или другой изъ существенно-необходимыхъ реформъ; такая палата, въ которой не можетъ быть поднятъ ни одинъ вопросъ безъ того, чтобы партіи не вцѣпились другъ другу въ волосы. Думать о созданіи конституціи и объ установленіи опредѣленной правительственной формы при помощи такого собранія было, по меньшей мѣрѣ, легкомысленно. Тьеръ самъ это чувствовалъ, но и на этотъ разъ политика колебаній одержала въ немъ верхъ и онъ не рискнулъ на ту мѣру, которую подсказывало ему благоразуміе, какой требовало отъ него большинство французовъ, высказывая свои требованія то во время выборовъ, то въ прессѣ, то адресами генеральныхъ совѣтовъ. Дѣло шло о распушеніи собранія и назначеніи новыхъ выборовъ, которые были-бы несомнѣнно произведены въ умѣренномъ духѣ и дали-бы правительству настоящеее парламентское большинство.

Правая сторона, лучше сказать, правый центръ отнеслись крайне несочувственно къ президентскому посланію; они заговорили о нару-

шеніи президентомъ бордосскаго договора и начали дѣйствовать на этотъ разъ нѣсколько съ большею послѣдовательностью, чѣмъ прежде, хотя съ перваго-же шага показали, что они не прочь отъ компромисса, который-бы заключался въ томъ, что нѣкоторыя министерскія мѣста должны быть замѣщены главнѣйшими представителями праваго центра. Все это движеніе шло по инициативѣ герцога Броли.

Лѣвый центръ и отчасти лѣвая сторона, отъ которыхъ происходила инициатива посланія, разумѣется, отнеслись къ нему съ величайшимъ сочувствіемъ и похвалой. Часть лѣвой и крайняя лѣвая, вѣрныя своей тактикѣ, показали видъ, что безусловно вѣрятъ посланію; они рукоплескали всѣмъ фразамъ, въ которыя входило слово « республика », давая этимъ понять, что они относятся съ довѣріемъ къ обѣщанію покончить съ неопредѣленнымъ временнымъ положеніемъ, хотя несомнѣнно понимали, что посланіе не уничтожаетъ еще бордосскаго договора, который можетъ процвѣтать по прежнему во всей своей силѣ.

« Бордосскій договоръ уничтожается въ пользу лѣвой стороны, твердили въ народѣ, — слѣдовательно, побѣда осталась за ней ».

Преданныя лѣвой сторонѣ газеты сочиняли дифирамбы въ честь великаго гражданина Тьера, французскаго Вашингтона. Но, помимо дифирамбовъ, въ этихъ газетахъ появились и такія замѣчанія: « Что-сказалъ-бы г. Тьеръ, еслибъ приведеніе въ исполненіе хартіи 1830 года поручили Полиньяку и Пейроне. Что сказалъ-бы г. Лабуле, еслибъ въ то время, когда вздумали примирять вторую имперію съ либерализмомъ, осуществить это дѣло поручили-бы Греви и Жюлю Фавру, невѣрившимъ въ возможность такого примиренія? А г. Тьеръ желаетъ именно того, противъ чего онъ горячо возсталъ-бы въ 1830 году. Онъ желаетъ ввести республиканскія учрежденія въ страну и поручаетъ исполнить это дѣло противникамъ этихъ учрежденій. Неужели многочисленныя ошибки, которыя постоянно губили насъ и были причиной безпрестанныхъ кризисовъ и катастрофъ, не достаточно научили насъ политическому такту и умѣнью избѣгать ихъ во время. Пора-же, наконецъ, намъ понять азбучную истину, что легитимисты не могутъ вводить республиканскихъ учрежденій, а республиканцы создавать монархическія конституціи ».

Газеты правой стороны всѣхъ отгѣнковъ съ сильнымъ азартомъ напали на Тьера; онѣ не находили словъ, чтобы достаточно заклеймить его измѣну бордосскому договору.

Положеніе Тьера было по истинѣ самое затруднительное. Онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить такой твердой оппозиціи отъ праваго

центра. Явилось предложеніе Кердреля, за тѣмъ комиссія тринадцати. Опять приходилось поправлять дѣло и снова Тьеръ ухватился за политику колебанія. Онъ послалъ министровъ Гуллара и Дюфора въ палату коментировать его посланіе.

«Наше правительство олицетворяетъ теперь собою Януса, писали въ то время въ одной французской газетѣ.—Припоминаются невольно актеры древности, носившіе на сценѣ двѣ маски, одну плачущую, другую смѣющуюся; одна предназначалась для сценъ чувствительныхъ, другая для веселыхъ. Когда правительство желаетъ провести прогрессивныя идеи, оно является въ образѣ Тьера; когда реакціонерныя,—въ образѣ Дюфора. Одинъ говоритъ: это бѣлое, другой твердитъ: нѣтъ, это черное. «Мы желаемъ составить постоянное правительство», говоритъ Тьеръ. — «Нѣтъ, временное», возражаетъ Дюфоръ. «Наше правительство республиканское», продолжаетъ Тьеръ.— «Вовсе не республиканское», снова возражаетъ хранитель печати. Гдѣ-же, наконецъ, правда?»

20 апрѣля (1 мая) произошло столкновеніе между Дюфоромъ и Рикаромъ, говорившими отъ имени Тьера. Смыслъ рѣчей ихъ былъ діаметрально противоположенъ. Одолѣвъ, наконецъ, Дюфоръ и заключилъ свою рѣчь предложеніемъ сохранить неприкосновеннымъ бордоскій договоръ, хотя самъ хранитель печати очень хорошо зналъ, что этотъ договоръ уже много разъ нарушался и правительствомъ и тѣмъ, въ чью пользу теперь онъ желалъ удержать его неприкосновенность, т. е. въ пользу правой стороны.

Между тѣмъ наступало время выборовъ, о которыхъ мы говорили въ началѣ хроники. Тьеръ, непонятно съ какой цѣлью, вздумалъ пустить въ ходъ полуофициальную кандидатуру. Онъ всѣми средствами, какія только у него были въ рукахъ, рѣшился помогать избранію своего министра иностранныхъ дѣлъ графа Ремюза. Въ эту новую ошибку Тьеръ опять-таки былъ введенъ своей приверженностью къ политикѣ колебанія, своей страстью во всемъ хитрить. И на этотъ разъ онъ перехитрилъ; избранъ былъ не Ремюза, а его соперникъ Бароде, кандидатъ радикальной партіи.

Вообще на послѣднихъ выборахъ одержали верхъ радикальная и республиканская партіи. Изъ 13 новыхъ депутатовъ 11 республиканцевъ, 1 клерикалъ и 1 бонапартистъ.

Правая сторона взволновалась въ виду такихъ выборовъ, тѣмъ болѣе, что всѣ республиканскіе депутаты получили отъ своихъ избирателей порученіе непремѣнно требовать распушенія палаты. Но вопросъ о распушеніи преимущественно предъ всѣми другими незави-

стенъ правой сторонѣ. Ея газеты забили тревогу; онѣ заговорили о готовящейся социальной революціи; онѣ закричали, что необходимо какими-бы то ни было мѣрами спасти общество. А прежде всего нужно ограничить всеобщую подачу голосовъ.

Весьма умѣренный, спокойный и разсудительный буржуазный органъ „Journal des Débats“ взялъ на себя трудъ объяснить правой сторонѣ всѣ нелѣпости ея выходокъ противъ Тьера и въ особенности противъ всеобщей подачи голосовъ. «Затрогивая это право французскаго гражданина, которымъ онъ особенно дорожить, говорить эта газета,—вы стремитесь къ государственному перевороту. Вы можете, пожалуй, вызвать гражданскую войну... Но вѣдь вы только кричите, и слава Богу, что вы можете только кричать... дѣйствовать-же вы не въ силахъ!»

Руководители движенія противъ всеобщей подачи голосовъ и сами хорошо знали, что дѣйствовать они не въ силахъ, потому что власть находилась не у нихъ въ рукахъ. Поэтому-то они и желали заставить Тьера дѣйствовать вмѣсто себя; если-же онъ откажется, то свергнуть его. Во всякомъ случаѣ изъ этого вопроса извлекали пользу только они: «если Тьеру удастся ограничить всеобщую подачу, разсуждали они,—выгоды новаго положенія достанутся намъ; не удастся ему это предпріятіе—онъ долженъ будетъ подать въ отставку, а мы въ это время будемъ работать для созданія себѣ большинства и легко можемъ овладѣть положеніемъ».

Органъ Гамбетты «La République Française» прекрасно понималъ, куда клонятся проски правой стороны. Въ этой газетѣ появился рядъ статей, въ которыхъ предупреждали Тьера объ опасности, совѣтовали ему отбросить политику колебаній, идти твердо и рѣшительно къ предназначенной цѣли, опираясь на настоящее, а не призрачное большинство, безпрерывно мѣняющееся именно вслѣдствіе политики колебанія. «Надо умѣть пользоваться популярностью, иначе не трудно потерять ее», заключаетъ свои статьи эта газета.

Политика колебаній дѣйствительно поставила Тьера въ самое затруднительное положеніе, изъ котораго не легко найти удобный и безопасный выходъ. Тьеръ рѣшился составить болѣе однородное министерство, избравъ его изъ лѣваго центра. Онъ уволилъ двухъ министровъ: Жюля Симона, противъ котораго постоянно кричали клерикалы, и Гуляра, ненавистнаго лѣвой сторонѣ; отъ министерства народнаго просвѣщенія онъ отдѣлилъ министерство исповѣданій и назначилъ трехъ новыхъ министровъ изъ лѣваго центра, но изъ какой-бы партіи Тьеръ ни выбиралъ своихъ министровъ, всегда почти

половина палаты будетъ недовольна тѣмъ или другимъ лицомъ. Удастся ли Тьеру снова перехитрить всѣхъ—это вопросъ, на который очень затруднительно отвѣтить въ настоящую минуту.

VII.

Эта статья была уже написана и набрана, когда получила телеграмма объ открытіи засѣданій версальскаго національнаго собранія и о запросѣ правой стороны 7 (19) мая министерству «по поводу послѣднихъ перемѣнъ въ его составѣ и по поводу необходимости рѣшительнаго преобладанія консервативной политики въ дѣйствіяхъ правительства». При этомъ заявлялось, что «необходимъ кабинетъ, твердость котораго могла-бы успокоить страну». 11 (23) мая руководитель запроса и предводитель праваго центра, герцогъ Брольи, произнесъ рѣчь, въ которой заявилъ, что его не удовлетворяютъ послѣднія перемѣны въ министерствѣ. Онъ рѣзко нападалъ на радикальную партію, обозвалъ ея представителей въ палатѣ людьми, сочувствовавшими парижской коммунѣ и поселяющими смуты въ странѣ. Онъ обвинялъ Тьера въ потворствѣ радикаламъ, доказывая это выходомъ въ отставку Гуяра, который, будто-бы, оказался Тьеру слишкомъ консервативнымъ, хотя и сочувствующимъ республиканскимъ учрежденіямъ. Въ заключеніе онъ сталъ умолять правительство отвернуться отъ радикаловъ и подать руку консервативнымъ элементамъ.

Вызывающая рѣчь герцога Брольи ободрила правую сторону и она ей горячо рукоплескала. Но въ этотъ день еще нельзя было навѣрное предсказать, что произойдетъ кризисъ и побѣда останется за правой стороной.

12 (24) мая Тьеръ отвѣчалъ на запросъ, сдѣланный министерству, и на рѣчь герцога Брольи. Никогда, можетъ быть, во всю свою жизнь Тьеръ не говорилъ такъ искренно, какъ въ это засѣданіе. Мы не станемъ приводить всей его замѣчательной рѣчи, сообщимъ только нѣкоторые отрывки ея, характеризующіе положеніе страны. «Я обязанъ дать объясненія на счетъ политики, которой мы слѣдовали, сказалъ Тьеръ,—и продолжаемъ слѣдовать до настоящей минуты... Я рѣшился высказаться откровенно и буду говорить съ гордостью гражданина, преданнаго своему отечеству, и чловѣка, совѣсть котораго чиста...»

Напоминая о томъ, что онъ согласился принять власть только по

настоятельной просьбѣ своихъ товарищей, изъ патриотизма, Тьеръ продолжалъ:

«Тогда не было ни арміи, ни денегъ; но главное затрудненіе состояло все-таки не въ этомъ. Оно заключалось въ разъединеніи партій. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, вамъ достаточно посмотреть на самихъ себя. Какое глубокое разъединеніе господствуетъ между вами со времени 1871 года! Разъединеніе это замѣчается не въ одной этой палатѣ, оно существуетъ и внѣ стѣнъ ея. Развѣ легко было управлять странюю при такихъ обстоятельствахъ. Возможно-ли было соблюдать единство, котораго не было ни здѣсь, ни въ странѣ? Къ тому-же мнѣнія, господствующія здѣсь, не вполне сходны съ тѣми, которыя господствуютъ вообще въ странѣ. Прежде всего разногласіе существуетъ между тѣми, кто хочетъ монархіи, и тѣми, кто желаетъ республики. Тѣ и другіе, съ своей точки зрѣнія, правы; но какую роль между ними должно было взять на себя правительство? Единственная роль была возможна: соблюдать строжайшій нейтралитетъ. Да, монархисты имѣютъ право слѣдовать своимъ убѣжденіямъ; но и республиканцы не выходятъ изъ своихъ правъ, полагая, что республика стала теперь необходимой формой правительства. Къ тому-же эти партіи въ численномъ отношеніи въ палатѣ почти равны между собою. Въ самомъ дѣлѣ, если съ одной стороны здѣсь засѣдаетъ много монархистовъ, то и республиканцевъ не мало. Но не всѣ республики одинаковы. Есть республика, возбуждающая тревогу, и есть такая, которая дѣйствуетъ успокоительно. Страна вовсе не желаетъ республики, слышали мы не разъ. Да, аристократическіе и буржуазныя кружки, пожалуй, но массы народа въ огромномъ большинствѣ желаютъ республики (*Рукоплесканія нальво. — Опроверженія справа*). Господа, я не хочу никого оскорблять, но если массы таковы, какими вы ихъ представляете, то на чемъ-же основаны ваши опасенія? Чего-же вы боятесь, если массы съ вами? Если вы хотите сказать, что массы подвижны, то вы правы, но въ настоящее время численное большинство склоняется къ республикѣ. Измѣнить этого невозможно, но тѣ, кто стоитъ во главѣ массы, могутъ направить ее на настоящій путь, давъ ей разумное политическое направленіе».

Далѣе Тьеръ объясняетъ, что каждая партія требовала, чтобы правительство сообразовалось съ ея видами. По невозможности угодить всѣмъ, правительство старалось, по крайней мѣрѣ, примирять разнообразныя интересы. «Мнѣ дали титулъ президента республики, сказалъ Тьеръ,—и я служилъ республикѣ. Монархіи я служить не могъ, имѣя въ виду ваше-же спокойствіе, гг. монархисты, потому

что если-бы я сталъ служить одной изъ нихъ, то измѣнилъ-бы двумъ другимъ.» Напомнивъ о гражданской войнѣ, о финансовыхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчало правительство на каждомъ шагу, о томъ, что правительство побороло эти затрудненія, Тьеръ продолжаетъ: «Нашими усиліями промышленность оживилась, страна почувствовала обновленіе. Жизненность ея выразилась въ удивительномъ успѣхѣ двухъ займовъ, послѣдовавшихъ скоро одинъ за другимъ. Четыре миллиарда контрибуцій уплачены, уплата пятого миллиарда обеспечена. Намъ говорятъ: вы уплатили нашими деньгами. Разумѣется, гдѣ же бы я могъ взять ихъ, если не изъ сбереженій страны. Наша заслуга заключается въ довѣрїи, которое мы приобрѣли. И въ то время, когда всю Европу тяготитъ финансовый кризисъ, Франція, которая должна была уплатить громадный выкупъ, не испытала этого кризиса. Европа въ удивленїи смотритъ на неисчерпаемый запасъ жизненныхъ силъ Франціи. Но все-ли это? Я могу удивить тѣхъ, кто увѣряетъ, что у насъ нѣтъ союзниковъ, сказавъ имъ, что послѣ того, какъ, благодаря безразсудной политикѣ имперїи, европейское равновѣсіе нарушено, союзниковъ ни у кого нѣтъ. Теперь союзъ заключается въ уваженїи, которое однѣ націи питаютъ къ другимъ, а Франція пользуется такимъ уваженїемъ и наши преемники могутъ удостовѣриться въ этомъ, взглянувъ въ наши архивы, которые я не могу раскрыть передъ вами. Мы преобразуемъ нашу армію и дѣлаемъ это открыто, мы знаемъ, что намъ вѣрятъ, когда мы говоримъ, что не замышляемъ нарушать миръ».

Перейдя къ внутренней политикѣ, Тьеръ замѣчаетъ, что порядокъ въ странѣ вполне обеспеченъ и что еще большая гарантія его неприкосновенности получила-бы въ признанїи окончательной формы правительства. Затѣмъ онъ обращается къ монархистамъ и заявляетъ свое сомнѣніе въ ихъ консерватизмѣ. «Я могу доказать фактами, продолжалъ далѣе Тьеръ, — что вы не разъ покидали меня, когда дѣло шло о проведенїи мѣръ, имѣющихъ цѣлью обезпеченіе консервативныхъ принциповъ. За это я виню не васъ, а обстоятельства. Что до меня касается, я долго соблюдалъ условїя бордосскаго договора, но мнѣ нужно было, наконецъ, высказаться по вопросу о республикѣ... Уже два, скоро три года, какъ мы вѣдуемъ дѣлами страны. Вы требовали, вы желали и вы достигли того, что правительство называлось временнымъ. Еще въ Бордо мы предложили вамъ соглашенїе Я до сихъ поръ былъ вѣренъ ему. Вы тоже говорите о бордосскомъ договорѣ, но, выйдя за дверь, каждый изъ васъ повторяетъ, что онъ признаетъ только монархію;

но которую? Вы сами знаете, что у насъ ихъ три? Другіе хотять республики, но опять-таки нужно знать какой? Но, повторяю, пришла пора покончить съ переходнымъ положеніемъ: это нужно для общественнаго порядка и спокойствія; не слѣдуетъ забывать, что давая волю своимъ страстямъ, мы возбуждаемъ страсти другихъ. Правительство сказало себѣ, что вѣчно оставаться въ такомъ положеніи невозможно, и что настало время возвыситься надъ всѣми партіями одинъ неоспоримый принципъ. Оно должно принять рѣшеніе въ ту или другую сторону и сообщить свое рѣшеніе палатѣ, которая также должна принять на этотъ счетъ какое нибудь рѣшеніе. Я твердо убѣжденъ, что республика необходима, а монархія невозможна. Это до такой степени вѣрно, что монархисты даже въ идеѣ не создали до сихъ поръ никакой монархіи, поэтому-то они и позволяютъ себѣ говорить только въ качествѣ консерваторовъ. Теперь вы, быть можетъ, согласны между собою, но что будетъ послѣ? Вѣдь тронъ одинъ, а претендентовъ три. И такъ, пора учредить правительство, котораго никто-бы не оспаривалъ, никто-бы безнаказанно и ежедневно не смѣлъ поносить и оскорблять».

Потомъ Тьеръ переходитъ къ объясненіямъ насчетъ уволенныхъ министровъ, говоритъ о конституціонныхъ планахъ, имъ представленныхъ, о послѣднихъ выборахъ, снова повторяетъ о необходимости установить форму правительства и заключаетъ свою рѣчь слѣдующими словами: «правительство даетъ вамъ въ руки средство уладить дѣло. Если кто желаетъ предложить что-нибудь лучшее, пусть сдѣлаетъ это. Намъ можно выбирать только между легальнымъ, правильно установленнымъ правительствомъ и диктатурою. Ужь не хотите-ли вы диктатуры! О, принять ее найдется много охотниковъ, но не забудьте, что насъ погубила диктатура великихъ людей; съ диктатурою маленькихъ людей мы наживемъ себѣ тѣ-же бѣдствія, только безъ славы. Трудно выбрать между двумя крайностями. Намъ говорить, что мы протее радикализма, что мы скверно кончимъ, что этотъ скверный конецъ кромѣ того будетъ еще смѣшенъ. На это я замѣчу, что я имѣлъ право рассчитывать на большую благосклонность, на большую вѣжливость. Но это уже сказано, и я надѣюсь, г. Бродьи позволить и мнѣ замѣтить ему; что если большинство будетъ составлять такъ, какъ онъ предполагаетъ, то у него окажется такой патронъ, отъ котораго его покойный отецъ отшатнулся бы въ ужасъ. Онъ будетъ протее имперіи.»

Рѣчь Тьера часто прерывалась рукоплесканіями лѣвой стороны палаты. Съ перваго взгляда можно было подумать, что Тьеръ снова

побѣдилъ палату, но послѣдующія событія показали, что его друзья ошибались.

Въ тотъ-же самый день предложеніе министра юстиціи Дюфора о простомъ переходѣ къ очереднымъ дѣламъ было отвергнуто большинствомъ 16 голосовъ. Министерство и президентъ республики Тьеръ подали въ отставку. Отставка его принята національнымъ собраніемъ большинствомъ 30 голосовъ. На мѣсто его избранъ маршалъ Мак-Магонъ 370 голосами; остальные депутаты отказались подавать свои голоса. Въ то-же время депутаты собранія, принадлежащіе къ крайней лѣвой сторонѣ, издали прокламацію, которой приглашали народъ воздерживаться отъ какихъ-бы то ни было враждебныхъ демонстрацій. Всѣ демонстраціи ограничились криками: «да здравствуетъ Тьеръ!» и спокойствіе нигдѣ не нарушалось. Мак-Магонъ въ своемъ посланіи въ національное собраніе заявилъ, что онъ будетъ слѣдовать строго консервативной политикѣ и во всемъ будетъ признавать авторитетъ національнаго собранія, которое онъ считаетъ единственной верховной властью въ странѣ. Въ составъ министерства вошли: Брольи, Батби, Эрну, Манъ, Делесиньи и другіе, принадлежащіе къ правому центру, правой, лѣвому центру (Делесиньи) и бонапартистамъ (Манъ). Последняя телеграмма сообщаетъ, что существуетъ предположеніе избрать Мак-Магона президентомъ республики на пять лѣтъ.

Н О В Ы Я   К Н И Г И

ТОЛЬКО-ЧТО ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ У ИЗВѢСТНЫХЪ
КНИГОПРОДАВЦЕВЪ С.-ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ:

Необходимыя, все новыя узаконенія для каждаго, занимаю-
щагося торговлей и промысломъ, подъ названіемъ:

П О Л Н Ы Й С В О Д Ъ   З А К О Н О В Ъ

Д Л Я
КУПЕЧЕСТВА.

Настольная книга для купцовъ, мелкихъ торговцевъ, фабри-
кантовъ, заводчиковъ, подрядчиковъ, конторщиковъ, конкурсныхъ
управленій, присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ и во-
обще для всѣхъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ коммерческими
дѣлами.

Составлена по Своду Законовъ, Уложенію о наказаніяхъ и судебнымъ уставамъ.

Изданіе канцеляріи Его Императорскаго Величества,

со всѣми позднѣйшими узаконеніями, дополненіями и разъясненіями по
рѣшеніямъ кассационныхъ департаментовъ сената.

Изданіе большого формата, въ 8-ми отдѣлахъ, болѣе 700 стра-
ницъ убористой печати. Цѣна 3 р. 50 к., въ коленкор. перепл. 4 р.

Первое въ Россіи изданіе, вызванное общими интересомъ всерос-
сійской политехнической выставки въ Москвѣ:

ТЕХНИЧЕСКАЯ ШКОЛА

РЕМЕСЛЪ, ИСКУСТВЪ И ПРОМЫСЛОВЪ,

ДОСТУПНАЯ ДЛЯ ВСѢХЪ СОСЛОВІЙ.

РУКОВОДСТВО

для промышленныхъ заведеній и ремесленныхъ училищъ въ Россіи.

Въ 4-хъ книгахъ, содержащихъ обработку дерева и металловъ съ ихъ
примѣненіями. Съ 315-ю политипажн. рисунк. въ текстѣ. Сост. обще-

СТВОМЪ МОСКОВСКИХЪ ТЕХНИКОВЪ, ПОДЪ РЕДАКЦ. ИНЖЕНЕРЪ-ТЕХНОЛОГА ГОМАКОВСКАГО. 1873 г. Цѣна 3 р., въ прочномъ коленкоровомъ переплетѣ 4 р. съ пересылкою.

ПОЛНЫЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ

ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ, ВОШЕДШИХЪ ВЪ РУССКІЙ ЯЗЫКЪ, СЪ УКАЗАНІЕМЪ КОРНЕЙ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Сост. Н. Дубровскій. 1871. Цѣна 1 р., въ коленкор. перепл. 1 р. 50 к.

НОВЫЙ САМОУЧИТЕЛЬ

РИСОВАНІЯ, ЧЕРЧЕНІЯ

ПЕРСПЕКТИВЫ.

Легкій способъ въ 30 уроковъ, безъ помощи учителя, научиться правильно рисовать, чертить, тушевать и покрывать. Сост. подъ редакцію Микель Санціо.

1872 г. Цѣна 2 р. Учебныя заведенія, выписывающія десять экземпляровъ, получаютъ оныя за 15 р. съ пересылкою.

Единственное доступное изданіе въ Россіи по громадности труда и тщательности рисунковъ, имѣющее въ себѣ до 50-ти печатн. листовъ:

САМОУЧИТЕЛЬ

СТРОИТЕЛЬНАГО ИСКУСТВА,

СПЕЦІАЛЬНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО ДЛЯ АРХИТЕКТОРОВЪ, ТЕХНИКОВЪ, СТОЛЯРОВЪ, ПЛОТНИКОВЪ, ПЕЧИНИКОВЪ, КАМОНЩИКОВЪ, МЕЛЬНИКОВЪ И ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ.

Въ четырехъ книгахъ, съ 277 полнотипажн. рисунками въ текстѣ и съ приложен. атласа изъ 38 лист. архитектурныхъ, строительныхъ и мельничныхъ рисунковъ. Сост. техникомъ Скрябучинскимъ. Второе изданіе исправ. и дополн. бывш. архитекторъ при императорскомъ ораніенбаумскомъ дворцѣ П. Кашенцовъ. 1872 г. Цѣна съ атласомъ 3 р. 50 к., въ перепл. 4 р. (атласъ отдѣльно не продается).

ПРИЕЛЮЧЕНІЕ КАПИТАНА ЛЕГОВА.

ПУТЕШЕСТВІЕ НА КИТЪ

СРЕДИ БУРНЫХЪ ВОЛНЪ ОКЕАНА.

Соч. Жюля Сандо, профессора и академика. Съ великолѣпн. картинами, исп. художн. Конденымъ. 1873. Ц. 1 р. 25 к., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 50 к.

СТО ТЫСЯЧЪ ВЕРСТЪ КРУГОСВѢТНАГО ПУТЕШЕСТВІЯ

ПОДЪ ВОДОЮ, ЛЬДОМЪ

И СРЕДИ ИСЧЕЗНУВШЕЙ АТЛАНТИДЫ.

Соч. Жюля Верна. Въ 2-хъ частяхъ, 350 стр. убористой печати. 1872. Ц. 1 р. 50 к., въ отличн. англ. воленк. перепл. 2 р.

ПРАКТИЧЕСКІЙ САМОУЧИТЕЛЬ БАЛЬНЫХЪ ТАНЦЕВЪ ДЛЯ ОБОЕГО ПОЛА.

Легкій способъ выучиться въ 7 уроковъ, безъ помощи учителя, всѣмъ балльнымъ танцамъ. Съ 23-мя рисунками въ текстѣ. Третье, исправленное изданіе, съ дополненіемъ характерныхъ танцевъ: русскихъ плясокъ, венгерки, матлота. Соч. Де-Колиньяра. Ц. 1 р.

Изданія для разсказыванія на театральной сценѣ или на семейныхъ вечерахъ:

Сцены изъ народнаго быта. Третье изданіе. Сочиненіе Горбунова. 1873. Въ 2-хъ част., 300 стр., отпеч. на отличн. бум., мелк. шрифт. Цѣна 1 р., въ коленк. пер., тисн. золот., 1 р. 50 к.

Иллюстрированныя юмористическія сцены изъ еврейскаго и нѣмецкаго быта. Соч. Мойше Геймъ и барона Шперлингъ. Въ 2-хъ частяхъ, съ отличными рисунками. 1872. Цѣна 1 р.

Сцены изъ народнаго быта. Соч. акт. Ап. Макс. Красовскаго. Въ 2-хъ частяхъ. 1872. Цѣна каждой части 75 к.

Прошу гг. иногороднихъ чрезъ почту за всѣми вышеозначенными книгами адресоваться въ Москву, въ складъ „Толковаго Словаря“, И. Д. СТУПИНУ (адресъ почтамту извѣстенъ). Требованія будутъ исполнены съ перво-отходящею почтою.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА «ДѢЛО» И У ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ ПРОДАЮТСЯ:

ЕВРОПЕЙСКІЯ МИНЫ И КОНТРЪ-МИНЫ.

Романъ Грегора Самарова, служащій продолженіемъ романа того-же автора „Изъ-за скиптра и коронъ“.

Томъ I. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.

Подписчики «ДѢЛА» получаютъ томъ первый за 1 р. 50 к. съ пересылкой.

ИЗЪ-ЗА СКИПТРА И КОРОНЪ.

Романъ Грегора Самарова, переводъ Е. С.

Въ двухъ томахъ и четырехъ частяхъ.

Цѣна 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 коп.

Подписчики «ДѢЛА» получаютъ за 3 руб. съ пересылкой.

ВЪ ТѢХЪ ЖЕ МѢСТАХЪ ПРОДАЕТСЯ:

ФИЗИОЛОГІЯ РАЗМНОЖЕНІЯ ЧЕЛОВѢКА И ЖИВОТНЫХЪ.

соч. доктора Густава Лебона.

(Происхождение живыхъ существъ. — Бесиліе и бесплодность. — Искусственное оплодотвореніе. — Беременность. — Роды. — Гермафродитизмъ. — Самопроизвольное зарожденіе.)

Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

Подписчики „ДѢЛА“ пользуются уступкою 20%.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(въ С.-Петербургѣ, по Надеждиной ул., д. № 89)

ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

ИЗБРАННЫЯ РѢЧИ ДЖОНА БРАЙТА

ПО ВОПРОСАМЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Съ биграфическими очерками и портретами автора.

Переводъ съ англійскаго подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГИЕНЫ

В. О. ПОРТУГАЛОВА.

Около 40 печатн. листовъ. Цѣна 3 р. с., съ перес. 3 р. 30 к.

Адресоваться въ контору редакціи журнала «Дѣло».

NB. Въ отдѣлѣ «Новыя книги», на стр. 76-й и послѣдующихъ, напечатано: *Лезеби*; слѣдуетъ читать: *Летеби*.

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала *Дѣло* въ 1878 году; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала *Дѣло*; 3) отъ конторы Липецкихъ минеральныхъ водъ; 4) отъ книгопродавца Н. А. Шигина; 5) отъ И. Д. Ступина о новыхъ книгахъ; 6) о романахъ Грегора Самарова: «Изь-за китра и коронъ» и «Европейскія мины и контръ-мины» и 7) о «Физиологій размноженія челоуѣа и животныхъ».

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

ВЪ 1873 ГОДУ

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи (по Надеждинской улицѣ, д. № 39), и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа, на Невскомъ проспектѣ, по Гостинному двору, №№ 18, 19 и 20, и въ Книжномъ Магазинѣ для Иногороднихъ, на Невскомъ, противъ Думы, въ д. № 36.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексеева; а также въ книжномъ магазинѣ М. М. Черенина, на Рождественскѣ, въ д. Торлецкаго.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДЪЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ пересылкою иногородн.	16 >
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	15 > 50 к.

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія—18 р. 50 к. Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества—19 р. 50 к.; Франція и Данія—20 р. 50 к.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и Греція—21 р. 50 к.; Швейцарія 22 р. 50 к.; Италія—23 р. 50 к.

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе какъ за поручительствомъ гг. назначеевъ.

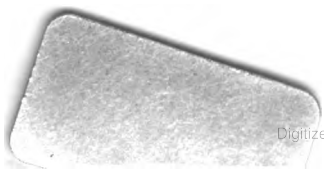
Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

JUL 21 1982

3 2044 079 301 958